

КИРИЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
ЛИТОВСКОГО СТАТУТА
1588 ГОДА

Владимир Мякишев

КИРИЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
ЛИТОВСКОГО СТАТУТА
1588 ГОДА

LEXIS
Kraków 2014

Recenzja wydawnicza
Adam Fałowski

Publikacja finansowana przez Wydział Filologiczny,
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego

© *Copyright by Władimir Miakiszew, 2014*
© *Copyright by Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2014*
© *Copyright by Wydawnictwo LEXIS Sp. z o.o., 2014*
Printed in Poland

ISBN 978-83-89425-90-4

Wydawca
Wydawnictwo LEXIS Sp. z o.o.
lexis@ijp-pan.krakow.pl

Эта книга увидела свет благодаря помощи многих людей, и я хочу выразить им свою признательность. Благодарю сотрудников библиотек, архивов и книгохранилищ, предоставивших мне старопечатные издания Литовского Статута и иные необходимые материалы. Несмотря на занятость, специалисты-библиофилы неизменно оказывали мне должное внимание и охотно делились имеющимися сведениями.

Большое спасибо хочу сказать моим коллегам из разных стран Европы, как и я занимающимся проблематикой Великого княжества Литовского. Их содействие и доброжелательность были чрезвычайно ценны для меня при апробации главных положений этой работы.

Слова признания адресую также издателю – пану Кшиштофу Поросло. В свое время он опубликовал мой первый труд о Статуте и сейчас, проявляя любезность и терпение, сумел сделать книгу такой, как мне хотелось бы.

И, наконец, я не могу не выразить искренней благодарности своей жене – Анне Болек, первому читателю этого текста и его компетентному редактору. Она вдохновляла и всячески поддерживала меня; сносила долгие периоды моего отстраненного „пребывания” в отдаленных временах ВКЛ; делала все возможное, чтобы эта книга стала реальностью.

Надеюсь, что знакомство с материалами монографии доставит читателям хотя бы толику того удовольствия, которое я получал при ее написании.

ВВЕДЕНИЕ

Наибольшему расцвету Великого княжества Литовского в немалой мере способствовал первопечатный свод законов 1588 года – „zbiór praw wyczerpujący i jak na swoje czasy doskonały”¹. Будучи феноменом для своей эпохи, Статут третьей редакции в Европе не имел равных², в чем отдавали себе отчет законодатели из других – особенно соседних – стран: кодекс ВКЛ представлялся для них эталонным³. Так, первый в Московском государстве систематизированный свод законов – „Соборное Уложение” 1649 г. – опирался на Статут как на едва ли не главный источник, служивший кроме того чем-то вроде кодификационного пособия⁴. Не скрывали доброй зависти к достижениям великокняжеского законодательства и сограждане обывателей ВКЛ по Речи Посполитой – поляки. Литовский Статут (далее ЛС) очень долго оставался для Польши недостижимым образцом правовой мысли: даже спустя два века в своем обращении к вальному сейму (1776 г.) по случаю начала работ над кодексом польских законов король Станислав Август, ссылаясь на ЛС как на ориентир в легислативной деятельности, выразил пожелание, „abyśmy na ostatek doszli do tego szczęścia w Koronie, którym się Litwa szczyci”⁵.

¹ P. Dąbkowski, *Prawo prywatne polskie*, t. I, Lwów 1910, s. 6.

² Сошлемся здесь на высказывание известного польского историка В. Мацеевского, одного из первых исследователей кодекса: „Wielkim jak na swój wiek pomnikiem prawodawstwa jest litewski Statut i takim, jakiego ówczesna Europa nie posiadała” (W. Maciejowski, *Historia prawodawstw słowiańskich*, t. I, Warszawa 1856, s. 207).

³ „Wartości III Statutu znalazły wyraz w kilkunastowiecznej praktyce Wielkiego Księstwa, ale też i w jego oddziaływaniu na kraje sąsiednie, dla których stał się wzorem” (J. Bardach, *Statuty Litewskie a prawo rzymskie*, Warszawa 1999, s. 84).

⁴ Заимствованным является сам порядок расположения материала – как внутри глав, так и во всем своде законов. С равнением на Статут сделана почти вся первая часть Уложения (кроме 1-й главы), трактующая вопросы государственного права; сильное влияние литовского образца прослеживается в главах о смертной казни, о суде и нек. др. (см.: М. В. Будановъ, *Отношения между Литовскимъ Статутомъ и Уложениемъ царя Алексѣя Михайловича*, [в:] *Сборникъ государственныхъ знаний*, под ред. В. П. Безобразова, т. IV, Санкт-Петербургъ 1877, с. 3-38).

⁵ См.: H. Schmitt, *Jędrzej Zamoyski i jego projekt do Księgi Ustaw*, „Dziennik Literacki” 1859, nr 5, s. 59.

Статут являл собой не только выдающийся сборник права, но был энциклопедией тогдашней жизни, в нем отразились „грамадскія, палітычныя, эканамічныя і нават паўсядзённые побытавыя адносіны, стан гаспадаркі шляхцічаў і сялян, літоўскія, беларускія, украінскія народныя звычаі і культура”⁶. Как уникальное достояние всех населяющих ВКЛ народов, кодекс 1588 г. имел значение символа государственной самоидентификации, был знаком великокняжеского величия⁷.

И если содержание Статута 1588 г., казалось бы, демонстративно игнорировало барьеры истории (кодекс давал *лихимъ помѣстѣ, а добрымъ заплачу* и в период Ренессанса, и в эпоху Просвещения), то его форма несла на себе отчетливую печать рубежа XVI-XVII вв.⁸ Прежде всего это касается языка свода законов – „русской мовы”, представленной здесь в наиболее отработанном, „классическом” виде. Впереди у этой разновидности письменно-книжного языка ВКЛ недолгая жизнь, представленный в ЛС вариант, может быть, и стал лебединой песней „мовы”. Очень скоро содержание кодекса – неподатливое на влияние времени – сменит языковые обличья, будет выступать в переводах на польский, украинский, русский...

Печать своей эпохи несло также другое проявление „плоти” Статута – сама книга как типографский продукт Мамоничей. Вполне отразив типичное состояние „друкарского” дела той поры, кодекс тем менее обрел репутацию исключительного – как „главное и самое важное издание из всех почти пяти тысяч печатных книг, увидевших свет в Великом княжестве Литовском”⁹.

Помимо своих неоспоримых типографских достоинств ЛС привлекал и продолжает привлекать к себе внимание тем, что скрывает немало загадок и секретов, а предложенные донныне развязки на поверку оказываются не очень убедительными. В центре „книжной” проблематики кодекса стоят вопросы, оговоренные в заглавии настоящей монографии: как печатался Статут 1588 года и каковы особенности его (пере)изданий?

⁶ С. Лазутка, *Літоўскія Статуты (1529, 1566, 1588), іх стваральнікі і эпоха*, „Край: Polonica – Albaruthenica – Lithuanica” 2001, № 1-2, с. 120.

⁷ Отголоски такой трактовки Статута обнаруживаются даже в XIX столетии. Недаром царский генерал Ф. Я. Миркович, назначенный губернатором в Вильно, считал в 1840 г. одной из важнейших своих задач не допустить волнений, которые могут возникнуть из-за „ниспровержения послѣдняго обветшалого знамени Польской (!) отчизны – Литовского Статута” (*Изъ записокъ Ф. Я. Мирковича*, „Русскій архивъ” 1890, № 3, с. 427).

⁸ См.: I. Daniłowicz, *Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu Litewskiego*, „Wizerunki i roztrząsania naukowe”, t. 13, Wilno 1837, s. 112.

⁹ Ю. А. Лабынцев, „Статут Великого княжества Литовского” 1588 года – памятник белорусской старопечатной литературы, „Советское славяноведение” 1988, № 5, с. 80.

Попытка внести посильный вклад в выявление специфики типографской работы Мамоничей была нами предпринята на основе анализа самого показательного и надежного материала – старопечатных экземпляров ЛС, исследованных методом сплошной выверки. Взятая на вооружение методика предполагала не только детальное и многоаспектное изучение „от корки до корки” отдельных – взятых для примера – книг кодекса, но и рассмотрение „сплошь, сподряд, без разбору”¹⁰ в с е х (или, точнее, почти всех) известных сегодня экземпляров Статута. А таковых сохранилось немало, во всяком случае достаточно для того, чтобы обеспечить достоверность результатов исследования.

Осенью 1828 года, когда количество отысканных учеными книг Статута немногим превышало десяток, выдающийся историк права И. Н. Данилович, настаивая на перепечатке кодекса „безъ малѣйшихъ отмѣнъ” современным гражданским шрифтом, писал в донесении министру народного просвещения кн. К. А. Ливену: „Отдаленнѣйшіе потомки [...] будутъ благодѣлять В(ашу) С(ветлость), если этотъ драгоцѣннѣйшій для нихъ законодательный памятникъ будетъ спасенъ отъ гибели съ надлежащимъ стараніемъ и исправностію”¹¹. И хотя речь в данном случае велась о сбережении оригинального текста Статута 1588 г., ученый не скрывал беспокойства за грядущее книг печати Мамоничей – единичных, как ему казалось, неутраченных экземпляров кодекса.

С самого начала XIX-го века – времени появления научного интереса к своду законов ВКЛ – на протяжении нескольких десятилетий считалось, что для подсчета этих книг хватит пальцев двух рук. Представление кодекса в ранге раритета удерживалось и позже, когда число известных экземпляров возросло до 14 (И. Н. Данилович, 1823) и даже до „потолковых” для этого столетия 20 (редакция ЖМНП, 1838)¹². Репутацию исключительности главного издательского продукта Мамоничей поддерживали тогдашние библиографы и антиквары. Так, В. Сопиков, впервые включивший Статут в библиографическое описание, писал о книге: „Очень рѣдка”¹³; ему вторил П. Строев, утверждавший: „Книга весьма рѣдкая”¹⁴; а в антикварном ката-

¹⁰ В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. IV, Москва 1982, с. 292.

¹¹ *Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета Св. Владиміра*, Кіевъ 1884, с. 156.

¹² Впоследствии российские библиографы со ссылкой на то, что „нынѣ многихъ изъ нихъ [экземпляровъ ЛС, упомянутыхъ в ЖМНП – В.М.] на лицо въ этѣхъ мѣстахъ не находится”, ограничивались указанием на существование 13 (И. П. Сахаров, 1849) или 12 книг кодекса (В. М. Ундольский, 1871 и И. П. Каратаев, 1883). Подробнее см. в настоящей монографии в разделе „История изучения «русских» изданий Статута 1588 года”.

¹³ В. Сопиковъ, *Опытъ Россійской Библіографіи*, ч. 1, Санкт-Петербургъ 1813, с. 239-240.

¹⁴ П. Строевъ, *Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описаніямъ бібліотекъ графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царскаго*, Москва 1841, с. 25.

логе П. Шибанова кодекс как „величайшая рѣдкость” оценивался в триста рублей – в три раза дороже, чем Острожская Библия, охарактеризованная здесь „только” как „большая рѣдкость”¹⁵. Подобные представления укоренились у библиофилов настолько, что еще в начале XX в. книготорговец-букинист Н. И. Березин полагал, что „этой рѣдчайшей книги насчитывают не болѣе четырех экземпляров”¹⁶.

Однако наступающее тогда столетие во многом ослабило драматизм представляемой ранее ситуации: старопечатные Статуты Мамоничей оказались не столь податливыми на разрушительную власть времени. Благодаря усилиям многих людей – отнюдь не только специалистов – регулярно отыскивались и описывались неизвестные прежде экземпляры кодекса. Сегодня, когда знаем о существовании 66 таких книг, уже не нужно спасать Статут от гибели. Более того, многочисленные переиздания старопечатного свода законов ВКЛ и особенно размещение его текста в интернете привели, наконец, к тому, что спустя четыре столетия воплотились в жизнь пожелания подканцлера Льва Сапеги, мечтавшего, чтобы Статут **в рѣчкахъ своихъ кожды’ коли похочеть мети мог**¹⁷.

Ныне также нет необходимости спасать кодекс 1588 г. от забвения: вследствие растущего к нему внимания он обретает все болѣшую известность, перестал быть объектом сугубо научных исследований и оказался в поле зрения широких кругов общественности, представляющей целый ряд государств-претендентов на наследие Великого княжества Литовского.

Период своеобразного ренессанса Статута способствовал активизации научной разработки кодекса. Общей направленности проводимых ныне изысканий вполне соответствует данная монография, между тем сбор материалов для нее начался два десятилетия назад, когда проблематика ЛС не была еще такой „модной”.

В публикации найдут освещение разносторонние аспекты, связанные с созданием и функционированием Статута 1588 г.: обрисована история возникновения, утверждения и печати кодекса; сделан обзор его научного изучения; рассмотрены типографские особенности старопечати Мамоничей; дано библиографическое описание каждой из сохранившихся книг кодекса с акцентировкой на выявление сведений из прошлого ее бытования; представлена характеристика каждого из кириллических „рускомовных” изданий – как старопечатных, так и позднейших, воспроизводящих ЛС уже как памятник права.

¹⁵ П. Шибановъ, *Каталогъ русскихъ книгъ, старыхъ и новыхъ, замѣчательныхъ и рѣдкихъ*, Москва 1899, с. 583.

¹⁶ Н. Б[ерезинъ], *Русскія книжныя рѣдкости. Опытъ библиографическаго описанія рѣдкихъ книгъ съ указаніемъ ихъ цѣнности*, ч. 2, Москва 1903, № 290, с. 73.

¹⁷ См.: „Обращение ко всемъ сословіямъ ВКЛ” в Преамбуле старопечатного издания ЛС.

I. ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ, УТВЕРЖДЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ К ПЕЧАТИ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА 1588 ГОДА

I.1. Выработка положений кодекса

История создания первопечатного свода законов ВКЛ своими корнями уходит отнюдь не к решениям Люблинского сейма 1569 г., учредившего своей „мощью” специальную комиссию для „поправы” действующего законодательства. Начало начал кодекса не знаменуют также постановления Гродненского сейма, выступившего с подобной инициативой годом раньше. Как известно, текст Статута 1588 г. формировался путем накопления, переработки и восполнения предыдущих редакций кодекса: Третий ЛС существенную часть своего содержания принял от рукописного Второго, а Вторым в значительной мере базировался на Первом, тоже рукописном. При такой интерпретации составление кодекса 1588 г. представляется процессом, растянувшимся на десятилетия, а его истоки следует искать в работе кодификаторов начала XVI в.

Еще в 1501 г. великий князь литовский Александр, давая привилегию волынской земле, пообещал, что она будет иметь силу „до тыхъ часовъ, покій права Статуты въсей земли отчизнѣ нашой великому князству Литовскому вставимъ”¹. Поскольку с разработкой кодекса никто не спешил, в 1514 г. с просьбой к властям обратились делегаты Гродненского сейма, „чтобы государь далъ имъ писанья права и законы”². Ходатайство о даровании Статута было повторено гродненцами спустя восемь лет, и только после этого реакция короля оказалась предметной. Возможно, свою роль сыграл недавний по времени прецедент: по настоянию Петrkовского польского сейма 1519 г. Сигизмунд I назначил комиссию по редактированию коронных законов³. Литовская „справа” сразу же набрала обороты: уже на Виленском сей-

¹ *Акты, относящиеся къ исторіи Южной и Западной Россіи*, т. I, Санкт-Петербургъ 1863, № 36, с. 28.

² М. К. Любавскій, *Литовско-русскій сеймъ*, Москва 1900, с. 199.

³ Там же, с. 227.

ме, проходившем в конце 1522 г., был представлен проект Статута, который подвергся обсуждению, поправкам и дополнениям, а предварительная редакция текста одобрена общим голосованием⁴. Утверждения окончательной версии, принятой Виленским сеймом 1528-1529 гг., пришлось ждать целых семь лет – столько времени заняла доработка положений кодекса. 29 сентября 1529 года король подписал „Окружную грамоту о введеніи новаго Статута въ силу дѣйствующихъ законовъ въ Литвѣ”, в которой „рачить оповѣдити ... всимъ подданымъ его милости князьства Великого Литовского, ижъ вже отъ того дня святого Михайла маеть его милость тыми новыми правы судити”⁵.

Спорным остается вопрос авторства Статута 1529 г. (в оригинале он назывался „Права писаные”, название „Статут” утвердилось позже – под влиянием двух следующих редакций). Т. Чацкий главные заслуги в подготовке кодекса приписывал тогдашнему канцлеру ВКЛ Альбрехту Гаштольд (1487[?]-1539)⁶. Позднейшие исследователи были, может быть, не столь категоричны, но все же признавали большой вклад Гаштольда в руководство работами по составлению ЛС, а также его редактированию⁷. Считается, что именно по инициативе канцлера в текст документа было внесено очень важное, как еще будет подчеркнуто, положение, согласно которому иностранцам запрещалось получать в ВКЛ должности и покупать недвижимую собственность⁸. Вместе с тем в новых публикациях литовских ученых не без оснований утверждается, что лавры организатора кодификационных работ и редактора ЛС-1 А. Гаштольд обязан разделить со своим предшественником на посту канцлера – Николаем Радзивиллом (ок. 1470-1521), под руководством которого создавалась самая ранняя редакция свода законов, обозначенная выше как проект⁹.

⁴ См.: *Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи*, т. I, Москва 1897, с. 516. Что это был за проект – до сих пор неясно. Согласно данным И. Даниловича, кодекс был выработан „ze Statutów dawnych i Konstytucy” (т. е. сеймовых постановлений) (I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego rękopiśmiennych i edycyju drukowanych, tak w ruskim oryginalnym, jako też w polskim i łacińskim języku*, „Dziennik Wileński” 1823, т. II, s. 380-381).

⁵ *Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи*, т. II, Санкт-Петербург 1848, № 165, с. 211.

⁶ *Dziela Tadeusza Czackiego*, т. III, Poznań 1845, s. 555.

⁷ См.: *Первый Литовский Статут: палеографический и текстологический анализ списков*, ч. I, Вильнюс 1983, с. 11-12, 128; Я. Ю х о, *Статут Вялікага княства Літоўскага 1529*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 2, Мінск 2006, с. 630.

⁸ А. М. Нарбут, *Гаштольды*, [в:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі* у 6 т., рэд. Б. І. Сачанка і інш., т. 2, Мінск 1994, с. 500.

⁹ „Руководили же кодификацией [первичной редакции ЛС-1 – В.М.] М. М. Радвила как канцлер и его брат Ян, опытейший правовед своего времени, земский маршалок, председа-

Правовая составляющая кодекса была подготовлена специалистами: канцлер привлек к работе двух ученых мужей – докторов обоих прав, вильенских каноников Георгия Талиата и Вацлава Чырке. Первый был апостольским нотариусом – юристом, который занимался церковными делами, второй – выпускник одного из итальянских университетов – являлся поверенным гнезненского архиепископа Яна Лаского и заседал в духовном суде¹⁰. По словам Ю. Бардаха, свои научные знания из области канонического и римского права они „łączyli ze znajomością realiów ustroju i prawa Wielkiego Księstwa”¹¹. Можно полагать, что свой посильный вклад в формирование положений Статута внесли литовские „станы” – депутаты сеймов, занимавшиеся обсуждением кодекса. В результате совместных усилий составителей ЛС родился текст, о котором позже будет сказано: „Ни один судебник в Европе того времени не смог сравниться с Литовским Статутом по своему объему, завершенности разработки правовых норм, универсальности сферы правового регулирования и демократичности”¹². Первый свод законов Литвы включал в себя нормы всех отраслей права того времени, причем представлял их в стройной системе.

„Права писаные” 1529 г. не были напечатаны – видимо из-за того, что в Вильно после завершения „друкарской” деятельности Франциска Скорины не функционировала тогда ни одна типография. Статут ходил в многочисленных списках. До настоящего времени сохранилось всего лишь семь из них: четыре на „русской мове” (Фирлейский, Замоиских, Дзялыньских и Слуцкий списки), два на латыни (Лаврентьевский и Пулавский) и один на польском языке (Ольшевский, еще два польскоязычных списка – Свидзиньский и Остробрамский – сгорели в 1944 г. вместе с фондами Библиотеки Красиных в Варшаве)¹³.

Литовский Статут первой редакции не был вполне благоприятен для боярства и земянства ВКЛ, которые к тому времени из класса военнообязанных землевладельцев уже превращались в привилегированное сословие, в „народ-шляхту”¹⁴. Необходимость законодательной поддержки для утвер-

тель многих маршалковских и комиссарских судов”; „В латинском тексте Первого Статута А. Гоштаутас пером Деодата Септенния утвердил исключительно свое авторство, увековечил и прославил в истории в качестве кодификатора ЛС только себя, ничего не оставив Радвилам” (С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс, *Первый Литовский Статут [1529 г.]*, Вильнюс 2004, с. 56-57, 61).

¹⁰ См.: J. Ochmański, *Biskupstwo wileńskie w średniowieczu*, Poznań 1972, s. 41-43; Э. Гудавичюс, *История Литвы*, т. I: с древнейших времен до 1569 года, Москва 2005, с. 476-477.

¹¹ J. Bardach, *Statuty Litewskie a prawo rzymskie*, s. 15-16.

¹² S. Lazutka, *Lietuvos Statutai, jų kūrėjai ir epocha*, Kaunas 1994, s. 23.

¹³ См.: *Первый Литовский Статут*, т. I, с. 13.

¹⁴ И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 1, Kaunas 1934, с. 1-2.

ждающегося тогда государства шляхетского „народа” наряду с изменениями в социально-политической жизни ВКЛ (особенно вследствие аграрной реформы 1557 г.) потребовали дальнейшего усовершенствования права.

Нужда в исправлении ЛС-1 осознается литовской шляхтой уже в середине сороковых годов XVI столетия. На Брестском сейме 1544 г. „станы” ВКЛ обратились к Сигизмунду I с просьбой ввести в кодекс новые артикулы и земские привилегии „вольностей”, а поскольку рукописи законов не свободны от описок и ошибок, ходатайствовали также о том, чтобы исправленный Статут был „имъпрымованъ”, т. е. напечатан¹⁵. Великий князь в своем ответе не только признал необходимость „поправенья статуту и прычыненья многихъ артыкуловъ”, но и изложил программу сопутствующих тому действий: „его милость и самъ то розуме, ижъ въ томъ слушное речы жадаете, и того есть потреба, абы для лепшой справедливости оный статутъ быть поправень, – видело ся его милости то, абы есте, яко з Латиньского, такъ и Греческого закону, десять особъ, людей добрыхъ, поважныхъ, обрали, которыи мають тыи артыкулы водлугъ потребы и водлугъ Бога и речы справедливое поправити, а иньшыи прычинити и на першомъ сойме передъ паны радами ихъ милостью и всими княжаты, паняты и всего рыцерства ихъ оказать, где потомъ черезъ посполитый съемъ, на што вся земля зволить, мають оныи артыкулы быть уфалены и прыняты зъ его милости господарьскимъ дозволениемъ”¹⁶.

Реализация этого плана в конце концов привела к созданию новой редакции Статута, но произошло это уже при Сигизмунде Августе. Комиссия для исправления кодекса не была создана еще в течение нескольких лет. На Виленском вальном сейме ВКЛ, который открылся в октябре 1551 г., „станы” вновь просили, „абы Статутъ права посполитого земьского быть поправлень а выдрукованъ”¹⁷. На сей раз за стандартными ответными обещаниями великого князя последовали дела. И хотя созданная для „поправы” кодекса комиссия не представила сейму 1554 г. вполне готовый проект обновленного свода законов¹⁸ (так было предписано при ее учреждении), работа сдвинулась с мертвой точки. Правда, Сигизмунду II еще придется за-

¹⁵ См.: там же, с. 4.

¹⁶ 1544. *Отвѣты великаго князя Сигизмунда на просьбы княжатъ, паняты и всего рыцарства Великаго княжества Литовскаго, представленныя ему на Берестейскомъ сеймѣ*, [в:] *Литовская Метрика*, отд. первый-второй, часть 3: *Книги Публичныхъ Дѣлъ*, т. I, „Русская Историческая Библиотека”, т. XXX, Юрьев 1914, ст. 120-121 (арт. 13).

¹⁷ 1551, ноября 20. *Отвѣты Великаго князя Сигизмунда Августа на просьбы всей шляхты Великаго княжества Литовскаго, представленныя ему на Виленскомъ сеймѣ*, [в:] *Литовская Метрика*, ст. 183 (арт. 1).

¹⁸ На сейме 1554 г. Сигизмунд Август вынужден был констатировать: „Статутъ до конца ещче не справень” (1554, ноября 11. *Отвѣты Великаго князя Сигизмунда Августа и постановленія на Виленскомъ сеймѣ*, [в:] *Литовская Метрика*, ст. 225 [арт. 1]).

являть в 1559 г. об очередной отсрочке: „все тые речи до того сойму пришлого ... откладати рачыть его кролевская милость”¹⁹, в 1561 г. проект Статута, наконец, направляется „станам” для предварительного обсуждения²⁰.

Новый кодекс был утвержден на Бельском сейме 1564 г., его законы должны были вступить в действие со дня св. Мартина, т. е. с 11 ноября, однако вскоре было объявлено, что часть статей ЛС-2 нуждается в доработке. Окончательно новая редакция кодекса, называемого „вторым” или же „волынским”²¹, возымела законную силу 1 марта 1566 г. Таким образом, ВКЛ получило свод законов, „который обезпечить ему болѣ совершенную государственную организацию и гарантирует самостоятельную государственность накануне решенія вопроса объ унії съ Польшею”²².

Поскольку непосредственное руководство работой Комиссии по составлению ЛС-2 осуществляла канцелярия ВКЛ, список людей, причастных к модификации кодекса, обычно открывают тогдашней канцлер Николай Радзивилл Черный (1515-1565) и дворный маршалок, а позже подканцлер Остафий Волович (1520-1587). Однако главную роль, конечно же, сыграли ученые члены Комиссии, а прежде всего „докторы правъ чужоземскихъ” – Августин Ротундус (1520-1582) и Петр Раизий (ок. 1505-1571).

В польских источниках утвердилось мнение, что настоящая фамилия первого была „Mieleski”, а Ротундус – это ее латинский перевод (польск. *mleć, kręcić* = лат. *rotare*, *Mieleski* = *Rotundus*)²³. Получивший прекрасное образование в Виттенберге и Падуе, Августин Ротундус сначала служил в коронной канцелярии – писарем, а потом в должности королевского секретаря. В 1551 г. переехал в Вильно, где начал работу в канцелярии ВКЛ, через год стал виленским войтом. Это был не только блестящий правовед и человек большой науки, но и общественный деятель, знаток латыни (автор перевода ЛС-2 на латинский язык), писатель и поэт²⁴.

¹⁹ 1559. *Отвѣты великаго князя Сигизмунда Августа на просьбы и заявленія княжатъ, панятъ и всей шляхты Великаго княжества Литовскаго, представленныхъ ему на Виленскомъ сеймѣ*, [в:] *Литовская Метрика*, ст. 270 (арт. 1).

²⁰ См.: Я. А. Юхо, *Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года – адзін з самых дасканалых у Еўропе тагачасны звод законаў*, [в:] *Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года*, Мінск 2003, с. 14.

²¹ На Волыни и других „русских” землях, отторженных от ВКЛ при заключении Люблинской унии, этот кодекс действовал вплоть до XVIII в., в то время как в Литовском государстве с 1589 г. „судились” уже по Статуту третьей редакции.

²² И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 38.

²³ J. Jakubowski, *Nowe przyczynki do życiorysu Augustyna Rotunda*, „Litwa i Ruś” 1912, t. 3, zes. 1, s. 41; M. Baryczowa, *Augustyn Rotundus Mieleski – pierwszy historyk i apologeta Litwy*, [w:] *Z dziejów polskiej kultury umysłowej w XVI i XVII w.*, Ossolineum 1976, s. 82.

²⁴ См.: В. Пазднякоў, *Ратундус*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 2, Мінск 2006, с. 510.

Петр Раизий (Pedro Roiz de Moros) – „гішпан з Арагона” – учился в университетах Лериды, Болоньи, Падуи и Рима. Как известный специалист был приглашен для преподавания права в Ягеллонский университет. В 1552 г. переехал в Вильно, в 1563 г. основал здесь первую в Литве школу права. С 1551 г. заседал в Задворном ассесорском суде – одном из высших в ВКЛ. Этот ученый-теоретик, автор нескольких научных трудов из области юриспруденции, будучи к тому же особой духовного сана, в 60-е годы был возведен в достоинства апостольского протонотариуса и папского дворянина, являлся архипресвитером виленского костела св. Яна²⁵.

Участие в работе Комиссии таких высокопрофессиональных особ, как А. Ротундус и П. Раизий, возымело ожидаемый эффект: по словам И. И. Лаппо, „сравнение Второго Литовского Статута съ Первымъ совершенно отчетливо обнаруживает стройность мысли и системы, которую внесли въ Литовскій кодекс 1566 года его составители”²⁶.

Так как постановление о печатном издании ЛС-2 не дождалось исполнения, текст кодекса функционировал в виде рукописных копий. На сегодняшний день таковых сохранилось несколько десятков: согласно данным В. Рауделиюнаса, 58 (из них 13 „рускомовных”, 40 на польском языке и 5 на латыни)²⁷, по подсчетам А. Паядайте-Василяускене, около сорока²⁸.

Динамично развивающиеся после 1566 г. события заставляли „станы” ВКЛ постоянно заботиться об актуализации литовских законов согласно с готовящимися или происходящими изменениями, и потому вопрос исправления новоутвержденного кодекса почти не снимался с повестки дня.

„Поправы” Литовского Статута второй редакции, одновременно служившие выработке положений ЛС-3, производились не только в 70-80-е гг. XVI в. – как ожидаемая реакция на связанные с Люблинской унией трансформации, но и во второй половине 60-х годов. Не минуло месяца после утверждения свода законов 1566 г., как Сигизмундом Августом был подписан великокняжеский *Универсал*, созывающий вальный сейм в Бресте „для тыхъ потребъ речи посполитое около унеи и поправы статуту, на теперешнемъ сойме выданого”²⁹. Несмотря на то, что Брестский сейм 1566 г. об-

²⁵ См.: В. Пазднякоў, *Раізіі, [в:] Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 2, с. 505-506; Г. Дзёрбіна, *Статуты Вялікага княства Літоўскага як праява прававой культуры Рэнесансу*, [в:] *Нацыянальныя пытанні: матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў „Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый”*, рэдкал. Э. Дубянецкі і інш., Мінск 2001, с. 129.

²⁶ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 152.

²⁷ См.: V. Raudeliūnas, *Antrojo (1566) Lietuvos Statuto nuorašai*, [w:] *Teisinių institutų raida Lietuvoje XIV-XIX a.*, Vilnius 1981, s. 6-30.

²⁸ См.: А. Паядайте-Васіляускене, *Кириличні списки другого Литовського Статуту: палеографія, хронологія, кодикологія*, Львів 2004, с. 98.

²⁹ 1566, 22 марта. *Универсаль о зложенью сейму у Берестю*, [в:] *Литовская Метрика*, ст. 839.

суждал дела чрезвычайной важности – войны с Московией и переговоров с Польшей об Унии, депутаты нашли время на исправление нескольких артикулов кодекса ВКЛ³⁰. Спустя два года самым серьезным образом поправками ЛС вознамерился заняться Гродненский сейм, который не только внес очередные изменения в отдельные статьи кодекса, но и созвал Комиссию для доработки всего правового текста³¹. Эффектов ее деятельности „станам” дожидаться не пришлось, так как вскоре грянула Уния.

Люблинский сейм 1569 г., объявляя о создании Речи Посполитой обоих народов, сначала декларировал очень тесное сближение систем права Польши и Великого княжества. Очередная Комиссия, которая была утверждена для исправления Статута, получила предписание согласовывать в своей работе литовские законы с польскими: „przy którey poprawie ci to Deputaci statut Polski [Statut Łaskiego] mają przed sobą wziąć, a co naybliżey z nim prawa Litewskie zgadzać, aby iuż we wszystkich Państwach naszych, iako w iedney Rzptej, iednaka a nieodwłoczna sprawiedliwość ludziom iść mogła, a tę poprawę oni do Nas na Seym Walny blisko przyszły będą winni odnieść”³².

Скоро, однако, под натиском „станов” ВКЛ и „русских” земель Речи Посполитой польские власти отказались от концепции полной унификации права³³ и предоставили литовской стороне значительную независимость, но при этом твердо стояли на непременном согласовании законодательства Литвы с основными положениями Люблинской унии.

Новая „Статутовая Комиссия”³⁴ не спешила вносить коррективы в ЛС-2, вопрос о его исправлении вновь был поставлен лишь при Стефане Батории. На Варшавском сейме 1578 г., спустя почти десятилетие после заключения Унии, принимается, наконец, ряд статей „поправы” литовского кодекса. Однако введенные изменения являлись второстепенными, они касались судопроизводства и не затрагивали тех артикулов, которые расходились с унийными постулатами³⁵. Аналогичный характер имели небольшие моди-

³⁰ См.: И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 161-176.

³¹ В ее состав вошли радные паны (виленский бискуп Валериян, брестский воевода Юрий Тишкович и каштеляны: жмудский – Мальхер Шемёт и брестский – Ян Гайка) и „зъ становъ шляхетскихъ и поселскихъ тежъ обрали на то певныхъ особъ” (там же, с. 186).

³² *Konstytucje Seymu Koronnego Lubelskiego, oboyna Narodu uniowanego, Polskiego y Litewskiego*, 1569, [w:] *Volumina legum*, t. II, Petersburg 1859, s. 101.

³³ См.: J. Bardach, *Zatwierdzenie III Statutu litewskiego przez Zygmunta Wazę*, „Czasopismo Prawno-Historyczne”, t. 30 (1978), zes. 2, s. 39.

³⁴ В ее составе сенаторский „стан” представляли упоминаемые уже „паны-рады” Валериян Протасович и Мальхер Шемёт, а при них господарский секретарь, доктор „обоого права” Августин Ротундус. От „стана” шляхетского в Комиссии должны были заседать избранные деятели воеводств ВКЛ, значившихся в составе государства (см.: *Volumina legum*, t. II, s. 100).

³⁵ См.: С. Лазутка, *Лев Сапега и Третий Литовский Статут*, [в:] *Леў Сапега (1557-1633 гг.) і яго час*, Гродна 2007, s. 80.

фикации, принятые на заседаниях очередных сеймов. „Статутовая комиссия”, сыгравшая свою роль в работе над проектом ЛС-3, к тому времени уже не существовала: из жизни ушли все наиболее авторитетные ее члены³⁶, между тем какие-либо упоминания об утверждении новых „законодавцев” на смену выбывших отсутствуют.

По мнению И. И. Лаппо, в создавшихся условиях действия по доработке Второго и кодификации Третьего Статутов сосредоточились в руках депутатов поветовых сеймиков и государственных съездов ВКЛ³⁷. Такой порядок, в частности, закреплял Стефан Баторий в своем письме „станом” ВКЛ: „если бы тежъ того была потреба, жебы и што артикуловъ въ томъ порадку справедливости поправило, тогды то имъ [литовским сословиям – В.М.] волно будетъ на соймикахъ пришлохъ учинити, а мы то имъ съ тою поправою выдать обещуемъ подь словомъ нашимъ королевскимъ”³⁸.

Результаты проведенной работы, где бы она не осуществлялась – в Комиссии, сеймиках или съездах – нужно было отредактировать и свести в единый свод законов. Решение этих задач брала на себя государственная канцелярия ВКЛ, а главную роль в формировании системного правового текста играли канцлеры и подканцлеры. В 1569-1588 гг., когда создавался и утверждался Литовский Статут третьей редакции, таковых было несколько.

До 1579 г. „уряд” канцлера ВКЛ занимал Николай Радзивилл Рыжий (1512-1584), человек, получивший образование за границей, много лет проводивший при дворах европейских монархов. Будучи сторонником сохранения самостоятельности Литовского государства, „онъ долженъ былъ дѣлать со своей стороны все, чтобы Третій Литовскій Статутъ сохранилъ цѣликомъ то, что старался измѣнить въ интересахъ Польши сеймъ Уніи 1569 года”³⁹. После того, как Николай Радзивилл сложил с себя канцлерство⁴⁰, этот „уряд” получил Остафий Волович (1520-1587), прежде – уже с 1566 г. – занимавший должность подканцлера. Выпускник одного из университетов Германии, О. Волович начал работать в Канцелярии ВКЛ еще в середине

³⁶ Шемёт умер в 1570 г.; Протасович – десятью годами позже, но уже с 1575 г. „за престарелостью” он не ведал делами виленского бискупства и вряд ли мог руководить работой Комиссии. А. Ротундуса не стало в 1582 г., большие потери были и в рядах представителей шляхетских „станов” (см.: И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 399).

³⁷ Там же, с. 402. Такое обсуждение артикулов кодекса на местах представляется И. И. Лаппо весьма значимым, не случайно ученый заявляет: „Третій Литовскій Статутъ былъ созданиємъ «народа»-шляхты Великаго Княжества Литовскаго” (там же, с. 421).

³⁸ Цит. по: И. И. Лаппо, *Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія. Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймики*, Юрьевъ 1911, *Приложенія*, с. 133.

³⁹ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 448.

⁴⁰ Полагают, что это было сделано в знак протеста против учреждения в Вильно иезуитской Академии: канцлер ВКЛ отказал королю в приложении большой печати Княжества на соответствующей привилегии.

века, прошел по всем ступеням служебной лестницы и не покинул этого учреждения до самой смерти. Высокое положение и громадный опыт государственной деятельности не мешали канцлеру оставаться гуманистом и просветителем, человеком больших достоинств, приверженцем веротерпимости и свободомыслия⁴¹. После перехода О. Воловича на канцлерский „уряд” подканцлером был назначен Криштоф Радзивилл по произвищу „Пёрун” (1547-1603), сын Николая Радзивилла Рыжего. В своем отношении к Унии „Пёрун”, снискавший известность скорее на полях битвы, не расходился с отцом и Остафием Воловичем. В 1584 г. Криштоф Радзивилл покинул Канцелярию, так как был назначен на должность виленского воеводы. Его преемником – новым подканцлером ВКЛ – стал Лев Иванович Сапега [см. репр. 1].

Сегодня с именем и делами этого государственного мужа понятие „Литовский Статут третьей редакции” связано прямо и непосредственно, а сам кодекс представляется чуть ли не детищем подканцлера.

Служебная карьера Льва Ивановича может быть признана блестящей, чему он, представитель славного рода, был в главной мере обязан своим личным дарованиям и трудоспособности. Уже в возрасте 13 лет Л. Сапега был записан в число студентов Лейпцигского университета, по возвращении из-за границы служил писарем в гродской Оршанской канцелярии, а потом при дворе Стефана Батория в качестве „дворянина”. В 1580 году король назначает его одним из своих секретарей, а годом позже Лев Сапега становится Литовским „господарским” писарем. Пребывая в ближайшем окружении Батория, участвовал в ряде военных кампаний и дипломатических миссий⁴², в 1584 г. возглавлял посольство

Репр. 1: Лев Сапега (1557-1633) – государственный и военный деятель ВКЛ, мыслитель и дипломат.

С 1589 г. канцлер, с 1623 г. – воевода виленский, с 1625 г. – литовский великий гетман.

⁴¹ См.: І. Саверчанка, *Астафей Валовіч (гісторыка-біяграфічны нарыс)*, Мінск 1992.

⁴² Говоря о заслугах Л. Сапеги как дипломата, польский исследователь А. Чволэк подчеркивает, что этот государственный деятель „należał do najściślejszego grona polityków królewskich, którzy kształtowali politykę wschodnią Rzeczypospolitej”. На протяжении нескольких десятилетий в ВКЛ „nikt nie miał takiej wiedzy i doświadczenia, jak on w sprawach moskiewskich. W czasach Zygmunta III uczestniczył w większości audiencji posłów moskiewskich na dworze królewskim” (А. Чвоўлек, *Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III*, [в:] *Lejw Sapieha (1557-1633 гг.) i яго час*, Гродна 2007, s. 124-125, 135).

в Москву⁴³, а годом позже – в неполные 28 лет – получил младший печатный „уряд” ВКЛ – подканцлера, „вошелъ черезъ это назначеніе въ составъ пановъ-рады государства Литвы и всталъ рядомъ съ канцлеромъ Евстафіемъ Воловичемъ во главѣ Литовской канцеляріи”⁴⁴. Первым лицом этого важнейшего государственного органа Лев Сапега сделался в 1589 г. – уже при Сигизмунде III – и занимал должность канцлера около 35 (!) лет, совмещая ее с 1621 г. с „урядом” виленского воеводы. Начав службу с самых нижних ступенек в государственной иерархии, Лев Сапега в возрасте 70 лет достиг в 1625 г. наивысшего поста – великого гетмана ВКЛ⁴⁵ и в этой должности еще успел предстать перед новым польским королем Владиславом Вазой⁴⁶.

Прожив долгую и насыщенную событиями жизнь, Лев Сапега заслужил не только добрую память, но и глубокую благодарность потомков: дела этого „государственного деятеля, дипломата, человека исключительного интеллекта, одинаково грамотно писавшего на четырех языках, оказались бессмертными”⁴⁷.

Одним из ярчайших проявлений такой не меркнувшей со временем деятельности стали работы (под)канцлера, связанные с созданием, утверждением и „укоренением” Литовского Статута 1588 г.

В конце XVIII века ксендзом-историком К. Когновицким было высказано мнение, представляющее кодекс ВКЛ третьей редакции „делом Льва Сапегі”⁴⁸. Впоследствии главную роль подканцлера в составлении ЛС-3

⁴³ Интересно, что на протяжении всей своей дипломатической деятельности Л. Сапега, выше всего ставивший защиту интересов ВКЛ, выступал за унию с Московским государством (см.: A. Czwółek, *Lew Sapieha, dyplomata...*, s. 124). Его позиция в этом отношении определяется в письме к Криштофу Радзивиллу (весна 1586 г.): „wielkie to okazyje podają się i do sławy nieśmiertelnej i do nabycia siły i potężności, bo by Pan Bóg tak chciał dać, aby się Moskwa z nami złączyła, zaprawdę wielkie by to siły przybyły zwłaszcza nam Litwie. Nie jeno obcy, ale i bracia naszymi panowie Polacy lepiej by nas poważać musieli” (цит. по: H. Lulewicz, *Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569-1588*, Warszawa 2002, s. 377).

⁴⁴ И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 461.

⁴⁵ Данные из биографии Льва Сапегі приводятся по: H. Lulewicz, *Lew (Sapieha)*, [w:] *Dom Sapieżyński*, опр. E. Sapieha, Warszawa 1995, s. 176-215; И. И. Лаппо, указ. соч., с. 455-461.

⁴⁶ Когда летом 1633 г. молодой правитель прибыл в Вильно, навстречу ему выехал Лев Сапега. Как вспоминал тогдашний канцлер ВКЛ Альберт Радзивилл: „O miły król witany był od Sapiehy, w-dy wileńskiego i hetmana W. Ks. Lit. w assistencyi licznej szlachty. Rzecz była podziwienią godna, widzieć staruszka ośmdziesięcioletniego na koniu z hetmańską buławą, przed królem uwijającego się” (*Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła Kanclerza W. Litewskiego*, wyd. z rękopismu przez E. Raczyńskiego, t. I, Poznań 1839, s. 162).

⁴⁷ С. Лазутка, *Лев Сапега и Третий Литовский Статут*, s. 79.

⁴⁸ И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 463.

подчеркивали И. Ярошевич⁴⁹, Ст. Пташицкий⁵⁰, М. Шкелёнак⁵¹. Большой вклад Л. Сапеги в становление литовского кодекса признавал также выдающийся знаток права ВКЛ И. Данилович, но речь уже не шла о приписывании подканцлеру авторства свода законов: Сапега „быть только главным блюстителем надъ производствомъ труда, написалъ предисловія и подносилъ Статутъ королю на утверждение”⁵². Подобной оценки, – может быть, с опорой на более развернутый перечень заслуг подканцлера, – придерживается большинство современных исследователей. Ведущая роль Л. Сапеги в окончательной разработке и редактировании текста ЛС-3, утверждении, печатании и распространении кодекса отмечается в публикациях С. А. Лазутки⁵³, А. Закшевского⁵⁴, Г. Дзербина⁵⁵.

Сам Лев Иванович о своей лепте говорил скромнее: чтобы статѹть новыѹ, а на многихъ мѣстцахъ ѿ людѹ мѣдрыхъ а въ правахъ бѣглыхъ, з народѹ нашего на то вбранныхъ поправленыѹ каждый обыватель могъ мети, ... пожнѹтъ речы посполитое слѹжечы, важыломъ се того, тѣю працѹ на себе подымати, а коштѹ и накладѹ своего не жалѹючи⁵⁶. В этой самооценке подканцлер не пожелал приписывать себе заслуг, выдвигаемых ныне некоторыми учеными едва ли не на первый план: „особенно велика роль Льва Сапеги в принятии, точнее, в учреждении [разрядка наша – В.М.] новым монархом Сигизмундом Вазой Третьего Статута”⁵⁷.

С учетом ряда непреодолимых, казалось бы, препятствий, многолетняя работа по составлению новой редакции свода законов ВКЛ была обречена на дальнейшие весьма кардинальные и невыгодные для Литвы коррективы. Без их ввода перспектива утверждения кодекса и таким образом придания ему законодательной силы выглядела весьма туманной.

⁴⁹ См.: J. Jaroszewicz, *Obraz Litwy*, cz. II, Wilno 1844, s. 144-145.

⁵⁰ См.: S. Ptaszycki, *Nieco o Trzecim Statucie Litewskim i normach prawnych po nim na Litwie*, [w:] *Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera*, т. II, Lwów 1925, s. 299.

⁵¹ „... толькѣ тады, як справа гэта была даручана Льву Сапезе, – праз два гады, пайменна ў 1588 г., статут быў гатовы. Леў Сапега вельмі добра справіўся з сваім заданьнем і ня толькі апрацаваў Статут, але і выдаў яго” (М. Шкелёнак, *У трохсотныя ўгодкі сьмерці вялікага канцлера Льва Сапегі*, Вільня 1933, с. 9).

⁵² И. Даниловичъ, *Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты*, „Юридическія записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ”, т. I, Москва 1841, с. 29.

⁵³ См.: С. Лазутка, *Лев Сапега и Третий Литовский Статут*, с. 81.

⁵⁴ См.: A. B. Zakrzewski, *Lew Sapieha a kodyfikacja prawa litewskiego*, [w:] *Leў Sapieha (1557-1633 гг.) і яго час*, Гродна 2007, s. 77.

⁵⁵ См.: Г. Дзэрбіна, *Статуты Вялікага княства Літоўскага...*, с. 135.

⁵⁶ Слова Сапеги воспроизводятся по Преамбуле первопечатного Статута: см. Обращения подканцлера к Сигизмунду III по случаю утверждения кодекса и ко всем сословиям ВКЛ.

⁵⁷ С. Лазутка, *Лев Сапега и Третий Литовский Статут*, с. 81-82.

I.2. Утверждение Литовского Статута 1588 г.

Раскрытие особенностей сложившейся тогда ситуации не может обойтись без рассмотрения отношений, которые установились ближе к концу XVI века между Литвой и Коронай.

I.2.1. Союзные договоры Великого княжества Литовского и Королевства Польского

Первая польско-литовская уния, заключенная в 1385 г. и известная как Кревская, представляла собой соглашение о династическом союзе, направленном главным образом на совместную борьбу с Тевтоновским орденом, тогда как государственные, законодательные и судебные системы, войско и казна Королевства и ВКЛ оставались раздельными. Условия Кревской унии в 1401 г. получили развитие и уточнение в положениях Виленско-Радомской унии, определившей самостоятельность Литвы не только как территориального, но и государственного (хотя и подчиненного Польше) образования. Подписанная десятилетием позже Городельская уния (1413), с одной стороны, была нацелена на дальнейшую инкорпорацию Литвы, т. е. слияние ее с Польшей⁵⁸ (в ВКЛ вводилось одинаковое с Коронай административное деление, права польской шляхты распространялись на католическое дворянство Великого княжества), но, с другой стороны, гарантировала сохранение обособленности и неизменности власти великого князя литовского, а это был гарант удержания самостоятельности всего государства⁵⁹. Гродненская уния (1432) была заключена на условиях, фактически идентичных условиям Виленско-Радомской, а Краковско-Виленская (1499) базировалась на положениях Городельской. Существенные изменения в отношении двух союзных государств вносила Мельницкая уния (1501), предусматривавшая объединение Королевства Польского и Великого княжества Литовского в единое целое, находящееся под управлением короля. Эта про-

⁵⁸ Любопытно сравнить формулировки в актах Кревской и Городельской уний: в замке Крево великий князь литовский Ягелло берет обязательства „ziemie swoje litewskie i ruskie na wieczne czasy do korony królestwa polskiego przyłączyć”; в Городло же его обещания выражаются менее дипломатично: „ziemie litewskie [...] zgodnie z wolą, zezwoleniem i zgodą baronów, panów, bojarów ponownie wcielamy, [...] przywłaszczamy, [...] sprzymierzamy i na wieki jednoczymy ze wspomnianym Królestwem Polskim” [разрядка моя – В.М.]

⁵⁹ О значении Городельской унии как предвестницы Унии Люблинской известный польский историк права Освальд Бальцер сказал: „W czym zaś tkwi jej znaczenie dziejowe, oświecili najlepiej pytanie: jak byłby się ułożył stosunek Litwy do Polski, gdyby ta unia nie była wcale doszła do skutku? Nie mogło bez Horodła ostać się Krewo – nie był by też bez Horodła przyszedł Lublin” (О. Балцер, *Unia horodelska [odczyt wygłoszony na publicznem posiedzeniu Akademii Umiejętności dnia 3 maja 1913 r.]*, Kraków 1913, s. 32).

ба „поглощения” Литвы была предпринята поляками в ситуации, когда литовская сторона оказалась в крайне неудобном для себя положении из-за ряда неудач в войне с Москвой. Согласно акту унии, государственная самостоятельность ВКЛ была бы фактически ликвидирована, но документ не вступил в силу как не утвержденный сеймом Великого княжества. Очередная попытка консолидации государств оказалась самой успешной: союз между Польским Королевством и ВКЛ, закрепленный постановлениями Люблинской унии (1569), положил начало славному федеративному объединению, каким оказалась Речь Посполитая⁶⁰.

Провозглашенному в Люблине соединению Литвы с Польшей предшествовали долгие – растянувшиеся на тридцать лет – обсуждения, проходившие в обоих государствах. При этом польская сторона настаивала на приведении в исполнение прежних актов о „втелении” Литвы в Корону, т. е. „экзекуции” постановлений времен Ягелло; представители же ВКЛ, справедливо полагавшие, что за прошедшие полтора века на их земле восторжествовала идея государственной самостоятельности и независимости, соглашались лишь на федеративный союз с Польшей⁶¹.

История самих переговоров об Унии делится в середине XVI века на два периода. Сначала – в 40-50-е гг. – большую заинтересованность в объединении проявляют поляки, ВКЛ относится к инициативе соседей „безъ особаго сочувствія”. Позже – в 60-е гг. – уже Литва считает Унию для себя „желательною и даже почти необходимою”. В это время Великое княжество Литовское подвергается серьезной опасности, исходящей из Московского государства. В ходе военных действий извечный противник ВКЛ захватил значительные территории Полоцкого и Витебского воеводств. При таком положении дел обновленный союз с Польшей помог бы отразить натиск Москвы и сохранить государственную целостность. Впрочем, обращаясь к королю с просьбой о скорейшем заключении объединения и созыве в этих целях „сполного” с поляками сейма, представители „станов” ВКЛ не переставали видеть сущность Унии в общей обороне от врагов и наличии монарха⁶².

Расхождения во взглядах на характер отношений Польши и Литвы в предполагаемом государственном союзе, стали, как известно, камнем преткновения и во время самих сеймовых заседаний в Люблине. Упорство литовских делегатов в борьбе за сохранение самостоятельности ВКЛ обернулось неслыханно строгим наказанием – отторжением от Великого княжества Волыни, Подолья, Подляшья и Киева с присоединением их к территории Короны.

⁶⁰ Подробные сведения о польско-литовских униях приводятся в сборнике документов: *Akta Unji Polski z Litwą. 1385-1791*, wyd. S. Kutrzeba, W. Semkowicz, Kraków 1932.

⁶¹ См.: И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 219-229.

⁶² См.: там же, с. 230-233.

В ситуации, когда дальнейший отказ от Унии грозил Литве инкорпорацией в состав Польши без всяких условий, сейм ВКЛ принял положения, главные из которых гласили, что „Королевство Польское и Великое княжество Литовское сливаются в нераздельное и неотделимое тело, а также неразделимую, но одну общую Речь Посполитую, которая соединилась и слилась в один народ из двух государств и народов. И чтобы этими двумя народами на вечные времена повелевала одна глава, один государь и король общий, избранный совместными голосами и Польши, и Литвы”⁶³.

В последующие годы – до кончины Сигизмунда Августа, в период бескоролевий и во время правления первых избранных монархов объединенной Речи Посполитой – литовская сторона не оставляет попыток поправить свое положение, избавиться от некоторых – невыгодных для себя – последствий Люблинской унии; не мирится с территориальными потерями, сопряженными с процедурой ее утверждением.

Правящие круги ВКЛ со ссылкой на действия в единении со всем шляхетским „народом” выдвигают свои условия в переговорах с кандидатами на королевский трон и потом самими коронованными особами, выступают с требованиями на конвокационных, элекционных, коронационных и ординарных сеймах: настаивают на возврате утраченных воеводств; допущении в „спольный” сенат литовских князей; установлении порядка, согласно которому „спольные” сеймы должны собираться в Польше и Литве поочередно...

Впрочем, дело не ограничивалось одними обращениями к власти имущим. Великое княжество Литовское, хотя и подчеркивало свое нежелание разрывать Унию с Польшей, по мере возможностей, а чаще даже в силу необходимости отступало от содержания договора, который вынуждено было принять в 1569 г., вводило в него фактические поправки. Иными словами, ВКЛ „закрѣпляло свое государство въ его федераціи съ государствомъ Польской Короны и создавало новые устои его отдѣльности отъ Польши”⁶⁴.

Одним из главных гарантов прочности этих „устоев” должен был стать Литовский Статут третьей редакции...

1.2.2. Статут 1588 года против отдельных положений Люблинской унии

Устанавливая Унию ВКЛ и Польши, Люблинский сейм 1569 года своим другим предписанием – на „поправу” Литовского Статута и утверждение соз-

⁶³ „...iż już Krolestwo polskie i Wielkie Księstwo litewskie jest jedno nierozdzielne i nieróżne ciało, a także nieróżna i jedna spólna Rzeczpospolita, która się ze dwu państw i narodów w jeden lud zniosła i spoiła. A temu obojemu narodowi, żeby już wiecznymi czasy jedna głowa, jeden pan i król spólny rozkazywał, który spólnymi głosy od Polaków i od Litwy obran” (*Akta Unii Polski z Litwą...*, s. 367).

⁶⁴ И. И. Лаппо, *Литовский Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 1, с. 373.

данной для реализации этой цели комиссии – невольно заложил под союзный трактат бомбу, причем большой силы и отнюдь не замедленного действия.

С опорой на прочное осознание литовскими „станами” значения ВКЛ как равноправного с Короной государства, составители кодекса включили в правовой текст положения, явно противоречащие постановлениям Люблинской унии.

Трактуя Великое княжество Литовское как **паньство**, Статут признает полноправными гражданами этого государства только **родиче́** или **тѹбыльцовъ**. Вопреки унийному договору об уравнивании прав в рамках Речи Посполитой, поляки к таковым не относились, а трактовались как **сѹсѣды того паньства**. Тот факт, что обыватели Короны не значились в категории **заграничниковъ и чѹжоземцовъ**, в правовом отношении мало что меняет: и те, и другие, и третьи (**сѹсѣды, заграничники и чѹжоземцы**) ущемлялись в правах – не могли занимать в ВКЛ государственных должностей, не надеялись землей и поместьями. Это узаконивал 12-й артикул III-го раздела кодекса, где от имени короля говорится: **в томъ паньстве Великомъ кня́зстве Лито́скомъ и во всихъ земляхъ ему́ присла́хаючи́ досто́нстве́ дѹховныхъ и светъскихъ городовъ дворовъ кгрѹнътовъ староствъ де́жавъ вридовъ земскихъ и дво́рныхъ посесы́ або в деръжанье и пожива́е и вечносте́ жадныхъ чѹжоземцомъ и заграничникомъ, ани сѹсѣдомъ того паньства давати не маемъ. Але то все мы и потомъки наши великие князи лито́ские давати бѹдемъ повинни только Литве, Рѹси, Жомо́ти, родичомъ старожитнымъ и в́роженъцо́ Велико́го кня́зства Литовъского и иныхъ земель, тому́ Велико́му кня́зствѹ належа́чыхъ**⁶⁵.

Конкретные проявления этого общего законоположения фиксируются в тексте кодекса многократно: только **родичи ВКЛ** могут занимать „уряды” великого гетмана литовского (II-1⁶⁶) и хоружия (II-5), членов земских судов (IV-1), подстарост, замковых судей и писарей (IV-37), генерала-возного (IV-14), входить в состав особых комиссий, высылаемых для разбора судебных дел об имениях (IV-83) и даже опеку над малолетними наследниками правомочны осуществлять не чѹжозе́мцы, але **родичы того паньства Велико́го кня́зства Литовского, люди добрые, побожные, неѹтратные и добре вселые в том же повете, где впека́тисе бѹдѹтъ** (VI-3).

⁶⁵ Исключение было сделано лишь для владельцев собственности, лежащей в приграничных территориях отторженных от Литвы областей: **хотѹ вы́мо тежѹ комѹ заграничникомъ пры границахъ тыхъ ве́ху менены́х [што бѹдетъ ... Ъдалено розобрано и кѹ инъшому па́ству Ѫ того па́ства нашего коли кольвекъ в́прошоно] земли именъа села и люди дади, тогда таковые маю́т с того сла́жити Велико́му кня́зствѹ Лито́скомъ** (артикул 4 третьего раздела).

⁶⁶ Здесь и далее при ссылке на фрагмент из Литовского Статута римская цифра указывает на раздел кодекса, арабская – на номер артикула.

Литовский Статут не считается с постановлениями Люблинской унии в определении характера формирования и действий такого органа государственного правления как сейм. В статьях кодекса он никогда не именуется „коронным”, как следовало бы из договора Унии, не упоминается о том, что он является „спольным” для обоих государств федерации. Согласно артикулам ЛС, сейм был и остается литовским, он собирается для лучшего порядка во всех речах и способов к справедливости и обороне, и чтобы по воле всех на свое потребности земские становили и исправлены были (III-6). То же самое касается предсеймовых съездов (III-8). Между тем в актах Люблинской унии категорично говорится о том, что „sejmy i rady ten oboj narod [обыватели Короны и Литвы – В.М.] ma zawsze mieć spolne koronne pod jednym krolem [...] i radzić spolnie o spolnych potrzebach tak na sejmie, jako i bez sejmu, w Polsce i Litwie. [...] Sejmow innych żadnych osobnych stanom litewskim już od tego czasu w Litwie składać nie będziem, [...] jedno zawsze spolne sejmy temu obojemu narodowi jako ciało jednemu w Polsce składać mamy”⁶⁷.

В унийном объединении, как помним, заинтересованность Литвы главным образом диктовалась нуждой в военной помощи со стороны сильного соседа на случай войны, а военные действия, к слову сказать, велись войсками ВКЛ постоянно. Между тем в Литовском Статуте нет никакой информации о том, что вся федеративная Речь Посполитая имеет общую оборону против внешних врагов. Из артикулов кодекса отнюдь не следует, что вопрос о войне будет решать „спольный” сейм, ничего не сказано о обязанностях Короны и Литвы по объединению военных усилий, здесь – как само собой разумеющееся – предполагается, что ВКЛ может вести свои, отдельные от Польши войны: *Обещемъ и уставемъ вечными часы, иж кды бѣдетъ потреба противъ котороу неприятелю нашего обороны земское семъ панствоу нашомъ Великому князству Литовскомъ, аѣбо валькъ вести, тогда ... на свое мы гдѣть и зъ ихъ мѣтью паны радами и послы земскими с порою и згоднымъ призовеньемъ ихъ таковыя речи в войне наговѣати и становити маемъ* (II-2).

В числе постановлений Люблинского договора значилась декларация о том, что „moneta, tak w Polsce, iako w Litwie, ma być za spólną radą uniformis et aequalis [т. е. единой и равной – В.М.] in pondere et grano ac proba et numero peciarum, et inscriptione monetarum”⁶⁸. И хотя унификация денежной системы Речи Посполитой к концу правления Стефана Батория уже была проведена⁶⁹, в тексте Статута сохраняется счет на литовские рубли и копы:

⁶⁷ *Akta Unji Polski z Litwą...*, s. 223, art. 6; s. 224-225, art. 14.

⁶⁸ *Ibidem*, s. 224, art. 10.

⁶⁹ См.: І. Сінчук, *Грашовое абарачэнне*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 1, Мінск 2005, с. 102-103. Новая система была основана на польской (с инкорпорацией в неё

1 рубль = 100 литовских грошей, 1 копа = 60 литовских грошей, 1 грош = 10 пенязей. Эта прежняя практика еще не до конца вышла из обращения, не случайно после Батория „праз чвэртъ стагоддзя ў афіцыйных дакументах ВКЛ яшчэ сустракаўся лік на копы-грошы-пенязі, які быў уласцівы толькі ВКЛ і не стасаваўся да новых манет”⁷⁰. И кодекс своими положениями эту реликтовую систему укреплял.

Конечно же, неприемлемой для коронных „станов” могла показаться статья Статута, в которой нетрудно было усмотреть стремление к возврату земель четырех воеводств, отобранных Короной в ходе переговоров об Унии: **мы г^дръ ѡбещуемъ ро^множати Великое кня^ство Литовское и што бы розобрано и ѡтышло зась кѢ немѢ приверънѹти** (III-4).

Из обобщения всего сказанного следует достаточно парадоксальный вывод: если судить только по содержанию ЛС третьей редакции, акты Люблинской унии не стали основой государственной организации и общественной жизни Литвы, а унийное соглашение не было воспринято в значении органической части основных законов Великого княжества.

В текстах артикулов кодекса лишь однажды упоминается о Люблинской унии и то в связи с малозначащим законоположением о содержании и возведении на дороге станций и мостов за счет повышенных пошлин: **А што сѧ дотычетъ ѡправованьѧ замькоѢ и мостоѢ старьѧ и зновѹ бѹдова"ѧ ... то маеть быти ѡпатрывано з мытъ новопо^вышоныѧ, што ѡсобливо коньститѹциею со^мовою варовано бѹдетъ, іако в коньститѹции на ѹнии со^мѹ любельского ѡ земли ВолыньскоѢ, ПодлѧшъскоѢ и КиевскоѢ естъ ѡписано** (III-29).

В контексте всего сказанного ссылка на Унийный договор, приводимая в королевской привилегии на утверждение кодекса, выглядит скорее как несообразность. Давая позволение на печатание и распространение свода законов, игнорирующего Люблинские акты и представляющего ВКЛ в качестве замкнутого целого⁷¹, Сигизмунд III в последних словах документа заявляет: **ведь же тотъ статѹтъ новоправленыѢ звѧзкомъ и спискомъ ѹнии ни в чомъ противенъ быти и ничего шкодити и ѹближати не маеть**.

Кодекс, не считающийся с рядом важнейших статей унийных постановлений, открыто подчеркивающий самостоятельность Великого княжества, закрепляющий неполноправие в Литве поляков, казалось бы, вообще не мог быть принят польской стороной и подписан главой Речи Посполитой.

литовского двуденара) и выглядела следующим образом: 1 золотый = 5 шестакам = 10 троякам = 30 грошам = 90 шелягам. 1 грош = 18 денарам, 1 двуденар = 2 денарам.

⁷⁰ Там же, с. 102.

⁷¹ Сошлемся здесь на высказывание польского историка Хенрика Виснера: „Sławne państwo, Wielkie Księstwo Litewskie, ... zostało przedstawione jako zamknięta całość” (H. Wisner, *Rzeczpospolita Wazów*, cz. 3: *Sławne Państwo Wielkie Księstwo Litewskie*, Warszawa 2008, s. 54).

Однако невероятное иногда становится фактом – особенно если тому сопутствуют благоприятные обстоятельства.

1.2.3. Обстоятельства утверждения кодекса

„Станы” Великого княжества Литовского не могли рассчитывать на то, что Статут будет благосклонно принят и утвержден на общем польско-литовском сейме – позиция *суседовъ* была совершенно предсказуема, а их численный перевес в составе этого правящего органа более чем ощутим. Надежды можно было связывать только с монархом. Оставалось полагаться на его добрую волю или же ждать, когда Польша будет находиться в затруднениях, из-за которых не захочет вмешиваться в дела Литвы.

В декабре 1586 года после кончины Стефана Батория в Речи Посполитой наступило бескорольевье. В борьбе за трон главными соперниками стали шведский королевич Сигизмунд Ваза и габсбургский эрцгерцог Максимилиан⁷². Первый как единственный потомок Гедиминовичей-Ягайловичей по женской линии мог представляться более желательным для Великого княжества Литовского. Не случайно позже – на элекционном сейме – Лев Сапега скажет полякам: „i nam smaczny jest krolewic Szwedzki”⁷³.

Но выше симпатий к личности того или иного из „электов” власти ВКЛ ставили выгоду своего государства. Уже на конвокационном сейме, назначавшем место и дату выборов короля и определявшем требования, предъявляемые к кандидатам на трон, литовская делегация представила список претензий к Польше (они названы „gravamina” и „exorbitanciae” – травмы и злоупотребления) и настаивала на их удовлетворении как непременном условии для участия в выборах⁷⁴. Памятуя об интересах ВКЛ, официальные представители его „станов” старались придерживаться нейтралитета, избегали поддержки как Сигизмунда Вазы, так и Максимилиана.

На сам элекционный сейм (30 июня – 19 августа 1587 г.) в Варшаву была выслана достаточно большая делегация „литвинов”, которые с самого начала обозначили свои твердые позиции – настаивали на удовлетворении претензий и исключали возможность каких-либо уступок. Поскольку ответа представители ВКЛ не получали, стали тянуть время в ожидании, пока поляки, разделившиеся на две группировки – сторонников Вазы и Габсбурга, приступят к обсуждению литовских требований. Спустя месяц после начала

⁷² Рассматривалась еще кандидатура Московского царя Федора, но здесь сложностей было больше, в числе главных – невозможность принятия претендентом католичества.

⁷³ Эти слова передает Иоахим Бельский, польский хронист, продолжатель дела отца – Мартина Бельского, автора знаменитого сочинения *Kronika wszystkiego świata* (Joachima Bielskiego Dalszy ciąg Kroniki Polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1589 r., Warszawa 1851, s. 60).

⁷⁴ Ibidem, s. 10, 12-13.

работы сейма подскарбий ВКЛ Федор (Теодор) Скумин-Тышкевич писал: „bo już cztery niedziele tu na miejscu mieszkając, jeszczechmy nic nie sprawili, ani do żadnej rzeczy przystąpili, a to dla tego, że my Litwa tego chcemy, aby nam od panów Polaków wszystkie ekscesy nasze w czym się kolwiek nam unia naruszyła byli naprawione, k temu ziemia inflancka aby nam była wrócona. Czego iż panowie Polacy czynić nie chcą, my też do żadnej rzeczy z nimi do tego czasu przystępować nie chcemy”⁷⁵. Впрочем, в затянувшемся ожидании делегаты ВКЛ времени напрасно не тратили: согласно сохранившимся свидетельствам, именно тогда в Варшаве был согласован последний редакционный вариант Литовского Статута⁷⁶.

Споры и препирательства представителей ВКЛ и Короны обернулись тем, что литовская сторона не приняла участия в выборах, а раздоры и несогласованность действий между соперничавшими польскими лагерями привели к „номинации” на королевский трон... обоих кандидатов – и Сигизмунда, и Максимилиана. Поскольку все это проходило „bez zgody i wiedzy” делегатов Великого княжества, последние признали результаты „элекции” неправомочными, был составлен и подан протест, в котором выборы и Вазы, и Габсбурга представлены как проведенные с нарушением предписанных процедур – „extra lege”⁷⁷.

То немногое, чего добились „литвины” на элекционном сейме, ограничивалось обещанием польской стороны заняться требованиями ВКЛ на коронационном сейме. Делегаты Великого княжества получили акт, в котором „с согласия станов Короны” указывался путь дальнейших действий: личное решение нового короля в случае недостижения сеймового соглашения между Литвой и Польшей: „iż na przyszłym Seymie Koronacyi [...] mają tę sprawę uspokoić i skończyć, a gdzieby się zgodzić nie mogli, tedy to wszystko, co będzie przed nimi ukazywano Praw i Listów zobustron, y mowienia wszystkie do tey sprawy zobopolnie na piśmie mają przynieść do Krola Koronowanego, a Krol, Pan nasz, dali Bog, przyszły, nie odkładaiać tey sprawy, onę ex aequo et bono uspokoić y skończyć na tym Seymie Koronacyi będzie powinien”⁷⁸.

Проведение коронационного сейма Речи Посполитой было намечено на декабрь, таким образом, на подготовку к разным оборотам событий у „станов” Литвы оставалась осень. Нужно было скорректировать свою позицию и определиться с ответом на письменные обращения Максимилиана и Си-

⁷⁵ T. Skumin Tyszkiewicz do G. Hornostaja, Warszawa, 29 lipca 1587 r. (цит. по: H. Lulewicz, *Gniewów o unię ciag dalszy*, s. 381).

⁷⁶ Bczart., nr 2243, s. 114 (см.: H. Lulewicz, *Gniewów o unię ciag dalszy*, s. 381).

⁷⁷ См.: ibidem, s. 387-388.

⁷⁸ Цит. по: И. И. Лаппо, *Литовский Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, Каunas 1936, с. 176-177.

гизмунда, в которых „электы” старались склонить Литву на свою сторону. 8 ноября 1587 г. в Вильно собрался государственный съезд ВКЛ и избрал послов, которым „поручили, абы их милость именемъ Великого Князьства Литовского з кандыдаты такъ поступили, яко было з наиучтивышымъ и на-пожитечнейшимъ Великого Князьства Литовского”⁷⁹. В состав чрезвычайного посольства, облеченного столь широкими полномочиями, вошли пять сенаторов и двадцать два представителя шляхты, а руководство миссией было поручено троцкому воеводе Яну Глебовичу и подканцлеру ВКЛ Льву Сапеге. Специально оговорено было, что послы – прежде чем выбор правителя будет сделан – должны получить у него согласие на удовлетворение литовских требований, каковыми – согласно выданной съездом инструкции – были упоминавшиеся ранее „gravamina” и „exorbitanciae”, может быть, несколько уточненные и расширенные. Для получения поддержки ВКЛ претендент на корону должен был согласиться: „naprzod aby prawa y wolności, swobody i przywilleia nasze poprzysiągł według przysięgi kroya Hendrika i Stephana, dokładając wszendzie aby było – et Mag. Duc. Lith.⁸⁰ Друга – aby pokoy, zastanowiony z Moskwą, trzymacz bił powinien do liath piętnastcu [...]. Trzecia – aby rossądek o ziemie Inflanską vczinił [...]. Czwartą – aby Statut nowo-poprawiony aby bił powynien wydać z [выделено мной – В.М.] i on zmocznicz. Piąta – Tribunal stwyerdzicz”⁸¹ и проч. Если предъявляемые требования первый „номинант” (а им был Сигизмунд⁸²) исполнить откажется, Литовское посольство должно было порвать с ним переговоры и ставить условия его сопернику.

С такими намерениями посольство ВКЛ отправилось в Краков. Сигизмунда Вазу как монарха, коронованного поляками без их согласия⁸³, „литвины” еще не признавали и потому выехали в столицу Польши 8 января

⁷⁹ См.: там же, с. 188.

⁸⁰ et Magni Ducatus Lithuaniae – и Великое княжество Литовское.

⁸¹ Цит. по: И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 194.

⁸² Еще в конце лета Лев Сапега писал Криштофу Радзивиллу о слабеющей позиции Максимилиана в Короне, предвещая неминуемый выигрыш Вазы: „O szweckim zapewne twierdzą, że od tegoż czasu za dwie niedzieli w Krakowie ma się stawić jakoż potężna jego fakcja barzo. Mym zdaniem, że mu pewniej być krolem niż inszemu” (цит. по: H. Lulewicz, *Gniewów o unię ciąg dalszy*, s. 390).

⁸³ Этот акт еще более усилил недовольство ВКЛ Польшей, так как в нем литовская сторона усматривала очередное нарушение своих прав в федерации с Короной. Еще одним поводом для обиды стала формула титулования Сигизмунда: титул Великого князя Литовского фигурировал не вторым, а третьим – после титулов короля Польши и Швеции. На это, в частности, обращает внимание Лев Сапега в письме Криштофу Радзивиллу: „Król się pisze: Sigismundus III rex Poloniae et designatus Sueciae, magnus dux Lithuaniae” [Zygmunt III, król Polski, przyszły król Szwecji i wielki książę Litwy] (см.: H. Wisner, *Zygmunt III Waza*, Ossolineum 2006, s. 35).

1588 г., т. е. спустя месяц после начала работы коронационного сейма⁸⁴. Через три дня литовская делегация получила аудиенцию. Известно, что Ян Глебович, представ перед Сигизмундом, уверил, что для обывателей ВКЛ отрадно осознавать, что в жилах короля течет литовская кровь, что Ваза „*oss ex ossobis nostris*”, плоть от плоти наш... Были оглашены условия, от принятия которых зависело отношение к новому правителю: обещано, что при их исполнении „*my, omnium nominum [от имени всех] Waszej Królewskiej Mości poddaństwo oddamy*”⁸⁵.

Хотя положение Сигизмунда было далеко еще не прочным – „*konflikt wewnętrzny w Koronie nie został tu jeszcze wyciszony, a na granicach z Cesarstwem czaił się Maksymilian ze swoim wojskiem*”⁸⁶ – король не спешил с реакцией на поставленные требования. Переговоры продолжались. Польской стороне трудно было принять невыгодные условия, литовская же намеренно тянула время: до победы Сигизмунда над Максимилианом не было полной уверенности в том, что Ваза удержится на престоле, а „если побѣдить Максимилианъ, то всякій смыслъ достиженія соглашения съ Сигизмундомъ для Великаго Княжества Литовскаго утрачивался”⁸⁷.

Польский историк Юлиан Немцевич со ссылкой на рукопись дневника коронационного сейма писал: „*Korzystali Litwini z wstrętu na te ich warunki i Polaków i króla, oporem i coraz nowemi żądaniami czas wycieńczając. Raz bowiem domagali się by całe Inflanty należały do Litwy, znów by im ustąpiono połowę tej krainy, działu zaś drugiej połowy, do przyszłego sejmu czekać obiecywali. Gdy się nakłaniano do zgody, nową kwestyą o Kurlandya wrzucali; ciągnęły się mitrężne spory...*”⁸⁸

Рискованная игра была выиграна, когда, казалось бы, все козыри ушли из рук. Возможность давления на короля исчезла, как только в решающей битве у городка Бычина его сторонники разбили армию Максимилиана. Сражение состоялось 24 января, днем позже был пленен сам габсбургский эрцгерцог. Бычину и Краков разделяет 180 километров – расстояние по тем временам немалое, тем более что преодолеть его нужно было в зимних условиях.

Доподлинно неизвестно, когда в Краков могло прийти известие о победе, но многое указывает на то, что эти сведения Литовское посольство получило раньше. 26 января делегаты ВКЛ заявили, что будут ждать ответа еще только один день и пригрозили находящемуся в неведении Сигизмунду

⁸⁴ См.: H. Wisner, *Rzeczpospolita Wazów*, s. 47.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ H. Lulewicz, *Gniewów o unię ciąg dalszy*, s. 416.

⁸⁷ И. И. Лаппо, *Литовский Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 202.

⁸⁸ J. U. Niemcewicz, *Dzieje panowania Zygmunta III, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego*, t. I, Kraków 1860, s. 84.

разрывом переговоров. На следующий день заявили о своем отъезде... Шантаж, если таковой имел место⁸⁹, удался, поляки и король приняли условия литовской стороны. Лев Сапега сообщит потом Криштофу Радзивиллу: „Tegoż dnia [27 января – В.М.] o wybijanej⁹⁰ przyszła nowina o porażce i poimaniu Maхymilianowem”⁹¹ и передаст слова, которые слышал от поляков „by ta nowina przyszła im była przed zamknięciem spraw naszych litewskich i przed przysięgą królewską niepozwoliliby nam byli tych postulat naszych”⁹².

По горячим следам этих событий Иоахим Бельский с досадой написал в своей хронике: „także wytraktowali na nas połowicę Inflant za to co Krola z nami nie obierali; statut swoy nowy Krolowi do poprzyiężenia wtręcili”⁹³. Эмоций не станут скрывать и польские историки XIX века: Юзеф Шуйский в оценке происшедшего ограничился общей констатацией: „tak to misternie odrwali Litwini Polaków”⁹⁴, в то время как Ю. Немцевич осветил предполагаемый ход дела с подробностями: „gdy w dzień ten przyszli Litwini z oświadczeniem, że gdy król i stany na prośby ich względu mieć nie chcą, przymuszeni są wraz ich pożegnać i oddalić się do domów. Zdziwione tem nagłym postanowieniem stany koronne, troskliwe, by niezłożeniem przysięgi przez Litwę, nie osłabiła się prawność obrania Zygmunta, acz z wielką trudnością wymogły na królu, że na przedłużenie przymierza z Moskwą zezwolił, i że Inflanty za wspólną własność dwóch narodów uznane zostały. Po podpisanej ugodzie, jak najskwapliwiej Litwa wykonała przysięgę królowi, i Zygmunt także swobody jej zaprzysiął. Ledwie się ten skończył obrządek, gdy przyszła wieść o zwycięstwie Zamojskiego i wzięciu Maхymilliana w niewolę. Wtenczas dopiero żalowali Polacy pokwapienia się swego z ugodą litewską; tem bardziej, gdy się dowiedzieli, iż w przebiegłości dali się Litwinom wyprzedzić”⁹⁵.

⁸⁹ Прямой взаимосвязи между результатом переговоров и временем получения известия о победе под Бычиной не видит, напр., Хенрик Люлевич (H. Lulewicz, *Gniewów o unię ciąg dalszy*, s. 417).

⁹⁰ „Wybijana, ostatnie wyбиение в день zegara” (S. B. L i n d e, *Słownik języka polskiego*, t. VI, Lwów 1861, s. 451).

⁹¹ *Archiwum Domu Radziwiłłów*, wyd. A. Sokołowski, Kraków 1885, s. 188.

⁹² Ibidem, s. 189.

⁹³ *Joachima Bielskiego Dalszy ciąg Kroniki Polskiej...*, s. 85-86.

⁹⁴ J. Szuj ski, *Dzieje Polski*, t. III, Kraków 1894, s. 146

⁹⁵ J. U. Niemcewicz, *Dzieje panowania Zygmunta III...*, s. 84. Уже в наши дни Х. Виснер добавляет к тому ряд деталей: „Wieczorem król zaaprobował zawarcie rozejmu na lat piętnaście, podział Inflant między Litwą a Koroną i zatwierdził Statut [выделено мной – В.М.], отąd potocznie zwany Trzecim. [...] Około godziny 22 monarcha przeszedł do komnaty, w której przygotowany był ołtarz. Tu, gdy zaprzysiął prawa oraz wolności Wielkiego Księstwa, wojewoda trocki Jan Hlebowicz dopełnił aktu posłuszeństwa, a podkanclerzy Lew Sapieha ogłosił imię Zygmunta jako wybranego władcy” (H. Wisner, *Zygmunt III Waza*, s. 36).

К настоящему времени с учетом того, что страсти давно улеглись, польские историки оценивают действия посольства во главе с Яном Глебовичем как проявление высшего дипломатического мастерства. „Prowadzące do tego rokowania delegacji litewskiej, na sejmie koronacyjnym były majstersztykiem dyplomatycznym i Litwini osiągnęli ogromny sukces w grze o swą pozycję we wspólnym państwie, który był zwieńczeniem wysiłków mających na celu «про- правление унии». Osiągnięto to zresztą ku ogromnemu niezadowoleniu Polaków, którym szczególnie doskwierały ustępstwa w kwestii inflanckiej i ów odrębny kodeks prawa, sprzeczny przecież z ustalenia unijnymi”⁹⁶.

Неудивительно, что вскоре после вступления в действие Литовского Статута „обыватели” Короны стали высказывать свое недовольство содержанием кодекса. Наибольшие протесты у них вызывали запреты на занятие должностей в ВКЛ и наделение собственностью. Как свидетельствуют исследованные Ю. Бардахом документы, некоторые коронные сеймики уже в начале 1590 г. обязали своих депутатов добиться, чтобы кодекс был исправлен. Так, напр., составители инструкций Сандомирского и Люблинского сеймов в один голос заявляли: „Statut litewski nowy, w którym errores wielkie najdują, aby nie był aprobowan, aż go correctores nasi rewidowali”. Еще дальше в своих требованиях шла шляхта Серадзского воеводства: на сеймике 1593 г. приняла постановление: „Statut na prywatnych zjezdziech w Litwie uczyniony contra privilegium unione, aby był zniesiony”⁹⁷. Подобные сомнения в отношении правомерности всего кодекса или по крайней мере отдельных его положений высказывали и другие сеймики – даже спустя 10 лет после его ввода в практику. Да и общая позиция польской шляхты, если судить по пункту 19 сводной записки „Nakrótce zebrane artykuły niemal ze wszystkich województw zgodnie poruczone”, была в то время крайне категоричной, предполагала аннулирование кодекса: „Statut W. Ks. Litewskiego contra unionem poczyniony, aby był abrogowany”⁹⁸.

Возможно, реакцией на возмущение значительной части сограждан стало принятие федеративного законоположения *O cudzoziemcach* (1607). По примеру Статута сеймовая конституция не позволяла иностранцам занимать должности в Речи Посполитой, представители же „польского и литовского народа” получали равные права на „уряды”⁹⁹. Перед нами прямой конфликт двух правовых актов – Литовского Статута и постановления федерального сейма. Однако, как справедливо замечает Х. Виснер, чтобы „uchwała

⁹⁶ A. Rachuba, J. Kiaupienė, Z. Kiaupa, *Historia Litwy. Dwugłos polsko-litewski*, Warszawa 2009, s. 94.

⁹⁷ См.: J. Bardach, *Statuty litewskie w ich kręgu prawno-kulturowym*, [w:] tenże, *O dawnej i niedawnej Litwie*, Poznań 1988, s. 52-53.

⁹⁸ Ibidem, s. 53.

⁹⁹ См.: *Volumina Legum*, t. II, s. 434.

z roku 1607 mogła być traktowana jako milcząca korekta Statutu, należy przyjąć zasadę wyższości konstytucji nad artykułami. Milcząca, gdyż i we wspomnianym, i w podobnych jemu wypadkach nie wprowadzono zmian do tekstu kolejnych wydań Statutu”¹⁰⁰. Как бы то ни было, ни данная поправка, ни другие – утвержденные позже – не смогли пошатнуть приоритетные позиции кодекса Литвы, который – будучи отпечатанным в виленской **дрѣкарне** Мамоничей, а потом в других литовских и польских типографиях¹⁰¹ – еще многие и многие десятилетия оставался основным сводом законов государства и служил „gwarantem odrębności, wyróżniającym Wielkie Księstwo nie tylko w dziedzinie prawa”¹⁰².

1.3. Деятельность виленской типографии Мамоничей

В начале февраля 1588 года подканцлер ВКЛ Лев Сапега получил от короля Сигизмунда III привилегию на печатание **новоправленого** Статута. Воплотить в жизнь это задание должна была виленская типография Луки и Кузьмы Мамоничей.

¹⁰⁰ H. Wisner, *Rzeczpospolita Wazów*, s. 56. Речь, конечно же, идет не о перепечатках „рускомовного” кодекса (они делались с намерением воспроизвести оригинал „один к одному”), а об изданиях Статута в польском переводе. Как известно, утверждая Статут, Сигизмунд Ваза распорядился его **писмомъ польскимъ и рѣскимъ дрѣковати**, а своей привилегией от 11 февраля 1588 г. право издания кодекса предоставил Льву Сапеге. „Руский” печатный текст Статута увидел свет в том же году, а вот польского пришлось ждать более четверти века. Затянувшаяся заминка диктовалась отнюдь не отсутствием необходимости: хотя административным языком ВКЛ была „руска мова”, местная шляхта все чаще обращалась к использованию польского, более того, последний начал вытеснять „мову” из актового делопроизводства. Видимо, прав оказывается И. И. Лаппо, который главную причину отсрочки выхода переводной версии кодекса усматривает в нежелании лишний раз дразнить **сѣседовъ заграничничковъ**: „Въ ближайшіе годы послѣ утверждѣнія Статута 1588 года издавать польскій переводъ его не было удобно, ибо онъ, распространяясь въ Польшѣ, могъ поднять много шума въ ея шляхетской массѣ своими артикулами, отмѣняющими для ВКЛ именно тѣ статьи Люблинской Уніи, которыхъ особенно добивались поляки. [...] Льву Сапѣгѣ, бывшему хозяиномъ въ дѣлѣ выпуска печатныхъ изданій Статута, были одинаково свойственны какъ решимость, такъ и осторожность” (И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи Литовскаго Статута 1588 года*, „Tauta ir Žodis”, Kaunas 1928, кн. V, с. 210).

¹⁰¹ Помимо „рускомовных” публикаций кодекса (они будут в этой монографии представлены), свет увидело также несколько польскоязычных изданий: 1614 и 1619 гг. – Вильно, типография Леона Мамонича; 1648 г. – Варшава, типография Петра Элерта; 1693, 1744 и 1786 гг. – Вильно, Академическая типография Общества Иисуса (Societatis Iesu); 1819 г. – Вильно, типография А. Мартиновского. Кроме того, в научной литературе высказывались мнения о перепечатках изданий 1619 и 1744 гг. соответственно в 1623 и 1780 гг. с сохранением исходных датировок.

¹⁰² H. Lulewicz, *Gniewów o unię ciąg dalszy*, s. 419.

Выбор „друкарни” для выполнения престижного и чрезвычайно выгодного заказа не был случайным. В какой-то мере он предопределялся протекторатом Льва Сапеги, который покровительствовал братьям, а в их глазах виделся **звирхнимъ паномъ**¹⁰³ типографии, но большее значение имело то обстоятельство, что „друкарня” Мамоничей вышла в конце 80-х гг. XVI века на ведущие роли в области печатного дела ВКЛ. В первую очередь именно им Вильно было обязано возрождением славных традиций, возвратом репутации города, откуда „promieniowały «iskry Skoryny» dalej na wschód Słowiański”¹⁰⁴.

Истоки рода Мамоничей исследователи находят в землях Могилевщины, в актах также имеются указания на то, что эта фамилия была шляхетской¹⁰⁵. Указанные обстоятельства, казалось бы, противоречат общепринятым сведениям, согласно которым братья-типографы были уроженцами Вильно и купцами. В столице Великого княжества Литовского представители этого рода селятся уже в начале XVI ст., возможно, к этому их склоняет получение виленскими купцами исключительных привилегий – на беспоплатные проезды через Польшу и торговлю на ее территориях¹⁰⁶. В качестве мещанина виленского в архивных бумагах упоминается отец Луки и Кузьмы – Иван, купец, торговавший сукном, шелком, стеклом и не совсем обычным на то время товаром – книгами („сам Иван мел на возех своих ... быблей 38”)¹⁰⁷. К купеческим занятиям Иван приобщил своих сыновей, что позже не мешало им считаться „урождными” шляхтичами. Как пишет И. И. Лаппо, „примирить это противорѣчіе нетрудно, ибо шляхтичъ, переходившій къ занятію ремесломъ и торговлею, утрачивалъ права шляхетства, но онъ ихъ возстановлялъ, когда вновь переставалъ «мѣрить локтемъ» и возвращался только къ своему шляхетскому землевладѣнію-хозяйству и «рыцарской» службѣ”¹⁰⁸.

Братья были богатыми и уважаемыми в Вильно людьми. Мамоничам принадлежали несколько домов в самом центре города, склады на Лукишках, площади в Заречье, многочисленные земельные владения в предместь-

¹⁰³ Так Мамоничи именуют канцлера в своем издании *Псалтыри* 1592 года, л. 180 об.

¹⁰⁴ T. Iljaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów w Wilnie, 1575-1622*, Wilno 1938, s. 23.

¹⁰⁵ Доказательства тому первым обнаружил еще Ежи Бандтке: *Historia drukarń w Królestwie Polskim i Wielkiem Xięstwie Litewskim iako i w krajach zagranicznych, w których polskie dzieła wychodziły przez Ierzego Samuela B a n d t k i e*, t. II, Kraków 1826, s. 262.

¹⁰⁶ См.: T. Iljaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów...*, s. 33-34.

¹⁰⁷ См.: Е. Немировский, Б. Самородов, *Шедевры и мастера*, Москва 1990, с. 143-144.

¹⁰⁸ И. И. Лаппо, *Къ исторіи русской старопечати. Виленская типографія Мамоничей, „Сборникъ Русскаго Института въ Прагѣ”*, I, 1929, с. 173.

ях столицы¹⁰⁹. Занятия торговлей Мамоничам удавалось сочетать с активным участием в общественной деятельности, помимо того, они даже несли высокие государственные должности.

Лука Мамонич (?-1606) был старостой Дисненским. В актах виленских ремесленных цехов за 1584 г. он упоминается как арендарь чоповый¹¹⁰ – сборщик налогов, взимаемых за продукцию и продажу алкогольных напитков (пива, водки, меда и вина)¹¹¹. С 1586 г. – после смерти своего тестя Ивана Зарецкого, о котором ниже еще пойдет речь, – становится скarbным Великого княжества Литовского и исполняет казначейские обязанности до конца своей жизни¹¹². За Луку Мамонича в 1593 г. вступается литовская шляхта, когда хлопочет перед королем о предоставлении ему льгот в оплате кредита, часть которого выдана на нужды Речи Посполитой: „aby mu była nagroda uczyniena zato, że on podczas gotowania się przeciw niebiespieczeństwa Tureckiego 10 600 złotych polskich pożyczając, nakładu złotych 6 tysięcy wydał”¹¹³. Считается, что роль скarbного в типографском семейном промысле не была ведущей: „związek Łukasza z drukarnią” оценивается как „luźny”¹¹⁴.

Кузьма Мамонич (?-1607), на плечи которого легли основные работы если не в организации типографии, то в обеспечении ее деятельности, на протяжении многих лет был бурмистром Вильно¹¹⁵. Вместе с тем в старых источниках он гораздо чаще упоминался как деятельный защитник право-

¹⁰⁹ Подробное описание недвижимого имущества Мамоничей со ссылкой на „Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією” приводит в своей статье Ф. Иляшевич (Т. I) Jaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów...*, s. 35-36).

¹¹⁰ *Akty cechów wileńskich 1495-1759*, oprac. H. Łowmiański, Poznań 2006, s. 100-101.

¹¹¹ См.: В. Марковский, *Администрация skarbowa w Polsce*, Warszawa 1931, с. 26. „Взимали его (чоповое) особые сборщики, назначаемые сеймом, которые назначали отъ себя въ городахъ и мѣстечкахъ такъ называемыхъ чоповниковъ; въ большихъ городахъ обязанности сборщиковъ исполняли бурмистры и райцы, а въ столицахъ сборъ находился подъ контролемъ великихъ маршалковъ” (*Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXVIIIа, Санкт-Петербургъ 1903, с. 921).

¹¹² См.: И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 276-277. Автор монографии указывает на своеобразную семейную преемственность в передаче государственных „урядов”: после Ивана Зарецкого обязанности скarbного перешли на его зятя – Луку Мамонича, по смерти Луки на главную казначейскую должность ВКЛ был назначен зять покойного – некто Буховский (там же).

¹¹³ „Постановленіе литовскихъ дворянъ на Виленскомъ съездѣ” (см.: *Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссією*, т. VIII, Вильна 1875, № 156, с. 329).

¹¹⁴ *Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku*, zesz. 5: *Wielkie Księstwo Litewskie*, opr. A. Kawecka-Gryczowa, K. Korotajowa i W. Krajewski, Wrocław 1959, s. 160. Много позже, ближе к концу столетия, „zainteresowanie jego (Луки Мамонича – В. М.) sprawami książek i chęć zaopatrzenia miejscowych urzędów w papier ujawniły się [...] założeniem papierni w folwarku Po-wilno” (ibidem).

¹¹⁵ Ibidem, s. 147.

славной церкви, активный и отнюдь не рядовой член Братства Святой Троицы. Именно к Кузьме Мамоницу обратился за разъяснением относительно Унии новогрудский воевода Федор Скумин. В своем ответе Кузьма и другие сторонники „старожитного православія Греческого святѣйшихъ патріарховъ” рассказывают об измене епископов и обязательствах горожан „непорушно стояти” на своем, защищать свою веру¹¹⁶. Другим именитым корреспондентом, состоявшим в переписке с Кузьмой Мамоничем, был князь Андрей Курбский (1528-1583), знаменитый оппонент Ивана Грозного, образованнейший представитель своего времени. Принимая участие в борьбе против католицизма, князь интересовался жизнью Виленского братства и писал „господину и брату моему милому, пану Кузьмѣ, ... со женою и съ чады и со всѣмъ домоу”, советуя виленским православным, „ижебы безъ ученныхъ наша страна не сражались съ ними (иезуитами – В.М.) гаданными и не ходили бы къ нимъ на ихъ наказанье: тлять бо, рекль апостоль, обычаи добрыи бесѣды хитротелесныя”¹¹⁷. Из другого письма знаем, что Курбский выслал Мамоницу свой перевод с латыни беседы Иоанна Златоуста и просил „сію цидулу мою прочести всему собору Виленскому, мужемъ во правовѣрныхъ дохматехъ стоящимъ, да возревнують ревностію Божіею по праотеческомъ сродномъ своему правовѣрію, да наимуть писаря добраго, кто бы преписыючи еѣ (книгу), не попсаваль, ... и переписавше трезвее да прочитають”¹¹⁸.

О братьях Мамоничах, находившихся в гуще религиозной и политической жизни Вильно, знали также и в Московском государстве. Когда после смерти Стефана Батория встал вопрос об избрании польского короля, в Литву с царской грамотой был отправлен послом дворянин Ржевский. Предварительные переговоры он вел с Лукой Мамоничем, уполномоченным литовской шляхты, желавшей избрания на польский трон московского царя Федора¹¹⁹. Еще одна связанная с Лукой история дала повод для постоянных и многолетних претензий польской стороны к Москве, причем обсуждение конфликтной ситуации велось на самом высшем уровне – с участием правящих персон. В грамотах польских королей раз за разом ситуация представляется следующим образом: в 1570 г. в Москве „у многихъ людей литовскихъ (а меновите: у Зенова Зарецкого, у Лукаша Мамонича и инъшихъ)

¹¹⁶ См.: *Акты, относящиеся къ исторіи Западной Россіи*, т. IV, Санкт-Петербургъ 1851, № 90, с. 124.

¹¹⁷ *Сочиненія князя Курбскаго*, т. I, „Русская Историческая Библіотека”, т. XXXI, Санкт-Петербургъ 1914, ст. 421-422.

¹¹⁸ Там же, ст. 428-429.

¹¹⁹ См.: С. М. Соловьевъ, *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, кн. 2, т. VI-X, Санкт-Петербургъ 1896, ст. 562-564. Лука Мамонич представленъ здесь как „богатый купецъ литовскій, [...] имѣвшій торговыя связи съ Москвою” (там же, ст. 564).

[...] до казны его милости великого господара и великого князя Ивана Василевича немало товаров забрано. А за то имъ и до того часу не поплачено, о што многократ от ихъ милостей зошлыхъ господарей наших, славное и светлое памяти королеи ихъ милости и великихъ князей Жикгимонта Августа и тепер зошлого господара нашего Стефана, до отца вашей милости и до вашей милости самого писывано, а через послы великие, посланники и гоньцы наказывано, нижи управы о то и до того часу тым людям укривжонымъ не учинено¹²⁰. Московские же цари представляют свое видение происшедшего: „въ то время товары у Лукашовыхъ люди ко господареве казне не имиваны, а были их товары на гостине дворе и по прежнему анбарех и в полотахъ, и въ московской пожаръ те ихъ товары погорели, и за те товары непригоже было давати ничего, что то стало ся по их греху на Москве, тогды у всехъ погорело все. Да велики господарь цар и велики князь Иванъ Василевичъ всея Руси по своему царскому милосердному обычаю велел дат за его товар половину – тысяча пятьсотъ рублевъ. А какъ были у господара нашего цара и великого князя Феодора Ивановича всея Руси посланники Петръ Черниговской да княз Богданъ Окгинской и о томъ господару об нихъ били челомъ, и господар и великий князь Феодор Иванович всея Руси для своего царского милосердного обычая и для того, что сел на своихъ господарствахъ велелъ дати Лукашу из свое господаревы казны триста рублевъ. ... А онъ ныне опятъ бьетъ челомъ, и онъ бы вперед болшъ того не докучалъ, и того было ему непригоже даватъ¹²¹. Уже приведенные выдержки показывают, что в длившийся десятилетиями спор было втянуто несколько поколений польских и русских правителей. В документах Литовской метрики только в книге „Дипломатических дел” „справа Лукаша Мамонича” фигурирует в 13 грамотах¹²², датированных в период между 1585 и 1596 гг. Однако царь Федор Иванович не пожелал „конец тому делу учинити”, ничего не сделал для того, чтобы виленские жалобщики польскому королю „докуки и набегания не чинили¹²³”.

При оценке ситуации, в которой довелось братьям Мамоничам разворачивать новую для себя – типографскую – деятельность, следовало бы

¹²⁰ „Инъструкцыя и злецење от ихъ милости Панов Рад Коруны Полское и Великого Князьства Литовского, даное посланником ихъ милости ... до великого князя московского Федора Ивановича и до бояр его милости думныхъ” (20 февраля 1587), [в:] *Lietuvos Metrika (1585-1600)*, kn. 594, Vilnius 2006, № 30.

¹²¹ „Отказъ через послов князя великого московского принесенныи о люди купецкие...” (1591), [в:] там же, № 76.

¹²² *Lietuvos Metrika (1585-1604)*, kn. 593: *Księga dyplomatycznych spraw*, Vilnius 2009, №№ 2, 4, 11, 18, 30, 63, 73, 76, 80, 90, 91, 92, 96. Свидетельства конфликта имеются также в документах, приводимых в других книгах Метрики: *Lietuvos Metrika (1585-1600)*, kn. 594, №№ 2, 9, 21, 54, 67, 71, 81, 82, 83, 87.

¹²³ *Lietuvos Metrika (1585-1600)*, kn. 594, № 90.

вспомнить о специфике Вильно последней четверти XVI в. – столичного центра с населением смешанного состава, города с активной и самостоятельной общественностью. В Великом княжестве Литовском просто не существовало другого столь богатого противоречиями места: это было средоточие национальных, социальных, языковых контрастов, на которые накладывались, многократно усугубляя сложность положения, конфессиональные различия. Именно в это время католическое духовенство активизировало борьбу с инаковерующими, очень усилилась роль иезуитов. В столкновении конфессий, в борьбе за умы и сердца верующих все большее значение начала обретать не просто проповедь, но и печатное слово. А здесь православные были вооружены слабее своих противников, им приходилось напрягать все силы, чтобы удерживать среди населения свои позиции. Нужда в книгах для сторонников „святой Восточной соборной церкви” становилась все более настоятельной, диктуя необходимость создания местной „правовой” типографии.

Возможно, планы воплощения этого помысла вынашивались бы дольше, если б в числе сопутствующих обстоятельств не оказалось одно – решающее. В Вильно в самом начале 70-х гг. XVI в. приехал Петр Тимофеев Мстиславец (годы жизни неизвестны¹²⁴). Это был ближайший соратник Ивана Федорова, его „клевет” еще со времен московской типографской деятельности. После изгнания из первопрестольной, вызванного преследованиями „от многих начальников и духовных властей и учителей”, Федоров и Мстиславец отправились в „страны незнаемые”¹²⁵. Оказавшись в 1567 г. в Вильно, печатники познакомились с гетманом Григорием Ходкевичем, который дал им приют в своем имении в Заблудове и предложил обустроить новую „друкарню”. В 1569 г. из заблудовской типографии вышло *Учительное Евангелие*, а год спустя – *Псалтырь с Часословцем*, но над изданием последней книги Иван Федоров работал уже один, потому что Петр Тимофеев отправился в Вильно. Многолетнее сотрудничество первопечатников по неизвестным причинам прекратилось.

В послесловии к одной из своих изданных самостоятельно книг – *Евангелию* (1575) – Мстиславец рассказывает, как благочестивые мужи, жи-

¹²⁴ Наиболее полные – из сохранившихся – сведения о жизнедеятельности этого человека находим в статье: А. С. Зернова, *Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец*, „Книга. Исследования и материалы”, сб. 9, Москва 1964, с. 77-111; любопытные соображения о биографии типографа приводит в своей работе М. Гембарович: M. Gęb a r o w i c z, *Iwan Fiodorow i jego działalność w latach 1569-1583 na tle epoki*, cz. 2: *Opiekunowie i współpracownicy*, „Roczniki biblioteczne” 1969, г. XIII, з. 3-4. с. 433-436.

¹²⁵ Из Послесловия, написанного Иваном Федоровым к львовскому *Апостолу* 1574 г. (цит. по: М. В. Щепкина, *Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг*, [в:] *У истоков русского книгопечатания*, Москва 1959, с. 235).

тели Вильно, пригласили его на работу. Как отмечает А. С. Зернова: „Он с благодарностью и уважением говорит об этих людях, среди общего развала и отступничества оставшихся верными православию. Они-то и убедили его взяться за книгопечатание: «Велми благодарим бога, яко и еще обретаются избрании божи, паче же в нынешнее время лукавое, посреде рода строптивя и развращенна. Но понеже понудили есте нас недостойных выше нашея меры на сие дело. Аз же есмь человек грешен и немощен, бояхся начати таковая. К тому же смотря свое неприлежание и леность и неразумие, на мнозе отлагах», то есть если бы не их просьбы, он откладывал бы свое намерение приняться за дело, которое считал для себя непосильным»¹²⁶. Здесь же Мстиславец не преминул назвать имена благодетелей, побудивших его взяться за труд печатания и оказавших помощь в работе. Типограф пишет, что *начахъ сѣю стѣбѣю книгу печатати ... оумышленіемъ и промышленіемъ его млѣти пана скарбѣнаго старосты оупицкаго Ивана Семеновича Зарецкаго и брата его пана Сенова боурмистра мѣста виленскаго*, а потом приносит слова благодарности *паноу Іѡѡ[нн] и паноу Сеновію, таже и Козмѣ и Лоукашоу Мамоничамъ, съ блговоленіемъ насть пріемлющи*¹²⁷ и *почиухмъ в двмоу нѣ сїе дѣло стронѣ, и въ всемъ наѣ оупокоевахоу*. Упомянутый Мстиславцем Иван Зарецкий (?-1585), представленный выше лишь как тесть Луки Мамонича, принадлежал к разряду крупной литовской шляхты, был влиятельным и очень богатым. „Акты знаютъ, что онѣ имѣлъ возможность ссужать государственный скарбъ ВКЛ довольно крупными суммами изъ своихъ личныхъ средствъ”¹²⁷. А еще он был известен как деятельный защитник православной церкви, с ним, в частности, находился в переписке старец Артемий, один из виднейших идеологов нестяжательства, писатель и религиозный публицист¹²⁸. Зиновий Зарецкий, бурмистр Вильно, после смерти брата занявший его должность виленского подклучего, „по своему официальному положенію и по состоятельности ... былъ для брата Ивана очень подходящим и ценным сотрудникомъ въ начатомъ имъ дѣлѣ организаціи типографіи”¹²⁹. Как следовало бы из слов самого Петра Тимофеева, распределение обязанностей между участниками предприятия было таким: инициатива устройства типографии принадлежала Зарецким¹³⁰, по всей видимости, они же опекали начинание

¹²⁶ А. С. Зернова, *Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец*, с. 87.

¹²⁷ И. И. Лаппо, *Къ исторіи русской старопечати...*, с. 168.

¹²⁸ См.: *Памятники полемической литературы Западной Руси*, „Русская Историческая Библиотека”, т. IV, Санкт-Петербург 1878, ст. 1273-1287.

¹²⁹ И. И. Лаппо, *Къ исторіи русской старопечати...*, с. 171.

¹³⁰ Наверное, не менее справедливым является высказанное Ф. Иляшевичем утверждение, что „inicjatywa sprawy należała do całego oświeconego mieszczaństwa wileńskiego” (Т. Пја-сзевіч, *Drukarnia domu Mamoniczów...*, s. 45).

и содействовали решению организационных вопросов, напр., получению королевских привилегий¹³¹. Подготовкой всего необходимого для работы и организацией самого печатания занимался Петр Тимофеев; дом же, в котором поместилась „друкарня“, предоставили Мамоници, на Луку и Кузьму легла также непосредственная забота о печатниках, а главное, братья являлись хозяевами типографии.

В Послесловии к другой виленской книге Мстиславца – *Псалтыри*, вышедшей в 1576 г., рисуется аналогичное положение дел. Мстиславец еще раз с признательностью вспоминает Зарецких, чьим *заповѣдемъ покорившоусѧ и прїемлющоу послушанїа напечатахъ сїю книгоу*, и отдает должное Мамоничам, которые не устают *изобѣдно въ всемъ насъ довольствоватн*, а при случае ссылается на местонахождение типографии: *въ славномъ мѣсте Виленьскѡмъ, пребываючи в дому бѣгочестивыхъ мужей Козмы и Лоукаша Мамоничовъ*.

Хотя сам факт размещения „друкарни“ в доме Мамоничей никаких сомнений не вызывает, не до конца выясненным остается вопрос локализации этой „каменицы“.

I.3.1. Местонахождение типографии братьев Мамоничей

Из виленских актов той поры знаем, что „каменица пана скорбного“ Луки Мамонича, прозываемая Зарецкой, располагалось на ратушной площади – „въ рынку противъ сольныхъ складовъ“¹³². Зарецкой она называлась потому, что прежде принадлежала небезызвестному нам скорбнику ВКЛ Ивану Зарецкому¹³³, но во второй половине XVI ст. перешла в собственность его зятя, Луки Мамонича¹³⁴. О местоположении этого дома имеются не вполне однозначные суждения. В основе разногласий лежат неодинаковые интерпретации данных, извлеченных из документов XVI-XVII веков.

¹³¹ На привилегию Мамоници ссылаются уже в Послесловии своего *Служебника* 1583 г. Обнаруженный же и обнародованный И. И. Лаппо текст королевского распоряжения, выданного Стефаном Баторием 13 марта 1586 г., лишь подтверждает предоставленные ранее исключительные права на печатание и продажу книг в Вильно; книжная продукция, привезенная, отпечатанная и продаваемая кем бы то ни было другим должна была конфисковаться, а виновный нести кару (см.: И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 277-279).

¹³² „Жалоба Скирнецакого и Мерецкаго о нанесенїи имъ побоевъ слугами Луки Мамонича въ домъ у Рынка, противъ соляныхъ складовъ“, 18 августа 1605 г., [в:] *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссіею*, т. XX, Вильна 1893, № 156, с. 201.

¹³³ См.: M. Baliński, *Historia miasta Wilna*, t. II, Wilno 1836, s. 121; J. Kraszewski, *Wilno od początków jego do roku 1750*, t. IV, Wilno 1842, s. 63.

¹³⁴ Ю. Крачковскій, *Предисловіе*, [в:] *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссіею*, т. XX, s. CLI.

В „Актах, касающихся города Вильны” и „Актах Виленского гродского суда” засвидетельствовано, что дом Мамоничей выходил на Рыночную площадь (Замковую улицу), а с торцевой своей части смотрел на Воскресенскую церковь¹³⁵. Известно также о „каменице” его милости, что находилась „у бокъ Ратуша, противъ соленниковъ” или точнее „въ рынку противъ раду Соленицкаго, зъ одной стороны отъ каменицы Ивана Калитымовича, а съ другой отъ каменицы Василя Барановича”¹³⁶, писали также, что найти ее можно „въ рынку противъ крамовъ темныхъ, одъ ратуша до замку идучы по лъвой сторонѣ лежачое”¹³⁷.

Для начала попробуем сориентироваться на местности, используя в этих целях фрагменты разных карт Вильно: гравюры Франца Хогенберга из атласа Г. Брауна *Города мира*, изданного в Кельне в 1581 г.¹³⁸; копии плана части города „съ подлинника, составленного въ 1672 г., находящагося въ архивѣ Троицкаго Виленскаго Православнаго Монастыря”¹³⁹ и фрагмента карты из книги Давида Фрика, калифорнийского профессора-слависта, реставрировавшего виленскую топографию XVII в. на основе реестров городского хозяйства и других местных документов¹⁴⁰ [см. репр. 2, 3 и 4].

Репр. 2: Центр Вильно на гравюре Франца Хогенберга, 1581

¹³⁵ См.: там же; J. Kraszewski, *Wilno od początków jego do roku 1750*, t. IV, s. 63.

¹³⁶ *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. VIII, с. 500.

¹³⁷ *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. XX, с. 151 и 112.

¹³⁸ *Civitates orbis terrarum* (G. Braun, F. Hogenbergius, S. Novellanus), lib. III: *Urbium praecipuarum totius mundi liber tertius*, [Köln] 1581, p. 59.

¹³⁹ Воспроизведен в книге: *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. XX, nn. с. 670.

¹⁴⁰ См.: *Wilniane. Żywoty siedemnastowieczne*, opr. D. Frick, „Biblioteka Europae Orientalis” XXXII, f. 2, Warszawa 2008, nn. s. 88.

На гравюре Ф. Хогенберга пролегающая горизонтально улица – это Замковая [Pilies gatvė] (обозначена на карте № 23), снизу в нее упирается ул. Святоянская [Švento Jono gatvė] (отмечена № 24), параллельно Святоянской в сторону Ратуши лежит ул. Стеклянная [Stiklių gatvė]; кроме того, цифрами обозначены: 14 костел Св. Яна, 15 дом воеводы, 16 дом бискупа, 17 греческая церковь (Воскресенская), 18 ратуша, 25 амбары (имбары). На Плане 1672 г. вдоль лавок и амбаров (они именуются здесь „imbary”) ведет Замковая улица, на которую выходит ул. Стеклянная, маркированная тут как Szklana, на пересечении этих улиц с левой стороны видим Воскресенскую церковь (☩ P. Woskresenia). Карта же Д. Фрика – после внесенных выше уточнений – в дополнительном комментарии не нуждаются.

Репр. 3: Фрагмент плана города 1672 г.

Первым попытку определить местонахождение „друкарни” Мамоничей предпринял житель Вильно, польский писатель и историк Михал Балиньский. Еще в 30-е годы XIX в. он писал: „Dom Mamoniczów był podobno na tem miejscu, gdzie teraz dom Śledzińskiego № 203, obok zaś jego, w narożnym domu, była niegdyś cerkiewka”¹⁴¹. Федор Иляшевич спустя сто лет взялся внести в эти данные уточнения: „Dom Śledzińskiego należał przed wojną (речь идет о первой мировой войне – В.М.) do p. Zawaszkiej, był to Nr 49 na ul. Wielkiej (то есть Замковой – В.М.)”. Таким образом, согласно М. Балиньскому, „каменица” Мамоничей находилась по правой стороне от Воскресенской церкви, если стоять к ней лицом.

По всей видимости, иначе думал Юзеф Крашевский, который чуть позже М. Балиньского написал: „Z akt miejskich wiadomo, iż drukarnia Mamoniczów i dom ich były w Rynku Wileńskim przeciw Cerkwi Woskriesieńskiej, obok domu szpitalnego Kaletnikowskiego, przeciwko Solennikom”¹⁴². Упомя-

¹⁴¹ М. Baliński, *Historia miasta Wilna*, t. II, s. 122.

¹⁴² J. Kraszewski, *Wilno od początków jego do roku 1750*, s. 63.

нутые здесь соляные склады – в числе других „имбаров” – находились на Рыночной площади ближе к ратуше. На картах можем заметить, что „квадратное ратушное здание обстроено многочисленными каменными «клетками» или «передклетями» со складами различных товаров»¹⁴³. Здесь были ряды соляные, в которых продавали соль, сельди, масло, воск, ряды суконные, мелочные, коренные, камеры для сбора пошлин, склады оружия и городских запасов»¹⁴⁴. Автор приведенных слов Юлиан Крачковский, председатель Виленской археографической комиссии, располагал „друкарню” не в доме Зарецких-Мамоничей, а рядом с ним: „через улицу напротив Воскресенской церкви лежал домъ, принадлежавшій въ XVI столѣтїи скарбнику литовскому Ивану Семеновичу Зарѣцкому. Рядомъ съ домомъ находилась въ 1575 году типографія Мамоничей. Во второй половинѣ XVI столѣтїа домъ Зарѣцкого переходитъ въ собственность Мамонича и рядомъ съ домомъ въ его типографїи работаетъ съ 1575 года Петръ Тимофеевичъ Мстиславецъ изъ Москвы»¹⁴⁵.

Репр. 4: План центра Вильно по данным исследования Д. Фрика

В 20-е годы прошлого столетия польский архивист Людвик Абрамович, поддерживая точку зрения Ю. Крашевского, кажется, расставляет точки над i: „Cerkiew Woskresieńska stała na rogu ul. Wielkiej i Szklanej, drukarnia więc Mamoniczów musiała być na drugim rogu w kamienicy Zareckiej, która znajdowała się właśnie naprzeciwko Solennik czyli składów solnych”¹⁴⁶. Это мнение позже разделяет Ф. Иляшевич¹⁴⁷ и другие исследователи. В результате сегодня, как полагаем, совершенно оправданно считается, что типография Мамоничей рас-

¹⁴³ *Zbiór praw i przywilejów miastu stołecznemu W X. L. Wilnowi nadanych*, wyd. P. Dubiński, Wilno 1788, s. 54-58.

¹⁴⁴ Ю. Крачковский, *Предисловіе*, [в:] *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. XX, s. CLIV.

¹⁴⁵ Там же, s. CLI.

¹⁴⁶ L. Abramowicz, *Cztery wieki drukarstwa w Wilnie. Zarys historyczny (1525-1925)*, Wilno 1925, s. 24.

¹⁴⁷ T. Iljaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów...*, s. 38.

полагалась в их доме на углу Замковой и Стеклянной, с левой стороны от пересечения улиц, если стоять к площади спиной. С правой стороны в этом случае должна находиться Воскресенская церковь, но говорить о ней можно только в прошедшем времени. В 1609 г. она была „передана уніатам, во владѣнніи которыхъ продолжала существовать до конца XVIII-го вѣка. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка церковь эта пришла въ ветхость и потому ксендзь Мокржецкій выхлопоталъ себѣ право перестроить и обратить ее въ жилой домъ”¹⁴⁸. Сегодня на месте церкви стоит трехэтажное здание, в котором сохранилась часть готической стены из красного кирпича – остатки старой церковной постройки, и выходит эта стена на Стеклянную улицу [см. репр. 5 и 6].

С опорой на данные виленских ревизий Д. Фрик определяет, что в интересующем нас доме в 30-х гг. XVII в. жил войт города Томаш Бильдзюкевич¹⁴⁹ (на плане эта „каменица” обозначена номером 3.01): „Powracamy do przeglądu przy Rynku, postępując w ślad za stanowniczym, kiedy to, idąc zachodnią stroną ul. Zamkowej w dół od Zamku, przechodzi on przez skrzyżowanie z ul. Szklaną. Były tu wciąż domy w większości o dwóch, niektóre o trzech kondygnacjach, zawierające izby w liczbie do kilkunastu, a w niektórych przypadkach do ponad dwudziestu. [...] Pierwsza część przeglądu Rynku rozpoczęła się od domu wileńskiego wójty i sekretarza królewskiego, Tomasza Bildziukiewicza (3.01), a zakończyła się na Gościńnym Domu (3.28)”¹⁵⁰. В современных путеводителях по Вильнюсу дом Бильдзюкевича – его нынешний адрес ул. Большая (Didžioji gatvė) 17/19, поскольку ул. Замковая на уровне Пятницкой церкви сейчас переходит в Большую – отождествляется не только с „каменицей” Мамоничей¹⁵¹, но и с домом, где располагалась типография ... Франциска Скорины.

Как известно, в начале 20-х гг. XVI ст. первопечатник из Полоцка покинул Прагу и поселился в Вильно, где в доме бурмистра Якуба Бабица создал первую в ВКЛ „друкарню”. Выход в свет *Малой подорожной книжицы* (1522) и *Апостола* (1525) знаменуют начало книгопечатного дела в восточной части Европы.

Гипотеза, связывающая пионерскую „друкарскую” деятельность в Вильно с одной и той же „каменицей”, была высказана в середине XIX века Юзефом Крашевским, причем представлялась лишь как предположение: „Bardzo być może, iż w kilkadziesiąt lat taż drukarnia Babiczów, przeszła i dostała się Mamoniczom”¹⁵². Позднейшие исследователи были более категорич-

¹⁴⁸ Ф. Добрянский, *Старая и новая Вильна*, Вильна 1904, с. 181-182.

¹⁴⁹ Он занимал должность виленского войта с 1621 г. до своей смерти в 1649 г. (см.: J. Kraszewski, *Wilno od początków jego do roku 1750*, t. III, Wilno 1841, s. 223).

¹⁵⁰ *Wilniane. Żywoty siedemnastowieczne*, s. 119.

¹⁵¹ См., напр.: P. Włodęk, *Wilno: przewodnik*, „Rewansz”, Pruszków 2005, s. 79; *Litwa, Łotwa, Estonia i obwód kaliningradzki*, „Pascal”, Bielsko-Biała 2012, s. 63.

¹⁵² J. Kraszewski, *Wilno od początków jego do roku 1750*, t. IV, s. 62.

DOM, W KTÓRYM MIEŚCIŁA SIĘ DRUKARNIA MAMONICZOWSKA
(Stan obecny)

WNĘTRZE KAMIENICY, W KTÓREJ MIEŚCIŁA SIĘ
DRUKARNIA MAMONICZOWSKA
(Stan obecny)

ДОМ ПО УЛ. ДИЛЖЕЙИ 17/19, В КОТОРОМ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО,
РАЗМЕЩАЛАСЬ ТИПОГРАФИЯ МАМОНИЧЕЙ

ВИД СО ДВОРА

ны. Флавиан Добрянский, председатель Комиссии по устройству Публичной библиотеки и Археографической комиссии в Вильно, уже не сомневался: „Типографія Бабича перешла потомъ къ почетной фамиліи Мамоничей”¹⁵³. Ему вторил Л. Абрамович: „Mamoniczowie nabyli nieczynną od kilkudziesięciu lat drukarnię Skaryny, którą Mściśławiec, zaś jako doświadczony fachowiec, uporządkował [...] i uruchomił w roku 1575”¹⁵⁴. Со временем гипотетически воссозданная картина обросла подробностями: „В самом центре старого Вильнюса есть неприметный двухэтажный дом (каменица), который имеет прямое отношение к начальному периоду истории отечественного книгопечатания. Когда-то этой каменицей владел «наистарший бурмистр славного и великого места Виленского» Якуб Бабич. Именно в этом доме нашел пристанище Франциск Скорина, после долгих скитаний по городам Европы возвратившийся на родную землю. Он основал здесь первую на территорию нашей страны типографию. Впоследствии дом этот переходил из рук в руки. И к моменту приезда в Вильнюс Мстиславца хозяевами каменицы были братья Мамоничи. Здесь и начал работать Мстиславец. Навряд ли в доме сохранилось какое-либо типографское имущество, которым пользовался еще Скорина. Ведь около сорока лет прошло с тех пор, как здесь печатал книги белорусский типограф. Мстиславцу пришлось начинать на пустом месте”¹⁵⁵.

Репр. 7 Мемориальная доска на доме, где предположительно находилась „друкарня” Мамоничей

И без того слабую аргументацию этой гипотезы почти сводят на нет сведения, приводимые, напр., Вацлавом Ластовским: „у 1530 годзе вялікі пажар зьнішчыў дзве трэцьці часьці Вільні, і ў гэтым пажары была зьнішчана скарынаўская друкарня”¹⁵⁶. В свете сказанного представляется, что инициаторы размещения мемориальной доски на доме 17 по улице Большая (Didžioji gatvė) оказались правы в своей осторожности: на таблице под барельефом виленского первопечатника надписи на литовском и белорусском языках уклончиво гласят: „С 1522 до 1525 года здесь в городе Вильне белорусский просветитель Франциск Скорина издал в Великом княжестве Литовском первые печатные книги” [см. репр. 7].

¹⁵³ Ф. Добрянский, *Старая и новая Вильна*, с. 34.

¹⁵⁴ L. Abramowicz, *Cztery wieki drukarstwa w Wilnie*, s. 23-24.

¹⁵⁵ Е. Немировский, Б. Самородов, *Шедевры и мастера*, с. 125-126.

¹⁵⁶ В. Ластоўскі, *Гісторыя Беларускай (Крыўскай) кнігі*, Коўна 1926, с. 304.

1.3.2. Первый период деятельности типографии Мамоничей (1574-1577)

Получив поддержку от православных горожан и помощь в финансировании предприятия, Петр Мстиславец в начальный период своего пребывания в Вильно, видимо, занимался изготовлением шрифта и оборудованием типографии. Печатаение первой книги – *Евангелия* – было начато 14 мая 1574 г. и заняло свыше десяти месяцев. Затем из „друкарни” вышла *Псалтирь*, оконченная 16 января 1576 г.¹⁵⁷ и, наконец, *Часовник*, условно датированный 1575-1576 гг. Этими тремя изданиями ограничилась деятельность Мстиславца в типографии Мамоничей.

По стилю оформления названным книгам присущи черты московской – федоровской – печати¹⁵⁸. Изготовленные Петром Тимофеевым шрифты, по рисунку похожие на крупный полуустав, „отличались четкостью и изяществом, что в свою очередь определяло и качество набора, выполненного в высшей мере аккуратно”¹⁵⁹. Эти книги эффектно оформлены, примечательны затейливыми буквицами, заставками и пятью мастерски выполненными гравюрами, что дает возможность специалистам считать, что „его (Мстиславца) издания по достоинству орнамента, гравюр-иллюстраций, по качеству набора превосходят все более поздние издания Мамоничей”¹⁶⁰.

Именно Мстиславцу принадлежала ведущая роль в деятельности типографии этого периода, именно его следует считать основателем „друкарни дому Мамоничов” – не случайно выделенное словосочетание изначально имело буквальный – адресный – смысл, еще не являлось знаком типографии. Книгой, в которой впервые указано, что она присходит „з друкарни дому Мамоничов”, является *Служебник*, изданный уже без участия Петра Тимофеева в 1583 году. В современной библиографической литературе граница между двумя периодами типографской деятельности виленских братьев обозначена очень четко: три позиции, подготовленные и выпущенные Мстиславцем, значатся как вышедшие из: „Тип. Мамоничей: Печ. Петр Тимофеев Мстиславец”¹⁶¹, тогда как все позднейшие книги отмечены как продукция „Тип. Мамоничей” либо „Друкарни дому Мамоничей”.

Но если Петр Мстиславец, в оценке И. И. Огиенко, „міг би сказати про себе, ... що він «своїм тшанням» віленське «друкування» занедбалосе обнови́л»”¹⁶², каким было участие Мамоничей в повседневной деятельности типо-

¹⁵⁷ Сведения о датировке книг приводятся в Послесловиях.

¹⁵⁸ См.: А. И. Анушкин, *На заре книгопечатания в Литве*, Вильнюс 1970, с. 55.

¹⁵⁹ Е. Немировский, Б. Самородов, *Шедевры и мастера*, с. 126.

¹⁶⁰ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 167.

¹⁶¹ А. А. Гусева, *Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог*, кн. I, Москва 2003, с. 451, 455.

¹⁶² І. І. Огієнко, *Історія українського друкарства*, Київ 1994, с. 55. Украинский ученый-митрополит в данном случае обыгрывает надпись на старой могильной плите Ивана Федорова: „своимъ тшаниемъ друкованіе занедбалосе обнови́л”.

графии? Считается, что вклад Луки в общее дело ограничивался обеспечением финансирования, Кузьма же как управляющий „друкарни” по мере своих возможностей старался принимать непосредственное участие в производстве¹⁶³. А мера эта со временем неуклонно росла, поскольку Кузьма с успехом овладевал тонкостями печатного дела. Лучшее подтверждение сказанному – признание самого Петра Мстиславца: как он „сполнымъ накладомъ своимъ съ тымъ Кузьмою справивши, книги русские ... есми друковаль”¹⁶⁴. Правда, прозвучали эти слова в весьма драматичной ситуации.

В 1577 году между компаньонами произошел конфликт, дело дошло до судебного разбирательства. Петр Тимофеевич позвал Кузьму Мамонича „передъ пановъ бурмистровъ на ратушъ” по вопросу о разделе типографии. Судить о причинах разрыва довольно трудно. Польские исследователи склонны видеть их скорее в том, что Мамоничи почувствовали свою самодостаточность в печатном деле, следствием чего стало „stopniowe usuwanie Mścislawca z kierowniczej pozycji w drukarni i ograniczenie jego wpływów na produkcję w miarę postępującego zaznajamiania się Kuźmy z techniką drukarską. Uzyskany przez Mamoniczów przywilej¹⁶⁵, znakomicie wzmacniający ich pozycję, mógł stać się bezpośrednią przyczyną zerwania. Gdy Mścislawiec postanowił wycofać się ze spółki, zażądał wydania sprzętu, stanowiącego jego prywatną własność. Oczywiście godziło to w interesy Mamoniczów i stawiało ich dalszą działalność na polu drukarstwa pod znakiem zapytania. Toteż Kuźma sprzeciwił się żądaniu Piotra”¹⁶⁶. Российские же специалисты в основном связывают мотивы расставания типографов с изменением политической обстановки: прекратить книгопечатание и распрощаться с Мстиславцем Мамоничей побудило вступление в 1576 г. на польский престол усердного католика Стефана Батория¹⁶⁷. Это событие не сулило больших перспектив для дальнейшего печатания книг, предназначенных православным читателям, „и осторожные Мамоничи, возможно, решили хотя бы временно прекратить работу своей типографии”¹⁶⁸. В теории и одни, и другие доводы имеют под собой солидные основания.

¹⁶³ См.: L. Abramowicz, *Cztery wieki drukarstwa w Wilnie*, s. 25; T. Iljaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów...*, s. 46.

¹⁶⁴ Документъ касательно древней Виленской Русской типографіи Луки Мамонича по претензіи къ оной Петра Мстиславцева первым обнародовал И. Спрогис („Литовскія Епархіальныя Вѣдомости” 1883, № 41, с. 366-368), позже текст перепечатывался в книге: П. В. Владиміровъ, *Докторъ Францискъ Скорина: его переводы, печатныя изданія и языкъ*, Санкт-Петербургъ 1888, с. 205-206, прим. 3.

¹⁶⁵ См. ссылку 131 в этом разделе монографии.

¹⁶⁶ См.: *Drukarze dawnej Polski...*, s. 149-150.

¹⁶⁷ См.: *Русское книгопечатание до 1917 года: 1564-1917*, Москва 1964, с. 103.

¹⁶⁸ А. С. Зернова, *Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец*, с. 102.

Спор тянулся сравнительно долго, состоялось несколько разбирательств. В итоге Мамоничу были оставлены напечатанные книги, а Мстиславец должен был получить типографское оборудование – „вшелякое начине, друкарни належачое, што кольвек на тотъ часъ при тои друкарни было”¹⁶⁹. Поскольку ответчик не выполнил возложенных на него обязательств, последовала новая тяжба, суд повторил свое решение и назначил Мамоничу штраф¹⁷⁰. Оборудование „друкарни” в конце концов остается у Мстиславца: изучение позднейших изданий Мамоничей показывает, что в типографию ничего из имущества Петра Тимофеева не перешло – ни шрифт, ни доски гравюр и орнамента; вместе с тем значительная часть материала Мстиславца обнаружена в острожских изданиях 90-х годов XVI и начала XVII вв.¹⁷¹ Первопечатник должен был выехать из столицы ВКЛ, но дальнейшая его судьба неизвестна.

После отхода главного специалиста „друкарня” Мамоничей на пять лет прерывает свою деятельность. Считается, что к продлению застоя могло привести не только отсутствие квалифицированного типографа, но и печатного материала, в первую очередь шрифтов, которые Мстиславец, очевидно, забрал с собой¹⁷².

1.3.3. Второй период деятельности типографии Мамоничей (1582-1601)

Восстановление „друкарни” начинается в 1582 г., когда Кузьме Мамоничу удастся найти другого печатника и уговорить его переехать в Вильно. Поскольку возможности выбора знающего мастера были ограничены – „w owym czasie drukarnie Fedorowa i Mamoniczów były jedynymi oficynami ruskimi na Wschodzie, skąd mogli się rekrutować rzemieślnicy obeznani z drukarstwem cudylickim”¹⁷³ – виленские братья прибегли к опробованной уже однажды методе: переманили ученика Федорова: Гриня Ивановича. Пребывая еще в Заблудове, первопечатник начал обучать своему ремеслу местного подростка Гриня и взял его с собой на Украину¹⁷⁴. Во Львове Федоров в течение двух лет платил мастеру Лаврентию Филипповичу, который должен был передать молодому ученику секреты столярного и типографского дела, в том числе изготовления литер для печатания. По окончании учебы Гриня в присутствии свидетелей обязывался „za tak wielkie dobrodziejstwo” ни для себя, ни для кого-либо другого, кроме Ивана Федорова, не отливать

¹⁶⁹ Документъ касательно древней Виленской Русской типографіи..., с. 206.

¹⁷⁰ См.: А. И. Анушкин, *На заре книгопечатания...*, с. 56.

¹⁷¹ *Русское книгопечатание...*, с. 103.

¹⁷² См.: *Drukarze dawnej Polski...*, s. 150.

¹⁷³ Ibidem, s. 151.

¹⁷⁴ См.: *Русское книгопечатание...*, с. 46.

шрифтов и не устраивать типографий. По всей видимости, Гринь уже помогал Федорову в „друкарской” деятельности в Остроге, а, значит, участвовал в создании знаменитой *Острожской Библии*¹⁷⁵. После разрыва с князем Константином Острожским Иван Федоров вернулся во Львов и думал о заведении новой типографии, тогда-то Гринь, нарушив обещания, тайком бежал в Вильно к братьям Мамоничам, для которых „pismo dwoje guskie ku druku urobił”¹⁷⁶. Шрифты, о которых идет речь, – кириллица старого образца, близкая к федоровской, но более мелкая, а также курсив, имитирующий канцелярский почерк писцов ВКЛ, – впервые использованы Мамоничами в *Сборнике* 1585 года. Однако прежде – в 1583 г. – из типографии вышел *Служебник*, примечательный уже тем, что на нем значилось новое название фамильного начинания: **з’ друкарни домъ Мамоничовъ**.

Выпуск же упомянутого *Сборника поучений Геннадия, патриарха константинопольского*¹⁷⁷, знаменовал полное завершение трудного периода. С этого времени типография Мамоничей прочно стала на ноги, вступила в пору наиболее оживленной своей деятельности и выпускала не менее одного издания в год. Больше всего печаталось книг богослужебного характера или же предназначенных для „душеспасительного чтения”.

До конца столетия „друкарня” опубликовала свыше двух десятков изданий для православной церкви: *Катехизис (Катехизм или наука всем православным хрестияном к повечию велми полезна з латинского языка на русский язык новопреложоно – 1585)*¹⁷⁸, четыре *Псалтыри с воследованием* (1586, 1590¹⁷⁹, 1593, после 1593 – из них датирована только одна – 1593 г.); две *Псалтыри* (1592, после 1600 – первая датирована); три издания *Апостола* (1591, 1592, после 1595 – год выхода указан на первом); допечатанные Мамоничами *Виленские листы* к федоровской *Острожской Библии*¹⁸⁰ (ок. 1595); два *Евангелия учительных* (оба датированы 1595 г., одно со счетом

¹⁷⁵ S. Ptaszycki, *Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie z końca XVI wieku*, „Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie”, ser. I, t. XI, 1886, s. 11.

¹⁷⁶ Ibidem, s. 31.

¹⁷⁷ Книга состоит из поучений трех отцов церкви: не только патриарха константинопольского Геннадия, но Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста.

¹⁷⁸ В науке высказывались также авторитетные мнения, согласно которым это издание было напечатано в Виленской типографии иезуитской Академии, но шрифтом, позаимствованным у Мамоничей (см.: А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 181; А. Fałowski, *Język ruskiego przekładu katechizmu jezuitckiego z 1585 roku*, Kraków 2003, s. 26-27).

¹⁷⁹ Дата выхода в свет книги поставлена здесь на с. 698. Г. Я. Голенченко (*Книга Белоруссии: 1517-1917. Сводный каталог*, сост. Г. Я. Голенченко, Т. В. Непорожная, Т. К. Радзевич, Минск 1986, с. 69, № 27) и А. С. Зернова (она же, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 220, № 14) датировали издание 1591-1592 гг.

¹⁸⁰ Некоторые подробности приводятся на с. 65 настоящей монографии.

листов и с сигнатурами, другое с сигнатурами без счета листов); два *Евангелия* с датой 1600 г. (с сигнатурами и без сигнатур, 1600); *Служебник*, увидевший свет не позднее 1598); несколько молитвенников: два *Часовника* (оба 1592-1601), *Часослов* (1582-1598), два *Часословца* (оба 1601, один с датой выхода); поучения и наставления: *О крестном знаменши...* Максима Грека (1585-1595); *Хиротония. Грамота ставленая иерейская* (1587-1595); *Пандекты Никона Черной горы*, служащие истолкованию заповедей Господних (1592)¹⁸¹.

Издательская деятельность типографии Мамоничей этого периода отнюдь не ограничивалась публикацией религиозно-просветительной литературы. Из-под печатных прессов „друкарни” вышло несколько учебников, к слову сказать, первых на виленской земле. *Грамматика (Кграматыка Словеньска языка* – 1586), как говорится в Послесловии, составлена в Остроге „за прозбою жителей столицы великаго княжества литовскаго града Вильны” и „выдана для наученья и вырозуменья”¹⁸². Предположительно, в том же году из „друкарни” Мамоничей вышло руководство по логике – *Диалектика (От другие диалектики Иоанна Спанк[е]нберга о силлогизме вытолковано* – 1586). Это сочинение малоизвестного ученика Мартина Лютера было переведено Андреем Курбским и предназначалось прежде всего для нужд братских школ, слушатели которых учились искусству религиозной полемики. К описываемому периоду относят также публикацию Мамоничами трех *Букварей (Начало учения детям хотящим разумети писание)*. Один из них, являющийся копией федоровского издания 1574 г., датируется серединой 90-х гг., двум другим приписывают более широкие рамки условного выхода из печати – 1580-1590, 1593-1601 гг.¹⁸³ Впрочем, считается, что „изданий малого формата, нужных для обучения грамоте, Мамоничи напечатали много больше, чем их сейчас найдено”¹⁸⁴, к тому же в школе того времени не только учебники, но и Псалтыри, Часословы и Евангелия также трактовались как пособия для чтения.

Третьим – и самым важным для нас направлением деятельности **друкарни домѣ Мамоничовѣ** – стала публикация юридических и общественно-политических книг. В истории книгопечати ВКЛ братья первыми выпустили кириллическое издание правового характера – *Трибунал (Трибунал обователем Великого князства литовского* – 1586). С этого времени типография принимает государственные заказы на печатание официальных текстов. По мнению И. И. Лаппо, полученная в 1586 г. королевская привилегия

¹⁸¹ См.: А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 220-221; А. А. Гусева, *Издания кирилловского шрифта половины XVI века. Сводный каталог*, кн. 2, Москва 2003, с. 1292.

¹⁸² См.: А. И. Анушкин, *На заре книгопечатания...*, с. 63.

¹⁸³ См.: А. А. Гусева, *Издания кирилловского шрифта...*, кн. 1, с. 21-22; кн. 2, с. 893, 999-1000.

¹⁸⁴ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 206.

подтверждает правительственный характер „друкарни”: „она имѣла тогда значеніе государственной типографіи”¹⁸⁵. К такому выводу ученого склонил императивная формулировка латиноязычного текста королевского распоряжения „объ учрежденіи [выделено И. И. Лаппо] великимъ княземъ литовскимъ типографіи съ назначеніемъ къ ней Кузьмы и Луки Мамоничей, а не о разрѣшеніи имъ открыть собственную друкарню”¹⁸⁶. Эта точка зрения впоследствии не нашла сторонников, и сегодня считается, что предприятие было и осталось частной собственностью сначала братьев, а затем сына Кузьмы – Леона¹⁸⁷.

Вместе с тем, трудно не согласиться со словами З. Ярошевич-Переяславцев, полагающей, что после 1586 г. „друкарня” все более „nabierała sechy «urzędowej»”¹⁸⁸. Главным свидетельством тому служит не столько признание Мамоничей **тгыпокрафами его к(о)р(олевско) м(н)а(ости)**¹⁸⁹, сколько возложенная на них обязанность издать свод государственных законов – *Статут Великого князства Литовского*.

Как уже отмечалось выше, в самом начале 1588 г. король Сигизмунд III утверждает новоправленный кодекс, а уже в феврале Лев Сапега получает королевскую привилегию на его печатание. В привилегии специально оговаривается, что подканцлер ВКЛ может возложить это ответственное задание на любую типографию. Заказ оказывается в руках Луки и Кузьмы Мамоничей.

Если выпуск брошюры *Трибунала* не требовал от печатников мобилизации всех сил и ресурсов, то подготовка к изданию объемного и многотиражного *Статута* вынудила братьев задуматься о необходимости расширения производственных мощностей „друкарни”. Поэтому уже весной 1588 г. Кузьма Мамонич отправился во Львов и приобрел там типографское оборудование, оставшееся по смерти Ивана Федорова. Но даже с учетом увеличения количества печатных станков типографам надо было работать в спешке: уже к концу года – перед датой вступления законов в силу¹⁹⁰ – книга должна была увидеть свет.

¹⁸⁵ И. И. Лаппо, *Къ исторіи русской старопечати...*, с. 175.

¹⁸⁶ „Officinam ... instituimus .. et incolis ... Cosmae et Lucae Iwanowicz Mamoniczom cum facultate ... libros excudendi et ... dividendi ... demandavimus” (там же).

¹⁸⁷ См.: А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 173-174; *Drukarze dawnej Polski...*, s. 152.

¹⁸⁸ Z. Jaroszewicz-Pierestawcew, *Druki cyrylickie z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII wieku*, Olsztyn 2003, s. 72.

¹⁸⁹ Так братья впервые названы в издании *Псалтыри с воследованием*, вышедшей 30.XI.1593 (см.: л. 138 об. 2-го счета).

¹⁹⁰ Согласно королевской привилегии, **справы съдовые** по новой редакции Статута надлежит **шпоровати почати в року пришлоу тисеча пятьсотъ осмъдесатъ девятомъ в трехъ кролехъ**, т. е. с 6 января 1589 г.

Каких-либо точных сведений о времени начала „друкарских” работ не имеется. Из письма Льва Сапеги к Криштофу Радзивиллу от 13 июля 1588 г., однако, известно, что подканцлер уже отдал распоряжение перепечатать текст Статута¹⁹¹. И. И. Лаппо справедливо на этот счет замечает: „Надо думать, что это онъ сдѣлалъ не въ самый день своего письма, но раньше его [...] и довольно значительно раньше. Но и на предварительную подготовку типографскихъ работъ также, конечно, потребовалось немалое время. [...] Вотъ почему едва ли возможно предполагать начало набора и печатанія Третьяго Литовскаго Статута ранѣ наступленія лѣта или конца весны 1588 года”¹⁹². Судя по тому, что помещенное в кодексе Посвящение издания Сигизмунду III датировано первым днем декабря 1588 года, к началу этого месяца печатание ЛС уже было закончено. Таким образом, выпуск кодекса **права писаного** занял у Мамоничей от полугода до десяти месяцев.

Спрос на книгу оказался столь большим, что типография ее переиздала еще несколько раз – с сохранением внешнего подобия первопечатному образцу и выставлением одной и той же даты – не выпуска кодекса из „друкарни”, а его утверждения королем. Вопросы количества, хронологии и причин переизданий ниже станут предметом обстоятельного обсуждения.

Выпуском *Трибунала* и *Статута* Мамоничи серьезно укрепили свое положение. Они начинают получать заказы на печатание законодательных актов на польском языке, составляя конкуренцию краковским „друкарням” Андрысовича-Янушовского¹⁹³ и Миколая Шарфенбергера¹⁹⁴, а, может быть,

¹⁹¹ См.: *Scriptores Rerum Polonicarum*, vol. VIII, Cracoviae 1885, p. 195.

¹⁹² И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 393.

¹⁹³ Краковская типография, известная как „Drukarnia Łazarzowa (Oficyna Łazarzowa)”, была основана в 1550 г. членом местной армянской общины Лазарем Андрысовичем, после его смерти – с 1577 г. – дело отца продолжил сын Ян Янушовский (1550-1613), волею судеб секретарь польских королей Сигизмунда II, а потом Стефана Батория. В 1578 г. Янушовский получил позволение на печатание Статутов, сеймовых Конституций и всех документов, выходящих из королевской канцелярии. В конце 80-х гг. XVI в. Сигизмунд III присвоил Янушовскому титул архитипографа королевской милости (*Polski Słownik Biograficzny*, t. X, Ossolineum 1962, s. 598-600).

¹⁹⁴ Будучи представителем славной „друкарской” династии, Николай Шарфенбергер (1519-1606), краковский купец и печатник, в 1565 г. открыл типографию, в которой издавал прежде всего официальные тексты. Король Сигизмунд II пожаловал Шарфенбергеру исключительное право на публикацию польских Статутов и Конституций, а также назначил типографом королевской канцелярии. Стефан Баторий повторил привилегию, но при нем Шарфенбергер именовался придворным типографом (*Polski Słownik Biograficzny*, t. XLVII, Kraków 2010, s. 91-93).

делясь с ними „сферами влияния”. Прежде всего из-под типографских пресов Мамоничей выходили многочисленные сеймовые *Конституции* и *Универсалы*, но также и *Постановления съездов*¹⁹⁵. В числе кириллических изданий официального характера упоминания заслуживает однолистная грамота Сигизмунда III на проезд через Великое княжество Литовское патриарха Иеремии (1589).

В числе факторов, способствовавших дальнейшему расширению издательского диапазона „друкарни” Мамоничей, равно как росту доверия к братьям со стороны власть имущих, значились изменения в религиозных воззрениях Луки и Кузьмы.

До подписания Брестской церковной унии 1596 г. типография в основном обслуживала нужды православных, даже служила чем-то вроде печатного органа местного Братства. По мере наступления униатства братья начинают склоняться к принятию догматов греко-римской церкви, а потом переходят в лагерь сторонников Унии. Это отражается на характере продукции *друкарни дому Мамоничовъ*, ближе к концу столетия все более охотно печатающей книги униатского содержания. В связи с таким поворотом дела Виленское православное Братство было вынуждено создать свою типографию¹⁹⁶.

Мамоничи же еще в 1595 г. издали сочинение Ипатия Потя, пропагандирующее идеи воссоединения греческой церкви с римской: *Уния albo выклад преднейших артыкулов ку зъодноченью греков с костелом рымским належащих*. Впоследствии из стен „друкарни” вышли другие труды этого автора и иных проповедников униатства: *Справедливое описание поступку и sprawy Сынодовое и оборона згоды и едности съвершенное, которая се стала на Сыноде Берестескомъ* Ипатия Потя – 1597; *Описание и оборона Събору русского Берестейского*, перевод книги Петра Скарги – 1597;

¹⁹⁵ Вот перечень тех позиций, что удалось обнаружить в польских библиотеках: *Constitutie Seymu Walnego Warszawskiego Roku Bożego 1589*; *Constitutie Seymu Walnego Warszawskiego Roku Bożego 1590*; *Constitutie Seymu Walnego Koronnego Warszawskiego Roku Bożego 1591*; *Uniwersał poborowy na Zjeździe Głównym Wileńskim 1591*; *Constitutie Seymu Walnego Warszawskiego Roku Pańskiego 1593*; *Constitutie Seymu Walnego Warszawskiego Roku Pańskiego 1593 – Uniwersał poborowy na Seymie Walnym Koronnym Warszawskim w Roku 1593 uchwalony*; *Constitutie Seymu Walnego Krakowskiego w Roku 1595: O Seymie blisko przyszłym – Uniwersał poborowy na Seymie Walnym w Krakowie uchwalony w Roku 1595*; *Constitutie Seymu Walnego Koronnego Warszawskiego w Roku 1598 – Uniwersał poborowy na Seymie Koronnym Warszawskim uchwalony w Roku 1598*; *Postanowienie Zjazdu Głównego Wileńskiego Maii 28. Anno 1591*; *Postanowienia Zjazdu Głównego Wileńskiego. Constituciey W Roku Terazniejszy 1593 Miesiąca Augusta Siodmego dnia wydana*.

¹⁹⁶ См.: *Drukarze dawnej Polski...*, s. 154.

Антирризис или Апология против Христофора Филалета Петра Аркудия и Ипатия Потия¹⁹⁷ – не ранее 1599)¹⁹⁸.

Совершенно особняком в ряду изданий этого периода стоит печатная позиция, соотносимая скорее с литературным творчеством. Это сочинение польского поэта Станислава Колаковского (ок. 1565-1622) *Cathemerinon Xsięstwa Śluckiego*¹⁹⁹ – написанный силлабическими виршами плач по последним (в мужской линии) представителям рода Олельковичей-Слупских, князей ВКЛ, ведущих происхождение от Гедимины: братьев Ежи (1559-1586), Яна Шимона (ок. 1560-1592) и Александра (1563-1591). Позже такого рода книги на заказ, издаваемые по желанию влиятельных персон, станут выходить из „друкарни” уже систематически.

Стоит сказать несколько слов еще об одном достижении Мамоничей, соотносимом с 90-ми годами XVI в.: создание собственной бумажной мельницы. „Паперный млын” располагался в Повильно, имении Луки Мамонича, расположенном недалеко от столицы „надъ Вильнею рѣкою”. Хотя в документах эта мельница фигурирует с 1598 г.²⁰⁰, начала действовать она несколько раньше. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что произведенная здесь бумага фиксируется на документах, датированных 1596 г.²⁰¹

1.3.4. Издательская деятельность Леона Мамонича (1601-1624)

Начиная с 1601 г. старшие Мамоничи постепенно отходят от руководства типографией, семейное дело постепенно переходит к сыну Кузьмы – Леону, который после смерти дяди (1606) и отца (1607) становится полноправным хозяином „друкарни”.

Воспитываясь в доме книгоиздателей, Леон Кузьмич Мамонич уже с юных лет привлекался к деятельному участию в работе типографии.

¹⁹⁷ В 1597 г. один из инициаторов Брестской церковной унии Петр Скарга издал в Кракове книгу, которая была переведена Ипатием Потием и издана Мамоничами под названием *Описание и оборона Събору русского Берестейского*. В том же году в Кракове вышла анонимная брошюра *Ектезис*, обвинявшая епископов, принявших унию. Продолжением этой полемики стал труд *Апокрисис* Христофора Филалета, на который Ипатий Потий вместе с Петром Аркудием не преминули отреагировать.

¹⁹⁸ См.: А. А. Гусева, *Издания кирилловского шрифта...*, кн. 2, №№ 136, 155, 156, 166, с. 918-919, 1075-1077, 1088-1089.

¹⁹⁹ *Cathemerinon Xsięstwa Śluckiego z żałobliwym lamentem na pośpieszną śmierć sławnej pamięci Xiążąt Śluckich Gerzego, Jana Siemiona y Alexandra Ostatnich Dziedziców*, w Drukarni Mamoniczów, Roku Pańskiego 1593.

²⁰⁰ „Протестъ со стороны поверѣннаго Луки Мамонича противъ ввода Дыбовской во владѣніе имѣніями и домами его: «фольварокъ Повильно, млыны, гамеръ и въ паперню»” (*Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. XX, с. 149).

²⁰¹ См. с. 174 в данной монографии.

Впервые свои умения он показал при публикации *Псалтыри* 1593 г. В Посвящении этого издания Луке Ивановичу Мамоницу Леон просит принять *сѣю перъвѣю працѣ мою во ч(є)тныи рѣцѣ бѣголюбѣ твоего ... ѿ младѣ ѿмѣ и юна възърастомъ*.

И хотя официально имя Леона Кузьмича в выходных данных книг появляется лишь в 1609 г., старшие Мамоницы отстраняются от дел уже в самом начале XVII в. Под руководством Леона „друкарня” резко меняет направление своей деятельности, начинает обслуживать почти исключительно нужды униатов и сильных мира сего.

Известно, что сам младший Мамонич не только принял идеи объединения восточной и западной церквей, а также был членом униатского Братства Святой Троицы, но и позволял себе открыто выступать против православных, правда, за его действиями могло скрываться лишь желание ограничить возможности конкурентов²⁰².

В 1601 г. из типографии вышло издание *Молитв повседневных*. В Посвящении книги неизвестному духовному лицу Леон говорит о своей редакторской (!) работе при подготовке молитвенных текстов. Эта чуждая для православных практика, равно как отсутствие в святцах упоминаний о великорусских святых, говорят о том, что представляемый молитвенник – униатский²⁰³.

К подобным аналитическим процедурам уже не следует прибегать при определении направленности последующих изданий „друкарни”. При этом в выпуске религиозно-полемической литературы польскоязычные позиции начинают занимать не меньшее место, чем „простомовные”. Считается, что именно Мамоничам следует приписать выход в анонимных типографских изданиях очередных сочинений И. Потия: *Rozmowa Brzeŝcianina z Bratczykiem* (1603) и *Obrona Synodu Florenckiego powszechnego dla prawosławnej Rusi napisana* (1605 ?), а также труда другого известного защитника униатства П. Федоровича: *Obrona S. Synodu Florenckiego powszechnego dla prawosławnej Rusi napisana* (1603)²⁰⁴. Перевод последнего из указанных сочинений увидел свет в типографии Леона в 1604 г., тогда же вышла *Апология Флорентийского собора*, приписываемая цареградскому патриарху Схоларию; в 1608 г. были опубликованы *Тезисы* униатского деятеля Иосифа Рутского, предназначенные к диспуту с православными. В 1621 г. „друкарня” младшего Мамонича издает два иных сочинения этого автора, на сей раз

²⁰² В 1610 и 1614 гг. Леон Мамонич обращался к королю с просьбой запретить распространение книг, издаваемых типографией православного Братства Святого Духа. Прошения были удовлетворены (см.: *Drukarze dawnej Polski...*, s. 156).

²⁰³ См.: А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 212.

²⁰⁴ См.: *Drukarze dawnej Polski...*, s. 154-155.

полемизирующего с книгой Мелетия Смотрицкого: *Examen Obrony, to jest odpis na skrypt Obrona Veryfikacji nazwany* и *Sowita wina To iest Odpis na script, Maiestat Krola Ie[g]o Msci honor y reputatia Ludzi Zacnych Duchownych y Swieckich obrażaiący, nazwany Verificatia Niewinności*. О содержании прочих книг проуниатской направленности, также выпущенных Мамоничем, лучше всего говорят их названия: *Гармония, альбо согласие веры, сакраментов, церемоней святое восточной церкви с костелом рымским* (1608); *Paregoria albo utulenie uszczypliwego lamentu mniemaney cerkwie Wschodney zmyślonego Theophila Orthologa* (1612); *Obrona jedności Cerkiewney abo dowody, któremi się pokazuje, iż Grecka Cerkiew z Łacińską ma być zjednoczona* (1617).

Хотя помимо униатских изданий в первую декаду XVII ст. Леон Мамонич напечатал две православные церковнослужебные книги, специалисты усматривают в этом проявление инерции и коммерческих интересов²⁰⁵. *Триодъ постная* (1609) и *Триодъ цветная* (опубликована без указания года, условно датирована 1609), представляющие собой точные копии изданий Андроника Невежи 1591 и 1589 гг., напечатаны „с явным расчетом на продажу в Москве”²⁰⁶. Вместе с тем в Посвящении, помещенном в *Цветной триоди* и адресованном Льву Сапеге, подчеркиваются заслуги канцлера в соединении **церкви нашеѡ з рымскою**.

Две следующие литургические книги – *Часослов* (1617) и *Служебник* (1617) – также выпущены для продажи вне Вильно, но уже не в Москве, а на Украине. Об этом говорит явный униатский характер изданий, которые, конечно же, православные не приняли бы, а также оформление, сближающее эти публикации с книгами украинской – острожской и львовской – печати²⁰⁷. Униатскую направленность имели также два издания *Требника* (1618), не случайно эти книги печати Леона Мамонича вместе с упомянутым *Служебником* спустя десятилетия „potwierdzone były do użycia unitom, jak to widać z Synodu w r. 1647”²⁰⁸.

Следуя примеру старших Мамоничей, Леон как „типограф Его Королевской Милости”²⁰⁹ продолжал также выпуск официально-правовых текстов ВКЛ, но практически все они выходили по-польски. Это два издания свода законов ВКЛ в польском – весьма некачественном²¹⁰ – переводе:

²⁰⁵ См.: А. И. Анушкин, *На заре книгопечатания...*, с. 68.

²⁰⁶ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 213.

²⁰⁷ Там же, с. 214-215.

²⁰⁸ М. Wiszniewski, *Historia literatury polskiej*, t. VIII, Kraków 1851, s. 32.

²⁰⁹ Впервые королевским типографом Леон Мамонич называет себя в изданиях 1609 г.

²¹⁰ Мало того, что этот перевод сделан путем калькирования „рускомовного” текста, довольно часто при передаче тех или иных понятий перелагатель обращается к транслитерации.

Statut Wielkiego Xięstwa Litewskiego (1614 и 1619²¹¹) и несколько изданий *Трибунала и Конституций* Великого княжества Литовского²¹².

Помимо публикации документов правового характера и книг религиозно-полемиического содержания третьей областью специализации „друкарни” Леона Мамонича становится выпуск заказных текстов – эпитафий, т. е. казаний на погребение различных вельмож, и эпиталям, т. е. панегириков в связи с бракосочетанием. Если ограничиваться простым подсчетом изданных младшим Мамоничем позиций²¹³, именно такого рода литература составляет не менее трети всех публикаций королевского типографа. Леон издает эпитафии, звучавшие на похоронах представителей столь славных фамилий, как Радзивиллы, Ходкевичи, Войны, Тышкевичи²¹⁴; публикует иные тексты, связанные как с печальными событиями жизни²¹⁵, так и радостными²¹⁶.

²¹¹ Высказываются также мнения о том, что таких изданий у Леона Мамонича было три: кодекс 1619 г. был перепечатан около 1623 г. с сохранением прежней даты (см.: Г. Я. Галенчанка, *Выданні Статута, [в:] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Камментарыі*, Мінск 1989, с. 471; Я. Юхо, *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, с. 634).

²¹² *Trybunał obywatelom Wielkiego Xięstwa Litewskiego na Seymie Warszawskim dany Roku 1581* (издания 1614, 1616, 1623, 1628; *Constitutie Seymu Walnego Koronnego, w Warszawie Roku Pańskiego 1607* – последнее издание, на котором проставлено старое название типографии „w Drukarni Domu Mamoniczów”; *Constitutie Seymu Walnego Koronnego, w Warszawie Roku Pańskiego 1609*; *Constitutie Seymu Walnego Koronnego Warszawskiego Roku Pańskiego 1619*; *Constitutie Seymu Walnego Generalnego Warszawskiego Roku Pańskiego 1623*; *Constitutie Seymu Walnego Generalnego Warszawskiego Roku 1624 – Uniwersał poborowy*).

²¹³ Как пишет А. И. Анушкин: „Всего из друкарни Мамоничей (собственно, Леона) с 1601 по 1625 г. вышло 71 издание [эту цифру следует толковать как весьма приблизительную и заслуживающую корректировки, скорее в сторону уменьшения – В.М.]. В том числе на русском (белорусском) языке – 18, по-латыни – 1, на немецком – 1, остальные – на польском языке” (А. И. Анушкин, *На заре книгопечатания...*, с. 69).

²¹⁴ *Kazanie na pogrzebie Wielmożnej Pani Jej Mości Pani Barbary Kiszczyny Księżny Radziwiłłówny* (1614); *Kazanie na pogrzebie Jaśnie Oświeconego Pana Jego Mości Pana Mikołaja Chrystofa Radziwiłła Xiążęcia Państwa Rzymskiego* (1616); *Kazanie na pogrzebie sławnej pamięci młodzieniaszka JMci Pana Hieronima Chryzostama Chodkiewicza hrabi ze Szklowa* (1614); *Kazanie na pogrzebie Jaśnie Wielmożnego Pana Jego Mości Gabriela Woyny Podkanclerzego W X. Litewskiego* (1615); *Lament żałobny na pogrzebie Kopciówny, małżonki Jędrzeja Woyny w Wilnie* (1615); *Żałobny pogrzeb J.M. Pana Theodora Tyszkiewicza Skumina, wojewody Nowogrodzkiego* (1618) и проч.

²¹⁵ Напр.: *Pamiętka sławnej pamięci Panu Jego Mości P. Mikołajowi Chrystofowi Radziwiłłowi Xięciu na Olyce y Nieświeżu* (1617); *Kazanie na rocznicy ś. p. J.W. Pana Jana Karola Chodkiewicza, Wojewody Wilińskiego, hetmana Wielkiego X. Lith* (1622); *Pociecha w smutku do Jej Mości Paniey Paniey Apoloniey Tołockowey Janowey Rudominowey Woyskiey braclawskiej utratą małżonka i syna* (1622).

²¹⁶ Напр.: *Omen wesołe na przeżacne wesele Ich M. M.PP. Jego Mości Pana Cryspina na Radwani Kirszensterna y Jey Mości Panny Szemetowny* (1617); *Hymen na wesele Oświeconych osób, Jego Mości Pana Mikołaja Jerzego Czartoryjskiego z Jey Mością Panną Jezabelą Xiężną Korecką* (1617); *Epithalamium na wesele Jana Puzyny i Anny Solohubianki od Alexandra Waleryana Wysockiego* (1622).

В самом конце своей типографской деятельности Леон Мамонич – придерживаясь заложенной семейной традиции – издает учебник *Граммати́ка, албо сло́жение писмена хотя́щимъ ся оучити словеньскаго языка. Младолетным отро́чатом*, причем делает это трижды (1618 – два издания и 1621). Книга представляет собой не что иное, как азбуку, извлеченную из *Грамматики* Смотрицкого с некоторыми дополнительными сведениями о склонениях, спряжении и прочих грамматических правилах. Здесь также приведены отрывки из богослужебных книг, советы родителям по воспитанию детей и т. п. И хотя в выходных данных всех трех *Грамматик* виленской печати не названа „друкарня”, нет оснований не согласиться с доводами А. С. Зерновой, утверждавшей, что „их (книг) внешность явно обнаруживает происхождение из типографии Мамоничей”²¹⁷.

После 1624 г. более чем полувековая издательская деятельность „друкарни” завершается. Причин упадка, наметившегося уже несколькими годами ранее, могло быть несколько. Прежде всего на ограничении монопольных некогда издательских возможностей виленской типографии сказалась растущая конкуренция. Как заметил в свое время польский историк Иоахим Лелевель, на „русских” землях Речи Посполитой с 1580 до 1650 гг. „więcej piętnaście ich [drukarni – В.М.] powstało, ażeby do ludu ruskiego przemawiały”²¹⁸. В самом Вильно у Мамоничей появляются сильные соперники. Свою деятельность в борьбе за умы и сердца верующих активизирует католическая (и потому поддерживающая идеи Унии) Радзивилловская типография, уже принятая иезуитами и известная как „Drukarnia Akademii Societatis Jesu”. Другим конкурентом Мамоничей становится Братская типография, основанная в 1596 г. при православном монастыре Святого Духа²¹⁹. И хотя – не без участия Леона Мамонича – в 1611 г. по распоряжению Сигизмунда III на Свято-Духовскую типографию был наложен арест, уже в 1620 г. она „возобновила свою деятельность и регулярно работала до середины XVII века”²²⁰. Специализируясь на издании богослужебной и религиозно-полемической литературы, эти две конкурентные фирмы по меньшей мере теснят Мамоничей в области печатных услуг. Да и сама нужда в кириллических изданиях в ВКЛ в первой четверти XVII в. начинает ослабевать, центр религиозной жизни перемещается на юго-восток – в Киев, который и ста-

²¹⁷ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 217.

²¹⁸ *Lelewel Ioachima bibliograficznych ksiąg dwoje*, t. I, Wilno 1823, s. 206.

²¹⁹ Православное Братство Святой Троицы, в котором в свое время состояли старшие Мамоничи, после передачи Свято-Троицкого монастыря базилианам (1609) вынуждено было перейти в Свято-Духов монастырь, после чего стало называться Братством Сошествия Святого Духа.

²²⁰ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 218.

новится тогда „столицей” кириллической печати²²¹. Леон Мамонич, должно быть, предвидел это неблагоприятное для его профессиональной деятельности развитие событий, попробовал переключиться на выпуск польскоязычных книг, но здесь конкуренция была еще большей... В числе причин, приведших к завершению работы типографии, вполне могут значиться и такие натуральные, как возможная болезнь и уход из жизни владельца предприятия. По свидетельству Ф. Иляшевича, в виленских документах Леон Мамонич последний раз упоминается в 1626 г. (*Księga wielkopomności osób Magistratu M. Wilni* [Archiwum Państwowe w Wilni, № 5324, Dział aktów dawnych])²²².

Кому перешло оборудование и печатный материал из типографии Мамоничей – неизвестно. Наиболее распространено, но все же недостаточно аргументировано мнение, согласно которому „друкарню” забрали собраты по вере – виленские униаты-базилиане²²³. Как представляется, ближе к истине стоят исследователи, полагающие, что печатное имущество Мамоничей было распродано в разные руки и распылено. Часть его оказалась в Виленской базилианской типографии, часть перешла к братским „друкарням”. Не случайно в позднейшей продукции Свято-Духовской типографии – той самой, закрытию которой способствовал Леон, – встречаются отпечатки орнамента с нескольких досок, принадлежавших Мамоничам. В 1628 г. известный по изданиям старших Мамоничей шрифт „всплывает” в *Катехизисе* Свято-Троицкой братской типографии. „Много позже в 1644 г. в *Евангелии*, напечатанном православным братством, встречаются гравюры евангелистов и часть орнамента из изданий Мамоничей 1600 года”²²⁴.

1.3.5. Федоровские начала в печатной практике Мамоничей

Значение издательского и просветительского труда Ивана Федорова может оцениваться как великое не только по степени влияния на создание и развитие книгопечатания, но и с учетом широты того территориального пространства, которое прямо и опосредованно связано с деятельностью „друкаря книг, пред тем невиданных”. Этот человек усматривал свое призвание в том, чтобы „вместо хлеба ... рассеять семена духовные по вселенной”²²⁵, и в этой вселенной, в основном заключающей в себя восточное сла-

²²¹ См.: Т. Iljaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów...*, s. 98.

²²² Ibidem, s. 94.

²²³ Эта точка зрения впервые была высказана почти 180 лет назад М. Балиньским (см.: М. Baliński, *Historia miasta Wilna*, t. II, s. 122).

²²⁴ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 218-219.

²²⁵ Так Иван Федоров определял свое жизненное кредо в Послесловии к львовскому Апостолу 1574 г. Цит. по: М. В. Щепкина, *Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг*, с. 235.

вянство, не было ни государственных, ни этнических рубежей. Именно поэтому прямыми преемниками дела первопечатника сегодня по праву считают себя русские, украинцы, белорусы и литовцы, а типографский материал, созданный Москвитином, не менее двух столетий находился в обиходе „друкарен” Львова, Вильно, Дермани, Острога и других городов и местечек²²⁶.

Уже в конце XVI в. примеры равнения на практику работы Ивана Федорова обнаруживаются в деятельности многих восточнославянских печатных центров, среди них далеко не последнее место занимает виленская типография братьев Мамоничей. И хотя „маршруты” переездов и скитаний первопечатника (Москва – белорусский Заблудов – украинские Львов, Дермань и Острог, снова Львов) проходили довольно далеко от столицы Великого княжества Литовского, в проявлениях профессионального мастерства у типографов имеется очень много общего.

В основе этой связи лежит, как сейчас принято говорить, человеческий фактор. Не подразумеваются под этим какие-то частные отношения владельцев „друкарен”. Хотя в научной литературе приводятся мнения о том, что Иван Федоров и Мамоничи были знакомы и встречались²²⁷, на это указывает скорее логика событий, не подтвержденная данными источников²²⁸. Да и трудно представить, чтобы просветитель-идеалист, каким был Федоров, смог найти общий язык с прагматичными и расчетливыми купцами, к тому же не раз переходившими ему дорогу.

Преемственность „друкарского” дела на линии „Иван Федоров – Мамоничи” во многом обеспечили люди, которым довелось работать и с первопечатником, и с виленскими братьями. Таких посредников, как мы помним, было по меньшей мере двое: становление типографии Мамоничей связано с деятельностью Петра Тимофеевича Мстиславца, соратника Москвитина, а восстановление – после многолетнего простоя – не обошлось без участия Гриня Ивановича, ученика основателя русского и украинского книгопечатания.

Выше уже отмечалось, что Мстиславец – сотоварищ Федорова по работе в московской и заблудовской типографиях – в 1569 г. прервал многолет-

²²⁶ См.: *Русское книгопечатание...*, с. 51-52; Я. П. Запаско, *Мистецька спадщина Івана Федорова*, Львів 1974, с. 73-81.

²²⁷ „Несомненно, Мамоничи лично встречались с московским первопечатником Иваном Федоровым” (А. И. Анушкин, *На заре книгопечатания...*, с. 58).

²²⁸ Вместе с тем доподлинно знаем, что сын первопечатника, Иван Друкарович, останавливался у Кузьмы Мамонича, когда приезжал после смерти отца в Вильно для получения долга от некоего Яцка Максимовича (см.: *Периодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні [XVI – перша половина XVII ст.]*. Збірка документів, Київ 1975, с. 69-70, № 38). Письменные источники подтверждают также факты поездок Кузьмы Мамонича за типографским материалом на Волинь (см.: А. С. Зернова, *Типографія Мамоничей в Вільне*, с. 185).

нее сотрудничество с Москвитином и отправился в Вильно с намерением продолжать „друкарскую” деятельность самостоятельно.

Опираясь на накопленный в работе с Федоровым опыт, Петр Тимофеев совместно с братьями выпустил в Вильно три книги *Учительное Евангелие*, *Псалтырь* и *Часовник*. Потом между компаньонами возник конфликт, завершившийся уходом Мстиславца из дела. Из-за отсутствия мастера-печатника и типографских материалов „друкарня” Мамоничей должна была на несколько лет приостановить свою работу.

Репр. 8: Фрагмент гравюры, изготовление которой приписывается Гриню Ивановичу

Евангелия, изданного в 1644 г. типографией Виленского братства. У основания левой колонны, являющейся частью гравюрной рамки, имеется монограмма „Н·І·V” с датой „1593”, которая вполне может принадлежать Гриню Ивановичу [репр. 8]²³⁰.

Очередное обращение виленских братьев к федоровскому наследию имеет уже не фигуральный, а буквальный смысл. Приняв к исполнению в 1588 г. заказ на печатание многотиражного правового кодекса – *Статута Великого княжества Литовского*, Мамоничи стали перед необходимостью расширения базы „друкарни”. В это время оборудование не одной, а нескольких типографий Ивана Федорова оставалось после смерти первопечатника во Львове – в руках кредиторов. Вследствие запутанных переходов

Для возобновления производства нужен был новый специалист, каким и стал Гринь Иванович, приглашенный, а точнее, переманенный Мамоничами из Львова. Факт изготовления для чужой типографии двух шрифтов шел вразрез с принятыми Гринем обязательствами. Поэтому первопечатник подал на своего ученика в суд, а на судебном заседании в феврале 1583 г. великодушно простил как „человека молодого” при условии, что тот „bez wolej i bez porady aż do śmierci jego [Федорова – В.М.] żadnego pisma ku druku i drukarniej, jako sobie, tak i inszym postronnym ludziom robić i sprawować nie ma”²²⁹. На сей раз условия были выполнены, хотя в столицу ВКЛ Гринь, похоже, все-таки позже вернулся. На это может указывать гравюра, помещенная на титульном листе

²²⁹ См.: S. Ptaszycki, *Iwan Fedorowicz, drukarz ruski...*, s. 31.

²³⁰ См.: М. І. Ткачэнка, *Партрэт Жыгімонта III, [в:] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, Мінск 1989, с. 513.

прав на федоровскую собственность²³¹ после снятия ареста, наложенного на имущество Москвитина князем К. Острожским, одна из „друкарен” оказалась в руках львовских обывателей Сашки Сеньковича и Сеньки Корунки. Эти „купчики” сами собирались заниматься печатным ремеслом, имели еще одну типографию в Константинове, но оставили свои замыслы, испугавшись конкуренции Успенского братства, которое разворачивало тогда активную издательскую деятельность²³².

В 1588 году Кузьма Мамонич отправляется во Львов и покупает у Сеньковича и Корунки обе „друкарни” со всеми инструментами и принадлежностями. Помимо того, вместе со снаряжением федоровской типографии „купчики” обязались доставить „20 полных русских библий, 40 до сих поръ еще не оконченныхъ, въ которыхъ въ каждомъ экземплярь не достаеъ только по 10-ти тетрадей”²³³. Эти недопечатанные Иваном Федоровым экземпляры *Острожской Библии* будут впоследствии доукомплектованы Мамоничами; новые тетради, вышедшие уже в Вильно, в научном мире известны как *Виленские листы*.

Произведенная сделка позволила Мамоничам получить типографский материал, которым пользовался Иван Федоров. Произошло это, правда, в рассрочку – из-за невыполнения договора Сеньковичем и Корункой, которые вовремя не доставили в назначенное место ни Библий, ни инструментов, необходимых для печатания²³⁴. Впрочем, какая-то часть типографских клише, происходящих из мастерской Федорова либо воссозданных по образцу и подобию оригиналов, могла оказаться у братьев через посредничество Мстиславца и Гриня²³⁵.

Таким образом, связь старших Мамоничей с практикой и традициями Ивана Федорова поддерживалась как присутствием в типографии самих работников, знавших секреты первопечатника, так и наличием „друкарского” материала, к которому Москвитин мог иметь хотя бы косвенное отношение.

²³¹ См. об этом: С. Л. Пташицкий, *Иванъ Федоровъ. Изданія Острожской Библии въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни*, „Печатное искусство”, 1903, июль-август, с. 291-307. Ниже эта статья цитируется по оттиску из журнала.

²³² См.: Е. Л. Немировский, *Иван Федоров*, Москва 1985, с. 217-219. Львовское Успенское братство незадолго до того выкупило у ростовщиков другую федоровскую типографию, еще в 1579 г. отданную первопечатником под заклад некоему Израиллю Якубовичу.

²³³ С. Л. Пташицкий, *Иванъ Федоровъ*, с. 16-17.

²³⁴ Об этом говорит жалоба, с которой Кузьма Мамонич 22 февраля 1588 г. обратился в Львовский гродский суд (см.: *Периодрукар Иван Федоров...*, с. 90-91, № 56).

²³⁵ О том, что Мстиславец, вероятно, забрал с собой из Заблудова набор шрифтов и подручное типографское оборудование, пишут, напр., Ф. Ильяшевич (T. Iljaszewicz, *Drukar-nia domu Mamoniczów...*, s. 38) и Ю. П. Тумялис (он же, *Из литовской федоровианы*, [в:] *Федоровские чтения 1980*, Москва 1984, с. 16).

Сомневаться в постоянном и многолетнем равнении на печатные образцы, вышедшие из-под прессов Ивана Федорова, не позволяет продукция *дрѣкарни дому Мамоничовъ*.

Если в ранний – сопряженный с работой Мстиславца – период деятельности профедоровская ориентация виленской типографии воспринимается как сама собой разумеющаяся²³⁶, гипотеза о позднейшем удержании преимущественности заслуживает специальной аргументации. В числе доказательств исследователи приводят ссылки на близкие сходства в содержании и техническом оформлении целого ряда изданий: *Псалтырь с воследованием* Мамоничей (1586) является подражанием заблудовской *Псалтыри с Часословцем* Ивана Федорова (1570)²³⁷; *Букварь* (1580-90) представляет копию львовского *Букваря* первопечатника (1574)²³⁸; львовское, а также московское издание федоровского *Апостола* (1574) во многом повторяет виленский *Апостол* 1591 года²³⁹; *Грамматика* (1586), *Псалтири и Апостолы*, увидевшие свет в первую пол. 1590-х гг., напечатаны братьями шрифтом московского рисунка, а в издании 1593 г., кроме того, употреблены два острожских мелких шрифта²⁴⁰. Орнаменты, рамки, гравюры – федоровские или подобные федоровским – встречаются в книгах Мамоничей регулярно.

При этом основным материалом, свидетельствующим о равнении виленских типографов на книги московской, заблудовской, львовской и острожской первопечати, служат для исследователей, за небольшими исключениями, издания для православной церкви. А, как известно, их неперменной составляющей является определенная шаблонность воспроизводимого содержания. При этом само присутствие стереотипного образца могло склонять братьев-типографов к использованию аналогичной формы – подобному размещению текста и украшающих элементов на печатной странице.

Такого рода допущения можно не брать в расчет, если в поисках федоровских начал обратиться к официальным, в своем роде неповторимым изданиям Мамоничей, тем более что среди них значится Статут третьей редакции.

Для издания кодекса было вырезано несколько новых досок – с изображением портретов короля, гербов Сапеги и Великого княжества Литовского, а также с представлением рамок к портретам и гербу Сапеги. Клише использованного прежде орнамента „употреблены в незначительном количе-

²³⁶ „По стилю оформления первенцам типографии Мамоничей, напечатанным Мстиславцем, присущи характерные черты московской – Федоровской печати (инициалы, заставки, концовки)” (А. И. Анушкин, *На заре книгопечатания...*, с. 55).

²³⁷ Там же, с. 67.

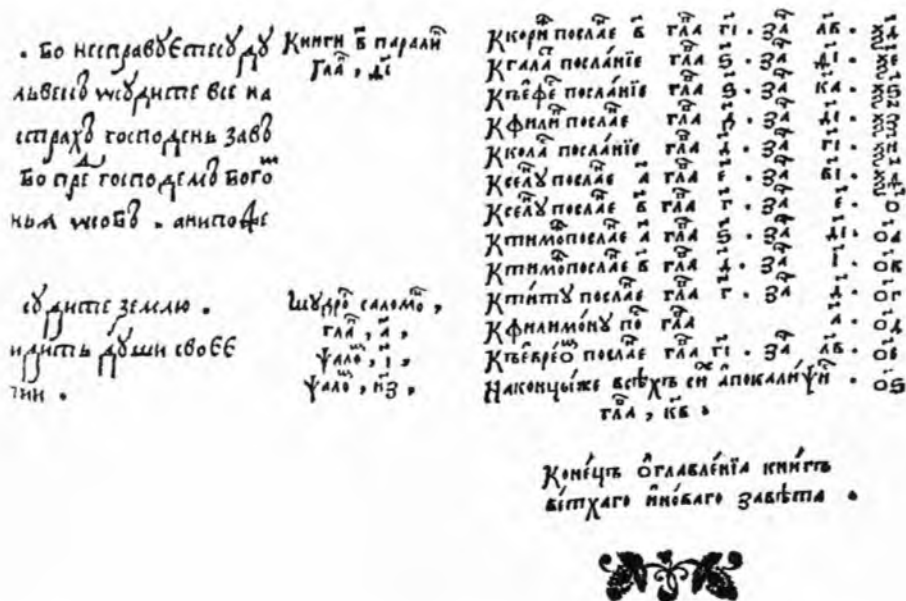
²³⁸ А. И. Анушкин, *Во славном месте виленском*, Москва 1962, с. 80.

²³⁹ См.: А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 197-198.

²⁴⁰ Там же, с. 184, 202-203.

стве, только для инициалов и концовок”²⁴¹. Отлитый же материал, предназначенный для печатания ЛС, на проверку оказывается „старым”, бывшим в употреблении.

Так, основной шрифт, которым набран текст кодекса (курсивный, имитирующий канцелярский почерк XVI в.), прежде применялся Мамоничами в *Трибунале* (1586) и *Сборнике поучений Генадия Патриарха* (1585). Специалисты сходятся во мнении о том, что этот шрифт по заказу братьев изготовил в 1582 г. ученик Федорова Гринь Иванович²⁴². Значительно реже в кодексе используется полуустав с чертами скорописного письма: крупный – для выделения заголовков разделов и очень мелкий – при указании адресных координат цитат из Библии, помещенных на титульном листе книги. Этот мелкий полууставный шрифт, характеризующийся частым обращением к надстрочным знакам, по своим очертаниям совпадает со шрифтом из *Острожской Библии* [см. репр. 9].

Репр. 9: Слева – фрагмент титульного листа Статута, справа – конец Оглавления Острожской Библии

²⁴¹ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 189.

²⁴² См.: Г. Я. Галенчанка, *Паліграфічны асаблівасці Статута*, [в:] *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, с. 510; *Drukarze dawnej Polski...*, s. 151; В. Ф. Шматаў, *Беларуская кніжная гравюра XVI-XVIII ст.*, Мінск 1984, с. 91.

К „прямому“ федоровскому наследию следует отнести также несколько декоративных печатных элементов в новоизданном кодексе: отдельные из заставок и концовок прежде фигурировали в книгах первопечатника, опубликованных во львовский и острожский периоды его деятельности. Объектом же главного внимания у создателей Статута становится самый известный типографский продукт Федорова – первое завершенное издание Библии на церковнославянском языке.

Один из вариантов концовки Реестра ЛС 1-го издания представлен двумя расположенными в линию планками, каждая из которых имеет особый растительно-геометрический орнамент. Эти оттиски получены с острожских клише Федорова, но в Библии планки использовались не как концовки, а как заставки [см. репр. 10].

А^нтътыкъль ѿз

О^н свѣдоуеаго члвчъ стѣмъ истагоуемоу ѿ дѣлѣнѣа мѣстѣ.

КНИГА ЧИСЕЛ

ГЛА, А.
ГЛА ГЛАГОЛѢШЕ СЯ, ВЪПЪЛЪИ
ННЕННАЕШЕШЕ, ВЪПЪЛЪИ
СЛѢДѢШЕ, ВЪ А ДНѢ, МЦА
ВЪПЪЛЪИ, ВЪПЪЛЪИ АЛѢТѢ,
ПОНЪШЕШЕШЕШЕ, ШЕМАА
ІГЪНЪШЕШЕШЕ. ГЛА ВЪПЪЛЪИ СЯ

КНИГА ЕФИРА

АЛѢТѢ ВЪПЪЛЪИ ЧРѢТКА АРѢТКА
ВЪПЪЛЪИ ВЪПЪЛЪИ. ВЪПЪЛЪИ
ПЪЛЪИ МЦА ПЪЛЪИ, СЪПЪЛЪИ
МАРѢШЕШЕШЕ ПЪЛЪИ СЕМЪ
ІВЪ, ШЕПЪЛЪИ ВЪПЪЛЪИ
НА. ЧЛВЧЪ ІУДѢШЕШЕШЕ ОБЪПЪЛЪИ

Репр. 10: Сверху: завершение Реестра ЛС 1-го издания; ниже (под печатным знаком Федорова) заставки к книгам Чисел и Эсфирь из Острожской Библии

В кодексах 2-го и 3-го изданий Реестр закрывают два стилизованных орла в сочетании с разными вариантами плетенок, а на с. 305 ЛС-2 помещен геометрический орнамент, линии которого в вершине сводятся в крест.

Аналоги всех этих графических элементов фиксируются у Федорова, причем только применительно к концовкам типа „плетеный забор” и „орел” приходится говорить лишь о приблизительном подобии [см. репр. 11].

Репр. 11: Верхний ряд: плетенки с орликами как концовки Реестра 3-го и 2-го изданий Статута, ниже – концовка 6-го раздела ЛС-2 (с. 305); концовки из Острожской Библии: орел (л. 49 6-го счета) и плетенки (л. 1 об. 4-го счета и л. 162 об. 3-го счета), концовка из Апостола 1574 г.: геометрическая фигура с крестом (л. 83)

а҃тѣю вольности и поспороніе спѣшнѣю вѣсѣлоути
 на мѣзѣхобалнѣи и дѣе лицѣи и мѣлоути
 вѣшомѣи бѣратѣи рѣи
 и по рѣи .

А҃тѣю вольности и поспороніе спѣшнѣю вѣсѣлоути
 на мѣзѣхобалнѣи . Сѣшнѣи дѣе лицѣи и мѣ
 лоути вѣшомѣи бѣратѣи рѣи
 и по рѣи .

А҃тѣю вольности и поспороніе спѣшнѣю вѣсѣлоути
 на мѣзѣхобалнѣи . Сѣшнѣи дѣе лицѣи и мѣ
 лоути вѣшомѣи бѣратѣи рѣи
 и по рѣи .

А҃тѣю вольности и поспороніе спѣшнѣю вѣсѣлоути
 на мѣзѣхобалнѣи . Сѣшнѣи дѣе лицѣи и мѣ
 лоути вѣшомѣи бѣратѣи рѣи
 и по рѣи .

и҃е прѣпѣка вѣнѣи бѣи и хѣпѣлѣи .
 и҃еи и҃еи и҃еи дѣеи прѣпѣкѣи рѣи .
 прѣпѣкѣи и҃еи рѣи , и҃еи и҃еи
 рѣи и҃еи , дѣеи и҃еи , и҃еи и҃еи
 прѣи и҃еи и҃еи , и҃еи и҃еи и҃еи

ЗАХІНѢ ПѢКЪ ГЛАВѢ * І

и҃еи и҃еи и҃еи , и҃еи и҃еи и҃еи
 и҃еи и҃еи . и҃еи и҃еи и҃еи .
 и҃еи и҃еи и҃еи и҃еи и҃еи и҃еи
 и҃еи и҃еи и҃еи и҃еи и҃еи и҃еи
 и҃еи и҃еи . и҃еи и҃еи и҃еи

Репр. 12: Наборные украшения: в Литовском Статуте: четыре разновидности концовок к Обращению Сапегі ко всем сословиям (оборот нн. л. 8); в Острожской Библии: три розетки над заставкой (л. 44 об. 2-го счета), веточка с цветком в окружении розеток (л. 174 3-го счета), плетеная концовка в виде восьмерки (л. 49 2-го счета); квадратикіи с орнаментом (л. 171 3-го счета), сложная комбинация над заставкой, в которой слева и справа от изображения „усатого херувима” видим сочетание „стручок и цепочка из двух звеньев” (л. 174 об. 3-го счета)

В завершении разделов Статута Мамоничи нередко дают наборные отливные украшения: в виде розетки цветка²⁴³, стручка, цепочки из двух звеньев, квадратиков с орнаментом, веточки трилистника, располагая их как единичные и в составе всевозможных комбинаций. Все эти миниатюрные декоративные элементы – с большей или меньшей степенью точности – повторяют образцы из книг федоровской печати²⁴⁴ [см. репр. 12].

Черпая для себя пользу от обращения к ресурсам наборного инструментария Москвитина, Мамоничи охотно заимствовали также некоторые передовые приемы работы первопечатника. Как представляется, именно у Федорова братья „подглядели” и успешно освоили достаточно редкую по тем временам технику печати составной гравюры, предполагающую совмещение оттисков с двух разных досок, одной с рисунком как таковым, другой – с рамкой. Вообще гравюрные обрамления использовались в конце XVI в. чрезвычайно активно, главным образом при оформлении титульных листов, но в рамку вставлялось название книги, чаще всего набранное шрифтом²⁴⁵. Иван Федоров был первым из восточных славян, кто совместил два печатных изображения в знаменитой гравюре „Евангелист Лука”²⁴⁶ на фронтопи-

²⁴³ В сводном каталоге А. А. Гусевой этот декоративный элемент назван „крестиком” (А. А. Гусева, *Издания кирилловского шрифта...*, кн. 2, с. 784).

²⁴⁴ В отношении наборных отливных украшений стоит отметить, что в основном у Мамоничей представлены варианты аналогов, встречавшихся прежде в книгах Ивана Федорова. Абсолютно же идентичные декоративные элементы (цепочка, розетка, перчик, орлики) фиксируются в двух публикациях Острожской (?) типографии, увидевших свет уже после отъезда первопечатника из города: это *Послания Иеремии (Патриарха константинопольского)* по поводу календарной реформы [Острог, не ранее 28 апр. 1583; ок. 1584]. Более поздние свидетельства показывают, что „Острiзька друкарня була в близьких стосунках з друкарнею Вiленською. Так «за прозбою жителей столицы Великаго Князства Литовского, града Вильна», князь Костянтин передав до Вiльни написану в Острозi Граматику Л. Зизанiя, i вiленська друкарня Мамоничiв видрукувала її р. 1586-го” (Митрополит Иларiон [Огiєнко], *Князь Костянтин Острозький i його культурна праця*, Вiннiпег 1958, с. 184). „Мабуть, маючи на увазi майбутню спiвпрацю з вiленськими друкарями, князь Острозький у 1588 р. погодився на передачу Кузьмi Мамоничу друкарського обладнання, яке було на той час «у ясновельможного пана князя Острозького воеводи кiївського у мiстi Константановi»” (Я. Ісаєвич, *Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми*, Львів 2002, с. 129).

²⁴⁵ См.: Н. Szejtkowska, *Książka drukowana XV-XVIII wieku. Zarys historyczny*, Wrocław 1983, s. 71.

²⁴⁶ Конструкция и декор рамки этой гравюры Федоров „подсмотрел” в издании Библии на чешском языке 1540 г., а изображенная здесь арка в свою очередь восходила к немецкой гравюре „Иисус Навин” из более раннего издания книг Священного Писания (Нюрберг 1524), но и эта рамка авторства Э. Шёна считается позднейшей вариацией итальянских или южно-французских образцов (см.: *Русское книгопечатание...*, с. 41). Любопытна дальнейшая – послефедоровская – ее судьба. Будучи воспроизведенной первопечатником также во львовском *Апостоле* (1574 – здесь были отпилены нижние выступы колонн, мешавшие вставить в рамку новое изображение апостола Луки) и *Острожской Библии*, она попадает в поле зре-

Репр. 13: верхний ряд: гравюры с портретом Сигизмунда III в Литовском Статуте 2-го и 3-го изданий; нижний ряд: гравюры с изображением апостола Луки в книгах печати Ивана Федорова: *Апостол* Москва 1564 и *Апостол* Львов 1574)

се *Апостола* московской печати²⁴⁷. Новаторство давало возможность раздельного использования в других книгах как рамки (к чему прибегали чаще), так и центрального элемента. Мамоничи, работая с кодексом, не раз обращались к опыту первопечатника: на обороте титульного листа Статутов разных изданий то же самое обрамление принимает в себя три разных королевских портрета [см. репр. 13].

При печатании кодекса – особенно в первом его издании – Мамоничи нередко прибегают к вариантному набору. Подобная практика характеризует процесс создания книг, сложных для работы типографа. В этом случае, как правило, речь идет о „новых” нестереотипных изданиях, которым приходится придавать форму в процессе „производства” – отсюда многократные исправления, пробы размещения неодинаковых декоративных элементов, издательские разночтения, вызванные нарушением последовательности в печатании отдельных частей текста.

В экземплярах *Острожской Библии*, по подсчетам А. С. Зерновой, имеется около 30 вариантных различий, заключающихся в выборе разных заставок, концовок и инициалов, изменениях в наборе вследствие вмешательства справщика или редактора²⁴⁸. В книгах кодекса наблюдается нечто похожее: многократно отмечаются факты замены орнамента, что проиллюстрировано на репр. 11, 12, фиксируются примеры исправления ошибок и технического брака по ходу печатания, случаи нового страничного набора вместо рассыпавшегося по каким-то причинам²⁴⁹.

Отголосок еще одной переклички между *Острожской Библией* и *Статутом*, а, значит, Федоровым и Мамоничами, может служить ключом к раскрытию главного секрета в переиздании кодекса. Получив, как мы помним, от кредиторов Москвитина неполные экземпляры *Библии*, братья допечатали недостающие листы, пустив затем в продажу книги „смешанного” набора. Аналогичным образом Мамоничи поступили и при работе с кодексом ВКЛ, о чем подробнее будем говорить в третьем разделе монографии.

ния виленских типографов, но в их изданиях используется как копия, умело выполненная, возможно, Петром Мстиславцем или Гринем Ивановичем (А. Анušкин, *Рассказы о старых книгах*, Москва 1979, с. 25-26). „Своим” вариантом федоровской рамки Мамоничи оформили три издания *Апостола* (1591, ок. 1592 и после 1595) и *Евангелие учительное* (1595). Позже аналогичная триумфальная арка дважды обрамляла титулы в польской *Постилле* Гжегожа из Жарновца, напечатанной И. Карцаном в 1597-1605 гг., а также в литовских *Постиллах* М. Даукиши (Типография Виленской иезуитской академии, 1599) и Й. Моркунаса (Типография Й. Моркунаса, 1600) (Ю. П. Тумялис, *Из литовской федоровианы*, с. 17).

²⁴⁷ А. А. Сидоров, *История оформления русской книги*, Москва 1946, с. 55-56.

²⁴⁸ См.: А. С. Зернова, *Начало книгопечатания в Москве и на Украине*, Москва 1947, с. 92-96.

²⁴⁹ Материал, подтверждающий эти положения, в настоящей монографии приводится на с. 131-132.

Вместо подведения итогов обратимся еще раз к словам Ивана Федоровича Москвитина, свое призвание видевшего в том, чтобы „рассеять семена духовные по вселенной...” И хотя почва для посева не всегда оказывалась благодатной, федоровские семена дали всходы, а за первопроходцем пошли новые „сеятели”. Не все из них, как показывает пример Мамоничей, были в первую очередь просветителями, но, может быть, именно предпринимательская жилка заставляла виленских братьев правдами и неправдами держаться лучших на то время образцов типографской работы, в числе которых, конечно же, значились федоровские. Это умение прочувствовать конъюнктуру и отреагировать на изменение ситуации выпуском нужной и качественной книжной продукции²⁵⁰ во многом предопределило долголетнюю печатную деятельность двух поколений династии Мамоничей, оставивших заметный след в делах „друкарства” славянских народов, объединенных тогда в составе Великого княжества Литовского.

²⁵⁰ Наиболее показательным подтверждением сказанного служит динамика сменяемости печатного репертуара „друкарни” в связи с переходом ее хозяев от православия к униатству, а потом католицизму.

II. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ „РУСКИХ” ИЗДАНИЙ СТАТУТА 1588 ГОДА

ЛС печати Мамоничей привлек внимание исследователей в начале XIX века. Хотя на бывших землях ВКЛ и юго-западных территориях Речи Посполитой этот свод законов еще представлял действующее право, положения кодекса давно функционировали в иных языковых версиях, а сама старопечатная книга считалась едва ли не утерянной.

Начало библиографическому изучению Статута положил тогдашний сотрудник Императорской Публичной библиотеки, известный составитель росписи книг В. С. Сопиков. В первом томе его фундаментального труда *Опыт российской библиографии* имеется информация: „№ 1425 Статут великаго Княжества Литовскаго, содержащій въ себѣ 14 раздѣловъ, и при немъ учрежденіе Трибунала [...] – напечатанъ въ Вильнѣ, въ Друкарнѣ Мамоничевъ, 1586¹ – въ м. листъ, на 554 стр. Очень рѣдка. При сей книгѣ замѣчательно то, что она напечатана особенными косыми, на рукописныя похожими, тонкими буквами. Экземпляръ сего изданія находится въ Спб. въ Правительствующемъ Сенатѣ, при польской Метрицѣ, доставленный в 1808 году Губернскимъ Прокуроромъ Г. Руссовымъ. Другой экземпляръ въ Библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ”².

¹ Ошибка в датировке издания повторяется также в трудах ряда позднейших библиографов: ср.: П. И. Кеппенъ, *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи*, № II, *Библиографическіе Листы 1825 г.*, Санкт-Петербург 1826, с. 298; П. М. Строевъ, *Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и російскихъ, хранящихся въ Библіотекѣ ... графа Ф. А. Толстова*, Москва 1829, с. 63. Природу допущенной неточности ближе к середине столетия раскрыл И. Н. Данилович: „тѣ же Мамоничи напечатали въ 1586 году отдѣльно на рускомъ же языкѣ Литовскій Трибуналъ съ 1581 года. Переплетчики часто соединяютъ его со Статутомъ, что ввело въ заблужденіе г. Сопикова, утверждавшаго, будто бы Статутъ былъ уже напечатанъ въ 1586 году, т. е. прежде времени его утвержденія” (его же, *Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты*, „Юридическія записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ”, т. I, Москва 1841, с. 31). Аргументация И. Н. Даниловича сразу же признается справедливой, и, как следствие, Статут издания 1586 г. в позднейших библиографических трудах уже не упоминается (см., напр.: И. П. Сахаровъ, *Обозрѣніе Славяно-Русской библиографіи*, т. I, кн. 2, Санкт-Петербург 1849, с. 24-25).

² В. Сопиковъ, *Опытъ Россійской Библиографіи*, ч. I, Санкт-Петербург 1813, с. 239-240.

Именно эта лаконичная заметка дала толчок научному исследованию Статута. Возрожденные сведения о первопечатном кодексе ВКЛ заинтересовали Самуэля Линде. В очерке, посвященном разбору сочинения В. С. Сопикова, знаменитый польский лексикограф не только подчеркивает значимость представленных законодательных книг и на одну позицию расширяет

Репр. 14: **Самуэль Богумил Линде** (1771-1847) – польский учёный-лексикограф, филолог и историк. Дело его жизни – шеститомный „Słownik języka polskiego” – включает в себя огромный материал, преимущественно базирующийся на источниках XVI-XVIII вв. Многолетний директор Варшавского лицея, один из создателей и директор Публичной библиотеки при Варшавском университете. Любопытно, что за заслуги на поприще науки и образования император Николай I пожаловал С. Линде дворянство и герб „Словарь” (!)

список известных экземпляров кодекса, но также раскрывает свои планы, связанные с описанием ЛС: „Najsławniejszy zaś z wszystkich druków Mamoniczów iest Statut W. Xięstwa Litewskiego w Wilnie r. 1586 in fol. Na 554 kartach w ruskim ięzyku wydany. [...] Znajduje się exemplarz tego rzadkiego wydania w Petersburgskiej bibliotece rządzącego Senatu przy Polskiej metryce; drugi zaś exemplarz w Bibliotece Moskiewskiego Towarzystwa historyi i starożytności Rossyjskich. Zdarzyło mi się też i w Warszawie widzieć dobrze zachowywany exemplarz tej rzadkiej księgi (gdy później dokładna wiadomość o tej nas Polaków tyle obchodzącej księdze, podana bydz ma do naszego Pamiętnika³, zatem tą razą dosyć było tu tylko o niej wzmiankować)⁴.

Ко времени написания процитированных строк С. Линде [репр. 14] уже принял предложение Феликса Бентковского⁵, редактора ежемесячника „Pamiętnik Warszawski”, исследовать экземпляр ЛС, обнаруженный в библиотеке графа Суходольского. О подробностях этой договоренности общественность узнает через три года: „gorliwy i niezmordowany w śledzeniu dawnych zabytków [...] JPan Bentkowski Professor i Bibliotekarz Lice-

³ „Pamiętnik Warszawski” – ежемесячный журнал научно-литературной направленности, выходивший в 1815-23 гг.; неофициальный орган Королевского Общества друзей наук.

⁴ S. B. Linde, *O literaturze słowiańsko-rosyjskiej podług dzieła bibliograficznego Sopikowa*, „Pamiętnik Warszawski” 1816, t. IV, marzec, № 15, s. 295.

⁵ Ф. Бентковский (1781-1852) – библиограф, литературовед и архивист, автор первой монографии по истории польской литературы. Преподавал словесность и историю в Варшавском

um, Redaktor Pamiętnika odkrył w naszych stronach, to iest w Bibliotece JW^o Hrabi Jana Suchodolskiego, exemplarz wspomnionego Statutu Ruskim ięzykiem i pismem drukowany a wiedząc iż o bycie takowego wydania bądź zapomniano, bądź cale nie wiadano, albo przynajmniey wątpiono, pragnął dokładny iego opis w piśmie swoim peryodycznem umieścić, i mnie do tey wezwał pracy”⁶. Первоначально речь шла о написании солидной статьи объемом до двух учетно-издательских листов (это чуть более 40 печатных страниц текста), однако во время работы оказалось, что автор, по его собственным словам, вынужден был „забраться в более широкое пространство”, и сочинение разрослось в монографию. Представляя ее читателям как „dziełko”, С. Линде с присущей ему скромностью вносит оговорку: „Oby tylko zdolność chęci odpowiedziała; starania, pracy i czasu żałować nie godziło się, i nieraz trzeba było nawet tęsknotę od drobiazgowego śledzenia nieodłączną przezwyćżać, by tak zjednać sobie prawo do nadziei, że i czytelnik przezwyćżać będzie tęsknotę szczegółowego roztrząsania, dla gruntowniejszego poznania rzeczy iedney z krajowych naszych nayważniejszy”⁷. Беспокойство исследователя оказалось напрасным: по меркам своего времени он образцово решил поставленную задачу. В истории изучения Статута до сих пор не появилось текстологической работы, отличающейся подобной тщательностью анализа и вниманием к каждому слову этой большой не только по значению, но и объему книги.

Следует сказать, что до выхода в свет труда С. Линде в научных кругах разгорелись споры, исполнил ли Лев Сапега волю короля напечатать Статут **писмомъ польскимъ и рѣскимъ**⁸. Распространенным являлось, в частности, мнение, будто первопечатное издание кодекса на польском языке увидело свет в Кракове. С. Линде расставил точки над і, заявив в своей книге, что „szukana a tyle odemnie upragniona edycya Polska r. 1588” никогда не имела места, „drukowanym on (Statut) był w roku 1588, atoli nie w Polskim, lecz w Ruskim ięzyku”⁹.

Автор монографии подробнейшим образом описал „рускомовный” экземпляр Статута, охарактеризовал некоторые особенности печати¹⁰, срав-

лицее, с 1817 года был профессором истории на факультете наук и искусств Варшавского университета, с 1838 года до конца своих дней возглавлял Главный архив Польского королевства. В период с 1815 по 1821 гг. был редактором ежесеместрника „Pamiętnik Warszawski” (см.: *Polski słownik biograficzny*, t. I, Kraków 1935, s. 440-442).

⁶ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim Ruskim językiem i drukiem wydany wiadomość*, Warszawa 1816, s. 3.

⁷ Ibidem, s. 4.

⁸ Привилегия Сигизмунда III на утверждение и введение в действие третьего Статута ВКЛ.

⁹ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 37, 56.

¹⁰ Любопытны, напр., суждения польского ученого о шрифте, использованном Мамоничами: „pytam się, czemuż obrano do Xiegi ustaw narodowych druk, w niektórych zwłaszcza literach, tak brzydki, tak oczy rażący”. „Im więcej się nad tem zastanawiam, tym więcej przypada mi na myśl, iż obrano kursyw w tey nadziei, że zbliżenie iego do rękopiśmiennych liter ułatwi naukę iak pisanja tak i czytania” (ibidem, s. 11, 120).

нил оригинальный текст с позднейшими польскими переводами и высказал ряд пожеланий, что нужно сделать для дальнейшего изучения ЛС: подготовить новое критическое издание оригинального кодекса и разработать словарь-указатель его терминов и трудных для понимания выражений. В сочинении С. Линде нашлось место для иллюстраций: копии титульного листа Статута из библиотеки графа Суходольского и фрагмента правового текста.

Знаменитый лексикограф тогда не знал, что оказавшийся в его руках экземпляр ЛС на фоне всех других когда- и кем-либо упоминаемых является уникальным, отличается неповторимыми характеристиками. Эта книга с трудом „впишется” в установленную позже схему изданий и на протяжении почти двух столетий будет „путать карты” библиографам¹¹.

Мнение о „niesłychaney rzadkości a prawie zagubie Ruskiego Statutu”¹² автор монографии подтверждает сведениями все лишь о пяти известных ему экземплярах: помимо кодекса из библиотеки Суходольского и отмеченных прежде в журнальной публикации книг из библиотек Правящего сената и московского Общества истории и древностей российских, это еще два Статута, обнаруженные приятелем С. Линде графом Сераковским в библиотеках Доминиканского монастыря в Гродно и Виленского университета¹³.

Интерес к первопечатному своду законов ВКЛ, вызванный сочинением С. Линде, „побуждалъ искать случаевъ приобрѣтенія его экземпляровъ и коллекціонеровъ, и владѣльцевъ большихъ библиотекъ, а такихъ собирателей было немало въ рядахъ представителей старыхъ литовскихъ панскихъ фамилій и болѣе новой знати”¹⁴. Как следствие, обнаруживаются новые экземпляры кодекса, что вскоре оборачивается небольшим открытием.

В 1822 году в сопроводительной заметке редакции журнала „Dziennik Wileński” к лаконичному сообщению брестского каноника А. Сосновского о втором – рукописном – Статуте¹⁵ впервые фиксируется факт перепечатки кодекса Мамоничами: безымянный автор заметки утверждает, что сличением четырех имеющихся в Вильно экземпляров „można dostatecznie się przekonać, że to wydanie po dwa kroć było powtórzone z zachowaniem kart, wierszy, roku wydania z małemi tylko na tytule, w znakach skróceń i ortografii odmianami”¹⁶.

¹¹ См., напр.: K. Estreicher, *Bibliografia Polska*, t. XXIX, Kraków 1933, s. 232; M. Cy-towska, *Bibliografia druków urzędowych XVI w.*, Wrocław 1961, s. 116; V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos statuto leidimai (1588-1600)*, [w:] *Russ knygos spausdinimo pradžia ir Lietuva*, Vilnius 1966, s. 128; *Книга Белоруссии: 1517-1917. Сводный каталог*, с. 65.

¹² S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 36.

¹³ Ibidem, s. 50-51, 167.

¹⁴ И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 365.

¹⁵ *Wiadomość o Statucie Litewskim, drugim powszechnie zwanym*, przez X. Antoniego Sosnowskiego, „Dziennik Wileński” 1822, t. II, № 6, s. 200-212.

¹⁶ „Dziennik Wileński” 1822, t. II, № 6, s. 200. Чуть позже на существование двух изданий ЛС печати Мамоничей укажут также славный польский историк и политический деятель

Судя по всему, от имени редакции в данном случае выступил тесно сотрудничавший с журналом профессор Виленского университета И. Н. Данилович [репр. 15]. Следующие – уже не анонимные его работы – займут видное место в истории изучения Литовского Статута.

В статье, опубликованной в 1823 году, профессор подразделяет известные ему экземпляры кодекса на две группы, подтверждая мнение о том, что Мамоници дважды печатали Статут: „Dziś 14 exemplarów znanych liczymy, a pilniejsze, ledwie nie wszystkich, rozebranie przekonało, o dwókrrotnem pod r. 1588 przedrukowaniu, z zachowaniem jednostayney liczby stronic, a co większa omyłek w paginacyi, wierszy, a nawet kustoszów drukarskich; różnicę zaś zaświadcza, prócz odmiennego tytułu, papier wodny podlejszy, w następny wydaniu, litery więcey zbite i mniej kształtne, różnego nawet wymiaru, oszczędniejsze używanie skrótów (tytłów) na wierchu umieszczanych, a częsta liter przemiana, dodanie, opuszczenie, lub przekształcenie nie raz całych wyrazów”¹⁷.

В первую группу, представляющую более раннее издание, И. Н. Данилович включает экземпляры Суходольского и б-ки Виленского монастыря базилиан – эти книги, по наблюдениям исследователя, характеризуются более четкой, „острой” печатью и качественной бумагой. Ко второй группе причисляются: иной экземпляр из б-ки виленских базилиан, два кодекса из б-ки Виленского университета, книги из б-к Кременецкого лицея и Гродненского монастыря доминиканцев, книжного собрания князя Чарто-

Репр. 15: **Игнатий Николаевич Данилович** (1787-1843) – правовед и историк, один из первых исследователей памятников законодательства и летописания Великого княжества Литовского, сыграл выдающуюся роль в публикации старых юридических текстов. Последовательно профессор Виленского, Харьковского, Киевского и Московского университетов. Главный автор *Свода местных прав Западных губерний* – обширного труда, которому суждено было остаться только проектом.

Иоахим Лелевель (*Joachima Lelewela bibliograficznych ksiąg dwoje*, t. I, s. 55) и российский библиограф П. И. Кеппен (его же, *Материалы для истории просвещения въ Россіи*, № II, *Библиографические листы на 1825 годъ*, с. 298; ЛС № 269 и 271).

¹⁷ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego...*, s. 169.

рыйского в Пулавах, а также Статут, подаренный И. Н. Даниловичу жемайтским обывателем К. Мирским. Среди неидентифицированных по принадлежности к изданиям оказываются экземпляры, описанные автором понаслышке: это книги свода законов из б-к Правящего Сената и московского Общества любителей истории и древностей российских, б-ки ковенского училища, арсенальной б-ки в Париже и экземпляр графа А. Ходкевича, найденный прежде в Супрасле¹⁸.

Постоянно накапливаемые сведения о вновь открытых экземплярах Статута позже заставляют И. Н. Даниловича изменить свое мнение о количестве перепечаток кодекса. Спустя десятилетие – в 1834 году – ученый опубликовал статью¹⁹, в которой высказал предположение о многократном переиздании ЛС. При этом первый раз – в соответствии с королевской привилегией, передавшей дело печатания Статута виленской типографии Мамоничей, – кодекс увидел свет в 1588 году. За этим последовало несколько (три?) новых издания с сохранением даты и счета страниц первопечатного образца. Все это было сделано типографами, по мнению И. Н. Даниловича, без ведома Льва Сапеги для извлечения большей выгоды²⁰.

В 1838 году в „Журнале Министерства Народного Просвещения” некто Д. (часто представляемый в литературе вопроса как Д[един]) также оставляет количество перепечаток кодекса под знаком вопроса, но называет иную причину переизданий: „нѣкоторыя разности, какъ въ бумагахъ, такъ и въ самыхъ буквѣхъ сохранившихся экземпляровъ, убѣждаютъ, что подъ симъ годомъ онъ нѣсколько разъ перепечатывался; время же изданія каждаго изъ нихъ не выставлялось, вѣроятно, по трудности получить привилегію, или же и совершенно по недозволенію на то Правительства, имѣвшаго цѣлію сдѣлать Польскій языкъ въ Судопроизводствѣ повсемѣстнымъ”²¹. При этом, не будучи знакомым с расширенным списком экземпляров ЛС по публикации И. Н. Даниловича, автор статьи пишет, что книги кодекса „кроме показанныхъ въ сочиненіи Линде и присланнаго изъ Вильны, находятся еще: въ

¹⁸ Ibidem, s. 171-177.

¹⁹ I. Daniłowicz, *Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung*, „Dorpaten Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands”, Band 2, Riga und Dopert 1834, s. 289-296. Позже в расширенном варианте публикация увидела свет в польском переводе: I. Daniłowicz, *Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu Litewskiego*, „Wizerunki i roztrząsania naukowe”, t. 13, Wilno 1837, s. 81-134.

²⁰ В оригинальной версии это утверждение выглядит так: „Mamoniczowie kilkakrotnie (razy trzy?) wydanie to odbijali z zachowaniem daty i liczby stronic odbicia pierwszego, zapewne na zysk własny, mimo wiedzy i upoważnienia kanclerza Sapiehy” (I. Daniłowicz, *Historyczny rzut oka...*, s. 89-90).

²¹ Д[ѣдинъ], *О Литовскомъ статутѣ*, ЖМНП 1838, февраль, с. 383.

Музеумъ Графа Румянцева (три экземпляра)²², въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Университетѣ Св. Владиміра²³.

Редакция журнала посчитала нужным снабдить заметку Д[едина] рядом примечаний и „Прибавленіемъ”. В справке-пояснении к тексту читаем, что „изъ сличенія разныхъ экземпляровъ Русскаго Статута 1588 года открывается, что ихъ было всего три тисненія, безъ сомнѣнія, разныхъ лѣтъ, хотя на всѣхъ выставленъ одинъ 1588 (годъ) и печатаніе произведено съ такою тщательностію, что не скоро можно открыть разность тисненій”²⁴. В „Прибавленіи” же предлагается „подробное исчисленіе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ экземпляровъ Русскаго изданія 1588 года”, таковых оказывается двадцать. К уже упоминавшимся экземплярам добавляются ЛС, представленный почему-то довольно расплывчато как собственность одного любителя археологических изысканий, а также книга из б-ки Жировицкаго грекоуниатско-го монастыря²⁵.

Возможно, под влиянием этой заметки И. Н. Данилович в следующей своей статьѣ несколько уменьшил число возможных „подходов” братьев-типографов к изданію кодекса, но при этом остался в своем сужденіи по-прежнему весьма категоричным: „никакъ не менее двухъ разъ, а можетъ быть и болѣе, этотъ Статутъ былъ напечатанъ Мамоничами, съ удержаніемъ того же 1588 года и числа страницъ, но съ различными заглавными листами и другимъ наборомъ шрифта, въ чемъ удостовѣряетъ различіе буквъ и сокращенія, находимыя во многихъ экземплярахъ”²⁶. В этой же публикации ученый пытается уточнить, когда увидело свет первое изданіе: „вѣроятно, печатаніе Русскихъ экземпляровъ окончено Мамоничами не прежде Ноября 1588 года, потому что Подканцлеръ Сапѣга, поднося Королю отпечатанный Статутъ, въ письмѣ своемъ изъ Бреста-Литовскаго отъ 1-го Декабря 1588 года къ Королю, распространяется о необходимости писанныхъ законовъ въ благоустроенномъ государствѣ; а въ отзывѣ своемъ въ то же самое время къ Литовскому дворянству, объявляя имъ объ окончаніи труда, много говорить о благодѣяніи Короля, который имъ даровалъ и утвердилъ ихъ собственные законы”²⁷.

С середины XIX века научный интерес к исследованію издательской проблематики ЛС на несколько десятилетій затихает, однако кодекс не

²² Первымъ информацию о наличии в „Б-кѣ гр. Н. М. Румянцова” трехъ неполныхъ экземпляровъ кодекса подаетъ, однако, П. И. Кеппен, см.: его же, *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи*, № II. *Библіографическіе листы на 1825 годъ*, с. 298.

²³ Д[единъ], *О Литовскомъ статутѣ*, с. 382.

²⁴ Там же, с. 383.

²⁵ Там же, с. 387-388.

²⁶ И. Н. Д а н и л о в и ч ъ, *Взглядъ на Литовское законодательство...*, с. 30.

²⁷ Там же, с. 30-31.

остаётся без внимания – становится постоянным объектом заинтересованности библиографов. В их трудах отчасти конкретизируется мнение о количестве „русских” изданий книги и появляются сведения о вновь открытых ее экземплярах.

При этом авторы российских библиографических трудов в один голос утверждали, что: „Статута было три изданія, но на всѣхъ выставлень одинъ годъ – 1588. Печатаніе произведено съ такою точностію, что не скоро можно открыть разность изданій” (И. П. Сахаров, 1849)²⁸; „Изслѣдователи открыли, что Статута было три изданія съ 1588-мъ годомъ” (В. М. Ундольский, 1871)²⁹; „Изданій Статута было три, и во всѣхъ выставлень одинъ годъ – 1588” (И. П. Каратаев, 1883)³⁰; „Статутъ ... въ 1588 три раза издается на западно-русскомъ (бѣлорусскомъ) нарѣчій” (А. И. Миловилов, 1908)³¹ и др. Эту точку зрения на рубеже веков разделяют отечественные специалисты: член виленской археографической комиссии С. В. Шолкович³² и историк права С. А. Бершадский³³, а также польско-российский ученый-архивист Станислав Пташицкий³⁴. На позиции, обозначенной некогда в работах И. Н. Даниловича, продолжает оставаться разве что А. Ф. Кистяковский, известный украинский ученый-юрист: „это русское изданіе было перепечатываемо не меньше трехъ разъ”³⁵.

В 1893-м году выходит монография Ст. Пташицкого, один из фрагментов которой содержит подведение итогов почти столетних изысканий типографской проблематики ЛС с постановкой задач на будущее: „Съ датою 1588 г. имѣются три разныхъ изданія. Изданія эти не только отличаются другъ отъ друга опечатками и пропусками малозначащихъ предлоговъ, какъ

²⁸ И. П. Сахаровъ, *Обозрѣніе Славяно-Русской бібліографіи*, т. I, кн. 2, с. 25.

²⁹ В. Ундольскій, *Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491 по 1864 годъ*, вып. I: *Очеркъ славяно-русской бібліографіи*, Москва 1871, ст. 17.

³⁰ И. П. Каратаевъ, *Описаніе Славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами съ 1491 по 1652 г.*, Санктпетербургъ 1883, с. 236.

³¹ А. И. Миловиловъ, *Описаніе славяно-русскихъ старо-печатныхъ книгъ Виленской публичной бібліотеки (1491-1800 гг.)*, Вильна 1908, с. 20-21.

³² „Напечатанъ онъ (ЛС) былъ сразу въ трехъ изданіяхъ, въ чемъ убѣждаетъ нѣкоторая разность въ бумагѣ и въ самихъ буквахъ, замѣчаемая въ несколькихъ экземплярахъ” (*Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи*, сост. С. Шолковичъ, вып. II, Вильна 1887, с. 492).

³³ „Существуютъ три русскихъ изданія Третьяго Статута, помѣченныхъ всѣ одною и тою же датою” (С. А. Бершадскій, *О наслѣдованіи въ вымороченныхъ имуществѣхъ по литовскому праву*, Санктпетербургъ 1892, с. 9).

³⁴ С. Л. Пташицкій, *Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута. Историко-бібліографическая справка*, Санктпетербургъ 1893, с. 16.

³⁵ А. Ф. Кистяковскій, *Права, по которымъ судится малороссійскій народъ*, Кіевъ 1879, с. 32.

на это указываютъ въ литературѣ, но пропускомъ цѣлыхъ выражений, постановкою ихъ. До сихъ поръ изданія тщательно не обслѣдованы, и мы не знаемъ, съ какими примѣтами изданіе слѣдуетъ считать первымъ, и какое изъ нихъ признавать официальнымъ”³⁶.

Впрочем, с окончательным решением вопроса о количестве изданий кодекса профессор поторопился, чему сам дал свидетельство в позднейших своих работах. После переезда в 1918 году в Польшу он на основе анализа обнаруженных здесь экземпляров ЛС приходит к выводу о существовании четырех издательских вариантов³⁷. Эта точка зрения нашла очень авторитетных сторонников: в наиважнейшем польском библиографическом справочнике, составленном Эстрейхерами, при описании „русского” кодекса констатируется: „Mamonicz wypuścił w świat cztery różne przebiccia, choć wszystkim dał datę 1588”³⁸.

Разногласия во взглядах исследователей той поры на количество перепечаток Статута являлись частным следствием недоработок на ином поприще – разница между известными изданиями все еще оставалась невыявленной. К результатам серьезного анализа трудно отнести как наблюдения ксендза В. Четвертинского: „Różnice [...] znajdują się też i w pierwszej ruskiej edycji z r. 1588. Będąc w Krakowie widziałem w końcu roku zeszłego, w Biblijotece Jagiellońskiej egzemplarz Statutu Ruskiego od X. Kanonika Polkowskiego pochodzący, odmienny od zwykle znanego i szczegółowo przez Lindego i innych opisanego”³⁹, так и пространные, но очень туманные пояснения Станислава Эстрейхера: „Są egzemplarze – mnie przeważnie nie dostępne, bo dzisiaj znajdujące się w bibl. Rosyj. niżej wymienionych – różne od powyżej opisanego egzemplarza bibl. Jag.⁴⁰ – porównałem go z egz. Czart. [niekompletny bez tytułu] egz. Ossol. bez tytułu albo egz. Kórn. Egzemplarz dość kompletny, a w każdym razie posiadający tytuł (nieco odmienny jak podano powyżej) opisał Linde”⁴¹.

Как видим, вовсе не без оснований А. Соловьев, входивший тогда в проблематику первопечати кодекса, писал: „Мы надѣмся вернуться въ буду-

³⁶ С. Л. Пташицкій, *Къ вопросу объ изданіяхъ...*, с. 16.

³⁷ „Znamy kilka odbić tego wydania, różniących się przeważnie pisownią, układem liter. [...] Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Lwowie posiada odbicie różniące się od trzech, wskazanych przeze mnie dawniej” (St. Pt a s z y c k i, *Nieco o Trzecim Statucie Litewskim...*, s. 297-298).

³⁸ K. Estreicher, *Bibliografia Polska*, t. XXIX, s. 233.

³⁹ W. Czetwertyński, *Jeszcze jedno słowo o Statucie Litewskim*, „Przegląd Biblijograficzno-Archeologiczny” 1881, t. II, nr 22 i 23, s. 457.

⁴⁰ Речь идет об экземпляре 1-го издания, купленном Ягеллонской библиотекой у ксендза И. Польковского.

⁴¹ K. Estreicher, *Bibliografia Polska*, t. XXIX, s. 231-232.

щемъ къ вопросу объ изданіяхъ Литовскаго Статута. [...] вопросъ этотъ еще ждетъ болѣе подробнаго пересмотра”⁴².

В числе экземпляров ЛС, приведенных в известность во второй половине XIX – начале XX столетий, последовательно отмечаются по публикациям:

- И. П. Сахарова: кодексы из московских библиотек Типографского двора и Архива Министерства иностранных дел, петербургской Публичной библиотеки (два ЛС в дополнение к книге, уже отмеченной в заметке Дедина), рязанской Архиерейской ризницы⁴³ и Соловецкого монастыря⁴⁴;
- В. Ундольского: Российской Академии Наук;
- И. Свенцицкого⁴⁵: два экземпляра из Церковного музея во Львове;
- А. Ф. Кистяковского: ЛС полтавских Милорадовичей, а также экземпляр из домашнего архива В. Ф. Гамалея;
- И. П. Каратаева: кодекс из Петербургской Духовной академии;
- А. И. Миловидова⁴⁶: два экземпляра из Виленской Публичной библиотеки;
- Ст. Пташицкого⁴⁷: книги из львовских библиотек ординации Красиньских (два экземпляра) и Оссолинских;
- С. Эстрейхера: второй экземпляр из Ягеллонской библиотеки, две книги из собрания Дзялынського в Курнике, ЛС из библиотек Львовского и Варшавского университетов, а также экземпляр графа Е. Мошинского⁴⁸.

⁴² А. Соловьевъ, *Вновь открытый Московскій переводъ Литовскаго Статута*, „Историческія извѣстія”, изд. Историческимъ Обществомъ при Московскомъ Университетѣ, 1917, № 1, с. 34.

⁴³ Этот экземпляр еще летом 1822 году в библиотеке местного Архиерейского дома обнаружил К. Калайдович, направленный в Рязань с поручением Археографической экспедиции кружка графа Н. П. Румянцева (см.: *Письма К. Калайдовича къ А. Ф. Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 году древностей*, Москва 1823, с. 30).

⁴⁴ И эта книга была открыта в рамках археографических изысканий членов Румянцевского кружка: в 1834 году в монастырской библиотеке ее увидел Я. И. Берников (см.: Н. П. Барсуковъ, *Жизнь и труды П. М. Строева*, Санкт-Петербургъ 1878, с. 272).

⁴⁵ И. Свенцицкій, *Каталогъ книгъ церковно-славянской печати*, Жовква 1908, с. 156.

⁴⁶ А. И. Миловидовъ, *Описаніе славяно-русскихъ старо-печатныхъ книгъ...*, с. 20-21.

⁴⁷ St. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki*, [w:] *Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego*, „Rozprawy Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie”, t. VIII, Wilno 1935, s. 164.

⁴⁸ Е. Мошинский (1847-1924) — польский землевладелец, католический публицист и политик, известный своей бескомпромиссностью и крайне клерикальными взглядами. В 1923 году передал замечательную фамильную библиотеку, собираемую несколькими поколениями рода, Католическому университету в Люблине (см.: W. Cabałaj, *Darowizna Jerzego Moszyńskiego dla biblioteki Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego*, „Teka Komisji Historycznej PAN”, Oddz. w Lublinie, 2002, t. II, s. 42-72).

Как позже оказалось, существование последней из представленных позиций – ЛС с координатами „Moszyńs. (Un. Lubel.)” – подтверждения не получило. И это была не единственная потеря в постоянно пополняемом списке сохранившихся кодексов печати Мамоничей. Первые утраты были обнаружены ближе к середине XIX века и касались экземпляров, зафиксированных в западноевропейских библиотеках – Парижской Арсенальной и Берлинской Королевской.

Литовский Статут в Париже осмотрел в 20-е годы брестский грекоунитский священник Михал Бобровский. Согласно его словам, Кароль Сенкевич (1793-1860), польский поэт, историк и общественный деятель, по горячим следам собирался сделать библиографическое описание этого памятника первопечати⁴⁹, однако планам этим почему-то не суждено было сбыться, а позже следы парижского ЛС утерялись⁵⁰.

Экземпляр из Берлинской Королевской библиотеки имел более солидные свидетельства. Киевский юрист и историк Н. Д. Иванищев (1811-1874), будучи отправленным в Берлин для приготовления к профессорскому званию, писал оттуда в 1838 году чешскому филологу Вацлаву Ганке: „Я нашель здѣсь работы гораздо болѣе, нежели сколько ожидалъ. Въ извѣстномъ Вамъ кодексѣ Статута Литовскаго я нашель небольшое уложеніе о судопроизводствѣ въ Литвѣ, получившее законную силу 1581 года, на бѣлорусскомъ языкѣ, всего 6 листовъ [имеется в виду Трибунал ВКЛ – В.М.]”⁵¹. Позже в силу каких-то неизвестных обстоятельств кодекс в печатных фондах Берлинкой королевской библиотеки уже не упоминался⁵², не фигурирует он ни в одном из последующих библиографических источников⁵³.

⁴⁹ См.: I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 177; Д[ѣдинъ], *О Литовскомъ статутѣ*, s. 388.

⁵⁰ Хотя информация об этом экземпляре впоследствии будет приведена также в библиографическом указателе И. П. Сахарова (см.: его же, *Обозрѣніе Славяно-Русской библиографіи*, с. 25), надежных подтверждений факта бывшего присутствия кодекса во Франции все-таки не имеется. Доподлинно известно, что по справке, наведенной И. И. Лаппо в *Bibliothèque de l'Arsenal* спустя почти столетие, здесь не обнаружилось „экземпляра Мамоничскаго изданія русскаго текста Статута 1588 года” (И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, Kaunas 1938, с. XXX).

⁵¹ См.: *Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель*, изд. В. А. Францевъ, Варшава 1905, с. 393.

⁵² В научной литературе приводится, правда, информация о том, что экземпляр ЛС видел в „Берлинке” историк Сергей Строев, находившийся за границей с поручением привести в известность хранящиеся там русские и славянские памятники письменности и печати (см.: *Korespondence Pavla Josefa Šafaříka vydal V. A. Francev*, ч. II, Praha 1927, s. 906), но речь в данном случае шла о рукописной версии книги (подробнее об этой весьма примечательной рукописи рассказам на с. 354-367 настоящей монографии).

⁵³ И здесь точки над і постарался позже расставить И. И. Лаппо: „Auskunftsbüro der Deutschen Bibliothektn въ отвѣтъ на нашъ запросъ сообщило, что въ нихъ нѣтъ экземпляровъ

Репр. 16: **Иван Иванович Лаппо** (1869–1944) – российско-литовский историк, специализировавшийся на изучении прошлого ВКЛ через призму права этого государства. Состоял профессором Юрьевского, потом Воронежского ун-тов. Оказавшись в эмиграции, преподавал в Русском свободном ун-те в Праге, позже в ун-тах Каунаса и Вильнюса. Внес значительный вклад в издание и изучение источников по истории ВКЛ

та в Праге [репр. 16]. Ко времени вероятной разгадки главного типографского секрета Мамоничей И. И. Лаппо уже был маститым ученым, автором ряда важных работ по истории права Великого княжества Литовского⁵⁵, из-

К середине второй декады XX века появляются обзоры научной литературы, посвященной изучению проблематики ЛС⁵⁴. Вопросы издательской стороны кодекса получают в них лишь формальное обозначение, авторы-сопоставители ограничиваются констатацией факта существования ряда „русских” перепечаток.

В целом же на протяжении ряда десятилетий, прошедших после публикации трудов И. Н. Даниловича, в научном изучении ЛС мало что меняется – идет обычное нагромождение данных, накопленный материал не подвергается систематизации, отсутствуют какие-либо новые концепции и суждения.

На фоне этого затишья и была предложена и обстоятельно аргументирована по-настоящему революционная гипотеза, перечеркивающая все прежние предположения о печатной практике Мамоничей. Сенсацию вызвал И. И. Лаппо (1869–1944), российский ученый-эмигрант, тогдашний приват-доцент юридического факультета Русского народного университе-

не только русского, но и польских Мамонических изданий Литовского Статута 1588 года” (И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. II, с. XXX).

⁵⁴ S. Ehrenkreutz, *Stan badań nad statutami litewskimi*, „Ateneum Wileńskie”, zesz. 7-8, Wilno 1924, s. 289-349; Р. Л а щ е н к о, *Литовський Статут, яко пам'ятник українського права*, „Науковий збірник Українського університету в Празі”, т. I, Прага 1923, с. 66-95.

⁵⁵ См., напр., И. И. Лаппо, *Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Унії до смерти Стефана Баторія*, т. I, Санкт-Петербург 1901; его же, *Великое княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія* и др. По поручению Петербургской археографической комиссии И. И. Лаппо редактировал издание Литовской Метрики, при этом

учением же Статута, по собственному признанию, он занимался с 1912 года⁵⁶.

В 1928 году в одном из литовских журналов вышла статья И. И. Лаппо⁵⁷, представляющая собой, как потом оказалось, фрагмент готовящейся к публикации монографии – дела всей жизни ученого. Спустя несколько лет из печати выйдет трехтомный труд *Литовский Статут 1588 года* – обстоятельное историческое исследование, рассматривающее проблематику печатного кодекса на фоне общественных отношений и политической ситуации ВКЛ⁵⁸. Непосредственно перед публикацией первого тома этого сочинения Ст. Пташицкий пророчески напишет: надеемся, что профессор И. И. Лаппо, продолжая работать над текстом Статута „на основе прежде собранного материала, счастливо спасенного вместе с жизнью из несчастной его родины, [...] одарит мир достопамятным творением”⁵⁹.

Равно в статье, как и в монографии И. И. Лаппо настаивает на необходимости пересмотра утвердившегося положения о существовании нескольких последовательных изданий кодекса в пользу концепции „объ одновременных параллельных наборах въ ихъ (статутов) печатаніи”⁶⁰. Убедительности гипотезе должны были придать результаты анализа 34 экземпляров кодекса и ссылки на прецеденты многостаночной печати в других типографиях XVI века.

„Самыя различія [между изданиями ЛС – В.М.] и характеръ ихъ указываетъ не на перепечатку одной серіи экземпляровъ съ экземпляра другой, а на наборъ съ голоса (подъ диктовку) или съ рукописи [...] При перепечаткѣ Статута съ напечатаннаго уже раньше его экземпляра необходимо было бы ожидать почти точнаго повторенія набора предшествующаго изданія, а не его постояннаго измѣненія въ отдѣльныхъ буквахъ, сокращеніяхъ и даже иногда въ размѣщеніи словъ по строкамъ. Совершенно иное, притомъ совершенно простое и естественное, объясненіе получаютъ всѣ различія эк-

два тома было опубликовано (см.: „Русская Историческая Библиотека”, т. 27, Санкт-Петербургъ 1910; т. 30, Юрьевъ 1914), а третий – завершающий – подготовлен к печати и набран в типографии, выпуску же книги помешала первая мировая война.

⁵⁶ Целью работы, выполняемой И. И. Лаппо по поручению Императорской Академии Наук, была подготовка критического издания ЛС.

⁵⁷ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи Литовскаго Статута 1588 года*, с. 170-214.

⁵⁸ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I-II, Kaunas 1934-38.

⁵⁹ „Prof. Łappo dalej pracuje nad tekstem ruskim Statutu na podstawie dawniej zebranego materiału, szczęśliwie uratowanego wraz z życiem z nieszczęśliwej ojczyzny. Miejmy nadzieję, że i w tak ciężkich warunkach, w jakich wypadło mu pracować w diaspory, obdarzy świat wiekopomnem dziełem. [...] Czekamy z niecierpliwością na zapowiadzaną pracę, która wyświełi całokowicie problem Statutu” (S. P t a s z y c k i, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego...*, s. 166).

⁶⁰ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 206.

земпларовъ Статута въ обстановкѣ техники старопечатнаго дѣла. [...] Нужно думать, что Литовскій Статутъ былъ напечатанъ въ 1588 году въ такомъ большомъ количествѣ экземпляровъ, которое было вообще въ средствахъ Мамоничской друкарни, при полномъ ихъ напряженіи. А для этого она должна была неизбѣжно прибѣгнуть къ одновременнымъ параллельнымъ набору и печатанію”⁶¹.

В аргументации своей позиции И. И. Лаппо анализирует также отношения, сложившиеся между главным „заказчиком” – канцлером ВКЛ Львом Сапегой – и типографскими исполнителями⁶²; обращается к воспроизведению хронологии первопечати кодекса, оставляющей Мамоничам не больше пяти-шести месяцев на выполнение ответственного заказа (на это указывает соотнесение дат, с одной стороны, утверждения Статута королем и последующего распоряжения Сапегі на печатание книги⁶³, с другой, вступления правовых положений кодекса в силу).

Параллельно с отстаиванием новаторской концепции И. И. Лаппо вводит в научный оборот информацию о ранее неизвестных экземплярах кодекса и, что важнее, осуществляет систематизацию всех ЛС „русской” печати Мамоничей, когда-либо оказавшихся в его поле зрения.

Достаточно подробно описанию каждой из этих книг предшествует вполне мотивированная оговорка: „Предлагая свѣдѣнія объ экземплярахъ [Статута], мы, къ сожалѣнію, лишены возможности обозначить мѣсто храненія въ настоящее время большей ихъ части, а именно, экземпляровъ, хранившихся въ различныхъ библіотекахъ и архивахъ бывшей Россійской Имперіи. Нѣкоторыя изъ ея древлехранилищъ упразднены, рядъ ученыхъ обществъ и научныхъ учрежденій закрытъ, часть библіотечныхъ и архивныхъ фондовъ передана Польшѣ. Наводить справки о мѣстѣ храненія этихъ экземпляровъ теперь весьма затруднительно, а кромѣ того онѣ значительно задержали бы возможность выпуска настоящаго изданія. Въ виду всего этого намъ оставалось обозначать обслѣдованные нами старопечатные экземпляры Статута по прежнимъ мѣстамъ ихъ храненія. При такомъ обозначеніи

⁶¹ Там же.

⁶² „Издать Статутъ безъ вѣдома Сапѣги для Мамоничей значило бы обмануть именно его, а на это рѣшиться они безусловно не могли какъ потому, что были тѣснейшимъ образомъ съ нимъ связаны въ своей издательской дѣятельности вообще, такъ и потому, что онѣ имѣли слишкомъ высокое положеніе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ по занимаемымъ имъ должностямъ, да и самъ «великій Левъ», какъ его потомъ называли, былъ не такимъ человекомъ, который бы могъ не замѣтить грубаго обмана и его допустить” (И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 207-208).

⁶³ 13 июля 1588 года Лев Сапега в своем письме к тогдашнему гетману польному литовскому Криштофу Радзивиллу („Пѣруну”) сообщает: „Mciwy panie, statut nowy rozkazalem już drukować po rusku” (*Archiwum domu Radziwiłłów*, s. 195).

найти соответствующий экземпляр, если только онъ не погибъ, въ концѣ концовъ не представить слишкомъ большихъ затрудненій”⁶⁴.

К моменту выхода монографии из печати, в числе если не „погибших”, то пропавших [и до сих пор не обнаруженных] экземпляров ЛС оказались осмотренные И. И. Лаппо до революции: книги из библиотек Духовных Академий – Петроградской и Киевской, Румянцевского Музея (сигн. № 52), Сенатского Архива, Общества Любителей Наук в Вильно. Позже в горниле Второй мировой войны в Варшаве сгорели два описанных ученым кодекса из библиотеки Ординации Красиньских.

Среди сохранившихся донныне экземпляров ЛС впервые у И. И. Лаппо показаны: четыре „новых” Статута из бывшей Императорской Публичной библиотеки, по два экземпляра из Петербургской Академии Наук и библиотеки Харьковского университета, по одному ЛС из Московского Исторического Музея, библиотек: Виленской Публичной (ранее экз. Богоявленского Пинского монастыря), Национального Музея в Праге и Ординации Замойских.

Анализ 34 книг кодекса, основанный на побуквенном сличении текста, подтвердил существование трех печатных вариантов ЛС, свидетельствующих об использовании Мамоничами трех типографских прессов. Первую группу экземпляров, набор которых был признан И. И. Лаппо „едва ли не наиболѣе исправленнымъ”⁶⁵, представляют всего четыре книжные позиции⁶⁶, вторую и третью группы – соответственно 18 и 12 экземпляров⁶⁷.

⁶⁴ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. IV-V.

⁶⁵ Там же, с. XXXV.

⁶⁶ Это экземпляры: бывшего Императорского общества истории и древностей российских (в своем описании ЛС И. И. Лаппо помещает эту книгу под № 1), библиотек Соловецкого монастыря (№ 8) и Харьковского университета (№ 22) и один из кодексов библиотеки Ординации Красиньских (29). Ныне эта группа известна как „2-е издание ЛС”.

⁶⁷ Во второй группе у И. И. Лаппо оказались экземпляры, причисляемые сегодня к так наз. 3-му изданию: это кодексы, отмеченные профессором прежде всего в фондах московских и петербургских книгохранилищ: Архива Министерства иностранных дел (№ 2), Библиотеки Синодальной типографии (№ 3), Исторического Музея (№ 4), Румянцевского Музея (№ 5) – четыре экземпляра бывшей Императорской Публичной библиотеки (№№ 11, 12, 13, 14), Академии Наук (№ 9), Сенатского Архива (№ 18), библиотеки Духовной Академии (№ 19); а также книги из киевских и виленских библиотек: соответственно Университета (№ 20) и Духовной Академии (№ 21) – Публичной библиотеки (№ 24) и Общества Любителей Наук (№ 26); библиотек: Ординации Красиньских в Варшаве (№ 28), Национального Музея в Праге (№ 31) и Литовского университета им. Витовта Великого в Каунасе (№ 34). Примерами ЛС третьей выделенной И. И. Лаппо группы кодексов, приравняваемой сейчас к 1-му изданию, служат: три экземпляра из бывшей Императорской Публичной библиотеки (№№ 15, 16, 17), по две книги из фондов Румянцевского Музея (№№ 6 и 7), Украинского Музея во Львове (№№ 32 и 33), кодексы из Петербургской Академии Наук (№ 10), библиотеки Харьковского университета (№ 23), Виленской Публичной б-ки [ранее Монастыря базилиан] (№ 25), варшавских библиотек: Университетской (№ 27) и Ординации Замойских (№ 30).

Строго говоря, число обнаруженных И. И. Лаппо печатных вариантов кодекса оказалось бóльшим, однако все случаи выхода за пределы принятой трехчленной системы квалифицируются ученым как фрагментарные отклонения, вызванные пробами типографов поправить дефекты печати сразу после их выявления – по ходу работы. Автор монографии пишет о таких ситуациях: „Кромѣ выпаденія буквѣ и словѣ въ колоннѣ-титულѣхъ, пагинаціи и кустодіяхъ замѣчаются въ экземплярахъ Мамоничскаго изданія Статута 1588 года и другія различія, связанныя не съ первоначальнымъ наборомъ, а съ печатаніемъ и исправленіемъ его дефектовъ. При корректурѣ отдѣльныхъ страницъ послѣ ихъ отпечатанія могли получиться исправленія не одни и тѣ же. [...] А если бы во время печатанія подѣ прессомъ оказался со складкою цѣлый листъ? Ясно, что въ такомъ случаѣ его бы пришлось признать совершенно испорченнымъ, и потребовалась бы его замѣна другимъ листомъ. Этотъ листъ долженъ бы былъ быть взятъ изъ излишковъ другихъ наборовъ, а въ случаѣ ихъ недостатка надо было бы его вновь набрать для возстановленія дефекта. Если это такъ, то не можетъ быть сомненія въ возможности старопечатныхъ экземпляровъ, которыхъ наборъ, сходный въ томѣ вообще, различается только на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ страницахъ. Все сейчасъ отмѣченное нами приводитъ къ выводу, что экземпляры одного и того же набора могутъ имѣть и нѣкоторыя отличія, которыя не поддались учету при нашемъ ихъ обслѣдованіи”⁶⁸.

Как видим, принятие выдвинутого И. И. Лаппо тезиса – „не существовало послѣдовательныхъ изданій русскаго текста Третьяго Литовскаго Статута, [...] различія экземпляровъ единственнаго его изданія объясняются параллельностью набора и печатанія его въ типографіи”⁶⁹ – давало возможность выйти из заколдованного круга противоречий, которые создавались старымъ представлениемъ о наличии нескольких изданій кодекса.

Однако гипотеза И. И. Лаппо была встречена неоднозначно. Одни – напр., знатокъ общерусскаго и литовскаго права Ф. В. Тарановскій – ее приветствовали: („Такимъ образомъ падаетъ легенда о «тайныхъ» изданіяхъ Статута Мамоничами безъ ведома канцлера Сапеги”⁷⁰); другие – в ихъ числе известный польскій филологъ и историкъ Ст. Пташицкій – одобряли основную концепцію („Opinia taka znakomitego badacza Statutu bardzo jest pożądana. Czy się jednak da ona pogodzić z faktem, ściśle niemal zgodnego [z bardzo nielicznymi wyjątkami] zakończenia wierszy i stron. Gdyby składanie odbywało się pod dyktandem, to dyktowanie musiałoby się odbywać z druku a dyktator musiałby wskazywać zecerowi koniec wiersza i strony. Kopista z rękopisu musiałby stale za-

⁶⁸ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. XXXIII-XXXIV.

⁶⁹ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 395.

⁷⁰ Газета „Россія и Славянство”, 23 марта 1929 года.

glądać do druku, by wskazać początek i koniec strony i wiersza. Różnice w pisowni profesor w liście, pisanym do mnie z Pragi 8/V 1932 r., objaśnia tem, że zecer, nie mając w kaszcie odpowiedniej czcionki, brał podobną. W ten sposób zamiast twardego jera stawiał miękki. Zgoda”⁷¹); третьи – напр., автор магистерской диссертации о типографии Мамониной Ф. Ильишевич – высказывали сомнения („Jakkolwiek przypuszczenie I. Łappy jest bardzo prawdopodobne, nie jest ono pewne. Ma ono słabe strony w tym, że: 1) mogłoby zabraknąć liter, jeżeliby nawet odbijano arkuszami; 2) w innych drukach nie spotkamy tych różnic, co w Statucie; 3) po co było składać Statut równolegle, jeżeli z jednego złożonego arkusza można odbić dowolną ilość egzemplarzy”⁷²).

Впрочем Ст. Пташицкий, поддерживая гипотезу И. И. Лаппо не без ряда осторожных замечаний, говорит, однако, о четырех разновидностях первопечати кодекса. Для подтверждения своего мнения польский исследователь публикует четыре снимка одной и той же страницы Статута, различающиеся набором и расположением сигнатур⁷³.

Гипотеза о наличии четырех изданий кодекса (скорее последовательных, чем одновременных), выдвинутая, как мы помним, Ст. Пташицким еще в 20-е годы и поддержанная позже К. Эстрейхером, после войны обрела характер общепринятой концепции, распространенной, правда, почти исключительно на польской земле. В послевоенные годы ее утверждению способствовали А. Кавецка-Грычова и М. Цитовска⁷⁴. В Советском Союзе отголоски такой позиции можно усмотреть разве что в высказываниях М. М. Закарьян⁷⁵ и А. И. Анушкина⁷⁶.

При этом решение вопроса хронологии изданий кодекса по сложившейся уже традиции ограничивается определением их относительной последовательности – без установления датировки. Обращение к одной из методик книговедческого анализа, а именно, сравнению меры износа типографского материала в экземплярах кодекса, позволяет А. Кавецкой-Грычовой заме-

⁷¹ S. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego...*, s. 165.

⁷² T. Iljaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów...*, s. 70.

⁷³ S. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego...*, s. 165-166.

⁷⁴ A. Kawecka-Gryczowa, *Katalog starych druków Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy*, cz. 2, Warszawa 1949, s. 103-105; M. Cytońska, *Bibliografia druków urzędowych...*, s. 114-116.

⁷⁵ „Возможно, статут имел не три, а больше изданий. Но об этом можно будет судить после изучения хотя бы всех сохранившихся экземпляров статута 1588 года” (М. М. Закарьян, *К вопросу о напечатании Литовского Статута 1588 года*, „Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko universiteto mokslo darbai”, „Istorijos-filologijos mokslu ser.”, t. III, Vilnius 1957, s. 123).

⁷⁶ „Спрос на «Статут» оказался столь большим, что типография вынуждена была печатать его несколькими изданиями с одной и той же датой выпуска – 1588 г. Сличение сохранившихся изданий «Статута» показывает свыше трех вариантов, отличающихся друг от друга набором текста и его оформлением” (А. Анушкин, *На заре книгопечатания в Литве*, с. 62).

Репр. 17: **Антонина Сергеевна Зернова** (1883-1964), российский историк книги, библиограф. Создатель фонда кириллической печати в отделе редких книг ГБЛ, которым долгие годы руководила. Организатор научной работы с книгами кириллического шрифта, автор трудов по истории книжного дела, сводного каталога *Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII вв.*

тельность: А, В, С. При этом только издание А датируется 1588 годом, представление же остальных маркируется заметкой – [по 1588]. Аналогичная запись сопровождается также издание D, соотносимое с экземпляром Суходольского⁸¹.

тить, что „ozdobne inicjały na początkowych kartach wykazują stopniowo postępujące zniszczenia w następstwie: B, A, C”⁷⁷ [этими литерами обозначены у ученой последовательно представляемые издания – В.М.]. Do której grupy należał egz. opisany przez Lindego [т. е. кодекс из собрания гр. Суходольского – В.М.], wobec niedokładności opisu trudno stwierdzić. Wedle wszelkiego prawdopodobieństwa było to inne wydanie, być może – pierwsze”⁷⁸. При описании издания D, иллюстрируемого пропавшим экземпляром Суходольского, А. Кавецка-Грычова помещает предположение: „Do niego [wyd. D] zapewne odnosi się reprodukcja dolnej części k. e₂ podana przez Ptaszyckiego na tabl. 8 [położenie sygnatury e₂/jecho]”⁷⁹. Bliższego opisu karty tyt. etc. Ptaszycki nie podaje, wskutek czego nie można z całą pewnością stwierdzić, czy opisuje on egzemplarz identyczny z egz. Suchodolskiego. Egzemplarz, na którym opierał się Ptaszycki – niedostępny”⁸⁰.

Погрешность в определении очередности изданий, допущенная А. Кавецкой-Грычовой, спустя десятилетие исправляется в библиографическом указателе, составленном М. Цитовской. Автор этого труда также обозначает издания литерами, но предлагает иную их последова-

⁷⁷ Здесь польская исследовательница ошибается: по избранной ею схеме представления последовательность изданий должна выглядеть следующим образом: А, В, С.

⁷⁸ А. Kawecka-Gryczowa, *Katalog starych druków...*, s. 103.

⁷⁹ Репродукции снимков Ст. Пташицкого приводятся нами на с. 129.

⁸⁰ А. Kawecka-Gryczowa, *Katalog starych druków...*, s. 104.

⁸¹ См.: М. Cytowska, *Bibliografia druków urzędowych...*, s. 114-116.

Практически в это же время к применению метода книговедческого анализа при изучении проблематики изданий кодекса обращается советская исследовательница А. С. Зернова, заведующая отделом редких книг ГБЛ [репр. 17].

В ее исследованиях, однако, заданность и методика работы выглядят несколько иначе, чем у польских коллег. А. С. Зернова нацеливает анализ не только на определение последовательности изданий, но и датировку каждого из них. Материалом для наблюдений послужили экземпляры кодекса из фонда Отдела редких книг ГБЛ; их сверка показала, что по набору Статуты распадаются на три группы⁸².

По мнению исследовательницы, об очередности изданий можно судить уже по реакции типографов на опечатки, перечень которых содержится в книгах лишь одной (!) из анализируемых групп – **Шмылѣкы котарын траѣнннста въ дрѣкѣ**. „Опечатки, приведенные в списке и действительно имеющиеся в экземплярах этой группы, частично исправлены в экземплярах двух других групп; очевидно, группа с неисправленными опечатками и должна быть признана за 1-е издание. Всех опечаток указано около 80 [...] При проверке выяснилось, что в одной из двух групп внесено около 56 исправлений, в другой несколько меньше. Казалось бы, что издание с наибольшим числом исправлений должно быть последним. Однако по степени изношенности некоторых досок орнамента приходится признать 3-м изданием то, в котором исправлений сделано меньше”⁸³.

Именно сравнение меры износа типографского материала в экземплярах кодекса и иных – датированных – книгах Мамоничей позволяет А. С. Зерновой высказать свои предположения относительно датировки изданий. Время выхода кодексов в свет она определяет по состоянию инициалов – укрупненных и украшенных орнаментом заглавных букв в начале разделов книги. Анализ показывает, что в некоторых из выделенных групп ЛС доски, с которых делались оттиски инициалов, содержат дефекты или же просто несут на себе печать времени [см. репр. 18].

Репр. 18: Инициалы Н и Б в разных изданиях Статуты

⁸² А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 191.

⁸³ Там же, с. 192.

„Для 2-го и 3-го издания дату можно указать приблизительно путем сопоставления немногих отпечатков орнамента из этих изданий с отпечатками с тех же досок в датированных изданиях; так, испорченная доска инициала Н во втором издании Статута – в том же состоянии, как и в Псалтири 1592 г.; доска инициала Б в третьем издании – в худшем состоянии, чем в Псалтири с воследованием 1593 г.; поэтому второе издание можно отнести к 1592/93, а третье – к 1594/95 гг.”⁸⁴ [см. репр. 19]. Первое же издание, как известно, находившееся в печати уже в июле 1588 г.⁸⁵, должно было увидеть свет еще до конца этого года.

Репр. 19: Инициал Б из Псалтири с Часословцем (после 1593)

Применение подобного подхода к описанию иных существенных различий экземпляров нетождественных изданий дает А. С. Зерновой возможность заметить: „На титульном листе 1-го издания (такового не удалось обнаружить ни в одной русской библиотеке) [...], судя по копии, воспроизведенной у Линде, доска герба совершенно свежая, венки, окружающий всадника, заканчивается наверху тремя страусиными перьями, как на гербах литовских вельмож; во втором издании доска переделана, отпилена верхушка с перьями и заменена короной⁸⁶; в третьем издании срез доски сделан еще ниже, корона вырезана грубее. [...] Портреты короля во 2-м и 3-м издании с разных досок, во 2-м издании король изображен более молодым. Портрет первого издания нигде не воспроизведен”⁸⁷.

Таким образом, стараниями московской исследовательницы рождается системная концепция, производящая впечатление более аргументированной

⁸⁴ Там же, с. 196.

⁸⁵ См. ссылку 63 (письмо Льва Сапегы Криштофу Радзивиллу).

⁸⁶ Ниже на с. 134–139 предложим иную интерпретацию: равно как относительно описания герба на титульном листе Статута из собрания Суходольского, так и произведенной Мамоничами замены.

⁸⁷ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 193.

по сравнению с гипотезой И. И. Лаппо⁸⁸, но отнюдь не исключающая последнюю.

Возможность параллельных изданий кодекса окончательно перечеркнули результаты работ Э. Лауцявичюса, крупнейшего специалиста по изучению бумаги, производимой и употреблявшейся в давней Литве [см. репр. 20]. Самый наглядный довод этого ученого неотразим: на бумаге одного из изданий ЛС обнаружилась филигрань с изображением герба Сапеги в обрамлении надписью „Leo Sapieha M.D.L. Cancellarius”. А, как известно, канцлером Magni Ducatus Lithuaniae „Великий Лев” стал в конце апреля 1589 года⁸⁹, и данный титул никак не мог фигурировать на бумаге кодекса, вступившего в законодательную силу уже в январе⁹⁰.

На основании анализа водяных знаков (ВЗ) на бумаге девяти экземпляров ЛС, хранящихся в библиотеках Вильнюса и Ленинграда, Э. Лауцявичюс поставил под сомнение отдельные выводы московской исследовательницы.

На бумаге кодексов, соотносимых с третьей, по классификации А. С. Зерновой, группой, ученым выявлены ВЗ, даты употребления которых показы-

Репр. 20: Эдмундас Лауцявичюс (1906–1973) – литовский историк культуры, коллекционер древностей и библиофил. Автор работ об экслибрисах, переплётном деле, бумажном производстве и нумизматике. Его монография *Бумага в Литве в XV–XVIII вв.* (здесь воспроизводится 4277 водяных знаков), заложила основы филигранологии в Литве. Собрания экслибрисов, книг, графики, картин, монет из коллекции Лауцявичюса украшают фонды нескольких литовских музеев и библиотек.

⁸⁸ Сама А. С. Зернова оценивала „теорию” предшественника критично: „Предположение И. И. Лаппо об одновременном печатании всех трех изданий под диктовку ничем не подтверждается. При одновременном печатании, во-первых, не могло получиться одного издания с опечатками и двух других с исправлениями; во-вторых, легко могли быть перепутаны листы разных изданий, между тем такое смещение не обнаружено” (там же).

⁸⁹ „Na sejm pacyfikacyjny w 1589 r. [Sapieha] udawał się jako pewny kandydat na kanclerstwo litewskie. Urząd ten otrzymał w II połowie kwietnia tego roku, zapewne w ostatnich dniach sejmku. W jego trakcie, 18 kwietnia, jeszcze jako podkanclerzy, podpisał ratyfikację traktatu bytomsko-będzińskiego” (H. Lulewicz, *Lew [Sapieha]*, s. 180).

⁹⁰ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве в XVI–XVIII в.*, Вильнюс 1967, с. 153.

вают, что эти экземпляры ЛС отпечатаны между 1597-1602 гг.⁹¹ „Для сравнения были проверены пять экземпляров Евангелия, отпечатанного в типографии Мамоничей в 1600 г. [...] Поскольку бумага упомянутых выше экземпляров Статута и Евангелия одинакова, а оно издано, несомненно, в 1600 г., можно с уверенностью утверждать, что все эти экземпляры ЛС отпечатаны в типографии Мамоничей около 1600 г.”⁹² Крайние же временные границы употребления филиграней на бумаге кодексов, которые А. С. Зернова относит к первому изданию, варьируют между 1580-1589 гг., поэтому „действительная дата издания этих экземпляров соответствует дате включенных в них привилеев” – т. е. 1588 г.⁹³

Важно отметить, что в поле зрения Э. Лауцявичуса волею случая не оказалось экземпляров ЛС второго издания, поэтому свои выводы исследователь сопровождал допущениями: на основе анализа ВЗ упомянутых девяти книг кодекса, „можно утверждать, что Литовский Статут 1588 г. в типографии Мамоничей был отпечатан дважды: первый раз в 1588 г., второй – в 1600 г. Пока не будут исследованы другие экземпляры Статута, которые А. С. Зернова относит ко второму изданию, можно лишь предполагать, что в 1588-1600 гг. в типографии Мамоничей были отпечатаны еще и другие издания Литовского Статута”⁹⁴.

С опорой на материалы составленного Э. Лауцявичюсом атласа литовской бумаги⁹⁵ датировкой изданий ЛС занялся В. Рауделюнас, ученый, получивший впоследствии известность как исследователь иной – рукописной – редакции Статута (1566 г.) [репр. 21]. В одной из ранних своих работ – обстоятельной статье о печатных изданиях кодекса⁹⁶ – В. Рауделюнас приходит к выводу: „Все изученные экземпляры (а анализу было подвергнуто 48 книг кодекса)⁹⁷ принадлежат к 3-м изданиям. [...] На основании данных водяных знаков первое издание Статута датируется 1588 г., второе – 1593 г. и третье – 1600 г.”⁹⁸.

При этом многие предметные наблюдения ученого сильно запутывают прежние представления о печатании Статута, начавшие было укладываться

⁹¹ Там же, с. 154-155.

⁹² Там же, с. 156.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, с. 157.

⁹⁵ E. Laucevičius, *Popierius Lietuvoje XV-XVIII a. Atlasas*, Vilnius 1967 (с позволения автора В. Рауделюнас пользовался материалами атласа еще до выхода книги из печати).

⁹⁶ V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidimai (1588-1600)*, [w:] *Rusų knygos spausdinimo pradžia ir Lietuva*, V, Vilnius 1966 s. 119-156.

⁹⁷ 42 экземпляра изучались de visu и 6 – по микрофильмам; помимо того, автор статьи приводит информацию о 7 экземплярах ЛС, сведения о которых почерпнуты из литературы вопроса.

⁹⁸ Ibidem, s. 154-155.

в систему. Так, в кодексах первого издания В. Рауделюнасом обнаружены титульные листы двух наборов, причем отличные от того, что воспроизвел в своей книге С. Линде. Отдельные страницы экземпляров второго издания не совпадают по своим особенностям и представляют разный набор. По справедливому мнению автора публикации, весьма странной оказывается практика работы типографов по устранению опечаток из списка *шмылокъ*: в третьем издании в тексте вновь оказались погрешности, уже устраненные прежде во втором⁹⁹. Интриги добавляет утверждение, будто книги второго издания кодекса в большинстве своем по каким-то причинам были уничтожены – волею случая или целенаправленно¹⁰⁰.

В приложении к своей статье В. Рауделюнас привел сводный список известных ему экземпляров Статута, описание книг включает информацию о месте их хранения и сведения о имеющихся дефектах. Дифференциацию экземпляров по принадлежности к каждому из трех выделенных изданий можно было бы признать безошибочной, если бы не неточности в классификации нескольких „польских” экземпляров кодекса, известных автору лишь понаслышке¹⁰¹. Как бы то ни было, именно стараниями В. Рауделюнаса научный мир получил едва ли не самый близкий к актуальному список сохранившихся экземпляров ЛС.

Репр. 21: **Витаутас Рауделюнас** (1930–2002) – литовский историк права, сотрудник Института философии и социологии Академии наук Литвы. В центре исследовательских интересов ученого находились ранние редакции Литовского Статута – первая и особенно вторая. Огромная работа В. Рауделюнаса, посвященная поиску и сверке списков ЛС-2, к сожалению, так и осталась незаконченной. Автор многочисленных научных работ и инициатор публикаций ряда источников по истории ВКЛ.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Ibidem, s. 132.

¹⁰¹ Это касается, в частности, экземпляров: Краков, собр. Чарторыйских, шифр XVI.1271/III; Варшава, Национальная б-ка, шифр XVI.F.561 и XVI.F.669, Варшава, Публичная б-ка, шифр XVI.F.6. Причины допущенных ошибок объяснить трудно: все перечисленные кодексы отнесены В. Рауделюнасом к третьему изданию, тогда как в работах польских библиографов, на которые ссылается литовский ученый, эти экземпляры характеризуются иначе – как изданные ранее (см.: M. Cytońska, *Bibliografia druków urzędowych...*, s. 114–116).

Наиболее драматические события XX века к тому времени уже миновали, местонахождение уцелевших книг в основном было определено. Так, упомянутый ранее экземпляр, принадлежавший Березвечскому монастырю, а потом Виленской Публичной библиотеке оказался в фондах львовской Научной библиотеки АН Украины (шифр Ст.IV 632); кодекс из Богоявленского Пинского монастыря, попавший позже в Вильнюсскую университетскую библиотеку, по обмену был выслан в одесскую Государственную научную библиотеку им. Горького (шифр V-29969); книга, принадлежавшая некогда И. Н. Даниловичу (предоставлена ученому К. Мирским), побывав в фондах Виленского Белорусского Музея им. Ивана Луцкевича, перекочевала в вильнюсскую Центральную библиотеку Литовской АН (шифр L 16/2-2); Статут из частного собрания В. Ф. Гамалея, в свое время предоставленный в распоряжение А. Ф. Кистяковского, зарегистрирован в киевской ЦНБ АН Украины (шифр I 213/5013) и т. д.

В сводном списке В. Рауделюнаса нашли отражение ранее не зафиксированные в литературе вопросы экземпляры ЛС. Это кодексы: из Библиотеки Ленинградского ун-та, ранее книга принадлежала Поддубискому базилианскому монастырю (шифр С. IV. 373); львовской Научной библиотеки АН Украины (шифр 54593); львовской Научной университетской библиотеки (шифр 27008 III/Cim); Латвийской национальной библиотеки в Риге (шифр R K3S/273); киевских библиотек: два экземпляра из ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины: шифр Кір. 767 (№ 22) и Кір. 769 (№ 31), а также Центрального гос. исторического архива Украины, ф. 739, оп. 1, 12 (прежде Киевской Публичной библиотеки – № 23); Литовской книжной Палаты в Вильнюсе (шифр 9224); частных книжных собраний: каунасского общественного деятеля П. Каразии и главного литовского филиграноведа Э. Лауцявичюса¹⁰². Кроме того, в списке оказался Статут, прежде известный по упоминаниям лишь в каталогах отдельного книгохранилища – Университетской б-ки в Уппсале, инв. 781¹⁰³.

Проведенное В. Рауделюнасом исследование, во многом основанное на использовании методики анализа, примененной прежде Э. Лауцявичюсом,

¹⁰² Экземпляр ЛС, принадлежавший П. Каразии, был куплен в 1977 году Музеем науки Вильнюсского университета, где значился под шифром I 10/K 1900; а вот информация о наличии первопечатного кодекса в библиотеке Э. Лауцявичюса подтверждения не получила. В числе утерянных в перестроечное время – с официальным подтверждением факта пропажи – оказался экземпляр из Литовской книжной Палаты.

¹⁰³ L. Kjellberg, *Catalogue des imprimés slaves des XVI-e, XVII-e et XVIII-e siècle conservés à la Bibliothèque de l'Université royale d'Uppsala*, Uppsala 1951, № 9, s. 2; J. Trypucko, *Polonica vetera Upsaliensia. Catalogue des imprimés polonais ou concernant la Pologne des XVe, XVIe XVIIe siècles conservés à la Bibliothèque de l'Université Royale d'Upsala*, Uppsala 1958, № 2530, s. 160.

в значительной мере расставило акценты в разработке еще одной – последней из сложившихся – концепции изданий ЛС. Однако, как следует из сказанного выше, на сегодняшний день филиграноведческая „теория” литовских ученых является отнюдь не единственной из существующих, она имеет весьма достойных конкурентов.

Впоследствии свою лепту в изучение проблематики первопечатных изданий ЛС вносили исключительно библиографы. Их усилия в основном были направлены на систематизацию сохранившихся книг кодекса¹⁰⁴ и введение в научный оборот неизвестных ранее экземпляров.

Судя по данным, приводимым в библиографических источниках, сводный список ЛС из публикации В. Рауделюнаса не сразу оказался замеченным и не всеми был по достоинству оценен. Так, согласно „предварительному” каталогу старопечатных изданий кирилловского шрифта, составленному и изданному в 1979 г. Ю. А. Лабынцевым¹⁰⁵, количество уцелевших экземпляров Статута не превышает четырех десятков¹⁰⁶, имеются ошибки и в помещенной здесь классификации книг кодекса¹⁰⁷.

К 400-летию выхода свода законов ВКЛ из печати свет увидело научное переиздание ЛС с обширным комментарием, призванное обобщить все прежние исследовательские достижения статутоведения¹⁰⁸. Статью, посвященную системному представлению сохранившихся экземпляров кодекса, написал Г. Я. Голенченко¹⁰⁹. Видный белорусский специалист взял за основу своей классификации данные из работы В. Рауделюнаса: в юбилейной книге предлагается та же датировка изданий: 1588 – около

¹⁰⁴ См.: *Библиографический список белорусских старопечатных изданий XVI-XVIII вв.*, сост. Г. Я. Голенченко, Минск 1961, № 21 (с. 14), № 30 (с. 17), № 34 (с. 18); *Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI-XVII в.*, сост. В. И. Лукьяненко, вып. I, Ленинград 1973, № 18 (с. 73-78), № 25 (с. 92-96), № 28 (с. 102-106).

¹⁰⁵ *В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов*, вып. 4: *Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI века*, сост. Ю. А. Лабынцев, Москва 1979, № 100 (с. 32), № 114 с. (с. 34), № 123 (с. 36).

¹⁰⁶ Точнее, список содержит 42 позиции, но „ленинградские” экземпляры из Публичной б-ки (шифр 1.2.7⁶) и Б-ки Академии Наук (инв. 39 сп и № 982 сп) значатся в нем по два раза каждый – в числе книг и первого, и второго изданий.

¹⁰⁷ Это касается ЛС из вильнюсских б-к – Университетской (шифр РК 153) и АН Литвы (шифр L-16/2-2), московских – ЦГАДА (2 экз. – БМСТ/СПК 4261 и СПК № 9) и ГИМ (собр. Цап.), ленинградской БАН (инв. 39 сп), львовской Научной б-ки АН Украины (Ст.IV-632), Б-ки Харьковского ун-та (шифр РК XVI.274747).

¹⁰⁸ *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, Мінск 1989.

¹⁰⁹ Г. Я. Галенчанка, *Статут у бібліятэках і архіўных зборах*, [в:] *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, с. 531-532.

1593 – 1600, с небольшими уточнениями¹¹⁰ повторяется расписанный по изданиям список книг ЛС, вслед за В. Рауделюнасом воспроизводятся также неточности, допущенные при идентификации „польских” экземпляров Статута.

Очередной – самый полный на сегодняшний день – системный библиографический перечень кодексов первопечати Мамоничей был составлен в начале XXI в. А. А. Гусевой, ведущим (в прямом и фигуральном смысле слова) научным сотрудником РГБ. В ее *Сводном каталоге...* приводятся сведения о 64 (!) экземплярах¹¹¹. Однако в этом списке можно усмотреть как „мертвые (статутные) души” (Вильнюс: Кн. Палата и собр. Лауцявичуса), так и экземпляры двойной отнесенности – к 1-му и 3-му изданиям (дважды в списках фигурируют книги из библиотек Вильнюса: Литовской АН [шифр L-16/2-2] и Университетской [шифр RK 153], а также Москвы: РГАДА [шифр БСМТ/СПК № 4261] и ГИМ [собр. Щап.]).

Расширяя прежние сведения о сохранившихся экземплярах ЛС (данные В. Рауделюнаса и Г. Я. Голенченко дополнены указанием на кодексы, хранящиеся в Лондоне, Б-ке Франциска Скорины; Готе, Земельной б-ке [шифр Југ. 2° 100]; Твери, фондах Областного госархива [ф. 1409, оп. 1, дело 1163]¹¹²), А. А. Гусева, вместе с тем, не избежала неточностей при определении принадлежности книг к тому или иному изданию¹¹³. Впрочем, погрешности в классификации экземпляров ЛС в данном случае во многом следует отнести на счет предшественников: А. А. Гусева лишь повторила ошибки, допущенные прежде Ю. А. Лабынцевым, а также В. Рауделюнасом и Г. Я. Голенченко.

¹¹⁰ Г. Я. Голенченко, в частности, исправляет техническую опечатку в указании шифра экземпляра ЛС из Б-ки Вильнюсского ун-та (Rk. 156 вместо Rk. 153); не заявляет кодекса из Б-ки МГУ, существование которого бралось литовским исследователем под сомнение; дает уточнение по составу книги из ленинградской Публичной б-ки (шифр 1.2.7⁶), относящейся к 1-му изданию, но включающей в себя 12 листов из 2-го издания.

¹¹¹ А. А. Гусева, *Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог*, кн. 2, с. 783-784, 819-820, 909-910.

¹¹² Несколько ранее эти экземпляры были отмечены в следующих библиографических источниках: *Cyrillic Books Printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue* by R. Cleminson, D. Radoslavova, Ch. Thomas, London 2000, № 45, s. 47-48; *Slavica-katalog der Landesbibliothek Gotha*, bearb. von Helmut Claus, Berlin 1961, s. 225; *Кириллические издания в хранилищах тверской земли (XVI-1725 г.): Каталог*, сост. Г. С. Гадалова, Е. В. Перелевская, Т. В. Цветкова, Тверь 2002, № 7, с. 27.

¹¹³ Так, в частности, ошибочно идентифицируются по этому параметру экз.: Гота, Земельная б-ка (Југ. 2° 100); Вильнюс: Б-ка Литовской АН (Z-16/2-2) и Университетская б-ка (Rk 153); Варшава: Нац. б-ка (XVI.F.561 и XVI.F.669) и Публ. б-ка (F.6); Краков, Нац. музей, собр. Чарт. (XVI.1271/III); Москва: ГИМ (Щап. № 18), РГАДА (БМСТ/СПК 4261 и СПК 9); Санкт-Петербург, РНБ (1.2.7⁶); Киев, ЦДІАК (ф. 739, оп. 1, дело 12); Львов, Б-ка им. Стефаника АН Украины (Ст.IV-632).

При определении датировки изданий кодекса автор каталога принимает позицию А. С. Зерновой, соотнося каждую из трех выделенных групп соответственно с 1588-м, 1592/1593-м и 1594/1595-м годами.

Выходящий в настоящее время инвентарь сохранившихся экземпляров кириллической печати – каталог корифея российского книговедения Е. Л. Немировского¹¹⁴ – обещает дать наиболее развернутый перечень печатных раритетов, „сегодняшнее местонахождение которых может быть установлено”¹¹⁵. В кн. 1-й II-го тома серии с учетом хронологических рамок представляемого материала (1551-1592 гг.) приводятся сведения об экземплярах Статута первого и второго изданий, при этом среди книг, увидевших свет в 1588 году, значится 38 (!) кодексов печати Мамоничей. К расширению списка приводит отчасти оправданная практика включения в перечень экземпляров позднейших изданий, в которых оказались первопечатные листы и тетради (Вроцлав, Б-ка Оссол. [шифр XVI.F.4529], Москва, ГИМ: собр. Меньш. и собр. Царск.)¹¹⁶, а также ошибочное причисление к продукции 1588 года ряда кодексов 2-го и 3-го изданий¹¹⁷. Еще две „неактуальные” позиции в списке занимают экземпляры ЛС, которые оказались в инвентаре в соответствии с принципами отбора материала, принятыми автором и оговоренными в Предисловии к публикации: в каталоге „приводятся сведения не только об изданиях, местонахождение которых в настоящее время может быть указано, но и о книгах, брошюрах и листовках, известным лишь по литературным и архивным источникам”¹¹⁸. По всей видимости, именно эти правила обусловили включение в список экземпляров кодекса из библиотеки Государственного историко-архитектурного и художественного музея „Новый Иерусалим”: „Истра (Московская обл.), БМ [Б-ка Музея – В.М.] № 5778, БМ № 7285”¹¹⁹. Эти книги ныне значатся в числе культурных ценностей, утраченных в годы Второй мировой войны¹²⁰.

¹¹⁴ Е. Л. Немировский, *Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта 1491-2000*, т. II, кн. 1 (1551-1592), Москва 2011.

¹¹⁵ Там же, с. 4.

¹¹⁶ Вместе с тем фиксируются случаи необоснованного дублирования отнесенности: Санкт-Петербург, РНБ (Л.2.7⁶); Харьков, Университетская б-ка (РК № 274745).

¹¹⁷ Это ЛС из книгохранилищ: Гота, Земельная б-ка (Jug. 2° 100); Вильнюс: Б-ка Литовской АН (Z-16/2-2) и Университетская б-ка (Rk 153); Москва, ГИМ (Щап. 18) и РГАДА (БМСТ/СПК 4261 и СПК 9 – у Е. Л. Немировского представлены по старым шифрам); Санкт-Петербург, Б-ка АН (№ 39); Киев, ЦДИАК (ф. 739, оп. 1, 12); Львов, Б-ка им. Стефаника АН Украины (Ст.IV 632); Харьков, Университетская б-ка (РК XVI.274747).

¹¹⁸ Е. Л. Немировский, *Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта 1491-2000*, т. I (1491-1550), Москва 2009, с. 4.

¹¹⁹ Там же, с. 468.

¹²⁰ См.: *Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны*, т. XII: *Историко-архитектурный художественный музей „Новый Иерусалим”*, кн. 2, сост. Л. Г. Невзорова, Москва 2006, с. 23, № 1-2.

Очередной юбилей выхода кодекса из печати – 425-я годовщина – был отмечен проведением в Минске Международных книговедческих чтений „Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі”. Среди прозвучавших на конференции докладов типографской проблематики кириллических изданий кодекса касалось сообщение Н. П. Бондарь¹²¹. На основе анализа бумаги 6 экземпляров ЛС, хранящихся в киевских книгохранилищах, исследовательница заявила о целесообразности принятия „иной датировки второго и третьего изданий – 1595/96 и 1597/98 г.” и высказала предположение о находке „ранее не описанного в литературе экземпляра второго издания с вкраплениями листов третьего”¹²². И хотя в добросовестности по отношению к практическому анализу автору „открытий” не откажешь, переворота в статутоведении ее публикация не сделала. Как представляется, Н. П. Бондарь подвела узость подхода к объектам изучения – неучет данных, выявляемых при исследовании десятков иных экземпляров Статута, а также неудачно выбранная исследовательницей методика хронологического анализа¹²³.

¹²¹ Н. П. Бондарь, *Некоторые замечания о бумаге кириллических изданий Литовского Статута*, [в:] *Матэрыялы IX Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў „Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі”*, Мінск, 18-19 красавіка 2013 г., Мінск 2013, с. 78-85.

¹²² Там же, с. 84-85.

¹²³ Напр., представляя экземпляр, объединяющий в себе листы 2-го и 3-го изданий, автор принимает случайное за системное, результаты позднейших действий переплетчиков за ухищрения самих Мамоничей. В главном же своем нововведении – для уточнения датировки переизданий ЛС – Н. П. Бондарь, оттолкнувшись от некорректного тезиса, будто бы „бумага изданных в это время в типографии Мамоничей книг – Евангелия (без сигнатур) и Псалтыря (ок. 1600) – иная” [результаты сравнительного анализа „папера” *Евангелия* и Статута приводим в ссылке 140 третьего раздела настоящей монографии, *Псалтырь* же [известная как *Псалтырь* с черными точками] вообще для установления хронологии напечатания кодекса не подходит как имеющая условную дату выхода в свет – В.М.], прибегает к сопоставлению бумаги виленских кодексов с бумагой книжной продукции краковских (?) типографий. Следствия подобной практики сведения в один ряд не совсем тождественных величин не преминули сказаться в рождении весьма сомнительной концепции, тем более что аргументировалась она примерно так: „третье издание не могло быть напечатано в 1600 г.”, поскольку, как уже цитировалось выше, „папер” книг, вышедших тогда из „друкарни” Мамоничей, был другим. „Таким образом (?)”, срок печатания, вероятно, следует сместить на 1597/98 (?) г. Это предположение подтверждает подобность водяных знаков Остоя, Ястжембец (Тупая подкова) второго и третьего изданий” (указ. соч., с. 83). Стоит особо подчеркнуть, что весь сыр-бор здесь идет вокруг филиграней, которые встречаются в экземплярах ЛС 3-го издания всего на семи (!) листах, что составляет лишь 4,5 % общего объема кодекса. Впрочем, можно дополнить представленную констатацию „подобности водяных знаков Остоя, Ястжембец (Тупая подкова) второго и третьего изданий” еще одним фактом с далеко идущим предложением: эти филигранны фиксируются и в 1-м издании, может, „следует сместить” и его датировку?

Подводя итоги обзора истории разработки „русских” изданий ЛС, отметим, что из всех выдвинутых когда-либо гипотез, выясняющих особенности типографской практики Мамоничей, проверку временем не прошла лишь теория И. И. Лаппо, предусматривающая одновременное – при параллельных наборах – печатание кодекса. Две другие – доминантные ныне – концепции, признающие факт существования последовательных изданий, но отличающиеся ссылками на разное количество перепечаток, парадоксальным образом избегают прямой взаимной конкуренции. Мнение о трех изданиях утвердилось в российской, литовской и белорусской библиографии¹²⁴, польские же источники отстаивают вероятность четырехкратного обращения братьев-типографов к „рускому” своду законов ВКЛ¹²⁵. Существование этих „школ” предопределила история изучения ЛС в данных странах, позднейшие поколения ученых равнялись и равняются на авторитет именитых предшественников.

Признавая тот факт, что издания Статута разделяют годы, исследователи и библиографы называют разные даты перепечаток. В истории вопроса утвердились две главные версии датировки изданий: „1588 – 1592/93 – 1594/95”, полученная А. С. Зерновой путем книговедческого анализа и поддержанная В. И. Лукьяненко¹²⁶, Ю. А. Лабынцевым¹²⁷ и А. А. Гусевой¹²⁸, а также „1588 – 1593 – 1600”, построенная Э. Лауцявичюсом и В. Рауделюнасом с учетом „бумажных” аргументов, мнение литовских филиграноведов разделяют в числе прочих Г. Я. Голенченко¹²⁹, Л. Владимировас¹³⁰, Я. Юхо¹³¹, Е. Л. Немировский¹³².

¹²⁴ Кроме указанных выше работ, см. также: *Издания кириллической печати XV-XVI вв. (1491-1600 гг.). Каталог книг из собрания ГПБ*, сост. В. И. Лукьяненко, Санкт-Петербург 1993, с. 231-232; *Книга Белоруссии: 1517-1917. Сводный каталог*, с. 65-66, 69, 72-73; *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, с. 531-532; A. Dubonis, *Trečiojo Lietuvos Statuto egzemplioriai Lietuvos bibliotekose, „Bibliotekų darbas”* 1989, 3, s. 28-29.

¹²⁵ См. также: *Drukarze dawnej Polski...*, s. 153; Z. Jaroszewicz-Pierśławcew, *Druki cyrylickie z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego...*, s. 73.

¹²⁶ *Издания кириллической печати XV-XVI вв.*, с. 231-232.

¹²⁷ *Предварительный список старопечатных изданий...*, с. 32, 34, 36.

¹²⁸ А. А. Гусева, *Издания кирилловского шрифта...*, кн. 2, с. 783-784, 819-820, 909-910.

¹²⁹ См. его энциклопедическую статью в юбилейном издании кодекса: *Статут у біблійных і архіўных зборах*, с. 531-532. В более ранних работах под ред. этого ученого – каталогах *Библиографический список белорусских старопечатных изданий XVI-XVIII вв.* (с. 14, 17-18) и *Книга Белоруссии: 1517-1917. Сводный каталог* (с. 65-66, 69-70, 72-73) – принимается датировка А. С. Зерновой.

¹³⁰ L. Vladimirovas, *Knigos istorija. Senovė. Viduramžiai. Renesansas. XVI-XVIII amžius*, Vilnius 1979, s. 490.

¹³¹ Я. Юхо, *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Эцыклапедыя*, т. 2, Мінск 2006, с. 634.

¹³² Е. Л. Немировский, *Славянские издания...*, т. II, кн. 1, с. 464-468, 500-501.

Понятно, что в представленных мнениях о количестве изданий и их датировке как минимум одна из сторон придерживается ошибочных позиций, допуская сбои в аргументации либо уступая оппонентам в действенности методов исследования и / или объеме изученного материала.

Словом, как справедливо замечает Ю. А. Лабынцев, „Статуты изучены еще явно недостаточно”¹³³. Несмотря на длительную – двухсотлетнюю – научную разработку ЛС специалисты не пришли к согласию не только в решении главных загадок печатной практики Мамоничей, но и расходятся в интерпретации отдельных положений, имеющих более частный характер.

Споры вызывают возможные причины переизданий. До сих пор не выяснено, что представлял собой экземпляр кодекса из библиотеки Яна Суходольского (судя по всему, отличный от всех описанных в литературе). Раскрыты далеко не все секреты „друкарского” ремесла виленских братьев.

Добавим к тому, что существующая литература вопроса не дает ответов на такие вопросы, как:

– Как трактовать ссылки исследователей на наличие вариантов набора и оформления кодекса, выходящих за пределы общепринятых – трех и четырехчленных – классификаций ЛС по изданиям? Этим „отклонениям” следовало бы найти место в системе¹³⁴.

– Как объяснить парадокс списка **ошлохъ**: почему при наборе 2-го издания исправлены не все опечатки, выделенные как таковые в специальном реестре 1-го? Более того, почему 3-е издание, набираемое, как считают, по образцу 2-го, увеличивает число неисправленных **ошлохъ**, как бы возвращая в текст те из них, которые уже были исправлены в предыдущей перепечатке?

С надеждой хоть немного продвинуться вперед в развитии знаний о том, как печатался Статут 1588 года, постараемся – на основе собственных наблюдений – дать несколько отличное от общепринятого видение этого процесса.

¹³³ Ю. А. Лабынцев, „Статут Великого княжества Литовского” 1588 года..., с. 75.

¹³⁴ При этом важно отграничить продукцию Мамоничей от позднейших подделок, фигурирующих даже в научной литературе как образцы первопечати. Ср., напр., литографические оттиски, отпечатанные с искусно нарисованного (!) титульного листа трех краковских и варшавского экземпляров ЛС [см. с. 214 настоящей монографии], приводимую в научной литературе как образец печати XVI века (*Rękopis a druk. Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej*, red. J. Rusek, W. Witkowski i A. Naumow, Kraków 1993, s. 321 – в оправдание редакторов этого солидного сборника скажем, что в свое время сам Кароль Эстрейхер не смог увидеть в Статуте, купленном у Польковского [Ягел. б-ка, Сім. 8428], поздней вставки). В книге же *Четыреста лет русского книгопечатания* (т. I, Москва 1964, с. 107) титульный лист кодекса воспроизводится по весьма точной репродукции, некогда влетенной в экземпляр ЛС из РНБ, инв. № 3168. Иная репродукция титульного листа, снятого не с оригинала, а с книги С. Линде, приводится без каких-либо оговорок как образец печати Мамоничей в книгах: А. Анушкин, *Во славном месте Виленском*, с. 72; П. Ивинский, *Восточнославянская литература в Великом княжестве Литовском*, Вильнюс 1998, с. 79; *Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік*, Мінск 1988, с. 414 и т. п.

III. ОСОБЕННОСТИ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА

Исследование велось с заданностью в меру возможностей собрать сведения о всех сохранившихся экземплярах и учесть их типографские характеристики. При поиске проверялась достоверность любого упоминания о книгах **права писаного** в научной, библиографической и прочей литературе; кроме того, просматривались все доступные библиотечные фонды, содержащие старопечатные кириллические издания.

Обращение к последней методе – прочесывания „вслепую” – помогло, в частности, обнаружить „новые” экземпляры кодекса в Библиотеке Оссолинских во Вроцлаве (шифр XVI.F.4004 – в каталоге книга обозначена как *Trybunał*, поскольку текст последнего оказался сплетенным с кодексом в конволюте), в Государственной научной библиотеке им. Горького в Одессе (книга фигурировала под тем же шифром V-29969, что и другой, зафиксированный библиографическими источниками одесский экземпляр). Не знает широкий научный мир о Статуте, хранящемся в литовской Национальной библиотеке им. М. Мажвидаса, шифр R.XVI:D8 – видимо, в силу того, что книга относительно недавно получила свое „второе рождение” (как свидетельствует дарственная надпись генерального директора Департамента госбезопасности Литвы, Статут был передан в Библиотеку 12 декабря 1997 года). Польская же Национальная библиотека в Варшаве до последнего времени не очень афишировала факт наличия экземпляра под шифром XVI.F.612 – это депозит из Библиотеки Ординации Замойских (прежний шифр 1384).

Менее надежным источником сведений о пребывании где-либо или обнаружении неизвестных научной литературе экземпляров ЛС оказывается интернет. Проверка, как правило, лишь выясняет неточность информации или недоразумение (напр., тот факт, что в упоминании речь идет о книге XVII века, представляющей одно из многочисленных польских изданий кодекса). Пожалуй, единственным счастливым исключением, все-таки подтверждающим действенность интернетного канала в таких изысканиях, стал пример с обнаружением в сети данных, связанных с покупкой книги кодекса Музеем истории Могилева на электронном аукционе в Москве¹.

¹ См. с. 269 данной монографии.

Поскольку поиски велись много лет, не обошлось без помощи Его Величества Случая. На экземпляр ЛС под шифром XVI Fol. 1044 из фондов Национальной библиотеки в Варшаве удалось „выйти” только потому, что эта наполовину обгоревшая книга была в числе прочих мельком показана (не названа!) местным телевидением в передаче об утратах культурных ценностей в годы войны.

И хотя находка каждого из таких „необнародованных” экземпляров воспринимается как большая удача, настоящую сатисфакцию дает успех в планируемом поиске. Таким образом, напр., в научный оборот был возвращен экземпляр Статута, с которым в Праге работал в середине 30-х годов прошлого века И. И. Лаппо. Кодекс почему-то исчез из поля зрения семь десятилетий назад и в литературе вопроса не упоминался, между тем все эти годы находился там, где его видел профессор (Библиотека Национального музея [sign. 64. A.13]). А дольше всего пришлось „охотиться” за самой таинственной книгой печати Мамоничей – экземпляром ЛС из библиотеки Суходольского.

III.1. В поисках экземпляра Статута из собрания графа Суходольского

Как отмечалось выше, репутацию загадочности книгам Литовского Статута придает факт наличия экземпляров-аналогов, сделанных с видимым стремлением сохранить внешнее подобие оригинала. При этом камнем преткновения для исследователей, предпринимавших пробы систематизации материала, чаще всего становился экземпляр кодекса из библиотеки Суходольского (далее ЭС). Эта книга, судя по описаниям, отличающаяся неповторимыми особенностями оформления, так и не смогла найти места в установленных позже схемах изданий и на протяжении почти двух столетий множила путаницу в предлагаемых интерпретациях первопечатных выпусков ЛС.

Представляя ЭС в своей монографии, С. Линде взывал к „*naywiększemu szacunku i naytroskliwszey staranności w podaniu jej (księgi) w doskonalszym stanie potomnym wiekom*”². Кто бы мог подумать тогда, что в XX столетии приведенные слова наполнятся новым конкретным смыслом, в развитие которого нужно будет добавлять обязательное „к сожалению”...

К сожалению, изученный С. Линде экземпляр Статута, содержащийся в частной библиотеке графа Суходольского и представляющий собой редчайший вариант этого памятника печати, был утерян.

Исследователем, которому „*zdarzyło się oglądać*” эту книгу после С. Линде, был И. Н. Данилович. Ученый не сомневался, что „*exemplarz ten*

² S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 158.

jest niezawodnie pierwszym drukiem Statutu, jak z liter gładkich ostro zakończonych i lepszego papieru można się przekonać, który jest szmacyany gładzonym”³. От опытного глаза профессора не укрылась неординарность⁴ книги, оцененной им в шесть золотых дукатов – в полтора раза дороже кодексов „обычных”.

После И. Н. Даниловича книгу из библиотеки Суходольского никто из специалистов не видел, хотя мало кто о ней не вспоминал.

Приступив к поискам загадочного экземпляра кодекса, я не тешил себя большой надеждой обнаружить его в каталогизированных фондах библиотек и книгохранилищ: при нынешней постановке библиографического дела ЭС не мог ускользнуть от внимания составителей каталогов. А, значит, стоило попробовать идти другим путем – отслеживать следы книги, исходя из глубины ее истории.

Скудные биографические данные владельца кодекса – графа Яна Суходольского – зацепки для продолжения изысканий почти не давали. То немногое, что знаем о графе Яне (1778-1850), почерпнуто из некролога: „W dniu 20 z. m. w Gubernji Lubelskiej Okręgu Chełmskim, we wsi Dorohusku, zakończył życie, w wieku lat 72, J W. Hrabia Jan Suchodolski. Zgon Jego okrył żałobą znakomite domy, rodziny, a smutkiem przyjaciół. Obywatel uprzejmy, gościnny, spokojny Sasiad, wysłużył się krajowi, piastując rozliczne Urzęda; szlachetny i prawy, długą pamięć snót w sercach Przyjaciół i Znajomych zostawił”⁵.

В упомянутом Дорогуске находилось родовое имение Суходольских – сегодня этот городок лежит на самой границе Польши и Украины. Старый барочный дворец с просторными подвалами, еще в конце XIX века принадлежавший потомкам графской династии⁶, стоит и поныне, составляя главную достопримечательность местечка⁷. Однако книжного собрания графа Яна здесь не было уже в 70-е годы позапрошлого столетия. Фр. Радзишевский, издавший тогда справочник о польских библиотеках и архивах, указывает в прошедшем времени: „Była tu [w Dorohusku – B.M.] biblioteka zebrana staraniem hr. Jana Suchodolskiego i zawierająca wiele rzadkości bibliogra-

³ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 172.

⁴ Именно неординарность, но не уникальность: И. Н. Данилович объединил в одну группу (т. с. представил как одно издание) экземпляры библиотек Суходольского и монастыря базилиан в Вильно. Монастырский экземпляр и сейчас находится в столице Литвы – в Университетской библиотеке (шифр RK 156) – и представляет собой „обычное” первое издание ЛС.

⁵ „Kurjer Warszawski” 1850, nr 65, 8 marca, s. 1.

⁶ *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, t. II, Warszawa 1881, s. 124.

⁷ *Słownik geograficzno-krajoznawczy Polski*, Warszawa 1992, s. 135.

fičných”⁸. К кому попало книжное наследие графа, установить не удалось. Единственная, ведущая к ЭС ниточка, оборвалась.

Казалось бы, стоит ли вообще брать в учет экземпляр-призрак, существование которого подтверждается двумя свидетельствами почти двухсотлетней давности? Но „очевидцами” в данном случае были знаменитый лексикограф и известный историк права, их авторитет и добросовестность давали гарантию того, что ЭС – не фикция и не модная в то время книжная фальсификация.

С. Линде и И. Н. Данилович славились тщательностью в работе, что не могло не сказаться при описании раритетной книги. Данных, почерпнутых из сочинений этих исследователей, оказалось достаточно для того, чтобы определить место экземпляра Суходольского в ряду всех прочих – более ординарных – кодексов печати Мамоничей.

Возможность для решения этой задачи прежде всего дал С. Линде, описавший книгу „ze zwyczajną mu ścisłością, w naydrobniejszych szczegółach”⁹. Для сравнения „русского” текста кодекса с польским переводом ученый приводит многочисленные выдержки из артикулов первопечатного ЛС¹⁰, обращает особое внимание на опечатки – хотя бы по той простой причине, что последние искажают или затемняют смысл рассматриваемого фрагмента.

В свою очередь книги Статутов, вышедшие из типографии Мамоничей в разное время, несмотря на почти абсолютное тождество текстов, различаются между собой сотнями деталей набора. Наличие опечаток и отражение вариативных употреблений смежных по характеру букв (напр., **па** – **п**, **е** – **ѣ**, **е** – **э**, **ѣ** – **ѣ**, **з** – **з**, **ѣ** – **ѣ** и нек. др.) позволяет идентифицировать по принадлежности к изданиям практически каждую страницу ЛС.

Сопоставление фрагментов печатного текста кодекса – воспроизведенных С. Линде по экземпляру Суходольского и их аналогов из Статутов известных изданий – дает основания для любопытных заключений¹¹. Образец применения такой методики демонстрируем ниже в таблице (курсивом выделены слова и словосочетания, набранные типографами с ошибкой). Представленные в трех последних колонках примеры отражают факты преднамеренного искажения или видоизменения текста, и сам факт совпадения проверяемого фрагмента с „нерегулярным” вариантом набора указывает на принадлежность книги к одному из изданий:

⁸ Fr. Radziszewski, *Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych, tak niegdyś byłych jako i obecnie istniejących w krajach dawną Polskę składających, a mianowicie: w Królestwie Polskiem, Galicyi, W. Ks. Poznańskiem i Zachodnich guberniach Państwa Rossyjskiego porządkiem abecadłowym miejsc ułożona*, Kraków 1875, s. 11.

⁹ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 261.

¹⁰ При этом „рускомовный” текст оригинала передается польскими буквами.

¹¹ Результаты этого „заочного” анализа ЭС впервые представлены мною в статье: В. Мякишев, *Об одной загадке Литовского Статута 1588 года*, „Slavia Orientalis” 1996, nr 3, s. 385-399.

Раздел и артикул	Экземпляр Суходольского	1-е изд.	2-е изд.	3-изд.
I-3	w oryginale zaś jest „takowy z prawa <i>krom sudu</i> naszego” (Linde, s. 85)	<i>кромъ сѣдѣ</i> нанного	и розсѣдѣкѣ нанного	и розсѣдѣкѣ нанного
I-9	po oselocho (Daniłowicz, 169)	по оселоого	<i>оселоого</i>	<i>оселоого</i>
I-10	za zakazom (D., 169)	за заказомъ	за заказомъ	<i>заказомъ</i>
I-20	<i>f</i> szczególniejszą ma postać, np. w słowie <i>trafilo</i> (L., 6)	Траф-ило	Траф-ило	Трафило
I-14	nieważącuzi (D., 169)	неповажаючи	неповажаючи	<i>непоживаючи</i>
I-23	<i>dwadcat</i> (D., 169)	<i>двадцать</i>	дванадцать	дванадцать
I-24	<i>jestli</i> (D., 169)	<i>еслии приниусли</i>	если приниусли	если приниусли
I-33	znajduje się czasem <i>e</i> od prawey ku lewey np. <i>ekspektatywy</i> (L., 7)	в експектъ- тиввахъ	в експектъ- тиввахъ	в експектъ- тиввахъ
II-1	dworane i ziemiane (D., 169)	дворане и земіане	<i>дворане земіане</i>	<i>земіане</i>
II-5	<i>Z obłożniej</i> choroby nowsze (polskie – B.M.) wydania zrobiły <i>obłożoną</i> chorobę (L., 93)	вбложное хоробы	вбложное хоробы	<i>вбложное</i> хоробы
II-27	W Russkim (Statucie – B.M.) jest: <i>maiet byt ukrywżonemu placzona</i> (L., 95)	маеть быть	маеть быть	маеть быти
III-19	kara w Russkim naznaczona jest <i>dwanaście niedziel</i> (L., 101)	дванадцать недель	дванадцать недель	<i>дванадцать недель</i>

IV-8	Nie tylko że słowo to ustępem przerwane, lecz po w umieszczony znak jerr: <i>o ustaw leniu</i> (L., 8)	ѡ ѸСТАВ ЛЕНЬЮ	ѡ ѸСТАВ ЛЕНЬЮ	ѡ ѸСТАВ ЛЕНЬЮ
IV-24	„jeszcze nie na rok zawity” w Ruskim tu niemasz tego <i>nie</i> (L., 111)	НА РОКЪ ЗАВНТЫ ^с	НЕ НА РОКЪ ЗАВНТЫ ^с	НЕ НА РОКЪ ЗАВНТЫ ^с
IV-31	interpunkcja ... „od szlachcica 48 groszy litewskich, a od bojarzyna...” (L., 113)	ЛИТОВСКИХЪ, А Ѡ БОЯРИНА	ЛИТОВСКИХЪ, А Ѡ БОЯРИНА	ЛИТОВСКИХЪ А Ѡ БОЯРИНА
IV-46	Ruski oryginał ma: w drugim roku (L., 117)	В ДРУГО ^м ГОДУ	В ДРУГО ^м ГОДУ	В ДРУГИ ^с ГОДУ
IV-66	słowo uczestnik raz jest pisane w Ruskim wczasnik, drugi raz <i>uczastnik</i> (L., 113)	ВЧАСНИКОВЪ ѸЧАСТНИКОВЪ	ВЧАСНИКОВЪ ѸЧАСТНИКОВЪ	ВЧАСНИКОВЪ ѸЧАСТНИКОВЪ
IX-20	woryginale „w ... miejscach i kraiech” (L., 134)	МЕСТЦАХЪ И КРАЕХЪ	МЕСТЦАХЪ И КРАЕ	МЕСТЦАХЪ И КРАЕ
X-24	w Ruskim jest wyraz „pomknął” (L., 143)	ПОМКНУЛЪ	ПОМКНУЛЪ	ПОТКНУЛЪ
XI-27	Wszystkie Polskie wydania mają: „za ranę obliczną na twarzy”, w Ruskim jest bez dodatku na twarzy (L., 139)	ЗА РАНУ ѡБЛИЧНУЮ	ЗА РАНУ ѡБЛИЧНУЮ	ЗА РАНУ ѡБЛИЧНУЮ НА ТВАРИ
XI-40	w Ruskim <i>ne</i> ze słowem <i>protiw</i> w kupie razem jest drukowane (L., 54)	НЕ ШЛАХТА ПРОТИВЪНЕ ШЛАХТЕ	НЕ ШЛАХТА ПРОТИВЪНЕ ШЛАХТЕ	НЕ ШЛАХТА ПРОТИВЪ ШЛАХТЕ
XI-54	w samym początku artykułu oryginał położył raz <i>postanowienie</i> (L., 143)	ПОСТАНОВЕНЬЕ	ПОСТАВЕНЬЕ	ПОСТАВЕНЬЕ
XIII-11	W Russkim <i>skgljut</i> (L., 151)	ЗА ЧОПОРЪ ВЕЛИКИ ^с СКГЛЮТЪ	ЗА ЧОПОРЪ ВЕЛИКИ ^с СКГЛЮТЪ	ЗА ЧОПОРЪ ВЕЛИКИ ^с СКАЮТЪ

Нетрудно заметить, что во всех продемонстрированных в таблице отступлениях (слова и словосочетания, набранные типографами с ошибкой, выделены при воспроизведении старопечатного текста курсивом) ЭС совпадает с кодексами 1-го издания. Более того, наблюдения такого рода, будучи распространенными на весь правовой текст кодекса, не выявляют ни одного (!) случая расхождений анализируемого материала с параллельными фрагментами из Статутов 1-го издания, тогда как различия с книгами кодекса, представляющими 2-е и 3-е издания, фиксируются систематически. Таким образом, результаты исследования с большой долей вероятности позволяют утверждать, что экземпляр ЛС из собрания Суходольского в своей основной части (Реестр и правовой текст Статута) представляет собой пример обычной первопечати, вышедшей из друкарни Мамоничей в 1588 году.

Дополнительные аргументы в пользу этой гипотезы дает сравнение помещенной в книге С. Линде репродукции с печатными образцами известных изданий (фрагмент артикула 20 первого раздела – всего лишь треть печатной страницы текста). Рукотворная иллюстрация идентична с аналогом 1-го издания [см. репр. 22], сопоставление же с экземплярами 2-го и 3-го изданий выявляет разницу:

ЭС и Статуты 1-го изд.: *потомко^в наших; выме^нахъ; межн кгрѣнъта-ми; подаванье нашего, а также; пото^ки наши великие князи лито^вские, также; ане^наче^н, и чи^н доводъ слѣшны^н бѣде^н.*

Статуты 2-го изд.: *потомко^в нашихъ; выме^нахъ; межн кгрѣнътами; подаванье нашего, а также; пото^ки наши великие князи лито^вские также; ане^наче^н, и чи^н доводъ слѣшны^н бѣде^н* – всего насчитывается 2 расхождения с репродукцией.

Статуты 3-го изд.: *потом^кко^в наших; вымен^нахъ; межн кгрѣнътами; подаванье нашего а также; пото^ки наши великие князи литов^в-ские, таже; ане^наче^н и чи^н доводъ слѣшны^н бѣде^н* – 10 расхождений.

Представленный выше тезис о принадлежности ЭС к 1-му изданию Статута нуждается все же в существенной оговорке, поскольку распространяется не на всю книгу. Применение продемонстрированной методики анализа (полистного сличения ЛС, „реставрированного” по монографии С. Линде, с сохранившимися печатными вариантами кодекса) по отношению не к правовой, а церемониальной части книги выявляет неповторимую специфику ЭС: по меньшей мере три из пяти описанных С. Линде листов ни в каком другом экземпляре ЛС точного соответствия не находят.

Так, в сочинении польского лексикографа стараниями одного из лицейских воспитанников С. Б. Линде – ученика предвыпускного класса Антония

Теѣмъ мытѣмъ рѣдъ въсѣдѣмъ и хощемъ абы по терѣ насѣ и постоимѣ
 наши вѣднѣ было рѣдъ фанонѣмъ гдѣ бы се спрѣдило вымѣнахъ
 нашихъ спорѣ иронича мѣфи итѣднѣтѣми нашими итѣѣмъ мѣфи
 итѣднѣтѣми иостѣнѣми гораваыѣ нашего тѣтѣмъ мѣфи итѣ
 тѣми нашими ишляхѣсими мѣфи стѣми и мѣми иостѣмъ
 вышли здѣмъ нашѣмъ рѣдѣмъ въсѣдѣмъ рѣдѣ земли мѣмъ
 мы и постоимъ наши величѣсѣи мѣфи мѣтѣмъ мѣтѣмъ мѣтѣмъ
 вомъ и постоимъ наши величѣсѣи мѣтѣмъ мѣтѣмъ мѣтѣмъ
 итѣмъ рѣдѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ
 итѣмъ рѣдѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ

Теѣмъ мытѣмъ рѣдъ въсѣдѣмъ и хощемъ абы по терѣ насѣ и постоимѣ
 нашѣ вѣднѣ было рѣдъ фанонѣмъ итѣмъ гдѣ бы се спрѣдило вымѣнахъ
 нашихъ спорѣ иронича мѣфи итѣднѣтѣми нашими итѣѣмъ мѣфи
 итѣднѣтѣми иостѣнѣми гораваыѣ нашего тѣтѣмъ мѣфи итѣ
 тѣми нашими ишляхѣсими мѣфи стѣми и мѣми иостѣмъ
 вышли здѣмъ нашѣмъ рѣдѣмъ въсѣдѣмъ рѣдѣ земли мѣмъ
 мы и постоимъ наши величѣсѣи мѣфи мѣтѣмъ мѣтѣмъ мѣтѣмъ
 вомъ и постоимъ наши величѣсѣи мѣтѣмъ мѣтѣмъ мѣтѣмъ
 итѣмъ рѣдѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ мѣмъ

Репр. 22: Образец первопечати Статута, под ним: рукописная копия того же фрагмента текста, воспроизведенная в монографии С. Линде от руки

Ханна – воспроизведен с оригинала титульный лист таинственной книги, который в отличие от разновидности, известной по всем другим экземплярам кодекса, не содержит цитат из Библии и использует иной вариант Погони [см. репр. 23 – слева под репродукцией копии очень мелкими печатными буквами обозначил авторство рисунка].

ломатический характер и были призваны смягчить реакцию поляков на кодекс, в самой своей сути противоречащий федеральным идеям Речи Посполитой. Внешние приметы верноподданничества были призваны завуалировать суть юридических норм, „законодательно оформивших сохранение Великого Княжества Литовского как самостоятельного государства”¹⁴.

Репродукции показывают, что оформители Статута, взяв за основу титульный лист ЭС, нашли новое – более привлекательное и информационно-насыщенное – решение компоновки: вынесли на первый план тексты из Священного Писания.

Любопытно, что С. Линде, преклоняясь перед Статутом, считал достойным поместить эту книгу „obok wydania Biblii Ostrogskiej, ile ludzkie prawo może mieć miejsce przy Boskiem”¹⁵. А могут ли законы, установленные людьми, стоять рядом с законами Бога? Инициатор расположения на титульном листе кодекса библейских цитат о правосудии, похоже, нашел для себя однозначный ответ на этот вопрос.

Приводимые выдержки из второй книги Паралипоменон, Премудростей Соломона и Псалтыри примечательны прежде всего своей „простомовной” формой: **СМОТРИТЕ ШТО МАЕТЕ ЧИННИТИ. БО НЕСПРАВЕДЬЕ СЪДЪ ЧЛВЧЕГО, АЛЕ СЪДЪ БОЖИ. А ШТО КОЛЬВЕКЪ УСЪДИТЕ ВСЕ НА ВАСЪ СЕ ШЕВАЛИТЬ. НЕХА’ БУДЕТЬ ВО ВАСЪ СТРАХЪ ГОСПОДЕНЬ ЗАВЪЖДЫ. А СПРАВЪТЕ ВСЕ ШИРЕ. НЕТЪ БО ПРѢ ГОСПОДЕМЪ БОГОМЪ НАШИМЪ НЕПРАВОСТИ, АНИ БРАКОВАНЬА УСОВЪ, АНИ ПОЖЕДАНЬА ДАРОВЪ** (кн. II Паралип., 19-6,7); **МНЛУТЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, КОТОРЫЕ СЪДИТЕ ЗЕМЛЮ** (Премудрости Соломона, 1-1); **ХТО ЛЮБИТЪ НЕПРАВДУ, ТОТЪ НЕНАВИДИТЪ ДУШИ СВОЕЕ** (Псалом 10-5); **ПРАВАА СЪДИТЕ СЫНОВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТНИ** (Псалом 57-2).

Дело в том, что полный текст Священного Писания на „просту мову” так и не был никогда переведен. Таким образом, в Статуте содержится перевод библейских фрагментов, сделанный специально для нужд кодекса¹⁶.

¹⁴ И. А. Юхо, *Правовое положение населения Белоруссии в XVI в.*, Минск 1978, с. 67-68.

¹⁵ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 21.

¹⁶ Единственным из исследователей, затронувшим проблематику авторства перевода, оказался тот же С. Линде: „Texty w Statucie Litewskim oczywiście nie są z Biblii Ostrogskiej wyjęte; czyż tedy nie z tłumaczenia Skoryny z Połocka? Chociaż dotąd nie byłem tak szczęśliwym widzieć przynajmniej część tego tłumaczenia w oryginalnym wydaniu, to z ułamka Akafistu, tudzież z wyciągów tłumaczenia Biblii Skoryny, w dziele P. Sopikowa umieszczonych, twierdzić mogę: że chociaż Skorynie zadaia przymieszanie Ruszczyzny do Cerkiewnego ięzyka, to z tem wszystkim dawny Słowiański ięzyk Ruszczyznę w nim daleko przeważa. Texta zatem te w Statucie muszą być dowolney pracy Biało-Ruskiego tłumacza, stosującego się w nich do zwyczajai potoczney mowy swoich współziomków” (S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 18-19). Ученый оказался прав в своих сомнениях. Попади ему в руки все 23 отдельно изданные книги под общим

Как показал предпринятый нами некогда анализ, текстовой опорой для „толмача” послужила *Острожская Библия*¹⁷. Сами братья Мамоничи до середины 90-х годов не только исповедовали „веру отцов”, но и „много заботились” о ее поддержании, были членами православного братства¹⁸, издавали книги на благо „христианской греческой церкви”. *Острожская Библия* могла быть в домах печатников „для потребы души”, и уж точно была по роду их профессиональных занятий. Известно, что весной 1588 года Кузьма Мамонич купил у кредиторов Ивана Федорова – „купчиков” Сеньки Корунки и Сашки Сеньковича – две типографии, находившиеся в Константинове у князя Острожского и во Львове у правопреемников первопечатника. В „комплект” покупки вошли 60 экземпляров *Острожской Библии*¹⁹.

В ЭС, судя по описанию С. Линде, приведенные цитаты расположены на обороте 5-го листа книги и дополнены фрагментом из Притчей Соломона: „что судит правым неправого, а правого неправым, нечистым i britkim est w Bogu”²⁰. Здесь же – над текстами Священного Писания – находилось крупноплановое изображение герба ВКЛ: „Pogonia większą połowę karty zajmuję”²¹.

На обороте титульного листа ЭС – как и в других экземплярах кодекса – размещался поясной портрет Сигизмунда III. На этот раз описание С. Линде оказывается недостаточным, чтобы гравюру идентифицировать: в доступных изданиях Статута фиксируются оттиски с нескольких разных досок [см. репр. 34]. Единственная деталь, которую можно принять во внимание – „z lewej strony głowy na boku herb jego Snopek”²² – позволяет исключить из числа использованного в ЭС королевский портрет 3-го издания, на котором герб Вазов помещен на уровне плеча Сигизмунда.

названием *Библія руска, выложена доктором Франциском Скориною...* (Прага 1517-1519), он сразу бы заметил, что первая из цитат вообще не могла найти опоры в творчестве „мастера из Полоцка”, поскольку книга Паралипоменон Скориной так и не была издана. Четыре иные библейские выдержки в пражских текстах присутствуют, однако в языковом отношении они не очень похожи на приведенные в Статуте.

¹⁷ См.: В. Мякишев, *Цитаты из Священного Писания в мамоничевских изданиях Литовского Статута*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego” MCCLXI – 2003, Prace Językoznawcze, z. 121, s. 218-230.

¹⁸ См.: *Drukarze dawnej Polski...*, s. 147.

¹⁹ См.: С. Л. Пташицкий, *Иванъ Федоровъ. Изданіе Острожской Библии въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни*, оттискъ изъ журн. „Печатное искусство” 1903, июль-августъ, с. 16.

²⁰ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 18.

²¹ Ibidem, s. 9-10.

²² Ibidem, s. 9.

Второй и третий листы вводной части ЭС занимает *Посвящение* Статута королю. По содержанию оно вроде бы ничем не отличается от приводимого в сохранившихся экземплярах кодекса. Необходимость перепечатки диктовалась новым видением структуры всей Преамбулы: в исправленных по отношению к ЭС вариантах и изданиях введение начинается не с посвящений, а с привилегий „Его Королевской Милости”.

Четвертый и пятый лист ЭС, по С. Линде, содержат *Обращение* Льва Сапеги ко **Всімъ воєцѣ станомъ** – яркий политический монолог, написанный блестящим стилистом и пропитанный гуманистическими идеями Возрождения. Сравнение текста „odezwy, polskimi literami iak naywierniey oddanego” с аналогами из известных экземпляров Статута выявляет несомненные различия в типографской верстке²³, и, что более важно, изменение если не смысла, то тона документа. ЭС содержит формулировки более резкие и по меньшей мере неоднозначные, если соотносить их с законными полномочиями в государстве „двух народов” короля Сигизмунда III. Подчеркивая то обстоятельство, что воспроизводимый текст „podług Ruskiego [wydania] słownie tak brzmi”, С. Линде транслитирует: „i ta to iest nasza wolność, którey się my między inszemi narody chřeścianańskimi chwalim, że *pana nad sobą nie mamy*, a iak sławy uczciwey tak życia i maiętności wolno używamy, bo ktobykolwiek w tych trzech rzeczach w czym nas ukrzywdzić, i podług upodobania swojego nad nami pastwić się miał, *tenby już panem naszym był, a mybyśmy niewolnikami iego byli*”²⁴.

Дабы лишний раз не дразнить самолюбия поляков, автор *Обращения* подверг выделенные фразы отнюдь не косметической правке – свидетельство тому дают практически все известные нам экземпляры книги. Обход острых углов осуществляется с помощью обращения к формам сослагательного наклонения и перевода „разговора” в сугубо правовую сферу: **и то ес^т наша волнос^т, которою се межи н^ишими народы хрестіа^нскими хвалимъ же пана н^ик^и бы воде^ле волн свое^е а не во^ле прав^ь наши^х панова^а. надъ собою не має^а, а іако славы ѡчстн^ивое, такъ живота и має^тности волно ѡживае^а бо хто бы ко^лвекъ с тыхъ тро^х рече^е в чо^а насъ ѡкр^иди^ти и по^луг^игъ ѡподоба^а своего, а не во^ле пра^в наши^х надъ нами паствитис^я ме^а, то^т бы вжо не паномъ наши^м, але сказителе^а пра^в и во^лност^е наши^х бы^а, а мы бы^{мо} неволниками его быти мѡсели**. Не правда ли, существенная разница...

Завершая описание Преамбулы ЭС, С. Линде справедливо предполагает: „Tu (после 5-го листа) zdaie się arkusza brakuie, bo nigdzie nie znajduie

²³ Ср.: по С. Линде: protiwnko kożdomu, żeby wodług woli, aby boiaczyse, słapszym, abychmo i w innych кодексх 1-го издания: **проти^вь кождомъ, ... водлѣ^гт волн, аы се боіачы, сла^вшимъ, абысьмы** и под.

²⁴ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 153.

przywileiów Zygmunta III”²⁵. Для книг законодательного характера королевская прерогатива на утверждение была обязательной, не только обеспечивала сохранение издательских прав, но и несла в себе разрешение печатать²⁶. Экземпляры всех трех известных изданий содержат не только текст привилегии, дающей исключительные права на издание Статута Льву Сапеге, но и другой королевский документ – Манифест Сигизмунда III о даровании **статутъ новоправленого** обывателям ВКЛ на все потомные часы.

Общий характер изменений, выявленных при сравнении Преамбул экземпляра ЛС из библиотеки Суходольского и иных книг кодекса, говорит о том, что печатный вариант, представленный в ЭС является самым ранним и в определенной мере пробным.

На это указывает направленность его последующих оформительских доработок, а также наличие отклонений от стандартов официальных изданий того времени (кроме привилегий в книге „не хватало” герба мецената и Посвящения на герб). Помимо унификации содержания церемониальной части и изменений в компоновке Преамбулы одним из главных мотивов позднейшей корректировки было также усиление уклонов в сторону поляков – своеобразное политическое лавирование, призванное смягчить реакцию **сѣсѣдовъ заграничниковъ** на кодекс, в самой своей сути противоречащий федеральным идеям Речи Посполитой.

Справедливость сделанных наблюдений можно было бы проверить, отыскав таинственную книгу, что после нескольких лет стараний в конце концов удалось.

В своей очередной „экспедиции” по исследованию экземпляров Статута – на сей раз находясь в Прибалтике – я познакомился с публикацией вильнюсского историка А. Дубониса, в которой приводились сведения о шести „русских” кодексах²⁷, содержащихся в библиотеках Литвы²⁸. Описывая в числе прочих неизвестный мне ЛС из Музея науки Вильнюсского университета, автор статьи представил его как экземпляр Суходольского. Основанием тому послужила чернильная запись в верхнем левом углу форзаца: *O tym egzemplarzu napisał M. S. B. Linde w dziele swoim p. t.: „O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydany wiadomość”, Warszawa 1816* и некомплектность экземпляра – отсутствие листов, на которое „z wielkim żalem” указал еще С. Линде: Статут „się przerywa w połowie 3-go Artykułu 14

²⁵ Ibidem, s. 9.

²⁶ См.: С. Л. Пташицкий, *Къ вопросу объ изданіяхъ...*, с. 14.

²⁷ С декабря 1997 года – после того, как Национальная библиотека Мажвидаса приняла на хранение ЛС, обозначенный ныне шифром R.XVI:D8, – в Литве имеется семь экземпляров кодекса.

²⁸ A. Dubonis, *Trečiojo Lietuvos statuto egzemplioriai...*, с. 28-29.

Rozdziału”²⁹. Информация литовского коллеги пробудила надежду, смешанную, правда, с некоторой долей пессимизма: переплетчики XIX века взамен оригинального титульного листа, который, как известно, наиболее подвержен порче³⁰, нередко вставляли в Статут репродукцию из сочинения С. Линде (ныне известно по меньшей мере шесть таких книг³¹). Впоследствии эта подделка не раз представлялась в научной литературе как образец первопечати Мамоничей. Приведенный в статье А. Дубониса снимок был сделан именно с такой репродукции – рисунка Антония Ханна, снявшего для С. Линде довольно точную копию³².

На счастье, мое недоверие оказалось необоснованным. В университетском Музее науки под шифром I 10/K 1900 меня ждала книга из собрания Суходольского. Оказалось, что этот экземпляр Статута до 1977 года находился в частной коллекции Павиласа Каразии, был упомянут, но не описан В. Рауделюнасом, а в настоящее время значится в фондах Музея науки Вильнюсского университета (шифр I 10/K 1900).

Уникальная книга оправлена добротным коричневым картонным переплетом, датированным, как полагают специалисты, не позднее первой половины XIX века³³. Верхняя доска украшена тиснением золотого цвета: выведенным по периметру мелким греческим орнаментом и надписью посере-

²⁹ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 10.

³⁰ И. И. Лаппо в свое время писал: „Съ одной стороны, именно начальныя и послѣднія страницы книгъ чаще всего погибали и отъ небрежнаго съ ними обращенія и отрывались въ послѣдующее время, а съ другой – заглавные листы, напечатанные болѣе крупнымъ и красивымъ шрифтомъ, нерѣдко отрывались какъ своего рода рисунки, которые собирали въ своихъ примитивныхъ коллекціяхъ малопросвѣщенные люди” (И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 289).

³¹ Вильнюс, Центральная б-ка Литовской АН, шифр L-16/2-2; Краков, Ягеллонская б-ка, шифр Сim. 8427; Вроцлав, Б-ка Оссолинских, шифр XVI.F.4004; Санкт-Петербург, ГПБ, шифр 1.2.6г; Национальный музей во Львове им. А. Шептицкого – 2 экземпляра: шифр СДК 624 и СДК 625.

³² О мере подобия дают возможность судить иллюстрации, представленные на с. 201 [репр. 61].

³³ См.: A. Dubonis, *Trečiojo Lietuvos statuto egzemplioriai...*, s. 28. Эта датировка, однако, нуждается в некотором уточнении: на бумаге форзаца виден водяной знак – дерево с тремя яблоками на ветвях, под которым читаются буквы „IFA”. В атласе Э. Лауцявичуса эта филигрань обозначена 2858 и зафиксирована в виленских и трокайских документах 1777-1778 гг. По утверждению этого авторитетного исследователя, бумага „с птичками” или по-польски „rod ptakami”, широко распространенная в Литве, производилась в Финкеле (Восточная Пруссия) на протяжении всего XVIII в., но разновидность „Dreifinkenpapier” (с тремя яблоками) выходила в 70-80-е годы, пока на мельнице работали мастера Heinrich и Johanh Fridrich Austigal – инициалы последнего видим на филигрании форзацного листа ЛС (см.: Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 131).

дине *Statut W. X. Litewskiego, 1588*. Тисненные надписи есть также на рифленном корешке, поделенном восемью поперечными перегородками: во второй клетке сверху читаем *Statut W. X. Litewskiego*, в третьей *Ruskim Językiem wydany w Wilnie 1588 Roku*, в восьмой *I.H.S.*

Книга куплена университетской Библиотекой у вдовы Павиласа Казии, который еще в межвоенный период приобрел ее в антикварном магазине в Вильно. Прежде – если судить по владельческому штампу на страницах кодекса – ЭС принадлежал некоему Наполеону Домарадзкому, а тот стал владельцем Статута в 1905 году, купив нераспознанный еще раритет у Риннолсина³⁴. А вот вся вторая половина XIX века остается в „судьбе” этого ЛС сплошным „белым пятном”. Ясно только, судя по замечательной сохранности, что книга была в хороших руках.

К большой сатисфакции автора этих строк все предварительные расчеты подтвердились: иной набор характеризовал первые пять листов Статута, все остальное относилось к стандартному изданию 1588 года. Небольшие сюрпризы приподнесли страницы 2-я и 10-я Прембулы – обороты титульного и 5-го листов.

Портрет Сигизмунда III против ожидания не отличался неординарностью, однако представленная здесь гравюра известна по принадлежности не к 1-му, а ко 2-му изданию кодекса. Таким образом, печатая Статут в 1588 году, Мамоници в ходе работы поменяли изображение короля, при этом хронологически первая из использованных гравюр, оказавшись сразу же „забракованной”, спустя короткое время – опять же ненадолго – вернула к себе чью-то благосклонность [см. репр. 71 и 73 на сс. 215 и 217].

Большую часть десятой страницы в ЭС занимает абсолютно незнакомое изображение Погони, под ней и размещены выдержки из Священного Писания – те самые, которым не нашлось места на титульном листе, известном по сочинению С. Линде [см. репр. 24]. Именно совмещение двух пробных оформительских версий, отраженных в ЭС, кладется в основу компоновки титульного листа, ставшего, может быть, главным опознавательным знаком печатной деятельности Мамоницей и признанным „вершиной художественного вкуса и композиционного мастерства”³⁵ [см. репр. 25].

Подтвердились и факты фрагментарной содержательной доработки Прембулы кодекса, являющиеся отголоском напряженной – подчас закулисной – борьбы великокняжеских и коронных интересов, в которой

³⁴ Несколько подробнее история этого экземпляра кодекса представлена на с. 225-226 данной монографии.

³⁵ В. Ф. Шматаў, *Беларуская кніжная гравюра...*, с. 89.

Репр. 25: Слева и в центре: пробные решения Мамоничей по оформлению Статута (образцы печати из ЭС), справа: окончательный вариант титульного листа

Статуту была отведена роль одного из главных „возмутителей спокойствия” [см. репр. 26 и 27].

Рассмотренные страницы Преамбулы ЛС из библиотеки Суходольского, будучи, как сейчас сказали бы, рабочими версиями, наглядно показывают, как много внимания уделялось форме книги, какой большой подтекст скрывала в себе любая деталь, сколько мысли и труда стояло за выработкой окончательного решения. Эта основательность, отличающая не только авторов кодекса, но и людей, делавших книгу своими руками, определила феномен Статута – „wielkiego jak na swój wiek pomnika prawodawstwa [...] jakiego ówczesna Europa nie posiadała”³⁶.

В целом же есть все основания утверждать, что ЭС не представляет самостоятельного издания, как считают польские ученые и библиографы, и не отождествляется с якобы единственной разновидностью набора 1588 года, как полагают некоторые российские и литовские исследователи, но во вводной своей части являет собой вариант первопечати – версию пробную, как сейчас бы сказали, „рабочую”.

³⁶ W. Maciejowski, *Historia prawodawstw słowiańskich*, s. 207.

III.2. Типографские уловки Мамоничей в (пере)изданиях Литовского Статута

„Zdziwi się nie jeden, a uśmiechnie się każdy, [...] że jeszcze [...] niepotrzebnie silimy się nad opisaniem rozlicznych dzieła rzeczonego druków”³⁷, – эти слова, относящиеся к „русскому” Статуту, написаны И. Н. Даниловичем в 1823 году, в то время вся библиография кодекса ограничивалась юридическим сочинением Т. Чацкого³⁸ да филологическим С. Линде³⁹. О чем же можно говорить сегодня, когда литература вопроса насчитывает многие десятки позиций, а для некоторых именитых ученых проблематика ЛС вообще стала главной в исследовательской деятельности⁴⁰? Что можно добавить к описанию печатных сводов **права писаного**, если учтен, казалось бы, почти каждый сохранившийся экземпляр? Очевидно, немногое; но, как утверждал тот же И. Н. Данилович, даже „drobne sprostowania, a zatem wzbogacenia” работы предшественников „dla miłośnika pomników litewskich obojętym być nie może, a grzeszyłby każdy, który drobiazgowych nawet w tej mierze wysłędzonych spostrzeżeń zaraz upowszechnić zaniechał”⁴¹.

Взяв в руководство наставления славного предшественника, попробуем поделиться наблюдениями, ставшими результатом знакомства с шестьюдесятью шестью экземплярами самой важной из „книг, увидевших тогда свет в Великом княжестве Литовском”⁴².

Предпринятый анализ базировался на использовании комплексной методики, включающей визуальное постраничное сличение книг, сопоставление типографских украшающих атрибутов и исследование водяных знаков на бумаге кодекса.

Главные итоги работы, на первый взгляд, оригинальностью не отличаются: Статуты печати Мамоничей по основному набору отчетливо классифицируются на три разновидности, соотносимые с выделяемыми российско-литовской „школой”. Однако самая малочисленная из групп – десять экземпляров, характеризующих 2-е издание, – оказывается неоднородной по составу...

Здесь позволим себе прервать ход изложения двумя цитатами. Почти столет назад И. И. Лаппо, отстаивая свою теорию одновременного печатания кодекса на разных прессах, писал: „отдѣльные листы этихъ наборовъ могли

³⁷ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 261.

³⁸ T. Czacki, *O Litewskich i Polskich prawach: o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym*, t. I-II, Warszawa 1800-1801.

³⁹ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, Warszawa 1816.

⁴⁰ Назовем здесь хотя бы того же И. Н. Даниловича, а также Ф. И. Леонтовича, И. И. Лаппо, Ю. Бардаха.

⁴¹ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 262.

⁴² Ю. А. Лабынцев, „Статут Великого княжества Литовского” 1588 года..., с. 80.

иногда смешиваться и, попадая в тетради листов других параллельных наборов, составлять с ними один экземпляр книги. Это совершенно естественно. Но нужно думать, что такие смешанные экземпляры были исключениями, а не общим правилом. Во всяком случае возможность смешанных экземпляров стоит вне всякого сомнения⁴³. Спустя тридцать лет, оппонируя ученому, А. С. Зернова замечала: „Хотя Лаппо и говорит о смешанных экземплярах, но сам их не видел”, и вообще никем „такое смешение не обнаружено”⁴⁴.

Так вот нам удалось найти „составные” экземпляры ЛС, что открыло путь отнюдь не к возврату старой теории И. И. Лаппо, а к корректировке современных концепций изданий кодекса.

Как удалось установить, часть тиража Статута 2-го издания (далее ЛС-2) является смешанной, составленной из тетрадей двух наборов – нового и старого, последний представлен не попавшими в переплет остатками печатной деятельности 1588 года⁴⁵. Экземпляры ЛС-2, таким образом, делятся на две группы: в первую входят книги, представляющие собой второе издание в „чистом” виде – от первой страницы до последней⁴⁶, вторую группу образуют кодексы, совмещающие в себе тетради или парные листы 1-го и 2-го изданий⁴⁷.

Такой смешанный состав, в частности, характеризует каждый второй из сохранившихся экземпляров ЛС-2:

Вроцлав, Б-ка Оссолинских, шифр XVI.F.4529. Вставка: тетрадь ж: лл. 79-84 (с. 78-89);

Краков, Нац. музей, собр. Чарторийских, шифр XVI.1271/III. Вставки: тетрадь ж: лл. 79-84 (с. 78-89), тетрадь к: лл. 103-108 (с. 126-137), тетрадь х: лл. 175-180 (с. 270-279), тетради ц и ч: лл. 187-198 (с. 292-315), тетради г, д, з, ж второго счета: лл. 289-308 (с. 514-554), парные листы, „покрывающие” тетради ф, э, в-второго счета: лл. 169 и 174 (с. 258-259 и 268-269), лл. 235 и 240 (с. 388-389 и 398-399), лл. 283 и 288 (с. 503-504 и 513-514);

⁴³ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 205.

⁴⁴ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 193.

⁴⁵ См.: В. Мякишев, *Возвращаясь к проблеме изданий Литовского Статута 1588 года*, „Slavia Orientalis” 1997, nr 2, s. 299-300.

⁴⁶ Краков, Нац. музей, собр. Чапских, шифр MNK.XVI.167; Москва, РГБ, инв. 6448; Киев, ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины, шифр Кір. 767; Киев, Центральный гос. исторический архив Украины, ф. 739, оп. 1, 12; Харьков, Центральная научная б-ка ун-та, шифр РК XVI.274745.

⁴⁷ В соответствии с техникой старого печатного дела любую книгу той эпохи следует представлять как совокупность скрепленных переплетом тетрадей, каждая из которых состояла из трех (реже четырех) сложенных пополам листов бумаги с отпечатанным текстом. Внизу тетрадь нумеровалась: первая по счету „складка” обозначалась сигнатурой а, вторая в, третья в и т. д.

Курник, Б-ка АН, шифр Сім. F.4182. Вставка: тетрадь χ : лл. 175-180 (с. 270-279);

Москва, ГИМ, собр. „Меньших”, 1629. Вставки из 1-го издания: тетрадь χ : лл. 175-180 (с. 270-279), парные листы из тетрадей $\mathfrak{s}$ и $\mathfrak{p}$: лл. 86-89 (с. 92-99), 134 и 137 (с. 188-189 и 194-195);

Москва, ГИМ, собр. Царского, 7. Вставки: тетрадь $\mathfrak{s}$: лл. 85-90 (с. 90-101), тетрадь χ : лл. 175-180 (с. 270-279), тетрадь ϵ второго счета: лл. 301-306 (с. 539-550), парные листы из тетрадей $\mathfrak{o}$, $\mathfrak{p}$, $\mathfrak{y}$: лл. 127 и 132 (с. 174-175 и 184-185), 134 и 137 (с. 188-189 и 194-195), 218 и 221 (с. 354-355 и 360-361).

Уже сама регулярная повторяемость представленной „композиции” (ЛС-1 $\leftrightarrow$ ЛС-2) при отсутствии следов системности в имеющихся примерах смещения иных изданий⁴⁸ с большой долей определенности доказывает, что перед нами свидетельства замысла самих Мамоничей, а не следствия комплекствующих действий позднейших переплетчиков. Но можно обратиться к иному – более солидному – аргументу, подтверждающему факт существования „смешанных” экземпляров уже в конце XVI столетия.

В исследовательской литературе высказывалось справедливое мнение о том, что публикация 3-го издания была осуществлена по 2-му⁴⁹. На это указывает анализ **вмылокъ** – опечаток, список которых помещен в ЛС-1. При повторном наборе ошибки в тексте должны были быть устранены, что и делается во 2-м издании и, конечно же, переносится потом в 3-е.

Представленное утверждение нуждается в существенном уточнении: ЛС-3 набирался не по образцу 2-го издания кодекса в „чистом” виде, а по „смешанному” в наборе экземпляру. Только такое допущение объясняет обозначенную выше загадку кодекса – мнимую нелогичность наборщиков, якобы восстановивших в 3-м издании исправленные было во 2-м **вмылки**.

Именно „работа над ошибками”⁵⁰ наряду с поиском прочих сходств и расхождений в текстах ЛС соответственно „3-го и 1-го”, „3-го и 2-го” изда-

⁴⁸ Во всех прочих исследованных экземплярах кодекса инородные вставки обнаруживались пять раз: первопечатный кодекс из РНБ, шифр 1.2.8, доукомплектован последним в книге 308-м листом (с. 553-554) из 3-го издания. По той же схеме – „ЛС-1 $\leftarrow$ ЛС-3” – „восполнен” листом 97 (с. 114-115) Статут из Ягеллонской б-ки, шифр Сім. F. 8428. В экземпляре ЛС-1 из РНБ, шифр 1.2.7⁶, имеются „вставки” из 2-го издания: лл. Преамбулы и нн. лл. 9, 16-19 Реестра. Работу переплетчиков по схеме „ЛС-2 $\leftarrow$ ЛС-3” иллюстрирует кодекс из ЦНБ им. Вернадского АН Украины, шифр Кір. 767: нн. лл. 10-38 Реестра и лл. 305-308 (с. 547-554) правовой части взяты из книг позднейшей печати. И, наконец, в экземпляре ЛС-3 из Ягеллонской б-ки, шифр Сім. F. 8427, представлена продукция Мамоничей всех трех изданий Статута: л. 144 (с. 208-209) – из 2-го издания, лл. 273-274 (с. 484-487) – из 1-го издания.

⁴⁹ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 192.

⁵⁰ Пословное сличение экземпляров ЛС, принадлежащих к разным изданиям, позволило расширить список фиксируемых ошибок и опечаток с 72 позиций, указанных самими типографами, примерно до 350 (ЛС-1), 370 (ЛС-2) и 750 (ЛС-3).

ний позволяет указать на прототип, с которого печаталась самая поздняя партия „копий” кодекса. Механизм такого исследования представлен ниже в таблице, где нашли отражение неадекватные наборы двух произвольно взятых тетрадей – м (лл. 115-120) и н (лл. 121-126). Как видим, 3-е издание настолько точно следует образцу, который разнится применительно к каждой из сравниваемых тетрадей, что отражает даже заведомые неправильности (они выделены курсивом):

Лист	1-е издание	2-е издание	3-е издание	Образец для 3-го издания
115	причинѣ ... поменены ^х	причинѣ ... <u>поменены</u>	причинѣ ... <u>поменены</u>	2
115	по такомъ доводе	по <u>таковом</u> доводе	по <u>таковом</u> доводе	2
116	пришло бы	пришло <u>бѣ</u>	пришло <u>бѣ</u>	2
120	ѡ пенеѣи и винѣ	ѡ <u>пенеѣи винѣ</u>	ѡ <u>пенеѣи винѣ</u>	2
120	ажѣ се онѣ	<u>а ижѣ</u> се онѣ	<u>а ижѣ</u> се онѣ	2
120	на сѣдѣ головны ^х	<u>надѣ</u> головны ^х	<u>надѣ</u> головны ^х	2
120	належать	<u>належитѣ</u>	<u>належитѣ</u>	2
120	нихѣ ни на кого	нихѣ <u>ни кого</u>	нихѣ <u>ни кого</u>	2
121	<u>гдѣ инѣдѣ</u> ^х	гдѣ инѣдѣ	<u>гдѣ инѣдѣ</u> ^х	1
122	тамѣ	<u>такѣ</u>	тамѣ	1
123	сторонѣ	<u>стороны</u>	сторонѣ	1
124	на того	<u>нашего</u>	на того	1
124	шго <u>вѣдѣ</u>	шго вѣдетѣ	шго <u>вѣдѣ</u>	1
125	в <u>сторожи</u>	в сторожи	в <u>сторожи</u>	1
125	<u>ѡ шпатрнѣстью</u>	и шпатрнѣстью	<u>ѡ шпатрнѣстью</u>	1
126	ѡставѣемѣ и хочемѣ	<u>ѡставѣемѣ</u> <u>хочемѣ</u>	ѡставѣемѣ и хочемѣ	1

Исследовав таким образом весь текст ЛС-3, получим представление о его прототипе – экземпляре Статута 2-го издания, „дополненном” 1-м в тетрадах д, н, с, ѡ, ф, ѡ, ѡ.

В свете изложенного история печати „русского” ЛС в наиболее общих чертах выглядела бы следующим образом. В 1588 году Мамоничи выпускают 1-е – официально разрешенное – издание кодекса. В переплет, а, следовательно, в оборот пошел не весь отпечатанный тираж. Трудно судить о причинах такого решения типографов – была ли это обычная для братьев предусмотрительность либо сказалось отсутствие времени и возможностей на такую трудоемкую операцию, каковой была сшивка тетрадей и закрепление их в обложку – во всяком случае немалая часть отпечатанного материала оказалась неиспользованной.

Впоследствии, когда подтвердилось, что нужда в своде законов превышает первоначальный тираж, припрятанный резерв был дополнен новым

набором, частично смешавшимся или же сознательно объединенным с переплетенными остатками „друкарской” деятельности 1588 года. Допечатка была сделана по горячим следам с очевидным намерением как можно точнее воспроизвести оригинал. Разница распространяется почти исключительно на очертания одних и тех же букв да редкие погрешности, в остальном же текст демонстративно идентичен даже в необязательных компонентах. Так, при повторном наборе как бы игнорируются широкие возможности тогдашней графической вариативности, достаточно регулярно повторяется использование титулов и взметов, в одних и тех местах ставятся паерки и даже надстрочные точки для графического выделения союзов, предлогов и начала слов, открывающихся гласными. По примеру ЛС-1 используются такие уже „непоследовательные” в употреблении буквы, как **Ѣ**, **Ѥ**, **ѥ**; наблюдается переключки в написании сочетаний шипящих и плавных с **ы**, **и**, а **р** еще и с **а**, **я** и проч. Столь высокая степень подобия становится особенно очевидной, когда сравниваем полученные результаты с данными сопоставления экземпляров 1-го и 2-го изданий с книгами ЛС-3, не производящими впечатления искусной подделки.

Второй раз перепечатать Статут Мамоничи решились спустя несколько лет. В качестве образца для набора был взят экземпляр 2-го издания – возможно, потому, что не повторял **шмылокъ** 1-го. Волею случая эта книга оказалась „смешанного” набора. Впрочем, выбор наиболее правильного прототипа, к сожалению, никак не отразился на качестве „копии”: издание удивляет небрежностью, обилием опечаток, которых здесь больше, чем в ЛС-1 и ЛС-2 вместе взятых.

Таким образом, наблюдения показывают, что, хотя и выстроенная здесь схема складывается из четырех компонентов (три „полноценных” и одно „переходное” – вариантное ко 2-му – издание Статута), история печати ЛС представляется трехступенчатой – в соответствии с позицией сторонников российско-литовской концепции.

Но как со всем сказанным соотносятся концепции серьезных представителей польской науки, усматривающих в типографской деятельности Мамоничей бóльший потенциал – четыре издания кодекса?

О ошибочности трактовки, возводящей печатный вариант ЛС, представленный в экземпляре Суходольского, в ранг отдельного издания кодекса, речь шла выше. Следует разобраться с другим козырем польской „школы” – снимками Ст. Пташицкого⁵¹. Приведенные почти 80 лет назад, они по сей день фигурируют в числе неоспоримых доказательств четырехкратного подхода Мамоничей к изданию кодекса – фотографий-то четыре [см. репр. 28].

⁵¹ S. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego...* Aneksy.

вѣстои лѣ и рови не проливаетъ аниже царяги вѣдѣныѣ мѣ маѣ
 ности и поистинности и вѣзеньѣ мѣ и вѣволаныѣ мѣ и звѣхности
 Алармоѣ ани дѣла рѣ и до стасового поиступу Аларны мѣ и погубомѣ
 не помагати и и вѣше мѣ гѣ бѣше хѣ проливаетъ хѣ мѣ и поѣ
 е в притины

6. Ukraińskiego Domu Narodowego we Lwowie Nr. 11448. N.

вѣстои лѣ и рови не проливаетъ аниже царяги вѣдѣныѣ мѣ маѣ
 ности и поистинности и вѣзеньѣ мѣ и вѣволаныѣ мѣ и звѣхности
 Алармоѣ ани дѣла рѣ и до стасового поиступу Аларны мѣ и погубомѣ
 не помагати и и вѣше мѣ гѣ бѣше хѣ проливаетъ хѣ мѣ и поѣ
 е в притины

7. Biblijoteki Zakładu Narodowego Ossolińskich Nr. 112345. O.

вѣстои лѣ и рови не проливаетъ аниже царяги вѣдѣныѣ мѣ маѣ
 ности и поистинности и вѣзеньѣ мѣ и вѣволаныѣ мѣ и звѣхности
 Алармоѣ ани дѣла рѣ и до стасового поиступу Аларны мѣ и погубомѣ
 не помагати и и вѣше мѣ гѣ бѣше хѣ проливаетъ хѣ мѣ и поѣ
 е в притины

8. Biblijoteki Uniwersytetu Jana Kazimierza we Lwowie Nr. 27008 (I) III. U.

вѣстои лѣ и рови не проливаетъ аниже царяги вѣдѣныѣ мѣ маѣ
 ности и поистинности и вѣзеньѣ мѣ и вѣволаныѣ мѣ и звѣхности
 Алармоѣ ани дѣла рѣ и до стасового поиступу Аларны мѣ и погубомѣ
 не помагати и и вѣше мѣ гѣ бѣше хѣ проливаетъ хѣ мѣ и поѣ
 е в притины

9. Muzeum Ukraińskiego we Lwowie. Nr. 606. M.

Репр. 28: Фотографии Ст. Пташицкого, которые должны были свидетельствовать
о существовании четырех изданий Статута

Между тем внимательное рассмотрение приведенных на факсимиле фрагментов Статута позволяет заметить, что текст, представленный на таб. 8 и 9, различается набором лишь нижней строки: **гдѣ бы еѣ хто проливать хотѣлъ** – **гдѣ бы се хто проливать хотѣлъ**. Во втором случае типографами была допущена ошибка, которая была обнаружена еще до того, как весь тираж листа был отпечатан. Экземпляр без правки, тот самый, на который ссылался Ст. Пташицкий, находится сейчас в Национальном музее во Львове (шифр СДК 634) и на самом деле ничем – кроме одной заново набранной строки – не отличается от обычного 1-го издания.

В кодексах Мамоничей имеются другие примеры исправления ошибок и технического брака по ходу печатания. Так, напр., в экземпляре 1-го издания из РНБ (шифр I.2.7^б) в самых нижних строках на с. 231 и 352 фиксируются ошибочные **в роныхъ позвехъ** (вместо: **в розныхъ поветехъ**), **задержрни** (вместо: **задержана**). В первом случае, как показывают экземпляры того же издания из б-к Ягеллонской (шифр Сim. 8428), Латвийской национальной и Виленской университетской (RK 156) для устранения опечатки была заново набрана вся строка, во втором – лишь слово с ошибкой и расположенная под ним кустодия. Ошибка во фразе **мають ... вра^никомъ месткомъ**, фиксируемая на с. 503 (пятая строка сверху) в экземплярах РНБ, шифр I.2.8; РГБ, инв. № 3166 и 6446; Вильнюс, Б-ка ун-та, шифр RK 156; ЦНБ АН Украины, шифр I 213/5013; Национальный музей во Львове им. Шептицкого, шифр СДК 625 также была замечена и исправлена, о чем свидетельствует набор **мають ... вра^никомъ месткимъ** в кодексах: РГБ, инв. 3168; РНБ, шифр I.2.7^а и I.2.7^б; Б-ка РАН, инв. 982 сп.; Ягеллонская б-ка, шифр Сim. 8428; Национальный музей во Львове им. Шептицкого, шифр СДК 624; Научная б-ка им. Стефаника АН Украины, шифр Ст.IV 633; Харьковская университетская б-ка, шифр РК XVI.274745; Б-ка ун-та в Уппсале, инв. 781. Примеры разниц в экземплярах ЛС 1-го издания дают варианты набора колонн-титолов и счета страниц: неправильность в колонн-титule **третій**, отмечаемая на с. 99 в книгах кодексов: РГБ, инв. № 3168 и 6446; Б-ки РАН, инв. 982 сп.; ЦНБ АН Украины, шифр I 213/5013; Национального музея во Львове им. Шептицкого, шифр СДК 624; Харьковской университетской б-ки, шифр РК XVI.274747 устранена в ЛС, хранящихся в: РГБ, инв. 3166; Латвийской национальной б-ке, шифр R K3S/273; Вильнюсской университетской б-ке, шифр RK 156; Ягеллонской б-ке, шифр Сim. 8428; Научной б-ки Львовского ун-та им. И. Франко, шифр 27008 III/Cim; Б-ке ун-та в Уппсале, инв. 781 (здесь во всех экземплярах фиксируется уже: **роздѣлъ**). Иллюстрацией выпадения буквы при печатании либо наоборот восстановления выпавшей литеры служат разночтения в обозначении страницы 324: ошибочное **КД** (в экземплярах: РНБ, шифр I.2.7^б, РГБ, инв. № 6446; Латвийская национальная б-ка, шифр R K3S/273;

Национальный музей во Львове им. Шептицкого, шифр СДК 624 и СДК 625; Научная б-ка им. Стефаника АН Украины, шифр Ст.IV 633; Харьковская университетская б-ка, шифр РК XVI.274747; Б-ка ун-та в Уппсале, инв. 781) и правильное **ТКД** (в книгах кодекса: Вильнюс, Б-ка ун-та, шифр РК 156; Ягеллонской б-ки, шифр Сim. 8428; ЦНБ АН Украины, шифр I 213/5013).

Практика корректировки текста, так сказать, по ходу дела применялась типографами и при первой перепечатке кодекса⁵²: для поправки бессмысленного **винамъ подлежати повинни котозьвѣ в семьъ статѣте вписаны** (с. 105 – в экземпляре из краковского Нац. музея, собр. Чапских, шифр MNK.XVI.167; РГБ инв. 6448; ГИМ, собр. „Меньших” и Царского; Харьковской университетской б-ки, шифр РК XVI.274745) достаточно было заменить в наборе одно слово **которые** вместо **котозьвѣ**, чем „друкари” не преминули воспользоваться (экз. Краков, Нац. музей, собр. Чарт. № 1271/III; Б-ка Оссолиньских, шифр XVI.F.4529; ЦНБ АН Украины, шифр Kip. 767).

На несовпадение в расположении второй-пятой строчек на титульном листе двух сравниваемых Статутов 2-го издания (ГПБ [ныне РНБ], шифр I.2.7⁶ и Государственной б-ки им. Ленина [ныне РГБ], инв. № 6448) указывает в своей статье В. Рауделионас. Обнаруженная разница дает литовскому исследователю повод говорить о существовании якобы нового варианта титульного листа продукции 1588 года (V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidiami...*, s. 130-132). Однако более пристальное рассмотрение показывает, что занимающий нижнюю половину страницы текст в „ленинградском” экземпляре абсолютно точно совпадает по набору с „московским”, даже досадная ошибка в написании фамилии владельцев типографии – **Маничовъ** – остается неисправленной. От внимательного взгляда не ускользнет и то, что на титульном листе кодекса под шифром I.2.7⁶ смещены не только вторая-пятая строки, но и расположенная выше заставка. Конечно же, небольшой дефект в расположении графических элементов и неудачно размещенного текста был поправлен, но и отпечатанные „со сдвигом” листы тоже пошли в дело.

Помимо указанных примеров печатной вариативности фиксируются случаи нового страничного набора вместо рассыпавшегося по каким-то причинам⁵³, отмечаются факты замены орнамента – чаще всего концовок,

⁵² А вот при работе над третьим изданием кодекса Мамоничи уже не утруждали своих типографов необходимостью проверки качества работы (см. с. 318-322). Во всяком случае примеров вариантного набора – за исключением буквенного обозначения с. 234 (**КД** – **ТКД**) – нам обнаружить не удалось.

⁵³ Напр., аверс листа 156 (с. 233) экземпляров 1-го издания: РГБ, инв. № 3133, 3168 и 6446; РНБ, шифр I.2.76; Вильнюс, Б-ка ун-та, шифр РК 153 и РК 156; Латвийская национальная б-ка, шифр R K3S/273; Киев, ЦНБ АН Украины, шифр I 213/5013; Национальный му-

но также инициалов, заставок и наборных украшений⁵⁴. Практикуется это в основном при печатании 1-го издания: напр., Реестр экземпляров из РНБ, шифр 1.2.7а и 1.2.8; РГБ инв. 6446; Санкт-Петербургской Б-ки РАН, инв. 982 сп.; Латвийской национальной б-ки, шифр R K3S/273; Национальной библиотеки в Варшаве, шифр XVI.F.561 и XVI.F.669; Ягеллонской б-ки, шифр Cím. 8428; ЦНБ АН Украины, шифр I 213/5013; Б-ки ун-та в Уппсале, инв. 781 замыкает близкая к треугольной геометрическая фигура, заполненная растительным орнаментом, в экземплярах же из РГБ, инв. № 3166 и 6446; РНБ, шифр 1.2.8; Варшавской Публичной б-ки, шифр XVI. F. 6; Научной б-ки Львовского ун-та им. И. Франко, шифр 27008 III/Cím; ЦНБ Харьковского ун-та, шифр РК XVI.274747 на этом месте видим две параллельно расположенные планки с изображением сложных украшений. Этот и иные примеры графической вариативности получают отражение на прилагаемой здесь репродукции [см. репр. 29]. Помимо замены орнамента трансформации подвергаются и самые примечательные графические атрибуты книги – гравюры.

зей во Львове им. Шептицкого, шифр СДК 624; Харьков, ЦНБ ун-та, шифр РК XVI.274747; Уппсала, Б-ка ун-та, инв. 781 имеет иной набор, чем в экземпляре: Краков, Ягеллонская б-ка, шифр Cím. 8428 (оборот того же листа во всех указанных книгах набран одинаково).

⁵⁴ Специалисты отмечают, что издаваемые Мамоничами книги украшаются виньетками и инициалами по образцу венецианских с богатым использованием растительных мотивов. В иллюстративно-декоративных вставках в печатной продукции братьев-типографов в отличие от книг, издаваемых в Москве, можно часто усмотреть равнение на образцы ренессансного типа (см.: М. В. Topolska, *Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku*, Ossolineum 1984, s. 143).

Репр. 29: Сверху: четыре варианта концовки Реестра: две разновидности декорации ЛС 1-го издания (вариант А – расположенные в линию планки; вариант Б – в виде треугольника),

ЛС-2 и ЛС-3: два одноглавых орла над плетенками. Ниже на репродукции: инициал Ч в наборе текста королевского Манифеста: ЛС-1 и ЛС-2 – вариант с использованием деликатных растительных мотивов, ЛС-3 – вариант в виде стилизованного цветка с двумя листьями; начальная буква S в тексте привилегии на издание Статута: ЛС-1 – вариант в декоративной рамке, ЛС-2 и ЛС-3 – вариант на фоне природного орнамента. Еще ниже представлены наборные украшения, замыкающие текст „Обращения ко всем сословиям”:

ЭС – комбинация в виде веточки трилистника и „стручка”, ниже – „обычный” ЛС-1 – вариант с парой наборных украшений в виде квадратиков и элементов жгутового орнамента, под которыми располагается „стручок”; ЛС-2 – вариант с крестиком, ЛС-3 – вариант с плетенкой в виде восьмерки

III.3. Метаморфозы гравюр в изданиях Литовского Статута

В первопечатных книгах кодекса представлены три гравюры, две из них изображают гербы: государственный – Великого княжества Литовского и родовой – *пачневе^Амо^Кного пана, пана Ава Сапеги*, третья – портрет короля *в^Дное а неро^Здельное Речы Посполитое* Сигизмунда III.

Герб ВКЛ по праву занимает центральное место на титульном листе ЛС. Выше герба вязью воспроизводится заглавие книги, вкомпонованное в декоративную растительную гирлянду, а четыре строки наборного шрифта сообщают об официальном характере принятого свода законов. Под гербом – во всех экземплярах, кроме ЭС – размещаются цитаты из Библии, а внизу страницы указывается место печати и типография, без даты выхода книги в свет.

Исследователи справедливо отмечают, что своим внешним видом титульный лист Статута напоминает аналог из более раннего издания Мамоничей – *Трибунала ВКЛ* (1586)⁵⁵ [репр. 30]. Этот принцип оформления, названный позже символично-эмблематическим, был использован Мамоничами впервые и способствовал созданию нового типа книги – „строгай, стрыманай і лаканічнай і ў той жа час па-свойму імпазантнай. [...] Трыбунал і Статут з’яўляюцца ўзорам арганічнага сінтэзу мастацкага афармлення і зместу”⁵⁶.

Мы уже писали об изменениях в композиции титульного листа кодекса, которые прослеживаются при сравнении ЭС с другими экземплярами книги [а все варианты титульного листа представлены нами на репр. 66-69 в конце этого раздела – см. с. 210-213. В числе произведенных замен едва ли не самой значимой является трансформация гравюры с гербом ВКЛ. Для этого у печатной деревянной формы – „доски” – пришлось отпилить верхнюю часть и в дальнейшей работе использовать иной приставной элемент. Зачем понадобилась столь трудоемкая операция?

Как ранее отмечалось, А. С. Зернова усматривала в гербе, представленном в экземпляре Суходольского, „венюк, окружающий всадника, заканчивающийся наверху тремя страусиными перьями, как на гербах литовских вельмож”; в Статутах позднейших изданий исследовательница видела над Погонью уже не венюк, а польскую корону⁵⁷. Таким образом, замена символической атрибутики должна была служить внешним свидетельством верховенства королевской власти. Позволим себе не согласиться с этой интерпретацией.

⁵⁵ См.: Г. Я. Галенчанка, *Тытульны ліст Статута*, [в:] *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, с. 536.

⁵⁶ В. Ф. Шматаў, *Беларуская кніжная гравюра...*, с. 87.

⁵⁷ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 193.

ОБОВАТЕЛЕМЪ ВЕЛИКОГО
КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО.

НАСОИМЕ ВАРШАВСКОМЪ
ДАНЫ. РІКЪ, А Ф ПІА.

ВАРШАВІИ . ВВІЛНН
РІКЪ, А Ф ПІА .

Хотя действия, направленные на успокоение надменных могущественных соседей, действительно в ВКЛ предпринимались, в данном случае мотивация авторов или оформителей кодекса была иной. Основанием для такого утверждения служит тот факт, что герб в обоих рассматриваемых вариантах оформления венчает великокняжеская (!) корона.

Будучи главным элементом в наборе инсигний правителя ВКЛ⁵⁸, великокняжеская корона, называемая также „шапкой Гедимины”, припоминала по форме митру. Она состояла из обруча, украшенного драгоценными камнями, и двух выходящих из него дуг, пересекающихся сверху под прямым углом, и была подбита красным бархатом⁵⁹.

Уже представленное описание показывает, что эта корона-митра была поделена дугами на четыре сегмента, но ее анфасное изображение открывало только два из них, как будто бы дуга проходила только от передней части обруча к задней⁶⁰.

Репр. 31: Тронная печать Великого князя
Витовта 1407 г.

Таким образом, в поправленной Мамоничами версии митра воспроизводится в „канонической” своей форме, отражаемой в иконографической традиции ВКЛ со времен Витовта [репр. 31]. Изображение же великокняжеской короны, поделенной *en face* на три сегмента, реальному положению дел не соответствует, никто из Великих князей не посмел отойти от символики, заложенной предками. Неужели это значило бы, что Мамоничи, внося в герб поправку, лишь устранили допущенную прежде неточность?

⁵⁸ „На галаву вял. Князя літоўскага К. ўскладалася ў час каранаты ў Віленскім кафедральным касцёле святых Станіслава і Ўладзіслава (цырымонія адбывалася ў 1392, 1492, 1506, 1529, магчыма, у 1440). Каранатамі адначасова з’яўляліся віленскі біскуп, які вянчаў галаву К., і маршалак гаспадарскі, які ўручаў меч. Велікакняжацкая К. ўваходзіла ў сімвалы ўлады і захоўвалася ў віленскім Верхнім замку” (А. Дзярновіч, *Карона*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 2, с. 53).

⁵⁹ См.: Z. Piech, *Mitra książęca w świetle przekazów ikonograficznych od czasów rozbitcia dzielnicowego do końca epoki jagiellońskiej*, „Kwartalnik historii kultury materialnej”, t. 35, 1987, nr 1, s. 4.

⁶⁰ Принятие такой перспективы наблюдения заставляет ошибиться польскую исследовательницу Б. Медоньску, которая пишет, что митра правителей ВКЛ „ozdobiona jednym szerokim pasem biegnącym pionowo przez jej środek” (Б. Мідоньска, *Korona zamknięta w przekła-*

Положительный ответ на этот вопрос нуждается в обязательном комментарии. Представление короны-митры в иконографии ВКЛ с начала второй четверти XVI века начинает меняться: в книжной графике, а потом (с 1545 года) и на монетах этот атрибут власти предстает как трехсегментный⁶¹ – как на гравюре в „пробном” печатном экземпляре Статута. Такое изображение, в частности, едва ли не преобладает во время правления Сигизмунда Августа⁶² [репр. 32]. При этом общий фасон символического головного убора Великого князя остается прежним, меняется лишь ее размер и очертания – корона-митра расширяется в верхней части за счет более изогнутых дуг, а бархатная подбивка укладывается в форму своеобразных „рогов”⁶³.

Репр. 32: Обол 1547 г. (самая мелкая монета в ВКЛ XVI в. – полденара), трояк (три гроша) 1563 г., чворак (четыре гроша) 1566 г., талер литовский (30 грошей) 1564 г.

Полагаем, что изменение в иконографическом показе этой по-прежнему традиционной, поделенной дугами на четыре части короны-митры является следствием ее зрительного восприятия с полуанфасного ракурса. Именно при таком изображении персоны сидящего или стоящего Великого князя

zach ikonograficznych z czasów Zygmunta I, „Biuletyn Historii Sztuki”, t. 32, 1970, s. 12, przyp. 47). Аргументы другого польского специалиста – З. Пеха – оказываются более убедительными: „porównanie tych przedstawień z rzeźbą nagrobną oraz z obrazem mitry na monetach Zygmunta Augusta nie pozostawia wątpliwości, iż mitra była zbudowana z dwóch kabłączków” (Z. Piech, *Mitra książęca...*, s. 37).

⁶¹ Z. Piech, *Mitra książęca...*, s. 38.

⁶² Именно с этого времени начинает меняться содержательное наполнение символики короны-митры: Великий князь Литовский Сигизмунд, приняв в 1530 году польскую корону, должен был трактовать великокняжескую митру уже не как атрибут власти и высокородного происхождения, а как символ литовской государственности. На это, в частности, указывает символика монет, выпускаемых в это время в Литве: на аверсе чаще всего помещался портрет общего для Польши и ВКЛ правителя – обязательно под короной, а на реверсе находили отражение атрибуты местного суверенитета – Погонь, Колонны („Гедиминовы столбы”) и великокняжеская Митра.

⁶³ Z. Piech, *Mitra książęca...*, s. 45. Ученый предполагает также: „Być może ten kształt miał wyróżniać ją (mitrę wielkoksiążęcą) spośród innych funkcjonujących w tym czasie, podkreślając jej funkcję insygnium współkonstytuującego władzę wielkoksiążęcą na Litwie oraz symbol litewskiej państwowości” (ibidem, s. 45-46).

Литовского в поле нашего зрения оказываются три компонента митры – две фасадных и один боковой. Подобный оптический эффект наблюдается в прилагаемых ниже иллюстрациях – репродукции портрета Витовта из Брестского августинского монастыря⁶⁴ и современной фотографии купола вильнюсского костела Святого Казимира [репр. 33]. С выгасанием династии

Репр. 33: Портрет Витовта (Брестский августинский монастырь);
купол костела св. Казимира в Вильнюсе

Ягеллонов своеобразная мода на такое (псевдо)полуанфасное представление правителя в короне-митре начинает постепенно проходить, что отнюдь не оборачивается возвратом старых образцов. Как замечают исследователи, корона-митра в иконографии монет вообще уходит из употребления⁶⁵, в книжной графике используется весьма умеренно, но остается непременным атрибутом государственной символики. Полагаем, что изменения, внесенные Мамоничами в гравюрное изображение герба ВКЛ на титульном ли-

⁶⁴ Картина написана неизвестным художником в XVII веке, прижизненные изображения Витовта не сохранились.

⁶⁵ Z. Piech, *Monety, pieczęcie i herby w systemie symboli władzy Jagiellonów*, Warszawa 2003, s. 181.

сте Статута, являются наглядным отражением тенденций этого переходного периода.

Печатная доска с „приставной” двухсегментной короной-митрой, будучи использованной типографами в поправленном варианте первого и второго изданий кодекса, в ЛС-3 по каким-то причинам была заменена. Изображение получилось малохудожественным, корона-митра как бы приплюснута сверху.

На обороте титульного листа, как уже говорилось, фиксируется вторая из имеющихся в книге гравюр – с изображением Сигизмунда III. Специалисты считают, что сам принцип размещения здесь королевского портрета мог быть воспринят из краковских изданий Статута Яна Гербурга – алфавитного свода польских законов⁶⁶. Эта книга неоднократно печаталась до 1588 года⁶⁷ и, по всей видимости, была известна Мамоничам, не случайно на титульном листе краковских и виленских кодексов используется один и тот же прием: печать двумя красками – черной и красной – в два прогона⁶⁸.

Королевский портрет в Литовском Статуте вкомпонован в декоративную рамку, насыщенную множеством деталей. Такого рода обрамления изначально служат оформлению титульных листов, при этом название книги, набранное шрифтом, помещается в центр композиции⁶⁹. В данном случае в качестве вставного элемента послужило изображение „наяснейшего господаря короля его милости”. Составной характер гравюры со всей очевидностью проявляется при сравнении двух вариантов портрета [репр. 34]. Любопытно, что специалисты разошлись в их оценке в отношении одного из параметров представления Сигизмунда III: А. С. Зернова отметила, что: „во 2-м издании король изображен более молодым”⁷⁰; по В. Ф. Шматову, „ён показан маладзейшым” в последнем – 3-м – издании⁷¹.

Стоит обратить внимание также на небольшие метаморфозы в самом обрамлении. По оттискам на экземплярах ЛС третьего издания видно, как потрескалась внизу древесина печатной доски за несколько лет типографской службы.

Ученые, конечно же, ставили вопрос о идентификации портретного образа, который лег в основу воспроизведенной в кодексе гравюры. М. И. Тка-

⁶⁶ См.: М. И. Ткачэнка, *Партрэт Жыгімонта III*, с. 512-513.

⁶⁷ Напр.: в типографиях Лазаря Андриновича: J. H e r b u r t, *Statuta Regni Poloniae in ordinem alphabeti digesta*, Cracoviae 1563 и Cracoviae 1567; и Николая Шарфенбергера: *Statuta y przywileje koronne z łacińskiego ięzyka na polskie przełożone, nowym porządkiem zebrane y spisane przez [...] Jana Herborta z Fulstyna*, Kraków 1570.

⁶⁸ См.: М. И. Ткачэнка, *Партрэт Жыгімонта III*, с. 512.

⁶⁹ См.: Н. Szwejkowska, *Książka drukowana XV-XVIII wieku*, s. 71.

⁷⁰ А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 193.

⁷¹ В. Ф. Шматаў, *Беларуская кніжная гравюра...*, с. 91.

Репр. 34: Гравюрный портрет Сигизмунда III Вазы, оборот титульного листа ЛС первого и второго (слева) и третьего (справа) изданий

ченко не без оснований, как представляется, предполагает: „Магчыма, гравюра зроблена на аснове выявы з медалёў або манет. Такая практика мела месца ў кніжнай гравюры краін Еўропы”⁷². Предметным ориентиром для художника или гравера из типографии Мамоничей могла быть, по мнению исследовательницы, коронационная медаль Сигизмунда Вазы [репр. 35]:

Репр. 35: Аверс и реверс коронационной медали Сигизмунда III Вазы

„Тут профільная нагрудная выява Жыгімонта III блізкая па рысах твару і ўбранні да кніжнага партрэта. Падобныя па малюнку карона, даспехі, крэза. Медаль з дэвізам «За закон і народ 1587» мог заслужыць узорам майстру Статута”⁷³.

Однако, как нам кажется, в монетной системе ВКЛ того времени можно найти более близкие параллели. Еще в 70-е годы прошлого века Б. Медоньска заметила, что в Статуте Сигизмунда I – самом раннем из печатных поль-

⁷² М. І. Ткачэнка, *Партрэт Жыгімонта III*, с. 513.

⁷³ Там же.

ских кодексов, правомерно действующих на момент издания (1524)⁷⁴ – содержится портрет короля в придворном одеянии, со скипетром и яблоком в руках [репр. 36]. Композиция этой гравюры, ракурс представления правя-

Репр. 36: Портрет Сигизмунда I

щей персоны и атрибута власти практически соответствуют типу изображения *rex armatus*, ранее укоренившемуся в Священной Римской Империи⁷⁵. Поясной портрет правителя, представленного в правом профиле под короной, в рыцарских доспехах и с инсигниями, в XV веке нередко здесь чеканился на местных монетах. Эта иконографическая формула в начале XVI столетия была принята поляками. Стратегию монетарной реформы в Короне тогда разрабатывал Юстус-Людвиг Деций, секретарь Сигизмунда I, поддерживающий тесные отношения с габсбургским двором. Реорганизуя прус-

скую денежную систему с целью унификации ее с польской, Деций ввел в 1528-1530 гг. в оборот монеты в шесть грошей – так наз. прусские шостаки – с изображением Сигизмунда I. Иконография портрета несла следы несомненного равнения на образцы, представленные на талерах императора Максимилиана I⁷⁶. Впоследствии этот тип изображения короля достаточно регулярно повторялся на монетах Сигизмунда Августа, Стефана Батория, Сигизмунда III Вазы и их преемников [репр. 37].

Прообразом для гравюры на обороте титульного листа Литовского Статута могли также служить изображения на аверсе медалей и донатив⁷⁷,

⁷⁴ *Statuta Serenissimi Domini: Sigismundi Primi: Poloniae Regis et Magni Ducis Lithuanie etc: in Conuētibus generalibus edita et promulgata*, Impressum Cracoviae apud H. Vietorč, 1524.

⁷⁵ B. Miodońska, *Władca i państwo w krakowskim drzeworycie książkowym XVI w.*, [w:] *Renesans: sztuka i ideologia*, Materiały Sympozjum Naukowego Komitetu Nauk o Sztuce PAN, Kraków, listopad 1972, oraz Sesji Naukowej Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Kielce, listopad 1973, Warszawa 1976, s. 50-53.

⁷⁶ Ibidem, s. 54-55.

⁷⁷ Донатива – нумизматическая памятка, выпускавшаяся для подарков привилегированным лицам, что, в частности, практиковалась в Польше в 1582-1685 гг. на монетных дворах Гданьска и Торуня. Строго говоря, донативы представляли собой что-то среднее между моне-

Репр. 37: В верхнем ряду: гульден 1484 г. Сигизмунда Габсбургского, эрцгерцога Австрии, талер 1495 г. императора Священной Римской империи Максимилиана I, талер 1559 года императора Священной Римской Империи Фердинанда I; в нижнем ряду: шостак прусский 1530 г. Сигизмунда I Старого, талер коронный 1580 г. Стефана Батория, талер коронный 1590 г. Сигизмунда III Вазы

воспроизводящие королевский портрет в соответствии с иконографической формой *rex armatus*. [репр. 38].

В качестве дополнительных аргументов, говорящих о том, что мастера из типографии Мамоничей могли обращаться к изображениям на монетах и медалях, приведем данные сопоставления гербовой символики. Так, Погонь на титульном листе Литовского Статута вполне соотносима с многочисленными аналогами, „отбитыми” на денежных знаках времен Сигизмунда Августа [репр. 39]. Изображение же представленного в издании Трибунала ВКЛ комплекса гербов, принадлежавших разным государственным субъектам Речи Посполитой, очень похоже на эмблематику, отчеканенную ранее на реверсах талеров Стефана Батория⁷⁸ [репр. 40].

тами и медалями, хотя и обычно причисляются к последним. Город чеканил донативы, когда приходилось заплатить королю большую сумму денег: Делалось это сознательно, чтобы не отдавать задолженности в монетах, причем сама процедура оплаты принимала характер подарка и приурочивалась к торжественным событиям, напр., приезду короля в Гданьск или Торунь (см.: M. Gumowski, *Medale Stefana Batorego*, Kraków 1913, s. 22).

⁷⁸ Именно этот король первым предпринял пробу унификации монетарной системы объединенного государства, с чем и было связано появление как на польских, так и на литовских монетах Орла и Погоны, увенчанных общей Короной.

репр. 38: Аверс медали 1579 г. в честь взятия Полоцка Стефаном Баторием, аверс донативы Гданьска Сигизмунду III Вазе⁷⁹

Репр. 39: слева от герба ВКЛ из кодекса печати Мамоничей: полугрош 1558 г. и грош 1566 г., справа трояк 1565 г. и шостак 1562 г., под гербом: двуденар 1566 г.

⁷⁹ Вопрос датировки этой медали считается спорным. Вот что на этот счет пишет М. Гумовский: „Vossberg, a za nim Czapski, twierdzą, że medal ten wybito miasto Gdańsk w r. 1589 na pamiątkę wierności miasta w czasie wojny szwedzkiej. [...] bardziej prawdopodobne jest twierdzenie Beyera, że medal pochodzi z r. 1592 z czasów, kiedy miasto gościło króla w swoich murach” (М. Гумовский, *Medale Zygmunta III*, Kraków 1924, s. 31-32). Современные исследователи склонны полагать, что эта донатива появилась еще позже: „Medal, poprzez który Gdańsk demonstrował swą wierność wobec korony, zdaje się mieć raczej związek z wyprawą Zygmunta III do

Репр. 40: реверсы монет Стефана Батория: слева от герба из Трибунала Мамоничей – шостак 1580 г., справа – талер 1580 г.⁸⁰

Однако вернемся к обозначенной в заглавии подраздела проблематике. Приведенные выше сведения о двух гравюрных вставках с королевскими портретами, используемыми в разных изданиях Статута, должны быть дополнены данными об одной интересной находке. В четырех экземплярах кодекса оборот титульного листа украшает неизвестная гравюра, на которой Сигизмунд III представлен на фоне портьеры и с фигуркой на скипетре [репр. 41]. Такое изображение фиксируется на книгах ЛС первого издания, хранящихся соответственно в фондах трех университетских библиотек – в Варшаве (шифр *Sd.612.639*), Харькове (шифр *PK XVI.274747*) и Уппсале (инв. 781), а также Национальной – в столице Польши (шифр *XVI.F.561*)⁸¹. В последних трех случаях время не пощадило редкие образцы творчества **дому Мамоничовъ**: в шведском экземпляре титульный лист достаточно аккуратно оборван со всех сторон, в польском же два куска вырваны чуть выше срединной его части справа и слева, украинский также находится далеко не в лучшем состоянии. Плохая сохранность, по всей видимости, и стала причиной того, что представленный вариант гравюры никогда в публи-

Szwecji, podjętą za zgodą sejmu w 1593 r. dla objęcia dziedzicznego tronu po śmierci Jana III. W trakcie wyprawy król wraz z małżonką oraz siostrą Anną Wazówną zatrzymał się w Gdańsku, gdzie był niezmiernie uroczysto przyjmowany” (M. Stahr, *Medale Wazów w Polsce 1587-1668*, Ossolineum 1990, s. 51).

⁸⁰ На реверсах монет кроме гербов Польши и Литвы мог помещаться родовой герб короля, что иллюстрирует шостак 1585 г. (на нем изображены так наз. „Драконьи зубы” Баториев); гербы управляющих или арендаторов монетных дворов, подскарбих, мастеров-монетчиков (на талере представлен герб „Голова буйвола”) (см.: D. Ejzenhart, *Herby i znaki mennicze na trojakach polskich*, Wrocław 1988, s. 13).

⁸¹ Всего экземпляров ЛС-1 сохранилось, насколько нам известно, 26, но только в шести из них имеются титульные листы. Помимо перечисленных книг, таковой содержится также в ЭС и кодексе из фондов РНБ (шифр 1.2.7⁶). Однако в последнем случае титульный лист вместе с Прембулой оказываются в книге „неродными” – вшитыми для доукомплектования экземпляра из ЛС-2.

ЖИГОМЪ ТРИПЪШЕ ЦАТЪМЪ КІО ПІСІЯ БОЛІСІЯ ПІЗЪ АПТОШІЯ РЪСІЯ ПРЪСІЯ ЖІМОШ
 СІЯ МАЗОВІЦІЯ ІЛАШІЯ - ТОШ БОШ ЦАТЪМЪ НАЗНАЧІМЪ КІО ШІАШІЯ КРОШІЯ
 БАШІАШІЯ - НАШАШІЯ КЛАШІАШІЯ ІЛАШІЯ ПІСІЯ - ІЛАШІЯ

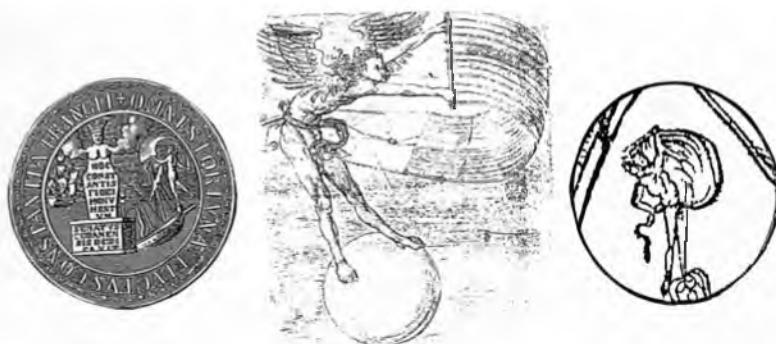
Репр. 41: Вариант гравюрного портрета Сигизмунда III Вазы,
 оборот титульного листа ЛС первого издания

кациях не воспроизводился и потому внимания специалистов не привлек. Экземпляр же кодекса из Библиотеки Варшавского университета, зафиксированный в свое время К. Эстрейхером⁸², на протяжении нескольких последующих десятилетий был вне поля зрения потенциальных исследователей, так как в библиографических источниках – скажем, у А. Кавецкой-Грычовой и М. Цитовской – не значился.

Прежде всего бросается в глаза необычный фон, обрамляющий новоизбранного монарха: портьера со складками, ее откинута по краю обшита кружевной декорацией. С левой стороны – на уровне предплечья короля – размещен традиционный герб Вазов „Сноп”, повторяющийся во всех изданиях кодекса, а выше – прямо на навершии скипетра – расположена фигура человека, собственным дуновением наполняющего удерживаемый в руках парус.

В иных экземплярах всех трех изданий Статута эти фоновые детали отсутствуют. Сопоставление гравюр однозначно указывает на направленность изменений: вариант с „приукрашенным” интерьером является исходным, подвергнутым позднейшей переделке. Но почему нужно было избавиться от загадочной фигурки и богатой драпировки?

Существо с парусом – это Фортуна, древнеримская богиня счастья, удачи и судьбы. Она изображается обычно в виде женщины, опирающейся одной рукой на кормило, а в другой держащей рог изобилия. Иногда Фортуна представлялась также стоящей на шаре или передней части корабля (как на позднейшей, но отбитой при жизни Сигизмунда III памятной медали – см. репр. 42, причем чаще на одной ноге, другая легко взнесена в воздух. Символика атрибутов очевидна, разве что шар может трактоваться двояко: как знамение постоянной переменчивости либо всеземного могущества богини. Знаками Фортуны также иногда были: повязка на глазах, колесо,

Репр. 42: Изображения Фортуны в XVI в.: реверс донативы Гданьска Сигизмунду III Вазе (1589 или 1592); Fortuna Amoris, рисунок Петера Фишера (нач. XVI в.); Литовский Статут (1588)

⁸² K. Estreicher, *Bibliografia Polska*, t. XXIX, s. 232.

крылья (как на рисунке Петера Фишера), чаша жертвоприношения, раскрытый над глобусом циркуль⁸³.

Слабая маркированность образа и нелучшее исполнительское решение гравера приводят к тому, что Фортуна на обороте титульного листа ЛС почти нераспознаваема. Но, возможно, имелись и другие причины, предопределившие необходимость устранения фигурки. Такая композиция могла быть истолкована, напр., как отступление от канонов изображения: в ногах у изменчивой богини оказываются регалии королевской власти. Для сравнения отметим, что скипетр московских государей уже в начале XVII века венчал государственный символ – двухглавый орел⁸⁴.

Типографов не устроило также размещение занавеса за плечами короля. Портьера, действительно, кажется слишком тяжелой, она если не подавляет, то затеняет портрет монарха. К практике устранения фона, который первоначально окружал портретное изображение на гравюре, Мамоницы уже обращались прежде – в 1586 году при печатании *Псалтыри с Часословцем*. Образцом для книги послужило аналогичное издание Ивана Федорова (Заблудов, 26 сент. 1569 – 23 марта 1570). При создании копии фигурной гравюры „царь Давид” виленские типографы не только сместили вправо ленту с надписью и уменьшили площадь пола с ромбовидной плиткой, но и убрали драпировку [см. репр. 43]. С этой доски „без портьеры” Мамоницы

Репр. 43: Гравюра „Царь Давид” в *Псалтыри с Часословцем*: слева – в книге печати Ивана Федорова (Заблудов 1570), справа – братьев Мамоницей (Вильно 1586)

⁸³ См.: *Wielka Encyklopedia Powszechna*, t. XXI, Warszawa 1889, s. 896; *Encyklopedia Powszechna*, t. IX, Warszawa 1862, s. 91.

⁸⁴ См.: А. Л. Дорошкевич, *Символы русской государственности*, Москва 1993, с. 75-77.

печатали „Давида” и в более поздних изданиях *Псалтыри с Часословцем* (1590, 1592 и 1593 гг.).

Новую доску для гравюры с изображением Сигизмунда III изготавливать не пришлось. Как уже отмечалось выше, Мамоничи освоили и использовали в работе технику „составной” печати, когда основной компонент, вырезанный на одной доске, совмещается с рамкой, вырезанной на другой. В данном случае задача мастеров, взявшихся усовершенствовать королевский портрет, была опрощена: стоило просто опилить доску-клише, устранить признанные ненужными элементы. Только после этого модифицированная печатная форма стала давать оттиск гравюры, признаваемой ныне „wspaniałym osiągnięciem w dziedzinie ilustracji książkowej”⁸⁵.

Сделанные выше наблюдения позволяют представить историю оформления оборота титульного листа Мамоничами следующим образом [все варианты обнаруженных в ЛС королевских портретов воспроизведены на репр. 71-74 – см. с. 215-218 монографии]. В самом раннем – „пробном” – экземпляре ЛС (из собрания графа Суходольского) использовалась гравюра, не нашедшая одобрения самих типографов или, что более вероятно, власти предрежащих. Возможно, последние сочли, что король на портрете не очень похож на Сигизмунда III или же атрибуты власти в его руках излишне миниатюрны. В любом случае в разработку был взят второй вариант гравюры – с иным изображением правителя, представленного на фоне портьеры. Эта проба в 1588 году была оценена как удачная и использовалась при печатании основного тиража 1-го издания. Таким образом, в экземплярах ЛС-1 встречаются две разновидности портрета Сигизмунда Вазы. При печати книг кодекса 2-го издания, самого загадочного, малотиражного и демонстративно повторяющего печатные нюансы 1-го, почему-то нашла применение отброшенная прежде пробная версия королевского портрета, прежде зафиксированная лишь в ЭС⁸⁶. Выпуская в свет кодексы 3-го издания, Мамоничи вполне ожидаемо обратились к варианту, который украшал не „пробную”, но окончательную версию первопечати, но посчитали, что в некоторых деталях она нуждается в усовершенствовании. После внесения необходимых корректив – устранения окружающего короля фона – типографы получили клише, давшее столь известные ныне оттиски.

⁸⁵ М. В. Topolska, *Czytelnik i książka...*, s. 143.

⁸⁶ При сравнении изображения на обороте титульного листа в ЛС-1 (вариант А) и ЛС-2 стоит обратить внимание на то обстоятельство, что разница касается исключительно набора печатного текста, воспроизводящего титулатуру короля.

Переходя к рассмотрению третьей – последней из имеющихся в ЛС – гравюры, отметим, что и здесь не обошлось без изменений. На обороте 5-го нумерованного листа кодекса представлен герб Сапегов – „Лис”. Чуть ниже центра композиции видим стрелу с двумя перекладами, расположенными таким образом, что кажется, будто это два креста. Об этом главном элементе герба еще вспомним, но сейчас внимание следует сосредоточить на нижнем левом поле большого сердцеобразного щита. Тут изображена рука, согнутая локтем книзу и пробитая насквозь стрелой с оперением, пальцы руки сложены в двуперстном благословении. В „виришах на герб” – своеобразном панегирике авторства Андрея Рымши⁸⁷ – об этом фрагменте гравюры говорится:

Къ томѹ видишь якъ въ локоть пострелена рѣка,
Видишь ижъ въскрозь изъ тѣга з пострелного лѣка,
Таки' пострелъ никого дома не потѣкаетъ,
Удно хто поганьские полѣки розрываетъ⁸⁸.

Из гербовников следует, что стрела, пробивающая локоть, должна быть направлена сверху вниз⁸⁹, что соответствует изображению на гравюрах почти всех известных экземпляров Статута. Исключение составляет кодекс 1-го издания, хранящийся в Национальной библиотеке в Варшаве (шифр XVI.F.561). Страница с гербом Сапегов содержит здесь оттиск печатной доски с явным геральдическим дефектом: в данном случае стрела „летела” снизу вверх⁹⁰ [репр. 44 и 45]. Как видим, на увеличенном изображении,

⁸⁷ Андрей Рымша (ок. 1550 – после 1595) – поэт и переводчик, служивший у Радзивиллов. В 1579–1581 гг. участвовал в военных кампаниях – инфлянтском и псковском походах Стефана Батория. Автор рыцарской поэмы о военных подвигах патрона-магната *Deketeros akroama, to jest dziesięćroczna powieść wojennych spraw oświeconego księżęcia i pana, pana Krzysztofa Radziwiłła*, стихотворного объяснения названий месяцев, кратко именуемого *Хронологией* и ряда „виришей на герб” (см.: *Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny*, t. II, Warszawa 1985, s. 326).

⁸⁸ Вот весьма приблизительный перевод этого отрывка на русский язык, воспроизводимый в юбилейном издании кодекса (*Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, с. 350):

[Готов властителю помочь в любой нужде,
Не думая о собственной судьбе.]
Свидетельством тому рука, пронзённая стрелою,
Из лука выпущенной крепкой тетивою.
Такие раны не получит дома,
Кто с вражескими ордами знакомый.

⁸⁹ См.: J. Ostrowski, *Księga herbowa rodów polskich*, t. 3, Warszawa 1899, s. 341.

⁹⁰ Варшава, Национальная б-ка, XVI.F.561. В других экземплярах ошибка устранена.

Напрелавныѣ Астарыбѣныѣ клѣноты и ли гербы, ꙗже
 бѣмоу пана, пана аба сапегн, покашаерего вѣанскоу
 княстѣахтѣскоу, елинискоу, мадеескоу, ма
 коеко и протѣ старосты, епинграма.

Бѣе моуе мѣ свои мѣ чѣмо мѣ ꙗже мѣати мѣ ꙗже
 Долоу мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи
 Итоу мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи
 Ели мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи

напреславныя Астаѣрѣныя Кайоты, Хангербы, Мисе
 Бѣмного Пана, Пана Лва Сапеги, Пискацлерго Великия
 Князѣва Антѣскаго, Слѣпникова, Мадѣскаго, Ма
 кошко и прочи старосты. Епископама.

Еще модемъ иволъ иволъ и лацно иблѣти
 Долдѣилю ишѣроуостѣ ишѣроуостѣ
 Итоловѣи модемъ ишѣроуостѣ
 Ели вѣилю ишѣроуостѣ ишѣроуостѣ

один из прежних владельцев этой книги взялся поправить ошибку типографов самым простым и доступным ему способом: нанесенная чернилами правка указывает надлежащее направление полета стрелы [репр. 46].

Репр. 46:
Поправленная от руки
геральдическая ошибка

Этот экземпляр ЛС выделяется также другой своей специфической чертой, он напечатан на особой – очень качественной – бумаге⁹¹. Кроме того, в нем же фиксируется редкий портрет короля „с Фортуной” на фоне портьеры⁹². По меньшей мере две из трех отмеченных особенностей – использование вариантов гравюр, позже оказавшихся не востребованными, – заставляют отнести эту книгу к числу „пробных” в печати.

Таким образом, метаморфозы всех трех имеющих в кодексах гравюр свидетельствуют о том, что в поисках должной формы **друкари** Мамоничей нередко шли путем типографских „проб и ошибок”. Особо много вариантов было „перебрано” при подготовке к печати книг 1-го издания ЛС.

Как считает известный белорусский художник и искусствовед В. Ф. Шматов, параллельный анализ оттисков двух гербов и королевского портрета позволяет утверждать, что все гравюры к кодексу сделаны одним мастером. „У гэтым перш за усё пераконвае трактоўка вострага лісця, якое акаймоўвае выявы, а так-сама характар ліній, штрыхоўкі – аднолькавае спалучэнне доўгіх паралельных і кароткіх «чаканых» штрыхоў разам з перакрываючай штрыхоўкай”⁹³. Исследователь даже выдвигает предположение относительно персоны этого автора. Создателем гравюр мог быть ученик и помощник Ивана Федорова – Гринь Иванович из Заблудова. В 1582 году он приехал в Вильно, чтобы отлить для Мамоничей два шрифта. Скорее всего речь идет о курсивных литерях, которые впервые использовались братьями при печати *Сборника поучений Генадия, Патриарха константинопольского* (1585), а потом „па іх взору былі выкананы шрыфты для Трыбунала и Статута. Такім чынам, у час падрыхтоўкі да выдання Трыбунала і Статута Грынё быў звязаны з друкарняй Мамонічаў. Не выключана, што ён удзельнічаў у афармленні абодвух выданняў”⁹⁴. Кроме того известно, что в свое время Гринь учился живописи и ксилографии у львовского мастера Лаврентия Пухалы и вполне мог позже применить полученные знания на

⁹¹ Подробнее об этом рассказывается на с. 167 данной монографии.

⁹² В ином варшавском экземпляре (Университетская б-ка, шифр Sd.612.639) бумага обычная и стрела „смотрит” вниз.

⁹³ В. Ф. Шматова, *Беларуская кніжная гравюра...*, с. 91.

⁹⁴ Там же.

практике. Выше говорилось уже о гравюре, украшающей титульный лист *Евангелия* (Вильно, 1644), на которой „награвіравана манаграма Н · І · V і дата «1593», якая магла належаць Грыню Івановічу. Прыкметна падабенства штрыха і манеры гравіроўкі гэтай і партрэтнай (т. е. имеющейся в ЛС – В.М.) рамак. Есць аналогіі ў арнаментацыі і дэталях: упрыгожанне ў абодвух выпадках калон зубцамі, картушная трактоўка верхняй часткі рамкі. Шматлікія дэталі надаюць агульнае ўражанне дробнасці. У цэлым тут адчуваецца рука аднаго майстра”⁹⁵. Автор последней цитаты – М. И. Ткаченко – не делает из этого сходства далеко идущих выводов, оговариваясь, что имя этого мастера неизвестно, но принадлежит он к школе Петра Мстиславца и его последователей⁹⁶. Такая позиция представляется вполне приемлемой.

Подытоживая наблюдения над гравюрными отпечатками в экземплярах „руских” Статутов Мамоничей, отметим, что при всем разнообразии использованных вариантов графических изображений выявляемая общая картина ни в коей мере не противоречит теории трех последовательных изданий кодекса, но лишь дополняет ее в отдельных аспектах.

⁹⁵ М. І. Ткачэнка, *Партрэт Жыгімонта III*, с. 513.

⁹⁶ Там же. Впрочем, подобную точку зрения высказал прежде В. Ф. Шматов, который, однако, был отнюдь не категоричен в своих предположениях относительно гравёрского наследия Гриня Ивановича: „Стылістычна гравюры (асабліва партрэт [речь идет о Литовском Статуте – В.М.]) узыходзяць да школы Мсціслаўца. Спалучэнне расліннай арнаментыкі з дэталімі дойлідства, умоўныя маскі львоў з адкрытымі пашчамі (на рамцы партрэта) – усе гэтыя дэталі мы бачым на гравюрах Евангелія (1575)” (В. Ф. Шматаў, *Беларуская кніжная гравюра...*, с. 91).

III.4. Данные филиграноведческого анализа в разработке историко-книговедческой проблематики Статута

Один из польских специалистов по старой бумаге, проф. А. Винчакевич, некогда заметил: „Kto ogląda i bada stare papiery (XVI-XVII w.) – dochodzi do przekonania, że majstrowie z dawnych czasów nie dysponując bogatymi środkami technicznymi, ani wiedzą teoretyczną potrafili jednak wytworzyć materiał mocny, solidny starannie ukończony, w którym widać dbałość o wysoką jakość”⁹⁷. Если бы автор этого утверждения был не только химиком, но и книговедом, то в числе достоинств бумаги того времени обязательно указал бы на еще одно ценное качество – высокую информационную насыщенность.

Представленный в первом разделе монографии экскурс в историю изучения ЛС показал, что может дать (и дал) филиграноведческий анализ для исследования типографской практики Мамоничей. Во многом благодаря „бумажным” аргументам окончательно выяснено количество перепечаток кодекса, решен вопрос возможности (а вернее, невозможности) параллельного набора книги на нескольких типографских прессах, уточнена датировка отдельных изданий.

И хотя конкретные результаты филиграноведческого анализа приходятся на последние пятьдесят лет изучения книг кодекса, само по себе внимание к бумажной стороне дела отмечается с первых шагов статутоведения.

Первым из исследователей бумаги ЛС взялся описать не кто иной, как С. Линде, открывший, как мы помним, печатный свод законов ВКЛ научному миру. Из своих наблюдений знаменитый лексикограф не сделал никаких выводов, данные осмотра приводил „для порядка” – в рамках комплексного представления книги: „Papier Ruskiego wydania iest szmaciany gładzony, a niektóre karty do welinu podobne: równey on iest ieżeli nie większey ieszcze dobroci od papieru w Biblii Ostrogskiej. Trzymając go ku światłu widać we środku wewnątrz papieru znak wodny: na niektórych kartach trzech koron tak ułożonych, jak podług Niesieckiego w pierwszym tomie Oddziale 1-ym na kar 29⁹⁸, herb Kapituły Krakowskiej na ratuszu Lubelskim; na innych kartach pokazuje się tarcza herbowa, a we środku iey drzewko o trzech gałęziach⁹⁹; na innych podkowa, końcami do góry, z iednym krzyżem we środku; znowu na innych także podkowa, nietylko z krzyżem we środku, lecz i z drugim nad tarczą; nako-

⁹⁷ A. Winczakiewicz, *Badania papierów polskich z XVI i XVII wieku*, „Przegląd Papierniczy” 1950, nr 3, s. 75.

⁹⁸ „Herb Kapituły trzy Korony taką formą ułożone, że dwie podle siebie górą idą, iedna pod nie-mi na spodzie” (K. Niesiecki, *Korona Polska przy złotej wolności starożytnymi wszystkich katedr, prowincji i rycerstwa klejnotami ... ozdobiona*, t. I, Lwów 1728, s. 29).

⁹⁹ На самом деле на щите изображены три колоса, но композицию, действительно, можно принять за очертания дерева с тремя ветвями.

niec na mnogich kartach topór z pół-księżcem u góry¹⁰⁰. Wnosić z tych znaków można, że papier, na którym to dzieło drukowano, jest krajowym, równie iak podobny do niego papier w Biblii Ostrogskiej¹⁰¹.

Очень скоро результаты изучения бумаги стали использоваться для дифференциации экземпляров. Так, И. Н. Данилович, говоря о наличии разных изданий кодекса, в числе отличий книг более позднего набора называл „papier wodny podlejszy”¹⁰²; Дедин видел доказательства перепечатки в „нѣкоторыхъ разностяхъ, какъ въ бумагахъ, такъ и въ самыхъ буквахъ сохранившихся экземпляровъ”¹⁰³; Дедину практически вторил С. В. Шолкович¹⁰⁴.

В XX веке, пожалуй, первым из статутоведов о важности филиграноведческого анализа написал А. Соловьев, который ограничился, однако, лишь теоретическим указанием на оптимальную методику датировки ЛС разных изданий: „Идеаломъ изслѣдованія при изученіи водяныхъ знаковъ должно быть установленіе идентичности изслѣдуемыхъ знаковъ съ датированными или хотя бы нахожденіе ближайшихъ вариантовъ”¹⁰⁵.

Впоследствии, как говорилось выше, специалистом № 1 в изучении Статута на долгие годы становится И. И. Лаппо. Выдвинутая им гипотеза о параллельном наборе книг кодекса на трех печатных прессах Мамоничей, казалось бы, предполагала полное игнорирование автором „бумажных” аргументов. На самом деле ученый очень хорошо понимал, что свои положения он должен подтвердить установлением времени изготовления бумаги. „Совершенно ясно, – писал И. И. Лаппо, – что только бумага могла бы дать въ этомъ отношеніи цѣнныя указанія. [...] И бумага всѣхъ обслѣдованныхъ нами экземпляровъ отнюдь не указываетъ на разновременность ихъ изготовленія. Ея водяные знаки (Лись, Глаубичъ, Гоздава¹⁰⁶, Остойя, Елита, Полкозиць, Побугъ, Любичъ, Ястржембець и др.¹⁰⁷) всѣ одинаково указываютъ на бумагу, бывшую въ обращеніи въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка, да и вообще на основаніи филиграней возможно устанавливать, притомъ со

¹⁰⁰ Описанные С. Линде водяные знаки – „Короны”, „Колосья”, „Темпа подкова”, „Любич” и „Топор” под полумесяцем – в числе прочих будут ниже воспроизведены на с. 168.

¹⁰¹ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 8-9.

¹⁰² I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 169.

¹⁰³ Д [ѣ д и н ъ], *О Литовскомъ статутѣ*, с. 383.

¹⁰⁴ *Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло...*, с. 492.

¹⁰⁵ А. Соловьевъ, *Вновь открытый Московскій переводъ Литовскаго Статута*, с. 35.

¹⁰⁶ У нас этот знак фигурирует под названием „Двойная лилия”.

¹⁰⁷ В числе перечисленных значатся две филигранны, которые на самом деле бумагу ЛС не маркируют. Это „Глаубич” („Гляубич”) и „Побуг” – знаки соответственно с изображением рыбы и обернутой книзу подковы, над которой высится крест. В первом случае, по всей видимости, И. И. Лаппо ошибочно идентифицировал филигрань „Кабан”, во втором – „Темпа подкова” или „Ястржембець” (на этих знаках, как на филигранны „Побуг”, видим в разных конфигурациях крест/кресты и подкову – см. с. 172, 168 настоящей монографии).

значительными оговорками, лишь периоды в десятки лет, а не отдельные годы для изготовления рукописи, тем более большой печатной книги, для которой заготавливали потребное количество бумаги, приобретая ее от различных поставщиков, всеми доступными способами”¹⁰⁸. Впрочем, приводя свои соображения, И. И. Лаппо сделал оговорку, что не считает себя компетентным в области датировки производства бумаги.

После выхода в свет статьи с дискуссионной гипотезой российского коллегу поспешил поддержать Ст. Пташицкий, который обратился за консультацией к ведущему польскому знатоку старой бумаги Вацлаву Граничному¹⁰⁹. Тот „zbadał papier sześciu egzemplarzy”¹¹⁰, i nieznając opinii prof. Ł. przyszedł niemal do identycznego wniosku: że z całą pewnością utrzymywać można, że zbadane sześć egzemplarzy Statutu wydrukowane są na papierze jednego rodzaju z dodatkiem nielicznych tylko arkuszy o znakach innych. Znaki filigranów są znakami polskich herbów. Przeważają karty ze znakiem, przedstawiającym herb rodowy Lwa Sapiehy (Lis) wydawcy Statutu, inne powtarzają się po kilka, a niektóre po kilkanaście razy. Papier z takimi znakami, jak wykazały badania, przeprowadzone w Archiwum Skarbowem w Warszawie, był używany w końcu w. XVI jako aktowy w obydwóch kancelariach podskarbińskich, jak w Koronie tak i na Litwie”¹¹¹.

Сегодня можем сказать, что исследованные В. Граничным экземпляры ЛС относятся к разным изданиям: 1-е представляют книги из Национального музея во Львове (шифр СДК 606 или 607¹¹²) и Библиотеки Варшавского университета (шифр Sd.612.639); 2-е и 3-е – кодексы из Библиотеки ординации Красиньских (sign. 1276 и 1275)¹¹³. Библиотека Оссолиньских располагала двумя экземплярами кодекса – с шифрами XVI.F.4529 (2-е изд) и XVI.F.4004 (3-е изд.); неизвестно, какой из них стал объектом внимания В. Граничного. В любом случае заключение эксперта, не сумевшего увидеть разницы в водяных знаках, хронологически разделенных двенадцатью годами, свидетельствует лишь об уровне тогдашних филографоведческих представлений.

¹⁰⁸ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 201.

¹⁰⁹ В. Граничный (1877-1937) – директор Казначейского архива в Варшаве, учреждения, которое на протяжении десятилетий считалось „кузницей исторических знаний о давней Польше” (см. некролог: *Ś. p. Waclaw Graniczny*, „Archeion: czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym” 1937-1938, t. XV, s. 220-223).

¹¹⁰ Это были кодексы из следующих книгохранилищ: „Biblioteki Ordynacji Krasiniskich NN 1275 i 1276, i Lwowskie – Ruskiego Domu Narodowego, Ruskiego Muzeum Narodowego, Biblioteki – Uniwersyteckiej i Zakładu Narodowego Ossolińskich”.

¹¹¹ S. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego...*, s. 164-165.

¹¹² Ныне эти экземпляры значатся под шифрами СДК 624 или СДК 625.

¹¹³ Обе книги Ординации Красиньских сгорели в Варшаве в годы второй мировой войны.

И если специалист по датировке бумаги выдал подобное заключение, можно ли было ожидать большего от И. И. Лаппо? Оказывается, можно. Как уже отмечалось, спустя полвека после публикации И. И. Лаппо литовский исследователь Э. Лауцявичюс указал на наличие в отдельных экземплярах Статута бумаги с филигранью, которую смело можно было бы назвать „говорящей”: изображение основного компонента герба Сапеги – „Лиса” – окружает надпись „Leo Sapieha MDL Cancelar” [репр. 47], исключая возможность изготовления бумаги, а, значит, печатания этих книг в 1588 году. Несомненно, прав оказался Э. Лауцявичюс, полагавший, что „знай это, Пташицкий изменил бы свое мнение по поводу даты издания Статута и должен был бы признать, что отдельные издания Статута вышли в разные годы”¹¹⁴.

Репр. 47: Водяной знак с надписью „Leo Sapieha MDL Cancelar”

Но ни Ст. Пташицкий, ни В. Граничный видеть этого знака не могли – он не фиксируется в проанализированных ими экземплярах ЛС¹¹⁵. Куда больше шансов встретить „Лиса с надписью” имел И. И. Лаппо, обследовавший и подробно описавший 33 „русских” кодекса. Но эту редкую филигрань можно найти только в Статутах 3-го издания – бумагу к нему Мамоници производили на собственной бумажной мельнице в Повильно, обозначая таким водяным знаком (далее ВЗ) продукцию, изготовленную не ранее 1596 года¹¹⁶. На сегодняшний день известно три десятка сохранившихся экземпляров ЛС-3. Только 8 из них содержат листы бумаги, помеченной ВЗ с титулом канцлера. Это книги из Б-ки Института литовской литературы и фольклора АН, Вильнюс [шифр В 23898] – филигрань с надписью лл. 72 (с. 64-65)¹¹⁷, 85 (с. 90-91), 87 (с. 94-95), 89 (с. 98-99), 92 (с. 104-105), 94 (с. 108-109), 109 (с. 138-139), 111 (с. 142-143), 113 (с. 146-147); Б-ки Оссо-

¹¹⁴ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 153.

¹¹⁵ Строго говоря, у В. Граничного такая вероятность, может быть, и была: один раз филигрань с титулом все-таки просматривается – на листе 122 экземпляра из Б-ки Оссолинских (шифр XVI.F.4004), но кодекс этот, как отмечалось, лишь с 50-процентной вероятностью (как один из двух) мог оказаться в руках директора Казначейского архива.

¹¹⁶ Это подтверждают первые фиксации бумаги с филигранью „Лис” (см. пояснение к атласу водяных знаков: E. Laucevičius, *Popierius Lietuvoje XV-XVIII a.*, Vilnius 1967, s. 200). Впрочем, есть в этом деле еще одна хронологическая „привязка”: право на использование „Лиса” – двойного креста со стрелкой (основной компонент герба Сапеги) – Лука Мамонич получил от своего покровителя вместе со шляхетством только перед 1593 годом.

¹¹⁷ При указании адресных координат листов и страниц Статута мы следуем правилам, оговоренным в монографии на с. 221-222.

линских, Вроцлав [шифр XVI.F.4004] – л. 122 (с. 164-165); РГБ, Москва [инв. 3169] – л. 44 (с. 7-8); Москва, РГАДА, Москва [ф. БМСТ/СПК 4261] – л. 122 (с. 164-165), 124 (с. 168-169), 126 (с. 172-173), 181 (с. 280-281), 184 (с. 286-287); РГАДА, Москва [ф. МГАМИД/СПК № 9] – л. 65 (с. 50-51); ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины, Киев [шифр Кір 769] – лл. 44 (с. 7-8), 45 (с. 9-10); ГНБ им. Горького, Одесса [шифр V-29969-II] – нн. л. 32 Реестра. Из семи упомянутых Статутов четыре оказались вне поля зрения И. И. Лаппо, во всяком случае в число представленных в описании они не попали¹¹⁸. Но есть еще восьмой экземпляр кодекса, бумага которого отмечена „говорящим” ВЗ. О нем, пожалуй, никто бы сегодня не вспомнил, если бы один исследователь не избрал его в качестве своей „настойной” книги при работе в библиотеке. „Въ теченіе почти десяти лѣтъ онъ постоянно пользовался книжными собраніями этой Библіотеки, а рядъ лѣтъ работалъ въ ней изо дня въ день”¹¹⁹. Библиотека эта находилась в Праге и принадлежала Национальному музею, а автором слов, написанных о себе в третьем лице, и одновременно очень усердным исследователем был ... Иван Иванович Лаппо. Профессор на протяжении нескольких лет „изо дня в день” держал в руках книгу, одиннадцать листов которой¹²⁰ несли опровержение создаваемой им же теории параллельной печати ЛС. После И. И. Лаппо пражский экземпляр кодекса почему-то не упоминался в библиографии, между тем все эти годы находился там же, где оставил его самый скрупулезный и компетентный читатель – в библиотеке Национального музея (шифр 64.A.13). Таким образом, недосмотр в буквальном смысле этого слова обернулся рождением красивой, но ошибочной концепции.

В ее развенчании решающее слово сказали, конечно же, филиграноведы, они же предложили внести коррективы в датировку изданий, разработанную А. С. Зерновой на основе книговедческого анализа. Как уже отмечалось в предыдущей главе, стараниями Э. Лауцявичюса и В. Рауделюнаса в науке утвердилось (хотя не стало общепринятым¹²¹) мнение, будто кириллический Литовский Статут издавался Мамоничами трижды – в 1588, 1593 и 1600 гг.¹²²

¹¹⁸ Под №№ 2, 3 в списке фигурируют экземпляры из московского Архива Древних Актов, а под № 24 „одесский” кодекс, прежде принадлежавший Вильнюсской университетской библиотеке (см.: И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. V-XXX).

¹¹⁹ И. И. Лаппо, указ. соч., т. I, ч. I, с. IV.

¹²⁰ Лл. 65 (с. 50-51), 85 (с. 90-91), 88 (с. 96-97), 89 (с. 98-99), 94 (с. 108-109), 95 (с. 110-111), 103 (с. 126-127), 109 (с. 138-139), 113 (с. 146-147), 181 (с. 280-281), 184 (с. 286-287).

¹²¹ Не меньшее распространение, как мы помним, снискала точка зрения, согласно которой датировка изданий кодекса представляется несколько иначе: 1588 – 1592/93 – 1594/95.

¹²² См.: Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 152-157; V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidimai...*, s. 119-156.

Несмотря на очевидный вклад литовских ученых в разработку историко-книговедческой проблематики ЛС, ресурсы филиграноведческого анализа использованы, в нашей оценке, еще не полностью. Изучение бумаги, на которой напечатан кодекс, может внести немало нового в выяснение тонкостей типографской деятельности братьев-„друкарей”, и может также подкрепить аргументацию ранее высказанных положений.

Динамика изменяемости филигранных на бумаге ЛС подтверждает одновременность печатания каждого из издания: все экземпляры данной „бумажной” разновидности синхронно отражают смены одного ВЗ на другой, появление листов с редко использованной филигранью фиксируется, как правило, в одних и тех же тетрадах. Таким образом, в изданиях достаточно регулярно соблюдается представленный ниже порядок (для примера взяты последние тетради 1-го счета – Ψ и Ξ ¹²³:

1 издание¹²⁴:

	Лист	Варшава, Нац. Б-ка, XVI. F669	Вильнюс, Б-ка ун-та, RK 156	Санкт- -Петербург, РНБ, 1.2.7 ^a	Санкт- -Петербург, РНБ, 1.2.7 ^b	Львов, Б-ка АН, 54593
Ξ	л. 259	Короны I ¹²⁵	Короны I	–	–	Короны I
$\Xi\text{в}$	л. 260	Колосья ¹²⁶	–	Колосья	–	–
$\Xi\text{г}$	л. 261	Колосья	–	–	Колосья	–
$\Xi\text{д}$	л. 262	–	Колосья	Колосья	–	Колосья
	л. 263	–	Колосья	–	Колосья	Колосья
	л. 264	–	–	Короны I	Короны I	–

Ψ	л. 265	Короны I	–	Короны I	–	Короны I
$\Psi\text{в}$	л. 266	Короны I	–	–	Короны I	Короны I
$\Psi\text{г}$	л. 267	Колосья	Колосья	Колосья	Колосья	Колосья
$\Psi\text{д}$	л. 268	–	–	–	–	–
	л. 269	–	Короны I	Короны I	–	–
	л. 270	–	Короны I		Короны I	–

¹²³ Идентификация ВЗ в основном производилась по альбомам филигранных бумаги XVI столетия, бытовавшей на территории Речи Посполитой: Ł. – E. Laucevičius, *Popierus Lietuvoje XV-XVIII a. Atlasas*, Vilnius 1967; S. – J. Siniarska-Czaplicka, *Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku*, Ossolineum 1969; S. II – J. Siniarska-Czaplicka, *Katalog filigranów papierni polskich 1500-1800 r.*, Łódź 1983. Репродукции всех встречающихся на бумаге ЛС филигранных приводятся на с. 102-104 настоящей монографии.

¹²⁴ Поскольку с учетом своей „бумажной” структуры ЛС-1 характеризуется, как покажем, наличием трех вариантов, в таблице в качестве иллюстрации помещаем данные из первого, названного нами „обычным”.

¹²⁵ См.: Ł. 1618 и с. 168 этой книги.

¹²⁶ См.: Ł. 3736 и с. 168 этой книги.

2-е издание:

		Краков, Нац. музей, собр. Чарторийских, XVI. 1271/III	Курник, Б-ка АН, Сім. 4182	Москва, РГБ, инв. № 6448	Москва, ГИМ, собр. Царского	Харьков, ЦНБ ун-та им. Каразина, РК XVI. 274745
Ⓐ	л. 259	Колосья сноп ¹²⁷	—	Колосья сноп	—	Колосья сноп
Ⓐв	л. 260	Слеповрон ¹²⁸	Слеповрон	—	Слеповрон	—
Ⓐг	л. 261	—	Елита ¹²⁹	Елита	—	Елита
Ⓐд	л. 262	Елита	—	—	Елита	—
	л. 263	—	—	Слеповрон	—	Слеповрон
	л. 264	—	Колосья сноп	—	Колосья сноп	—

Ⓐ	л. 265	—	Любич ¹³⁰	Любич	—	Любич
Ⓐв	л. 266	—	—	—	—	—
Ⓐг	л. 267	Колосья сноп	Колосья сноп	—	Колосья сноп	—
Ⓐд	л. 268	—	—	Колосья сноп	—	Двойная лилия ¹³¹
	л. 269	Колосья сноп	Колосья сноп	Колосья сноп	Колосья сноп	Колосья сноп
	л. 270	Любич	—	—	Любич	—

3-е издание

		Вильнюс, Б-ка ун-та, РК 153	Вильнюс, Нац. б-ка им. Маж-видаса, R.XVI:D8	Москва, РГБ, № 3167	Киев, ЦНБ АН Украины, Кір. 758	Могилев, Музей истории, МГМ КП 005630
Ⓐ	л. 259	Кабан ¹³²	—	—	—	—
Ⓐв	л. 260	—	Кабан	Кабан	Кабан	Кабан
Ⓐг	л. 261	Лис ¹³³	—	Лис	—	—
Ⓐд	л. 262	—	Лис	—	Лис	Лис
	л. 263	Кабан	—	—	—	—
	л. 264	—	Кабан	Кабан	Кабан	Кабан

Ⓐ	л. 265	Лис	Лис	—	Лис	Лис
Ⓐв	л. 266	Кабан	—	Кабан	Кабан	—
Ⓐг	л. 267	—	—	Кабан	Кабан	—
Ⓐд	л. 268	Кабан	Кабан	—	—	Кабан
	л. 269	—	Кабан	—	—	Кабан
	л. 270	—	—	Лис	—	—

¹²⁷ См.: Л. 3734 и с. 171 этой книги.¹²⁸ См.: Л. 2728 и с. 171 этой книги.¹²⁹ См.: Л. 1540 и с. 171 этой книги.¹³⁰ См.: Л. 2709, 2711 и с. 171 этой книги.¹³¹ См.: Л. ≈ 2063 и с. 171 этой книги.¹³² См.: Л. 3691 и с. 172 этой книги.¹³³ Это вариант „Лиса”, в котором перекрещенная двумя перекладинами стрела размещена в ренессансном картуше (см.: Л. 1904 и с. 172 этой книги).

Изучение особенностей „укладки” тетрадей и листов кодекса дает возможность заметить, что Преамбула и Реестр ЛС-1, по всей видимости, набились раньше основного правового текста. Об этом говорит употребление бумаги со знаком „Короны П”¹³⁴, используемой только в упомянутых частях кодекса. Подтверждением же того, что именно этот „папер” был востребован Мамоничами в первую очередь, могут служить результаты еще одного наблюдения: церемониальный блок „пробного”, как помним, экземпляра кодекса из собрания графа Суходольского был напечатан на бумаге, отмеченной ВЗ „Короны П”, в то время как в иных книгах Статута тут фиксируются филигранные „Любич”, реже „Колосья”.

Анализ водяных знаков позволяет также определить, что книги продукции 1588 года сортировались в соответствии с качеством используемой бумаги: наряду с обычными выделялись экземпляры, отпечатанные на материале лучшего качества (из таковых сохранился только один¹³⁵ – назовем его „подарочным”) и „второй сорт” – книги на толстой непрозрачной бумаге, подчас лишенной ВЗ (возможно, из-за низкого качества „папера” филигранные здесь просто не просматриваются, но скорее таким способом мастера хотели скрыть происхождение своих низкопробных „изделий”)¹³⁶.

Филиграноведческое исследование помогает раскрыть хитрость „смешанного” набора ЛС-2. Обнаружить в позднейшей перепечатке вставки 1588 года можно визуально, а можно посредством анализа ВЗ: идентичный 1-му изданию набор чаще всего подтверждает бумага с филигранью „Топор” под полумесяцем¹³⁷, используемая типографами лишь в кодексе-первенце.

Анализ филигранных, конечно же, оказывается незаменимым при определении или уточнении датировки изданий Литовского Статута. Впрочем, сама по себе хронологизация книг на основе времени бытования маркированной ВЗ бумаги оказывается весьма приблизительной, если в учет не берутся сравнительные данные по другим – датированным – изданиям той же самой типографии. О целесообразности обращения к такой методике еще столетие назад писал А. Соловьев¹³⁸, а с успехом использовал ее при дати-

¹³⁴ См.: Ł. 1627 и с. 168 этой книги.

¹³⁵ Варшава, Нац. б-ка, шифр XVI.F.561. Эта книга, если судить по печатному штампу, ранее находилась в Кенигсберге и в местную городскую б-ку попала из фондов Б-ки прусского палеополитанского Сената.

¹³⁶ По подсчетам Я. Синярской-Чаплицкой, отсутствие каких-либо ВЗ характеризует 2,5 % бумаги, изготовленной в Речи Посполитой во второй половине XVI века (J. Siniarska-Czaplicka, *Papier drukowy źródłem badań księgoznawczych*, [w:] *Dawna książka i kultura*, Wrocław 1975, s. 136).

¹³⁷ См.: S. 1046 и с. 168 этой книги.

¹³⁸ См.: А. Соловьев, *Вновь открытый Московский переводъ Литовскаго Статута*, с. 35.

ровке 1-го и 3-го изданий Статута Э. Лауцявичюс¹³⁹. В. Рауделюнас, поставивший перед собой задачу определить время выхода в свет ЛС-2, ограничился филиграноведческими данными самих экземпляров кодекса, не стал прибегать к сопоставительному исследованию. Как представляется, принимаемый в таком случае диапазон временной „допустимости” ВЗ оказывается чрезмерно широким, исключаяющим точность наблюдений. На результаты изысканий литовского ученого могло негативно повлиять также то обстоятельство, что в число изученных им экземпляров кодекса вошли книги, объединяющие тетради 1-го и 2-го изданий.

Словом, если датировка ЛС-1 и ЛС-3 никаких сомнений не вызывает¹⁴⁰, время публикации ЛС-2 нуждается в перепроверке.

По усредненным подсчетам обычный экземпляр „несмешанного” Статута 2-го издания напечатан на бумаге со знаками „Остоя” (Л. 2543 – 60 л., Л. 2532 – 35 л.) – 95 листов, „Елита” (Л. 1540) – 28 л., „Колосья сноп” (Л. 3734) – 9 л., „Двойная лилия” (Л. ≈ 2063) – 5 л., „Любич” (Л. 2709, Л. 2712) и „Пулкозиц” (S. II 824) – по 4 л., „Леварт” (Л. 2285), „Слеповрон” (Л. 2728), малый „Топор” (S. ≈ 1024) – по 2 л., герб Олькуша (Л. ≈ 673) и „Темпа подкова” (Л. 2682) – по 1 л.

¹³⁹ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 154-157.

¹⁴⁰ Приведем здесь данные, подкрепляющие и уточняющие наблюдения Э. Лауцявичюса о дате второго переиздания книги: в *Евангелии*, выпущенном Мамоничами с датой 17 июля 1600 г., фиксируется бумага с ВЗ: три разновидности „Лиса”: с гербом и инициалами LS (Л. 1858) – 104 л., с полным титулом канцлера (Л. 1867) – 5 л. и с гербом в ренессансном картуше (Л. 1904) – 2 л.; „Любич” в ренессансном картуше (Л. 2709, 2711) – 33 л.; „герб Чеков” (Л. 1279) – 15 л.; „Короны” (Л. 1619) – 11 л.; „Елита” (Л. 1545) – 9 л.; две разновидности „Топора”: (Л. 1671) – 4 л. и (Л. 1674) – 3 л.; „Погонь” (Л. 3495) – 5 л.; „Долива” (Л. 1312) – по 4 л.; „Остоя” (Л. 2532), „Двойная лилия” (Л. 2052) и „Корона” – 2 л. (изображение этого ВЗ находим в альбоме: *Филиграния XVII века по старопечатным книгам Украины и Литвы*, сост. Т. В. Дианова, Москва 1993, № 31, с. 131) – по 2 л.; „Темпа подкова” (Л. 2682), „Башня” (Л. 728), „Колосья” (Л. 3734), „Леварт” (Л. 2285) и „Орел” (Л. 218) – по 1 л. Бумага с филигранями „Лис”, „Любич”, „Погонь”, „Остоя”, „Темпа подкова” и „Колосья”, полностью совпадающая с используемой в 3-м издании ЛС, составляет 75 % „паперного” объема новозаветной книги; бумага со знаками „Короны”, „Елита”, „Топор” и „Двойная лилия”, представленными в вариантных версиях по отношению к отмеченным в кодексе аналогам, характеризует 14 % листов *Евангелия*, и, наконец, бумага с ВЗ „герб Чеков”, „Долива”, „Башня”, „Орел” и „Корона” встречается только в *Евангелии*, а „папер” с филигранями „Кабан” и „Трубы” только в Статуте – в обоих случаях величина расхождений в характеристиках бумажной продукции, послужившей для набора сравниваемых книг, не превышает 11 %. В отдельных экземплярах *Евангелия* 1600 г. (о чем свидетельствует, напр., книга из РГБ, инв. № 8007) листы со знаком „Лис” в абсолютном своем большинстве маркируются филигранью с полным титулом вице-канцлера (Л. 1867 – 127 л.), но и тогда процент „бумажных” тождеств со Статутом остается весьма солидным.

Просмотр иной типографской продукции „друкарни” Мамоничей, изданной в 1590-1595 гг., показывает, что ВЗ на бумаге ЛС-2 в наибольшей степени совпадают с филигранями на книгах 1591 года¹⁴¹.

Например, *Псалтырь с Часословцем*, датированная 1590 годом, напечатана на бумаге с ВЗ „Колосья” (в варианте Л. 3734, не зафиксированном в ЛС-2 – 100 л.), „Любич” в ренессансном картуше (Л. 2709, 2711) – 38 л., „Остоя” – 8 л., „Двойная лилия” – 4 л. Если за точку отсчета взять „папер”, на котором набрана *Псалтырь*, величина совпадающей с первым переизданием Статута бумаги составит 11 %. Для пущей объективности можно представленную статистику фиксаций ВЗ поделить на два – с учетом того, что *Псалтырь* в отличие от Статута напечатана в формате 4°, тогда коэффициент „бумажного” тождества с книгой кодекса составит 13 %.

„Папер” *Апостола*, вышедшего из печати 8-12.VI.1591, маркирован филигранями: по три варианта „Остои” (ВЗ, известных нам по бумаге ЛС-2: Л. 2532 – 24 л., Л. 2543 – 14 л. и неизвестных: Л. 2528 – 10 л.) и „Елиты” (ВЗ, известных нам по бумаге ЛС-2: Л. 1540 – 18 л. и неизвестных: Л. 1551 и его вариант¹⁴² – 22 л.); две разновидности „Колосьев” (Л. 3734 – 10 л., Л. 3737 – 10 л.), „Любича” (18 л.), „Двойной лилии” (6 л.), а также вариант „Слеповрона” (S. 917) и „Габданка” (S. II ≈ 151) (оба по 3 фиксации). В этом перечне, как видим, фигурируют почти те же типы ВЗ, что и в кодексе, при этом большинство из самых частотных знаков фиксируется в тех же самых графических разновидностях (№№ 2532, 2543, 1540, 3736, 2711, ≈ 2063 по атласу Лауцвичюса). Коэффициент совпадения в этом случае доходит до 65 %.

Бумага переводных сочинений Никона Черногорца *Пандекты*, изданных Мамоничами ок. 1592, почти полностью (на 94 %) совпадает с использованной в ЛС-2: „Остоя” (Л. 2532 – 23 л.), „Двойная лилия” (15 л.), „Елита” (Л. 1540 – 3 л.), „Колосья” (3 л. в варианте Л. 3734, не зафиксированном в ЛС-2) и „Любич” (3 л.). Значимость этого факта, однако, существенно снижает то обстоятельство, что сравниваемые книги крайне разнятся по страницному объему: Статут превышает *Пандекты* более чем в три раза.

Подобное замечание, к сожалению, следует отнести к результатам сопоставительного анализа „папера” Статута и *Псалтыри*, выход которой датирован 8 января 1592 г.¹⁴³. Собрание псалмов набрано Мамоничами уже ис-

¹⁴¹ В основе приводимых ниже данных лежит осмотр соответствующих позиций из фондов Музея книги РГБ.

¹⁴² Если „классический” вариант герба „Елита” представляет собой три копыя, перекрещенных в виде звезды, на филигране Л. 1551 видим разновидность, в которой вместо вертикально расположенного копыя имеется топорик с двумя лезвиями. В варианте этого ВЗ, не отмеченном в литературе вопроса, древко одного из копий, уложенных косым крестом, как бы обломано до половины.

¹⁴³ Ныне известен только один экземпляр этой книги, он хранится в РНБ под шифром I.7.2.

ключительно на бумаге, используемой при переиздании кодекса (это две разновидности „Остои” [Л. 2543, Л. 2532] – 67 л. и „Леварт” [Л. 2285] – 2 л.), но небольшой объем книги, напечатанной к тому же в 4°, не позволяет поставить точки над *i* в вопросе датировки Статута.

Анализ следующего издания *Псалтыри с Часословцем* – с выходными данными 30 ноября 1593 года – выявляет тенденцию отхода от бумажных источников, используемых Мамоничами при печати ЛС-2. Этот сборник псалмов характеризуется бумагой с ВЗ: „Елита” (Л. 1540 – 114 л.), „Колосья” (Л. 3734 – 10 л.), „Колосья” – сноп (Л. 3736 – 6 л.), знак с буквами S R в своей верхней – похожей на лилию – части¹⁴⁴ (в альбомах не значится – 5 л.), „Орел” (S. ≈ 776 – 4 л.), „Рыба” (S II ≈ 1267 – 1 л.), дающей 24 % совпадений с „папером” Статута. Пересчет данных с учетом особенностей формата сопоставляемых книг (*Псалтырь* напечатана в 4°) значительно – до 44 % – увеличивает коэффициент „бумажных” подобиий.

И, наконец¹⁴⁵, бумага *Евангелия учительного* 1595 года несет на себе знаки: „Остоя” (Л. 2532 – 74 л.), две разновидности филигрانی „Лис” (с гербом и инициалами – 65 л., с титулом канцлера – 1 л.), „Герб Зеновичей” (Л. 3819 – 19 л.), средний „Топор” (Л. ≈ 1634 – 15 л.). Коэффициент совпадения – 35 %.

Таким образом, динамика изменяемости бумажных предпочтений Мамоничей показывает, что „папер”, аналогичный востребованному для печати ЛС-2, использовался в других изданиях типографии в промежутке времени с начала 1591 примерно по середину 1593 г., позже братья обращаются к иным источникам поставки товара. Сузить рамки поиска не позволяет отсутствие датированной книжной печатной продукции **домъ Мамоничовъ** почти на протяжении всего 1592 и 1593 гг.¹⁴⁶

В уточнении хронологии могут помочь не часто упоминаемые брошюры, выходившие из типографии с периодической регулярностью – не реже раза в год. Это польскоязычные документы Речи Посполитой: *Konstytucyje Seymu Koronnego* или *Uniwersały Poborowe*¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Эти инициалы встречаются на бумаге, отмеченной „печатным знаком” Станислава Решки (1544–1600), настоятеля монастыря цистерсов в Енджееве, больше известного как королевский секретарь, дипломат и автор мемуаров (см. также с. 176 настоящей монографии).

¹⁴⁵ За пределами анализа намеренно оставлены книги, имеющие (а точнее получившие в библиографической литературе) приблизительную датировку: *Апостол* [ок. 1592] и *Евангелие учительное* [ок. 1595]. Судя по филиграммам на бумаге этих изданий, время выпуска книжных позиций в обоих случаях следовало бы перенести – в сторону небольшого „омоложения”. И уж точно неверная дата выхода – „после 1593” – приписывается очередной *Псалтыри с Часословцем*: ВЗ показывают, что эта книга увидела свет уже в XVII столетии.

¹⁴⁶ Обозначенная 1592 годом *Псалтырь Давида пророка и Царя песнь* вышла из печати 8 января, т. е. в самом начале года, а издание *Псалтыри с Часословцем* приходится на конец ноября 1593 г.

¹⁴⁷ Богатое собрание этих документов имеется в Б-ке Оссолинских во Вроцлаве.

Тексты *Конституций*, выпущенные по горячим следам апрельского сейма 1590 и январского 1591 гг., набраны Мамоничами на бумаге со знаками „Двойная лилия” и „Остоя”. На издании же *Конституций* сейма 1593 года фиксируется распространенный вариант филигрании „Елита”, малопригодный для хронологизации в силу многолетней неизменности своей формы. Намного больше информации несут ВЗ, существующие в разных версиях, именно к таким относятся „Двойная лилия” и „Остоя”, представленные на бумаге двух первых *Конституций*.

Известный российский палеограф В. Н. Щепкин в числе причин вариативности одних и тех же филиграней называл: „1) Водяной знак есть в сущности знак одной формы, если один сорт бумаги с одним знаком вырабатывается, например, в сотне форм, то в каждой форме этот общий знак имеет непреднамеренные различия. 2) Сеть металлических нитей, наполнявших форму, страдала непрочностью, под давлением бумажной массы нити перемещались и знак искажался. 3) При продолжительном сохранении одного и того же основного рисунка систематически являлся импульс к незначительному сознательному изменению знака”¹⁴⁸.

„Двойная лилия” с небольшим смещением в конфигурации лепестков, просматриваемая на листах ЛС-2, точно повторяет очертания цветка на бумаге *Конституций* варшавского сейма 1590 года. Разновидность ВЗ „Остоя”, маркирующая около 25 % бумаги кодекса, практически совпадает с филигранями на листах *Конституций* 1590 и 1591 гг. – это касается и таких нюансов, как форма короны и отсутствие симметрии в расположении „щек”¹⁴⁹ щита.

Таким образом, данные проведенного филиграноведческого анализа подтверждают правоту утвердившихся в науке мнений о том, что Литовский Статут 2-го издания был напечатан в начале 90-х гг. XVI ст. Однако предложенные предшественниками датировки – 1593 г. (концепция В. Рауделюнаса) или же 1592/93 гг. (концепция А. С. Зерновой) – следует немного скорректировать. Время выпуска кодекса в свет нужно искать с ориентиром на выходные данные *Апостола* (8-12.VI.1591), *Псалтыри* (8.I.1592) и *Конституций Коронного сейма* 1591 и 1592 гг.

Тезис о ранней – по сравнению с общепринятой – датировкой ЛС-2 находит косвенное подтверждение в такой технической характеристике печатного дела, как степень загруженности типографии. С учетом ограниченных возможностей тогдашних „друкарен” на выпуск одной солидной книги уходило около года¹⁴⁹. Уже 1-е издание Статута показало, что Мамоничи рабо-

¹⁴⁸ В. Н. Щепкин, *Русская палеография*, Москва 1967, с. 99-100.

¹⁴⁹ Так, *Апостол* Ивана Федорова во Львове печатался с 25 февраля 1573 г. по 25 февраля 1574 г., *Евангелие* Петра Тимофеева в Вильно с 14 мая 1574 г. по 30 марта 1575 г., а *Апостол* Андроника Невежи в Москве с 21 мая 1596 г. по 4 июля 1597 г.

тали быстрее¹⁵⁰, набор ускоряло наличие четырех прессов. И все же типография виленских братьев вряд ли выпускала более двух книг в год. При этом рабочий план печатников в 1592-93 гг. выглядит довольно плотным: *Псалтырь* (8.I.1592), *Апостол* (ок. 1592), *Никон Черной горы. Пандекты* (ок. 1592), *Псалтырь* (ок. 1593), *Псалтырь с Часословцем* (30.XI.1593). В то же время период 1589-91 гг. характеризуется выпуском всего по одной позиции ежегодно: это *Грамота Сигизмунда III на проезд Иеремии* (после 15.VII.1589 – объемом всего в один лист), *Псалтырь с Часословцем* (1590), *Апостол* (8-12.VI.1591),

Вспомним также еще об одном факторе, учет которого заставляет искать наиболее приближенные к 1588 году сроки перепечатки кодекса: использование во 2-м издании удержанной части первопечатного тиража.

Итак, произведенный анализ, дополненный наблюдениями над мерой занятости „друкарни” и сведениями из истории печатания Статута, дает, как нам кажется, аргументы для переноса датировки выхода в свет ЛС-2 на 1591 г.

¹⁵⁰ И. И. Лаппо не без оснований полагал, что печатание кодекса заняло „самое большое шесть мѣсяцевъ” (см.: И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 214).

III.5. Бумажные секреты Мамоничей

С учетом своих бумажных характеристик Статуты (или точнее шестьдесят исследованных *de visu* экземпляров) классифицируются на пять групп: наличие трех из них предопределяет отнесенность к разным изданиям, и еще две группы являют собой „сортовые” варианты первопечатного кодекса. Бумажная структура каждой разновидности ЛС может быть представлена в сухих статистических данных:

„Обычное” 1-е издание кодекса набрано на бумаге с ВЗ: „Любич” (Л. 2707) – 46 листов, „Топор” под полумесяцем (S. 1046) – 42 л., два варианта „Короны” (Л. 1618) – 25 л. и (Л. 1627) – 8 л., два варианта ВЗ „Темпа подкова” (Л. 2682) – 17 л. и (Л. 2685) – 11 л., „Колосья” (Л. 3736) – 4 л. Кроме того, в отдельных экземплярах встречаются единичные филигранные: две разновидности „Топора”: большой под полумесяцем (Л. $\approx$ 1682)¹⁵¹ и средний (Л. $\approx$ 1634)¹⁵²; „Елита” (Л. $\approx$ 1516)¹⁵³, „Рава” (Л. 1132)¹⁵⁴, „Ястжембец” (Л. 2679)¹⁵⁵ [репр. 48].

„Подарочный” вариант продукции 1588 года¹⁵⁶ печатался на бумаге с ВЗ: „Топор” на щите под короной (S. $\approx$ 1065) – 75 л. и на груди одноглавого орла (S. 1132) – 34 л.; „Рава” (Л. 1132) – 27 л., „Колосья” (Л. 3736) – 10 л., „Любич” (Л. 2707) – 5 л., „Темпа подкова” (Л. 2682) – 2 л., „Короны” (Л. 1618) – 1 л. [репр. 49].

На бумаге „второсортных” экземпляров старопечати¹⁵⁷ фиксируются знаки: четыре разновидности „Топора”: средний в нескольких вариантах (Л. $\approx$ 1634-1639) – 102 л., с узкой ручкой (в альбомах филиграней не представлен) – 16 л., большой под полумесяцем (Л. $\approx$ 1682) – 9 л., „Остоя” (Л. 2532) – 4 л.; по 1 листу со знаками „Двойной крест” (Л. $\approx$ 1802), „Короны”

¹⁵¹ Львов, Б-ка им. Стефаника АН Украины, шифр Ст.IV 633, л. 190. Здесь и далее при указании на адресные координаты того или иного фрагмента Статута следует ссылка на условную нумерацию листов в полном экземпляре книги. Более очевидная, казалось бы, постраничная нумерация, выставленная самими „друкарями”, во-первых, не является сплошной (не распространяется на Преамбулу и Реестр), во-вторых, грешит сбоями, пропусками и повторами (эти технические ошибки, кроме того, не совпадают в каждом из трех изданий кодекса).

¹⁵² Вильнюс, Музей Науки ун-та, I 10/K 1900, л. 69-70; Харьков, ЦНБ Ун-та им. Каразина, РК XVI.274745, л. 244.

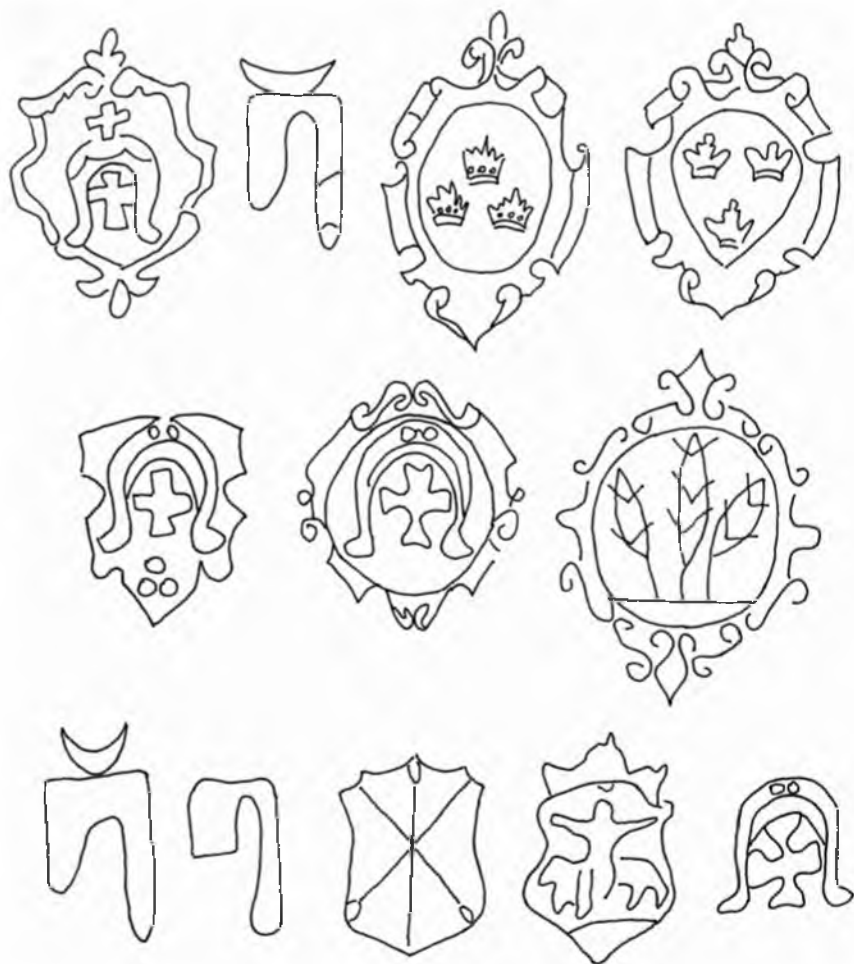
¹⁵³ Тетрадь **w** в экз.: Варшава, Нац. б-ка, XVI.F.612; Курник, Б-ка АН, Сім. F. 4183; Краков, Ягелл. б-ка, Сім. F. 8428.

¹⁵⁴ Напр., в тетради **ь** экз.: Варшава, Нац. Б-ка, XVI.F.669; Варшава, Нац. Б-ка, XVI.F.612; Варшава, Публ. Б-ка, F.6; Краков, Ягелл. б-ка, Сім. F. 8428.

¹⁵⁵ Краков, Ягелл. б-ка, Сім. F. 8428, л. 186.

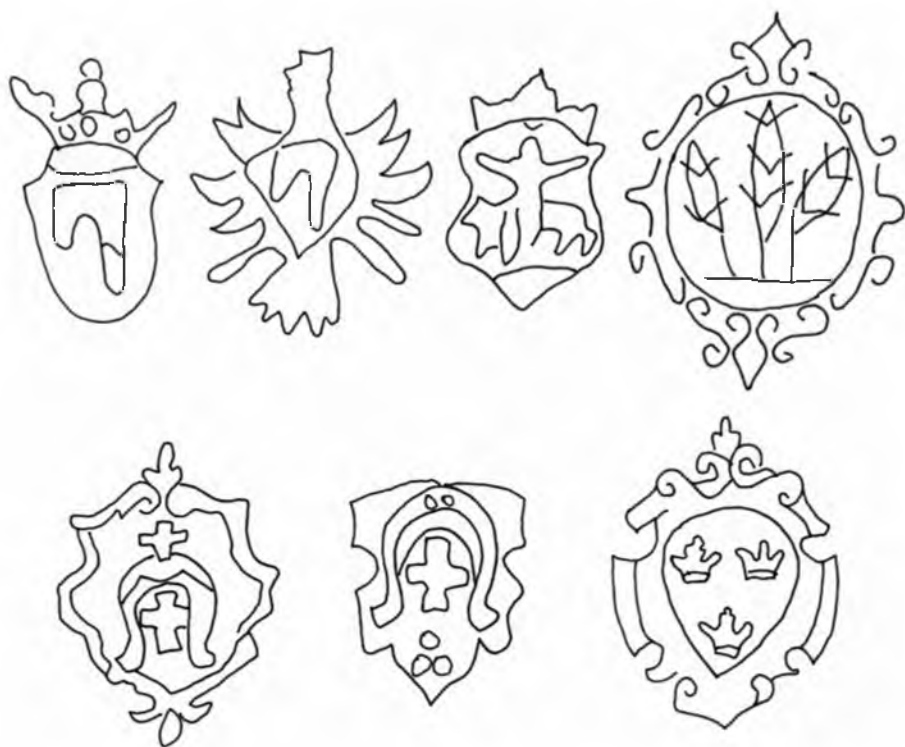
¹⁵⁶ Варшава, Национальная библиотека, шифр XVI.F.561.

¹⁵⁷ Таковых обнаружено 5: Москва, РГБ, № 3168; Москва, РГБ, № 6446; Санкт-Петербург, РНБ, I.2.8; Киев, Нац. б-ка Украины, I ²¹³/₅₀₁₃; Львов, Национальный музей им. А. Шептицкого, шифр СДК 624. Следует вместе с тем заметить, что в указанных экземплярах встречаются

Репр. 48: Филигрны на бумаге „обычных” экземпляров ЛС первого издания:
 верхний ряд: „Любич”, „Топор” под полумесяцем, два варианта „Короны”;
 средний ряд: два варианта ВЗ „Темпа подкова”, „Колосья”; нижний ряд:
 две разновидности „Топора”, „Елита”, „Рава”, „Ястжембец”

тетради, напечатанные на бумаге, используемой в „обычном” 1-м издании: Москва, РГБ, № 3168: тетради второго счета: **в, г, д**; Москва, РГБ, № 6446: тетрадь **ш**; Санкт-Петербург, РНБ, 1.2.8: немаркированные тетради **в, г, д** Реестра; Киев, Нац. б-ка Украины, 1^{213/5013}: немаркированные тетради **д, е** Реестра, тетради первого счета **а, б, в, г, д, е, ж, ю, я, ѡ, ѧ, Ѩ**, второго счета **А, Б, В, Г, Д, Е**; Львов, Нац. музей им. А. Шептицкого, шифр СДК 624: немаркированные тетради **д, е** Реестра, тетради первого счета **ж, х, ш, щ, ѡ**, второго счета **В, Е**. В расчет не берутся немаркированные тетради Преамбулы: во всех сохранившихся экземплярах первого издания эти восемь листов напечатаны на „обычной” бумаге.

Репр. 49: Филигрani на бумаге „подарочных” экземпляров ЛС первого издания: верхний ряд: две разновидности „Топора” – на щите под короной и на груди одноглавого орла, „Рава”, „Колосья”; нижний ряд: „Любич”, „Темпа подкова”, „Короны”

(Л. 1618) и „Темпа подкова” (Л. 2682). 11 листов этой разновидности лишены каких-либо знаков¹⁵⁸ [репр. 50].

Среднестатистическое „несмешанное” 2-е издание набрано на бумаге с филигранями: две разновидности „Остои”: (Л. 2543) – 60 л. и (Л. 2532) – 35 л.; „Елита” в большом картуше (Л. 1540) – 28 л., „Колосья” – сноп (Л. 3734) – 9, „Двойная лилия” (Л. ≈ 2063) – 5 л., „Любич” в ренессансном картуше (Л. 2709, 2711) и „Пулкозиц” (S. II 824) – по 4 л.; по 2 листа: „Леварт” (Л. 2285), „Слеповрон” (Л. 2728) и малый „Топор” (S. ≈ 1024); по одному – герб Олькуша (Л. ≈ 673) и „Темпа подкова” (Л. 2682). В отдельных экземплярах фиксируются единичные ВЗ: „Лодзь” (S. 674)¹⁵⁹, „Колосья” под кар-

¹⁵⁸ Напр., тетрадь **ж**: Москва, РГБ, № 3168; тетради **з**, **и**: Москва, РГБ, № 6446; тетради **и**, **п**, **и**: Санкт-Петербург, РНБ, 1.2.8; тетрадь **л**: Киев, Нац. б-ка Украины, 1^{213/5013}.

¹⁵⁹ Краков, Нац. Музей, собр. Чапских, XVI. 167 – л. 184; Москва, ГИМ, собр. Меньш., № 1629 и Москва, ГИМ, собр. Царск., № 7 – л. 115; Москва, РГБ, № 6448 – л. 154.

Репр. 50: Филигрны на бумаге „второсортных” экземпляров ЛС первого издания: верхний ряд: четыре разновидности „Топора”: средний в нескольких вариантах, средний с узкой ручкой, большой под полумесяцем, средний под полумесяцем; нижний ряд: „Остоя”, „Двойной крест”, „Короны”, „Темпа подкова”

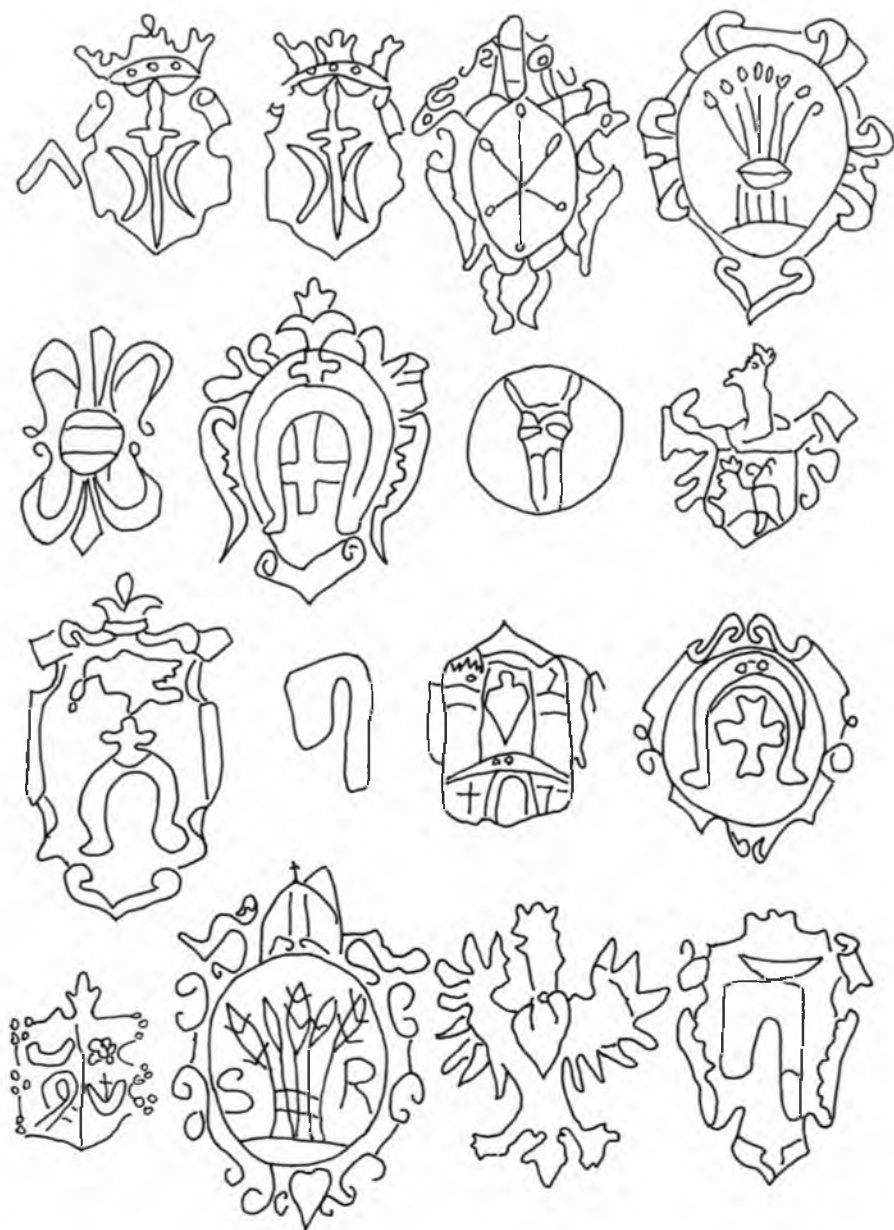
динальской митрой (Л. 3737)¹⁶⁰, „Орел” с изображением кайла на груди (S. 771)¹⁶¹, „Топор” под полумесяцем на картуше (S. 1086)¹⁶² [репр. 51].

Самое многочисленное (или же в большей мере сохранившееся к нашему времени) 3-е издание использует бумагу с ВЗ: три разновидности „Лиса”: с гербом и инициалами LS (Л. 1858) – 54 л., с гербом в ренессансном картуше (Л. 1904) – 51 л. и с полным титулом канцлера (Л. 1867) – 2 л.; „Любич” в ренессансном картуше (Л. 2709, 2711) – 16 л., „Кабан” (Л. 3691) – 13 л., „Остоя” [примечательно, что в отличие от аналогичной бумаги 2-го издания знак здесь смещен с середины страницы ближе к обрезу] (Л. 2532) – 5 л., „Темпа подкова” (Л. 2682) – 2 л.; три разновидности „Топора”: с короткой ручкой (Л. 1638) – 3 л., средний под полумесяцем (S. 1046) – 1 л., наклоненный влево (Л. 1639) – 1 л.; „Трубы” (Л. 144) – 1 л. На бумаге некото-

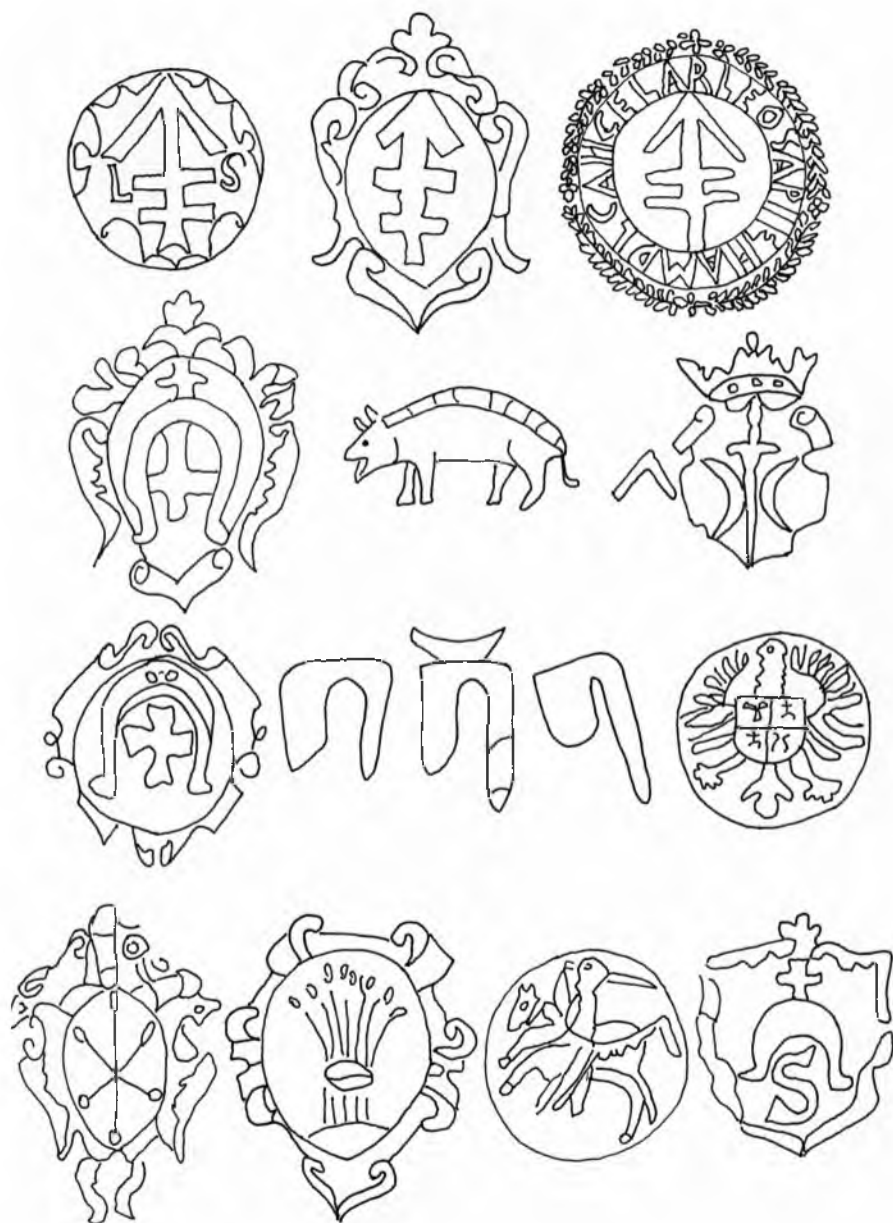
¹⁶⁰ Краков, Нац. Музей, собр. Чапских, MNK.XVI.167, л. 303.

¹⁶¹ Москва, РГБ, № 6448, л. 302.

¹⁶² Там же, л. 307.

Репр. 51: Филигрانی на бумаге экземпляров ЛС второго издания: верхний ряд: две разновидности „Остои”, „Елита” в большом картуше, „Колосья” – сноп; второй ряд: „Двойная лилия”, „Любич” в ренессансном картуше, „Пулкозиц”, „Леварт”; третий ряд: „Слеповрон”, малый „Топор”, герб Олькуша, „Темпа подкова”; нижний ряд: „Лодзь”, „Колосья” под кардинальской митрой, „Орел” с изображением кайла на груди, „Топор” под полумесяцем на картуше

Репр. 52: Филигрны на бумаге экземпляров ЛС третьего издания: верхний ряд: три разновидности „Лиса”; второй ряд: „Любич” в ренессансном картуше, „Кабан”, „Остоя”, третий ряд: „Темпа подкова”; три разновидности „Топора”, „Трубы”; нижний ряд: „Елита”, „Колосья”, „Погонь”, „Побуг”

рых экземпляров встречаются также филигранные: „Элита” (Л. 1540)¹⁶³, „Колосья” (Л. 3734)¹⁶⁴, „Погонь” (Л. 3495)¹⁶⁵ и „Побуг” (Л. 2736 – эта филигрань почти повторяет ВЗ „Любич” Л. 2707, но вместо креста в подкове помещается буква „S”)¹⁶⁶. 6 листов-разворотов бумаги 3-го издания вообще лишены знаков¹⁶⁷ [репр. 52].

Как видим, филигранные на бумаге кодекса в большинстве своем воспроизводят изображения гербов шляхетских и магнатских родов Польши и Литвы. Всего здесь обнаружено свыше 40 водяных знаков, представляющих 21 тип. Рассмотрим их в очередности, определяемой количеством регистраций в экземплярах кодекса¹⁶⁸.

На листах Литовского Статута всех трех изданий чаще всего встречается филигрань с изображением герба „Топор” в 11 его разновидностях. В этом, впрочем, нет ничего удивительного: за всю историю производства бумаги в Речи Посполитой этот ВЗ используется чаще других¹⁶⁹. Не случайно в альбомах филиграней Короны и ВКЛ „Топор” уверенно лидирует по количеству своих вариантов: Я. Синярска-Чаплицка воспроизводит их 157 (свыше сотни относится к концу XVI века)¹⁷⁰, Э. Лауцявичюс – 85¹⁷¹.

Хотя „Топор” и является главным элементом нескольких польско-литовских шляхетских гербов¹⁷², его оттиски на бумаге кодекса, вероятно, связа-

¹⁶³ Тетрадь **w** в экз.: Вильнюс, Б-ка ун-та, RK 153; Вильнюс, Нац. б-ка им. Мажвидаса, R.XVI:D8; Вроцлав, Б-ка Оссолинских, XVI.F.4004; Москва, ГИМ, собр. Щап., № 18; Санкт-Петербург, РНБ, 1.2.6⁶; Санкт-Петербург, РНБ, 1.2.6⁴; Киев, Нац. б-ка Украины, Кіп. 768.

¹⁶⁴ Тетрадь **t** в экз.: Вильнюс, Б-ка Ин-та лит-ры и языка АН Литвы, В 23898; Санкт-Петербург, РНБ, 1.2.6⁸; Санкт-Петербург, РНБ, 1.2.7⁶; Львов, Б-ка им. Стефаника АН Украины, шифр Ст.IV 632; Краков, Ягелл. б-ка, Сім. F. 8427.

¹⁶⁵ Тетрадь **ш** в экз.: Вильнюс, Нац. б-ка им. Мажвидаса, R.XVI:D8; Каунас, Лит. музей, экз. Майрониса; Москва, РГБ, № 3169; Москва, РГАДА, МГАМИД/СПК № 9; Москва, РГАДА, БМСТ/СПК № 4261.

¹⁶⁶ Каунас, Лит. музей, экз. Майрониса и Москва, РГАДА, МГАМИД/СПК № 9 – л. 207.

¹⁶⁷ Это тетрадь **n**, а во многих экз. отдельные листы тетради **m**.

¹⁶⁸ Представленная последовательность, хотя и кажется нам достаточно показательной, не является зеркальным отражением бумажных предпочтений Мамоничей во время печатания Статута, поскольку не учитывает один важный фактор: тираж каждого издания. С учетом ограниченных типографских возможностей того времени (см.: *Государевъ Печатный Дворъ и Синодальная Типографія въ Москвѣ. Историческая справка*, Москва 1903, с. 15) – даже при большой потребности в книге – братья вряд ли могли бы выпустить в одном издании свыше тысячи экземпляров. Именно таким представляется тираж первопечатного кодекса и „допечатки” рубежа веков. ЛС-2 – из-за особенностей появления его на свет – должен был заметно уступать продукции 1588 и 1600 гг. в количественном отношении.

¹⁶⁹ J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, Warszawa 1991, s. 327.

¹⁷⁰ J. Siniarska-Czaplicka, *Filigраны papierne...*

¹⁷¹ E. Laucevičius, *Popierus Lietuvoje XV-XVIII a. Atlasas*.

¹⁷² См.: *Herbarz Polski* K. Niesieckiego, t. IX, Lipsk 1842, s. 94-103.

ны с одним родом – самым влиятельным в Малой Польше – Тенчинских. В их подкраковских наследственных имениях – Кшешовице¹⁷³ и Тенчинек – уже с конца 30-х годов XVI века действовали мельницы, метившие бумагу филигранями „Топор”. И хотя эти „млыны” часто видоизменяли форму знака продукции¹⁷⁴, можно не сомневаться в подкраковском происхождении „статутовой” бумаги с несколькими вариантами „Топора”: это три изображения „под полумесяцем” (S. 1046; Ł. ≈ 1682; S. 1086), на груди одноглавого орла¹⁷⁵ (Ł. ≈ 216, S. 1132) и на щите под короной (S. ≈ 1065).

Но в то же самое время бумагу с ВЗ „Топор” производила также люблинская мельница, поскольку старостами этого города вплоть до 1593 года были те же Тенчинские. Таким образом, по меньшей мере три польские „паперни” использовали этот гербовый атрибут, и, по мнению специалистов, практически невозможно отличить большую часть краковской бумажной продукции от люблинской¹⁷⁶. Сказанное касается и всех шести разновидностей ничем не украшенного „Топора”. Более того, на бумаге документов и печатных изданий Речи Посполитой этот знак активно используется и после того, как Тенчинские прервали свой бумажный промысел. 3-е издание кодекса дает тому наглядное подтверждение.

Герб „Лис” могущественного покровителя Мамоничей – Льва Сапегы – предстает на бумаге кодекса в трех вариантах филиграней. Этими ВЗ метилась продукция виленских бумажных мельниц, принадлежавших самим братьям-„друкарям”. И хотя авторитетный знаток литовских филиграней Э. Лауцявичюс замечает, что „Лиса” с середины 80-х годов использовали три „паперни” Мамоничей (в районе замка в Вильно, в Ужуписе и Повильно – владении Луки)¹⁷⁷, ограничимся более осторожным утверждением: бумага с „Лисом”, послужившая для печатания Статута, скорее всего произведена в Повильно – единственной мельнице Мамоничей, засвидетельствованной документально¹⁷⁸ и отладившей производство не ранее середины 90-х годов XVI в.¹⁷⁹

¹⁷³ Здешняя бумажная мельница имела три водяных колеса и считалась одной из самых больших в окрестностях польской столицы (см.: J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 257).

¹⁷⁴ K. Badecki, *Znaki wodne w księgach Archiwum miasta Lwowa 1382-1600 r.*, Lwów 1928, s. 16.

¹⁷⁵ См.: J. Siniarska-Czaplicka, *Filigrany papierni...*, s. 19.

¹⁷⁶ W. Budka, *Papiernie w Lublinie i w Kocku*, „Archeion”, t. XXV, 1956, s. 272-273.

¹⁷⁷ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 267.

¹⁷⁸ См.: *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссией*, т. XX, №. 126.

¹⁷⁹ Бумага с ВЗ „Лис” в вариантах, отмеченных в альбоме Э. Лауцявичюса №№ 1858 и 1904, впервые фиксируется в изданиях 1596 года (см.: E. Laučevičius, *Popierius Lietuvoje...*, s. 200: „1596 № 1855 Vilnius VUB IŽT (Vilnianis Valstybino V. Kapsuko v. Universiteto Mokslines bibliotekas Rankraščių skyrius)”.

Гербом „Остоя”, по всей видимости, маркировалась продукция бумажной мельницы Кавечиньских в имении Узда под Минском. Представители этого рода как сторонники арианства были вынуждены перенести сюда „млын” из Несвижа, когда наместник города – Радзивилл Сиротка – перешел в католицизм¹⁸⁰. Бумага с ВЗ „Остоя” и буквой „V” (Ł. 2543), а также без таковой (Ł. 2532) широко употреблялась в Литве в начале 90-х лет XVI в.¹⁸¹

Герб „Любич” носило много шляхетских родов Речи Посполитой¹⁸², что затрудняет локализацию бумажной мельницы, метившей им свою продукцию с 1583 года. И все же у исследователей имеются основания полагать, что эта „паперня” располагалась под Краковом: бумага с ВЗ „Любич” во второй половине XVI века фиксируется довольно часто (5 % всей продукции) именно в изданиях столичных типографий¹⁸³. По мнению В. Будки, эта филигрань используется „млыном” в Грембеницах над Прондником начиная с того времени, когда земли переходят в собственность наследников Шимона Луковского, настоятеля монастыря в Мехове¹⁸⁴.

ВЗ „Короны” – герб краковской капитулы – историками польского бумажного производства однозначно соотносится с „паперней” кафедральной духовной коллегии на епископских владениях¹⁸⁵. До сих пор, однако, неизвестно, где располагался промысел бумаги с такими знаками. Может быть, это был Жаби Млын на Пронднике Бялом¹⁸⁶ – зѣмли, на которых стояла названная мельница, действительно, были епископскими.

В литовской и польской геральдике „Подкова” является основным элементом десятков шляхетских гербов¹⁸⁷. Это обстоятельство серьезно осложняет идентификацию места производства бумаги с ВЗ „Темпа подкова”. И хотя отмеченный этой филигранью „папер” очень активно используется в печатных изданиях Короны и Литвы, его происхождение неизвестно¹⁸⁸. Единственную заслуживающую внимания гипотезу предложили польские специалисты-филигранологи, представившие – на основании тождества главного элемента (подковы с крестом) – герб „Темпа подкова” как вариант герба „Ястжембец”¹⁸⁹. Последний использовался бумажной мельницей

¹⁸⁰ См.: J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 274.

¹⁸¹ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 271.

¹⁸² См.: *Herbarz Polski* K. Niesieckiego, t. IV, s. 142-144.

¹⁸³ J. Siniarska-Czaplicka, *Katalog filigranów...*, s. 20.

¹⁸⁴ *Papiernie w Polsce XVI w.*, pod red. W. Budki, Ossolineum 1971, s. 55.

¹⁸⁵ *Średniowieczne znaki wodne*, opr. Fr. Piekosiński, Kraków 1893, s. 7.

¹⁸⁶ См.: *Papiernie w Polsce...*, s. 52.

¹⁸⁷ Т. Хшоньский в своей таблице разновидностей гербов поместил свыше сотни „Подков” (см.: *Tablice odmian herbowych* Chrzęńskiego, Poznań 1909).

¹⁸⁸ J. Siniarska-Czaplicka, *Filigrany papierni...*, s. 19.

¹⁸⁹ K. Badecki, *Znaki wodne...*, s. 19.

в подкраковском селе Оклесьна. Это предположение, однако, всех вопросов не снимает.

ВЗ „Елита” фигурирует на бумаге ЛС в двух вариантах – на щите и в большом картуше. Первый из них следовало бы соотносить с водяной мельницей в Вильковицах – собственностью краковских мещан Вильчковских, получивших к середине XVI века шляхетство и право на использование герба „Елита”¹⁹⁰. Вторую же филигрань, встречающуюся на бумаге последнего десятилетия XVI века, исследователи приписывают „паперному млыну” в Ловчицах недалеко от Львова – он стоял на землях Станислава Корытки герба „Елита”¹⁹¹.

Филигрань „Рава” („Равич”) чаще всего связывают с городом Рава-Русская, что на Буге. Однако действовавшая здесь бумажная мельница использует этот герб с изображением „панна на медведе” несколько позже – в XVII веке¹⁹². Бумагу же с „Равичем” второй половины XVI века, по мнению специалистов, производила неидентифицированная „паперня” на территории Малой Польши¹⁹³.

Водяным знаком „Колосья”, встречающимся на бумаге ЛС в трех разновидностях – три колоса, сноп колосьев и колосья под кардинальской митрой с инициалами S R – метили продукцию „млына” в Мнишеке. Эта мельница, принадлежавшая монастырю цистерсов, использовала в филигрании печатный знак настоятеля Станислава Решки¹⁹⁴.

Изображение кабана с яблоком в зубах и без яблока появляется на немецкой бумаге, производимой в Швейднице (Силезия). И хотя торговые связи с этим регионом у Короны и Литвы были очень тесны¹⁹⁵, в данном случае Мамоници, по-видимому, нашли поставщиков сырья поближе и подешевле¹⁹⁶: в конце XVI столетия бумагу с „Кабаном” производило несколько мельниц по обе стороны Одры – напрасными оказались старания хозяина „паперни” в Швейднице К. Ольшица, еще в середине века вынужденного просить о запрете использования конкурентами его „фирменного” знака¹⁹⁷.

¹⁹⁰ J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 257.

¹⁹¹ J. Siniarska-Czaplicka, *Filigrany papierni...*, s. 10.

¹⁹² О. Я. Мацюк, *Папір та філіграні на українських землях (XVI – початок XX ст.)*, Київ 1974, с. 67.

¹⁹³ J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 264.

¹⁹⁴ Ibidem, s. 261; Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 142.

¹⁹⁵ По подсчетам Я. Синярской-Чаплицкой, во второй половине XVI века типографии Кракова и Вильно использовали соответственно 3,5 и 5 % силезской бумаги (J. Siniarska-Czaplicka, *Papier źródłem badań...*, s. 136).

¹⁹⁶ Последнее утверждение основывается на оценке качества бумаги с „Кабаном”: произведенная в Силезии считалась хорошей; та, на которой печатали Мамоници, может быть названа только второсортной.

¹⁹⁷ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 142.

При представлении бумаги с филигранью „Двойная лилия” (в польской терминологии „Бонарова” или „Гоздава”) вновь придется обратиться к силезскому региону, поскольку именно здесь – в Нысе – черпали и в большом количестве продавали в Краков „папер” с двойной лилией, известный своим хорошим качеством¹⁹⁸. Однако „Двойная лилия” также являлась фамильным гербом 120 шляхетских семейств Речи Посполитой, и некоторым из них – напр., Бонарам (Краков) и Пацам (Мицкунай) – принадлежали бумажные мельницы, которые могли или даже должны были употреблять этот ВЗ. Активное использование бумаги с „Двойной лилией” в малопольских актах заставляет внимательнее присмотреться к „паперной” деятельности шляхтичей Бонаров. Обе их мельницы располагались в окрестностях Кракова: одна на Бонарке, другая в Балицах – имении, полученном Северином Бонаром в качестве приданого за Софией Оссолинской¹⁹⁹. На вырабатываемой здесь бумаге ставили знак шляхетского герба – двойную лилию на щите и без щита²⁰⁰. Причем изображение „малопольского” варианта цветка (равно как зафиксированного в Статуте) – в отличие от силезского – являлось симметричным²⁰¹.

Бумагу с ВЗ „Пулкозиц” производил „млын” в Седльце (Селеце) на территории сегодняшнего Сосновца²⁰². Мельница начала работать при Валентине Клайнере, женившемся на дочери владельца Седлец Бреннера. Хотя шляхетство Клайнера было весьма спорным²⁰³, он пользовался гербом с изображением ослиной головы – и отмечал им филигрانی своей „паперни”.

Герб „Леварт” принадлежал влиятельному роду Фирлеев – властителей городка Коцк – на юго-востоке от Варшавы. Действовавшая здесь с середины XVI века бумажная мельница обозначала свою продукцию ВЗ с изображением льва²⁰⁴. С 1593 года, когда Фирлеи приняли от Тенчинских люблинское староство, ВЗ „Леварт” появился на бумаге здешней мельницы. Специалисты не видят возможности отличить „папер” из Коцка от люблин-

¹⁹⁸ K. Maleczyńska, *Papiernictwo Śląskie do końca XVI w.*, [w:] *Śląskie prace bibliograficzne i bibliotekoznawcze*, t. IV, Wrocław 1957, s. 167-168.

¹⁹⁹ K. Badecki, *Znaki wodne...*, s. 16.

²⁰⁰ См.: *Średniowieczne znaki wodne*, s. 6. Это утверждение Фр. Пекосиньского представляется более справедливым, чем позднейшие утверждения польских филиграноведов, разделяющих продукцию бумаги с ВЗ „Двойная лилия” по принципу: лилия на щите – польское производство, без щита – немецкое (см.: W. Budka, *Papiernia w Balicach*, „Archeion”, t. 13, 1935, s. 30-39; J. Siniarska-Czaplicka, *Filigrany papierni...*, s. 7).

²⁰¹ ВЗ, используемый немецкой мельницей, воспроизводится, напр., в книге: J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 280.

²⁰² Ibidem, s. 260.

²⁰³ См.: J. Siniarska-Czaplicka, *Filigrany papierni...*, s. 17.

²⁰⁴ W. Budka, *Papiernie w Lublinie...*, s. 272.

ского²⁰⁵. Хронология же изданий ЛС позволяет уверенно утверждать, что Мамоники пользовались продукцией мастеров из местечка.

„Паперный млын” в подкраковских Млодзеевичах стал собственностью Яцка Млодзеевского герба „Слеповрон” незадолго до выхода в свет кодекса – в 1587 году²⁰⁶ и с этого же времени начал производство бумаги с изображением ворона с кольцом в клюве. Неудивительно поэтому, что виленские братья-типографы смогли воспользоваться млодзеевицкой продукцией лишь во 2-м издании ЛС.

А вот первопечатный кодекс содержит единичные листы с ВЗ „Двойной крест”, примечательные тем, что изготовлены на самой старой – известной с конца XV века – польской „паперне” краковского монастыря Святого Духа²⁰⁷. Причем использованная Мамониками монастырская бумага была из старых запасов – „млын” на Пронднике запустел в 1586 году и возобновил деятельность только в 1594²⁰⁸.

Единственный пример использования Мамониками бумаги с ВЗ, воспроизводящими герб города, связан с продукцией бумажной мельницы села Старчинов под Олькушем. Здешнюю бумагу отличают две филигранные: изображение крепостной стены с башнями, над стеной размещено шахтерское кайло сердцевидной формы, либо представление одноглавого орла под короной с тем же кайлом, но на груди птицы – всё это символы принадлежности „паперни” к королевскому шахтерскому городу²⁰⁹.

Орел в ВЗ, но с составным четырехкомпонентным гербом на груди, знаменует продукцию ковенской мельницы, поскольку старостой города был вельможный магнат Альберт (Альбрехт) Радзивилл герба „Трубы”²¹⁰. Массовое распространение в Литве эта бумага получила в конце XVI века.

Также четыре гербовых элемента объединяет в себе „Лодзь” – филигрань на „папере” мельницы села Мялла на левом притоке Нотеци – землях Станислава Гурки²¹¹. Ему же принадлежал „млын” под Буском на Буге, также использовавший родовой герб в водяных знаках, но только до 1588 года²¹².

Знаменитая „Погонь” – всадник на коне – фигурирует на ковенской бумаге. Хотя Я. Синярска-Чаплица связывает эту филигрань с гербом старо-

²⁰⁵ См.: J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 273.

²⁰⁶ W. Budka, *Papiernie w Młodziejowicach*, [w:] *Studia nad książką poświęcone pamięci K. Piekarskiego*, Wrocław 1951, s. 199-210; J. Siniarska-Czaplicka, *Filigраны papierni...*, s. 18.

²⁰⁷ *Średniowieczne znaki wodne*, s. 6.

²⁰⁸ J. Siniarska-Czaplicka, *Filigраны papierni...*, s. 8.

²⁰⁹ *Ibidem*, s. 16.

²¹⁰ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 83-84.

²¹¹ J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 268.

²¹² *Ibidem*, s. 263.

сты Яна Ходкевича²¹³, справедливее и точнее представляется мнение В. Будки, заметившего, что подтверждение привилегии на деятельность ковенского „млына” исходило от самого Стефана Батория. Такой особый статус, видимо, давал мельнице полномочия метить бумагу государственным гербом ВКЛ, а не персональным старосты, тем более что сам Ходкевич носил герб „Косьцеша”, а не „Погонь”²¹⁴.

Бумага с ВЗ „Ястжембец” уже упоминалась выше как продукция мельницы в селе Оклесьна под Хшановом – собственности краковского епископа Петра Мышковского. Но бумагу с той же филигранью производила также „паперня” в Почесной на Варте на землях олыштинского староства, и различить эти ВЗ весьма трудно²¹⁵.

Филигрань „Побуг” с вписанной в подкову буквой „S” считается очень редкой. Единственное, что могут сказать о ней специалисты, сводится к предположению: „папер” в этом ВЗ черпался на землях Великого княжества Литовского²¹⁶.

Обобщение приведенной информации выявляет любопытную картину. Большая часть бумаги, используемой в ЛС-1, была произведена на мельницах окрестностей Кракова (80 %), а также расположенного поблизости Мнишека. Казалось бы, далековато от места печатной деятельности Мамоничей... Однако общее положение дел было таковым, что во всей Речи Посполитой в это время подавляющее большинство бумажных мельниц (около 84 %) функционировало на землях Польши²¹⁷, а из сорока „паперных млынов”, действовавших в Короне, по меньшей мере 13²¹⁸ находилось под Краковом²¹⁹ (все за исключением Старчинова в радиусе четырех миль от города), а еще 12 – на нестоличных территориях Малой Польши²²⁰. Краковская бумажная продукция расходилась по всей Короне, а главными направлениями экспорта были: ВКЛ, Московское государство и Венгерское королевство²²¹.

Удельный вес краковской продукции в ЛС-2 снижается до 11 %, а главными поставщиками бумаги для братьев-типографов становятся Узда под Минском и Ловчице под Львовом (80 %) – т. е. великокняжеские территории.

²¹³ J. Siniarska-Czaplicka, *Filigrany papierni...*, s. 17.

²¹⁴ Приводится по: J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 274.

²¹⁵ Ibidem, s. 260.

²¹⁶ J. Siniarska-Czaplicka, *Katalog filigranów...*, s. 22.

²¹⁷ Ibidem, s. 319.

²¹⁸ Фр. Пекосиньский полагает, что было их больше, поскольку еще в 1557 году количество цехов краковских „паперников” составляло 20 (*Średniowieczne znaki wodne*, s. 7).

²¹⁹ Окрестности Кракова богаты мелкими речками, очень удобными для бумажного производства.

²²⁰ J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 318.

²²¹ Ibidem, s. 315.

Наконец, 3-е издание в основном делается на местной литовской бумаге, на три четверти изготовленной на „паперне” Мамоничей в Повильно.

Представленная таким образом динамика подвижек бумажной базы Статута – закреплённость сырьевых источников его изданий за определёнными, смещающимися на северо-восток зонами, – свидетельствует не только об изменениях в торговых связях виленских „друкарей”, но и иллюстрирует важное и показательное для того времени устремление. География поиска Мамоничами бумажных ресурсов даёт возможность проследить этапы развертывания в ВКЛ собственного „паперного” производства.

На представленной ниже карте отмечены „бумажные” центры Речи Посполитой конца XVI века. Рамками, обозначенными литерами А, В и С, выделены регионы, „паперни” которых произвели до 80 % бумаги, использованной Мамоничами соответственно в 1-м, 2-м и 3-м изданиях Литовского Статута [репр. 53].

Данные нашего исследования не столько подтверждают статистику Я. Синярской-Чаплицкой – в Вильно во второй половине XVI века использовалось 34 % местной бумаги и 48 % привозной со всей территории Речи Посполитой²²² – сколько уточняют датировку показанной пропорции. Такое соотношение могло сложиться только к концу столетия, когда процессы, прослеживаемые при анализе бумаги Статута, обрели полную силу.

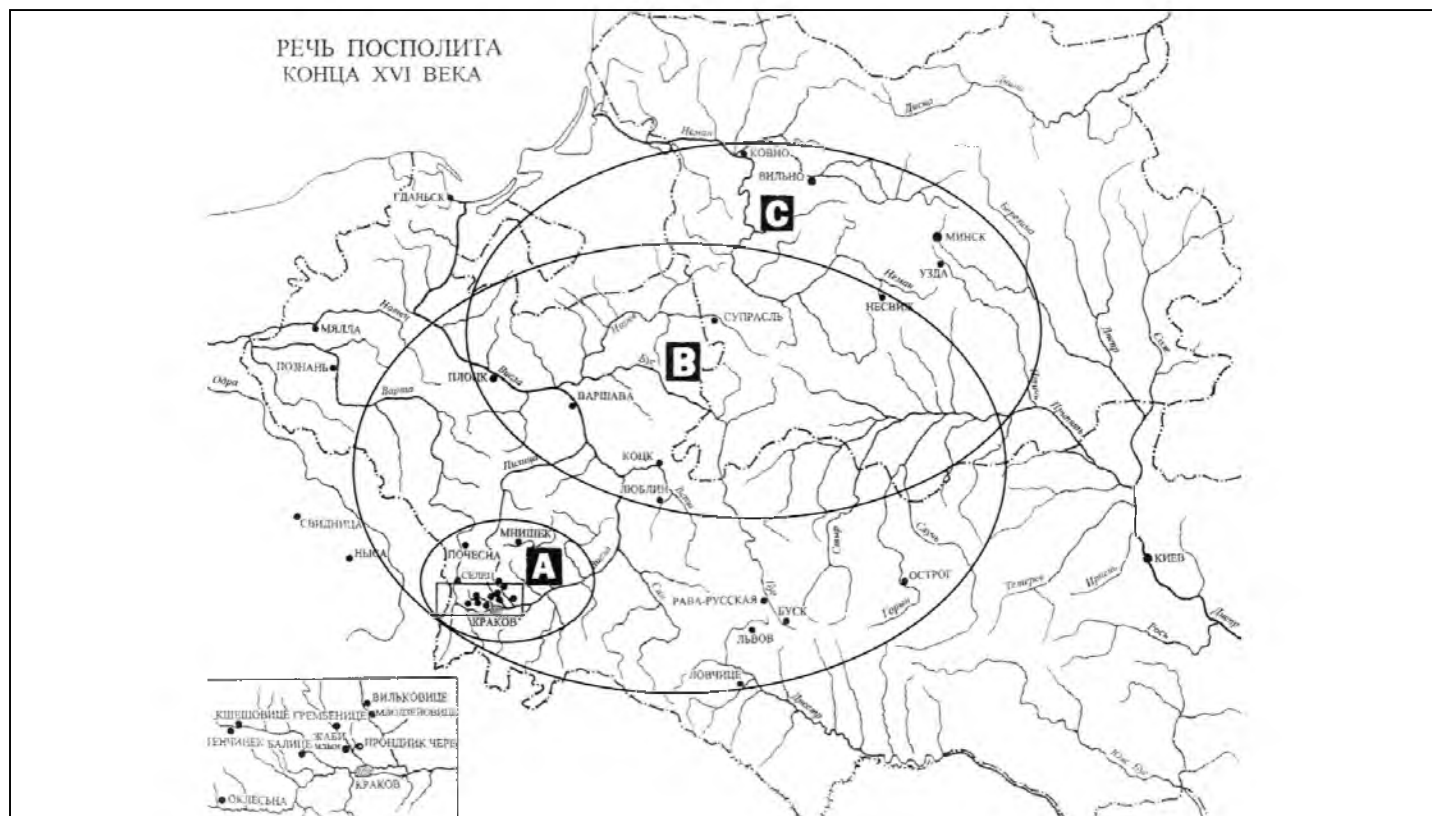
Подводя итоги анализу, отметим, что структура каждого из пяти бумажных „комплектов” ЛС показывает, что „папер”, употребленный для печати, представлял в перемешку продукцию разных мельниц данного региона. Это может быть связано только с оптовыми покупками и одновременной доставкой сырья. Дополнительным аргументом в пользу такого соображения могут служить многочисленные факты использования в книгах кодекса единичных листов бумаги с ВЗ какой-либо мельницы, – покупать отдельные образцы „папера” просто не имело смысла²²³.

В ходе исследования неоднократно ловил себя на мысли, что доводы филолиграноведения могут способствовать локализации неопознанных „млынов”: если львиная доля бумаги для издания приобретается в конкретном регионе, то и место производства неидентифицированного „папера”, представленного к тому же в очень незначительном количестве, целесообразнее искать здесь же. Материал Статута подтверждает, напр., предположения В. Будки о краковском происхождении бумаги с ВЗ „Рава” и „Темпа подкова”²²⁴. Та же логика применима и к случаям с двоякой или спорной интерпретацией местоположения мельниц.

²²² J. Siniarska-Czaplicka, *Papier źródłem badań...*, s. 136.

²²³ В других изданиях той поры, выпшедших из типографии Мамоничей, бумага с этими „редкими” ВЗ не использовалась.

²²⁴ См.: J. Dąbrowski, J. Siniarska-Czaplicka, *Rękodzieło papiernicze*, s. 260.

Репр. 53: Карта Речи Посполитой конца XVI в. Буквами А, В и С обозначены регионы, в которых черпалась бумага, использованная для печати ЛС соответственно первого, второго и третьего изданий

III.6. О причинах переизданий Статута

Уже первые исследователи Статута, заметившие, что экземпляры кодекса между собой разнятся, и подтвердившие таким образом факт наличия нескольких изданий, ставили вопрос о причинах перепечатки. Интригу подогревало очевидное и демонстративное старание типографов во всех мелочах следовать первопечатному образцу, т. е. создавать его довольно точные копии; а в том обстоятельстве, что на экземплярах ЛС – какой бы набор они не представляли – против обыкновения отсутствовала дата выхода книги из „друкарни”, можно было усматривать какой-то преднамеренный умысел.

О подоплеке появления „завуалированных” типографами переизданий первым взялся судить И. Н. Данилович. По его мнению, Мамоничи перепечатывали Статут, руководствуясь экономическими основаниями – для получения прибыли от ходового книжного товара, при этом действовали „za-pewne na zysk własny mimo wiedzy i upoważnienia kanclerza Sapiehy”²²⁵.

Немногим позже была высказана и, как увидим, получила распространение иная точка зрения, признающая в качестве главных политические мотивы переизданий. Вот что на этот счет писал в конце 30-х гг. XIX в. автор, скрывшийся под псевдонимом Дедин: „Нигдѣ не видно, чтобы послѣ 1588 года Польскимъ Правительствомъ давалось дозволеніе на печатаніе Статута по Русски; но нѣкоторыя разности, какъ въ бумагѣ, такъ и въ самыхъ буквахъ сохранившихся экземпляровъ, убѣждаютъ, что подъ симъ годомъ онъ нѣсколько разъ перепечатывался; время же изданія каждаго изъ нихъ не составлялось, вѣроятно, по трудности получить привилегію, или же и совершенно по недозволенію на то Правительства, имѣвшаго цѣлю сдѣлать Польскій языкъ въ Судопроизводствѣ повсемѣстнымъ”²²⁶.

Это объяснение доминировало в науке на протяжении нескольких десятилетий. Так, еще в конце XIX в. А. Ф. Кистяковский замечал: „по крайней мѣрѣ по очень вѣроятнымъ догадкамъ, открытая перепечатка его [Статута – В.М.] на русскомъ языкѣ встрѣчала препятствіе со стороны польскаго правительства”²²⁷. С украинским правоведом вполне соглашался белорусский археограф С. В. Шолкович: „Очень можетъ быть, что онъ [Статут – В.М.] нѣсколько разъ перепечатывался, но всякій разъ выставлялся 1588 годъ, такъ какъ только это изданіе было напечатано по распоряженію короля Сигизмунда III, а послѣ 1588 года польское правительство, по-видимому, не давало дозволенія на печатаніе Статута по-русски, намѣреваясь ввести въ

²²⁵ I. Daniłowicz, *Historyczny rzut oka...*, s. 85.

²²⁶ Д[ѣдинъ], *О Литовскомъ статутѣ*, с. 383.

²²⁷ А. Ф. Кистяковский, *Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ*, с. 32-33.

судопроизводство польскій языкъ”²²⁸. О сложностях в получении привилегии, но не только с учетом политической конъюнктуры, говорил тогда же польский историк В. Побуг Гурский: „przy wyrobieniu przywileju Królewskiego na nowe wydania musiały być pewne trudności a nawet może i koszta”²²⁹.

У последующих исследователей тезис, ставящий „тайные” переиздания Статута в зависимость от новой королевской привилегии, стал вызывать возражения. В оценке И. И. Лаппо, Мамоничам не нужно было получать никаких новых разрешений от Сигизмунда III. „По смыслу привилея отъ 11 февраля 1588 года, – писал ученый, – Левъ Сапѣга сталъ полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ печатанія Третьяго Литовскаго Статута. Онъ могъ выпустить столько изданий его, сколько самъ признаетъ нужнымъ, и въ такомъ количествѣ экземпляровъ, которое будетъ представляться ему желательнымъ. [...] Изданіе Литовскаго Статута 1588 года было отдано цѣликомъ въ руки Льва Сапѣги, притомъ безъ ограниченія его прав ни опредѣленнымъ числомъ изданий и экземпляровъ, ни опредѣленнымъ временемъ. Сапѣга становился полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ изданія Статута въ печати на всю дальнѣйшую жизнь, вплоть до отмѣны выданнаго ему привилея. Отмѣны же этой не послѣдовало до смерти Льва Сапѣги”²³⁰.

На поверку не столь прямолинейным и насильственным оказывалось и воздействие на ситуацию в ВКЛ польского „Правительства”. Процесс полонизации великокняжеского судопроизводства, действительно, наблюдался в конце XVI столетия, его существенно активизировали административно-судебные реформы 1564-1566 гг., сориентированные на изменения структур власти по польским образцам²³¹. Одним из проявлений ориентации на Корону было проникновение польского языка в судебные документы ВКЛ: изначально все ограничивалось модой подписываться латиницей, потом польский язык стал все чаще гостить в текстах самих актов – сначала при записи показаний участников процесса, говоривших по-польски; потом в форме устойчивых штампов, воспроизводивших стандартные юридические обороты; наконец, весь текст – за исключением кратких формул зачинов и концовок (напр., *Лета Божого нароженья...*; *На вrade передо мной очевисто ставиши...*; *... которое то оповеданье до книг есть вписано*²³²) составлялся по-польски. Однако полонизация носила характер естественного явления, протекала без заметного натиска польской стороны. Постановле-

²²⁸ См.: *Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло...*, с. 492-493.

²²⁹ W. Pobóg-Górski, *Dodatek do bibliografii Statutu Litewskiego*, „Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny” 1881, t. II, nr 18 i 19, s. 275.

²³⁰ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 312-313.

²³¹ См.: R. Trimonienė, *Polonizacja*, [w:] *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego. Analizy i obrazy*, Kraków 2006, s. 547; E. Gudavičius, *Prawodawstwo*, [w:] *ibidem*, s. 572.

²³² См. акты Литовской метрики.

ние же сейма об уравнивании прав ВКЛ и Польского королевства, в соответствии с которым вместо „русской мовы” в государственных учреждениях ВКЛ официально вводился польский язык²³³, было принято лишь в 1697 г.²³⁴, когда утверждение „*pisarz po Polsku, a nie po Rusku pisać powinien będzie*” могло служить не больше, чем констатацией уже свершившегося факта.

Оговоренное выше несогласие И. И. Лаппо с господствующим тогда мнением о причинах переизданий Статута не ограничилось только критикой. Отстаивая свою гипотезу одновременного выпуска кодекса, профессор обратился к разноплановым аргументам, главные из которых были изложены на с. 87-88 нашей монографии. И хотя сама концепция И. И. Лаппо в итоге оказалась ошибочной, некоторые доводы ученого, приводимые в ее пользу, послужили основой для последующих теорий, объясняющих мотивы переизданий.

Утверждение, будто „перепечатка Статута Мамоничами тайкомъ отъ государственной власти [...] въ дѣйствительности была безусловно невозможна”²³⁵, подкрепляется у И. И. Лаппо ссылками на то обстоятельство, что „... новое издание этого текста, получившаго санкцію Сигизмунда Вазы, какъ великаго князя литовскаго, на государственномъ языкѣ Великаго Княжества Литовскаго, было несвоевременно. Съ самаго начала девяностыхъ годовъ XVI столѣтія начались попытки его исправленія. [...] Но работа сразу пошла неудачно²³⁶, затянулась, и въ концѣ концовъ Великое Княжество Литовское такъ и не увидѣло ея окончанія вплоть до самаго прекращенія своего существованія какъ государства. [...] Въ виду начатыхъ работъ по исправленію Статута, которыхъ завершениа Левъ Сапѣга ожидалъ до самой своей смерти [...] онъ, конечно, не могъ повторять изданія Статута

²³³ Это законоположение, известное как „*Coequatio iurium stanów Wielkiego Xięstwa Litewskiego z Koroną Polską...*” (см.: *Volumina legum*, t. V, Petersburg 1860, s. 417-421) приводилось в польскоязычных изданиях Статута 1698, 1744, 1780 и 1786 гг.

²³⁴ См.: J. Malec, *Coequatio iurium stanów Wielkiego Xięstwa Litewskiego z Koroną Polską w 1697 r.*, „*Acta Baltico-Slavica*”, t. 12, 1979, s. 210-211; G. Sliesoriūnas, *Sejmiki nowogrodzkie w okresie bezkrólewia 1696/1697 r. a nadanie językowi polskiemu statusu urzędowego w Wielkim Księstwie Litewskim*, [w:] *Między Zachodem a Wschodem*, pod red. J. Staszewskiego i in., Toruń 2002, s. 209-214.

²³⁵ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 207.

²³⁶ В научных трудах многократно воспроизводился следующий фрагмент из переписки Льва Сапегы с троцким воеводой Николаем Криштофом Радзивиллом („Сироткой”): „*porządę statutową łatamy, mamy trudności, dosyć jest upartych a nierozsądnych kilka, że na tem wszystko zasadzili aby jeno przeczyli i najlepszej rzeczy, a czasem i sami nie rozumieją czego chcą, i kiedy ich pytam, jak to chcesz mieć, to powiada i sam tego nie mogę wymówić jako rozumiem: a wiesz cię zły duch jako ja to mam pojąć twoją fantazją, kiedy ty sam nie umiesz o niej powiedzieć; owa tak mi się uprzykrzyło za ten krótki czas, że i sam o sobie wątpię, abych im dotrwał*” (письмо от 9 февраля 1592 г. – *Archiwum domu Radziwiłłów*, s. 212-213).

1588 года въ его вполнѣ официалномъ видѣ”²³⁷. Таким образом, „русский” текст кодекса не перепечатывался, по мнению И. И. Лаппо, потому, что производилась его „поправка”, а Сапега, сделавший „это изданіе на свои личныя средства, но и съ сохранением за собою дохода отъ продажи его экземпляровъ”²³⁸, не видел возможности вновь издавать текст, который официально был отдан в исправление.

В ситуации, когда „русские” экземпляры ЛС быстро разошлись, нужда в книгах кодекса год от года становилась все более настоятельной. „Прекраснымъ выходомъ изъ создавагося положенія было изданіе польскаго перевода Статута, который, какъ переводъ, а не официальный текстъ на государственномъ языкѣ ВКЛ, можно было напечатать, не считаясь съ тѣмъ, что кодексъ официално признается въ процессѣ «поправки»”²³⁹. Но и здесь дело сначала не заладилось, о чем свидетельствуют сетования Льва Сапегы, изложенные в письме к Криштофу Радзивиллу („Пёруну”): „... chciałbym go (statut) i po polsku wydać, ale kiedy bym miał de verbo ad verbum go przełożyć wedle ruskich słów i sentencyj, bardzo by było nie grzecznie, a inaczej nie śmiem, to jest, żebych słów ani sentencyj nie obserwował, jeno sensu”²⁴⁰. Но главное препятствие в издании польского текста Статута И. И. Лаппо видел все-таки не в сложностях перевода и необходимости редакционной правки правовых статей. Как известно, кодекс „рѣзко измѣнилъ условія «уніи» ВКЛ съ Польшею въ тѣхъ статьяхъ ея акта 1569 года, на которыхъ такъ энергично настаивали поляки на Люблинскомъ сеймѣ. Онъ въ самой категоричной формѣ установилъ самостоятельное значеніе государства Великаго Княжества Литовскаго съ его «родичами» и «тубыльцами», т. е. съ «народомъ» литовско-русскимъ. Въ ближайшіе годы послѣ утвержденья Статута 1588 года издавать польскій переводъ его не было удобно, ибо онъ, распространяясь въ Польшѣ, могъ поднять много шума въ ея шляхетской массѣ своими артикулами, отмѣняющими для ВКЛ именно тѣ статьи Люблинской Уніи, которыхъ особенно добивались поляки какъ накануне Люблинскаго сейма, такъ и на немъ самомъ, во время своихъ препирательствъ съ литовско-русскими представителями. [...] Совершенно инымъ было положеніе, когда прошли уже шестнадцать лѣтъ послѣ утвержденья Третьяго Литовскаго Статута. Страсти поулеглись, а завоевательная война съ ослабѣвшею отъ Смуты Москвою, война Сигизмунда III со Швеціею и внутреннее положеніе Польши того времени заставляли ее не обострять

²³⁷ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 209-210

²³⁸ Там же, с. 213. Для подтверждения правоты своих слов ученый ссылается на концовку обращения „Ко всемъ сословіямъ ВКЛ”, где подканцлер от первого лица заявляет: **коштѣ и накладѣ своего не жалѣючи, абыхъ то в дрѣкѣ подаль...** (об. л. 7 ЛС).

²³⁹ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 210.

²⁴⁰ *Archiwum domu Radziwiłłów*, s. 195.

своихъ отношеній къ «Литвѣ», которая совѣмъ не была тогда расположена дѣлать уступки своимъ «сусѣдамъ» полякамъ, ибо никакихъ опасностей тогда ея государству не грозило. Теперь дать въ руки полякамъ польскій переводъ Литовскаго Статута было вполне своевременнымъ, чтобы они получили возможность ознакомиться съ дѣйствующимъ литовско-русскимъ кодексомъ»²⁴¹.

Это утверждение И. И. Лаппо, увидевшего сдерживающий фактор польскоязычной перепечатки Статута в большой межгосударственной политике, было принято Ф. Ильяшевичем, но использовано с иной, нежели у профессора, заданностью. В Статуте 1588 г., писал белорусский исследователь, Лев Сапега „nie umieścił «pactów» Unji Lubelskiej, które ograniczały prawa W. Ks. Litewskiego. To, rzecz jasna, wzbudzało podejrzenia Korony, która należała na króla i ten mógł nie pozwolić na przedrukowanie Statutu. Opozycja W. Ks. Litewskiego mogła się chwycić sposobów nielegalnych, znajdując w osobie Ł. Mamonicza swego współwyznawcę»²⁴². Речь в данном случае идет о переизданиях не переводного, а оригинального – „рускомовного” – текста.

Позже такое же объяснение генезиса перепечаток приняли польские библиографы и библиологи. Так, еще в середине XX ст. А. Кавецка-Грычова, говоря о „тайных” изданиях кодекса, видела их зависимость от „znanego stanowiska króla i szlachty w stosunku do redakcji Statutu nie uwzględniającej niektórych postanowień Unii lubelskiej»²⁴³. Спустя полвека нечто подобное утверждали также Д. Бухвальд-Пэльцова²⁴⁴ и З. Ярошевич-Переславцев²⁴⁵. В справедливости же такой позиции усомнился варшавский правовед А. Закшевский, который со ссылкой на содержание королевских привилегий²⁴⁶, констатировал: „Widać więc, że monarcha z treścią kodeksu godził się. Choć – zapewne – bez entuzjazmu»²⁴⁷.

²⁴¹ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 210.

²⁴² Т. Илjaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów...*, s. 69.

²⁴³ А. Kawecka-Gryczowa, *Katalog starych druków...*, s. 103.

²⁴⁴ См.: Р. Buchwald-Pelcowa, *Cenzura w dawnej Polsce*, Warszawa 1997, s. 56.

²⁴⁵ См.: Z. Jaroszewicz-Pieresławcew, *Druki cyrylickie z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego...*, s. 73.

²⁴⁶ „Przeciw – przemawia brzmienie przywileju z 11 lutego 1588 r. dla podkanclerzego литовского Лва Сапегы: «magnifico Leoni Sapieha legum sive statutorum Magni Ducatus Lithuaniae idiomatitus Polonico et Ruthenico typis excudendi et in lucem edendi curam committendam esse duximus». Przeczy powyższemu pogładowi również wcześniejszy przywilej konfirmacyjny z 28 stycznia 1588 r., kończący krakowski sejm koronacyjny. Król wprowadzał nim kodeks w życie, zastrzegając: «wszakże ten Statut nowo poprawiony związkom i spisom Uniej niwczym przeciwnym być i nie szkodzić i ubliżać nie ma» (A. B. Zakrzewski, *Lew Sapieha a kodyfikacja prawa litewskiego*, s. 73-74).

²⁴⁷ Ibidem, s. 74.

Дальше всех в отказе от поисков политической подоплеки переизданий кодекса пошел литовский статутвед В. Рауделиюнас, но предлагаемое им объяснение первопричины перепечаток выглядит как довольно уклончивое: „Появление трех изданий Статута следует объяснять не какими-либо политическими мотивами, а потребностями тогдашнего общества, которое испытывало острую нужду в экземплярах нового кодекса”²⁴⁸.

В ряде работ, увидевших свет в последние десятилетия, высказывались мнения относительно отдельных аспектов затронутой в этом подразделе проблематики.

Так, А. С. Зернова сосредоточила внимание на вопросе, могли ли Мамониичи перепечатать Статут без согласия Льва Сапеги? Усматривая „в Мамониичах не любителей книги, а предпринимателей”, ставивших на первое место сбыт²⁴⁹, исследовательница тем не менее полагала, что виленские братья не отважились бы действовать самовольно. Она считала, что помимо всего прочего канцлер „принимал и материальное участие в делах типографии; в ее изданиях употреблялась бумага, выделанная на его мельницах, что доказывается водяным знаком с гербом Сапеги”²⁵⁰. В более поздней статье московская ученая высказывалась менее категорично: „Материальные отношения между Мамониичами и Сапегой неясны: как делился доход за проданные экземпляры, требовалось ли согласие Сапеги на напечатание повторных изданий Статута, – на эти вопросы определенного ответа пока нет”²⁵¹.

Обращение А. С. Зерновой к бумажной стороне дела не могло не остаться без оценки главного специалиста в этой области – Э. Лауцявичюса. Не согласившись с мнением московской исследовательницы, вильнюсский филолог-гравировед не преминул внести уточнение: герб Лис „в Литве того времени имели несколько дворянских семей, в том числе и Лука Мамониич. В конце XVI в. в Вильнюсе все три бумажные мельницы Мамониичей изготавливали бумагу, на которой рядом с семейным гербом Сапег Лис ставили инициалы и полный титул канцлера Литвы Л. Сапеги”²⁵². Нашлись возражения и против другого тезиса А. С. Зерновой: „в 1588-1607 гг. Л. Сапега ни в Вильнюсе, ни в своих имениях не имел бумажных мельниц. Напротив, управляющие имениями Л. Сапеги для канцелярских нужд приобретали бумагу у купцов”²⁵³.

²⁴⁸ V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidimai...*, s. 155.

²⁴⁹ А. С. Зернова, *Типография Мамониичей в Вильне*, с. 205.

²⁵⁰ Там же, с. 191.

²⁵¹ А. С. Зернова, Т. С. Горбунов, *Книгопечатание в Белоруссии XVI-XVII вв.*, [в:] *Четыреста лет русского книгопечатания*, т. I, Москва 1964, с. 105.

²⁵² Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 153.

²⁵³ Там же, с. 153-154.

К давнему вопросу о мере значимости для переизданий кодекса королевского „привилія” возвратился А. А. Анушкин, полагавший, что этот документ во многих случаях „имел характер заурядного регистрационного акта, а не привилегии в полном смысле этого слова. [...] Выдав Мамоничам привилегию в 1586 году, король в 1588 году, по существу, аннулировал ее своим разрешением Сапеге на право печатания Статута. Так что Мамоничи печатали Статут уже по привилегии Сапегі”²⁵⁴.

Таким образом, как показывает представленный обзор, в истории разработки вопроса о поводах переизданий кодекса толкования исследователей осуществлялись в рамках трех направлений. Одно из них, усматривающее первопричину перепечаток в насущной потребности в Статуте тогдашнего общества, принимается как аксиома. Не только „друкарня” Мамоничей, но и все типографии ВКЛ вместе взятые при максимальном напряжении своих мощностей не смогли бы обеспечить воплощения в жизнь замысла Сапегі, мечтавшего о временах, когда Статут *в рѣкахъ своихъ кожды’ коли похочеть мети* мог бы²⁵⁵. В споре двух направлений – сторонников меркантильной аргументации, признающих, что Мамоничи возобновили издания ЛС для увеличения собственной прибыли, и их оппонентов, видевших за перепечатками кодекса широкий спектр политических оснований, – победитель пока не выявлен.

В дополнение к доводам, высказанным другими исследователями, приведем ряд своих аргументов, которые в какой-то мере усиливают позиции приверженцев экономической мотивации, но тем не менее не являются определяющими.

В пользу прагматических причин переизданий свидетельствуют некоторые личностно-биографические данные из жизни творцов Статута – как текста кодекса, так и типографского продукта.

Фигура Льва Сапегі – а именно она занимает центральное место в политических интерпретациях переизданий – представляется слишком масштабной, чтобы связывать ее с незначительной в общем-то подделкой, каковой было „доукомплектование” книги во 2-м ее издании. Тем более, что уже в это время, т. е. в начале 90-х годов, перед канцлером, как уже отмечалось, стояла задача очередной „поправки” Статута. И хотя работа продвигалась с трудом²⁵⁶, надежда на ее окончание, видимо, еще оставалась, а, следовательно, перспектива свода законов 1588 года в прежней редакции – без „корректуры прав” – могла выглядеть сомнительной. Что касается 3-го издания ЛС, увидевшего свет в 1600 году, то не следует упускать из виду, что

²⁵⁴ А. Анушкин, *Во славном месте Виленском*, с. 75.

²⁵⁵ Фрагмент из „Обращения ко всем сословиям” (об. нн. л. 8 церемониальной части ЛС).

²⁵⁶ См. выдержку из письма Л. Сапегі к Николаю Криштофу Радзивиллу (ссылка 236 на с. 184 настоящей монографии).

на протяжении нескольких месяцев канцлера вообще тогда не было в Вильно: он возглавлял польское посольство, направленное в Москву для заключения очередного „вечного” мира²⁵⁷.

Если Лев Сапега не видится в роли инициатора перепечаток ЛС, коли таковые были мотивированы исключительно жадой прибыли, то „почтенные”, в оценке И. И. Лаппо²⁵⁸, виленские граждане Мамоницы вполне могли пойти на такое ухищрение. На это указывает как практика их типографской деятельности²⁵⁹, так и некоторые отзывы современников об личностных качествах братьев. Достаточно вспомнить освещенные выше факты их неблагодарного расставания с Петром Мстиславцем и закулисное „приглашение” в Вильно Грыня Ивановича. Не менее убедительные сведения о Мамоницах дают *Акты виленских судов* конца XVI – начала XVII столетий. В XX томе этого сборника „врядовых” документов скarbный ВКЛ Лука является отнюдь не последним действующим лицом. Он обвиняется в клевете (акт 54: „gdzie przed kim i kiedy sam mowił, aby od tego Sebastiana złotnika pan woyt miał wziąć kilka set złotych podarku od dekretu, a pani małżonka iego złote noszenie kleynot”) и присвоении чужой собственности (акт 103: „взявши о томъ замордованью того небощыка пана Павъла Ферара, старосты Вишупьского, ведомость, самъ дей особую своею з многими помочниками и слугами своими [...] маетьность дей небощыковъскую всю ..., все отъ мала и до велика на себе его милость панъ скarbный забралъ”); препятствует исполнению решений суда о конфискации имущества за долги (акт 113: „декретови трибунальскому [...] спротивяється, и увезаня не поступать, чынечи великую зволоку и шкоду [...] надъ ясное право”); провоцирует избиение судебных поверенных (акт 156: „тогда выросткове пана скarbного зъ росказаня и подбущеня его пана скarbного и паней скarbной награвали ихъ и до нихъ се бити ихъ порывали [...] кийми збили и зранили. Самъ же панъ скarbный вышодшы на кганокъ зъ избы волаць веливши ихъ имъ бити въ тые слова: добрешъ ихъ, добре”)²⁶⁰.

Некоторых уточнений заслуживает также критическая оценка гипотезы, будто Сапега принимал материальное участие в делах типографии, на что указывало бы употребление в Статуте бумаги, отмеченной водяным знаком с гербом канцлера, а, точнее, основным компонентом этого герба – „Лисом”. В ВКЛ того времени практиковалось, что „przy indygenatach przyjmowała po

²⁵⁷ См.: К. Tyszkowski, *Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie 1600 r.*, Lwów 1927, s. 13.

²⁵⁸ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи...*, с. 207.

²⁵⁹ Так, по наблюдениям А. С. Зерновой, больше половины книг, вышедших из „друкарни” Мамоницы в первой половине 90-х годов, являются анонимными, т. е. не несут сведений о типографии, месте и времени выхода. „Ряд изданий они напечатали по два-три раза, причем датировали только одно” (А. С. Зернова, *Типография Мамоницы в Вильне*, с. 197).

²⁶⁰ *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. XX.

Репр. 54: Шляхетский герб Луки Мамонича

prostu stara szlachta nowego do swego herbu”²⁶¹. Так и Лука Мамонич перед 1593 годом вместе со шляхетством получил от своего покровителя право на использование „Лиса” в своем достаточно скромном гербе (его изображение видим в издании *Псалтири* 1593 года – сам знак на гербовом щите, над гербом слева и справа – инициалы Луки Мамонича, см. репр. 54). С середины 90-х годов „Лис” отмечает бумагу мельницы в Повильно, принадлежавшей Мамоничам, а не канцлеру. Трудно было бы вообще ожидать, что „друкарский” промысел вносил какой-либо вклад в благосостояние одного из самых могущественных магнатов Великого княжества Литовского. Во всяком случае хозяйственная

книга канцлера, достаточно тщательно фиксирующая поступления и расходы, денежных сумм прихода, связанных с типографской деятельностью, не упоминает вовсе²⁶².

Хотя в трактовке причин переизданий ЛС приводимая нами аргументация служит исключительно меркантильной концепции, отдаем должное солидности доводов сторонников политических мотивов переизданий кодекса. Получается, что учет резонов каждой из сторон не воспринимается еще как истина в последней инстанции. А, значит, главные аргументы еще не найдены.

²⁶¹ A. Brückner, *Encyklopedia staropolska*, t. I, Warszawa 1990, s. 433.

²⁶² См.: S. Inglot, *Sprawy gospodarcze Lwa Sapiehy 1588-1607*, [w:] *Studia z historii społecznej i gospodarczej poświęcone prof. Dr Fr Bujakowi*, Lwów 1931, s. 165-226.

III.7. „Польские” листы в старопечатных экземплярах Литовского Статута

Знакомство с сохранившимися книгами кодекса выявляет еще одну – не оговоренную выше – загадку: присутствие в некоторых из них двух листов – титульного и последнего, не имеющих отношения к типографии Мамоновичей. Подделки достаточно точно имитируют первопечать²⁶³, но представляют собой оттиски, изображение которых снято с рукотворных копий. При этом копия осуществлена на старой бумаге, мало чем отличающейся от использованной в Статуте. Возможно, если бы эти листы оказались только в одном – первом из попавших мне в руки экземпляров кодекса (а это была книга из фондов Ягеллонской библиотеки), потратовал бы увиденное только как любопытный образец самодельной реставрации. Но мой интерес подогревало то обстоятельство, что при знакомстве с очередными экземплярами Статута, правда, хранящимися исключительно в Польше, я раз за разом обнаруживал те же самые литографии: в кодексах из краковских Библиотек – помимо Ягеллонской еще Чарторийских и Чапских, а также варшавской Публичной²⁶⁴ [см. репр. 55 (в увеличенном размере продублирована также на с. 214) и 56].

Получалось, что кто-то предположительно в Польше в давние времена занимался „доукомплектованием” книг кодекса, делал это кустарным образом, но с размахом.

Внимательное рассмотрение подделок дает очень мало „зацепок” для начала исследования. Воспроизводимый на страницах оригинала текст переносился на копию посредством обводки букв на просвет, графические же изображения прорисовывались лишь в основных элементах (напр., по контуру), в остальном же – судя по мелким расхождениям и четкости линий – наносились „на глаз”, но с соблюдением верности оригиналу.

При этом копировщик не очень вдумывался в смысл текста, поскольку не знал „русской мовы” Статута. На рукотворном титульном листе имеется несколько ошибок, мы выделили их – равно как примеры правильного набора – подчеркиванием:

Ѓ наласне^ешего ... жик^игмон^ьта (в печатном оригинале) – **Ѓ наласне^ешего ... жик^игмон^ьта** (в копии)

²⁶³ В научной литературе они даже приводились как образец печати XVI века (см.: *Rękopis a druk*, s. 321).

²⁶⁴ Краков, Ягеллонская библиотека, шифр Cīm. 8428: листы титульный и последний; Краков, Национальный музей, собр. Чапских, шифр MNK.XVI.167: титульный лист; Краков, Национальный музей, собр. Чарторийских, шифр XVI.1270/III: листы-вкладыши титульный и последний; Варшава, Публичная библиотека, шифр XVI.F.6: листы титульный и последний.

$\bar{A} \Phi \Pi H$

Мнѣ ꙗкоже ꙗвилъ ѿ шестыи днѣмъ .
 Христоу ꙗкоже ꙗвилъ ѿ шестыи днѣмъ ꙗкоже ꙗвилъ .
 Прѣдъ ѿ шестыи днѣмъ ꙗкоже ꙗвилъ .

ЗАКНИ ИЗЪПЪРНАМАЕМЪ КЪРАМЪ ЕТИ МАТИ.
КОЛОНЪ, ДЪРЪВЪНЪ ВЪДЪНЪ МАМАНИТЪ.

 $\bar{A} \oplus \bar{B} \oplus \bar{C}$

(Faint handwritten notes)

Злосин и запривилбемъ карамъ его мѣтн.
Банипи : дубовано вдрмъ мамонитовъ.

71741948252471 687

[illegible]

ХҮТАЙНУЛАХ АУ
УУХУУНУХ?

441 ¹ ² ³ ⁴ ⁵ ⁶ ⁷ ⁸ ⁹ ¹⁰ ¹¹ ¹² ¹³ ¹⁴ ¹⁵ ¹⁶ ¹⁷ ¹⁸ ¹⁹ ²⁰ ²¹ ²² ²³ ²⁴ ²⁵ ²⁶ ²⁷ ²⁸ ²⁹ ³⁰ ³¹ ³² ³³ ³⁴ ³⁵ ³⁶ ³⁷ ³⁸ ³⁹ ⁴⁰ ⁴¹ ⁴² ⁴³ ⁴⁴ ⁴⁵ ⁴⁶ ⁴⁷ ⁴⁸ ⁴⁹ ⁵⁰ ⁵¹ ⁵² ⁵³ ⁵⁴ ⁵⁵ ⁵⁶ ⁵⁷ ⁵⁸ ⁵⁹ ⁶⁰ ⁶¹ ⁶² ⁶³ ⁶⁴ ⁶⁵ ⁶⁶ ⁶⁷ ⁶⁸ ⁶⁹ ⁷⁰ ⁷¹ ⁷² ⁷³ ⁷⁴ ⁷⁵ ⁷⁶ ⁷⁷ ⁷⁸ ⁷⁹ ⁸⁰ ⁸¹ ⁸² ⁸³ ⁸⁴ ⁸⁵ ⁸⁶ ⁸⁷ ⁸⁸ ⁸⁹ ⁹⁰ ⁹¹ ⁹² ⁹³ ⁹⁴ ⁹⁵ ⁹⁶ ⁹⁷ ⁹⁸ ⁹⁹ ¹⁰⁰ ¹⁰¹ ¹⁰² ¹⁰³ ¹⁰⁴ ¹⁰⁵ ¹⁰⁶ ¹⁰⁷ ¹⁰⁸ ¹⁰⁹ ¹¹⁰ ¹¹¹ ¹¹² ¹¹³ ¹¹⁴ ¹¹⁵ ¹¹⁶ ¹¹⁷ ¹¹⁸ ¹¹⁹ ¹²⁰ ¹²¹ ¹²² ¹²³ ¹²⁴ ¹²⁵ ¹²⁶ ¹²⁷ ¹²⁸ ¹²⁹ ¹³⁰ ¹³¹ ¹³² ¹³³ ¹³⁴ ¹³⁵ ¹³⁶ ¹³⁷ ¹³⁸ ¹³⁹ ¹⁴⁰ ¹⁴¹ ¹⁴² ¹⁴³ ¹⁴⁴ ¹⁴⁵ ¹⁴⁶ ¹⁴⁷ ¹⁴⁸ ¹⁴⁹ ¹⁵⁰ ¹⁵¹ ¹⁵² ¹⁵³ ¹⁵⁴ ¹⁵⁵ ¹⁵⁶ ¹⁵⁷ ¹⁵⁸ ¹⁵⁹ ¹⁶⁰ ¹⁶¹ ¹⁶² ¹⁶³ ¹⁶⁴ ¹⁶⁵ ¹⁶⁶ ¹⁶⁷ ¹⁶⁸ ¹⁶⁹ ¹⁷⁰ ¹⁷¹ ¹⁷² ¹⁷³ ¹⁷⁴ ¹⁷⁵ ¹⁷⁶ ¹⁷⁷ ¹⁷⁸ ¹⁷⁹ ¹⁸⁰ ¹⁸¹ ¹⁸² ¹⁸³ ¹⁸⁴ ¹⁸⁵ ¹⁸⁶ ¹⁸⁷ ¹⁸⁸ ¹⁸⁹ ¹⁹⁰ ¹⁹¹ ¹⁹² ¹⁹³ ¹⁹⁴ ¹⁹⁵ ¹⁹⁶ ¹⁹⁷ ¹⁹⁸ ¹⁹⁹ ²⁰⁰ ²⁰¹ ²⁰² ²⁰³ ²⁰⁴ ²⁰⁵ ²⁰⁶ ²⁰⁷ ²⁰⁸ ²⁰⁹ ²¹⁰ ²¹¹ ²¹² ²¹³ ²¹⁴ ²¹⁵ ²¹⁶ ²¹⁷ ²¹⁸ ²¹⁹ ²²⁰ ²²¹ ²²² ²²³ ²²⁴ ²²⁵ ²²⁶ ²²⁷ ²²⁸ ²²⁹ ²³⁰ ²³¹ ²³² ²³³ ²³⁴ ²³⁵ ²³⁶ ²³⁷ ²³⁸ ²³⁹ ²⁴⁰ ²⁴¹ ²⁴² ²⁴³ ²⁴⁴ ²⁴⁵ ²⁴⁶ ²⁴⁷ ²⁴⁸ ²⁴⁹ ²⁵⁰ ²⁵¹ ²⁵² ²⁵³ ²⁵⁴ ²⁵⁵ ²⁵⁶ ²⁵⁷ ²⁵⁸ ²⁵⁹ ²⁶⁰ ²⁶¹ ²⁶² ²⁶³ ²⁶⁴ ²⁶⁵ ²⁶⁶ ²⁶⁷ ²⁶⁸ ²⁶⁹ ²⁷⁰ ²⁷¹ ²⁷² ²⁷³ ²⁷⁴ ²⁷⁵ ²⁷⁶ ²⁷⁷ ²⁷⁸ ²⁷⁹ ²⁸⁰ ²⁸¹ ²⁸² ²⁸³ ²⁸⁴ ²⁸⁵ ²⁸⁶ ²⁸⁷ ²⁸⁸ ²⁸⁹ ²⁹⁰ ²⁹¹ ²⁹² ²⁹³ ²⁹⁴ ²⁹⁵ ²⁹⁶ ²⁹⁷ ²⁹⁸ ²⁹⁹ ³⁰⁰ ³⁰¹ ³⁰² ³⁰³ ³⁰⁴ ³⁰⁵ ³⁰⁶ ³⁰⁷ ³⁰⁸ ³⁰⁹ ³¹⁰ ³¹¹ ³¹² ³¹³ ³¹⁴ ³¹⁵ ³¹⁶ ³¹⁷ ³¹⁸ ³¹⁹ ³²⁰ ³²¹ ³²² ³²³ ³²⁴ ³²⁵ ³²⁶ ³²⁷ ³²⁸ ³²⁹ ³³⁰ ³³¹ ³³² ³³³ ³³⁴ ³³⁵ ³³⁶ ³³⁷ ³³⁸ ³³⁹ ³⁴⁰ ³⁴¹ ³⁴² ³⁴³ ³⁴⁴ ³⁴⁵ ³⁴⁶ ³⁴⁷ ³⁴⁸ ³⁴⁹ ³⁵⁰ ³⁵¹ ³⁵² ³⁵³ ³⁵⁴ ³⁵⁵ ³⁵⁶ ³⁵⁷ ³⁵⁸ ³⁵⁹ ³⁶⁰ ³⁶¹ ³⁶² ³⁶³ ³⁶⁴ ³⁶⁵ ³⁶⁶ ³⁶⁷ ³⁶⁸ ³⁶⁹ ³⁷⁰ ³⁷¹ ³⁷² ³⁷³ ³⁷⁴ ³⁷⁵ ³⁷⁶ ³⁷⁷ ³⁷⁸ ³⁷⁹ ³⁸⁰ ³⁸¹ ³⁸² ³⁸³ ³⁸⁴ ³⁸⁵ ³⁸⁶ ³⁸⁷ ³⁸⁸ ³⁸⁹ ³⁹⁰ ³⁹¹ ³⁹² ³⁹³ ³⁹⁴ ³⁹⁵ ³⁹⁶ ³⁹⁷ ³⁹⁸ ³⁹⁹ ⁴⁰⁰ ⁴⁰¹ ⁴⁰² ⁴⁰³ ⁴⁰⁴ ⁴⁰⁵ ⁴⁰⁶ ⁴⁰⁷ ⁴⁰⁸ ⁴⁰⁹ ⁴¹⁰ ⁴¹¹ ⁴¹² ⁴¹³ ⁴¹⁴ ⁴¹⁵ ⁴¹⁶ ⁴¹⁷ ⁴¹⁸ ⁴¹⁹ ⁴²⁰ ⁴²¹ ⁴²² ⁴²³ ⁴²⁴ ⁴²⁵ ⁴²⁶ ⁴²⁷ ⁴²⁸ ⁴²⁹ ⁴³⁰ ⁴³¹ ⁴³² ⁴³³ ⁴³⁴ ⁴³⁵ ⁴³⁶ ⁴³⁷ ⁴³⁸ ⁴³⁹ ⁴⁴⁰ ⁴⁴¹ ⁴⁴² ⁴⁴³ ⁴⁴⁴ ⁴⁴⁵ ⁴⁴⁶ ⁴⁴⁷ ⁴⁴⁸ ⁴⁴⁹ ⁴⁵⁰ ⁴⁵¹ ⁴⁵² ⁴⁵³ ⁴⁵⁴ ⁴⁵⁵ ⁴⁵⁶ ⁴⁵⁷ ⁴⁵⁸ ⁴⁵⁹ ⁴⁶⁰ ⁴⁶¹ ⁴⁶² ⁴⁶³ ⁴⁶⁴ ⁴⁶⁵ ⁴⁶⁶

ИТЯКЪАЪ 12
 въполнѣ пахнѣи и ари дѣловѣ мѣтѣи
 того мѣтѣи и ари дѣловѣ мѣтѣи
 болѣи ари дѣловѣ мѣтѣи

4.

എന്താണ്?

УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
 БЕЗОПАСНОСТИ

[illegible]

Артында да
мәңгеләк?

1422 ¹ ² ³ ⁴ ⁵ ⁶ ⁷ ⁸ ⁹ ¹⁰ ¹¹ ¹² ¹³ ¹⁴ ¹⁵ ¹⁶ ¹⁷ ¹⁸ ¹⁹ ²⁰ ²¹ ²² ²³ ²⁴ ²⁵ ²⁶ ²⁷ ²⁸ ²⁹ ³⁰ ³¹ ³² ³³ ³⁴ ³⁵ ³⁶ ³⁷ ³⁸ ³⁹ ⁴⁰ ⁴¹ ⁴² ⁴³ ⁴⁴ ⁴⁵ ⁴⁶ ⁴⁷ ⁴⁸ ⁴⁹ ⁵⁰ ⁵¹ ⁵² ⁵³ ⁵⁴ ⁵⁵ ⁵⁶ ⁵⁷ ⁵⁸ ⁵⁹ ⁶⁰ ⁶¹ ⁶² ⁶³ ⁶⁴ ⁶⁵ ⁶⁶ ⁶⁷ ⁶⁸ ⁶⁹ ⁷⁰ ⁷¹ ⁷² ⁷³ ⁷⁴ ⁷⁵ ⁷⁶ ⁷⁷ ⁷⁸ ⁷⁹ ⁸⁰ ⁸¹ ⁸² ⁸³ ⁸⁴ ⁸⁵ ⁸⁶ ⁸⁷ ⁸⁸ ⁸⁹ ⁹⁰ ⁹¹ ⁹² ⁹³ ⁹⁴ ⁹⁵ ⁹⁶ ⁹⁷ ⁹⁸ ⁹⁹ ¹⁰⁰ ¹⁰¹ ¹⁰² ¹⁰³ ¹⁰⁴ ¹⁰⁵ ¹⁰⁶ ¹⁰⁷ ¹⁰⁸ ¹⁰⁹ ¹¹⁰ ¹¹¹ ¹¹² ¹¹³ ¹¹⁴ ¹¹⁵ ¹¹⁶ ¹¹⁷ ¹¹⁸ ¹¹⁹ ¹²⁰ ¹²¹ ¹²² ¹²³ ¹²⁴ ¹²⁵ ¹²⁶ ¹²⁷ ¹²⁸ ¹²⁹ ¹³⁰ ¹³¹ ¹³² ¹³³ ¹³⁴ ¹³⁵ ¹³⁶ ¹³⁷ ¹³⁸ ¹³⁹ ¹⁴⁰ ¹⁴¹ ¹⁴² ¹⁴³ ¹⁴⁴ ¹⁴⁵ ¹⁴⁶ ¹⁴⁷ ¹⁴⁸ ¹⁴⁹ ¹⁵⁰ ¹⁵¹ ¹⁵² ¹⁵³ ¹⁵⁴ ¹⁵⁵ ¹⁵⁶ ¹⁵⁷ ¹⁵⁸ ¹⁵⁹ ¹⁶⁰ ¹⁶¹ ¹⁶² ¹⁶³ ¹⁶⁴ ¹⁶⁵ ¹⁶⁶ ¹⁶⁷ ¹⁶⁸ ¹⁶⁹ ¹⁷⁰ ¹⁷¹ ¹⁷² ¹⁷³ ¹⁷⁴ ¹⁷⁵ ¹⁷⁶ ¹⁷⁷ ¹⁷⁸ ¹⁷⁹ ¹⁸⁰ ¹⁸¹ ¹⁸² ¹⁸³ ¹⁸⁴ ¹⁸⁵ ¹⁸⁶ ¹⁸⁷ ¹⁸⁸ ¹⁸⁹ ¹⁹⁰ ¹⁹¹ ¹⁹² ¹⁹³ ¹⁹⁴ ¹⁹⁵ ¹⁹⁶ ¹⁹⁷ ¹⁹⁸ ¹⁹⁹ ²⁰⁰ ²⁰¹ ²⁰² ²⁰³ ²⁰⁴ ²⁰⁵ ²⁰⁶ ²⁰⁷ ²⁰⁸ ²⁰⁹ ²¹⁰ ²¹¹ ²¹² ²¹³ ²¹⁴ ²¹⁵ ²¹⁶ ²¹⁷ ²¹⁸ ²¹⁹ ²²⁰ ²²¹ ²²² ²²³ ²²⁴ ²²⁵ ²²⁶ ²²⁷ ²²⁸ ²²⁹ ²³⁰ ²³¹ ²³² ²³³ ²³⁴ ²³⁵ ²³⁶ ²³⁷ ²³⁸ ²³⁹ ²⁴⁰ ²⁴¹ ²⁴² ²⁴³ ²⁴⁴ ²⁴⁵ ²⁴⁶ ²⁴⁷ ²⁴⁸ ²⁴⁹ ²⁵⁰ ²⁵¹ ²⁵² ²⁵³ ²⁵⁴ ²⁵⁵ ²⁵⁶ ²⁵⁷ ²⁵⁸ ²⁵⁹ ²⁶⁰ ²⁶¹ ²⁶² ²⁶³ ²⁶⁴ ²⁶⁵ ²⁶⁶ ²⁶⁷ ²⁶⁸ ²⁶⁹ ²⁷⁰ ²⁷¹ ²⁷² ²⁷³ ²⁷⁴ ²⁷⁵ ²⁷⁶ ²⁷⁷ ²⁷⁸ ²⁷⁹ ²⁸⁰ ²⁸¹ ²⁸² ²⁸³ ²⁸⁴ ²⁸⁵ ²⁸⁶ ²⁸⁷ ²⁸⁸ ²⁸⁹ ²⁹⁰ ²⁹¹ ²⁹² ²⁹³ ²⁹⁴ ²⁹⁵ ²⁹⁶ ²⁹⁷ ²⁹⁸ ²⁹⁹ ³⁰⁰ ³⁰¹ ³⁰² ³⁰³ ³⁰⁴ ³⁰⁵ ³⁰⁶ ³⁰⁷ ³⁰⁸ ³⁰⁹ ³¹⁰ ³¹¹ ³¹² ³¹³ ³¹⁴ ³¹⁵ ³¹⁶ ³¹⁷ ³¹⁸ ³¹⁹ ³²⁰ ³²¹ ³²² ³²³ ³²⁴ ³²⁵ ³²⁶ ³²⁷ ³²⁸ ³²⁹ ³³⁰ ³³¹ ³³² ³³³ ³³⁴ ³³⁵ ³³⁶ ³³⁷ ³³⁸ ³³⁹ ³⁴⁰ ³⁴¹ ³⁴² ³⁴³ ³⁴⁴ ³⁴⁵ ³⁴⁶ ³⁴⁷ ³⁴⁸ ³⁴⁹ ³⁵⁰ ³⁵¹ ³⁵² ³⁵³ ³⁵⁴ ³⁵⁵ ³⁵⁶ ³⁵⁷ ³⁵⁸ ³⁵⁹ ³⁶⁰ ³⁶¹ ³⁶² ³⁶³ ³⁶⁴ ³⁶⁵ ³⁶⁶ ³⁶⁷ ³⁶⁸ ³⁶⁹ ³⁷⁰ ³⁷¹ ³⁷² ³⁷³ ³⁷⁴ ³⁷⁵ ³⁷⁶ ³⁷⁷ ³⁷⁸ ³⁷⁹ ³⁸⁰ ³⁸¹ ³⁸² ³⁸³ ³⁸⁴ ³⁸⁵ ³⁸⁶ ³⁸⁷ ³⁸⁸ ³⁸⁹ ³⁹⁰ ³⁹¹ ³⁹² ³⁹³ ³⁹⁴ ³⁹⁵ ³⁹⁶ ³⁹⁷ ³⁹⁸ ³⁹⁹ ⁴⁰⁰ ⁴⁰¹ ⁴⁰² ⁴⁰³ ⁴⁰⁴ ⁴⁰⁵ ⁴⁰⁶ ⁴⁰⁷ ⁴⁰⁸ ⁴⁰⁹ ⁴¹⁰ ⁴¹¹ ⁴¹² ⁴¹³ ⁴¹⁴ ⁴¹⁵ ⁴¹⁶ ⁴¹⁷ ⁴¹⁸ ⁴¹⁹ ⁴²⁰ ⁴²¹ ⁴²² ⁴²³ ⁴²⁴ ⁴²⁵ ⁴²⁶ ⁴²⁷ ⁴²⁸ ⁴²⁹ ⁴³⁰ ⁴³¹ ⁴³² ⁴³³ ⁴³⁴ ⁴³⁵ ⁴³⁶ ⁴³⁷ ⁴³⁸ ⁴³⁹ ⁴⁴⁰ ⁴⁴¹ ⁴⁴² ⁴⁴³ ⁴⁴⁴ ⁴⁴⁵ ⁴⁴⁶ ⁴⁴⁷ ⁴⁴⁸ ⁴⁴⁹ ⁴⁵⁰ ⁴⁵¹ ⁴⁵² ⁴⁵³ ⁴⁵⁴ ⁴⁵⁵ ⁴⁵⁶ ⁴⁵⁷ ⁴⁵⁸ ⁴⁵⁹ ⁴⁶⁰ ⁴⁶¹ ⁴⁶² ⁴⁶³ ⁴⁶⁴ ⁴⁶⁵ ⁴⁶⁶ <

$$\vec{A}_p^{\text{Тыкда}} \quad \vec{A}_p^{\text{Э}}$$

၁၈၈၆ ခု ဇူလိုင်လ ၁၈ ရက်
 ကလေးတော် ၁၈ နှစ် ၆ လ ၁၈ ရက်
 ဝိသုဒ္ဓိသင်္ဂါယနာ

42

എന്നു

Репр. 56: Verso последнего (308-го) листа Статута: оригинал и копия

всѣ на вастъ сѣ вѣвалитъ – всѣ (!) на вастъ сѣ вѣвалитъ
хто любѣт неправдѣ – хто любѣ неправдѣ
сынове челоувечѣстни – сѣмове челоувечѣстнѣ
злѣски – залски
в вилни – в вилинѣ.

Не только ошибки языкового характера, но и абсолютно недопустимые вольности в трактовке оригинала наблюдаются на обороте титульного листа – при воспроизведении титула короля:

Оригинал: **Жикгимон^т Трети^и Бѣю Мѣтью Корѣ Пѣски^и Великѣ кнѣзь Литов^{скіи} Рѣски^и Прѣски^и Жомон^тски^и Мазовецки^и Инфлански^и. тоѣ Бѣю Мѣтью Назначоны^и Корѣ Швѣски^и Кгот^тьски^и Ван^гдальски^и И Великое Кнаже Фин^илан^гд^тское, и иных^х.**

Копия: **Жикгимон^т Третий Ш^тлѣ Корѣ Пѣскій Великѣ кнѣзь Литов^{скіи} Рѣскій Прѣскій (...) Мазовецкѣ Подл^тскіи тою Бо^тю Мл^тотѣ Назначоны Король Швеци^и Готланскіи (...) И Великое Кн^ате Фин^иланское д^дичныи пан^т. [Репр. 57, 74 и 75].**

В старопечатной версии Статута представлена одна из самых распространенных формул титулования Сигизмунда III, в чем лишний раз убеждает сама книга кодекса. Именно так король величается в сугубо официальном документе, скрепленном собственноручной подписью – привилегии на утверждение свода законов (нн. л. 2 книги). В результате же искаженного представления в тексте копии ЛС Сигизмунд Ваза оказывается лишенным законных прав называться князем Жмудским и наследственным королем Вандальским, обделяется землями Лифляндии, уже больше четверти века входящими в состав Речи Посполитой²⁶⁵. Внимания заслуживает также раз-

²⁶⁵ О том, какое большое значение придавалось тогда соблюдению титулатуры, можем судить по одному из позднейших фактов биографии Сигизмунда Вазы. В марте 1601 года Корона заключила с Московским государством мирный договор. Об обстоятельствах его подписания пишет польский историк Хенрик Виснеп: „W obu tekstach, bo, jak zawsze, spisano dwa, polski i rosyjski, pominięto, co uznać trzeba za porażkę Rzeczypospolitej, tytuły Zygmunta jako króla Szwedów, Gotów, Wandalów etc. etc. Zdaniem strony moskiewskiej było to następstwem faktu, że nie została oficjalnie powiadomiona, iż Zygmunt wstąpił na tron ojcowski. Tyle że przecież już w roku 1595 zawarty został w imieniu jego i Fiodora Iwanowicza rozejm tiawzański. Pominięcie było zatem życzliwym gestem Moskwy wobec księcia Karola. Posłowie twierdzili, że ustępstwo na nich wymuszono. Chodziło o przeciąganie rozmów i ograniczenie swobody poruszania się. Król uważał, i słusznie, że zgoda była błędem posłów. W styczniu 1602 r., gdy wielcy posłowie moskiewscy [...] przybyli do Wilna, aby, zgodnie ze zwyczajami, być świadkami, jak układ zaprzysięga, próbował to zmienić. Oświadczył, że jeśli tekst nie zostanie poprawiony, wróca z pustymi rękami. Gdy posłowie odmówili, co było oczywiste, bo nie mogli zmienić tekstu, który Borys Godunow już zaprzysięgał, przecież ustąpił. 17 stycznia 1602 r. zaprzysięgał układ, acz zastrzegł, że czyni to jedynie jako król polski oraz wielki książę litewski. Ponadto, że aprobatą układu, w którym pominięto tytuł dziedzicznego władcy Szwecji, nie umniejsza jego praw do jej tronu” (см.: H. Wisner, *Zygmunt III Waza*, s. 119 – со ссылкой на: Przebieg rozmów wileńskich: Awt. 152, k. 66. O przymierzu z Moskwą, 5-20 stycznia 1602 Wilno).

Репр. 57: Recto титульного листа – портрет короля: оригинал и копия

ница в формулировке последнего компонента титула **Великое Княже Финляндъдское**. Введенное копиистом уточнение **дѣдичный панъ** является калькой оборота Magni Ducatus [Finlandiae haeres], нередко употребляемого при титуловании короля на латыни²⁶⁶.

Интересно, что допущенные неточности не остались незамеченными: владелец одного из рассматриваемых экземпляров кодекса Эмерик Гуттен-Чапский, весьма осведомленный в проблематике ВКЛ, собственноручно внес необходимые поправки: **Жикгимонт Третий Щтаѣ** (последнее слово перечеркнуто, над ним надписано: Bozuju miłostiu) **Корѣ Пѣскій Великій кнѣзь Литовскій Рѣскій Прѣскій** (конец строки, далее на поле дописано: zomoijskij) **Мазовецкій Подляскій** (перечеркнуто, над этим: inflatskij) **тою Боѣю Млѣтѣю Назначоны Король Швецки** (конец строки, дописано: gotskij) **Готландскій** (перечеркнуто, ниже подписано: i vandalskij) **и Великое Кнѣте Финланское дѣдичный панъ** (перечеркнуто, далее дописано: i in-nych)²⁶⁷.

²⁶⁶ В латинской привилегии на утверждение Статута (нн. л. 5 книги) видим иной вариант этой концовки: Sigismundus Tertius Dei gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Samogitiae, Masoviae, Livoniaeque, nec non eadem gratia Suecorum, Gottorum, Vandalorumque designatus Rex, etc Magnus Finlandiae Princeps. etc. etc.

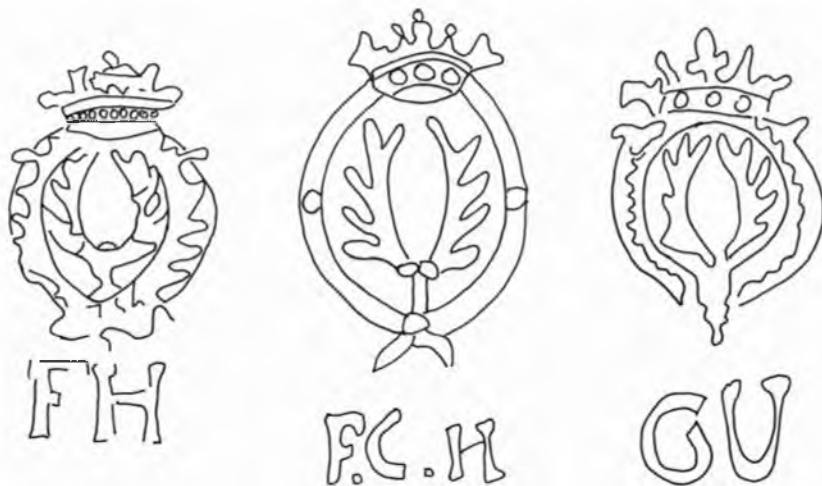
²⁶⁷ См.: экз. ЈС: Краков, Национальный музей, собр. Чапских, шифр MNK.XVI.167.

В поисках автора или инициатора подделки – при очевидной скудности прочих данных – определенные надежды следовало связывать с анализом бумаги, на которой были изготовлены и тиражированы копии. На трех из семи сохранившихся листов имеются водяные знаки²⁶⁸ [см. репр. 58]. Их идентификация, однако, вызвала большие трудности: в известных альбомах филиграней полные аналоги не обнаруживаются, а просматривающиеся здесь элементы – лилия в ВЗ 1 и рога (или рак) в ВЗ 3 – использовались для маркировки бумаги в очень широких временном и географическом диапазонах.

Вместе с тем величина композиции (ВЗ 1 – почти на целую страницу) и сложный характер рисунка (ВЗ 3) позволяют датировать анализируемую бумагу не ранее, чем 2-й половиной XVII века.

репр. 58: Водяные знаки на бумаге „польских” листов

Репр. 59: филигрань на бумаге одного из „польских” листов и похожие ВЗ, зафиксированные в альбомах водяных знаков

Из трех рассматриваемых филиграней лишь одна предстает в полном виде – это ВЗ 3. Именно по отношению к этому знаку можно говорить о подобию

²⁶⁸ Фил. 1: собр. Чарторийских, шифр XVI.1270/III, тит. лист; фил. 2: там же, л. 308; фил. 3: Ягеллонская библиотека, шифр Сim. 8428, л. 308.

или вариантах, отмеченных в альбоме литовской бумаги XV-XVIII в.²⁶⁹ Филигрانی эти „изображают рога, представляющие, очевидно, герб Рогаля, который имели несколько семей в Литве и Польше. Существовало не менее семи разновидностей этого герба”²⁷⁰. Характеризуя наиболее близкие к исходному ВЗ 2941 и 2944 (на репр. это филигрانی с инициалами F.C.H и GU) [см. репр. 59], Э. Лауцявичюс пишет: „Инициалы и надписи [...] расшифровать не удалось”²⁷¹. Датировка же документов, на бумаге которых обнаружены знаки „Рогаля”, относит филигрань к концу XVIII века: ВЗ 2941 – Lyda 1792, ВЗ 2942 – Vilnius 1793, ВЗ 2943 – Brasta 1791, ВЗ 2944 – Gardinas 1795, 1797²⁷².

Таким образом, круг исходных данных для раскрытия загадки позднейших вставок в старопечатные экземпляры Статутов ограничивался небогатым перечнем фактов и предположений. Подделка вероятнее всего осуществлялась в Польше (из 66 сохранившихся экземпляров кодекса рукотворные листы характеризуют лишь краковские и варшавский Статуты). Исполнитель прорисовки „рускомовного” текста официально-письменного языка ВКЛ не знал, да и с кириллицей скорее всего знаком не был. Дату изготовления копий следовало бы искать в широко очерченном – полуторавековом – промежутке времени: 2-я половина XVII столетия. – конец XVIII-го.

Среди „подозреваемых” на возможное авторство подделки в первую очередь должны были оказаться люди, в биографии которых уже был эпизод, связанный с копированием кодекса. Хронологически список таковых открывает, кажется, Юзеф Наронович-Нароньский (1610/16 – 1678), первый польский математик-энциклопедист, известный картограф, архитектор и военный инженер.

Красивую историю, отчасти связанную с деятельностью этого человека, на страницах своих публикаций много раз приводили статутоведы²⁷³. Так, напр., она представляется в изложении И. Н. Даниловича: „Kopija rękopisu bibliograficznego Załuskiego (którą posiadam)”²⁷⁴, zaświadcza o znaydowaniu się

²⁶⁹ E. Laucevičius, *Popierus Lietuvoje XV-XVIII a. Atlasas*, № 2940-46.

²⁷⁰ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве...*, с. 133.

²⁷¹ Там же.

²⁷² E. Laucevičius, *Popierus Lietuvoje...*, s. 215.

²⁷³ И. Даниловичъ, *Взглядъ на Литовское законодательство...*, с. 30; М. Нікалаеў, *Палата кнігапісная. Рукпісная кніга на Беларусі ў X-XVIII стагоддзях*, Мінск 1993, с. 120; Г. Я. Галенчанка, *Спісы Статутаў Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588*, [в:] *Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588*, с. 528.

²⁷⁴ Несколько позже эта рукопись увидела свет в печати: J. J. Załuski, *Biblioteka historyków, prawników, polityków i innych autorów polskich lub o Polsce piszących*, Kraków 1832. На с. 12 этой книги читаем: „Ja mam egzemplarz taki, choć pisany; żem wygrał od Weidmanna, w Europie drukarza pierwszego, twierdzącego, że jest drukowany”.

u tego miłośnika nauk, tak pięknie pisanego Statutu trzeciego, że wygrał zakład z Geor. Maurit. Weidmanem²⁷⁵ Bibliopolą Lipskim i drukarzem nazywanym w Europie, utrzymującym jakoby był drukowany. Dostał się do Załuskiego z pięcioma tomami²⁷⁶, kawalera maltańskiego, kupiony w Nuncyaturze: bo matka sukcesyją po nim brała. Chował go Załuski za klejnot, niemogący mieć żadnej ceny, i mówił, że gdyby był Włochem, powiedziałby: *Questi libri vagliano uno mezzo mondo* (te książki warte pół świata)²⁷⁷.

Имя автора этой замечательной копии называла латиноязычная надпись на титульном листе кодекса: „Josephus Naronski pinxit et transkripsit”²⁷⁸.

Биография копииста, хотя и не свободна от белых пятен, все же дает представление о жизненном пути этого талантливого человека. Наронович-Нароньский родился в Литве между 1610 и 1616 г., получил хорошее образование, что позже подтверждал в своей разнородной деятельности. Сначала занимался картографированием территорий Украины, потом других земель Речи Посполитой. Во второй половине 50-х гг. XVII в. написал свое главное сочинение: три тома под названием *Księga nauk matematycznych* охватывали знания из области арифметики, геометрии, землемерной практики и оптики. К сожалению, названный труд – своеобразная энциклопедия и одновременно учебник – так и не был опубликован. Причины, повлекшие за собой такой, а не иной исход дела, готовили более серьезные и драматические изменения в жизни Нароньского. На основании постановлений Сейма об изгнании ариан (1658 и 1659 гг.) он как член общины „братьев польских” должен был оставить земли Речи Посполитой. Изгнанник направляется в Крулевец (Кенигсберг), где по протекции Богуслава Радзивилла получает работу у курфюрста Герцогства Пруссия. Кроме выполнения своих прямых обязанностей землемера и картографа, Нароньский занимался также архитектурой (создал проекты нескольких замков и водного канала), военным строительством, писал книги, в том числе обширное – так и не опубликованное – историческое сочинение *Dowód prawdziwy istorii o najwyższej monarchjej Scythiej Sarmacji ... a o dzisiejszym Królestwie Polskiem*²⁷⁹. В 70-е гг. материальная ситуация Нароньского сильно ухудша-

²⁷⁵ Георг Мориц Вейдман (1686-1743), известный немецкий книготорговец и издатель, продолжатель дела отца, заложившего фирму „Weidmannsche Buchhandlung”.

²⁷⁶ Казимир-Михал Пац (? – 1719) представитель одного из наиболее влиятельных в ВКЛ магнатских родов, с 1683 г. писарь великий литовский (*Pacowie, materiały historyczno-genealogiczne ułożone i wydane przez J. W o l f f a*, Peterburg 1885, s. 216-222).

²⁷⁷ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 165.

²⁷⁸ То есть: „Иосиф Наронский нарисовал и написал” (см.: E. S t a m m, *Z historii matematyki XVII w. w Polsce*, „Wiadomości Matematyczne”, t. XL, 1936, s. 6).

²⁷⁹ Рукопись этой работы хранилась в Библиотеке Валенрода в Крулевце и вместе с другими фондами сгорела в 1761 г. (см.: B. O l s z e w i c z, *Kartografia polska XVII w.*, „Polski Przegląd Kartograficzny”, nr 36, 1931, s. 130).

ется, прусское правительство не платит ему годами (!). Умирает сын картографа, семья оказывается в бедственном положении. По всей видимости, Нароньский не преувеличивал, когда в объяснении своей просьбы освободить его от обязанностей писал в 1675 г., что он „biedny i zupełnie zrujnowany człowiek chce gdzie indziej szukać kawałka chleba, ażeby zaspokoić głód i ratować w ten sposób nędzne życie swoje i swojej żony”²⁸⁰. Спустя три года его не стало²⁸¹.

Изготовление рукописной копии свода законов ВКЛ приходится на последние годы пребывания Ю. Нароновича-Нароньского на родине – 1655-1659. Именно тогда „zapewne powstał jego ładząco podobny do druku, pięknie ozdobiony rękopis statutu Litewskiego”²⁸².

Сама по себе рукотворная книга картографа могла служить лишь материалом для позднейших литографических оттисков титульного листа. Возможность собственноручного „тиражирования” последнего исключают уже обстоятельства, в которых тогда оказался Ю. Нароньский. Трудно ожидать от человека, занятого куда более серьезными делами (напр., завершением главного своего сочинения – *Книги математических наук*, а позже просто спасением жизни), многократного и абсолютно точного (!) перерисовывания изображения, нужного только для того, чтобы укомплектовать не такие уж редкие по тем временам книги.

Вероятность невольного и опосредованного участия Ю. Нароновича-Нароньского в подделке могло подтвердить или опровергнуть сравнение титульного листа его работы с зафиксированными в четырех названных выше экземплярах кодекса.

Это не представляется сейчас возможным, поскольку легендарная рукопись вот уже несколько десятилетий не существует. Неизвестно, разделила ли она тягости эмигрантского эпизода в судьбе Библиотеки Залуских²⁸³, побыва-

²⁸⁰ См.: J. Nowakowa, *Wstęp*, [w:] J. Naronowicz-Naroński, *Budownictwo wojenne*, Warszawa 1957, s. XII.

²⁸¹ Сведения из биографии Ю. Нароньского приводятся по источникам: J. Nowakowa, *Wstęp*, s. VII-XII; T. M. Nowak, *Wstęp*, [w:] J. Naronowicz-Naroński, *Kartografia* (rękopis z 1659 roku), Białystok 2002, s. 3-5; Z. Lietz, *Naronowicz-Naroński kartograf Prus Książęcych*, „Komunikaty Mazursko-Warmińskie”, nr 1 (103), 1969, s. 19-32; С. Александрович, *Картографические труды Юзефа Нароновича-Нароньского на землях Великого княжества Литовского в середине XVII в.*, „Археографический ежегодник” за 1966, Москва 1968, с. 65-74.

²⁸² J. Nowakowa, *Wstęp*, s. VIII.

²⁸³ Это первая в Польше публичная библиотека, основанная в 1747 г. польским церковным и государственным деятелем, меценатом науки и культуры Юзефом Залуским (1702-1774) и его братом Анджеем. В основу библиотечных фондов легла уникальная фамильная коллекция из 250 тыс. книг и рукописей. Как патриот, выступавший против вмешательства России в польские дела, Ю. Залуский был сослан в Калугу (1767-1773), откуда вернулся лишь незадолго до смерти. Еще будучи в ссылке написал завещание, согласно которому библиотека

ла ли в столице Российской Империи, но в начале 30-х гг. XX в. этот Статут значился в фондах Библиотеки ординации Красиньских – Рр. под № 401²⁸⁴ или 131 (401)²⁸⁵. К сожалению, трагичные перипетии этой Библиотеки²⁸⁶ прямо и непосредственно коснулись рукописного раритета. Он сгорел в 1944 г., когда после подавления Варшавского восстания немецкие отряды „солдат огня” – Brandkommando – сожгли наиболее ценные польские книжные собрания.

При отсутствии возможности очного знакомства с делом рук Нароньского есть основания утверждать, что к сегодняшним „польским” листам кодекса картограф не имеет отношения. По описанию тех, кто видел рукопись Статута, копия была дополнительно украшена. Б. Ольшевич упоминает о „pięknych winietach”²⁸⁷, Г. Я. Голенченко со ссылкой на предшественников указывает на наличие на титульном листе изображения декоративного ренессансного портала²⁸⁸.

Представляется, что рукопись Ю. Нароновича-Нароньского так же отличается от типографского оригинала, как орнаментальная „плетенка”, нарисованная картографом, несомненно, с равнением на аналог из Статута²⁸⁹, разнится от печатного образца из кодекса Мамоничей [репр. 60].

была передана в собственность польскому народу. По богатству своих фондов Библиотека Залуских могла сравниться с тремя крупнейшими книгохранилищами Европы того времени: Библиотекой Британского музея в Лондоне, Национальной библиотекой в Париже и Королевской библиотекой в Мюнхене. В 1795 г., после подавления восстания Т. Костюшки и взятия Варшавы, книжное собрание Залуских, составлявшее 400 000 томов, было объявлено собственностью России и в качестве военного трофея перевезено в Санкт-Петербург, где послужило базой формирующихся фондов Императорской Публичной библиотеки. В 1930-е гг. значительная часть книжной коллекции Залуских была возвращена польской стороне и принята в Национальную библиотеку. В 1944 г. все самое ценное из фондов Библиотеки Залуских было уничтожено оккупантами (см.: *Słownik pracowników książki polskiej*, Warszawa-Lódź 1972-1986, s. 1005-1006; В. Н. Зайцев, *Перекрестки истории национальных библиотек Польши и России*, [в:] М. Д. Моричева, *Библиотека Залуских и Российская национальная библиотека*, Санкт-Петербург 2001, с. 4-17).

²⁸⁴ См.: В. Olszewicz, *Kartografia polska XVII w.*, s. 129.

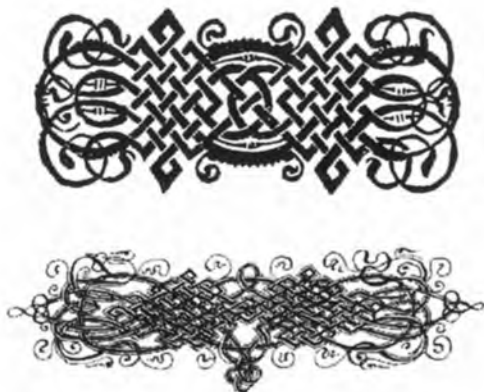
²⁸⁵ См.: E. Stamm, *Z historii matematyki...*, s. 6.

²⁸⁶ Библиотека Красиньских ведет свое начало с 1844 г., когда по замыслу генерала Винцента Красиньского „stworzony został – już na owe czasy – poważny zbiór, potężniejszy z latami”. Публичный характер библиотека обрела в 1860 г., когда ее фонды пополнились замечательными рукописями и книгами из собрания К. Свиндзинского. Для развития Библиотеки многое сделали Эдвард и Адам Красиньские. В 1930 г. в фондах Ординации числилось 1755 старопечатных изданий XV и XVI вв., около 6 тысяч рукописей и 200 тысяч томов книг (см.: *Biblioteka Ordynacji Krasiniskich [1844-1944]*, Warszawa 2004).

²⁸⁷ В. Olszewicz, *Kartografia polska XVII w.*, s. 129.

²⁸⁸ Г. Я. Галенчанка, *Снічы Статутаў Вялікага княства Літоўскага...*, с. 528.

²⁸⁹ Этот орнамент помещается Ю. Нароновичем-Нароньским в качестве концовки к рукописному сочинению „Architektura militaris, to jest Budownictwo wojenne”, к слову, тоже искусно оформленному (приводится по публикации: Naronowicz-Narowski, *Budownictwo wojenne*, Warszawa 1957).

Репр. 60: „Плетенки” в изданиях Статута (сверху) и рукописной книге Ю. Нароновича-Нароньского

На место не оправдавшей ожиданий первой гипотезы выдвинем вторую. Для ее осмысления нужно перенестись в начало XIX столетия и обратиться к пионерскому исследованию о Литовском Статуте: монографии С. Б. Линде *O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydany wiadomość* (Warszawa 1816). В качестве иллюстраций старопечати Мамоничей ученый поместил два рисунка – лицевой стороны титульного листа и фрагмента правового текста из артикула

20 первого раздела. Старательно снятые копии сопровождаются указанием: „pisał Antoni Hann z Klessy V^{tey} Lic. War. 1816. Roku”²⁹⁰ [см. репр. 61, подпись размещена в нижнем левом углу рисунка].

Как сложилась судьба этого лицеалиста? Не мог ли он позже „тряхнуть стариной”, еще раз попрактиковаться в копировании книги свода законов ВКЛ?

Антони Ханн (1796 – 1861) после окончания лицея изучал естественные науки в Варшавском университете, где потом работал препаратором на кафедре химии. В середине 20-х гг. XIX ст. в Варшаве предпринимаются первые пробы создания сугубо технического вуза. Его основатели, заботясь о подготовке научно-преподавательских кадров, решают послать за границу наиболее перспективных университетских магистров – для обучения их как будущих профессоров организуемого Политехнического института. В числе избранных оказался и А. Ханн. На протяжении четырех лет командировки (1825-1829) он осваивал технологию работы предприятий Вены и Парижа, знакомился с секретами производства на территории Германии, Бельгии, Голландии и, наконец, Англии; для получения необходимого опыта не гнушался трудоустраиваться в качестве простого рабочего. После возврата на родину уже как профессор получил кафедру прикладной химии в Варшавском Политехническом институте, где проработал считанные месяцы [репр.: 62]. В 1830 г. – во время Ноябрьского восстания – руководил фабрикой по производству селитры, а позже, уйдя с польским войском из Вар-

²⁹⁰ С 1804 по 1831 гг. – на протяжении всего времени существования Варшавского лицея – директором этого наилучшего тогда польского среднего учебного заведения был С. Линде.

Репр.: 61: Титульный лист ЛС из б-ки Суходольского и его копия, воспроизведенная в монографии С. Линде

шавы, был вынужден эмигрировать в прусский тогда Эльблонг. По возвращении на родину к преподавательской работе допущен не был — „wobec ostrożności ze strony władzy naukowej [...] nie znalazł miejsca w zawodzie publicznym”²⁹¹. Не очень удачно занимался частным предпринимательством и только в 1843 г. был принят на службу в варшавский Монетный двор и директорствовал тут до последних своих дней²⁹².

Такой — во многом типичной для патриота в лихолетье — оказалась жизнь человека, которому „nie-szczęsne położenie kraju nie pozwoliło zużytkować wielkiej wiedzy, bystrości i przygotowania na cele na-

Репр.: 62: Антони Ханн

²⁹¹ F. Kucharzewski, *O profesorach naszej pierwszej Politechniki*, „Przegląd Techniczny” 1929, s. 1026.

²⁹² См.: *Polski słownik biograficzny*, t. IX, Ossolineum 1960, s. 277-278; J. Bełza, *Antoni Hann*, „Biblioteka Warszawska” 1861, t. 4, s. 191-197; W. Leppert, *Rys rozwoju chemii w Polsce do r 1830*, Warszawa 1917, s. 130-137.

ukowe”²⁹³. И все же к творческому наследию А. Ханна стоило бы несколько пристальнее присмотреться в связи с интересующей нас проблематикой.

В 1826 г. ученый публикует заметку *O fałszowaniu pism i sposobach odkrycia tegoż*²⁹⁴, где дает практические советы для распознавания подделок. Тогда же выходит едва ли не главная его статья *Sposób rytowania na szkłe za pomocą kwasu fluorowego*²⁹⁵. Особенности этой кислоты были известны со времен ее открытия в 1771 г., однако никто до Ханна их не использовал для „закрепления” изображения. Заметив, что стекло в местах, покрытых коралловым лаком, не подвергается окислению, ученый иглами разной толщины наносил на лакированную поверхность надпись или рисунок и пропитывал прорисовку слабым кислотным раствором. После устранения химическим путем лака получал изображение – „zupełnie wyraźne i odpowiednio cieniowane”²⁹⁶. В редакторской заметке, сопровождавшей упомянутую публикацию, говорится: „Rysunek przez P. Hanna własnoręcznie wykonany został sposobem kreskowanym, iak się rytuie na miedzi; spuścistość w kreskach cieniowanych i ich głębokość iest zupełnie równa, przeto kwas wszędzie równo szkło, przez zdarcie lakieru obnażone, powyżerał”²⁹⁷. Стоит добавить, что этот способ вскоре обрел широкое признание и применялся еще спустя столетие.

Представленное открытие в значительной мере было вызвано увлечением А. Ханна, который „posiadał duże zdolności rysunkowe i dla tego zajmował się także gorąco litografią i grafiką, sam też osobiście wyrysował podobiznę tytułu do statutu litewskiego z herbem z 1816 r. [печь идет об иллюстрациях к монографии С. Б. Линде – В.М.]; rysunki królów polskich do 1-go wydania «Pielgrzyma z Dobromilu» [сочинение Изабеллы Чарторийской²⁹⁸ – В.М.]; podobizny podpisów: Sobieskiego, Leszczyńskiego, Karola XII, S. Poniatowskiego, Kołłątaja, Tad. Kościuszki i innych”²⁹⁹.

Казалось бы, достаточно сравнить изображения Сигизмунда III – анонимное на „польских” листах кодекса и авторское – руки Ханна – в иллю-

²⁹³ W. Leppert, *Rys rozwoju chemii...*, s. 137.

²⁹⁴ Опубликована в журнале: „Izys Polska czyli Dziennik umiejętności, wynalazków, kunsztów i rękodziel” 1826, t. I, s. 284.

²⁹⁵ Ibidem, s. 428-430.

²⁹⁶ W. Leppert, *Rys rozwoju chemii...*, s. 132-133.

²⁹⁷ „Izys Polska ...” 1826, t. I, s. 430.

²⁹⁸ Изабелла (Эльжбета) Чарторийска (1746-1835), княгиня, жена Адама Казимира; создала в Пулавах один из главных культурных центров Польши начала XIX в. Выступив с программой „укрепления национального духа”, написала две книги популярного содержания, рассчитанные на простолюдинов: *Pielgrzym z Dobromilu* и *Książka do pacierzy dla dzieci wiejskich pod czas mszy świętej* [w Puławach 1815] (см.: *Literatura Polska. Przewodnik encyklopedyczny*, t. I, Warszawa 1984, s. 160).

²⁹⁹ W. Leppert, *Rys rozwoju chemii...*, s. 133.

страциях к книге И. Чарторыйской... Только вот первое издание *Pielgrzyma z Dobromilu* – популярной истории Польши, написанной для деревенских детей – имеет репутацию книги-призрака. Считается, что сочинение И. Чарторыйской увидело свет в 1818 г. – так следовало бы из записи на книгах 1819 г.: „wydanie drugie poprawione”. Однако первопечатные экземпляры *Деревенских наук* в польских библиотеках не значатся, что в свое время заставило К. Эстрайхера усомниться: „Czy to wyd. istnieje?”³⁰⁰.

Лишившись, таким образом, возможности идентификации королевских портретов, взвесим имеющиеся аргументы „за” и „против” приписывания А. Ханну авторства копированных листов Статута.

В пользу принятия этой гипотезы говорит факт знакомства профессора с кодексом печати Мамоничей, накопленный опыт в подготовке рисунков и текстов для литографирования, обращение к сходной технике нанесения изображения. Однако аргументы „против” представляются также достаточно весомыми: это очевидная разница в манере копирования текстов: старательность и точность, характеризовавшие А. Ханна при воспроизведении фрагмента кодекса для монографии С. Б. Линде, должны были бы почему-то уступить место небрежности при имитации набора „польских” листов Статута [см. репр. 22 в этом разделе книги]; да и бумага на интересующих нас подделках по крайней (самой поздней) границе своего изготовления произведена как минимум на тридцать лет раньше, чем ученый изобрел новый способ гравирования.

Поэтому поиск был продолжен, тем более что в поле исследовательского внимания оказался третий претендент на авторство „польских” листов кодекса³⁰¹ – Владислав Бартиновский (1832 – 1918), краковский нумизмат, антиквар и археолог. Будучи выходцем из семьи известных юристов, он как человек состоятельный никакой публичной службы не нес: управлял тремя принадлежащими ему домами и всецело посвящал себя увлечениям – коллекционировал монеты, старопечатные книги и гравюры. Занимался также частной книготорговлей, принимал в комиссионную продажу целые коллекции, в течение нескольких лет заведовал отделом старопечатных изданий в книжном магазине Ю. Фридлайна³⁰², в качестве волонтера участвовал в каталогизации гравюр Ягеллонской библиотеки. Был основателем, вице-

³⁰⁰ K. Estreicher, *Bibliografia Polska XIX stulecia*, t. III, Kraków 1962, s. 355.

³⁰¹ Слова благодарности за бесценную подсказку, послужившую отправной точкой этой гипотезы, приношу Агнешке Пежановской, зав. Отделом старопечатных книг, рукописей и картографии Национального Музея в Кракове.

³⁰² Юзеф Эдвард Фридлайн (1831-1917) – представитель славной династии краковских книготорговцев и издателей, основатель книжного магазина, известного сейчас как „Księgarnia Hetmańska” на Рынке Глувном. Многолетний вицепрезидент и президент Кракова на рубеже XIX и XX вв. (см.: *Słownik pracowników książki polskiej*, s. 234).

председателем, а позже почетным членом Общества краковских нумизматов, в 1889-1900 гг. редактировал „Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne”³⁰³.

Репр. 63: В. Бартиновский

Собранные В. Бартиновским коллекции удивляли и удивляют своим объемом и богатством. Имея слабость к гравюрам, а особенно старым портретам, он „doprowadził kolekcję do pierwszorzędnego znaczenia, tworząc zbiór kilku tysięcy miedziorytów, litografij i drzeworytów z portretami rozmaitych wybitnych w Polsce ludzi”³⁰⁴.

Особую склонность этот человек имел к реставрации и комплектованию старых книг, в этих целях сосредоточил у себя большое – не имеющее равных – собрание факсимиле титульных листов³⁰⁵. Работу по изготовлению репродукций со старопечатных изданий начал в середине 60-х гг. XIX ст., ориентируясь на аналогичную деятельность А. Пилиньского³⁰⁶ и Пшыборовских³⁰⁷. Копии снимались техникой литогра-

фирования или автографирования. В последнем случае рисунок или текст переносился не на камень, а на переводную бумагу, при этом художник получал возможность рисовать обычным образом – не применяя зеркального

³⁰³ См.: *Polski słownik biograficzny*, t. I, s. 335-336; *Słownik pracowników książki polskiej*, s. 41-42.

³⁰⁴ *Polski słownik biograficzny*, t. I, s. 335.

³⁰⁵ См.: *ibidem*, s. 335-336.

³⁰⁶ Адам Пилиньский (1810-1887) – польский график. После поражения Ноябрьского восстания (1830-1831 гг.) как деятельный его участник был вынужден эмигрировать за границу. Поселился во Франции, где открыл литографическую мастерскую. В работе использовал собственное изобретение – технику „гомеографии”, заключающуюся в очень точном копировании знаков на специальной растительной кальке, последующем переносе изображения на камень и получении оттиска на старой (!) бумаге. Достиг в своем мастерстве такого совершенства, что его факсимиле очень трудно отличить от оригиналов, в чем позволяют, напр., убедиться копии некоторых польских старопечатных книг, сделанные по заказу Дзялыньских и Чарторийских (см.: *Polski słownik biograficzny*, t. XXVI, Ossolineum 1981, s. 279-280).

³⁰⁷ Юзеф Пшыборовский (1823-1896) – филолог, библиограф, многолетний директор варшавских библиотек: сначала Главной (позже переименована в Университетскую), потом Ординации Замойских. При упорядочивании книжных фондов Б-ки Замойских утраченные листы в старопечатных экземплярах заменял факсимиле, изготовленными дочерью Уршулой и Казимерой (см.: *Słownik pracowników książki polskiej*, s. 724-725).

изображения. О спресе на предлагаемые В. Бартиновским [репр. 63] реставрационные услуги говорит тот факт, что ему было доверено доукомплектование ряда раритетов Ягеллонской библиотеки и многих частных книжных собраний³⁰⁸.

Известный впоследствии польский историк М. Гумовский³⁰⁹, во многом обязанный В. Бартиновскому своим профессиональным становлением, пишет о мастерских, организованных прямо в доме учителя на ул. Пендзихув 12: „Wśród ścian zastawionych książkami podręcznej biblioteki, wśród portretów rozmaitych zbieraczy i numizmatyków polskich, porozwieszanych gdzie się dało, uderzała w oczy sama szlachetna postać W. Bartynowskiego, poruszającego się pośród swoich asystentów, zajętych monetami, drukiem lub katalogiem. Do nich należał i K. Bąkowski – artysta malarz, i F. Kopera – późniejszy dyrektor Muzeum Narodowego, i J. Bessaga, K. Kownacka i inni. W tym szeregu ja byłem nabytkiem najpóźniejszym”³¹⁰. В процессе реставрации старых книг XV и XVI вв., которые, как правило, сохранились в не самом лучшем состоянии – обычно без начала и конца, В. Бартиновский умел „z niesłychaną cierpliwością dobierać odpowiedni stary papier, kalkować całe strony z trudem odzyskanych, a lepiej dochowanych oryginałów, potem zszywać i oprawiać, czego specjalny kurs przeszedł w jednej introligatorskiej pracowni. Przez to stał się niepospolitym znawcą bibliograficznym, a odbijając i powielając swoje kopie i przerisy, gromadził tym samym dla siebie faksymilia tytułów i drzeworytów, dedykacji i finałów książkowych, jakie przy restaurowaniu wypadło mu dorabiać i uzupełniać. W ten sposób zebrał w ciągu lat karty do blisko 700 starodruków, a katalog ich opublikował w «Wiadomościach Num. i Arch.» 1895, т. II, № 24”³¹¹.

Именно эта публикация говорит о том, что в конце XIX века дело восстановления старых книг было поставлено в Польше „на поток”. Брошюре-приложению под названием *Katalog tytułów i kart i dzieł dawnych polskich oryginalnych i faksymilowanych, które w celu kompletowania książek rzadkich a uszkodzonych nabywać można* сопутствовала в журнале сопроводительная заметка, подписанная самим В. Бартиновским³¹². В ней делается своеобразный экскурс в историю реставрационных работ над старой книгой, упоминаются такие способы восполнения экземпляров с дефектами как: склады-

³⁰⁸ См.: ibidem, s. 41-42.

³⁰⁹ Марьян Гумовский (1881-1974) – специалист по геральдике, нумизматике и сфрагистике, автор около 400 публикаций. Руководил работой музеев: Чапских в Кракове (1903-1919) и Велькопольского в Познани (1919-1932). Послевоенная деятельность М. Гумовского, ставшего к тому времени профессором, связана с ун-том Николая Коперника в Торуни (см.: *Wielka Encyklopedia PWN*, t. 10, Warszawa 2002, s. 574).

³¹⁰ M. G u m o w s k i, *Wspomnienia numizmatyka*, Kraków 1965, s. 19.

³¹¹ Ibidem, s. 26.

³¹² См. раздел „Kronika” в журнале „Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne”, т. II, № 24 i 25, 1895, kol. 342-344.

вание листов из двух-трех некомплектных книг; перерисовка старопечатного изображения на кальку и наклеивание последней на чистую бумагу; получение копий при помощи литографического пресса техникой автографии³¹³, а потом и фотолитографии; не забывает автор вспомнить и о том, что в Англии, Франции, Германии используются также другие методы получения репродукций – гомография, эйдография и такие, что покрыты тайной. Затем В. Бартиновский, подчеркивая необходимость заботы о старопечатных экземплярах, раскрывает некоторые нюансы реставрационной деятельности: „wartość książki stanowi jej treść, a jeżeli jej stan materialny wymaga pomocy, to obowiązkiem jest właściciela zaopiekować się nią, uzupełnić jej karty, przez dodanie brakujących z innego egzemplarza, lub odtworzenie na drodze mechanicznej nowych na odpowiednim o ile to możliwe papierze. Książkę całą, jeżeli zachodzi tego potrzeba, wypada ... na nowo stosownie do wieku, z którego pochodzi, oprawić, bez ponownego obcinania. Tym sposobem zabezpieczy się jej byt na długie jeszcze czasy”³¹⁴.

В самом *Kataloge...*, содержащем предложения по 617 книжным позициям, оговорены несложные условия продажи: „Odbicia na dawnym papierze są o 10 % droższe. Na nowym albo planiowanym³¹⁵ po cenach wskazanych. Brak ceny oznacza, że egzemplarze są już wyczerpane”³¹⁶.

Под номером 500 на с. 22 брошюры значится: „Statut Wielkiego Księstwa Litewskiego. Wilno 1588, fol. (druk ruski). Tytuł, k. 2ga i 3cia po tytule atgr. (= autografia) – po 2 –” (читай: по два злотых реньских³¹⁷). Если сравнить эту цену со стоимостью копированных листов из других книг, окажется, что продукт первопечати Мамоничей стоит не дорого и не дешево. Например, автография титульного листа первого польскоязычного издания кодекса „Statut Wielkiego Księstwa Litewskiego. W Wilno u Leona Mamonicza r. 1614, fol. Tytuł atgr.” обошелся бы потенциальному покупателю в 2.50, столько же нужно было выложить за каждый из оригинальных листов этой книги – от

³¹³ Этот способ в оценке В. Бартиновского „dawał rezultaty o wiele korzystniejsze, papier mógł być dobranym co do koloru i gatunku, czarność drukarskiej farby mogła być według potrzeby zastosowaną, a nawet naśladowaną, a w końcu ilość egzemplarzy odbitych była dowolną, można było tym sposobem kilka, a nawet kilkanaście książek jednocześnie i już prawie bez kosztu poratować i uzupełnić” (ibidem, kol. 343).

³¹⁴ Ibidem.

³¹⁵ Это разновидность бумаги, которую в процессе производства проклеивали: погружали в горячий раствор желатина (животного клея) с добавкой протравы – квасцев, которые делали продукт более прочным, способствовали фиксации клеевых частиц на волокнах бумаги, повышали ее водостойкость (см.: *Реставрация произведений графики*, Москва 1995, с. 173-174).

³¹⁶ *Katalog tytułów i kart i dzieł...*, dodatek do nr 24 i 25 „Wiadomości numizmatyczno-archeologicznych” 1895, t. II, s. 1.

³¹⁷ Злотый реньский (гульден австро-венгерский) – серебряная монета Австро-Венгерской империи, в состав которой, как известно, входила тогда Малая Польша.

1 до 306, от 311 до 362, от 369 до 376, от 381 до 391, а также нумерованных с текстами Предисловия, Посвящений и Реестра. Автографированная копия знаменитой гравюры на дереве с изображением польского сейма (Statut Wielkiego Księstwa Litewskiego. W Wilno u Leona Mamonicza 1619) оценивается в 2 реньских злотых, копия титульного листа *Острожской Библии*, упомянутой в *Каталоге* под номером 32, стоит „2.50, karta przed-tytuł. z Apostołem 1.50, środkowa **лнь** 1. —”³¹⁸.

Завершается *Каталог* обращением к читателям: „Pragnąc powiększyć ni-niejszy zbiór tytułów i ułatwić nabywanie, przyjmuję w zamian i nabywam oryginalne lub dobrze faksymilowane tytuły dzieł polskich XV-XVII wieku, lub też odstępuję, o ile szczupły запас starczy, po cenach podanych. Gdyby zachodziła potrzeba nabycia dzieł defektowanych oryginalnych w całości, wyżej w katalogu podanych, ceny mogą być znacznie obniżone.

Władysław Bartynowski,
W Krakowie, ul. Poselska Nr 7”³¹⁹.

Как видим, из представленных трех гипотез о происхождении „польских” листов Статута, предполагавших участие в копировании последовательно Нароньского, Ханна и Бартиновского, последняя является наиболее обоснованной, практически лишенной слабых мест. Ее принятие, в частности, объясняет очевидное несоответствие двух хронологических характеристик подделки: одновременное использование нового способа тиражирования рисунка – литографии (изобретена в 1796 г.) и старого материала – бумаги, явно не относящейся к XIX-му столетию. Для своей работы В. Бартиновский брал свободные неисписанные листы из гродских книг и других административных документов прежней поры.

И все же для того, чтобы третья гипотеза перешла в утверждение, необходимы дополнительные аргументы. Их могут дать книги, побывавшие в реставрационной мастерской В. Бартиновского. Таковых немало в фондах Ягеллонской библиотеки.

Примером может служить, в частности, экземпляр *Острожской Библии* (Cim 8313) с автографированным титульным листом. В этом случае подтвержденным, правда, является лишь тот факт, что книга бывала в руках В. Бартиновского: К. Эстрейхер, тогдашний директор Ягеллонской библиотеки, записал на экземпляре: „24.6.84 zamieniono z Friedleinem Bartynowskim za Sirenusza z dopłatą 20 zł Reńskich”.

При сравнении подделки с оригиналом [см. репр. 64] стоит обратить внимание на использование при копировании техники обводки, а также наличие ошибок, самая грубая из которых касается года издания книги: **Ѡ єврєнска**

³¹⁸ *Katalog tytułów i kart i dzieł...*, s. 22, 2.

³¹⁹ *Ibidem*, s. 28.

Репр. 64: Титульный лист *Острожской Библии*: оригинал и копия

Репр. 65: Ручкописная копия одной из страниц книги М. Сенника

— Ѡ еврейска; вѣ еллинскій — вѣ еллинскій; аѣ — аѣ (вместо последней единицы в числительном „1581“ [а = 1] стоит бессмысленное обозначение десятков [а = 30]).

Другой, может быть, менее показательный, но более доказательный пример дает книга: [Marcin Siennik], *Lekarstwa doświadczone ... któremu są przydane lekarstwa końskie*, (Kraków) 1564, drukarnia Łazarz Andrysowicz (Cim 4448) [см. репр. 65]. На форзаце имеется заметка К. Эстрейхера, касающаяся экземпляра: „10 kart dorobił Bartynowski d. 16 lipca 1892. za 30 złReń.” Техника копирования здесь та же, что в *Острожской Библии* и Литовских Статутах

Окончательно подтверждение верности гипотезы, приписывающей авторство „польских” листов В. Бартиновско-

му, дала бы находка автографированного образца, с которого делались копии. Сам инициатор компании по реставрированию старых книг в свое время писал, что *Каталог титульных и прочих листов...*, представленный вниманию читателей, одновременно является каталогом *Собрания*, комплектуемого им на протяжении тридцати лет и путем замен и покупок постоянно дополняемого³²⁰. Набор этих репродукций получил некогда от наставника М. Гумовский: „Album tych tytułów, obejmujący przeszło 700 pozycji, otrzymałem sam od niego w upominku, ale w czasie wojny, w 1940 roku, stał się pastwą grabieży niemieckiej. Dotąd jeszcze uważam to sobie za największą krzywdę wyrządzoną przez wroga”³²¹. Наверное, аналогичный комплект хранился и у самого В. Бартиновского. Однако в коллекциях, которые он передал Музею Чапских³²², таковой, к сожалению, не значится.

Поэтому при описании уцелевших экземпляров Литовского Статута те четыре из них, что доукомплектованы „польскими” листами, будут сопровождены пометой, высказанной в форме хоть и аргументированного, но допущения, а не констатации: вставки „предположительно авторства В. Бартиновского”.

³²⁰ „Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne”, t. II, № 24 i 25, 1895, kol. 342.

³²¹ M. G u m o w s k i, *Wspomnienia numizmatyka*, s. 18.

³²² См.: *Polski słownik biograficzny*, t. I, s. 335. Ныне графическая часть собрания В. Бартиновского хранится в фондах Национального музея в Кракове.

СТАТУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛЬВІ

ІМЕНЕМ СВОГО ГОСПОДА КНЯЗЯ ЕГО МЛАДШИ
 ЖИЛИШЧИНА ЧЕТВЕРТОГО НАКОРОМАЦЬКИН
 БЪКРАКІБЕ БЫДАНЬ : РІС
 А Ф ПН,

ДРУЖИНО ВОДАВИ СЛЪДІТЕ СЕБЕ ПОСЛАНИИ ОУ

ВЪДРЪКАРИ ДОМУ МАШИНИТЕВЪ.

ЗНАКИ ПРЯМЫХЪ КНЯЗЯ ЕГО МЛАДШИ.

СТАВРОПОЛИТЪ

ѿ наименѣйшаго гдѣа короля его млѣти
жизни монѣа третѣго на коронацѣи
въ краковѣ выданы рукою,
а ѿ пн.

Смощиште што имате тичити. По несправдливостѣ ѣ
глаголюа ѣхъ бохъ. А што польвиимъ дитѣ вѣна
вѣдѣ въблалити. нехъ бѣхъ въбавдѣтѣхъ господныя
бѣси. Асправдѣ вѣ щирѣ. несправдѣтѣхъ бога изъ
тѣмъ и несправдѣтѣхъ. ани бжговыми члвкѣ. ани по
Аннѣ Адровѣ.

КНИГЪ О ПРАЗДН
ГЛАВА 1

Милосте е правдолюбостъ иже похоще съзиждати землию.
Хоще любить и есавъ и похоще менави и симеоу.
Правда съзиждати и нове телобогостни.

М^УА^О ГЛАВНО^У
ГЛАВ^У А^О
УЛ^О 7 1 7
УЛ^О 9 Н50

ЗЛАСКИ ИЗПРИЧАЛИ МЪ КОРАБЪ ЕГО МЛТИ
БНИКИ, ДРУЖБАНИ БДОМУ МАМИНУ БЪ.

СТАТУСЪ ВЪЛИКОГО КНЯЗЯ ДІОКИ

Благословенного г-на короля его мати
жизнменца третего на коронации
в Кракове выданы; року
А Ф ПН,

Смотрите шшо маѣсте чинити въ несправѣстехъ въ Книжѣ псалмъ
вѣдоете шдо божѣ. А шшо половеи видѣте все на Гл. 18
всѣмъ вѣдалити. неха бѣде доводити страхъ господень завѣ
дѣи. Асправѣте все чинѣ. неговѣ бо прѣ господень бо
на шмивъ несправости. анибрасованъ а шсовѣ. анистоѣ
ранѣ а даровѣ.

Милые братья и сестры! Любите и почитайте землю
Хлеб любви не пропадет, почитайте и любите свои
Права, сдаными сновом человеке и сестры.

модуль $\sqrt{a^2 + b^2}$
 $\frac{a}{\sqrt{a^2 + b^2}}, \frac{b}{\sqrt{a^2 + b^2}}$
 $\frac{a}{\sqrt{a^2 + b^2}}, \frac{b}{\sqrt{a^2 + b^2}}$
 $\frac{a}{\sqrt{a^2 + b^2}}, \frac{b}{\sqrt{a^2 + b^2}}$

Здѣсь и запривилѣсть короля его млти.
Въспли. дробовано вѣдомъ мамоничовъ.

Жирименъ Третийъ боу мѣстоу крѣпостейъ вѣрнѣишииъ аицѣи рѣшии прѣвѣи шевѣи
 шавѣицѣи пѣдѣицѣи • пѣвѣи боу мѣстоу напѣицѣи крѣпостейъ шевѣицѣи
 вѣдѣицѣи • Нѣвѣицѣи Кѣицѣи дѣицѣи, Нѣицѣи

Репр. 71: Портрет Сигизмунда III Вазы в „пробном” экземпляре ЛС (кодекс из б-ки графа Суходольского)

ЖИГМОНТЪ ТРИТИСОНЪ ЦАРЬ КТО СЛАВЕНЪ ИЗЪ АНТИКЕНЪ РУКИ ПРЯМЪ ЖЕНОУ
 ЕМУ МАЭОВИЦЕНЪ ИЛАВЕНЪ ТОУ СОНЪ ЦАРЬ ИЗЪ НАЧОМЪ КТО ШИРОКЪ КТО ПЛОТЕНЪ
 ДАНЪ ДАВЕНЪ, И СЛАВЕНЪ КТО ИЛАВЕНЪ ДА СОНЪ И ПЛОТЕНЪ

Репр. 72: Портрет Сигизмунда III Вазы в книгах основного тиража первого издания

ЖИТИЕ СВЯТЫХ САНКТУСЪ КНЯЗЯ СИГИЗМУНДА КНЯЗЯ РУССКАГО ПЕРВОГО ЖИТИЕ
 КНЯЗЯ МАКСИМИЛИАНА КНЯЗЯ САНКТУСЪ КНЯЗЯ НАХИНАТОГО КНЯЗЯ ШИПОВАТОГО КНЯЗЯ
 РАВНОДРАВИТОГО КНЯЗЯ ДАВЫДОВАТОГО КНЯЗЯ

Репр. 74: Портрет Сигизмунда III Вазы в ЛС третьего издания

Жагнотой Третьей Цитай Корь Пѣшій Великій князь Дмитрій Рѣсскій Прѣ-
свѣй Мазовицкій Пудлагскій тою бою Млодѣ Назначены Король Швеции
Госпланин Ниванкее Князь Финляндское Архангелым пань

Репр. 75: Автографированная копия оборота титульного листа ЛС, предположительно изготовленная в мастерской В. Бартиновского

IV. ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ 1588 ГОДА В ЕВРОПЕЙСКИХ БИБЛИОТЕКАХ И КНИГОХРАНИЛИЩАХ

В Великом княжестве Литовском ни одна печатная книга не может сравниться со Статутом по силе и продолжительности воздействия на развитие государства. Свод **права писаного**, „какого современная Европа не имела”¹, два с половиной века „представлял образец для законодателей и вполне удовлетворял практиков”². Деятельное служение людям, равно как бурные события истории, волей неволей сокращали далеко не бессрочную жизнь главного печатного продукта „друкарни” Мамоничей.

Даже с учетом ограниченных типографских возможностей XVI века³ общий тираж трех „русских” изданий Литовского Статута был весьма впечатляющим: мог достигать трех тысяч экземпляров⁴. Впоследствии „время и опустошения огнем, кровавыми войнами и наездами, а также небрежность владельцев, уничтожили громадное их большинство”⁵. До наших дней сохранилось всего лишь несколько десятков этих книг.

Наиболее полные списки уцелевших экземпляров кодекса с их библиографическим описанием представлены в работах И. И. Лаппо⁶ (34 экз.), В. Рауделиюнаса⁷ и Г. Я. Голенченко⁸ (по 55 экз.⁹). В двух последних указа-

¹ Так высказался один из первых исследователей кодекса – выдающийся польский историк В. Мацевский: „Wielkim jak na swój wiek pomnikiem prawodawstwa jest litewski Statut i takim, jakiego ówczesna Europa nie posiadała” (W. A. Maciejowski, *Historia prawodawstw słowiańskich*, t. I, s. 207).

² Ю. Бардах, *Литовские Статуты – памятники права периода Возрождения*, [в:] *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.*, Москва 1976, с. 90.

³ В то время пределом „производственных мощностей” типографий был выпуск книги (издания) тиражом в тысячу экземпляров (см.: *Государевъ Печатный Дворъ...*, с. 15).

⁴ Если все же брать во внимание перипетии создания 2-го издания кодекса, цифру следует снизить до 2500 экземпляров.

⁵ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи Литовскаго Статута 1588 года*, с. 201.

⁶ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. V-XXX.

⁷ V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidimai...*, s. 150-153.

⁸ См. энциклопедическую статью: Г. Я. Голенчанка, *Статут у бібліотеках і архівних зборах*, с. 531-532.

⁹ Строго говоря, в перечне Г. Я. Голенченко отмечено 56 позиций, однако экземпляр РНБ 1.2.7⁶ фигурирует дважды – как принадлежность первого и второго изданий. Причины такой

телях, донныне считающихся актуальными, фигурируют книги, которые сегодня следовало бы причислить к числу утерянных: это вильнюсские экземпляры из Книжной Палаты и частного собрания Э. Лауцявичюса, а также включенный в список В. Рауделюнаса экземпляр из библиотеки МГУ. Таким образом, авторитетная литература вопроса, увидевшая свет во второй половине XX века, показывает, что число хранившихся в библиотеках и книгохранилищах „русских” первопечатных Статутов равнялось 53.

Фундаментальный труд А. А. Гусевой¹⁰, опубликованный уже в нынешнем столетии, указывает адресные координаты 64 экземпляров кодекса. Однако за вычетом утерянных и продублированных в представлении книг¹¹ список ЛС сокращается до 58 позиций.

Демонстрируемый нами перечень содержит указания на 66 экземпляров кодекса, т. е. превышает самые полные списки на 8 позиций. В реестр впервые вводится информация о „смешанном” издании, уточняются полистный состав каждой из книг и принадлежность к продукции 1588, 1591 и 1600 гг., а в тех случаях, когда это представляется возможным, приводятся данные из истории книг кодекса — главным образом, сведения о прежних владельцах.

Итак, в европейских библиотеках и книгохранилищах сегодня содержится по меньшей мере 66 экземпляров „рускомовного” ЛС: 23 из них находятся в России, по 15 — в Польше и Украине, 7 — в Литве, и по одному — в Беларуси, Великобритании, Германии, Латвии, Чехии и Швеции.

В основу представления книг легла хронология их выхода в свет, т. е. отнесенность соответственно к ЛС-1, ЛС-2 и ЛС-3. В рамках каждого из изданий экземпляры кодекса рассматриваются в соответствии с принадлежностью к месту хранения в той или иной стране, очередность последних определяется алфавитным порядком.

С учетом типографского состава „стандартного” Статута: [1]-[80], 1-41, 43-271, 271-276, 278, 277-459, 480-498, 498-554¹² при описании комплектности экземпляров приводятся указания на условную листовую нумерацию, сплошную для всей книги: нн. лл.¹³ [1]-[40], лл. [41]-[308], а в круглых скоб-

двойной классификационной отнесенности кроются в показанном нами „смешанном” составе книги.

¹⁰ А. А. Гусева, *Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог*, кн. 2, с. 783-784, 819-820, 909-910.

¹¹ См. с. 100 настоящей монографии.

¹² То есть после первых 80 нумерованных страниц Преамбулы и Реестра идут нумерованные страницы самого правового текста, но, как видим, эта нумерация грешит сбоями и пропусками.

¹³ Обозначением „нн. лл.” — нумерованные листы — далее сопровождаются ссылки на Преамбулу и Реестр Статута, в то время как листы правовой части кодекса, как имеющие постраничную нумерацию, представляются уже без эпитета — „лл.”.

ках – применительно к правовой части кодекса – подается оригинальная по-
страничная нумерация.

IV.1. Экземпляры 1-го издания

1. Латвия, Рига, Латвийская национальная библиотека, шифр R K3S/273. Экз. деф.: нет титульного листа и приложений начала тома (королевских привилегий, Посвящения Льва Сапеги Сигизмунду III, герба Сапеги со стихами Андрея Рымши, обращения ко всем сословиям ВКЛ) – т.е. нн. лл. 1-8 (далее – Преамбулы), нн. лл. 9-15 Реестра (последние заменены позднейшими вставками с рукописным изложением оглавления). Основной, т.е. правовой текст приводится полностью, затем следуют 2 листа списка ошибок и опечаток (**Шмылѣки которыи траѣилиста въ дрѣкѣ**). На форзаце под верхней доской переплета имеется заметка чернилами „Statut Welikoho Kniażestwa Litowskoho, Wilno, w drukarnie Mamoniczów 1588” с позднейшей припиской „1588? (3-й ред.)”. С правой стороны разворота форзацного листа в столбик записаны цифры, возможно, являющиеся датировкой и шифром, под которым прежде значилась книга: „1862 | 55 | 2-6”, причем последняя „шестерка” поправлена на „7”, либо наоборот – „7” на „6”. На обороте рукописной страницы, открывающей Реестр, имеются два штампа, свидетельствующие о принадлежности книги Латвийской национальной библиотеке. При этом один простой прямоугольный штемпель, содержащий пропечатанный номер и вписанный от руки индекс „№ 28 154963”, соотносится с предвоенным временем (возможно, периодом формирования книжных фондов Библиотеки, образованной в 1919 году). На нн. л. 39 типографскую концовку в виде треугольника обрамляют две записи одинакового содержания: „Конец Рееѣтра Статута”, „Koniec Reiestru Statuta”. На с. 1-30 (с пропуском в отношении с. 20-21) под правовым текстом имеется полистная запись: „1726 году мѣца и҃юля 15го дня / За вѣдомомъ Его Мл҃сти Пна Поѣковника Переѣславского / Стефана Семеновича Афендика¹⁴ / І Баришполскои сотнѣ стаѣшины Пна Алеѣандра Жита́на / На тоѣ часѣ сотникомъ будучимъ, І Атамана Баришпоѣск(ого) / Јакима Куѣменка, воита Маѣрка Куста¹⁵ / І в(се) преѣ кому будетъ наѣлежать битъ с градоначаѣ / свѣдомо буди, понеже Імѣеть сотнѣ

¹⁴ Степан Афендик – наказной полковник переяславский в 1724-1726 гг. – фигурирует в списках гетманской администрации как казачий старшина, свыше 30 лет (1719-1752 !) занимавший должность бориспольского сотника (см.: В. М. Заруба, *Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648-1782 рр.*, Дніпропетровськ 2007, с. 119).

¹⁵ Перечисленные переяславцы упоминаются в списках казаков Бориспольской сотни, которые „февраля 17 дня 1732 году [...] на верность Ея Императорскаго Величества у присяги были” (оригинал документа хранится в РГАДА, ф. 248, оп. 103, л. 8250).

Баришполскаѧ / контратъ на заграниче¹⁶ з чернцами печере^рски^{ми} / Которое право вписано в Переясловской Рату- / -ши и в Баришпо^лской Ратушы в книги. та^кое потвержено / За Мазепи Гетмана в году 1692 / особами Гиера^нними [Генеральными] Василиемъ Кочубеемъ¹⁷, писаре^{мъ} / Андрѣемъ Гамалѣю, Иваномъ Ломиковскимъ, асаулами / Также по^лковнико^м Переясловскимъ Иваномъ Лисенкомъ / І пре^д значними войсковимъ товариствомъ Григориемъ / Ка^рповичемъ, Констатиемъ Солониною, Стефаномъ Греча(ны^м) / та^ковомъ Жураковскимъ, Алек^сѣемъ Турански^{мъ} / І Василемъ Гуманскимъ¹⁸, которые своими руками / закрепили и печа^тми ствѣрдили, и о^{ни}и^и самии ориина^л / мѣть бити на ратуши Бариш / в сохраненѣи / Старшина городоваѧ единъ поединому / сход^тачи значалу извѣствова^лби о такомъ контрактѣ / і своею рукою о^тдалби под значнимъ свѣдоцствомъ / о которомъ то заграничи в сію книгу уложи^л / Трофимъ Вакуловичъ товаришъ значковии / жите^л Баришпо^лскыи¹⁹ / Іосифъ

¹⁶ Заграниче (стп. zagranicze) заграница, закордон (*Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.*, т. 10, Львів 2003, с. 7). В 1686 г. в результате переговоров о заключении очередного „вечного мира” Киев перешел от Польши к Российскому государству. При этом Киевско-Печерская Лавра была изъята из подчинения константинопольскому патриарху и передана ведению московского патриарха. „Съ этого времени Киевскій митрополить, ставшій «подъ благословеніе» Московскаго патриархата, не только de facto, но и de jure началъ жить въ предѣлахъ русскаго государства. Такимъ образомъ, та часть епархіи его, которая осталась послѣ окончательнаго присоединенія Кіева къ Россіи, въ предѣлахъ Польши, оказалась и стала называться «заграничною», т. е. находившеюся за границею русскаго государства, въ предѣлахъ польско-литовскаго королевства” (Ф. І. Титовъ, *Русская православная церковь въ Польско-Литовскомъ государствѣ въ XVII-XVIII в.*, т. II: *Кіевская митрополія-епархіа въ XVII-XVIII вв.* (1686-1797 гг.), первая половина тома, Киевъ 1905, с. 49)..

¹⁷ Василий Леонидович Кочубей (1640-1708) – украинский государственный и военный деятель, прославленный, в частности, А. С. Пушкиным в поэме „Полтава”, занимал высшие должности в Гетманском уряде. В 1687 г., будучи генеральным писарем, скрепил сочиненный Мазепой донос на Самойловича. Мазепа, став гетманом, награбил Кочубея деревнями (в том числе знаменитой Диканькой), дал ему в 1694 г. достоинство генерального судьи, а в 1700 г. исходатайствовал звание стольника. Узнав о тайных переговорах Мазепы со шведским королем Карлом XII с целью отделения Украины от России, Кочубей несколько раз предупреждал Петра I о готовившейся измене. Однако царь, доверяя гетману, счёл эти сведения клеветой и выдал Мазепе Кочубея и его единомышленника полковника Искру, которые после пыток были казнены. Вскоре по смерти стольника открылась измена Мазепы. Петр I, сознаваясь в своей ошибке, приказал возвратить жене и детям покойного конфискованные имения с прибавкою новых деревень (см.: *Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVI, Санкт-Петербургъ 1895, с. 465-466).

¹⁸ Практически все упомянутые особы из близкого окружения Мазепы фигурируют в списке „Урядники адміністрації Гетьманщини”, приводимом в монографии: С. Павлинка, *Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники*, Київ 2004, с. 554-555.

¹⁹ „Вакулович Трохим – значковий товариш Переяславського полку (? – 1726 – 1732 – ?)” (В. В. Кривошея, І. І. Кривошея, О. В. Кривошея, *Неурядова старшина Гетьманщини*, Київ 2009, с. 57).

Да^лѣнскіи писа^р сотнѣ Баришпо^лско(и)²⁰”. На обороте последнего листа ниже списка опечаток дважды – почти без изменений – воспроизводится рукописный текст: „Року 1648 мѣца ма^рта 16 дня | точылась справа моя с Коробомъ | мешаниномъ места Его кро- | -левское милости мозы^рского” (во втором варианте „мешанино^м мозы^рскимъ”). Кроме того, на полях книги фиксируются многочисленные пометы к юридическим статьям, написанные „рускомовной” скорописью или по-польски. В соответствии с помещенным в томе списком „омилок” все указанные типографами ошибки исправлены в тексте чернильными записями.

Рауд. № 16, Голенч. 1-17²¹

2. Литва, Вильнюс, Библиотека ун-та, шифр RK 156. Экз. ветхий, деф.: нет Преамбулы, Реестра, начала и концовки правового текста – лл. 41-45 (с. 1-10) и лл. 246-308 (с. 529-554). Кроме того, отсутствуют лл. 164-167 (с. 248-255), 234 (с. 366-367) и 252-253 (с. 422-425). На форзаце под верхней доской переплета приклеен листок бумаги, на котором проставлен штампик университетской библиотеки с надписью „VUB [Vilniaus universiteto bibliotekos – В.М.] Grafikos Kabinetas”²². Под печатью от руки написано: „Опись Документамъ на польскомъ Діалектѣ отъ 15 Января 1829 года. 1 штука”. На страницах книги почти нет помет, разве что в Реестре можно отметить пробы польскоязычной адаптации заглавий ряда артикулов 4-го раздела: „Dziwiędcdzieścią O promolczaniu” (арт. 90 **О промолчанью**), „Dziwiędcdziesatcą wtory O gwałtowne wy(bicie) ze spokojnego dzierzenia” (арт. 92 **О кгвалътовное выбитье зъспоконого дѣжанья**), „Dziwiędcdziesac Trzeci O napomnieniu uradowym około zapłaty sumy pniżney” (арт. 93 **О напоmnенью вриадовомъ школо заплаты сѣмы пенезѣ**) и проч. Интересно, что именно этих артикулов (от 91 до 95) – из-за пропусков в книге – не хватает в правовой части кодекса. В 20-е годы XIX века экземпляр еще принадлежал Библиотеке виленских бази-

²⁰ Имя автора записи на полях кодекса находим с датировкой „1725 г.” в иной книге В. Кривошеи: „Сотенні писарі: Дадзинський” (В. К р и в о ш е я, *Українська козацька старшина*, част. 1: *Урядники гетьманської адміністрації*, Київ 2005, с. 162-164).

²¹ В классификации Г. Я. Голенченко первая цифра указывает на принадлежность экземпляра к изданию, вторая – на порядковый номер книги в общем перечне.

²² Графический кабинет был открыт в Библиотеке в 1805 году одновременно с созданием в университете Кафедры гравюры. На хранение в Кабинет изначально принимались прежде всего старые гравюры, с 1969 года этот уникальный библиотечный фонд начал пополняться произведениями современной литовской графики.

лиан²³, в начале XX столетия хранился в фондах Виленской публичной библиотеки²⁴.

Лаппо № 25, Пауд. № 17, Голенч. 1-9

3. Литва, Вильнюс, Музей науки ун-та, шифр I 10/K 1900. Экз. деф.: нет нн. лл. 6-8 Преамбулы, правовой текст прерывается на л. 292 (с. 522). Экземпляр представляет особую ценность, поскольку (единственный из сохранившихся) содержит иной – более ранний – вариант титульного листа и приложений начала тома. Именно этот экземпляр из библиотеки графа Яна Суходольского²⁵ описал в свое время С. Линде, открыв тем самым научную разработку текста Статута третьей редакции²⁶. Информацию о бывшей принадлежности книги содержит, в частности, запись на верхнем левом углу форзаца: „O tym egzemplarzu napisał M. S. B. Linde w dziele swoim p.t.:

²³ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne dotąd znanych egzemplarzy Statutu Litewskiego...*, s. 171. Упомянутая библиотека начала формироваться еще в те времена, когда виленский Свято-Троицкий монастырь являлся православным. В 1584 году здесь образовалось Троицкое Братство, иноки которого „уже въ 1609 г. лишились своей обители, насильственно переданной базилианамъ (лишь в 1839 г. монастырь поступилъ опять въ православное вѣдомство). [...] Въ ризницѣ и библиотекѣ монастыря хранятся немало достопримѣчательностей [...] множество древнихъ рѣдкихъ изданій на славянскомъ, русскомъ, польскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ” (см.: *Православныя русскія обители*, Санкт-Петербургъ 1910, с. 536-537).

²⁴ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. XX. Создание Виленской публичной библиотеки (1867-1915) находилось в прямой связи с ситуацией в Северо-Западном крае империи – подавлением восстания 1863-1864 гг. „А. Миловидов так описывает события того времени: «...в июле 1863 года, за участие в мятеже, администрация стала закрывать римо-католические монастыри и костелы, имущество которых поступало в распоряжение правительства. В имущество входили значительные собрания книг и рукописей. То же находили в конфискованных имениях ксендзов, помещиков и польских чиновников». Виленский генерал-губернатор граф Н. М. Муравьев поддержал предложение И. П. Корнилова о передаче конфискованных книг в ведение учебного округа и учреждении на их основе Виленской публичной библиотеки. Для пополнения ее фондов властями снаряжались экспедиции в библиотеки и архивы края, которые наряду с запрещенными конфисковывали старопечатные книги и рукописи и передавали их библиотеке. [...] Таким образом, в конце 60-х гг. XIX в. в Вильно была создана библиотека, [...] которая по своим книжным богатствам уступала только Императорской библиотеке в Петербурге и Румянцевской библиотеке в Москве” (Р. С. Мотульский, *Крупнейшие книжные собрания Беларуси: исторические судьбы и современные возможности*, [в:] *Библиотечное дело – 2011. Библиотечно-информационная деятельность в условиях модернизации общества*, Москва 2011, с. 74-75).

²⁵ Это книжное собрание содержалось в родовом имении графа в Дорогуске (см.: Fr. Radziszewski, *Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych...*, Kraków 1875, s. 11).

²⁶ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydany wiadomość*, Warszawa 1816.

«O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość». Warszawa, 1816». Музей купил раритетную книгу в 1977 году²⁷ у вдовы Павиласа Каразии (1887-1955) – литовского общественного деятеля, нумизмата и библиофила, который в свою очередь, еще задолго до второй мировой войны приобрел ее в антикварном магазине в Вильно. Штамп на 2-м листе кодекса „Z ksiąg Napoleona Domaradzkiego” называет еще одного прежнего владельца Статута²⁸, а просматривающаяся здесь же карандашная строчка, неразборчиво подписанная тремя-четырьмя буквами „NDr” (Napoleon Domaradzki – ?) открывает очередную, более раннюю страницу „биографии” этой книги: „Kupion u Rinnolsina w Wilnie w r. 1905 NDr”²⁹.

Пауд. № 49

4. Польша, Варшава, Библиотека Варшавского университета, шифр Sd.612.639, экземпляр полный прекрасной сохранности, содержит перечень „омылок”. В книге имеется редкий портрет Сигизмунда III на фоне портьера и с фигуркой Фортуны на скипетре. На чистом листе, вплетенном перед заглавным, есть рукописная пометка: „Romuald Hube. Kupiona u Daniłowicza profesora r. 1836 w Petersburgu”. Известный польский историк права Ромуальд Губе (1803-1890) в 30-е годы XIX века служил во II Отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии – как и И. Н. Данилович, занимавшийся тогда составлением Свода законов Западных губерний³⁰. Приватным образом Р. Губе на протяжении 40 лет собирал юридиче-

²⁷ Акт купли-продажи называет конкретную дату, когда это произошло – 22 ноября, и сумму, заплаченную за книгу – 1200 рублей (Vilniaus Universiteto Mokslo muziejus, pirkimo aktas, nr 25, l. 8).

²⁸ А. Дубонис пишет, что Домарадзкий был жителем Вильно (см.: A. Dubonis, *Trečiojo Lietuvos statuto egzemplioriai Lietuvos bibliotekose*, p. 28), но по крайней мере в одном обнаруженном нами источнике владелец Статута фигурирует как приезжий в губернский центр: „Kurjer Litewski” от 30 марта (12 апреля) 1906 года (№ 72) на третьей странице сообщает о том, что в Вильно прибыли и остановились в гостинице Соколовского: „ob. Władysław Rudziecki; ob. Jan Czechowicz, ob. Napoleon Domaracki”. Стоит, может быть, отметить, что гораздо раньше – в 1654 году – иной Домарадзкий (Людвиг) несколько раз оставил свой автограф на рукописном Слущком списке Литовского Статута 1529 г. „Домарадзкие – несколько различных польских шляхетских родов; представители одного из них [герба «Ястжембец»] обосновались и в ВКЛ” (*Первый Литовский Статут: палеографический и текстологический анализ списков*, ч. I, с. 88-90).

²⁹ В справочных изданиях Российской Империи того времени ни Н. Домарадзкий, ни Риннольсин среди „чиновных особ” Виленской губернии не значатся (см.: *Памятная книжка Виленской губернии на 1904 год*, Вильна 1904; *Памятная книжка Виленской губернии на 1905 год*, Вильна 1905; *Памятная книжка Виленской губернии на 1906 год*, Вильна 1906).

³⁰ И хотя за год до сделанной на Статуте надписи И. Н. Данилович переехал в Киев, где был назначен профессором уголовного права в Университете Св. Владимира, „не прекратил своих отношений ко II-му Отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи. Сперанскій

ские источники, скупая рукописи и печатные издания по всей Европе. Еще при жизни ученый передал часть своей замечательной коллекции в дар библиотекам Кракова, Варшавы и Одессы³¹. Именно по воле Р. Губе хорошо сохранившийся экземпляр Статута еще в 1875 году оказался в фондах библиотеки Варшавского университета³². Остается только загадкой, почему эта книга в течение ста тридцати с лишним лет не была включена ни в один польский каталог³³ и даже всезнающий Кароль Эстрейхер сомневался в ее существовании – об этом говорит знак вопроса при упоминании экземпляра: „Uniw. Warsz. (?)”³⁴.

Лаппо № 27

5. Польша, Варшава, Национальная библиотека, шифр XVI.F.561. Экз. деф.: нет нн. лл. 10-13 Реестра. Содержит „омылки”. Портрет Сигизмунда III представлен в версии „на фоне портьеры и с фигуркой Фортуны на скипетре”, однако титульный лист в значительной своей части оборван. Герб Сапеги, напечатанный на обороте нн. л. 4 книги, отражает ошибку, исправленную почти во всех известных экземплярах ЛС: стрела, пробивающая локоть, направлена снизу вверх, что не соответствует правильному изображению. Если судить по печатному штампу „Stadtbibliothek Koenigsberg”, кодекс ранее находился в Кенигсберге и в местную Городскую библиотеку³⁵ попал из фондов Библиотеки прусского палеополитанского Сената (Senatus

поручил ему продолжать разысканія въ области древняго польско-литовскаго законодательства” (См.: *Біографічний словарь професорівъ и преподавателей Императорскаго Университета Св. Владимира*, с. 162-163). Сам факт расставания профессора с ценной книгой скорее связан с переклочением исследовательского внимания ученого на ранние – рукописные – редакции Статута 1529 и 1566 гг.

³¹ *Katalog druków XVI w. w zbiorach Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie*, т. 3, Warszawa 2007, s. 839.

³² См.: *Katalog druków XV i XVI w. w zbiorach Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie*, т. 1, Warszawa 1994, s. 24.

³³ А. Kawecka-Gryczowa, *Katalog starych druków Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy*, s. 103-105; М. Cytowska, *Bibliografia druków urzędowych XVI w.*, s. 114-116.

³⁴ К. Estreicher, *Bibliografia Polska*, т. XXIX, s. 233.

³⁵ „Городская библиотека была одним из старейших книжных собраний Кенигсберга. Ее возникновение связано с именем И. Полиандера (1487-1541), проповедника Альштадтской церкви. В 1541 г. Полиандер передал свое собрание книг – более тысячи томов, а также много рукописей и карт Альштадтскому городскому совету. Это собрание стало основой будущей библиотеки. Около 1500 томов пожертвовал библиотеке вице-бурмистр Г. Бартш (1627-1702) сын которого – Гейнрих Бартш-младший (1670-1774) – в 1718 г. сделал библиотеку открытой для публики. [...] В 1939 г. фонд Городской библиотеки насчитывал 106 000 томов. Библиотека погибла во время бомбового налета британской авиации в августе 1944 г.” (К. К. Лавринович, *Каталоги Кенигсбергских библиотек 18 в. в Российском государственном архиве древних актов*, „Калининградские архивы”, вып. 3, Калининград 2001, с. 104-105).

Palaeopolitani Bibliotheca). Дарственная же надпись на латинском языке показывает, что в начале XVIII века Статут принадлежал Иоану Рейеру, прусскому придворному советнику: „Praenobilissimi et Amplissimi Senatus Palaeopolitani Bibliothecae Haec Statuta Magni Ducatus Lithuaniae Ruthenico idiomate excusa et e Supellectile Libraria B. D[omi]ni Joann[is] Reyeri Aulici et Legationum Consiliarii ad me devoluta exiguo Dono offero! Reinholdus Fridericus Sahme. J. U. D. et Prof[essor] Publ[icus] Sacr[ae] Reg[iae] Majest[atis] in Prussia in Consistorio Sambienſi Consiliarius. Regiomonti D[ie] VI Febr[uarii] MDCCXX”³⁶. Автор пометы, также представляющийся как владелец книги, Райнхольд Фридрих фон Сахме (1682-1753), был немецким юристом, профессором права университета в Кенигсберге, первым канцлером Альбертины³⁷. Основная часть кодекса снабжена пометами, призванными облегчить польским пользователям книги ориентацию по тексту: на страницах кодекса, излагающих содержание артикулов I-II и XI-XIV разделов, сверху на каждом развороте написано: слева: „Rozdział”, справа: „Pierwszŷ” („Wtorŷ”, „Jedennastŷ” и т. д.); сами же статьи сопровождаются записями: „art. 1”, „art. 2”, „art. 3”... Экземпляр находится в очень хорошем состоянии, чему в немалой степени способствовала умело проведенная консервация.

Пауд. № 53, Голенч. 3-12³⁸

6. Польша, Варшава, Национальная библиотека, шифр XVI.F.612. Экз. деф.: нет Преамбулы, Реестра. Правовой текст начинается с л. 55 (с. 29) и заканчивается л. 292 (с. 522), хотя последние два листа очень сильно оборваны. Лишь фрагмент сохранился также от л. 399 (с. 535-536). Помимо пропуска в начале книги не хватает лл. 56-127 (с. 31-175), 186-187 (с. 290-293), 293-298 (с. 523-534), 300-305 (с. 537-554). О принадлежности экземпляра Библиотеке Ординации Замойских³⁹ свидетельствует штамп „Ex bibliotheca

³⁶ Приведу здесь ее перевод: „Библиотеке преславног и освещенного Палеополитанского Сената преподношу как скромный подарок эти Статуты Великого Княжества Литовского, напечатанные русским шрифтом, которые попали ко мне из домашней библиотеки пана Яна Рейера, придворного и советника по делам посольств. Рейнхольд Фридерик Сахме, доктор обоих прав, Публичный профессор Его Королевского Величества в Пруссии, Советник в самбийской консистории. В Кенигсберге дня 6 февраля 1720”.

³⁷ См.: J. G. Meusel, *Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller*; band 12, Leipzig 1812, s. 15-16.

³⁸ У В. Рауделюнаса и Г. Я. Голенченко экземпляр ошибочно отнесен к 3-му изданию.

³⁹ Эта публичная библиотека была открыта в Варшаве в 1811 г. стараниями польского магната Станислава Костки Замойского (1775-1856). В основу ее фондов легли книги ликвидированной в 1784 году Замойской Академии, а также частные книжные коллекции. К концу XIX столетия Библиотека Ординации Замойских обладала уникальными архивными собраниями, рукописями и книгами. Во время Второй мировой войны библиотечное собрание сильно пострадало: уцелело лишь 1,5 % из имевшихся здесь 120 000 книг, правда, самые ценные

С. О. Zamoyski”. На страницах кодекса встречаются многочисленные записи, датированные 1629-1680 гг. и представляющие собой семейную хронику. В пометах упоминаются Samuel, Aleksandr, Hregory i Wasiley Chmary, Jan Świdorski, Antoni Szolkowski, Marcin Szostkowicz, rodzina Komarów и др., напр., с. 201: „W roku 1633 miesiąca grudnia 28 ustąpiłem oyczyzny bratu Fiodorowi Chma[rze] ... Samuel Chmara”; из другой маргиналии узнаем, что Самуэль Хмара в 1629 г. женился – ему адресуются пожелания счастья и Божьего благословения. Позднейшая приписка на лл. 241 verso – 242 recto (с. 400-401) рассказывает о драматических событиях, предшествовавших третьему разделу Польши: „Moskał wszedł do Polszy Roku 1790 Biskupa Mosalskiego y Biskupa Krakowskiego y Hetmana Kosakowskiego powieszono 1793 roku Woiewucstwie Minskim Rekrutow y Pogłowna poczeli brać roku 1795 | a w powiecie Oszmianskim i woiewucstwie Wilenskim y tam daley Rekrutow y Pogłowna poczeli brać w roku 1796”. Как владельческая может трактоваться запись XVII в. на с. 450: „Siia kniha nazwanaia Statut służaszczaia w Bohu wielebnomu otcu Michału Maskiewiczzu przewiteru chołcholoskomu⁴⁰ ktoroiu ja predał za połtora talara. Antoni Szotkowski otcu Michału Maskiewiczzu. X. Michał Maskiewicz”. Принадлежность книги духовной особе подчеркивает маргиналия на с. 250, довольно приблизительно воспроизводящая слова апостола Павла: „прише Гднь Бгъ нашъ помня грѣшныхъ спасти” (1 Тим. 1:15). На с. 271 под статьей с названием **яко маєть мужъ жоне записати вено** значится: „Potrzebny artykuł dla przeczytania, ktoze chce zenic”. Помимо указанных помет на страницах книги имеются иные – менее серьезные: с. 179: „Moia ukochana serdeczna poduszko praszahasz moje na tobie serduczko praszahasz główkę na tobie mysl moia wszystka spoczywa”; с. 217: „Było to niekiedy za dawnych lat Że nie prędko zobaczył pieniędzy urodzony brat Ale teraz już do tego przychodzi Że y Żyd cie znaiąc nasrebro kiedy masz pieniędzy wygodzi”.

Лаппо № 30

экспонаты – инкунабулы и старопечатные издания XVI века – на счастье, уцелели, поскольку хранились в подвальных помещениях. В 1945 году сохранившиеся фонды были переданы в Польскую Национальную библиотеку (BN) как депозит Яна Замойского, последнего владельца майората (см.: В. Н о г о д с к и, *Zarys dziejów Biblioteki Ordynacji Zamojskiej*, [w:] *Studia nad książką poświęcone pamięci K. Piekarskiego*, Ossolineum 1951, s. 295-341). В свете затрагиваемой в настоящей монографии проблематики стоит отметить, что среди раритетных позиций Библиотеки Ординации Замойских значится рукописный Литовский Статут первой редакции (1529 г.).

⁴⁰ Его преподобие Михал Маскевич служил как „proboszcz unicki w Chołcholicach” (*Katalog druków cyrylickich XV-XVIII wieku w zbiorach Biblioteki Narodowej*, opr. Z. Żurawińska, Z. Jaroszewicz-Pierśławcew, Warszawa 2004, s. 339). Холхологицы – село, расположенное недалеко от реки Бerezины под Минском (*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów Słowiańskich*, t. I, Warszawa 1880, s. 624).

7. Польша, Варшава, Национальная библиотека, шифр XVI.F.669. Экз. деф.: нет титульного листа, привилегии на латинском языке (нн. л. 8) и последнего листа правового текста (л. 308 – с. 553-554). Содержит список „омылок”. Эклибрис „Ex Bibliotheca Caesareo-regiae Universitatis Leopoliensis” „N. 27008”⁴¹ удостоверяет факт принадлежности книги Библиотеке Львовского университета⁴², который „цесарско-королевским” именовался в 1784-1918 гг. Штaмп „CR Bibliotheca Universitat Leopoliensis” встречается также на л. 85 (с. 91) и на нн. л. 2 со списком „омылок”. Дарственная надпись на нн. л. 40 verso гласит: „Roku 1766 ... my Akim i Siemien Rancewiczowie z dobrej woli naszej tę Statut ruskim pismem drukowany JM. P. Antonowi Skumic (?) Ospo(no)wiczowi (?) P i D Grodeckimu wiecznie darowaliśmy y nich o tę Statut upominać się ni ma na co y ręko naperszy podpisujemy się pisan ... Jachim Rancewicz, Семень Ранцевичъ”. На полях книги имеются редкие заметки юридического характера на польском и „русском” языках. Несколько раз при названиях артикулов кодекса встречаются приписки, уточняющие содержание статей: с. 389: **Цѣна пчоламъ**: „и свепетю выда^ртому” (X-14), с. 404: **Въ звѣдахъ**: „и жуца^ню жере^беевъ”. На с. 208 фиксируется маргиналия: „Прише Г^дъ Б^гъ нашъ до многогрѣшнихъ спасти”, на с. 552 – последней из сохранившихся – под печатным текстом читается: „Початокъ мудрости”. Экземпляр некогда был подмочен.

Пауд. № 54, Голенч. 3-13⁴³

8. Польша, Варшава, Публичная библиотека, шифр F.6. Экз. деф.: нет листов титульного и последнего (л. 308 – с. 553-554), замененных позднейшими литографическими оттисками с рукописных подделок под старопечатать Мамоничей (перед литографированием текст и контуры рисунков ско-

⁴¹ Интересно, что под подобной сигнатурой фиксируется иной экземпляр ЛС, имеющий отношение к Львовскому университету: шифром 27008 III/Cim. обозначен ныне кодекс, находящийся в Научной библиотеке ун-та им. И. Франко (в нашем перечне он представлен под № 23).

⁴² Эта библиотека по праву считается самой старшей среди всех вузовских в Украине, поскольку ведет свое начало от библиотеки, созданной в 1608 году „при Львівському єзуїтському колеґіумі, якому за дипломом короля Яна Казимира від 20 січня 1661 року було надано «гідність академії та титул університету» [...] 21 жовтня 1784 року за дипломом імператора Йосифа II у Львові відкрито університет, якому були передані обладнання та бібліотека нечинної вже Львівської єзуїтської Академії” (М. С. Степанова, *Історія бібліотек на сайтах вузів України*, [в:] *Культура народів Причорномор'я*, 2004, № 48, т. 2, с. 129-130). В 1848 году книжные фонды библиотеки составляли свыше 51 тысячи позиций, но после пожара, ставшего следствием обстрела города во время Ноябрьского восстания 1918 г. против Австро-Венгерской империи, „від вогню вдалося врятувати тільки 13000 томів”. Потом Библиотека интенсивно пополняла свои собрания и „перед другою світовою війною налічувала вже близько 400000 одиниць зберігання” (там же, с. 131).

⁴³ Экземпляр классифицирован ошибочно.

пированы с оригинала путем обводки на просвет⁴⁴); отсутствуют также нн. лл. 4, 5, 7 и 8 Преамбулы; нн. лл. 9-13, 15-23, 26 Реестра; лл. 74-75 (с. 68-71), 138 (с. 196-197), 305-307 (с. 547-552) правовой части. Пропущенные начальные артикулы Реестра восстановлены записями от руки на двух листах, вpletенных в книгу. Нн. лл. 14, 24-25, 27, 38 Реестра по краям оборваны, в этой же части кодекса фиксируются случаи перестановки листов местами. Экземпляр оказался в библиотеке как дар – в составе книжного собрания, переданного в „Публичку” по завещанию графа Якуба Ксаверия Потоцкого⁴⁵, наглядное свидетельство тому – штамп на verso нн. л. 2 Преамбулы: „Biblioteka Publiczna M. St. Warszawy. Dar hr. J. Potockiego”. На обороте форзачного листа под верхней доской переплета размещена вклейка с заметкой из газеты „Возрождение” (Париж) от 1.VI.1927 года: „Бывшій членъ Государственной Думы и Государственного Совета А. Хоминскій нашель въ библиотекѣ своего имѣнія подѣ Вильной польскій рукописный переводъ Литовскаго Статута, относящійся къ XVI-му столѣтію. Рукопись эта является цѣннымъ уникамомъ и до сихъ поръ не была извѣстна”⁴⁶. Правовому

⁴⁴ Копии предположительно изготовлены в мастерской В. Бартиновского (см. с. 203-209 настоящей монографии).

⁴⁵ См.: *Sprawozdanie Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy za drugą połowę 1935/1936 roku*, „Bibliotekarz: biuletyn Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy, poświęcony sprawom bibliotek publicznych”, 1936/37, nr 6, 7, s. 71. Граф Якуб Потоцкий (1863-1934) по образованию был юристом, но занимался в основном управлением своего немалого хозяйства. Относился к кругу самых богатых людей II Речи Посполитой и получил известность как щедрый меценат. Огромную часть состояния передал Фонду, деятельность которого была направлена на борьбу с раковыми заболеваниями и туберкулезом; собрание произведений искусства завещал Национальному музею в Варшаве; создал несколько библиотек (см.: *Polski słownik biograficzny*, t. XXVIII, Ossolineum 1984, s. 23). Книжные фонды графа насчитывали 12 тысяч томов (в том числе 2700 старопечатных изданий) и включали в себя, в частности, позиции, внесенные как приданное матерью – Марией из рода Сапегов (См.: М. Kucharski, *Helenów*, „Przegląd Pruszkowski” 2007, nr 2, s. 74-75). В годы Второй мировой войны библиотеку графа Потоцкого забрали немцы, но в 1945 г. она была обнаружена в целости и сохранности под Варшавой и возвращена Публичной библиотеке (см.: *Polski Słownik Biograficzny*, t. XXVIII, s. 23).

⁴⁶ Рукописный польскоязычный текст Статута можно было бы считать „уникамом” только при условии достоверности указанной в сообщении датировки – если он, действительно, относился „къ XVI-му столѣтію” или по крайней мере был написан перед 1614 годом – временем первого издания кодекса ВКЛ на польском языке. Об одном из ранних польских переводов ЛС, хранившихся на виленской земле, а точнее в фондах Библиотеки старого Виленского университета, писал И. Данилович: „Nayważniejszy z polskich rękopismów posiada biblioteka wileńskiego uniwersytetu, z daru K. Kontryma, wzięty z kościoła opactwa bazylińskiego w Kołomy pod Grodnem. Pyszny ten in fol. exemplarz str. 354 spółcześnie numerowanych mający; naykształtniejszym prostopadłym charakterem włoskim, niczem od druku kursywnego nie różniącym się pisany; tytuły artykułów czerwone, i złożone niegdyś brzegi mający [...] Nie umieli właściciele chować skarbu tego: bo nie tylko wszystkie karty ma pozamaczane, ale tytuł ma całkiem

тексту кодекса сопутствуют многочисленные польскоязычные пометы юридического характера, иногда дублируемые „русской мовой”. В частности, при заглавиях артикулов достаточно регулярно встречаются записи, соотносящие положения ЛС с иными законодательными актами, напр.: „Constitut: Trybunals: Ro[k] 1587” (I-20); „Cons: Rok 1562 Kar. 15”, „Cons. Rok 1551 Kar 219”, „Кон° рокъ 1562 [цифры представлены в буквенном обозначении – В.М.] ка° 15”, „Кон° рокъ 1551 ка° 219” (I-24). Чаще всего фигурирует помета, идентификация которой вызвала бы определенные затруднения, если бы имеющееся в ней сокращение в двух-трех случаях не было бы по тексту раскрыто: „Stat Srze:” – „Stat. Srzed.”, „Stat. Srzedn”: напр.: „Stat. Srze Roz I Ar: 14” (I-18), „Stat. Srzed. Roz. I Ar. 15” (I-19) и, наконец: „Stat Srze. Roz 4 Ar: 1”, „Статут середни° а° 1 Ро°д 4” (IV-1). Анонимный владелец книги соотносил содержание печатного кодекса со Статутом более ранней – второй или же, по его определению, „средней”⁴⁷ – редакции⁴⁸.

Пауд. № 55, Голенч. 3-14⁴⁹

9. Польша, Курник, Библиотека АН, шифр Cim. F. 4183. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9, 13-14, 33 Реестра; лл. 57 (с. 33-34), 67-68 (с. 54-57), 126 (с. 172-173), 236 (с. 390-391) правовой части кодекса. Текст прерывается на л. 272 (с. 483). В книге фиксируются многочисленные случаи перестановки листов местами при позднейшем переплете. На форзаце имеется несколько рукописных заметок религиозного и поучительного содержания, напр., цитаты из Псалтыри: „Заблудих **яко** овча погибшее” и перифразы псалмов: „Błądziłem z prawej drogi, na drogę nier(а)wości”, „Праведникъ **яко** фини(ксь) процвитеть **яко** кедръ [иже] въ Ливанѣ **ѡмножитсѧ**”⁵⁰. С правой стороны разворота форзадного листа наклеена карточка, на которой ру-

wydarty” (I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 163). При датировке рукописи ученый ограничился уклончивым: „Pisanym będzie między 1588 rokiem a 1614, w którym druk pierwszy się ukazał” (ibidem, s. 164). Ср. представленные сведения с данными наших наблюдений, приводимыми в настоящей монографии в Приложении 2: „О рукописном экземпляре ЛС 1588 года из фондов Берлинской королевской библиотеки” (с. 354-366).

⁴⁷ „Śrzedni – pośredni między drugimi. ... Ross. средний, середный, срединный” (S. B. Linde, *Słownik języka polskiego*, t. V, Lwów 1859, s. 420).

⁴⁸ Ср. заглавия артикулов, которые сопровождаются процитированными маргиналиями: **Не маеть ни хто ни за кого терпѣти, только кажды° самъ за себе** (ЛС-1588, I-18) – Не маеть никто ни за чій кольвекъ учинокъ терпѣти только каждый самъ за себе (ЛС 1566, I-14); **Хтобы много за мало ѡпросиѧ аю безъ данины побралъ** (ЛС-1588, I-19) – Хтобы много за мало упросилъ а безъ данины побралъ (ЛС 1566, I-15); **ѡ вольномъ ѡбиранию вриадъ земъского сѣди° подъсѣдъко° и писаро° в каждо° земли и поветѣ** (ЛС-1588, I-18) – О выбиранью судей въ повѣтъ (ЛС 1566, IV-1).

⁴⁹ Экземпляр классифицирован ошибочно.

⁵⁰ Ср.: Пс. 118:176; Пс. 91-13.

кой Адама-Тита Дзялынського⁵¹, основателя Курницкой библиотеки, написано: „drugiego wydania także niecałego jest iednak u mnie 33 stronicy więcej” [уточнением этой справки служит запись на с. 483, последней из сохранившихся в экземпляре книги: „W drugim moim exemplarzu wydania podobno II-go⁵² iest 33 stronic a raczej kartek więcej”⁵³]. На упомянутой же форзацной вклейке ниже заметки А. Дзялынського фиксируется фраза, написанная иным почерком: „Jako JEM Panu Żurakowskiemu”⁵⁴. На recto нн. л. 40 читается: „Jasnie Wielmożny u Miłosciwy Panie u Dobrodzieiu nasz”⁵⁵, на обороте же приводятся выдержки из хроники, говорящие о принадлежности книги Гошевскому монастырю⁵⁶: „Року Бжѣго 1716 якъ оутраплѣна було ѿ савовъ: на сѣтого великомученика Георгіа: лѣтера пасхалнага к^{с(т)}же червона. Тогожъ року звязокъ⁵⁷ товаръ в гошевѣ з манастиру забравъ та й з села. Року

⁵¹ Адам-Тит Дзялынський (1796-1861) – польский аристократ, политический деятель и меценат искусств. Для комплектования фондов своей богатейшей библиотеки, а прежде всего сбора уникальных рукописей и старопечатных изданий в 1817-1823 гг. граф путешествовал по Польше и Европе, устанавливал отношения с антикварами и учеными. Известность и уважение в научном мире А. Дзялынський получил как издатель исторических памятников письменности, в числе которых был, в частности, текст 1-й редакции Литовского Статута (см.: *Polski Słownik Biograficzny*, t. VI, Kraków 1946, s. 77-78).

⁵² Речь идет об экземпляре, представленном в нашем перечне под № 30.

⁵³ Приведенная информация нуждается в корректировке: А. Дзялынський не брал во внимание пропусков листов в середине книг, учел лишь то обстоятельство, что экземпляр C1m F 4183 прерывается на л. 272, а C1m F 4182 на л. 305.

⁵⁴ Польские шляхтичи Жураковские ведут свое начало с Червонной Руси, где в Галицкой земле находилось их фамильное гнездо – село Жураки. На протяжении нескольких веков род Жураковских разрастался, в интересующем нас XIX столетии выделяется уже несколько его ответвлений, в том числе подольское, житомирское, киевское и каменецкое (см.: W. Łoziński, *Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku*, t. I, Lwów 1904, с. 291). Определить, кто именно из Жураковских и в какой связи упоминается в записи на экземпляре Статута не представилось возможным.

⁵⁵ Надпись повторяется на с. 21 кодекса.

⁵⁶ Гошевский греко-католический монастырь Чина св. Василия Великого считается одним из главных религиозных центров Западной Украины. Первое упоминание о обители датируется 1509 г. В начале XVII века, после того, как крымские татары сожгли старые постройки, монастырь возвели заново – на местной Ясной горе. Его расцвет приходится на середину XVIII столетия: именно в это время монахи обретают свою бесценную святыню – чудотворную икону Гошевской Божьей Матери (копия Ченстоховской иконы). На месте старой монастырской церкви в 1842 году был построен большой каменный храм. Вплоть до начала Второй мировой войны обитель являлась местом паломничества. В годы советской власти монастырь закрыли, и лишь в начале 1990-х гг. его деятельность была возрождена (см.: І. Андрухів, „Цариця Карпатського краю”. *Нарис історії Василянського чернецтва, монастиря та чудотворної ікони Матері Божої в Гошеві*, Івано-Франківськ 2002, с. 50-61, 135-137). Сегодня к чудотворной иконе, называемой „Царицей Карпат”, устремляются верующие со всей Европы.

⁵⁷ „Звязокъ – 5. Об’єднання, товариство, братство” (*Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.*, т. 11, Львів 2004, с. 144).

1719 градъ збѣжа⁵⁸ вѣбивъ в гошевѣ и на Дарин(ѣ)⁵⁹. Roku Pańskiego 1717 jak Habit wziół yierodyiakon Joanyky. Poswięcił się Roku 1718 na dyiakony w Uniowie⁶⁰ ...”. На с. 178 имеется запись, упоминаящая, возможно, чело- века, в честь которого обитель и названа Гошевской: „Wielmoznemu Jmoscy Panu Mikolaiowi Hoszowi⁶¹ Paniczu sługa WM Panu Dobrodzieiowy Upraszam WM Pana Dobrodzieiowi o zilozo plugowe⁶²”. В качестве владельческой мож- но было бы рассматривать помету на с. 219: „Сѣа книга Пресвѣтънаго Преображенѣа Гдѣа Бѣа и Спаса Нашего Ісѣа Хѣа⁶³ року 1715 мѣстаца марта дня 23 за игумена Јосифа Лукавѣскаго”, однако уже следующая за этим текстом приписка такую вероятность как будто исключает. Ее автор заявляет весьма категорично и не очень деликатно: „Неprawda Bresze” (смешанная графика с аппликацией латиницы и кириллицы), „неправда”. Несколько раз на страницах книги появляется оценка, существенно отличающаяся от все- го того, что было когда-либо сказано или написано о Статуте: с. 64: „Ta krziona niepotrzebna nynaczo Abo w ogen rzucicz Abo wodę wtopecz”; с. 134: „Сѣа книга не стоить сѣа нѣчого хѣба вѣ (двухъ – ?, чтобы показать, что буква имеет числовое значение, над ней писалось простое титло) | Ірошки Атѣречного (?) ровѣна | кремѣбожихъ⁶⁴ словъ”; с. 210: „Roku Pańskiego 1743 ta krzonga nie- zda ninaso abo w ogen rzucyz”; с. 392: „Сѣа книга нѣ нащо нездасѣтьсѣа хѣба

⁵⁸ „Збѣже див. збоже”(Словник української мови XVI – першої половини XVII ст., т. 11, с. 90).

⁵⁹ Приселок Гошева, еще в XIX-м. веке известный как Гериня, назывался в XVII ст. Диринье (см.: А. С. Петрушевичъ, *Сводная галицко-русская летопись съ 1600 по 1700 годъ*, Львовъ 1874, с. 228).

⁶⁰ Унев (укр. Унів) – село во Львовской области, славное своим монастырем. Будучи по- строенным в XIV в. как обитель оборонного типа, монастырь Успения Богородицы сначала был православным, но в описываемое в заметках время стал уже греко-католическим. С се- редины XVII в. здесь действовала Уневская типография, одна из известнейших в Восточной Европе (см.: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...*, т. XII, Warszawa 1892, s. 807-808).

⁶¹ С именем местного богатого шляхтича Николая Гошовского (Mikołaj Hoszowski) связа- но обретение монастырем чудотворной иконы и земель Ясной горы под постройку святилища на новом месте. Все это, равно как часть имущества, в 1759 году Гошевские передали в дар монастырю „за ніякі гроши ..., но лишь съ чистой любви къ увеличенію хвалы Божой и сла- вы Пресвятой Дѣвы Маріи Матери Божой и всѣхъ Святыхъ” (*Монастырь Чина св. Василя Великого на Ясной горѣ въ Гошевѣ съ иконою пресв. Богородицы, сливущею чудесами*, Львовъ 1878, с. 10-12).

⁶² *Zilozo plugowe* – оборот *плуговое железо* в укр. огласовке – ‘сошник, лемех’. См.: *Сло- варь русского языка XI-XVII вв.*, вып. 17, Москва 1989, с. 110 со ссылкой на „Назиратель”, 320; ср. варианты заглавного слова в словаре украинского языка того времени: „Железо, железо, желѣзо, железо, зелизо, зелѣзо” (*Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.*, т. 9, Львів 2002, с. 140).

⁶³ Церковь во имя Преображения Господня является монастырским храмом гошевских ба- зилиан. Именно в ее стенах (каменных с 1842 года) хранится чудотворный образ матери Божьей.

⁶⁴ Ср.: *krombożny* – *bezbożny* (*Słownik polszczyzny XVI wieku*, т. XI, Ossolineum 1976, s. 241).

спалити албо во воду вкинути до чорѣта. Јро^ддиаконъ Јоаники з Лукавиць⁶⁵. О причинах антипатии, похоже, говорит запись на с. 128: „Сѣа книга во сихъ сѣа краѣ^х нездасѣтъ | хѣба | в Лѣтъвѣ”. Все эти предвзятые высказывания о кодексе, судя по почерку, сделаны одним и тем же лицом. На с. 392 его „маргинальную” деятельность сопровождает комментарий иного человека: „Ѡ дури книгу попаскудиль”. Кроме того, на страницах экземпляра фиксируются также надписи: фрагменты молитв, в том числе поминальной, приводимой в столбик на правом поле: „Pawe- | -l | W Ponie- | -dzal- | -ek | Za Du- | -szy | Wa- | -syły- | -u | y | Chry- | -sty- | -ny” (с. 150), „Гдѣ Бжѣ нашъ миръ даждь намъ Гдѣ Бжѣ намъ свящѣни Гдѣ развѣ бо тебе інаго Бгѣ незнаемъ ім(е)нѣа твоє іменуемъ” (с. 334); воспроизведение традиционной формулы зачина, используемого в указах и распоряжениях польского короля: „Wszem obec i kazdemu z osobna komu o tym wiedziec bedze należało tak Duchownego jako i swieckiego stanu ludzom...” (с. 231 и 261); вирши в двух языковых версиях: „Јако в днѣ іасний тѣнь за члѣко^м ходитъ, такъ щастѣа в нещѣтѣю на члѣка годить. Јако w dzien iasnij cien za człowiekiem chodzi, Tak szczęście w nie-szczęściu na człowieka godzi” и такие образцы силлабической поэзии, как: „Nie to wiec mądry co wiele spraw umie Lecz co zle z dobrym rozuznac rozumie” (с. 378), „Хто бога^ѣ то всѣмъ бра^ѣ, а хто нѣчого не має того нѣхто не знає” (с. 401); обращение к образу из сочинения Иоанна Дамаскина⁶⁶: „градѣт твоѣа побѣдительнаа дѣсница” (с. 455); ссылка на библейский мотив о втором пришествии Иисуса Христа и страшном суде⁶⁷: „Pride Gospod na obloczech. Slawno pride. Wszech sudyty so sławioiu jawno Swatych anel y ar-honhel bezczislenich Proslawlonich Swatich...” (с. 459) и нек. др.

Райд. № 19, Голенч. 1-12⁶⁸

⁶⁵ Относительно недалеко от Гошева имелось несколько населенных пунктов с названиями Лукавицы, Лукавица, Лукавец, Лукавцы. Это расположенные ныне на территории Львовской области села: Верхние и Нижние Лукавицы Стрыйского района (до второй мировой войны – Станиславовское воеводство), Лукавица Самборского района, Лукавец Бродовского района; на карте Черновицкой области значились в XVIII столетии Лукавцы, а в Тернопольщине – Лукавица, где находился базилианский монастырь. Он был ликвидирован в конце XVIII в. декретом австрийских властей Галиции. „Nie wiedząc nic o tem, że Marja Teresa już zadekretowała łączenie, czyli t. zw. koncentrację wszystkich małych monasterów, wystosował prowincał O. Bratkowski (r. 1774) prośbę [...] o zniesieniu monasteru w Łukawicy celem powiększenia majątku monasteru w Czortkowie. Spełniono chętnie jego prośbę, lecz majątek zabrano do kasy rządowej” (W. Ch o t k o w s k i, *Redukcje monasterów bazylijańskich w Galicji*, Kraków 1922, s. 7).

⁶⁶ Воскресные каноны преп. Иоанна Дамаскина начинаются ирмосом песни 1-го гласа, где Иоанн благодарит Богоматерь за чудо исцеления отсеченной ему прежде руки: „Твоя победительная десница боголепно в крепости прославилася...”.

⁶⁷ „И узрят Сына Человеческаго грядуща на облацех небесных с силою и славою многую. [...] Егда же придет Сын Человеческий в славе Своей и вси святѣи Ангели с Ним” (Мф. 24, 30; 25, 31).

⁶⁸ Приводимые здесь данные о составе экземпляра неточны.

10. Польша, Краков, Ягеллонская библиотека, шифр Сim. F. 8428. Экз. деф.: нет листов титульного и последнего (л. 308 – с. 553-554), замененных позднейшими подделками под старопечать Мамоничей⁶⁹, а также л. 4 Прембулы, вместо которого вплетена ксерокопия. Лист 97 (с. 114-115) – из кодекса 3-го издания. На страницах имеются многочисленные заметки (в основном польскоязычные), представляющие собой, как правило, отсылки к иным разделам и артикулам Статута. Из лл. 279-307 при правом срезе вырван небольшой клочок, расширяющийся ближе к концу книги – дефект уμεло устранен при реставрации. В целом, вследствие квалифицированных реставрационных работ этот экземпляр является одним из лучших по степени сохранности бумаги (ее белизне, прочности, просматриваемости филигранных и под.). На обороте нн. л. 8 (с текстом привилегии на латыни) выписаны латинские пословицы с их переводом на польский язык⁷⁰. Владельческие же записи фиксируются на нн.: л. 3: „Andreas Krizinowicz Statut pisał Renką swą”, л. 6: (тем же почерком) „Nie wszitko ia pisalem iest y druku”, л. 9: „A Kr S W P” (Andreas Krizinowicz swoją własną personą – ?), л. 13: „Andreas Krizinowicz scripsit”⁷¹. Как удостоверяет запись на старой карточке картотеки, Библиотека купила книгу в 1880 году у ксендза Игнацыя Польковского (1833-1888), польского историка, библиографа и коллекционера, известного также своей издательской деятельностью⁷². Из воспоминаний Кароля

⁶⁹ См. ссылку 44 в данном разделе книги.

⁷⁰ 1. Amicus magis necessarius est quam ignis et aqua.

Przyjacieli potrzebniejszy niż ogień i woda.

2. Tempore felici multi sunt amici, dum fortuna perit nullus amicus erit.

Czasu szczęścia wiele jest przyjaciół, a gdy się noga powinie ż znajomy ominie.

3. Quidquid agis prudenter agas et respice finem.

Cokolwiek czynisz, mądrze czyn a patrz końca.

4. Omnia sunt homini tenui pendentia filo.

Wszystkie rzeczy człowiecze na nici zawisły.

5. Omnia si perdas famam servare memento.

Jeśli pieniądze zginą, mieziek schować pamiętać.

⁷¹ Вполне вероятно, что автор записей всего лишь латинизировал свои фамилию и имя. В этом случае Andreas Krizinowicz на самом деле именовался бы Andrzej Krzyżanowicz.

⁷² „Ks. Ignacy Polkowski kończył nauki w Akad. duchownej warsz., wyświęcony na księdza 1857, był sekretarzem arcybiskupów Fiałkowskiego i Felińskiego. Po r. 1863 poszedłszy na emigracją zwiedził Rzym, Paryż i Niemcy; wreszcie osiadł w Krakowie, gdzie oddał się pracom naukowym. Był czł. kor. Akademii Umiej. w Krakowie i czł. kilku Komisyj” (*Sprawozdania Komisji do badania Historii Sztuki w Polsce*, t. VI, Kraków 1897-1900, с. XLVI). Как потом оказалось, продажа И. Польковским Статута спасла книгу: после смерти ксендза его книжное собрание, насчитывающее 16 с половиной тысяч томов, купил на аукционе депутат польского Государственного Совета Александр Понинский, заядлый коллекционер. Книги ксендза легли в основу родовой библиотеки Понинского, в начале XX в. хранившейся в местности Горынец на Подкарпатье. Перед

Эстрейхера-младшего⁷³ следует, что этот экземпляр был приобретен Польковским у краковского чудака-антиквара Якуба Химмельблау (1860-1931), известного тем, что книги в своем магазине он продавал с явной неохотой, всеми способами стараясь отговорить заинтересовавшегося посетителя от покупки. Такое поведение антиквара диктовалось опасениями, что книга попадет в ненадежные руки. Научным же библиотекам и особенно Ягеллонской Химмельблау регулярно помогал в пополнении или даже обогащении фондов⁷⁴.

Пауд. № 18, Голенч. 1-11

11. Россия, Москва, РГБ, инв. 3166. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9-34, 37 Реестра. Правовой текст прерывается на л. 296 (с. 530). На с. 334 имеется приписка на польском языке, говорящая о том, что этот экземпляр „Roku 1643 11 czerwca Pan Lawryn Kirkiło wozny Powietu Upitskiego mnie Janowi Polakowi Ruszczyźnie nieumiejące^{mu} ten Statut W. X. Lit. darował w Gulbion^{ach} 75 ub sup” [up sup(ra)? – отсылочная помета, употребляемая в юридических документах, когда ссылаются на изложенное ранее]. Ниже этот же текст в более лаконичной версии воспроизведен „русской мовой”: „Року тисѧч шотсот четерд[ѧ]стохо третехо месеца иединастохо днина пан Лаврин Скиркило возни Упитски мене ѧну Полѧку подаровал. ѧн Полѧк”. О позднейшем местонахождении книги узнаем из надписи на экслибрисе, проставленном на листке бумаги, что наклеен на обороте верхней переплетной крышки: „Московского Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ № 52^а”⁷⁶. На вплетенном после форзаца листе рукой А. Е. Вик-

первой мировой войной она считалась самой большой частной библиотекой в Галиции (фонды насчитывали 40 тысяч томов). Потомки депутата в 1925 г. передали книжное собрание в варшавскую Национальную библиотеку. Во время немецкой оккупации наиболее ценная часть коллекции сгорела дотла (см.: *Polski Słownik Biograficzny*, t. XXVII, Ossolineum 1982, s. 323, 516-517).

⁷³ К. Эстрейхер-младший (1906-1984) – историк искусств, профессор Ягеллонского университета, директор Университетского музея, а кроме того – внук знаменитого польского библиографа и многолетнего директора Ягеллонской библиотеки.

⁷⁴ В своих мемуарах Кароль Эстрейхер-младший упоминает о том, как дед многократно брал его с собой в книжный магазин Химмельблау, и однажды мальчик был свидетелем такой сцены: „Światnie zachowany egzemplarz Statutu Wielikeho Kniastwa Litowskocho po białorusku drukowany na pergaminie w roku 1588, był największą chlubą Himmelblaua. Wychodząc na noc, chował go w dziurze pod deską podłogi.

– To jest Radziwiłłowski egzemplarz. Nawet w Bibliotece nie mają takiego.

– Tam jest ten kupiony od ks. Polkowskiego. Kosztował, o ile pamiętam, 250 reńskich.

– Ny? Ale od kogo go ks. kanonik Polkowski miał? Od Himmelblaua – mówił z dumą” (K. Estreicher, *Nie od razu Kraków zbudowano*, Kraków 1947, с. 76-77).

⁷⁵ „Gulbińskie starostwo niegrodowe, mieściło się w wdztwie trockiem, pow. upickim” (*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...*, t. II, Warszawa 1881, s. 907).

⁷⁶ Московский Публичный музей был создан в 1861 году как результат перевода в Москву из Петербурга фондов Румянцевского музея. Новое учреждение официально именовалось как

торова⁷⁷, многолетнего хранителя Музеев, написано: „Литовский статут. Вильно 1588. Ундол. 103⁷⁸”. В юридической практике этот экземпляр кодекса использовался на землях Короны, о чем говорят исключительно польскоязычные рукописные комментарии правового характера. Начало каждого раздела книги сопровождается указанием: „Rozdział” (sic!).

Лаппо № 6, Рауд. № 12, Голенч. 1-1

12. Россия, Москва, РГБ, инв. 3168. Экз. деф.: титульный лист, нн. лл. 4-6 Прембулы, нн. л. 9 Реестра и лл. 307-308 (с. 551-554) правовой части заменены литографиями. На форзаце под верхней доской переплета наклеен печатный экслибрис с гербом Сапеги и указанием „Ex Bibliotheca Codnensi Ill[ustrissi]mi et Excell[entissi]mi Ioannis Comitis Sapieha Supre[mi] Cancell[arii] M. D. L.”⁷⁹. Сблaзн хотя бы косвенно связать описываемый экземпляр с персоной главного „редактора” кодекса – „Великого Льва”, к сожалению, себя не оправдывает⁸⁰. Снизу справа на той же доске наклеен другой печатный ярлык:

„Московский публичный и Румянцевский музеум”. Поскольку Румянцевский музей прежде входил в состав Императорской публичной библиотеки, многие тысячи томов книг из дублетов столичной „Публички” отправлялись в Москву. Впрочем, и другие организации оказывали содействие новому Музею, в том числе Российская Академия наук, Петербургская духовная академия.

⁷⁷ А. Е. Виктор (1827-1883) – библиограф и археолог, автор более 80 книг и статей. „В 1861 году по предложению Буслаева был избран помощником библиотекаря Московского университета, а с 1862 г. до дня смерти состоял хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг в Румянцевском и Московском Публичном музее” (см.: *Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. VI, Санкт-Петербург 1892, с. 312).

⁷⁸ См. ниже ссылку 122.

⁷⁹ Ян Фредерик Сапега (1680-1751), канцлер ВКЛ с 1735 года, славился своим богатым книжным собранием, которое содержал в родовом имении в городе Кодень.

⁸⁰ Хотя начало библиотеки Сапегов – второго по величине из частных книжных собраний в Беларуси – положили ружанские книжные фонды самого канцлера ВКЛ, увеличенные до 3000 томов его сыном Казимиром Львом (1609-1656), библиотека Сапегов в Кодене выросла благодаря стараниям упомянутого в экслибрисе Яна Фредерика Сапеги. Впоследствии – в XVIII веке – ружанское собрание сначала перевели в Деречин (правда, прежде немалая часть книг была подарена Виленской иезуитской академии), а в 30-е годы XIX века вывезли в Петербург. Похожий путь – с пребыванием в столицах сначала Польши, а потом России – прошла коденская библиотека: после беспотомственной смерти Яна Фредерика дальние родственники передали собрание варшавскому Обществу любителей наук, а в 1832 г. книжные фонды Общества после конфискации „оказываются” в Петербурге (см.: А. І. Саўчук, *Некалькі книг з бібліятэк Сапегіў*, [в:] *Леў Сапега (1557-1633 гг.) і яго час*, Гродна 2007, с. 331-334). В 1923 году на основании Рижского трактата, касающегося раздела достояния библиотек Российской империи между РСФСР и Польшей, книжное собрание Сапегов частично было возвращено в Варшаву, где содержалось в Национальной библиотеке и – как и прочие ценнейшие фонды – сильно пострадало в 1944 году во время Варшавского восстания. С учетом всего сказанного неудивительно, что сейчас книги, собранные стараниями Сапегов, в основном хранятся в фондах РНБ и библиотеки РАН, библиотек Варшавского и Виленского университетов (см.: *Sapiehowie kolekcjonerzy i mecenasi. Katalog wystawy 4 października – 31 grudnia*, Kraków 2011, s. 375-376).

„Изъ бібліотеки Ивана Лукашевича⁸¹ №”. Книжные фонды славного библиофила были куплены Румянцевским музеем в 1868-1870 гг. Некогда канцлерский экземпляр Статута получил здесь сигнатуру № 53, что подтверждает третий экслибрис на форзаце. Странствия книги этим не исчерпываются: какое-то время, по информации составителей библиотечного каталога⁸², она принадлежала Библиотеке Соловецкого монастыря⁸³, а еще, если предполагать, что кодекс разделит судьбу всего книжного собрания Сапегов, на рубеже XVIII и XIX вв. он должен бы числиться среди книг варшавского Общества любителей наук, а после 1832 года его местонахождением был бы Петербург⁸⁴. На страницах фиксируются польскоязычные пометы правового характера, ссылки на иные законодательные акты. На обороте нн. л. 8 Прембулы кодекса анонимный владелец книги воспроизвел „выпи^с с кни^г гро^д-^ски^х за^мку г[оспо]д[а]рьского[о] воево^дства но^бгоро^дско^{го} лѣта от нароже^на сына Бо^ж[о]^{го} тисеча ше^{ст}со^т два^дца^т ѿмог[о] м^сца дека^бра к^дина^дцато^{го} д^на”, здесь же имеется обрешанная и полустертая надпись, которую можно прочесть лишь во фрагменте: „me wielce laskawy Panie Holownia. Za zbożne po-

⁸¹ Иван Яковлевич Лукашевич (1811-1860), воспитанник благородного пансиона при Московском университете, крупный полтавский помещик, был известным библиофилом, собирателем документов по истории Украины (см.: В. Л. Модзалевскій, *Малоросійскій родословникъ*, т. III, Киевъ 1912, с. 209). Его книжная коллекция насчитывала более 4000 единиц: в ней были представлены многие замечательные старопечатные славянские издания, начиная с краковских XV в., имелись тут и книги, напечатанные Иваном Федоровым (по сведениям сайта РГБ: <http://cp.rsl.ru/index.php?doc=874>).

⁸² См.: Е. Л. Немировский, Е. А. Емельянова, *Книги кирилловской печати 1551-1600. Каталог*, Москва 2009, с. 165. На самом экземпляре об этом эпизоде свидетельствует раздвое что записъ: „единомъ въ троєцы” (с. 119).

⁸³ Библиотека Соловецкого монастыря содержала одну из древнейших и значительных старорусских книжных коллекций. Начало собрания положено еще в конце XV века соловецким игуменом Досифеем. В последующие столетия фонды Библиотеки постоянно пополнялись – книги покупались, поступали из других монастырей, переписывались на месте, приносились в дар. Среди дарителей значатся Иван Грозный, соловецкие игумены Иаков и Филипп (Колычев), Борис Годунов, епископ Филофей, князя И. Шуйский и Д. Пожарский, архимандрит Дионисий и др. К середине XIX века в Библиотеке насчитывалось около 5 тысяч томов, причем это были не только богословские сочинения, но и грамматики, хронографы, памятники истории и права (не обязательно канонического): списки Стоглава и Духовного регламента Петра I, печатные издания Уложения Алексея Михайловича и Литовского Статута. В 1854 году в связи с угрозой неприятельского нападения на Соловки древнейшая часть Библиотеки была вывезена на материк и передана в библиотеку Казанской духовной академии (правда, и после этого книжное собрание на Соловках оставалось весьма внушительным) (см.: *Православныя русскія обители*, с. 5-19; *Исторія первокласнаго ставропигіального Соловецкаго монастыря*, Санкт-Петербургъ 1899; *Соловки: Монастырь на островах*, сост. А. Андреев, С. Шумов, Москва 2004, с. 98-99). В 1928 г. „казанская” часть соловецких книг была перевезена в Ленинград и передана в Публичную библиотеку (ныне РНБ).

⁸⁴ См. выше ссылку 80.

ślugi moje za pilną laske | Pana mego msciwego Panu sie okaz[ał]”. Каждый раздел кодекса сопровождается надписью: „Маеть в собѣ артыколовъ (столько-то)”.

Лаппо № 7, Пауд. № 13, Голенч. 1-3

13. Россия, Москва, РГБ, инв. 6446. Экз. деф.: нет титульного листа и привилегии на латинском языке (нн. л. 8), нн. л. 35 Реестра. Содержит список „омылок”. Книжный блок сильно обрезан, между тем это один из наиболее полных на сегодняшний день экземпляров кодекса 1-го изд. На корешке переплета имеется бумажная наклейка, представляющая собой ярлык, окаймленный синим цветочным орнаментом с надписью в середине: „№ 1513”. В каталоге „Музея книг” РГБ⁸⁵ приводится информация, что „Экземпляр происходит из собрания Вяземских⁸⁶, находившегося в имении Остафьево”⁸⁷. В книге фиксируются многочисленные польскоязычные записи – что-то вроде перевода отдельных положений правовых статей. Чаще всего эти пометы размещаются в виде узких колонок, занимающих внешние поля левых и правых страниц.

Пауд. № 14, Голенч. 1-2

14. Россия, Санкт-Петербург, РНБ, шифр 1.2.7^a. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 24-37 Реестра; лл. 268 (с. 454-455), 290-295 (с. 517-528), 306-307 (с. 549-552) правовой части. Нн. л. 1 Реестра представлен небольшим фрагментом. Многие листы книги в нижней своей части оборваны и подклеены. Судя по экслибрису на форзаце под верхней доской переплета, экземпляр Императорской публичной библиотеки⁸⁸ ранее принадлежал члену Общества любителей Российской словесности графу Ф. А. Толстому (1758-1849): „Изъ

⁸⁵ Е. Л. Немировский, Е. А. Емельянова, *Книги кирилловской печати 1551-1600. Каталог*, с. 165.

⁸⁶ Вяземские – старинный русский княжеский род „Рюрикова дома”. Наибольшую известность фамилии принесли: князь Андрей Иванович (1754-1807), один из образованнейших людей своего времени, тайный действительный советник и сенатор, англоман и масон; князь Петр Андреевич (1792-1878), знаменитый поэт и литературный критик, а кроме того участник войны 1812 г., дипломат и государственный деятель. В 1821 г. П. А. Вяземский попадает в опалу в связи с „резкими либеральными выходками” против царской политики по отношению к „польскому вопросу” и в течение последующих девяти лет живет с семьей в родовом имении Остафьево под особым надзором полиции. Именно в это время усадьба становится местом встреч многих выдающихся личностей эпохи (см.: *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*, т. VII^a, Санкт-Петербург 1892, с. 717, 719-720; *Большая энциклопедия*, под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова, т. 5, Санкт-Петербург 1902, с. 746-748).

⁸⁷ Остафьево – подмосковная усадьба князей Вяземских, в которой жил и работал Н. М. Карамзин, неоднократно бывали в гостях Пушкин, Жуковский, Батюшков, Грибоедов, Гоголь, Мицкевич и др. Усадьба была приобретена князем А. И. Вяземским в честь рождения сына Петра в 1792 г. Остафьево было одним из символов культурной жизни России. Поместье оставалось во владении Вяземских до 1898 г., после чего перешло к графам Шереметевым (см.: М. Д. Печерский, *Остафьево*, Москва 1988).

⁸⁸ Как известно, одна из главных российских библиотек была основана в 1795 г. высочайшим повелением императрицы Екатерины II. Годом раньше – после подавления польского вос-

Библиотеки графа Ф. А. Толстова. Отдѣл. VII, N 25". В 1830 году этот известный собиратель рукописей и старопечатных книг продал свою знаменитую коллекцию⁸⁹ Публичной библиотеке в Петербурге. На с. 160 неприличный рисунок с изображением того, что раньше называли „тайный уд". На полях Статута содержатся ранние рукописные комментарии правового характера на „русской мове", а также ссылки на законодательные акты.

Лаппо № 15, Рауд. № 5, Голенч. 1-4

15. Россия, Санкт-Петербург, РНБ, шифр 1.2.7⁶. Экз. деф.: нет листа с текстом латинской привилегии (нн. л. 8 Преамбулы) и последних двух листов правового текста (лл. 307-308 – с. 551-554). Преамбула и нн. лл. 9, 16-19 Реестра заменены листами из 2-го издания ЛС. Экземпляр, видимо, не случайно имеет на корешке переплета тисненую золотом надпись: „Polnische Sigizm. Gesetz Ordninge". Однако ничего конкретного о немецком эпизоде в биографии книги неизвестно. На титульном листе имеется надпись, воспроизводящая на латыни содержание расположенного выше печатного текста об утверждении Статута Сигизмундом III. На полях довольно часто встречаются „рускомовные" и польскоязычные читательские замечания правового характера. На последней сохранившейся странице проставлена маленькая круглая печать под короной, свидетельствующая о принадлежности книги Императорской публичной библиотеке. Экземпляр, сохранившийся в очень хорошем состоянии, лег в основу юбилейного минского издания кодекса⁹⁰: именно с него сделаны фотоснимки первопечатного текста.

Лаппо № 16, Рауд. № 6, Голенч. 1-5

станция Костюшко и взятия Варшавы – Публичная библиотека Речи Посполитой (Biblioteka Załuskich), содержащая 400 000 томов, в качестве военного трофея была перевезена в Петербург и впоследствии послужила основой фондов Императорской публичной библиотеки. Торжественное открытие „Публички" состоялось в 1814 г. Затем – после принятия коллекций Ф. Толстого, Вязмитинова, Сухтелева и проч., поступления книг из разных регионов империи, в том числе из бывших варшавских библиотек (Залуских, Сапегов, Чарторыйских) – собрание книжных и рукописных фондов Императорской библиотеки очень быстро разрастается, тем более что для нее „приобреталось и приобрьтается все замѣчательное, что только поступает въ продажу". В конце XIX века ее достояние можно определить только приблизительно цифрой от 1000000 до 1300000 единиц хранения; ежегодные приращения составляют 25000 названий (см.: *Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. III^А, Санкт-Петербург 1892, с. 790-796). После революции библиотека была переименована сначала в Российскую публичную, а потом Государственную публичную, а с 1992 г. она носит название Российской национальной библиотеки.

⁸⁹ В библиотеке графа, размещенной в Москве в особняке на Большой Дмитровке, хранились ценнейшие рукописи и 377 томов старопечатных книг кирилловского шрифта. Археограф П. Строев (1796-1876), работавший у Ф. А. Толстого библиотекарем, писал: „Немногія книгохранилища могутъ явить такія драгоценности искусства типографіи" (П. Строевъ, *Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ ... графа Федора Андреевича Толстова*, с. XII). В 1830 году это собрание было куплено Императорской публичной библиотекой.

⁹⁰ *Статут Вялікага княства Літоўскага...*

16. Россия, Санкт-Петербург, РНБ, шифр 1.2.8. Экз. деф.: нет Преамбулы, нн. лл. 9-23 Реестра (в последнем случае недостающие листы заменены позднейшими вставками с рукописным изложением оглавления в адаптированной к русскому языку версии). Лист 308 (с. 553-554) взят из 3-го издания. В книге имеются перестановки – напр., лл. 289-294 (с. 515-526) следуют после л. 300 (с. 538). На верхней доске кожного переплета выше и ниже тисненого орнамента при металлических „подковках” просматривается заглавие: „Статут | малороссійскій”. На странице, заменяющей титульную, читаем: „Статутъ великого княженія литовского. Степана Чернявскаго”. Современный почерк свидетельствует о довольно позднем времени записи. Это позволяет предполагать, что владельцем книги мог быть скорее не есаул Степан Григорьевич Чернявский (ум. 1714), владелец деревни Сорочинцы Дальние Прилуцкого полка⁹¹, а действительный статский советник Степан Пантелеймонович Чернявский, член окружных судов последовательно Калужского округа (вторая пол. 70-е гг. XIX в. – Рязанский суд), Киевского (80-90е гг. XIX в. – Житомирский суд), Одесского (Каменец-Подольский суд – до 1905 г.) и Минского (Минский суд – 1905-1911 гг.)⁹², или кто-то из его тезок-современников. Другая очень небрежная владельческая запись с датой 1707 год – полусрезанная и местами заклеенная позднейшей бумагой – читается по нижнему краю длинного ряда листов, начиная с нумерованной концовки Реестра и до с. 186 (на каждой странице не более двух-трех букв): „... его ... | [цар]ского | пресвѣ|тла|го | ве|ли|че|ства | Петра | Перва|го | сви|дѣ|тельство|ван|наго | ка|ва|ле|ра⁹³ | [славного] | Са|вы | Вла|ди|сла|ви|ча |

⁹¹ См.: А. М. Лазаревскій, *Описаніе старой Малороссіи*, т. 3: *Прилуцкій полкъ*, Киевъ 1902, с. 181.

⁹² См., напр.: *Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ по вѣстмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1876 годъ*, ч. I, Санктпетербургъ 1876, с. 585; *Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ по вѣстмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1890 годъ*, ч. I, Санктпетербургъ 1890, с. 633; *Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ по вѣстмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1901 годъ*, ч. I, Санктпетербургъ 1901, с. 596; *Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ по вѣстмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1908 годъ*, ч. I, Санктпетербургъ 1908, с. 674). Помимо своей судебной деятельности С. П. Чернявский составил книгу: *Систематическій сборникъ положеній и извлеченій изъ рѣшеній общаго собранія ... кассационныхъ департаментовъ Сенага, состоявшихся въ распорядительныхъ заведеніяхъ. 1866-1886 г.*, Житомиръ 1888.

⁹³ С 1699 года кавалерами „свидетельствованными” называли людей, получивших завершенное, подтвержденное свидетельством право на орден. Первымъ свидетельствованнымъ кавалеромъ былъ Б. П. Шереметевъ. По возвращении в Москву из посольства в Мальту он представился царю на банкете у Лефортова, убравшись в немецкое платье и имея на себе мальтийскій крестъ. Царь поздравилъ посла, позволилъ ему всегда носить на себѣ этотъ орденъ и повелѣлъ в Разрядѣ и во всехъ присутственныхъ мѣстахъ записать: „что титулъ его сверхъ боярскаго достоинства еще получено приращеніе, и какъ в Боярской книгѣ, в Росписяхъ и другихъ бумагахъ,

Ра|гу|зин|ско|го | пи|са|ря | ... | вы|ше|имя|но|ва|на|го [въ дне | ян|ва|ря] ... [года] ... Сте|фанъ | ... | ты|ся|ча | семь|сот | се|ма|го | года | въ | се|мь | году | мь|ся|ца | |ю|ля | въ | три|де|ся|тыи | де|нь | сво|ею | ру|кою”. Г. Я. Голенченко со ссылкой на мнение исследователей-предшественников пишет, что речь здесь идет о Стефане – сыне Саввы Владиславича-Рагузинского, потомка боснийских князей и известного русского дипломата, много послужившего новому отечеству⁹⁴. При всей привлекательности этой гипотезы, проба приписать экземпляр Статута славному роду, подарившему России А. С. Пушкина⁹⁵, нуждается в дополнительной аргументации⁹⁶. Помимо владельческих записей в книге на с. 65-66 и 86 имеются пометы, которые следует трактовать как упраж-

так и сам бы он писал: боярин и военный свидетельствованный мальтийский кавалер” (см.: А. Р. Андреев, В. А. Захаров, И. А. Настенко, *История Мальтийского Ордена XIX века*, Москва 1999, с. 86).

⁹⁴ См.: Г. Я. Галенчанка, *Уладальніцкія і чытацкія надпісы...*, с. 538. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (ок. 1670-1738) – граф, сподвижник Петра I, агент русского правительства в Турции и Италии, чрезвычайный посланник в Китае. Будучи сербом по происхождению, Савва вырос в Дубровнике (Рагузе – отсюда его вторая фамилия), образование получил в Венеции, а потом занимался торговлей в Константинополе, снабжая правительство России ценной информацией о состоянии Османской империи. Впоследствии поселился в России, занимался торговлей внутри страны и за ее пределами и при случае выполнял дипломатические поручения в Риме, Париже, Венеции, Черногории. В 20-е гг. XVIII в. получил официальные полномочия – возглавлял русское посольство при заключении в 1727 году Кяхтинского договора с Китаем (см.: Н. И. Павленко, О. Ю. Дроздова, И. Н. Колкина, *Соратники Петра*, Москва 2001, с. 377-432).

⁹⁵ Именно Савва Владиславич-Рагузинский, тогдашний русский торговый агент в Турции, в 1704 г. привез в Россию „трех человек арапов, малых робят”, выкупленных из турецкого плена. Одним из этих арапчат оказался будущий прадед Пушкина, крещенный позже как Петр, хотя по документам именовался как „Абрам (Ибрагим) Ганнибал” (см.: Т. А. Лаптева, *Об „арапе Петра Великого”: материалы для биографии А. П. Ганнибала*, „Исторический архив”, 1992, № 1, с. 182-188).

⁹⁶ Отдавая должное тому факту, что применительно к началу XVIII в. на восточнославянских землях очень трудно найти другого Савву Владиславича (к тому же кавалера), все же укажем на некоторые неувязки обсуждаемой концепции. Единственного сына Саввы звали Лука. И Владиславич-младший, и его уважаемый отец в числе царских писарей никогда не значились, и даже в 1707 году – спустя всего лишь два года после переселения в Россию – занимались торговлей. Да и кавалером суждено было стать лишь Савве, причем только в 1710 г. Среди ближайших родственников будущего дипломата не было никакого Стефана. Оставшись после преждевременной смерти сына и трех дочерей беспотомным, граф вынужден был выбирать преемника своего богатого состояния среди четырех племянников – Ефима, Гавриилы, Моисея и Ивана Ивановичей Рагузинских (см.: Н. И. Павленко, О. Ю. Дроздова, И. Н. Колкина, *Соратники Петра*, с. 385-389, 403, 409-410, 431-432). Если принять иное прочтение записи – при смещении акцентировки „ведомственной” принадлежности писаря, возможно, немаловажной может оказаться информация из духовного завещания Саввы Рагузинского, составленного в Москве перед отъездом в Цинскую империю (23 декабря 1725 г.): „И к такому главному счету и собранию всего имения отчасти он, Гаврило, искусен, [...] а наин-

нения в каллиграфии: „Стоить море на пяти столъпах”⁹⁷, „государь мой братец” и др. В конце книги на recto л. 302-307 читается полистная запись: „Кни|га | на|зы|ва|емая”. На разных страницах фиксируются также многочисленные польскоязычные замечания к юридическому тексту. При некоторых артикулах в квадратных рамках кириллицей нанесены записи, указывающие на статьи того же кодекса со смежным или уточняющим содержанием: „р 6 | а 1” (при II-12), „р 4 | а 23” (II-13), „р 11 | а 1” (II-18) и проч. В начале XX века экземпляр принадлежал Императорской публичной библиотеке⁹⁸.

Лаппо № 17, Рауд. № 7, Голенч. 1-6

17. Россия, Санкт-Петербург, Библиотека РАН, инв. 982 сп. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9-10, 13-19 Реестра; лл. 300-301 (с. 537-540), 303-308 (с. 543-554) правовой части (печатный текст заменяют рукописные вставки). Нн. л. 32 оторван наполовину и подклеен белой бумагой. На форзаце под доской переплета проставлен штампик с надписью под двуглавым орлом: „Рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ”, здесь же крупная чернильная запись в столбик, по всей видимости, фиксирующая какую-то старую сигнатуру: „1758 | XXX | ж | 39 | ~~Л.Ф.~~ | 39”. На обороте нн. л. 9, занятого переписанным от руки текстом Реестра, имеется печать „Библиотека Акад. Наук СССР Отд. Особ. фонд”. На сохранившихся старопечатных страницах Реестра, содержащих начала разделов, неизвестный владелец скорее в XVII веке для удобства работы подписал: „Первый”, „Второй”, „Четвертый”, „Семый”, „СѸсмый”. Экземпляр содержит владельческие пометы: „Сія книга есть [з Библіотеки Монастыря Жировицкаго] Чину Святаго Василя Великаго⁹⁹ 1758 Anno Подписана” (маргиналия на первых рукописных и печатных страницах Реестра), „Ректора Семинаріи Архиман-

паче писарь мой Константин Акен (разрядка наша – ВМ), которой при мне, имеет подлинное известие во всех моих интересах. И оной мне служил верно, и человек постоянный и искусный, которого он, Гаврило, имеет держать при доме моем два или три года в таком почтении и призрении, акибы был ево сродник или товарищ, [...] заплачивая оному Константину по 500 рублей жалованья в год, дабы мог тем жалованьем быть доволен и служить прилежно, как надлежит доброму человеку, к наилучшему интересу моих наследников” (*Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы*, т. II: 1725-1727, Москва 1990, № 108, с. 247).

⁹⁷ Это зачин загадки-притчи, которая часто воспроизводилась в учительных прописях XVII-XVIII вв. – рукописных книгах для обучения детей грамоте и совершенствования навыков чтения. Здесь в качестве учебного материала приводилось немало пословиц, поговорок и загадок, в том числе такая: „Стоит море на пяти столпах; царь речет: «Потеха моя!» А царица речет: «Погибель моя!» Отгадка: «Море есть чара вина; пять столпов – пять перстов; царь есть тело, а царица – душа»”.

⁹⁸ См.: И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. XVI.

⁹⁹ Своим возникновением обитель в Жировичах (Гродненская область, недалеко от Слонима) обязана чудесному явлению иконы Пресвятой Богородицы в 1470 году. Впоследствии

дрита Павла Доброхотова¹⁰⁰. 1857 года. г. Екатеринославъ” (на первой старопечатной странице правового текста). В начале XX века книга находилась уже в Петербурге – в фондах библиотеки Императорской Академии Наук¹⁰¹, правда, под иной – отличной от современной – сигнатурой: 38.18.6 (Добр.). Кроме владельческих надписей экземпляр содержит иные маргиналии: главным образом это передача содержания статей кодекса по-польски, но на форзаце при нижней доске переплета фиксируются любопытные хроникальные заметки, напр.: „Ziawienie Obrazu Cudownego Żyrowieckiego około

здесь была поставлена церковь, а позже заложен монастырь, впервые упоминающийся в документах 1549 года (любопытно, что главным фундатором дальнейшего развития святыни был Лев Сапега). В 1613 году обитель была передана греко-католикам, а точнее базилианам. Благодаря чудотворной иконе и щедрости покровителей монастырь стал крупнейшим центром религиозной жизни и паломничества; Жировичи считались святыней одного уровня с Ченстоховой. В 1795 году в результате Третьего раздела Речи Посполитой Жировичи вошли в состав Российской империи, а в 1839 году монастырь был передан в ведение православной Церкви (см.: *Православные русские обители*, с. 559; *История Жировичского Свято-Успенского монастыря по письменным источникам, преданиям и свидетельствам современников*, сост. Гавриила (Глухова), игум., Москва 2004, с. 7-21). Применительно к интересующей нас тематике важно отметить, что в XVII-XVIII вв. Жировичский монастырь был значительным книжным центром. В монастырской библиотеке хранилось большое собрание церковнославянских, старобелорусских, польских, латинских рукописных и печатных книг [по описи 1810 г.: 2686 наименований печатных книг в 3867 томах, 192 книги «рукописные с хоров», 345 «рукописей разного вида»]. Среди библиотечных раритетов значились знаменитое Жировичское евангелие (известное также как Евангелие Сапег), так наз. Жировичская энциклопедия, уникальный экземпляр инкунабулы „Часословца” – первой книги, напечатанной кириллическим шрифтом. В XIX в. часть библиотечного и архивного собрания монастыря была вывезена в Россию упомянутым в маргинальной записи еп. Павлом (Доброхотовым), другая часть передана в Виленскую публичную библиотеку (см.: Р. С. Мотульский, *Крупнейшие книжные собрания Беларуси*, с. 69-70). Таким образом, совсем не случайно в нашем списке фигурирует два экземпляра Статута из Библиотеки Жировичского монастыря (см. №№ 17 и 57).

¹⁰⁰ Павел (Прокопий Нилович) Доброхотов (1807-1900) – епископ, духовный писатель, ценитель и собиратель древностей. Ректором Екатеринославской духовной семинарии состоял с 1855 по 1859 г., позже был ректором семинарий Могилевской и Вятской, с 1866 г. епископом Вологодским, потом Псковским и Порховским, наконец, Олонецким и Петрозаводским (см.: *Памяти Преосвященного Павла, бывшего Епископа Олонецкого и Петрозаводского*, „Олонецкия епархиальные ведомости”, 15 мая 1900, № 10, с. 361-362).

¹⁰¹ Эта Библиотека была основана в 1714 году по указу царя Петра I. Основу ее фондов составили три книжных собрания: библиотека Аптекарского приказа, библиотеки герцога Курляндского и герцога Голштинского. С 1747 года Академия Наук стала получать обязательный экземпляр всех академических изданий; с 1783 года – обязательный экземпляр всех выходящих в России изданий. Фонды Императорской библиотеки также активно пополнялись за счет покупки частных книжных коллекций, даров выдающихся российских ученых и государственных деятелей. К 1917 году здесь хранилось более 1,5 млн. томов. После революции эта библиотека существовала под названием Библиотека РАН, потом Библиотека АН СССР, а с 1992 г. снова как Библиотека РАН. Ныне в ней содержится более 19 миллионов экземпляров книг и рукописей.

Roku Pańsk. 1470 pokazało. | Król Stefan Bratura¹⁰² pode Gdańskiem obozem leżał Roku 1578. | Roku 1630 w Żyrowicach cerkiew murowano zakładana. Taż cierkiew zruinowana od Moskwy przez Zotorękę Hetmana¹⁰³ r. 1655 | Roku 1690. Mca Augusta Sarancza napadła, szkodziła siła Ludziom w zbożach, ziadła trawę na łąkach liście na drzewie. | Roku 1695 Na Boże Ciało wypad śnieg nie-mały, sanmi Jezdili, Syto też było wysypało, a gdy ginoł aż w tydzień na wodzie Siarka pokazywała. Roku 1720 Car JM miał Synod w Peterburgu m. August” i др. На с. 131 воспроизведено начало текста католической молитвы, преврванной почти на полуслове: „Ave Maria gratia plena Dominus”.

Лаппо № 10, Пауд. № 3, Голенч. 1-7

18. Россия, Санкт-Петербург, Библиотека ун-та (Научная библиотека им. М. Горького), шифр С. IV. 373. Экз. деф.: нет титульного листа и лл. 2 и 7 Прембулы, нн. л. 12, 22, 25 Реестра. После правового текста следует рукописный Трибунал, а затем список „омылок”. Это второй из сохранившихся экземпляров кодекса, в котором стрела в гербе Сапеги (оборот нн. л. 4) ошибочно направлена снизу вверх. На форзацном листе под верхней доской переплета имеется надпись: „Статут Великого княжества Литовского. Вильна, Лука и Кузьма Мамоничи [1588]. Научная б-ка ЛГУ. Отдел редких книг и рукописей С IV 373 1^е издание”, ниже карандашная приписка „ЗВ 11, У 103, К 117”¹⁰⁴. На вкладном листке, подклеенном под верхнюю доску переплета, читается помета, сделанная в 1677-78 гг. Константином Шемётом, жмудским подсудком, а потом земским судьей¹⁰⁵: „Konstanty Łukasz Szemioth / Podsendok Ks. Żmudzkiego / do tego obwieszczenia”. Запись, подтверждающую, что книга была собственностью представителей этого славного шля-

¹⁰² Перед нами искаженная форма от Stefan Batura (Стефан Батура) – именно так часто называли Стефана Батория в текстах той поры.

¹⁰³ Речь, видимо, идет о Иване Никифоровиче Золотаренко (?-1655), наказном гетмане войска Запорожского (1654-1655). Будучи соратником Богдана Хмельницкого в войне России с Речью Посполитой, И. Золотаренко возглавлял 20-тысячный корпус, действовавший совместно с русскими войсками. Занял ряд городов юго-восточной части ВКЛ (см.: *Енциклопедія українознавства*, т. 3, Львів 1994, с. 841).

¹⁰⁴ Эта лаконичная запись несет в себе указание на ряд библиографических источников, упоминающих первое издание кодекса: А. С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, с. 220, № 11; В. Ундольскій, *Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати съ 1491 по 1864 годъ*, вып. I: *Очеркъ славяно-русской библиографіи*, ст. 17, № 103; И. П. Каратаевъ, *Описаніе Славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами съ 1491 по 1652 г.*, с. 236, № 117.

¹⁰⁵ „Konstanty Łukasz Szemioth herbu Łabędź (zm. w 1689 roku) – sędzia ziemski żmudzki w 1682 roku, podsędek żmudzki w 1677/1678 roku, podkomorzy dorpaccki w latach 1659-1677/1678. Był elektorem Michała Korybuta Wiśniowieckiego w 1669 roku z Księstwa Żmudzkiego” (*Urzednicy inflancy XVI-XVIII wieku. Spisy*, oprac. K. Mikulski i A. Rachuba, Kórnik 1994, s. 277).

хетского рода¹⁰⁶, находим также на с. 218: „Ex libris Leonis Szemioth”. Позднейших владельцев книги называет рукописная полистная запись внизу лл. 3-6 Преамбулы и нн. л. 9 Реестра: „Biblioteki / XX / Bazylianów / Klasztoru / Podubieńskiego”¹⁰⁷, похожую надпись, но уже на латыни видим на листке, подклеенном на форзаце нижней доски переплета: „Bibliothecae Podubiensis / Ord. S. B[asilii] Magni Nr 1790 / Garideropa”, здесь же читаем: „Ta książka iest ruska”. Монастырскую принадлежность экземпляра кодекса косвенно подтверждает предупреждение на с. 202: „Klasztorny Statut kto ukradnie temu ręka upadnie”. Книга часто использовалась в юридической практике. Об этом свидетельствуют многочисленные маргиналии на польском языке (выделяется по меньшей мере три почерка) с пересказом содержания статей, соотнесением комментируемого фрагмента с другими редакциями Статута и правовыми польскими актами, актуализирующими положения кодекса, напр.: „Tego tam nie masz. Nowy art.” (с. 150), „Tego w pierwszym niema” (с. 152), „Ten art: poprawiony na Seimie roku 93. Co było 40 kop, to teraz 50 kop” (с. 172), „Do tego artykułu poprawy warszawskiej w roku 78 ufalionej (sic!)” (с. 233), „w tym arty: poprawiono na seimie roku 93 ma sto 3 rubli 7 kop”¹⁰⁸ (с. 235). На с. 401-403 приводятся переводы положений кодекса на польский язык. В начале каждого раздела с обеих сторон листа для удобства в поисках соответствующей части кодекса наклеены тесемки. Книга поступила в библиотечные фонды Университета „в составе коллекции чиновника А. С. Иванова (около 1792 – после 1868), полученной в дар от наследников в 1894 г. А. С. Иванов на протяжении более полувека служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий”¹⁰⁹. Во многом именно с этой государственной службой, по всей

¹⁰⁶ Szemiot v. Szemioth, Szemott, dawniej Szemet, Szemetowicz – старый жмудский род, представители которого упоминаются в Литовской Метрике с 1528 г. Принадлежали к „wyszej, «pańskiej», kategorii szlachty litewskiej” (см.: J. S. hr. D u n i n - B o r k o w s k i, *Rocznik Szlachty Polskiej*, t. II, Lwów 1883, s. 697-698; *Polski Słownik Biograficzny*, t. XLVIII, Warszawa-Kraków 2012-2013, s. 146).

¹⁰⁷ Подубисский монастырь действовал в литовском местечке, лежащем в 19-ти верстах от Шауляй. Сам населенный пункт, известный ныне как Падубисис, в своей истории именовался по-разному, в названиях подчеркивалось либо географическое положение (при реке Дубиссе), либо наличие униатского центра: Подубис (Подубись), Базыляны (Базилионай). „Podubis, w pow. Szawelskim, P. Bazyliński, al. Bazyliany, o 1 w. od Dubissy, mko bardzo nędzne, posiadało od 1749 r. do 1832 r. kościół, klasztor i szkołę bazylianów, których tu sprowadzili w 1749 r. bracia Bejnarowie. [...] Po 1836 r. kościół i klasztor oddano duchowieństwu prawosławnemu świeckiemu” (*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...*, t. VIII, Warszawa 1887, s. 475).

¹⁰⁸ В обоих случаях речь идет о законодательных положениях конца XVIII в.: *Konstytucje Seymu Walnego Ordynaryjnego Warszawskiego r. P. 1778 Dnia 5 miesiąca Października odprawiającego się* (см.: *Volumina legum*, t. VIII, Petersburg 1860, s. 575-581; *Konstytucje Sejmu Grodzieńskiego z 1793 roku* (см.: *Volumina legum*, t. X, Poznań 1952).

¹⁰⁹ А. А. С а в е л ь е в, *Белорусские кириллические издания XVI в. в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета: история формирования коллекции*,

видимости, связано формирование наиболее ценной части его богатой книжной коллекции¹¹⁰: в 30-е годы XIX в. униатские монастыри в Российской Империи передавались православному духовенству, а их библиотеки рассеивались, переходили к разным ведомствам и ... лицам.

Райд. № 4, Голенч. 1-8

19. Украина, Киев, ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины, шифр І 213/5013. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9-33 Реестра; лл. 78-80 (с. 76-81), 99-102 (с. 118-125), 143-144 (с. 206-209), 192 (с. 302-303), 206-214 (с. 330-347), 230-232 (с. 378-383), 303-308 (с. 543-554) правовой части. Многие пропуски в начале и конце книги заменены вставками с рукописным текстом. Поля книги – кроме корешкового – сильно обрезаны. На вpletенных после форзаца лл. 1 и 2 имеется полистная владельческая запись „Книга эта принад- / -лежит Василю Федотовичу / Гамалтю”¹¹¹, далее той же рукой: „№ 213”. По-видимому, именно об этом экземпляре писал в свое время известный правовед А. Ф. Кистяковский: „Намъ доставленъ Н. П. Забугинъ, членомъ Кишневскаго окружнаго суда, печатный экземпляръ Статута Мамоничевскаго изданія, дефектный, отысканный имъ въ домашнемъ архивѣ покойнаго мирового судьи Переяславскаго уѣзда В. Ф. Гамалти, обязательно предоставленный во временное наше пользованіе вдовою покойнаго”¹¹². На том же вpletенном л. 1 гесто содержится рукописное „замѣчаніе”: купчая крепость, „сочиненная въ 1681 года октября 17 ... въ отца нашего Ивана Гулака”. Второй раз эта фамилия упоминается на чистой странице оборота нн. л. 40: „Сей Статутъ Минской губерніи Совѣтника казенной Палаты таможенныхъ дѣлъ надворнаго совѣтника Якова Гулака”¹¹³. Этот чиновник оставил на полях книги несколько своих комментариев

[в:] *Матэрыялы Х Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў „Кніжная культура Беларусі XVI – сярэдзіны XVII ст.: да 440-годдзя выдавецкай дзейнасці Мамонічаў”*, Мінск 2014, с. 31.

¹¹⁰ Библиотека А. С. Иванова насчитывала 1307 позиций в 1830 томах (см.: А. Х. Горфункель, Н. И. Николаев, *Неотчуждаемая ценность: рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки*, Ленинград 1984, с. 166).

¹¹¹ Василий Федотович Гамалея (1832-1871), член Полтавского губернского комитета „по устройству и улучшению бытия крестьян” в 1858-1859 гг., председатель Переяславской уездной земской управы в 1865-68 гг. (см.: В. Л. Модзалевский, *Малороссійскій родословникъ*, т. I, Киев 1908, с. 261).

¹¹² А. Ф. Кистяковский, *Права, по которымъ судится малороссійскій народъ*, с. 50-51.

¹¹³ Запись относится к рубежу XVIII и XIX столетий. Прежде, по данным росписи чиновных особ Российской империи, Яков Иванович Гулак – еще как коллежский ассесор и советник таможенных дел – служил в Казенной Палате Черниговского наместничества (см.: *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1786*, Санкт-петербургъ 1786, с. 297; *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1791*, Санктпетербургъ 1791, с. 314; *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1794*, Санктпетербургъ 1794, с. 402).

к тексту, напр., „= монета рублевая и тогда была” (с. 184), „доводы 3. | 1^е чрезъ бумаги или свидѣтелей | 2^е чрезъ присягу | 3^е чрезъ знаки певніе” (с. 236); „арт. 10 сего^ж раздѣла къ сему преличень” (с. 282) и нек. др. Кроме того, в экземпляре фиксируются немногочисленные „рускомовные” пометы, выполненные скорописью XVII века. На страницах книги несколько раз проставлен небольшой прямоугольный штамп „ВС б-ка України”, т. е. „Всенародна Бібліотека України при Всеукраїнській Академії наук у м. Києві”¹¹⁴. За первопечатным текстом следуют плохо сохранившиеся вpletенные листы, исписанные Яковом Гулаком. Здесь воспроизводятся необходимые ему в работе выписки из разного рода документов¹¹⁵, приводится весьма любопытное личное прошение к Государю¹¹⁶. Одну из страниц занимает семейная хроника, написанная – судя по почерку – не обязательно представленным владельцем кодекса, напр.: „1824 года июля 16 дня дочь Улянѣ родилась послѣ обѣда въ 3^{мь} часу / Искончалась дочь моя Софія 1825 года июля 8 дня / 1825 года октября 9 дня дочь Улянѣ родилась Татьяна въ четверть вечеру въ 8 часовъ / 1828 года июня 13 числа дочь Улянѣ родилась поутру въ 8 часовъ Параскевия въ среду”.

Пауд. № 2, Голенч. 1-10

20. Украина, Львов, Научная библиотека им. Стефаника АН Украины, шифр Ст.IV 633 (прежний 54593). Экз. деф.: нет Преамбулы; Реестра; лл. 41-46 (с. 1-12), 291-308 (с. 519-554) правовой части. На первой из сохранившихся старопечатных страниц имеется штамп „Львівська бібліотека АН УРСР № Ст 633”¹¹⁷, еще один штамп „Студіон у Львові”, фикси-

¹¹⁴ Это название носила ЦНБ им. В. И. Вернадского почти со времени со своего образования в 1919 г. по 1936 г.

¹¹⁵ Напр., выписки „съ присланого при Высочайшемъ ЕЯ Императорскаго Величества рескриптѣ Его Сіятельству графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому проэкта о дворянствѣ”; „изъ адресъ-календаря на 1804 годъ, какія губерніи существуютъ въ Россійской Имперіи по алфавиту”; „Указъ 1808 года октября 28го состоявшійся: О новыхъ пошлинахъ”.

¹¹⁶ „Объясненіе о плѣненіи и разграбленіи меня поляками 1794 года, августа 14 дня”, в котором автор рассказывает о своих злоключениях – как в ходе польского восстания в Литовской провинции он оказался невольной жертвой исторических событий: действий „корпуса подъ Вильнею бывшего польского мятежническаго [под руководством полковника Степана Грабовскаго – ВМ], пораженнаго тамъ россійскими войсками и опрокинутого, остальной командѣ частями прорвавшейся изъ разнаго состоянія людей кососонерымы зовемыхъ, насильно вербованыхъ и добровольно присоединившихся”. Автор объяснительной записки пишет, как отдан был „подъ стражу крепкую”, как голодал в плену, как обобрали его имение „все до остатка”: Прошение заканчивается словами: „А документы всего копіями налицо имѣются между бумагами въ моемъ архивѣ. Яковъ Гулакъ. Подлины жъ приложени при просьбѣ къ Государю”.

¹¹⁷ Под таким названием существовала с 1944 по 1969 г. Научная библиотека им. В. Стефаника НАН Украины. Будучи формально основанной в 1940 г., эта Библиотека была составлена на основе 84 ведомственных и частных библиотек Львова и всего западного региона

руемый на с. 48, 266, 352, 517, называет довоенное местонахождение книги¹¹⁸. Записи на полях юридического характера – в основном польскоязычные – встречаются очень редко. Следы работы читателей с книгой ограничиваются разовыми подчеркиваниями фрагментов текста и дублированием номеров артикулов: вместо буквенных цифровых обозначений записываются арабские цифры. Дважды фиксируются случаи пробы пера. Это надписи „иждь где бы таа сторона противько которое ” (с. 360) и „ставити и с тих ку пристаже вбирать” (с. 362), представляющие собой воспроизведение последних строк оригинального „рускомовного” текста, размещенного на этих страницах. Пометы на с. 487 и 488 показывают результаты пересчета старых денежных мер: напротив строчек оригинала **шесть рѣблѣвъ грошеѣ, три рѣблн грошеѣ, два рѣблн грошеѣ** расположены приписки, верно отражающие тогдашнее соотношение денежных единиц „кор 10”, „кор 5”, „кор 3 / 20”¹¹⁹.

Райд. № 8, Голенч. 1-13

21. Украина, Национальный музей во Львове имени А. Шептицкого, шифр СДК 624 (прежний 606). Экз. деф.: нет титульного листа (вместо него используется репродукция из книги С. Линде), нн. л. 8 Преамбулы с текстом

Украины. Сюда, в частности, вошли книжные собрания Научного общества им. Тараса Шевченко и Народного дома (см. ссылку 311 в этом разделе монографии), общества „Просвита”, библиотеки „Студіон” (см. следующую ссылку), часть б-ки и архива Ставропигийского института, конфискованные библиотеки монастырей, а также б-ка Института Оссолинских, в здании которого библиотека и разместилась.

¹¹⁸ Библиотека „Студіон” была создана в 1909 г. при львовском монастыре Студитов на основе частного книжного собрания митрополита Андрея Шептицкого. Книгохранилище специализировалось на литературе из области византистики, но после пополнения фондов за счет покупок ценных рукописей и книжных коллекций едва ли не большую часть достояния „Студіона” стала составлять *russica*. В 1936-1937 гг. Библиотека, которая была одной из самых крупных в Галиции, была перенесена из монастырских помещений в специально построенное здание (ул. Петра Скарги, 26), что существенно расширило возможности доступа к ней читателей: „після переміщення бібліотеки у новобудову, відбулася зміна її статусу і типу: з приватної книгозбірні при студитських інституціях вона трансформувалася у самостійну спеціальну наукову установу”. Присоединение западноукраинских земель к СССР, сопровождаемое реорганизацией библиотечных систем, привело к ликвидации собрания „Студіона” и передаче наибольшей и самой ценной части коллекции львовскому филиалу Библиотеки АН УРСР (см.: М. Кривенко, *Книгозбірня „Студіону” у Львові (1909-1940): історія, сучасний стан фонду*, АКД, Київ 2010). „Шляхом перегляду книг *de visu* у фондах ЛННБ було виокремлено понад 400 стародруків кириличним шрифтом, провенієнційні знаки яких вказували на власність митрополита та приналежність до «Студіону». [...] Кінцем XVI ст. датуються Віленські видання – Статут Великого князівства Литовського (1588)” (О. М. Колосовська, *Книжкові пам’ятки у меценатсько-бібліофільських пріоритетах Митрополита Андрея Шептицького (1865-1944)*, [в:] *Друга науково-практична конференція „Сучасні проблеми діяльності бібліотеки в умовах інформаційного суспільства”*, Львів 2010, с. 162-163).

¹¹⁹ Рубль в ВКЛ равнялся 100 литовским грошам, а копа – 60.

латинской привилегии; нн. л. 9 Реестра (заменен текстом, написанным от руки). Большая часть последней страницы Реестра (нн. л. 40) оторвана и подклеена бумагой. Экземпляр содержит список „омылок”. Печать на внутренней стороне верхней доски переплета называет предвоенный адрес местонахождения Статута: „Ukrainśkyj Nacionalnyj Muzej u Lwowi, Moch-naskoho 42”. Под печатью имеются пометы, нанесенные карандашом: „300 79” „Каратаевъ 1883 р. – 117”¹²⁰. На репродукции, заменяющей титульный лист, просматривается штемпель „Печать Цѣного [Церковного] Музеѡ в' Львовѣ” (так изначально именовался львовский Национальный музей). На нн. с. 5 Преамбулы под печатным текстом фиксируется запись фрагмента из Псалтыри (Пс. 131:1), которая будет повторяться на страницах книги десятки раз: „Pomni Panie na Dawida i na pokorę Jego” (с. 44, 84, 88, 89, 116, 118, 120, 144, 152, 164 и проч.). Пусть не так часто, но с большой регулярностью воспроизводятся также вирши, написанные той же самой рукой: „Orzeł stary szuka takiey wodi zebi omiwszisa do nowa bił młodi” (с. 31, 76, 110, 150, 195, 208, 212, 227, 260, 388); „Cnotliwa panienka cnotliwi sia rzondzi do koścoła nie wi do karczmy nie błdzi”¹²¹ (с. 92, 93, 108, 138, 142, 172, 208, 230, 245). Два раза на с. 194 регистрируется рифмованная загадка-шутка: „Czem(u) ptaki czensto na pęnądzach kuią bo se po całym sweca [świecie] rozlutuią [rozlatują]” (речь идет, конечно же, об орлах на польских монетах). Пробы пера, сопровождаемые соответствующей записью, имеются также на с. 3 и 110: „Proba pora” (sic!); recto нн. л. 9: „Proba pora dobrego” и на с. 483: „Proba pora dobrego i kalamara czistego zebi pisał dobra”. На verso нн. л. 3 Преамбулы, а также с. 310, 320 и 341 читается текст молитвы: „Pomoc moia ody(n)a na boga ktori stworzył nebo...”, приводимый также в церковнославянской языковой версии „Помощь моѡ Ѡ господѡ сот...” (verso нн. л. 9). Начало молитвы „Ojczy nasz” записано не в самой „классической” форме: „Oycze nasz ktoris w niebesech swęty ime twoia przidz krolewstwo twoio” (с. 88). О том, что маргиналии религиозного характера представляют собой лишь упражнения в письме, лишней раз говорят пометы на с. 68: „Сіѡ книга глаголемаѡ Псалтырь”, „Sya kniha hłahołemaia Psaltir”. В то же время иные записи имеют уже практическое значение. Так, напр., на recto нн. л. 7 Преамбулы воспроизводится кириллическая азбука с указанием числовых значений букв – своеобразная помощь в осмыслении нумерации артикулов кодекса: „г³, д⁴, е⁵, с⁶, з⁷, и⁸, і¹⁰, к²⁰, л³⁰, ... р”¹⁰⁰ и т. д. На нн. л. 11 Реестра фиксируется: „Rozdil 2 ma u sobie Arty° 28” [на самом деле их 27 – В.М.]. В основной ча-

¹²⁰ Автор записи ссылается на каталог И. Каратаева: е г о ж е, *Описаніє Славяно-руськихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами съ 1491 по 1652 г.*, на с. 236-237 под № 117 здесь представлен „Статутъ Литовскій”.

¹²¹ Стоит, может быть, обратить внимание на вариативность в написании некоторых фрагментов этого четверостишия: „Cnotliwa panienka/panienka/panenka cnotliwi sia/sa rzondzi do koścoła/kostoła nie wi / nie we do karczmy/korczy nie błdzi/blondzi”.

сти кодекса заголовки разделов ЛС сопровождают записи: „Ten ma arti(ku-
łów) ...”, „Ten rozdział ma ... art”. На лицевой стороне каждого листа с пра-
вовым текстом в левом верхнем углу обозначено: „Rozd. 1”, „Rozd. 2”,
„Rozd. 3” и т. п. Пробы адаптации содержания ЛС для польскоязычного
пользователя кодекса проявляются в переводе на польский язык названий
отдельных разделов: „O opiece” (VI), „O testamęcyech” (VIII), „O podkomo-
guch” (IX) и артикулов. Подобная практика распространяется на особо важ-
ные для владельца книги положения Статута: так, польскоязычные парал-
лели, передающие общее содержание „рускомовных” статей, сопровож-
дают все без исключения артикулы 4-го раздела, реже такого рода разъ-
яснения встречаются в иных частях кодекса: **w dochodzie або заплаце возно-
мѣ** – „Woznych dochod” (IV-10), **хтобы кого черезъ сѣдѣ або черезъ єд-
нанье кѣ правѣ позвалѣ** – „Pozwanije przez sond y uednanuju” (IV-25),
**w вдове котораѣ бы хотѣла по смерти мѣжа своего за дрѣгого мѣжа
поѣти** – „O oprawje y posagu” (V-13) и проч. В ряде случаев маргиналии на
страницах книги ограничиваются записью дат: „Roku tisac sedemsetnego”
(с. 238 и 242), „Roku 1756 msa maia” (с. 316 и 348). На полях экземпляра
имеются также польскоязычные заметки юридического характера. Интересный
графический элемент присутствует на с. 54, здесь приводится карандашный
рисунок человечка. На нахзаце ниже штампа Украинского
национального музея просматриваются надписи: „Статутъ Литовской печатан:
| Статут 1588 | зри”, „Каталогъ Ундольскаго | № 103”¹²². И. Свен-
цицкий, тогдашний директор Церковного музея, в своем *Каталоге* раскрывает
обстоятельства появления книги в Украине: „Куплено у Шибанова”¹²³
за 200 рб.”¹²⁴.

Лаппо № 32, Рауд. № 9, Голенч. 1-14

22. Украина, Национальный музей во Львове имени А. Шептицкого,
шифр СДК 625 (прежний 607). Экз. деф.: отсутствует титульный лист (за-
менен репродукцией из книги С. Линде) и других материалов Преамбулы;
нет также Реестра; лл. 41-63 (с. 1-47), лл. 175 (с. 270-271), 261-262 (с. 440-
-443), 280 (с. 498-498*¹²⁵), 286-308 (с. 509-554). Утраченные листы замене-

¹²² Имеется в виду книга: В. Ундольскій, *Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ...*, в которой под № 103 значится: „Статутъ В. К-ва Литовскаго, напеч. курсивн. буква-
ми, въ тип. Мамоничей, въ Вильнѣ, 1588 г., въ листъ, 12 (кар. 14), 63 и 554 л.”

¹²³ Речь идет о младшем представителе династии букинистов Шибановых – Павле Петро-
виче (1864-1935), московском книготорговце-антикваре и издателе каталогов старой книги.
Составленные П. П. Шибановым перечни антикварных книжных позиций сохранили свое
значение и сегодня, так как многие из перечисленных там изданий исчезли с букинистиче-
ского рынка и отсутствуют в библиотеках.

¹²⁴ И. Свѣнцицкій, *Каталогъ книгъ церковно-славянской печати*, с. 156.

¹²⁵ Звездочкой отмечены ошибки в оригинальной нумерации страниц.

ны вставками с рукописным воспроизведением „рускомовного” текста. Вначале это выглядит как указание на то, что страничное пространство должно быть чем-то занято: в Преамбуле и части Реестра прописаны лишь начальные (recto) или конечные (verso) слова в строчках, все остальное обозначено многоточием; потом содержание Статута воспроизводится полностью, причем только на лл. 90 (с. 100-101), 198 (с. 314-315), 210 (с. 338-339), 240 (с. 398-399), 252 (с. 422-423) рукопись умело имитирует печатный текст. На форзаце под верхней доской переплета содержится ряд записей: в левом верхнем углу имевшаяся прежде помета старательно – до дыр в бумаге – выскоблена, однако нижнюю строчку можно еще прочитать: „Изъ Румянц(евскаго Музеума)”; ниже следует: „Старопеч. № 20” под чем стоит штемпель: „Ukrainśkyj Nacionalnyj Muzej u Lwowi, Mochnackoho 42”. С правой стороны фиксируется помета, подтверждающая принадлежность книги собранию Н. П. Румянцева: „Москов. Муз. № 26”¹²⁶. На этой же части форзаца приклеен листок белой бумаги, на котором написано: „Экземпляръ одного тисненія съ экземпляромъ Жировицкимъ и съ Румянцовскимъ (гдѣ помѣщенъ съ Трибуналомъ) № 3 описанія”. Под листком содержатся записи, сделанные разными почерками: „1588 г.”, „Статуть Литовскій Вильно, 1588 г.”, „Унд. Оч. библ. № 103”¹²⁷, „одинаков со 2-ым и 3-ым экземплярами Публ. Библ. (I, 2. № 7-8)”¹²⁸. На verso листа, вплетенного в кодекс из книги С. Б. Линде, имеется полустертая прямоугольная печать с надписью „Музей А. С. Петрушѣвича”¹²⁹. На следующем за псевдотитульным вставном листе, равно как на с. 109 и 316, фиксируется штемпель „Печать Цѣного Музеѣ

¹²⁶ Напомним, что после перевода из Петербурга в Москву Румянцевский музей был слит с вновь учреждавшимся тогда Московским публичным музеем (см. ссылку 76).

¹²⁷ См. ссылку 122.

¹²⁸ См. в нашем библиографическом перечне позиции №№ 14, 15 и 16. Запись скорее вторит утверждению И. Свенцицкого, заметившего, что принадлежащие Музею экземпляры 3-го издания [имеется в виду не очередность издания, а обособленность этой группы книг от двух других – В.М.] „типа экземпляровъ Импер. Публич. Б-ки (I, 2 № 7-8)” (см.: И. Свѣнцицкій, *Каталогъ книгъ...*, с. 156).

¹²⁹ А. С. Петрушевич (1821-1913) – церковный и политический деятель галицко-русского движения. Будучи униатским священником, каноником во Львове, снискал себе известность как историк, филолог, этнограф и библиофил. Помимо выполнения пастырских обязанностей, руководства митрополичьей канцелярией, а с 1873 года – функций хранителя и библиотекаря митрополичьего архива, много работал в библиотеках. „Збирання книжок, рукописів, пам’яток старовини стало для Петрушевича справою життя. У результаті його археографічних та етнографічних пошуків, копіткої колекціонерської діяльності постала велика книгозбірка пам’яток слов’янської культури. Учений усвідомлював значимість для науки зібраних ним матеріалів і як теоретик розумів, що для просвітництва та процвітання нації необхідні матеріальні джерела – бібліотеки, музеї, скоординовані наукові сили. Власне такою установою, на переконання Петрушевича, був Народний Дім у Львові, бібліотека та музей якого виникли

в' Львовѣ". На с. 50 над правовым текстом имеется запись: „Кнѣга силъ нарицаемаѣ Статут руски". На полях очень часто встречаются „рускомовные" и польскоязычные заметки (по две-три на страницу), указывающие на активное пользование книгой. На с. 508 – последней из сохранившихся первопечатных – над заглавием **Роздѣлъ третїнадцатъ** значится: „маеть в собі арт. 14". Согласно И. Свенцицкому, экземпляр оказался во Львове [может быть, в книжном собрании А. С. Петрушевича? – В.М.], будучи купленным „у Макарова"¹³⁰ въ СПб. за 12 рб."¹³¹.

Лаппо № 33, Райд. № 10, Голенч. 1-15

23. Украина, Львов, Научная библиотека ун-та им. И. Франко, шифр 27008 III/Cim. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 1-15 Реестра; лл. 296-308 (с. 529-554) правовой части. На страницах, занятых текстом почти всего Реестра, имеется еще один дефект: рваная дыра в самом центре, постепенно уменьшающаяся в размерах и сходящая на нет к нн. лл. 32-33. Экземпляр несет на себе следы пребывания в воде или в очень влажном помещении. В верхних правых углах листов с текстом Реестра (recto и verso) имеется надпись „Folio", которой сопутствуют цифровые указания на соответствующий раздел Статута. Все статьи в этой части кодекса рукописно пронумерованы: с левой стороны от слов **Артыкулъ** поданы арабские цифры, указывающие номер статьи в разделе, с правой стороны – номер статьи в общей совокупной нумерации в рамках всего свода законов (таким образом, в ЛС насчитывается 534 артикула). Арабскими цифрами пронумерованы также листы правового текста – в верхних правых углах. На с. 5 фиксируется владельческая надпись: „Stef(a)n(u)s Kozakowŷcz Renko swo własną". Иной владелец – с подобной выучкой – в той же формулировке оставил о себе память на с. 131 и 230: „Andrzej Semenowicz Ręką swoio własno", „Andrzej Semenowŷcz Ręko swo własno". Более насыщенной информацией оказывается помета на с. 353: „S(e)rhŷ Wasylewicz Prezbyter

і збагатилися не без дієвої участі його самого. 1885 р. Петрушевич заповів Народному Домові свої багаті зібрання книг, рукописів, документів, карт, творів мистецтва та археологічних предметів. У Народному Домі зібрання А. Петрушевича становили окремий відділ під назвою «Музей А. С. Петрушевича», який став фундаментом і найбагатшим здобутком цієї першої української публічної бібліотеки Галичини" (О. Колосовська, *Формування слав'янської бібліотеки Антона Петрушевича*, „Проблеми слов'янства", вип. 54, 2004, с. 190-192).

¹³⁰ По всей видимости, продавец не являлся профессиональным книготорговцем. Во всяком случае Н. И. Свешников, довольно обстоятельно представивший петербургских букинистов того времени, торговавших в магазинах, на рынках, „на ларяхъ" и даже „разносивших книги въ оригинальныхъ мѣшкахъ", о Макарове не упоминает (см.: Н. И. Свѣшниковъ, *Петербургскіе книгопродавцы-апраксинцы и букинисты*, „Историческій вѣстникъ" 1897, т. 69, № 7, с. 81-98, № 8, с. 399-426).

¹³¹ И. Свѣнцицкій, *Каталогъ книгъ...*, с. 156.

Reczÿsky”¹³². На с. 25 проставлена неидентифицированная овальная печать, на которой на темном фоне изображена графская корона и монограмма с готическими инициалами „J. S.”¹³³. Этот экслибрис заслоняет собой отпечаток маленького круглого штампа, однако на просвет на последнем можно прочесть „Biblioteka W B”. Это один из вариантов печати, которым отмечены книги из библиотеки графа Виктора Баворовского¹³⁴ (1826-1894) – польского писателя и переводчика, увлеченного коллекционером рукописей и старопечатных изданий¹³⁵. Интересный графический элемент, призванный служить знаком привлечения внимания, используется на с. 79, 113, 239, 304 и проч.: на полях книги – параллельно подчеркнутым правовым положениям, а также названиям артикулов – расположен рисунок сжатой кисти руки с вытянутым к тексту указательным

¹³² Топоним „Речица” встречается на карте белорусских и украинских земель многократно. И все же рискнем предположить, что речь скорее идет о поветовом местечке тогдашнего Минского воеводства, а ныне районном центре Гомельской области. Согласно старым данным, кроме Доминиканского монастыря, который управлял парафией, „są w Rzeczyu dwie cerkwie: jedna nowsza pod wez. Wniebowzięcia N. M. P., druga z 1725 r. pod wez. św. Mikołaja”, а во всем повете насчитывалось „57 parochii prawosławnych” (*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...*, t. X, Warszawa 1889, s. 133-135).

¹³³ Аналогичный штамп значится на страницах книги из фондов Ягеллонской библиотеки: *Acta et constitutiones synodi dioecesis Leopoliensis anno 1593 celebratae*, wyd. Jan Dymitr Solikowski, Lwów 1593. Здесь также фигурирует владельческая надпись, подтверждающая бытование экземпляра в окрестностях Львова: „Lucae Więckowski Canonici Leopoli. P. Jaworowien mpp. 1638” (см.: *Katalog poloników XVI wieku Biblioteki Jagiellońskiej*, t. I, Warszawa-Kraków 1992, s. 180-181). В частной со мной переписке проф. Ю. Шощкий, знаток старых польских книжных собраний, высказал мнение, что монограмма „J. S.” могла принадлежать Юзефу Шуйскому (1835-1883) – известному краковскому историку, профессору Ягеллонского университета и его ректору, генеральному секретарю Польской Академии знаний. В богатой библиотеке Ю. Шуйского содержались книги, отражающие в первую очередь профессиональные интересы владельца: издания исторической – в широком значении слова – тематики. В одном из каталогов книжного собрания Ю. Шуйского, составленном самим историком в 1876 году, под №№ 710 и 706 значатся: *Statut litewski* и *Solikowski* (см.: J. Szocki, *Księgozbiór domowy Józefa Szujskiego [w świetle sporządzonych jego ręką katalogów]*, cz. II, „Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej” R. XL, nr 1-2, 1990, s. 84).

¹³⁴ В фондах другой львовской библиотека – им. Стефаника АН Украины – содержатся книги, каждая из которых проштампована двумя печатями Баворовского: „Biblioteka Fundacyi W. Hr. Baworowskiego” и „Biblioteka W B” (verso титульного л. и с. 25): Hugo Hermann, *De Militatiae equestri antiqua...*, [Antwerpen] 1630 (шифр Ст IV 50708); Platon, *Timaeus, vel de Natura / Marsilio Ficino ... interprete*, Parisiis [Paris] 1544 (шифр Ст 21718).

¹³⁵ Виктор Баворовский начал собирать свою коллекцию еще в молодости, он тогда писал: „Zamierzam utworzyć zakład naukowy i narodowy na wzór Z. Ossolińskich w połączeniu z ordynacją familijną”. Незадолго до своей преждевременной смерти граф передал в 1881 г. библиотеку и восемь тысяч моргов земли „na własność Królestwa Galicji i Lodomerii w celu utworzenia fundacyi”. Собрание составляло тогда около 16 тысяч печатных изданий, 1800 рукописей и 10 тысяч гравюр. Для публичного пользования Библиотека была открыта в 1900 г., ее фонды насчитывали около 40 000 томов, в том числе 6228 книг XVI и XVII веков. После того, как

пальцем, графический эквивалент иудаистского „яда” – указки для чтения Торы. Комментарий юридического характера встречается на страницах книги чрезвычайно редко и ограничивается польскоязычными записями.

Пауд. № 11, Голенч. 1-16

24. Украина, Одесса, Государственная научная библиотека им. Горького, шифр V-29969. Экз. деф.: нет титульного листа, нн. л. 2, 8 Преамбулы; лл. 237-238 (с. 392-395). Листы 255-256 (с. 428-431) и 308 (с. 553-554) заменены вставками с рукописным текстом. От руки дописаны также недостающие фрагменты на подклейках к оборванным лл. 16, 32, 175. Экземпляр содержит список „омылок”. На вpletенном перед текстом кодекса листе имеется запись „Статуть Великаго Княжества Литовскаго. Напечатанъ рукописными буквами въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей 1588 года (неполный)” и печать с двуглавым орлом и круговой надписью „Библиот. Императ. Новорос. университета”¹³⁶. На последней странице под концовкой, следующей за текстом „омылок” едва просматриваются несколько почти выцветших записей, из которых можно прочесть разве что текст на подклеенном куске бумаги: „Сей Статуть Ивана Гудимъ Лявковича”¹³⁷.

в 1939 г. Львов был занят советскими войсками, фонды местных научных центров, в том числе Библиотеки Баворовского, были объединены под эгидой созданной АН УССР. Во время Второй мировой войны книжное собрание графа было рассеяно. Часть коллекции попала в Польшу [лишнее свидетельство тому – наличие во Вроцлаве еще одного экземпляра ЛС с печатью „Biblioteka Fundacyi W. hr. Baworowskiego” – у нас он представлен под № 46], но большинство книг и рукописей осталось во Львове (см.: J. Szocki, *Wiktor Baworowski: lwowski kolekcjoner i fundator biblioteki*, „Przegląd Wschodni” 1998, zesz. 3, s. 543-550).

¹³⁶ К моменту открытия Новороссийского университета (1865) его библиотека, унаследовавшая фонды Ришельевского лицея, насчитывала 28 500 томов. К концу 1895 г. собрание выросло до 168 500 единиц хранения, в 1913 г. их было уже свыше 314 000. „Начало именным фондам библиотеки положил [...] один из основателей славяноведения в России проф. В. И. Григорович, подаривший около 1 тыс. томов, в том числе рукописи и редкие издания” (см.: Н. М. Березюк, *Исторические параллели в судьбах двух университетских библиотек: фрагменты истории*, „Вісник Одеського національного університету”, т. 13, вип. 8: *Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство*, Одеса 2008, с. 50-53).

¹³⁷ Идентификация владельца книги в данном случае вызывает большие затруднения. Гудимы-Левковичи представляют многочисленный богатый казачий, а с конца XVII века дворянский род (шляхетство и имения были пожалованы Ивану Левковичу по универсалу Мазепы). Представители этой фамилии внесены в VI-ю часть родословной книги Киевской, I-ю часть Черниговской, II-ю и III-ю части Полтавской, Харьковской и Симбирской губерний. Несколько Гудим-Левковичей носили имя Иван. Так, Иван Федорович (? – после 1830) преподавал латынь и русскую грамматику в Московском университетском благородном пансионе, состоял членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, печатал стихи в „Вестнике Европы”. После 1816 года он переехал в Симбирск, где дослужился до должности председателя Губернской гражданской палаты. Помещик Иван Павлович Гудим-Левкович известен тем, что своими стараниями в 1794 году построил в мест-

25. Украина, Харьков, Центральная научная библиотека Национального ун-та им. В. Н. Каразина, шифр РК XVI.274747. Экз. деф.: нет лл. 261-262 (с. 440-443), 307-308 (с. 551-554). На оторванном форзацном листе под верхней доской переплета имеется повторяющаяся несколько раз запись, которую трудно с полным основанием назвать владельческой: „Сия книга господина”, под ней та же рука вывела: „Помощь моя” и поставила неразборчивую подпись. Обрат этого листа испещрен пометами, но чернила выцвели и прочитав что-либо внятное не представляется возможным. На следующем за форзацем листе фиксируются запись „Статутъ книга” и штамп библиотеки „Харьк. Импер. университета”¹³⁸, на verso анонимный педант запечатлел результаты своих арифметических подсчетов: „Сто семьдесят летъ сему Статуту о^т 1765 и до 1770 году нача^в сто восемьдесятъ два года”, „о^т 177 году надобы отсчитать сему статуту продолженіе его 2... годъ”, выше всех этих заметок приводится в столбик арифметическое действие: „1765 – 1588 = 177”. Лист с латинской привилегией вплетен в этом экземпляре кодекса перед титульным, к тому же оборотной стороной вверх. Здесь на чистой странице написано „Добродѣю мнѣ велце зичливому приятелеви его мл^{сти} пану Осифу Самоилевичу¹³⁹ завше уставичний слуга и богомолца остаюс”.

ности Нешерив, что в 35-ти км от Киева, храм (ныне Спасо-Преображенский загородный скит Ионинского монастыря), в котором завещал себя похоронить. Здесь же был погребен его сын – тоже Иван. Коллежский ассесор Иван Павлович Гудим Левкович в 1790 г. служил в Киеве предводителем дворянской Опекы. И это далеко не все носители этой распространенной на восточнославянских землях фамилии.

¹³⁸ Эта первая университетская библиотека Украины ведет свою историю с 1804 г. Основу ее фондов составили свыше трех тысяч книг академика Аделунга, купленные в Петербурге основателем университета В. Н. Каразиным. Последующему росту библиотечных собраний способствовали значительные дары упомянутого выше ректора, архиепископа Христофора Сулимы, академика П. П. Кеплена и многих др. К 1815 г. в Библиотеке насчитывалось свыше 15 тысяч томов, позже ее фонды пополнялись еще более интенсивно – в том числе за счет включения части библиотек упраздненного Виленского университета, личных библиотек митрополита Стефана Яворского, деятеля чешского возрождения Вацлава Ганки, выдающегося лингвиста А. А. Потебни, известного религиозного писателя и философа Е. И. Станевича и проч. За первое столетие существования фонды университетской Библиотеки увеличились в 40 раз (121 тыс), а за второе – в 100 (сейчас составляют свыше 3 300 000 экземпляров) (см.: Н. М. Березюк, *Дорога длиною в двести лет, Центральная научная библиотека Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина*, [в:] *Очерки истории вузовских библиотек г. Харькова*, Харьков 2001, с. 20-121). Применительно к проблематике Литовского Статута небезынтересным представляется тот факт, что с 1828 по 1830 гг. директором Библиотеки Харьковского университета служил И. Н. Данилович.

¹³⁹ Самойловичи – украинский старшинский род, ведущий свое начало от священника Самойло, осевшего на Черниговщине. Наибольшую известность фамилии принес Иван Самойлович (?-1690) – гетман Левобережной Украины. В его частной библиотеке было два (!) экземпляра Литовского Статута – так во всяком случае показывает „Опись движимого имущества”, созданная для конфискации спустя три года после отстранения И. Самойловича от

Сам титульный лист на треть оборван по диагонали, его оборот занимает редкий вариант королевского портрета с фигуркой Фортуны, на лицевой же стороне имеется очередная запись, свидетельствующая о хронологии пользования книгой: „1817 – 1588 = 229 лѣ(тъ) по щоту ...”. Старопечатный текст Статута завершается перечнем „омылок”. Затем следует вставной лист с маргиналией, называющей имя еще одного, к сожалению, не идентифицированного нами владельца: „Сія книга Яновича Петра Павловича”, „Сія книга Петра Павловича Яновича”.

Лаппо № 23, Рауд. № 1, Голенч. 1-19

26. Швеция, Уппсала, Библиотека ун-та, инв. 781. Экз. деф.: нет лл. 43-44 (с. 5-8) правовой части (заменены рукописными). Имеется список „омылок”. Над названиями разделов в Реестре содержатся польскоязычные пометы: „Rozdział 1”, „Rozdział 2” и т. д.; такие же указания сопровождают начала разделов самого правового текста. Запись белорусской скорописью XVII века, фиксируемая на последней странице книги, свидетельствует о принадлежности кодекса человеку, о котором у нас нет никаких сведений: „Стату^т власны Демяна | (Але)ксан^дра Кове^рзы”. На полях книги встречаются русскомовные и польскоязычные маргиналии юридического характера. Как и предыдущий „харьковский” экземпляр книги, этот ЛС наиболее полно сохранил свой первопечатный состав, в том числе титульный лист, оборот которого занимает королевский портрет с фигуркой Фортуны. Книжный блок экземпляра сильно обрезан.

Рауд. № 20, Голенч. 1-18

IV.2. Экземпляры 2-го издания

27. Польша, Вроцлав, Библиотека Оссолинских, шифр XVI.F.4529. Экз. деф. „смешанной печати”: нет титульного листа, нн. лл. 2, 8 Преамбулы; нн.

гетманской должности (1687). Описанное должно было поступить для раздела между войсковым скарбом и царской казной (см.: А. С. Алмазов, *Библиотека политического деятеля на Левобережной Украине второй половины XVII в. [на примере собрания книг гетмана И.С. Самойловича]*, „Библиотековедение” 2010, № 2, с. 80-81). Но адресат дарственной записи харьковского экземпляра книги именовался Осифом, не Иваном, а о таковом мало что известно. При определении принадлежности книги Самойловичам в учет можно взять, кажется, то обстоятельство, что в списках черниговских дворян на 1783 год под той же фамилией фигурирует некий Иосиф („Черниговскія губернскія вѣдомости” 1889, № 22-23). Не исключено, что именно об этом человеке В. Л. Модзалевский писал: „Иосифъ Лукьяновичъ [Самойловичъ], род. въ 1750-хъ г.г.; вахмистръ (1778); 5 Нояб. 1778 – корнетъ при отставкѣ; за нимъ въ Новыхъ Млинахъ (гдѣ и жилъ) и с. Оленовкѣ м. 8 ж. 11 душъ (1783); холостъ въ 1786 г.” (В. Л. Модзалевскій, *Малороссійскій родословникъ*, т. IV, Киев 1914, с. 486). Стоит, может быть, уточнить, что Новые Млины (укр. Нові Млини) и Оленовка (укр. Оленівка) – это села на Черниговщине, в Борзнянском районе.

лл. 11-12 Реестра; лл. 62 (с. 44-45) и 260-263 (с. 438-445). Печатный текст прерывается на л. 265 (с. 449) (далее артикулы Статута переписаны от руки: сначала скорописью на „русской мове”, а начиная со статьи 24-й XII-го раздела следует польский перевод положений кодекса). Нн. с. 5 Преамбулы собрана из четырех фрагментов, наклеенных на чистом листе бумаги. На обороте того же листа (нн. с. 6) приклеена оборванная снизу страница из иного экземпляра Статута. В Преамбуле и начале Реестра листы по краям оборваны, изрядный клочок вырван со стороны переднего обреза книги на лл. 110-116 (с. 140-153) и 121 (с. 162-163). В кодексе имеется вставка из первого издания – тетрадь ж: лл. 79-84 (с. 78-89). На с. 109, 110, 214 и 340 над печатным текстом повторяется запись „Wilkaniес RZ(?)L”¹⁴⁰. В Библиотеку Оссолиньских книга попала как дар Наргелевичей¹⁴¹, а точнее, вдовы Яна Наргелевича, литовского шляхтича татарского происхождения, умершего в 1886 году¹⁴². Отсканированный текст книги размещен в интернете¹⁴³.

28. Польша, Краков, Национальный музей, собр. Чапских, шифр MNK.XVI.167. Экз. деф.: нет титульного листа, заменен искусной литографией с рукотворной копии¹⁴⁴, л. 2 Преамбулы (вместо него в том вpletена

¹⁴⁰ Мелкопоместный шляхетский род герба „Вильча глова”, многочисленные представители которого жили в ВКЛ, напр., в Лидском повете Виленского воеводства. „Szlachta zaściankowa, albo jak ją powszechnie na Litwie nazywają – okoliczna, gromadną jest w Lidzkim powiecie. [...] są okolice po kilkadziesiąt, niekiedy, domów jak długie wsie, zamieszkałe przez samą szlachtę, czasem nawet jednego nazwiska, jak na przykład: Jodków, Czaplów, Wilkańców [разрядка моя – В.М.] i innych” (М. Narbut, *Szlachta okoliczna*, „Ziemia Lidzka” 1997, № 28, s. 14). Под письмом лидской поветовой шляхты от 11 июля 1765 г. (*List szlachty powiatu Lidzkiego* – документ хранится в Государственном историческом архиве Литвы в Вильнюсе) подписались около 30 (!) разных „их мостей” Вильканцев (см.: С. Malewski, *Popis szlachty lidzkiej z 1765 roku*, „Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy” 2005, t. 4, s. 168-183).

¹⁴¹ См.: J. Szoski, *Księgozbiory domowe w Galicji Wschodniej (1772-1918)*, Kraków 2001, s. 257. Прежнего владельца книги упоминает также библиографическая справка: „Prow[enien]cje: Jan Nargielewicz” (см.: *Katalog starych druków Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Polonica wieku XVI*, Ossolineum 1965, s. 660).

¹⁴² „Był to człowiek cieszący się wielką powagą u miejscowego społeczeństwa. Ukończywszy Uniwersytet w Dorpacie, po uwłaszczeniu włościan w r. 1861 był wybrany na komisarza włościańskiego (mirowy pośrednik) i na tem trudnem stanowisku odznaczał się wyjątkową sprawiedliwością. Przez całe życie będąc skrzętnym zbieraczem ksiąg, stworzył wspaniałą bibliotekę, którą przeznaczył do publicznego użytku dla Wilna. Po nagłej śmierci Nargielewicza w Warszawie, bez testamentu, daleki krewny zmarłego, jako spadkobierca zawładnął biblioteką, którą po wielkich staraniach wdowa wykupiła i przeważną jej część z całem urządzeniem złożyła w darze bibliotece im. Ossolińskich we Lwowie” (J. Tałko-Hryniewicz, *Muslimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy*, Kraków 1924, s. 27).

¹⁴³ См.: http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/docmetadata?id=5939&from=&dirids=1&ver_id=&lp=1&QI=.

¹⁴⁴ Предположительно авторства В. Бартиновского.

фотокопия) и л. 289 (с. 514*-516). Ошибки в титуле Сигизмунда III, допущенные при копировании оборота титульного листа, исправлены рукой Э. Гуттен-Чапского (1828-1896), основателя Музея, известного собирателя произведений искусства и нумизмата. Один из прежних владельцев книги дважды пытался пометить свою собственность: маргиналия на с. 123-124 „Сига книга / глаголемата Стѣтъ раба Божіа” оказалась неполной; гораздо больше информации несет полистная запись на с. 285-290: „Сига книга / глаголемата Стѣтъ / раба Божіа Богдана меченика Мозырского¹⁴⁵ / І дана до Мозыра В року 1728 [можно прочитатъ также: 1758]”. В книге фиксируются многочисленные „рускомовные” и польскоязычные комментарии правовых положений. На с. 58 читается: „Спробовати пера доброго”, что позже наглядно реализуется в занятных виршах (записанных той же рукой): на с. 291-296: „Мѣсеца / марца забиль / моужикъ зайца / А пупъ [попъ – В.М.] забиль / сороку / по[ѣ]реди року”; на с. 297-310: „Прилетѣла / сорока / сѣла / зна[р]ока / хотѣла / нашу / рыбу / поѣсти / А ти / недали / ни на / одному[м] – В.М.] / дубе / усѣсти. Finis”. На с. 554 – после окончания текста ЛС – приводится заключительная строфа из гимна Святому Духу¹⁴⁶, исполняемого в католической церкви как григорианский хорал.

Пауд. № 27, Голенч. 2-7

29. Польша, Краков, Национальный музей, собр. Чарторийских, шифр XVI.1271/III. Экз. деф. „смешанной печати”: нет материалов Преамбулы. Вставки из первого издания представляют: тетрадь ж: лл. 79-84 (с. 78-89), тетрадь к: лл. 103-108 (с. 126-137), тетрадь х: лл. 175-180 (с. 270-279), тетради ц и ч: лл. 187-198 (с. 292-315), тетради г, д, з, ж второго счета: лл. 289-308 (с. 514*-554), парные листы, „покрывающие” тетради ф, э, в-второго счета: лл. 169 и 174 (с. 258-259 и 268-269), лл. 235 и 240 (с. 388-389 и 398-399), лл. 283 и 288 (с. 503-504 и 513-514). Экземпляр некогда был подмочен. Тексту первой статьи Статута предшествует надпись „монастира Холмѣкаго Чину св. Василіа”¹⁴⁷. Монастырскую принадлежность книги с натяжкой

¹⁴⁵ Мечником называлось должностное лицо в Речи Посполитой, в обязанности которого входило носить перед королем меч, знак монаршей власти. *Коронный мечник* и *литовский мечник* были постоянными чиновниками по войсковому судопроизводству. *Земские* же или *поветовые* исполняли свою почётную службу лишь когда король находился в их землях (см.: Z. Góralski, *Urzędy i godności w dawnej Polsce*, Warszawa 1983, s. 137, 187-188). Подробности о Богдане, уряднике мозырском, упомянутом в маргиналии, по всей видимости, можно будет найти в томе *Wojwództwo mińskie XIV-XVIII w.*, который запланирован к публикации в серии „Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy”, издаваемой Институтом истории Польской Академии наук.

¹⁴⁶ „Deo patri sit gloria / eiusque soli filio / cum spiritu paracleto / et nunc et in perpetuum. / Amen”.

¹⁴⁷ Орден базилиан появился в Холме (ныне: Хелме) в 1639 г., уже спустя год началось строительство униатского монастыря, главной святыней которого стала чудотворная икона

подтверждает маргиналия на с. 269, воспроизводящая текст молитвы: „A nie zanieschay бус opiekunem moim Воze moу”. Помимо того, в кодексе имеются русскомовные пометы юридического характера, сделанные скорописью XVII в.

Пауд. № 51, Голенч. 3-24¹⁴⁸

30. Польша, Курник, Библиотека АН, шифр Cim. F.4182. Экз. деф. „с смешанной печати”: нет лл. 79-114 (с. 78-149), 306-308 (с. 549-554). Вставка из первого издания: тетрадь χ: лл. 175-180 (с. 270-279). На титульном листе имеется надпись – судя по старопольской графике – XVI-XVII в., называющая прежних владельцев книги – самого автора записи „Станислава Грота Вроновского”¹⁴⁹ и его „кума милого Грегора Скрибу”: „Był Wronowskŷ słu-
żąc JM P(anu) Wŷs(o)kŷe^(mu) a dalieŷ nież | A dalieŷ njeż: poziczani bił
u P(ana) Hrehora | Skribŷ Kuma me° mile°, wtori oddawanŷ | Teras mŷ stanisław
grot wronowskŷ ... po rosku pisać ...”. При этом „Скриба” отнюдь не обязательно служит обозначением фамилии, это слово может выступать здесь как *po-
men agentis*. На обороте форзацного листа перед листом титульным имеются записи, сделанные разными почерками: „Statut ten kórego tylko 19 exempla-
rzy i to niecałych dotąd odszukano zabierano się przedrukować w Petersburgu
(1822) wraz z dawnim tłumaczeniem Polskim i nowym Rosyjskim”¹⁵⁰. М. Wysz-

Холмской Богоматери. Монастырь славился богатой библиотекой, содержащей десятки старопечатных изданий и ценные рукописи. Здесь, например, хранилось письмо Ивана Грозного протестантскому проповеднику Яну Роките (см.: А. Н. Семенович, *Отвѣтъ царя Іоанна Васильевича Грознаго сѣніору Яну Рокитѣ въ 1570 г.*, „Холмско-Варшавскій епархиальный вѣстникъ” 1878, № 8, с. 7-10; № 10, с. 3-7).

¹⁴⁸ Экземпляр классифицирован ошибочно.

¹⁴⁹ Упоминание об этом человеке находим в исторических документах гмины Ходель Люблинского воеводства. Мелкопоместные шляхтичи Вроновские „rycerze herbu Topór dzielczyli w Książu oraz we Wronowie. Był to niewiele znaczący ród w ziemi lubelskiej. [...] w drugiej połowie XVI wieku dziedzicem wsi był Andrzej, miał on wielu synów: Stanisława, Krzysztofa, Jana, Jerzego oraz Piotra, którzy około 1590 roku objęli razem Książ i Wronów. Każdy z nich dostał swoją niewielką część w obydwóch wsiach. Dwaj najstarsi z nich uczestniczyli w wojnie z Rosją z początków XVII wieku i obydwaj zginęli. [...] Spis podatkowy z 1626 roku informuje, że miejscowość Książ należała do kilku właścicieli. Byli nimi: Paweł Orzechowski posiadający jedną zagrodę z rolą, Anna Wronowska «pozostała małżonka nieboszczyka p. Stanisława Grot Wronowskiego» posiadająca jeden półłanek ziemi oraz 3 zagrody «z rolami»» (*сайт гмины Ходель*, http://chodel.gmina.pl/ksiaz_p_1166.html).

¹⁵⁰ Как известно, после присоединения областей бывшего ВКЛ к России на этих территориях было сохранено прежнее законодательство. Это привело к необходимости перевода Литовского Статута на русский язык. Такой перевод был сделан с польского издания 1786 г. и напечатан в сенатской типографии в 1811 г., причем русский текст был расположен параллельно с польским. „Двуязычный” Статут широко использовался в судебной практике, так что уже через 10 лет понадобилось новое его издание. „Когда къ нему приступили, [...] появилась

niewski¹⁵¹ 1843 roku”. Ниже рукой Адама-Тита Дзялынського¹⁵²: „Exemplarza całkowitego pierwszego wydania i tam niezaleziono, ten exemplarz iest drugiego wydania, w bibliotece Działyńskich znajduje się ułamek znaczny 1-go wydania obok tego tu kenska nabytego od Pana Wisniewskiego”. Книга хорошо сохранилась. На страницах встречаются единичные пометы юридического характера, сделанные по-польски и „рускомовной” скорописью.

Пауд. № 28, Голенч. 2-8

31. Россия, Москва, РГБ, инв. 6448. Экз. полный, прекрасной сохранности. Прежде принадлежал Императорскому обществу истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР, отдел II, № 789). Об этом свидетельствует текст экслибриса, расположенного на внутренней стороне верхней доски переплета. На нумерованных лл. 2-11 имеется полистная запись: „Принадлежить / Библиотекѣ / Общества / исторіи / и древностей / російскихъ / при Императорскомъ / Московскомъ / университетѣ / учрежденному. В. Унд[ольскій]¹⁵³”. Всякие сомнения относительно авторства пометы устраняет подпись библиотекаря на последней – 554-й – странице книги: „В. Ундольскій”, подтверждающая прием книги от П. М. Строева¹⁵⁴. На

статья, доказывавшая, что польское издание 1786 г. дает весьма испорченный текст Л. Статута. Перепечатка сенатского издания была приостановлена, и возникший вопрос перенесен на рассмотрение комитета министров, Высочайше утвержденное положение которого признало [...] наиболее верным переводом польское издание 1616 г. Была образована особая комиссия, на обязанность которой возложено было изготовление нового перевода Л. Статута на русский язык. Работы комиссии были закончены к 1834 г., но под влиянием событий 1830-31 г. труд комиссии остался безрезультатным” (*Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVII^А, Санкт-Петербург 1896, с. 814).

¹⁵¹ Михал Вишневецкий (1794-1865) – польский философ, психолог и историк литературы. После учебы в Италии, Франции и Шотландии преподавал в Кременецком лицее, а с 1831 г. был профессором в Ягеллонском университете. В событиях Краковской революции 1846 г. принял сторону консервативных сил, поэтому в 1848 году оставил Польшу и уже до конца жизни пребывал в эмиграции (см.: *Literatura Polska. Przewodnik encyklopedyczny*, т. II, s. 606).

¹⁵² См. ссылку 51 в этом разделе книги.

¹⁵³ В. М. Ундольский (1815-1864) – известный российский библиограф и библиофил, исследователь рукописной и старопечатной книги. Его главный труд – *Очерк славяно-русской библиографии* – до сих пор считается самым полным и авторитетным библиографическим указателем кириллической печати. С 1847 г. вплоть до своей смерти В. Ундольский являлся библиотекарем Общества истории и древностей российских.

¹⁵⁴ П. М. Строев (1796-1876), археограф, член Российской Академии наук. В 1816-1826 гг. состоял в так называемом кружке графа Румянцева. Наибольшую известность получил как инициатор археографических экспедиций, отыскал в монастырях, библиотеках и архивах тысячи очень важных памятников письменности и печати. Своим изданием ряда текстов и описанием рукописей во многом обусловил успехи российской историографии второй половины XIX столетия.

полях кое-где встречаются записи с юридическим комментарием на русском и польском языках. Именно этот экземпляр стал образцом для „критического” издания ЛС, осуществленного И. И. Лаппо. Со ссылкой на публикацию Е. Соколова этот видный историк права поясняет, каким образом рассматриваемый экземпляр оказался в книжных фондах ОИДР: „... в 1828 году, послѣ переписки министра народнаго просвѣщенія, князя К. А. Ливена, съ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа А. А. Писаревымъ, бывшимъ въ то время и предсѣдателемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, былъ высылаемъ въ С.-Петербургъ, въ комиссію для исправленія ошибокъ въ русскомъ переводѣ Литовскаго Статута изданія 1811 года, работавшую подъ предсѣдательствомъ Демчинскаго”¹⁵⁵. На первой и последней страницах правовой части кодекса в помете, сделанной скорописью XVII века, называется более ранний владелец книги: „Иваⁿ Костаⁿтиновиⁿ Туреⁿски рукою властною по^дписаⁿ то^t стату^t своⁱ року 1588”.

Лаппо № 1, Пауд. № 24, Голенч. 2-1

32. Россия, Москва. ГИМ, собр. „Меньших”, 1629. Экз. деф. „смешанной печати”: нет титульного листа и нн. лл. 2, 4, 8 Преамбулы; нн. л. 9 Реестра; лл. 109 (с. 138-139), 132 (с. 184-185), 145 (с. 210-211), 283 (с. 503-504), 288-289 (с. 513-516), 300-302 (с. 537-542), 305-308 (с. 547-554). Пропуски лл. 109 и 145 сопровождаются рукописными заметками на предшествующих страницах: „kartŷ niemasz”, л. 283: „ли^ta треба”. Имеются случаи перестановки листов при позднейшем переплетении тома. Вставки из первого издания представляют: тетрадь χ : лл. 175-180 (с. 270-279), парные листы из тетрадей $\mathbf{s}$ и $\mathbf{p}$: лл. 86-89 (с. 92-99), 134 и 137 (с. 188-189 и 194-195). На верхней доске переплета наклеен ярлык белой бумаги, на котором написано: „Артикулы законовъ великаго княжества Литовскаго, или Статутъ литовскій № 507”. На форзаце имеются надписи: на внутренней стороне верхней доски переплета – „№ 1138 глав. оп.”, на следующей странице – „№ 1138ⁱⁱ глав. описи Статутъ Княжества Литовскаго”, ниже размещен штамп Библиотеки Соловецкого монастыря. Этот же штамп, встречаясь еще неоднократно, „закрепляет” помету, сделанную красными чернилами на последней имеющейся странице: „Итого въ книгѣ сей листовъ 289. Примѣчанія: № 87ⁱⁱ написанъ на двухъ листахъ”. На с. 310 помещен рисунок сжатой кисти руки с вытянутым к тексту указательным пальцем. На с. 338 и 392 имеются рукописные заметки, являющиеся скорее всего пробой пера: копируемый от руки оригинальный текст артикулов содержит ошибки, сви-

¹⁵⁵ Е. Соколовъ, *Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1901-1902 гг.*, „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ” 1902, IV, с. 3 (Смѣсь) (цит. по: И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. V).

детельствующие о непонимании писцом передаваемого содержания¹⁵⁶. По всей видимости, именно этот экземпляр в 1834 году обнаружил в монастырской библиотеке историк Я. И. Бередников, прикомандированный к Археографической экспедиции П. М. Строева¹⁵⁷. В XX веке кодекс по персональному запросу И. И. Лаппо „былъ на нѣкоторое время присланъ въ Московскую Синодальную Библіотеку”¹⁵⁸, откуда на Соловки уже не вернулся.

Лаппо № 8, Рауд. № 25, Голенч. 2-2

33. Россия, Москва, ГИМ, собр. Царского, 7. Экз. деф. „смешанной печати”: титульный лист и лл. 307-308 (с. 551-554) правового текста заменены позднейшими литографиями. Из первого издания вплетены тетради: **з**: лл. 85-90 (с. 90-101), **х**: лл. 175-180 (с. 270-279), **е** второго счета: лл. 301-306 (с. 539-550), а также парные листы из тетрадей **о**, **п**, **ы**: лл. 127 и 132 (с. 174-175 и 184-185), 134 и 137 (с. 188-189 и 194-195), 218 и 221 (с. 354-355 и 360-361). Начиная с нн. л. 2 на страницах книги фиксируются две полистные записи, называющие прежних владельцев книги: на обороте лл. 2-17: „Сіа книжица / названна / тут Статутъ / свщено Іереѧ / Трофима / Рубановича / презвитера Іванковскаго¹⁵⁹ / подписа^а / Іере^а Матфей / Рубановичъ / презвитерь СѦо

¹⁵⁶ Так, при воспроизведении копнистом заглавий артикулов слова **тѣстаментъ** и **(на) кгрѣнтѣхъ** „трансформировались” в *метамемъ*, *кгрутѣхъ*.

¹⁵⁷ См.: Н. П. Барсуковъ, *Жизнь и труды П. М. Строева*, с. 272.

¹⁵⁸ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. X. Началом Синодальной патриаршей библиотеки послужили „книжныя собранія митрополитовъ, которые, будучи посвящаемы въ Константинополь, привозили оттуда греческія и славянскія рукописи, затѣмъ бібліотека перешла въ вѣдѣніе патріарховъ московскихъ, которые и заботились объ ея процвѣтаніи, передавая ей сокровища своихъ собственныхъ книгохранилищъ [...] Въ этомъ году 1721 г. бібліотека, по учрежденіи Святѣйшаго Синода, была передана въ его вѣдѣніе и получила наименование синодальной. Въ 1722 г. велѣно было именнымъ императорскимъ указомъ собрать изъ всѣхъ епархій и монастырей лѣтописи и списать ихъ для патріаршей бібліотеки. [...] главное ея богатство съ этихъ поръ заключается въ рукописяхъ, собраніе которыхъ продолжало постоянно обогащаться. [...] съ XVII в. она служить неиссякаемымъ источникомъ для ученыхъ. [...] Въ настоящемъ столетіи все ученые наши историки и историки литературы трудами своими обязаны отчасти Синодальной Б. Въ ней занимались митрополитъ Евгений, Карамзинъ, Калайдовичъ, Шевыревъ, Бодянский, Буслаевъ, Соловьевъ и друг.” (*Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. III^а, с. 801-802).

¹⁵⁹ Иванков – ныне районный центр Киевской области – получил свое название в 1589 году от имени тогдашнего владельца Ивана Проскури. Главной достопримечательностью местечка долгое время был древний замок, внутри которого находился помещичий двор и церковная усадьба. „Церковь во имя Рождества пресвятыя Богородицы, деревянная, построена въ 1743 году на мѣстѣ давнѣйшей. По штатамъ причислена къ 4-му классу” (Л. Похилевичъ, *Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Киевской губерніи*, Киевъ 1864, с. 156).

/ Илинскій / Черноби́льскы¹⁶⁰ / рукою своею / уласною / року 1740 мѣа ...”. На verso лл. 2-13: „Сей Статут / войскового / товарища / в ... / жительствующаго / Василя / Златковского¹⁶¹ / куплень / 1775 году / в Никити / Емеліановича / Корнѣевского”. Весь свободный от печатного текста оборот л. 40 заполнен заметками разного содержания. Это выписка из Гродских книг: „Wypys (z) Xiąg Grodzkich Kyiowskich Zamku Owruckiego¹⁶². Przedemną Michałem Pawszą¹⁶³ Sebe wsedł”; нравоучительные вирши: „Hto bohat, to wsim brat, a chto niczoho nemaie, ничто ieho ne znaie”¹⁶⁴, „Panno nie przebieray żebys nie

¹⁶⁰ Считается, что храм Святого Пророка Илии, впервые упомянутый в летописях XVI в., был воздвигнут в Чернобыле на том самом месте, где, по преданию, во время своего путешествия по Русской земле останавливался святой Андрей Первозванный. Согласно актам Радомышльской консистории, в 1749 году было принято решение о возведении в Чернобыле Ильинской православной церкви „in loco combustae antiquae” (на месте прежней сгоревшей). Храм считался крупным землевладельцем, к нему была приписана большая часть крестьян, проживающих в Чернобыле (см.: Л. Похилевичъ, *Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи*, с. 147). В 1840 году Свято-Ильинской церковью был обретен чудотворный образ Святителя Николая, который почитался как икона-хранительница Чернобыльской земли.

¹⁶¹ „Златковский Василь Минич – війсковий товарищ (1787), мешканець стародубський” (см.: В. В. Кривошея, І. І. Кривошея, О. В. Кривошея, *Українська козацька старшина*, част. 3, кн. 2: *Віськове товариство*, Київ 2008, с. 40). Званием войскового товарища обыкновенно награждались казаки, особо отличившиеся своей храбростью и распорядительностью в боях и походах. Как пишет В. Панащенко, войсковые товарищи исполняли разные военные и гражданские функции: командовали сотней в отсутствие сотника, сопровождали артиллерию, ведали боеприпасами, входили в состав разных комиссий – счетных, следственных, межевых, по заготовке провианта и фуража, в полковых канцеляриях несли обязанности канцеляристов, были наставниками молодых казаков (см.: В. Панащенко, *Бунчукові, військові і значкові товариші в Гетманщині*, [в:] *Істину встановлює суд істоії*, збірник на пошану Федора Павловича Шевченка, т. 2, Київ 2004, с. 305-306).

¹⁶² Средневековый замок в городе Овруч (ныне райцентр Житомирской области) являл собой не только военный, но административный центр Овручского княжества, а потом староства, выделенного в XVI в. в составе Киевского воеводства. „Въ 1659 году королемъ повелѣно было разграничить Кіевскій, Житомирскій и Овручскій повѣты, а старостамъ Житомирскому и Овручскому дано было право разбирать спорныя дѣла обывателей своего староства” (Н. И. Теодоровичъ, *Историко-статистическое описаніе церквей и приходоѡвъ Волинской епархіи*, т. I: *Угѡды Житомирскій, Новоградъ-Волинскій и Овручскій*, Почаевъ 1888, с. 298).

¹⁶³ К. Несецкий в своем *Гербовнике* подает со ссылкой на Красицкого: „W r. 1778 był Jan Pawsza podkomorzy Owrucki z Niemierzyczowny zostawił potomstwo synów pięciu, z których najstarszy Michał, pisarz ziemski Owrucki” (*Herbarz polski* K. Niesieckiego, t. VII, Lipsk 1841, s. 264). В *Польском биографическом словаре* добавлено, что Михал Павша „(2 poł. XVIII w.) sędzia ziemski owrucki, posel na sejmy. [...] M. Czajkowski w powieści «Owruczanin» pozostawił o nim wspomnienie człowieka gwałtownego, «co to przyjeżdżał na kadencję w poczcie sotni czernihowskich kozaków» i wołając «Sza Pawsza», groził szubienicą przeciwnikom” (*Polski słownik biograficzny*, t. XXV, Ossolineum 1980, s. 519-520).

¹⁶⁴ Тот же самый текст, но написанный кириллической графикой, воспроизводится в экземпляре ЛС, представляемом в нашем списке под № 9.

przebrała | Xiąże do cie nie przyedzie bys o tym wiedziała | Bogaty cie nie wezmie ubogy cie nie minie, | Bys nie poszła za tego co pasie swinie”; пословица, изложенная в двух языковых вариантах: „W błahopółoczno wremia druhow czyslysz mnoho, wremia zegrzmi ... ne uzrysz”, „Cum fortuna perit, nullus amicus (erit)”¹⁶⁵. В вертикальном ракурсе вдоль бокового среза книги на этой странице имеется надпись „Гѣди Благослови”, за которой следует воспроизведение полного церковнославянского алфавита. Каждый раздел кодекса предваряется пометой „Ма artykułów (столько-то)”. На с. 213 воспроизведен рисунок православного схимнического Креста, называемого „Голгофой”. В книге фиксируется множество замечаний юридического характера, записанных по-польски и на латыни. Этот экземпляр Статута как один из многочисленных раритетов библиотеки И. Н. Царского¹⁶⁶ описал в 1841 г. П. Строев¹⁶⁷. О следующем эпизоде из истории книги можем судить гипотетически: известно, что коллекция Царского была куплена графом А. С. Уваровым и перевезена из Москвы в его усадьбу в селе Поречье. В 1917 году это собрание поступило в Государственный Исторический музей¹⁶⁸.

Рауд. № 26, Голенч. 2-3

34. Украина, Киев, ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины, шифр Кір. 767. Экз. деф.: нет Преамбулы, нн. л. 9 Реестра. Нн. лл. 10-38 Реестра и лл. 305-308 (с. 547-554) правовой части при позднейшем переплете заменены

¹⁶⁵ *Когда fortuna покидает нас, у нас не остается друзей* – пословица переключается с отрывком из „Скорбных элегий” Овидия, ставшим крылатым выражением: *Dóneс eris felix, multós numerábis amicos, Témpora sí fuerínt núbila, sólus eris* – *Не сосчитать друзей, пока благоденствие длится, Если же небо твое хмурится, ты одинок* (пер. Н. Вольпина, см.: О в и д и й Публий Назон, *Скорбные элегии. Письма с Понта*, Москва 1978: кн. I, элегия 9, строки 5-6).

¹⁶⁶ И. Н. Царский (1789-1853) – богатый купец-старообрядец, известный собиратель русских древностей. В его библиотеке хранилось 850 старых рукописей и 444 старопечатных издания. Коллекции Царского были описаны П. М. Строевым, который тогда еще выражал надежду, что владелец „да упрочить свое Собрание навсегда *цѣлымъ* и да не погибнуть оно подобно многим частным библиотекам, от которых остались только каталоги или безкаталожная недолговѣчная память” (П. М. Ст р о е в ъ, *Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія почётному гражданину и Археографической комиссіи корреспонденту Ивану Никитичу Царскому*, Москва 1848, с. V). Пожелание счастливо исполнилось: А. С. Уваров приобрел у Царского все рукописи и часть собрания старопечатных книг, другую часть книг купил В. П. Орлов-Давыдов. В 1917 г. все собрание воссоединилось в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (см.: Е. М. Ю х и м е н к о, *Купцы Царские и их вклад в историю старообрядчества и культуры*, [в:] *Старообрядчество: история, культура, современность*, Москва 2011, т. 1, с. 271-284).

¹⁶⁷ См.: П. Строев, *Описание старопечатных книг славянских...*, с. 24-25.

¹⁶⁸ См.: Е. М. Ю х и м е н к о, *Купцы Царские...*, с. 278.

листами из 3-го издания. Титульный лист заменен копией, снятой лишь с лицевой стороны. На обороте фиксируется печатная наклейка „Библиотека Коллегія Павла Галагана | № по инвент. 5580 | шкаф | полка С | № книги 37 Правовѣд.“, указывающая на принадлежность книги частной киевской школе¹⁶⁹. Ее в 1871 году в память о своем покойном сыне открыл Г. Галаган (1819-1888), полтавский и черниговский помещик, меценат. При Коллегии существовала прекрасная библиотека, в основу которой легло книжное собрание Н. А. Маркевича (1804-1860), историка и этнографа Малороссии¹⁷⁰. На лицевой стороне первого чистого листа, вплетенного в книгу велед за титульным, имеется запись „Статутъ Великаго Княжества Литовскаго | Вильно | Въ друкарни Дому братьевъ Мамоньчовъ 1588“, сделанная с несомненным равнением на формулировки из журнальной публикации П. И. Кеппена¹⁷¹. Фрагмент последней в свою очередь воспроизведен на втором вплетенном чистом листе: „Въ Кеппенъ «Библиографическіе листы» на 1825 годъ 2го августа, № 21, стр. 298, сказано: «№ 271, Изданіе Виленское въ друкарни дому братьевъ Мамоньчовъ, 1588 года. Одинъ неполный экземпляръ находится въ Библиотекѣ Графа Николая Петровича Румянцева»“. Книга из Библиотеки Павла Галагана сохранилась в очень хорошем состоянии, в ней встречаются лишь единичные пометы юридического содержания.

Пауд. № 22, Голенч. 2-5

35. Украина, Киев, Центральный гос. исторический архив Украины, ф. 739, оп. 1, 12. Экз. деф.: нет Преамбулы, Реестра, лл. 41-99 (с. 1-119), 174 (с. 268-269), 185 (с. 288-289), 208 (334-335), 230 (с. 378-379) правовой части кодекса. Текст прерывается на л. 233 (с. 385). Недостающие фрагменты книги заменены новыми листами, на которых текст Статута передан письмом XVII века. При этом Реестр дается после юридических статей. На форзаце под верхней доской переплета фиксируются: дарственная надпись с указанием последнего частного владельца книги, датированная сентябрем 1887 г.: „Означенный экземпляръ дарится мною въ Кіевскую Публичную Библио-

¹⁶⁹ Находясь в ведомстве Министерства народного просвещения, Коллегия действовала под надзором и покровительством университета св. Владимира.

¹⁷⁰ См.: *Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XV^А, Санкт-Петербург 1895, с. 695.

¹⁷¹ Этот ученый-энциклопедист издавал с начала 1825 по середину 1826 г. „Библиографическіе листы“ и был в них основным автором. Журнал выходил в Санкт-Петербурге с периодичностью от 2 до 4 раз в месяц. Здесь, в частности, печатался полный список изданных в России книг, а в пяти номерах давалась „Хронологическая роспись первопечатным словенским книгам“ (№ 1, 6, 11, 16 и 21) (см.: С. Б. Бернштейн, „Библиографическіе листы“ П. И. Кеппена, „Известия АН СССР“, сер. литературы и языка, т. 41, вып. 1, Москва 1982, с. 47-58).

теку¹⁷². Графъ Григорій Александровичъ Милорадовичъ, свиты Его Величества Генераль майоръ”¹⁷³; на втором листе: „Статутъ Великаго Княжества Литовскаго. Переведено съ польскаго подканцлеромъ Великаго княжества Литовскаго Львомъ Сапегою. Вильна, типографія Козьмы Мамонича, 1588”. Здесь же, на форзаце, имеются штампы Киевской публичной библиотеки (шифр 4451) и Киевской Областной государственной библиотеки им. ВКПб (шифр: 2916). На с. 306 читаются частично обрезанная запись и ее уточнение: „Григории Гулян[иц]кии, полковник”, „Григории Моисеѡв[ич]”¹⁷⁴. Как свидетельствуют иные рукописные пометы, и позже – уже не будучи собственностью мятежного полковника – Статут оставался на Черниговщине: „Настоящей хозяинъ сотенный Любецкій атаманъ Лукьянъ Тихоновъ гднѣ Красиловецъ”¹⁷⁵ (здесь же присутствуют три приписки с фразами-пожеланиями, сделанные разными почерками: „Дай Богъ ему здравствовать”, „и многа лета во вси дни живота его”, „Этот приписяка здѣлалъ день боль-

¹⁷² Эта библиотека была образована в 1866 г. как Киевская российская публичная, в основу ее фондов легли частные книжные собрания киевлян. В 1891 г. Библиотека стала называться Киевской городской публичной. В начале XX в. здесь содержалось свыше 30 тысяч томов, почти треть из них – дары жителей города. С утверждением советской власти библиотечное собрание во многом увеличивалось за счет марксистской литературы. В 1923 г. Библиотека была преобразована в Центральную рабочую библиотеку им. РКП(б), в 1934 г. – в Государственную областную им. ВКП(б). Библиотечные фонды очень сильно пострадали во время Второй мировой войны, а само здание было сожжено. Вскоре после восстановления в 1957 г. Библиотека стала называться Государственной республиканской библиотекой УССР им. КПСС. С 1990 г. она именуется Государственной библиотекой Украины, а с 1994 г. – Национальной парламентской библиотекой Украины (см.: О. К. Александрова, *Національний парламентський бібліотеці України – 135 років*, „Календар знаменних і пам'ятних дат” 2001, кв. I, Київ 2000, с. 79-85).

¹⁷³ Г. А. Милорадович (1839-1905) после службы в гвардейской кавалерии был черниговским губернским предводителем дворянства и безуспешно занимался писательским творчеством (*Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XIX, Санкт-Петербург 1896, с. 310).

¹⁷⁴ „Гуляницкій Григорій – нѣжинскій полковникъ. Вмѣстѣ съ Гладкимъ, полковникомъ миргородскимъ, онъ упрекалъ Хмѣльницкаго за его рѣшеніе (1652) искать покровительство Порты, за что послѣдній велѣлъ отсѣчь ему голову. Г. успѣлъ бѣжать и впослѣдствіи примкнулъ къ Выговскому. В 1659 г. онъ съ успѣхомъ защищалъ Конотопъ противъ русскихъ войскъ. Въ 1663 г. сражался подъ знаменами Іоанна Казимира противъ Брюховецкаго и русскихъ. Съ 1664-67 г. Г. просидѣлъ въ крѣпости Маріенбургѣ, куда былъ посаженъ поляками вслѣдствіе ложнаго доноса. Годъ смерти Г. неизвѣстенъ” (*Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. IX^а, Санкт-Петербург 1893, с. 878).

¹⁷⁵ Л. Т. Красиловец служил в Любецкой сотне – административной единице и войсковом подразделении Черниговского полка. В персональном составе казацкой старшины он фигурирует сначала как писарь (1760-1766), потом атаман (1766-1779 ?) и, наконец, хорунжий (1781) (см.: І. Кондратьєв, В. Кривошея, *Нариси історії Чернігівщини періоду козацтва: Любеч*, Київ 1999, с. 38).

шімъ года и во всякой день желаетъ жить и провождать множество лѣтъ”). На форзаце при нижней доске переплета имеется латинская маргиналия, подтверждающая, что в августе 1781 года книга принадлежала казацкому сотнику Луке Красиловцу из Любеча: „Hic liber nempe jura Parva Rossia[e] renet posesorem Luc[as] Krasilowcé, Centenarius Duc[is] Cosacorum, oppidi Lubeczowia. Scripsi Anno M IDCCLXXXI. Mense Augusto”. Рядом тем же подчерком воспроизводится, а потом перечеркивается известное изречение авторства Цицерона: „О, времена! О, нравы!”. И, наконец, дополнением к черниговскому эпизоду в „биографии” книги может служить тот факт, что огромная библиотека графа Е. И. Милорадовича, передавшего Статут в Киев, содержалась в Чернигове, тогда как фамильная усадьба Милорадовичей находилась в Любече. Из общей канвы несколько выпадает упоминание о еще одном предположительном владельце кодекса, скромно написавшем на с. 18: „Семмиюна, раба бжиа”. Ссылку на библейский сюжет содержит запись на с. 184: „Żołnierze uszli wo Wytleomsky powit, pobuwaiuczy mladenci od dwoch y dwoch lit”. Скорее пробами пера являются маргиналии с фрагментами молитвенных текстов на с. 137-138: „придѣте поклонѣмса и припадѣмъ к Хрѣсту”, „Премудрости наставниче”. Помимо представленных записей в книге фиксируются многочисленные комментарии правовых положений, написанные по-польски.

Рад. № 23, Голенч. 2-6

36. Украина, Харьков, Центральная научная библиотека Национального ун-та им. В. Н. Каразина, шифр РК XVI.274745. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9-13, 16-40 Реестра; лл. 84 (с. 88-89), 114 (с. 148-149), 146-200 (с. 212-319), 306 (с. 549-550), 308 (с. 553-554). Утраченные страницы Реестра и текста статей кодекса заменены рукописными. Кроме штемпеля Библиотеки Императорского Харьковского университета на экземпляре стоит печать библиотеки Павла Петровича Джунковского – выпускника этого учебного заведения, предводителя дворянства Константиноградского повета Полтавской губернии. В 1896 году П. П. Джунковский (1845-1909) пожертвовал альма-матер свою фамильную библиотеку, собираемую тремя поколениями рода¹⁷⁶. На форзаце под верхней доской переплета в левом углу имеется запись: „Юриспруденція есть знаніе правъ, основанныхъ на

¹⁷⁶ „По словамъ Павла Петровича, книги эти составляютъ часть бібліотеки дѣда его, тайнаго совѣтника Степана Семеновича Джунковского, родившагося въ 1762 г. въ г. Лебединѣ Харьковской губ. и умершаго въ С.-Петербургѣ въ 1839 г. [...] Книги эти и рукописи пріобрѣтены Ст. Сем. Джунковскимъ, большею частью, во время заграничнаго путешествія его въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Болѣе новыя книги пріобрѣтены самимъ Павломъ Петровичемъ и отцемъ его” (*Каталогъ книгъ, пожертвованныхъ Павломъ Петровичемъ Джунковскимъ, Предводителемъ Дворянства Константиноградскаго уѣзда) Полтавской губ(ерніи) Харьковскому университету въ 1896 году*, Харьков 1896, с. 3). Инте-

нравоученіи, законъ безъ исполненія какъ колоколь безъязыкий. *Judico sic formula | Sądzę = | = surowie*". С правой стороны разворота форзацного листа читается: „Книжка сія Статутъ канцелярыста Демьяна Степановича сына Твардовскаго¹⁷⁷, дѣятелствующаго полку и повѣту Миргородского¹⁷⁸ сотнѣ Хоролской в селѣ Аврамовкѣ¹⁷⁹. 1771 года Генваря А. дня № 41". Автор этой пометы, по всей видимости, был отцом человека, оставившего чуть ниже еще две записи: „Изъ числа оныхъ Григорія Твардовскаго”¹⁸⁰, „А отъ онаго

ресно, что в упомянутом каталоге значится лишь рукописный „Статутъ Великаго Княжества Литовскаго съ присовокупленіемъ способа правъ трибунальскихъ (рукопись можетъ быть отнесена къ XVII ст.)” (там же, с. 6), но одновременно приводится свидетельство, что библиотека, подаренная Харьковскому университету П. П. Джунковским, среди всего прочего состояла „изъ большого количества рѣдкихъ книгъ, напечатанныхъ въ XVI ст. (17 книгъ)” (там же, с. 3).

¹⁷⁷ Автор пометы – Демьян Степанович Твардовский – спустя какое-то время стал классным чином, титулярным советником: в 80-е – начало 90-х годов XVIII в. служил заседателем в Казенной палате Киевского наместничества (во втором, а потом первом Департаменте Верхнего Земского суда) (см.: *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1784*, Санктпетербургъ 1784, с. 422; *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1789*, Санктпетербургъ 1789, с. 284; *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1793*, Санктпетербургъ 1793, с. 351).

¹⁷⁸ В так наз. Первой Малороссийской губернии повет как административная единица появляется после судебной реформы 1763 г., когда была восстановлена юридическая сила Литовского Статута. Поветом назывался округ, состоявший из большего или меньшего числа сотен, подсудных поветовому земскому суду. Всякий полк разделен был на два повета, Полтавский, как исключение, образовывал один повет (см.: *Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXIV, Санкт-Петербургъ 1898, с. 18).

¹⁷⁹ Хорольская сотня „створена влітку 1648 р. як військово-територіальний підрозділ Миргородського полку. Включена 1649 р. до його адміністративного устрою і за весь час існування не змінювала свого підпорядкування. [...] Ліквідована у 1782 році. Територію сотні розподілили між трьома повітами Київського намісництва: Голтв'янським, Городиським та Хорольським. Сотенний центр: місто Хорол, тепер – однойменний райцентр Полтавської області” (В. М. Заруба, *Адміністративно-територіальний устрій...*, с. 213-214). Упомянутое в записи село Аврамовка лежит в восьми километрах от районного центра, но именуется сейчас Староаврамовка (укр. Староаврамівка) – в отличие от Новоаврамовки, заложенной несколько позже на противоположном берегу реки Хорол.

¹⁸⁰ Речь скорее всего идет о Григории Демьяновиче Твардовском, также служившем на Украине, причем недалеко от Миргорода – в Ольвиополе (ныне Первомайск Николаевской области). Губернский секретарь, а позже титулярный советник Г. Д. Твардовский в течение многих лет в начале XIX в. работал в уездном казначействе и суде (см.: *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1802*, Санктпетербургъ 1802, ч. II, с. 384; *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1814*, Санктпетербургъ 1814, ч. II, с. 242; *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1820*, Санктпетербургъ 1820, ч. II, с. 247; *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1825*, Санктпетербургъ 1825, ч. II, с. 198).

Г"дна Твардовскаго глуховскому дворянину Алексѣю Твардовскому. 1794 года Ноября ..."¹⁸¹. На листе, расположенном перед задним форзацем книги, от руки воспроизведена строчка из псалма Давида: „Помощь моя отъ Господа сотворяющаго небо и землю" [120:2 – В.М.]. На самом нахзаце имеются записи, представляющие собой что-то вроде хозяйственной хроники, напр.: „1797 года марта 20 Василь Мовчаненко продалъ хлѣба пуд^{xxx} 28 ^{xx} в хлѣбѣ 30 ^{пу} j вздатокъ взялъ 8 ^{xx}. А хлѣбъ привезти должень сегодня ввечеръ"; „Кирилло Самуха и Яндрей Чепа (?) 28 числа порядилися поставить в середине 40 ^{пу} борошна по 27 ^{ко} а вздатокъ получили Л ^{ку}" (вынесенные вверх буквы имеют характер мелких неразборчивых знаков и почти не читаются).

Лаппо № 22, Рауд. № 21, Голенч. 2-9

IV.3. Экземпляры 3-го издания

37. Беларусь, Музей истории Могилева, шифр МГМ КП 005630. Экз. деф.: нет Преамбулы. Об этом экземпляре общественность узнала в 2012 году, когда книга была выставлена на электронный аукцион. Владелец – московский антиквар – оценил ее в 45 тысяч долларов. С инициативой приобретения Статута, на то время не представленного в книжных фондах Беларуси, выступил Музей истории Могилева. Деньги на покупку собирались „всем миром", значительную часть средств составили пожертвования меценатов. На вставном листе, вплетенном после форзаца, имеется дарственная надпись: „Отъ его Высокопреосвященства Гавріила архієпископа рязанскаго и зарайскаго"¹⁸² в библіотеку рязанской семинаріи¹⁸³ Апрѣля 15 д.

¹⁸¹ Об упомянутом здесь дворянине Алексее Твардовском – родственнике или однофамильце Григория Демьяновича – можем сказать лишь то, что в 1794-м г. он не значился в числе государственных служащих Глухова, бывшей столицы гетманов, а в конце XVIII в. уездного центра Новгород-Северского наместничества (см.: *Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1794*, с. 369).

¹⁸² Архиепископ Рязанский и Зарайский Гавриил (Городков) (1785-1862) в свое время закончил Рязанскую семинарию, а затем Санкт-Петербургскую Духовную Академию, уже как магистр богословия вернулся в Рязань, где был профессором в своей альма-матер. В 1815 году он принял монашеский постриг и был возведен в сан архимандрита Рязанского Свято-Троицкого монастыря. Потом служил ректором Орловской, а позже Нижегородской семинарии, управлял Нижегородским Печерским монастырем. В 1828 г. стал епископом Калужским и Боровским, потом был направлен на Могилевскую кафедру для присоединения униатов к православию. В 1837 г. Гавриил вновь ступил на Рязанскую землю – уже как архиепископ. В 1999 году причислен к лику святых Русской Православной Церкви (*Святые и праведники земли Рязанской X-XX вв.*, автор-сост. Т. Веселкина, Рязань 2000, с. 62).

¹⁸³ Рязанская духовная семинария ведет свое начало от цифирной школы для детей духовенства, открытой в 1722 году, двумя годами позже она стала именоваться Духовной школой,

1839 г. Литовский Статут изданный в Вильнѣ 1586 года¹⁸⁴». В начале книги под печатным текстом читаются две отчасти параллельные полистные записи: более ранняя: „Кнѣга / княз(я) / Васиѣа / Васиѣевича / Кропоткина / Смоленсково¹⁸⁵ / а поѣписаѣ / своею рукою” (нн. л. 19, 20, 26, 39 [все recto]; с. 1, 3, 7, 33, 68), а также: „сиѣа / книга Переславля / Рязанѣского / дому / прѣстыя / Бѣцы / и митрополича / касенѣная / а поѣписалѣ / по укасу / преосв(я)щенѣного / Павла / митрополита / Ресанского / и Муромского¹⁸⁶ / поѣячеѣ / касенного /

а с 1743 года – Славяно-латинской семинарией. Из ее стен вышла плеяда талантливых людей, которые стали известными служителями церкви. Здесь получили среднее образование 15 православных иерархов, в числе выпускников значатся также ученые, преуспевшие в светских науках – физиолог И. П. Павлов, академик и Нобелевский лауреат; известный историк М. К. Любавский и др. (см.: *Историко-статистическое описание Рязанской духовной семинарии и подвѣдомых ей духовных училищ*, сост. архимандритомъ Макаріемъ, Новгородъ 1864, с. 1-89; *Исторія Рязанской Духовной Семинаріи. 1724-1840 г.*, сост. Д. Агнцевъ, Рязань 1889). Семинарская библиотека „главнымъ образомъ составилаь изъ пожертвованій отъ разныхъ лицъ. Такъ, въ 1789 г. въ нее поступило весьма значительное число книгъ (1153), подаренныхъ архимандритомъ Солотчинскаго монастыря Іоанніемъ, бывшимъ воспитанникомъ Рязанской семинаріи. По кончинѣ преосвященнаго Симона вся его библиотека перешла въ семинарію. Отъ епископа воронежскаго Інокентія, учившагося въ Рязанской семинаріи въ прошломъ столѣтіи, доставлено также весьма много книгъ” (*Историко-статистическое описание Рязанской духовной семинарии...*, с. 64). В 30-х гг. XIX в. среди дарителей оказывается преосвященнейший Гавриил (Городков), передавший, в частности, „рукописное Евангеліе, рукописную Минею и Литовскій статутъ, изданный в 1586 [sic] году в Вильно”. К концу столетия в библиотеке значилось: 1) книгъ 6908 наименований в 12010 томах; 2) периодических изданій – духовных и светских – 73 наименования в 2954 томах; 3) древнихъ рукописей 536 номеров (см.: „Рязанские епархіальные ведомости” № 8, 1897, с. 257).

¹⁸⁴ Ошибочная датировка, как уже отмечалось выше, объясняется неточностью, допущенной В. Сопиковым при первом библиографическом упоминании о кодексе. См. с. 75 настоящей монографии.

¹⁸⁵ Кропоткины – „русскій княжескій родъ, отрасль удѣльныхъ князей Смоленскихъ. Родоначалникомъ ихъ былъ кн. Дмитрій Васильевичъ Смоленскій, прозванный Кропотка, племянникъ послѣдняго князя смоленскаго Юрія Святославича. Его потомки въ XVI и XVII в. служили стольниками, стряпчими и бывали на воеводствахъ” (*Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVI^А, Санкт-Петербургъ 1895, с. 827). Этот род дал немало государственных мужей, хотя самым известным представителем Кропоткиных стал все-таки революционер-анархист Петр Алексеевич (1842-1921). Интересующий же нас князь Василий Васильевичъ стольникомъ участвовалъ в витебскомъ и полоцкомъ (1654), а потомъ рижскомъ (1656) походахъ; былъ воеводой в Воронеже (1651-54), Переяславле-Рязанскомъ (1661-64), тогда же составлялъ по Рязани межевые книги и расписные списки; в 1670 и 1671 гг. выступалъ в походахъ противъ Степана Разина; былъ воеводой в Нижнемъ Новгороде (1687-88). Умеръ в 1691 г. (см.: *Списокъ именъ замѣательныхъ дѣятелей и уроженцевъ Рязанскаго края*, Рязань 1894, с. 74, а также: сайт „История, культура и традиции Рязанскаго края”, <http://www.history-ryazan.ru/node/10834>).

¹⁸⁶ Павел (в миру Моравскій, ум. 1686) – один из весьма почтенных и образованных иерархов своего времени. Вот его краткій послужной список: с 1676 г. архиепископ Коломенскій и Каширскій, с сентября 1681 года архиепископ Суздальскій и Юрьевскій, в ноябре

прикасу / Григоре^с / Моросовъ¹⁸⁷ / лѣта / 7191 (1682) / ноября / въ 1 де[нь]” (от нн. л. 17г до нн. л. 40г). Из записей, сделанных от имени митрополита Павла и архиепископа Гавриила, следует, что на протяжении 150 лет своей истории описываемый Статут содержался в библиотеках рязанских духовных владык – при Архиерейском доме¹⁸⁸. Этот факт подтверждается также

того же года возведен в сан митрополита Рязанского и Муромского. В истории русской духовной литературы Павел оставил по себе память замечательной грамотой к архимандриту Богословского монастыря Иосифу и келарю Солотченского монастыря Пахомию, написанной им вскоре по занятии митрополичьей кафедры (см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVIII век*, ч. 3, Санкт-Петербург 1998, с. 4). „Митрополит Павел организовал силами своего казенного приказа целенаправленную деятельность по сбору и хранению памятников книжности Рязанской и Муромской епархий. Существование достаточно крупной библиотеки Рязанского архиерейского дома XVII в. рассматривается как важный факт в истории рязанской книжности и культуры” (Д. В. Губин, *Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII-XVII веков*, АКД, Москва 2004, с. 17).

¹⁸⁷ Записи на рукописных и старопечатных книгах, сохранившихся в современных хранилищах, „донесли до нас имена целой группы подьячих из митрополичьей канцелярии Павла в Переяславле Рязанском – Иван Морозов, Григорий Морозов [выделено мной – В.М.], Григорий Стефанов, Евстратей Серов, Микита Алтухов, Тит Алтухов” (см. материалы 4-й главы упомянутой выше диссертации Д. В. Губина, <http://www.dissercat.com/content/istochniki-po-istorii-ryazanskoi-knizhno-rukopisnoi-traditsii-i-kultury-xii-xvii-vv#ixzz29SxMxDMa>). Пометы, сделанные рукой Г. Морозова, видим также на рукописных *Минеях служебных*, июльская Миней (РИАМЗ, №8634): на листах 1-7: „Из Казенаго приказу подячен Григореи Морозовъ лета 7191 [1682] ноября в 1 день”. Подобные владельческие записи фиксируются на иных рукописях и печатных книгах бывшего рязанского митрополичьего собрания: ср. в рукописных *Пандектах* Никона Черногорца, книге середины XV в. (РГАДА, Ф. 181 [РО МГАМИД], № 581), на нижнем поле листов 2-4, 6-25: „Сия книга... Пере(с)лавля... дому пр(с)тые Б(д)цы и митрополита... по ука(зу) преос(вя)щенного Павла митрополита Рязанского и Муромского казенного прика(зу) под(я)че(и) Григоре(и) Стефано(в) лета 7191 [1682] (г) ноя(б)ря въ 1 (день)”; рукописном *Прологе* конца XV в., март – август (РИАМЗ, № 5656), на листах 1-19, 21-28, 30: „Сия книга Переславля Рязанского соборные и апостольские (!) церкви Успение (!) Пречистые Богородицы. Подписал по указу преосвященного Павла, митрополита Рязанского и Муромского, духовного [пропущено: приказу] подьячей Никита Алтухов, лета 7191 [1682], ноября в 1 день”; печатной *Библии*, Москва: Печатный двор, 12.XII.1663) из фондов Государственной публичной исторической библиотеки России (СТ 290, ОИК – 52159): на л. 2 тит., 1-9 первого счета, 1-14 второго счета: „Книга Переславля Рязанского Дому Пр(е)с(вя)тые Богородицы и митрополита Казенная подписал по указу прео(свя)щенного Павла митрополита рязанского и муромского [Ка]зенного Приказу подячей Григорей Стефанов Лета 7191 [1682] ноября в 1 де(нь)” (см.: глава 3-я диссертации Д. В. Губина). Внимания заслуживает то обстоятельство, что все эти записи подьячие Переяславль Рязанского архиерейского дома делали в один и тот же день, видимо, в рамках акции по маркировке рукописных и книжных фондов митрополита.

¹⁸⁸ Так именовались церковно-административные учреждения, управляющие епархией. Обилие и разнообразие дел, которые они проводили, требовало содержания многочисленного штата служащих. Петр I ограничил значение архиерейских домов, с середины XVIII в. они

первым упоминанием о данной книге в печати, которое приходится на 1823 год¹⁸⁹. Впоследствии экземпляр неоднократно фигурировал в библиографических источниках XIX в. как хранящийся „въ Рязанской Архіерейской ризницѣ” (1849 – И. П. Сахаров, 1871 – В. М. Ундольский, 1883 – И. П. Каратаев)¹⁹⁰, хотя на самом деле он уже значился в фондах библиотеки местной семинарии. После 1917 г. судьба семинарского книгохранилища первоначально складывалась относительно благополучно. Большую часть этой библиотеки смог сохранить историк С. Д. Яхонтов¹⁹¹, тогдашний директор вновь образованного Губернского историко-художественного музея. Созданная С. Д. Яхонтовым личная библиотека стала дополнением архива, который появился вместе с закрытием семинарии и содержал упраздненную библиотеку духовной школы. Однако после ареста С. Д. Яхонтова по делу „краеведов” в 1929 г. бывшие семинарские библиотечные фонды оказываются распыленными. Как напишет об этом позже сам историк: „В 1937-8 гг. эту библиотеку музей распродал в Москву”¹⁹². Известно, что часть старопечатных книг из собрания библиотеки Рязанской духовной семинарии в кон-

являются лишь резиденцией местных духовных владык. Приказы как органы управления возникают в архиепископских домах в 20-х гг. XVII в. и существуют почти до середины следующего столетия, когда заменяются духовными консисториями (см.: *Православная энциклопедия*, под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, т. 3, Москва 2001, с. 532-534).

¹⁸⁹ Незадолго до этого – летом 1822 года – в рамках археографических изысканий членов Румянцевского кружка в Рязань с экспедицией выезжает К. Калайдович. Наряду с чисто археологическими поисками исследователь осмотрел и описал основные ценности архивов и библиотеки рязанского архиепископского дома, местной семинарии, ряда монастырей и церквей. Внимание К. Калайдовича привлек, конечно же, и Литовский Статут, что нашло отражение в корреспонденции ученого (см.: *Письма К. Калайдовича къ А. Ф. Малиновскому...*, с. 30).

¹⁹⁰ И. С. Сахаровъ, *Обозрѣніе славяно-русской бібліографіи*, т. I, кн. 2, с. 25; В. Ундольскій, *Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати...*, ст. 17; И. П. Каратаевъ, *Описаніе Славяно-русскихъ книгъ...*, с. 237. По всей видимости, вслед за российскими авторами неактуальную информацию повторяет гораздо позже К. Эстрейхер, ссылающийся на кодекс из „Bibl. Archiep. w Riazaniu” (К. Estreicher, *Bibliografia Polska*, t. XXIX, s. 233).

¹⁹¹ С. Д. Яхонтов (1853-1942), краевед и историк, выпускник и преподаватель Рязанской Духовной семинарии в последние годы её существования, председатель и редактор трудов Рязанской ученой архивной комиссии. После революции более десяти лет управлял работой Губернского историко-художественного музея. Арестован ОГПУ в 1929 г. – в рамках чистки краеведческих организаций на местах как „крайне засоренных врагами народа”. В тюрьме 76-летний С. Д. Яхонтов пробыл несколько месяцев, потом был отпущен „под домашнее наблюдение” без права работать в архивных органах (по материалам сайта: Яхонтов Степан Дмитриевич Архивная коллекция Рязанского общества „Мемориал”, <http://stopgulag.org/object/63081819?lc=ru>).

¹⁹² ГАРО, Ф Р - 2798, оп. 1, д. 87, л. 144 (цит. по: дипломная работа: иеродиакон Питирим [Чембулатов], *История Рязанской духовной семинарии*, Дзержинский 2003, с. 74, http://www.museum-reu.narod.ru/buecher/pitirim_ierodiakon.htm).

це 1930-х гг. попала в Государственную публичную историческую библиотеку из неразобранного фонда Библиотеки ГИМа¹⁹³. В числе невладелческих записей на описываемом экземпляре Статута внимание привлекает помета красными чернилами, сделанная скорописью на с. 1 правового текста кодекса: „бѣлоруки“¹⁹⁴ (на с. 112 той же рукой записано: „помилуй“). Страница 70 украшена карандашным рисунком, здесь воспроизведен цветочный орнамент. О том, что книга хоть изредка, но использовалась в юридической практике, свидетельствуют знаки „NB“, встречающиеся время от времени, и редкие подчеркивания некоторых фрагментов текста. На форзаце при нижней доске переплета современным почерком написано: „N7061/1'650'1102 7 полка“. Отсканированный текст книги размещен в интернете¹⁹⁵.

38. Великобритания, Лондон, Библиотека им. Франциска Скорины¹⁹⁶. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9-30 Реестра; лл. 41 (с. 1-2), 46 (с. 11-12),

¹⁹³ См.: Е. С. Радченко, *Славяно-русские старопечатные книги в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве*, „Труды Отдела древнерусской литературы“, т. XIII, Москва-Ленинград 1957, с. 591, 593.

¹⁹⁴ Старый характер письма при желании мог бы служить поводом для рассмотрения вопроса о внесении корректив в датировку первой фиксации белорусской отнесенности самого кодекса либо языка, на котором он был написан. В литературе вопроса считается, что мнения о белорусской отнесенности Статута (с использованием соответствующего эпитета) впервые были высказаны в начале XIX века: в 1813 году В. С. Сопиков в своем библиографическом сочинении употребил название „белорусский“ по отношению к ряду книг, напечатанных кириллицей в ВКЛ (В. Сопиковъ, *Опытъ Россійской Библіографіи*, ч. 1, № 571, 787, с. 127, 167). Через три года уже в Польше Самуэль Линде со ссылкой на В. С. Сопикова совершенно определенно высказался за это наименование для языка ЛС: „Gdy zaś język, którym pisany i drukowany jest Statut Litewski, niczem się nie różni od języka w dziele Zydzianego pod napisem: Kazania St. Cyryla O Antychryście, P. Sopikow zaś ten ostatni nazywa Biało-Ruskim, ja wsparty takową powagą, nazywam także i język Statutu Litewskiego Biało-Ruskim“ (S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 12-13). Надпись „бѣлоруки“ на страницах бывшего рязанского, а теперь могилевского экземпляра Статута выглядит как более старая, о чем свидетельствовали бы характер письма, наличие выноса, паерик. Вместе с тем нельзя исключить возможность стилизации под древность, скажем, с учетом тех обстоятельств, что помета делалась скорее всего в среде церковных книжников (лишнее подтверждение тому – вторая фиксация: слово „помилуй“, написанное тем же почерком), а владельцам экземпляра – судя по неправильной датировке кодекса в дарственной надписи – были известны данные из библиографии В. С. Сопикова, а стало быть, знаком его терминологический почин. Представленным сомнениям, склоняющим к привязке записи „бѣлоруки“ к XIX веку, с успехом противостоит в буквальном смысле очевидный довод в пользу старины. Это наглядность изображения. Для окончательного разрешения вопроса нужны были бы данные специальной экспертизы.

¹⁹⁵ См.: https://docs.google.com/folder/d/0B_C5W9UJ5UVwN182aThkc2taVzg/edit

¹⁹⁶ Сведения об истории создания этой Библиотеки и современном ее состоянии можно получить из статьи: А. Г р ы ц к е в і ч, *Зборы Беларускай бібліятэкі імя Францішка Скарыны ў Лондане*, „Кантакты і дыялогі“ 1998, № 9, с. 11-13.

128 (с. 176-177), 187 (с. 292-293), 271 (с. 480-481), 274-275 (с. 486-489). Старопечатный текст прерывается на л. 277 (с. 493). Пропуски заменены чистыми листами бумаги. Надпись на форзаце и с. 13 кодекса говорит о том, что экземпляр некогда принадлежал Алексею Парфеновичу Сапунову (1851-1924), белорусскому историку и краеведу. Как свидетельствуют изыскания В. Шишанова¹⁹⁷, в начале 1920-х проживавший в Витебске профессор находился в очень трудном положении и продажа книг из личного собрания могла бы дать ему средства к существованию¹⁹⁸. Не случайно на обороте литографии, представляющей с. 119 кодекса, имеется запись: „За эту книгу я заплатил лет 12 тому назад 100 рублей золотом, хотелось бы получить за него хотя половину, т.е. 50 р. золотом (страшно вымолвить!) миллиард совет<скими> денеж<ыми> знаками. Профессор А. Сапунов. 1-го февраля 1923 г.”. Спустя три месяца Статут был приобретен у ученого создававшейся тогда в Минске Белорусской государственной университетской библиотекой¹⁹⁹. Во время II-й Мировой войны книга была вывезена немцами в Германию²⁰⁰, а затем следы кодекса обнаружились в США, откуда в 1973 году стараниями Ф. Бартуля, известного деятеля белорусской эмиграции, экземпляр передается в лондонскую Библиотеку-музей им. Ф. Скорины. На страницах Статута встречаются рисунки школьников и записи, содержащие некоторые имена: Mikołaj Semigin, Andrei Boranowski, Pozysowsky, Nowicki, Потоцкий и проч. Есть и маргинальные польскоязычные заметки правового характера – особенно часто они сопровождают статьи IX-го и X-го разделов кодекса.

¹⁹⁷ В. Шишанов, *К истории экземпляра Статута ВКЛ 1588 года из библиотеки А. П. Сапунова*, [в:] *Віцебскія старажытнасці*, Мінск 2010, с. 263-267. Автор настоящей монографии выражает витебскому коллеге признательность за помощь в рамках многолетнего сотрудничества.

¹⁹⁸ Один из современников тогда писал: „у час хваробы і голаду нябожчык прадаваў бібліятэку па кнігах. Купцы і аматары куплялі ў яго найбольш ходкія кнігі” (Д. Вітэк, *Навуковая спадчына, пакінутая А.П.Сапуновым*, „Савецкая Беларусь” 1924, № 238, цит. по: В. Шишанов, *К истории экземпляра Статута ВКЛ...*, с. 264).

¹⁹⁹ „Бел. Дзярж. Унів. Бібліятэка абагацілася важнейшым і рэдкім помнікам беларускага друку – «Літоўскім Статутам» выдання 1588 г. Гэту каштоўную кнігу Бібліятэка здабыла ад беларускага этнаграфа А. П. Сапунова” („Савецкая Беларусь” 1923, № 75, 6 красавіка, с. 4).

²⁰⁰ „Книги [...] отбирались специально командированными для этого лицами. Подбирались по спискам, присылавшимся из Берлина, и вывозились в Берлин, Кенигсберг, Прагу, Будапешт, а также расхищались на месте отдельными учреждениями и лицами. Таким путем было целиком изъято из библиотеки ценнейшее собрание литературы, относящейся к Белоруссии и на белорусском языке, в количестве свыше 40 тыс. томов, в том числе собрание старопечатных белорусских изданий и среди них 7 книг Ф. Скорины, 1-е издание «Литовского Статута» и т. д.” (см.: *Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941-1944*, сост. З. И. Белуга, Н. И. Каминский, А. Л. Манаенков и др., Минск 1965, с. 193-194).

39. Германия, Гота, Научно-исследовательская библиотека, шифр Jurg. 2° 100. Экз. полный хорошей сохранности. На титульном листе имеется штамп „Bibliotheca Ducalis Gothana”, говорящий о том, что экземпляр принадлежит к старой – „герцогской” – коллекции („Herzogliche Bibliothek”) (при этом отнюдь не обязательно кодекс был приобретен стараниями основателя библиотеки герцога Эрнста Благочестивого [1601-1675]: печать „Bibliotheca Ducalis Gothana” ставилась на книги еще в конце XVIII в.). В справочной литературе описываемый ЛС отмечен как принадлежность Земельной библиотеки Готы („Landesbibliothek”)²⁰¹, под этим названием Научно-исследовательская библиотека фигурировала до 1969 г.²⁰² В книге отсутствуют какие-либо пометы, позволяющие судить о прежних владельцах.

40. Литва, Вильнюс, Библиотека ун-та, шифр RK 153. Экз. деф.: титульный лист заменен репродукцией, нет листа с текстом латинской привилегии (нн. л. 8 Преамбулы). В книге имеются перестановки: л. 194 вплетен после л. 195, л. 126 оказался между лл. 120 и 122, а л. 121 – между лл. 125 и 127. И. И. Лаппо представляет экземпляр как принадлежащий Литовскому университету им. Витовта Великого (Каунас), добавляя, что университетская библиотека купила книгу у полтавских Милорадовичей²⁰³ (правда, вопреки мнению профессора, мелкопоместные владельцы кодекса не имели графских титулов)²⁰⁴. На обороте последнего листа ЛС, заканчивающегося текстом Трибунала, читаем: „Съ книгъ пана Стефана Милорадовича”²⁰⁵, „Ex libris

²⁰¹ Исследователи, упоминавшие об этой книге, черпали информацию из каталога, увидевшего свет еще до переименования библиотеки: *Slavica-Katalog der Landesbibliothek Gotha*, s. 225.

²⁰² Строго говоря, с 1999 г. более точным – официальным – названием этого учреждения стало: „Университетская научно-исследовательская библиотека Эрфурт / Гота” („Universitäts- und Forschungsbibliothek Erfurt / Gotha”). Формальное объединение библиотек Эрфурта и Готы служило целям создания крупного книжного центра в восстановленной федеральной земле Тюрингии.

²⁰³ И. И. Лаппо, *Литовский Статутъ 1588 года*, т. II, с. XXIX.

²⁰⁴ Таковым почти через сто лет был наделен правнук упомянутого (но не названного) в цитируемой здесь маргинальной записи гадяцкого полковника. А звали его Михайла Ильич Милорадович, и был это черногорский переселенец в Россию, получивший от Петра I за верную службу на Балканах 500 рублей золотом, поместья и полковничью должность. Графскую же корону к своему дворянскому гербу эта ветвь Милорадовичей приобрела благодаря боевым заслугам перед Отечеством в войне 1812 года генерала Михаила Андреевича. Граф М. А. Милорадович, как известно, был убит на Сенатской площади 14 декабря 1825 года (см.: *Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XIX, с. 310).

²⁰⁵ Степан (Стефан) Михайлович Милорадович (ок. 1700-1756) – сын Михайлы Ильича, родился в Сербии, в детском возрасте переехал с отцом в Малороссию, служил полковым есаулом гадяцкого полка козацкой старшины, потом сотником, с 1735 года был бунчуковым товарищем – этим почетным званием гетманы награждали сыновей генеральной старшины

Dni Stephani Myłoradowycz”, „Possessor illius Andreas Myłoradowycz”²⁰⁶, а также очень любопытная запись на гесто первых 53 листов, сделанная 10.XI.1727 г. в Гадяче Полтавской губернии: „Книга сита / правниа / Статута / Великого / кнѣжства / Литовского / куплена / покойнимъ / о'цемъ моимъ / благороднимъ Его / м'лтию П'номъ / полковникомъ / гадѣцкимъ / за влѣние его / грошки / а за ѣкую цену / куплена / то на се' же книгий / с початку на бѣломъ листу / собственою его покойника / рукою било написа'но / тому вста ста'жина / гадѣцка / есть / извѣстна / а именно ма'ртинъ штижевски / а по умертвий о'ца моего / покойного / никоторий бездѣльникъ и плутага / в гадѣчомъ / хотѣчи сеею книгою / напрасно завладѣти / той листъ / за подписомъ / руки о'ца моего вѣдраль / а кто име'но вѣдраль / чтобъ ему рука усгла / которую ѣ / Стефанъ / Милорадовичъ / н'нѣшнего / 1727 году / нояб'ря 10 дня / в гадѣчомъ опознавши / что власната отца моего на мене спадающая / беру к себѣ / которую еслибъ / впредь кто / мѣль без вѣдома / моего узгати / и удержовать / на такового / заруку кладу / у каждого права талерей сто”²⁰⁷.

и полковников. Обязанность бунчукового товарища заключалась в том, что он сопровождал гетманов в походах, находясь „под бунчуком” – древком с привязанным хвостом коня, своеобразным знаком власти (см.: В. В. Кривошея, И. И. Кривошея, О. В. Кривошея, *Українська козацька старшина*, част. 3, кн. 1: *Значення військове товариство. Бунчукове товариство*, [б. м.] 2008, с. 115).

²⁰⁶ Андрей Степанович Милорадович (1726-1796), сын Степана Михайловича. С юных лет посвятил себя военной службе, был бунчуковым товарищем, затем поступил в регулярные войска и участвовал в Прусском походе, а также в Турецкой войне. С 1779 г. малороссийский губернатор, с 1781 г. губернатор черниговского наместничества (см.: В. В. Кривошея, И. И. Кривошея, О. В. Кривошея, указ. соч., част. 3, кн. 1, с. 114).

²⁰⁷ Если верить документам той поры „покойный отец” автора записи Михайла Ильич Милорадович (? -1726) был человеком своевольным, корыстным и нечистым на руку. Назначенный в 1715 г. гадяцким полковником, он оставался на этой должности 11 лет, возбуждая постоянные жалобы полчан, которых теснил и мучил, вымогая подарки и земельные уступки. Казаки жаловались: „затурбовать” насъ полковникъ своими строгостями; сталъ онъ отбирать на себя городскіе и старшинскіе доходы, отчего запустѣли въ полку ратуши, а потомъ отдалъ власть надъ полкомъ и судовое управленіе – слугамъ своимъ (тоже сербамъ); а тѣ слуги чинять въ полку великія бѣдствія: козаковъ заставляють исполнять самыя низкія работы, позабѣждали на смерть лошадей ихъ, бѣгая за добычами; разбиваютъ людей по дорогамъ и грабятъ по ярмаркамъ”. Такими же насиліями отличалась жена Михайлы Ильича – „пани полковница” Ульяна Степановна, она „требовала отъ слугъ безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній и за малѣйшія провинности наказывала ихъ иногда съ ужаснымъ звѣрствомъ”. Да и сам автор записи на страницах „фамильного” кодекса – первенец Михайлы и пасынок Ульяны – Стефан оставил у гадяцких жителей недобрую память; не случайно казаки просили полковника, „чтобы не позволять женѣ своей и сыну мѣшаться въ полковыя дѣла и называть старшину полковую и сотниковъ собаками, а старшинскихъ женъ – «нецнотами»”. После смерти Михайлы Милорадовича состоянием умершего на основании духовного завещания завладела его вдова вместе с малолетним сыном Николаем. Обделенный Стефан, утверждая, что братъ Николай как незаконный сын (родился на пятом месяце после брака Ульяны и Михай-

Описываемую книгу внимательно рассматривал А. Ф. Кистяковский, что подтверждает следующий фрагмент из главного сочинения ученого: „На днях доставленъ намъ графомъ Г. А. Милорадовичемъ другой экземпляръ печатнаго Литовскаго Статута мамоничевскаго изданія. Этотъ экземпляръ принадлежалъ предку нынѣшняго собственника, извѣстному Гадяцкому полковнику Милорадовичу, жившему въ XVII стол.”²⁰⁸. Обрезы книги золочены.

Лаппо № 34, Рауд. № 47, Голенч. 3-19

41. Литва, Вильнюс, Центральная библиотека Литовской АН, шифр L-16/2-2. Экз. деф., как писал в XIX веке анонимный исследователь, „много потерпѣвшій отъ времени”²⁰⁹: в книге нет Преамбулы; нн. лл. 9-20, 23-24 Реестра; лл. 43-44 (с. 5-8) правовой части. Вместо титульного листа вклеена страница из книги С. Линде, 208-й и 209-й листы (с. 334-337) кодекса наполовину оборваны. На форзаце под верхней доской переплета имеется печать с надписью „Навукавае Таварыства Беларускае”²¹⁰, с правой стороны форзацного разворота читается „Писан курсивом похилан (sic!) буквы”, „1588 г. Vilnius. 3 laida ?”. На с. 414 имеется помета, которую можно было бы толковать как владельческую запись: „Jerzy Hlebowicz”²¹¹. На полях изредка встречаются польскоязычные заметки юридического характера

лы) „не имѣть права на завѣщанное ему наслѣдство, ... обратился въ генеральную канцелярію” и не без посторонней помощи выиграл дело, правда, на тяжбу ушло двадцать с лишним лет (см.: А. Лазаревскій, *Люди старой Малороссіи (Милорадовичи)*, „Кіевская старина” 1882, т. I, № 3, с. 481, 486, 491-492).

²⁰⁸ А. Ф. Кистяковский, *Права, по которымъ судится малороссійскій народъ*, с. 51.

²⁰⁹ Д[единъ], *О Литовскомъ Статутѣ*, ЖМНП 1838, февраль, с. 387.

²¹⁰ Это действующее в Вильнюсе Общество было основано – в числе прочих – В. Ласовским и братьями Луцкевичами. На протяжении тридцати лет своего существования (1918-1939) оно занималось организацией музеев, выставок и библиотек, проведением лекций по белорусской культуре, исследовательской и издательской деятельностью. Помимо выпуска белорусских книг опубликовало сборники *Гадавік Беларускага навуковага таварыства ў Вільні* (1933), *Запісы Беларускага навуковага таварыства* (1938) (см.: А. С. Ліс, *Беларускае навуковае таварыства*, [в:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі* у 6 т., т. I, Мінск 1993, с. 355).

²¹¹ Ежи (Юрий) Кароль Глебович (1605 ? - 1669) – государственный деятель Речи Посполитой, последний из рода Глебовичей. Политическую карьеру начал в должности королевского подчашего. В 1639 году назначен на должность подскарбия литовского, с 1643 г. – воевода смоленский, староста генеральный жмудский (с 1653 г.). Был комиссаром при заключении мира с казаками в Белой Церкви, позднее участвовал в дипломатических и мирных переговорах с Россией (1660, 1662, 1664). В составе делегации Речи Посполитой подписал Андрусовское перемирие, по оценкам современников, сыграл значительную роль в его заключении. В 1668 году, в том числе в награду за заключение Андрусовского перемирия, Глебович назначен воеводой виленским (см.: *Polski Słownik Biograficzny*, t. IX, Ossolineum 1960, s. 543).

и полуграмотные „пробы пера”: на с. 229: „Dzinkuąc Panu Bogu Móy (Oi)oy-cieć Dzis Na iozyaro Poszet”; на с. 341: „Та хуąska”; а на с. 279 и 230 воспроизводится польский алфавит. Судя по описанию (совпадениям в пропусках в составе книги²¹²), именно этот экземпляр принадлежал в свое время И. Н. Даниловичу. Сам профессор об обстоятельствах обретения книги пишет следующее: „Niedawnemi czasy, obywatel żmudzki, Klaudyusz Mirski, w domowym nawet zaciszu matematycznym i prawniczym naukom oddany, złożył w moje ręce wielce uszkodzony exemplarz drukowany wynaleziony przez Fabiana Niewiarowicza, regenta zawileyskiego, w miasteczku Miadziole gubernii Wilenskiej, powiatu zawilenskigo”²¹³. Библиотека Академии наук Литвы приняла эту книгу после второй мировой войны из фондов Виленского Белорусского музея им. Ивана Луцкевича, основанного на базе коллекции этого видного общественного деятеля, этнографа и археолога (1881-1919)²¹⁴. Известно, что *Устав Великого Княжества Литовского на старобелорусском языке* [то есть Статут – В.М.] в частном собрании Ивана Луцкевича значился, имеются очень любопытные сведения о истории приобретения этой книги предположительно в 1907 г.: „Даведаўшыся, што ў Кракаве ў аднаго з лідэраў ППС Іодкі²¹⁵ ёсць друкаваны па-беларуску Літоўскі Статут, Іван Луцкевіч, не маючы магчымасці атрымаць легальнай дарогай пашпарт, пераходзіць нелегальна граніцу і так жа нелегальна варочаецца да краю з цэннай здабычай”²¹⁶.

²¹² „Zaczyna się od art. 64 Roz. IV reestru początkowego, ale i ten później podwakoć się prze-rywa. Sam tekst Statutu, dwie początkowe karty uszkodzone, a dwóch następnych całkiem niemają-cy, ciągnie się aż do końca. Za Statutem bez osobnego tytułu jest kart sześć poodzieranych Trybunału Litewskiego, odmiennym drukiem wybitego” (I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficz-ne...*, s. 177).

²¹³ Ibidem, s. 177.

²¹⁴ В 1919 г. И. Луцкевич пожертвовал свои сокровища Белорусскому научному обществу (БНО), функционирующему в Вильно. На тот момент БНО не имело своего помещения, поэтому коллекция хранилась в квартире И. Луцкевича, который так и не дождался открытия музея. Это знаменательное событие произошло в 1921 г., уже после смерти коллекционера. Музей принял первых посетителей в здании бывшего базилианского монастыря. В 1944 г. по распоряжению советских властей часть собрания была вывезена в Минск, прочие экспонаты разделены между музеями, архивами, библиотеками и хранилищами Литвы и Беларуси (А. Луцкевіч, *Беларускі музей ім. Івана Луцкевіча*, „Гадавік Беларускага навуковага таварыства ў Вільні”, кн. 1, Вільня 1933, с. 181-184; сайт Национального исторического музея Республики Беларусь”, <http://www.histmuseum.by/be/>).

²¹⁵ В. Йодко-Наркевич (1864-1926) — соучредитель Польской Социалистической партии, публицист, редактор ряда печатных изданий. В независимой Польской республике (II Речи Посполитой) находился на дипломатической работе (*Polski Słownik Biograficzny*, t. XI, Ossolineum 1964, s. 253-257).

²¹⁶ Информация эта подается в „біяграфічным нарысе” И. Луцкевича (Л. Крывіцкі, *Нельга абысьці маўчаннем*, „Спадчына” 1991, № 1, с. 15). Перед нами лишь одно из свиде-

Книжное собрание Виленского Белорусского Музея этот кодекс украшал на протяжении 20-30-х гг. прошлого столетия²¹⁷.

Пауд. № 44, Голенч. 3-15

42. Литва, Вильнюс, Институт литовской лит-ры и фольклора АН, шифр В 23898. Экз. деф.: нет листа с текстом латинской привилегии (нн. л. 8); лл. 66 (с. 52-53), 71 (с. 62-63), 150 (с. 220-221), 277 (с. 492-493), 294 (с. 525-526), 301 (с. 539-540), 306-308 (с. 549-554). В книге фиксируются примеры перестановки листов при позднейшем переплете – таких случаев больше, чем можно было бы судить из записи на обороте форзацного листа под верхней доской переплета: „NB We śródku są dwie karty rejestru wszyte przez introligatora, które na początek przeniesie należą”. Помимо того, что нн. лл. 17 и 18 Реестра, действительно, оказались не в надлежащем месте – после с. 514, между лл. 216 и 217 вплетены лл. 199-210, после л. 198 идет л. 211. Этот экземпляр – один из немногих из числа сохранившихся – отличается широкими необрезанными полями, размер книжного блока: 287 × 190 мм. Правда, можно заметить, что достигается это – по крайней мере в тетради Д второго счета – путем варварского использования оказавшегося под рукой материала: для склейки у корешка книги были нарезаны полоски из первопечатных листов, а именно, отсутствующего в экземпляре л. 150. На чистом листе, вплетенном сразу после форзаца, имеется ряд записей разного содержания: здесь можно прочитать прибаутку: „Пань гарди [читай: гарды – В.М.] хлѣбъ его тва^рди пивница на кольку трудно поживица худому пахольку”; фрагменты из Псалтыри и Апостольских посланий, используемые как молитвы: „Помощь мога ѿ Г^да сотворишаго нбо и зе^млю. Г^дь гордим противишася а смире^нни^м дает спасение. Г^дь крѣпость люде^м свои^м да^ть Г^дь благо [правильно было бы: благословит – В.М.] люди свога миро^м. Помолитесь и во^здадѣте Г^деви хвалу Бгу н^шнему”²¹⁸. Имеется здесь анонимная владельческая запись: „Mnie Wielce Mosci Panu y Dobrodzieiu nalezy ota jena knyha”, отрывки из актовых документов: „Wasil Kupryianowicz ze wsi Wulki Telechanske²¹⁹ pochwaliki czynil na Pilipa Perewuznikowicza Muzynkanta Mieszcza-

тельств, подтверждающих страстную увлеченность белорусского патриота: „Як паляўнічы за зьярыной, ганяўся вучоны за экспанатамі для сваёй калекцыі і здабываў іх самымі нечаканымі спосабамі” (там же, с. 14-15).

²¹⁷ А. Луцкевіч, *Беларускі музей ім. Івана Луцкевіча*, с. 184.

²¹⁸ Источниками цитат в порядке их представления являются: Пс. 120:2, 1 Посл. Петра 5:5 и Посл. Иакова 4:6, Пс. 28:11, Пс. 75:12.

²¹⁹ Wólki Telechańskie – село, расположенное в окрестностях Пинска, т. е. недалеко от места жительства Ю. Твардовского, позднейшего владельца кодекса. „Miejscowość nizinna, małołudna, bogata w łąki i ryby. Lud zajmuje się głównie flisactwem” (*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...*, t. XIII, Warszawa 1893, s. 849).

nina Motolskiego²²⁰ и „Roku tysiąc siedmsetnym dwudziestym dziewiontym Miesionca marca dwudziestego czwartego dnia zanosił skargi” (под этой фразой расположен контурный рисунок человека). На обороте этой же густо испи-санной страницы помещены два текста, любопытные своими не всегда удач-ными пробами транслитировать „рускомовный” текст, расположенный на титульном листе кодекса. Сначала в этом упражнялся польскоязычный пе-реписчик, не избежавший украинской огласовки: „Statut Wielkoho Knaztwa Litowsko(go) ot najjasnieszoho Hospodara Jeho myłosti Zigimonta Tretoho na koronacy wo Krako(wie) wydani. Smotrite czto maiete cziniti bo netrawuiete (sic! – в оригинале: **несправѣте**) sudu czelowiczoho ale sud Bozi”. Затем этот текст был передан кириллицей: „Лату” (sic! – переписчик не придал буквен-ного значения литере S, изображенной почти без изгиба, и не различил по-хожих знаков – ł и t) Великого Кнѣства Лито^ского Ѡ нѣщого Г^сдра ко-роля Его М^сти Зигимо^ста третего на коронации в Кракове видани”. На фор-зацном листе, закрывающем текст Статута, фиксируется: „Brakuje do końca ośmiu artykułów”. Прежде – если судить по сходствам параметров неком-плектности данного экземпляра с описанием И. Н. Даниловича²²¹ – книга принадлежала библиотеке Виленского университета²²²: „z daru uczynionego w roku 1822 przez Józefa Twardowskiego²²³, marszałka pińskiego i profesora,

²²⁰ Motol – местечко при торговом тракте с двумя тысячами жителей, которое тогда „le-żało w pow(iecie) pińskim i wraz z przyległościami stanowiło starostwo” (*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...*, t. VI, Warszawa 1885, s. 741).

²²¹ См.: I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, с. 174.

²²² Эта самая крупная и влиятельная общественная библиотека на территории Великого княжества Литовского ведет свое начало с 1570 г., то есть она гораздо старше, чем сам уни-верситет (1803). Изначально это была Библиотека иезуитской Коллегии, основу фондов со-ставили собрания книг великого князя литовского и польского короля Сигизмунда Августа, а также виленского епископа Георгия Альбиния. С преобразованием Коллегии в Академию, а потом Университет б-ка стала университетской. За двести лет иезуитского управления биб-лиотечное собрание выросло почти в три раза и составляло в 1773 г. 11 тысяч томов. Коллегии передал свою коллекцию (3 тыс. томов) сын Льва Сапегы – подканцлер Казимир Лев Сапега, несколько тысяч книг завещал епископ Валериан Протасевич. Позже – уже будучи универси-тетской – Библиотека получила свыше 4,5 тысяч томов по завещанию проф. И. Лелевеля, из-вестного историка, знатока проблематики ВКЛ, а в начале XIX в. ее богатое рукописное отде-ление пополнилось Слуцким списком Литовского Статута 1529 г. В 1832 г. после закрытия университета библиотечные фонды были распределены между Виленскими медико-хирурги-ческой и духовной академиями, небольшая часть перешла в Киевский университет, дублиеты в Харьковский, а собрание рукописей в Императорскую публичную библиотеку (см.: *История Вильнюсского университета [1579-1979]*, Вильнюс 1979, с. 95-98).

²²³ Юзеф Твардовский (1786-1840) – математик, ректор Виленского университета в 1823-24 гг., арестованный Н. Н. Новосильцевым в связи с выступлениями местных гимназистов и позже уволенный. „Wyjechał do rodzinnej wioski (Wieleśnicy, niedaleko od Pińska) z niezłomnym zamiarem nie powracania do Wilna na to nieszczęsne stanowisko, które prócz goryczy i zawodów nie

a dziś rektora tegoż uniwersytetu”²²⁴. Это предположение обретает силу факта при учете еще одного любопытного аргумента: одна из овальных печатей, проставленная некогда на титульном листе, recto нн. л. 3 Преамбулы и на последней имеющейся в кодексе странице (с. 548) в первом случае старательно вытравлена, во втором вообще вырезана (!). Только по контурам – размерам, форме и наличию своеобразной „растительной” обводки можно определить, что это штамп Библиотеки старого Виленского университета, используемый до момента его упразднения в 1832 г.: „Biblioth. Academ. Vilnensis”. На страницах книги помимо того фиксируются также оттиски двух других овальных печатей, позволяющих судить о дальнейшем месте пребывания кодекса: надписи на них хоть с трудом, но восстанавливаются: „Tow. Muzeum Nauki i Sztuki w Wilnie”²²⁵ (recto нн. л. 2, верхний левый угол), „Książnica Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie”²²⁶ (с. 535). Позже

mu więcej nie dało”. Позже на протяжении трех лет Ю. Твардовский был пинским маршалком, потом занялся торговлей, в чем, возможно, и преуспел бы, если б не тяжелая болезнь и преждевременная смерть (см.: *Proces filaretów w Wilnie: dokumenta urzędowe z „Teki Twardowskiego”*, zebrał dr Szeliga, „Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce”, t. VI, Kraków 1890, s. 172-179).

²²⁴ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, с. 174.

²²⁵ Эта Библиотека действовала при виленском Обществе под названием „Музей науки и искусства” (1907-1914), ставящем перед собой целью „gromadzenie zabytków przeszłości, dzieł sztuki, kolekcji naukowych, urządzanie odczytów poglądowych, organizowanie wystaw czasowych i stałych” („Kurjer Litewski”, nr 142, 1 (14) VII 1907, s. 2). Инициаторами и fundаторами Музея были братья Тышкевичи – Владислав и Антоний, польские аристократы и крупные землевладельцы. Книжная коллекция Антония (1866-1919), собираемая четырьмя поколениями рода, и стала основой богатой библиотеки Музея. Среди старопечатных изданий в числе прочих здесь, напр., значились Статут Лаского 1506 г. и Литовский Статут 1588 г. В 1914 г. было принято решение об объединении двух виленских организаций сходной направленности – Общества Музея науки и искусства и Общества друзей наук (см. следующую ссылку). В середине года фонды первого – около пяти тысяч единиц – были перевезены из дворца Клементины Тышкевич на ул. Мостову (см.: A. Romanowski, *Młoda Polska wileńska*, Kraków 1999, s. 67-68, 329).

²²⁶ Общество друзей наук в Вильно (1907-1943) создавалось как организация „o szerokim programie kulturalnym, [...] zmierzającym ku wszechstronnemu poznaniu własnego kraju i rozwojowi wszystkich gałęzi jego nauk” („Kurjer Litewski” № 12, 17/30 I 1907, s. 2). Инициаторы декларировали насущную необходимость „rozpalenia na nowo w Wilnie choćby najskromniejszego ogniska nauki polskiej, które by nie tylko szeregowało siły już istniejące i pracę im w miarę możliwości ułatwiało, ale zarazem przyczyniło się niewątpliwie do zwiększenia ich liczby” (L. Żytkowicz, *Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Wilnie (1907-1940)*, [w:] *Z dziejów Nauki Polskiej*, Warszawa-Poznań-Toruń 1975, s. 50). Последующая многолетняя деятельность ОДН – научная, издательская, организационная и просветительская – показала, что благим намерениям во многом суждено было сбыться. Практически с момента основания при Обществе функционировала Библиотека, фонды которой изначально формировались из даров частных лиц, учреждений и учебных заведений. Книжное собрание быстро росло и в начале 30-х гг. составляло 35,5 ты

описываемый кодекс какое-то время находился в книжной коллекции Литовского Научного Общества²²⁷, что подтверждается соответствующей печатью с надписью „Lietuviu Mokslo Draugija · 1907”. Академическая же Библиотека Института литовской литературы и фольклора получила этот экземпляр вместе с иными книгами ЛНО в 1942 году от Пранаса Размукаса (1908-2002), многолетнего сотрудника обоих учреждений, знатока истории Вильнюсского края. Статут был найден в квартире у местных жителей (ул. Кальвария), вывезенных на принудительные работы в Германию²²⁸. Таким образом, последние двести лет „биографии” этой книги восстанавливаются практически без пробелов. Ю. Твардовский, пинский маршалок и ректор Виленского университета, передает университетской Библиотеке экземпляр Статута, пометы которого указывают на прежнее бытование книги на пинской земле. После закрытия Университета Статут оказывается у проф. М. Пельки-Полинского (1784-1848), бывшего декана факультета физических и математических наук, члена комитета по ликвидации славного учебного заведения (известно, что, используя свои полномочия, профессор сохранил у себя и тем самым спас значительную часть университетского архива)²²⁹.

сяч позиций, около 300 из них датировано XV-XVI вв., свыше 850 – XVII столетием. „Korona starodruków w Bibliotece T.P.N.” являлось „pierwsze wydanie Statutu Litewskiego w jęz. Ruskim, druk Mamonicza w Wilnie, 1588 r.” (M. Brensztejn, *Biblioteka Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie (1907-1931)*, Wilno 1932, s. 6, 12). После прихода в Литву советской власти имущество Общества было сначала отдано под опеку Музея культуры в Каунасе, потом перешло к Институту литуанистики, а позже оказалось в ведении Академии наук Литовской ССР. Во время немецкой оккупации здание ОДН было занято под нужды Люфтваффе, а книжные фонды и коллекции в спешке и беспорядке рассеяны по разным учреждениям и временным местам хранения. Не обошлось без серьезных потерь, а Общество друзей наук в Вильно перестало существовать как организация (см.: L. Żytkowicz, указ. соч., с. 65, 74).

²²⁷ Литовское научное общество (Lietuvių Mokslo Draugija) было основано в Вильно в том же самом 1907 г. по инициативе Йонаса Басанавичюса (1851-1927), местного историка и фольклориста, патриарха литовского национального возрождения. Находясь с представленными выше польскими Обществами в отношениях конкуренции, ЛНО объединяло людей, интересующихся историей, этнографией и культурой Литвы. При Обществе были созданы Музей и Библиотека, последняя содержала прежде всего литературу по литуанистике (40 тысяч томов). Вследствие ухудшения польско-литовских отношений в 1938 г. ЛНО было распущено польскими властями, однако спустя несколько месяцев возобновило свою деятельность под видоизмененным названием – как Литовское общество любителей наук. В начале 40-х гг. фонды Общества принимает создаваемая тогда Литовская Академия наук, считается даже, что ЛНО дало ей начало. В советское время библиотечное собрание Общества перешло к Институту литовского языка и литературы АН, ныне именуемому Институт литовской литературы и фольклора (см.: A. Sesel-skytė, *Lietuvių mokslo draugijai – 100 metų, „Tautosakos darbai”*, XXXII, 2006, s. 271-282).

²²⁸ См.: A. Dubonis, *Trečiojo Lietuvos statuto egzemplioriai...*, с. 29.

²²⁹ См.: K. Bartnicka, *Człowiek Uniwersytetu: Michał Pelka-Poliński (1783-1848). Kariera akademicka ubogiego szlachcica na Uniwersytecie Wileńskim*, cz. I, „Rozprawy z dziejów oświaty”, t. XLI, 2002, s. 76-79.

Ученым была собрана большая – в 12 тысяч томов – библиотека, значились в ней „z tysiąc egz. rzeczy cennych, najczęściej rzadkich, niekiedy białych kruków”, в том числе „edycje statutowe – białoruska (1588) i polska”²³⁰. По смерти М. Пельки-Полинского книжное собрание перешло к мужу сестры покойного, также бывшему профессору Виленского университета В. Гурскому (1790-1863), сын которого, чиновник лесного хозяйства, в 1902 г. продал библиотеку графу Антонию Тышкевичу²³¹. Последний, как мы уже знаем, в 1907 г. дарит свою коллекцию виленскому Музею науки и искусств, в 1913 г. книжные фонды Музея поглощает Библиотека Общества друзей наук. В начале 40-х гг. в военное лихолетье достояние Библиотеки ОДН оказывается распыленным по всему городу. Описываемый экземпляр ЛС, в частности, обнаруживается в одной из опущенных хозяевами квартир. Книгу находит сотрудник Литовского научного общества и передает в свою ведомственную библиотеку. Фонды книгохранилища ЛНО впоследствии принимает Институт литовской литературы и фольклора АН.

Руд. № 45, Голенч. 3-16

43. Литва, Вильнюс, Национальная библиотека им. М. Мажвидаса, R.XVI:D8 (1-2), инв. R 9443. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9-27, 34, 40 Реестра; лл. 130 (с. 180-181), 164-165 (с. 248-251), 205 (с. 328-329). Все отсутствующие листы заменены достаточно искусными литографированными копиями, в основе которых лежит текст, „снятый” с оригинала путем обводки на просвет. Поля книги изредка использовались польскоязычным владельцем для упражнений в письме: на с. 172 читается: „Panie Panie Nasz y Dobrodzieju”, на с. 351: „Mnie tyłą dziwne”, на с. 516: „proba piora”; на с. 178 средствами польского алфавита передается „рускомовная” фраза, занимающая верхнюю строку: „oto prawom czynity tolko by podosztu let abo”. Экземпляр любопытен тем, что о его втором рождении исследовательский мир узнал всего лишь двадцать лет назад. Книга содержит дарственную надпись генерала Юргиса Юргялиса (Jurgis Jurgelis), генерального директора Департамента госбезопасности Литвы, из которой следует, что Статут был передан таможенными службами в Библиотеку 12 декабря 1997 года.

44. Литва, Каунас, Литературный музей Майрониса. Экз. деф.: нет титульного листа и нн. лл. 2, 3, 5 Преамбулы; лл. 60-63 (с. 39-47), 80-83 (с. 80-87), 105-106 (с. 130-133), 154-155 (с. 228-231). Экземпляр принадлежал крупнейшему литовскому поэту периода „национального подъема” Майронису (наст. имя Йонас Мачюлис) (1862-1932). Будучи не только филологом,

²³⁰ L. Uziębło, *Zbiory po prof. Polińskim*, „Wędrowiec”, № 45, 1902, s. 893.

²³¹ L. Uziębło, указ. соч., „Wędrowiec”, № 44, 1902, s. 873.

но и теологом по образованию, Майронис профессорствовал в Петербургской духовной академии (1894-1909), потом долгие годы являлся ректором Ковенской духовной семинарии (1909-1932), заведовал кафедрой в Каунасском университете (1922-1932). Когда и где был приобретен Майронисом кодекс – неизвестно²³². Книга передана в Музей в 1955 году сестрой поэта М. Мачюлите. Польскоязычные маргиналии на страницах кодекса прочитывать трудно, но все же именно они позволяют предположить, что во второй половине XVII века книга находилась на виленской земле: „...teraznieyszum Tysiąc szcz... ..tym osmim Na tym Statucie... Czytać... Syrwidem”, „Artykul 103 statucie... Pi... Syrwid”²³³. Помета, нанесенная в XIX ст., имеет характер скорее информационно-научный, несмотря на очевидную путаницу в приводимых сведениях: „Ten Statut był pisany w Roku 1566 którego Rękopism znajduje się na Wołyniu we Młynowie w Księgozbiórce WoHrabi Alexandra Chodkiewicza”²³⁴. Исследовательский интерес к правовому содержанию кодекса подтверждают заметки на полях книги, в которых положения ЛС-3 сравниваются с параллелями из Статутов первой и второй редакций.

45. Польша, Варшава, Национальная библиотека, шифр XVI Fol. 1044. Этот наполовину обгоревший в годы II Мировой войны экземпляр находится в состоянии, исключающем анализ книги. Можно утверждать лишь то, что титульный лист заменен позднейшей подделкой под старопечать Мамоничей, в остальном же экземпляр, по-видимому, когда-то был комплектным. Сказать точнее не представляется возможным, поскольку для

²³² В 20-е годы XIX века в Ковно уже имелся экземпляр Статута, причем весьма примечательный. Как пишет И. Данилович, книга эта „według uręczenia nauczyciela szkoły kowieńskiej, znanego chlubnie z prac poetycznych, Adama Mickiewicza, ma się znajdować w bibliotece, na uzysk tego zakładu przeznaczonej” (I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 176-177).

²³³ Последнее имя собственное – Syrwid, будучи истолкованным как топоним называет деревню в повете виленском, относившуюся тогда „do dóbr skarbowych Swirany”. Интересно, что в начале XVII в. этими землями владел не кто иной, как скарбный ВКЛ Лука Мамонич (см.: *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. IX, Вильна 1878, с. 339-340). Иная – антропонимическая – трактовка слова Syrwid дает возможность допустить, что эти записи имеют какое-то отношение к Константину Сирвиду (Szyrwid, Sirwid, Syrwit, Sirvydas, Sirvidas) (ок. 1580-1631), профессору Виленской Академии, иезуиту, книгоиздателю, автору первой грамматики литовского языка и латинско-польско-литовского словаря (см.: *Bibliografia Literatury Polskiej – Nowy Korbut*, t. 3: *Piśmiennictwo Staropolskie*, Warszawa 1965, s. 323-324).

²³⁴ Ниже – при представлении экземпляра ЛС № 58 – приводятся данные, согласно которым граф Александр Ходкевич (1776-1838), генерал наполеоновских войск, член правительства Литвы, позднейший сенатор Польского королевства, поэт и химик (!), помимо рукописи ЛС второй редакции имел в своей коллекции и первопечатный экземпляр кодекса. Информацию о млыновской Библиотеке приводим в ссылке 284 данного раздела монографии.

обозрения книга слегка приоткрывается только в определенных местах. В основном же листы слиплись от высокой температуры в нераздельные блоки по несколько десятков страниц каждый. После правового текста в книгу вплетено свыше 10 листов с рукописными выцветшими пометами. На внутренней стороне верхней доски переплета сохранилась незначительная часть экслибриса, достаточная, однако, для того, чтобы распознать ксилографию Адама Пултавского, изображающую белого ворона, сидящего на груде книг²³⁵. Это экслибрис известного довоенного варшавского антикара Иеронима Вильдера (1876-1941), владельца замечательной библиотеки. К сожалению, ни сам И. Вильдер, ни его книжное собрание не пережили войны: антикар умер в варшавском гетто в 1941 году, большая часть коллекции „legła pod gruzami domu przy ul. Czackiego w dniu 25 września 1939 r., gdy na dom ten spadła niemiecka bomba. Uratowane wówczas książki ... umieszczone wraz z kolekcją autografów królewskich ... w klasztorze oo. Bonifratrów, spłonęły niemal doszczętnie w czasie Powstania Warszawskiego”²³⁶. Еще при жизни И. Вильдер предпринял тщетную пробу обезопасить наиболее ценные позиции из своего собрания. Многолетняя заведующая Отдела старых книг Национальной библиотеки А. Кавецка-Грычова вспоминает „przejmującą scenę, gdy z ciężką walizą zjawił się u nas Hieronim Wilder, wytrawny znawca książki, najwybitniejszy antykwariusz warszawski. Najwartościowsze z nich (książek) powierzył Bibliotece [...] byliśmy jedynymi świadkami owego depozytu, przekazywanego tajnie w przeczuciu wiszącego nad siwą i szlachetną głową tego człowieka nieszczęścia. [...] Gdyby Wilder tej walizy nam nie oddał, może by się jej zawartość uratowała, podobnie jak nieco innych druków jego zbierania”²³⁷. Обгоревший Статут после войны был передан в Национальную библиотеку вдовой антикара.

46. Польша, Вроцлав, Библиотека Оссолинских, шифр XVI.F.4004. Экз. минимально деф.: нет титульного листа (заменен репродукцией из монографии Линде). Между лл. 290 и 291 (с. 518 и 519) в книгу вплетен титульный лист „Трибунала” ВКЛ 1586 г. печати Мамоничей. На нн. с. 5 имеется экслибрис работы Ф. Бальцевича²³⁸ с надписью „Dominicus Siwicki O[rdo].

²³⁵ См.: M. Hilchen, *Hieronim Wilder i jego polski antykwariat naukowy*, „Sesje Varsavianistyczne”, zesz. 11, Warszawa 2003, s. 16.

²³⁶ Ibidem, s. 17.

²³⁷ A. Kawecka-Gryczowa, *Ochrona zbiorów Biblioteki Narodowej*, [w:] *Walka o dobra kultury*, t. I, Warszawa 1970, s. 192.

²³⁸ Во второй пол. XVIII в. именно Ф. Бальцевич имел наибольшую известность среди виленских графиков (см.: И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик, *История Беларуси с древнейших времен до нашего времени*, Минск 2000, с. 75). Он написал ряд образов святых и портретов исторических деятелей, но славным стал благодаря графическим работам. Ф. Бальцевичем со-

P[raedicatorum]. Prov[incia]. Litv[aniae]. FR[frater]”. Доминик Сивицкий (вторая половина XVIII в., точные даты жизни неизвестны) долгие годы служил в гродненской доминиканской обители, а с 1793 г. был ее настоятелем²³⁹. Имел большую собственную библиотеку, значительную часть которой передал в монастырские книжные фонды²⁴⁰. Статут же – судя по отсутствию экслибриса „Bibliothecae conventus ordinis Grodnensis praedicatorum” – ждала иная судьба. Следующее местонахождение экземпляра называет штамп, представленный на форзаце книги: „Biblioteka Fundacyi W. hr. Baworowskiego”²⁴¹. На свободном от печатного текста обороте нн. л. 40 имеется запись, воспроизводящая старую формулу показаний урядников Речи Посполитой: „Ja Matyas Dzerkowski wozny Kr^ola Je^{go} Msci ziemi Zmoydzkiey zeznam tym moim kwitem o tym iż w roku taraznieyszym tysąc szeeset czterdestym”. На страницах кодекса изредка встречаются польскоязычные пометы юридического содержания. Свободный от печати оборот л. 8 занят текстом „позва” – искового заявления, написанного „русской мовой” и датированного 1677 годом. Отсканированный текст книги размещен в интернете²⁴².

47. Польша, Краков, Национальный музей, собр. Чарторыйских, шифр XVI.1270/III. Экз. деф.: нет титульного листа (заменен вкладышем больше, чем in folio формата с литографическим оттиском, воспроизводящим рукописную подделку под старопечать Мамоничей; имеется и другая аналогичная вкладка, таким же образом „дублирующая” л. 308²⁴³); лл. 93 (с. 106-

зданы экслибрисы для последней королевы Польши Марии Юзефы, жены Августа III; духовных референдарей ВКЛ Павла Ксаверия Бжостовского и Юзефа Станислава Сапеги; воеводы мстиславского графа Константина Брюль-Плятера и др. Работая над книжными владельческими знаками гродненских доминиканцев, Ф. Бальцевич „стварыў агульны экслібрис-клішэ для бібліятэк ксяндзоў Г. Піскоўскага, Д. Сівіцкага і Г. Помяна. Яны адрозніваліся толькі тым, што на картушы былі змешчаныя элементы родавых гербаў і прозвішчы ці манаграмы” (В. Шоцік, *Гісторыя і лёс бібліятэкі кляштара дамініканцаў у Гародні*, „Гістарычны Альманах” 2002, т. 6, с. 229).

²³⁹ См.: *Rękopism X. Bagińskiego wydany przez Eustachego Tyszkiewicza*, Wilno 1854, s. 95.

²⁴⁰ См.: там же. Более 300 томов из собрания Сивицкого ныне содержится в Отделе редких книг и старопечатных изданий Гродненского государственного историко-археологического музея (см.: там же). Книги с экслибрисом настоятеля монастыря находим также в польском Радоме (*Zbiór pism do których były uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego*, b. m. 1788 – Miejska Biblioteka Publiczna); литовском Вильнюсе (*Johann Reinhold Forster's Reise um die Welt während den Jahren 1772 bis 1775*, Berlin den Haude und Spener, 1784; M. Olševskis, *Broma atverta ing vie-čnastj...*, Vilniuy1753 – Vilniaus universiteto biblioteka); чешском Брно (J. Dubravius, *Historiae Regni Boemiae de rebus memoria dignis*, Prostannae 1552 – Moravská zemská knihovna).

²⁴¹ См. ссылку 135 в этом разделе книги.

²⁴² См.: http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/docmetadata?id=7335&from=&dirids=1&ver_id=&lp=2&QI=.

²⁴³ Копии предположительно изготовлены в мастерской В. Бартиновского.

-107), 193 (с. 304-305), . Последний имеющийся в книге лист оригинальной старопечати – 299 (с. 536). Экземпляр принадлежал Чарторыйским еще в начале XIX века: И. Данилович тогда видел эту книгу „w nauzamożniejszey bibliotece Puławskiej Xcia Czartoryskiego”²⁴⁴. На чистой странице бумаги, вплетенной в книгу перед листами со старопечатным текстом, записаны вирши нравоучительного содержания, напр.: „Jasna iest zora iasne iest słońce pała | Tak i twa cnota będzie okazała | Tylko bądź skromny | A w swej dolegliwości | Czekaj cierpliwie do Panskiej litosci”, „Kiedy masz co stanowić | lepiej potrway mało | W przód się poradź | Potym czyn coś się będzie zdało” и проч.²⁴⁵, еще одно – на этот раз авторское – четверостишие фиксируется на нн. с. 16: „Wse mozem swoim okom jasno obaczyty | Dołzyny szerokosty sznurom poznaczyty | I czolowika mozem poznaty po twarzy | Jesli w sobie nie ma iet lisznociu pruwary”. Перед нами переданный латиницей фрагмент **Эпикграммы** Андрея Рымши на герб Льва Сапегы, ее полный текст напечатан Мамоничами на обороте л. 3 кодекса. На нн. с. 7 (из-за отсутствия предшествующих она открывает описываемый экземпляр кодекса) имеется помета: „NR 4096”. Правовой текст Статута изредка сопровождаются польскоязычные комментарии.

Пауд. № 45, Голенч. 3-25

48. Польша, Краков, Ягеллонская библиотека, шифр Сim. F. 8427. Экз. деф.: нет Преамбулы (титульный лист заменен репродукцией из книги Линде); нн. лл. 9-28, 33-38 40 Реестра (который к тому же вплетен после правовых статей); лл. 41 (с. 1-2), 285 (с. 507-508), 287 (с. 511-512), 290 (с. 517-518), 293 (с. 523-524). Лист 77 (с. 74-75) наполовину оборван, л. 131 (с. 182-183) оборван на три четверти. Текст прерывается на л. 294 (с. 526). В экземпляр вставлены при позднейшем переплете: лист 144 (с. 208-209) – из 2-го издания, лл. 273-274 (с. 484-487) – из 1-го издания. На страницах

²⁴⁴ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 176. „Biblioteka książąt Czartoryskich, b. dziedziców tego miejsca, istniała w rodzinie książęcej już od XVII wieku. Następnie bogata częścią staraniem księcia Adama Czartoryskiego, generała ziem Podolskich, a szczególnie pomnożona kosztem i staraniem syna jego księcia Adama, kuratora byłego uniwersytetu Wileńskiego. Już na początku XIX w. liczyła do 15,000 tomów. [...] W r. 1831 w skutek zaburzeń politycznych poszła w rozsypkę znaczna jej część, a mianowicie ważniejsze rękopisma i najrzadsze druki przepadły. Nieco zostało w Sieniawie (w Galicyi [a następnie przekazano do Krakowa do Muzeum XX. Czartoryskich – B.M.]). Największa część Puławskiej biblioteki i rękopisma przewiezione zostały do Petersburga” (Fr. Radziszewski, *Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach...*, s. 68-69).

²⁴⁵ Poczni sam sprawy | mow Boże moy obronca | Pomoż rzeczam zascentym prowadzić do konca. Uczęciwym wyżywieniem | opatrz mnie moy Panie | Bogactwa nie pragne | Nędzy nie day na me. Kto nie bywa z młodych lat w grozie | Słyszysz co to mowie | Ten bywa na starosc w powrozie. Synu moy miły | Sluchay roskazania mego | a tak ci się przedłużą lata | aż do żywota Twego.

имеется множество польскоязычных маргиналий правового характера, однако в большинстве случаев чернила так выцвели, что прочесть что-либо невозможно. Вместе с тем записи позднейших владельцев книги достаточно отчетливы и к содержанию кодекса никакого отношения не имеют. Создается впечатление, что бумага Статута служила им для пробы пера. Именно так трактуют книгу грекокатолические священники Куряши²⁴⁶, раз за разом старательно выводящие на страницах свои имена: „Та ксенга ксендза Ана Куреша” (с. 184), „Тень артыкуль Ана Куреша администратора” (с. 220), „X Jan Kureysza” (с. 438), „Томашъ Куреша Порех Поро[...]”²⁴⁷ (с. 178), столбиком при срезе с. 102: „Rozd- | -el | trze- | -ty | list | sto | fto- | -ry | Ro- | -ku 176 (последняя цифра обрезана) | mies^ca | Ma- | -rta | dn- | -ia | i | To | pisa- | -no | To- | -ma- | -sz | Ku- | -rey- | -sza | ob- | -wa- | -tel | Paho- | -scię- | -skij”. Встречаются в книге и откровенно игривые записи: „Byłem upiłem” (с. 405), „My tu byli nie utyli I wy będziecie nie utyjecie” (с. 515, а также 302, 380, 431), под которыми подписывается Tomasz Stahaticz (?) (Stuhaticz ?). Он же оставил свой автограф на с. 438. Несколько раз фиксируется одна и та же рукописная фраза: „Proba piora dobrego atramentu czarnego” (с. 80, 172, 273, 386).

Райд. № 48, Голенч. 3-26

49. Россия, Москва, РГБ, инв. 3167. Экз. деф., нет Преамбулы; л. 140 правовой части. Книга в кожаном переплете, на верхней крышке которого вытиснен герб Речи Посполитой обоих народов. На форзаце под верхней доской переплета фиксируется карандашная помета „Рум. Муз. № 51”, свидетельствующая о принадлежности экземпляра библиотеке Н. П. Румянцева. На лл. 59 (с. 37) и 68 (с. 56) имеются польские записи, которые скорее следует трактовать не в качестве дарственных, а просто как пробы пера: „Mnie wielce msci[wej] Panie y kumie Mnie wielce msci[wej] Panie y kumie moÿ Wielce msci[wy] Panie y Dobro[dzeju]...”

Райд. № 40, Голенч. 3-3

²⁴⁶ „Kurejszowie” фигурируют в польском гербовнике как пинские бояре, т. е. „военные служивые” люди (А. Воніеcki, *Herbarz Polski*, т. XIII, Warszawa 1909, s. 225).

²⁴⁷ Фраза не закончена, но, судя по приводимой ниже польскоязычной маргиналии того же авторства, должна была выглядеть так: „Томашъ Куреша Порех Погостенский”, т. е. священник грекокатолического прихода в местности под названием Погост (с фонетическими вариантами). Таковых на „русских” землях Речи Посполитой было по меньшей мере десять: Połhość – pow. dzisieński (2), wilejski, bobrujski (2), ihumeński, mozyrski, piński (2), słucki. Не стоит также сбрасывать со счетов возможность иного прочтения топонима: Pakość (rus. Pakist, wś., pow. mościski. Par. gr.-kat., dek. mościski, dyec. przemyska). См.: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...*, т. VII-VIII, Warszawa 1886-1887.

50. Россия, Москва, РГБ, инв. 3169. Экземпляр полный. На полях страниц, занятых основным текстом кодекса, в большом количестве встречаются польскоязычные комментарии правового характера, перевод положений кодекса, ссылки на иные законодательные акты. Для удобства в практическом пользовании книга была оснащена матерчатыми метками, маркирующими начало каждого раздела (некоторые из них со временем отпали, оставив темные следы). В конце тома приплетен 21 лист рукописного текста, озаглавленного „Regestr Statutu W: X: Littewskiego”. В каталоге „Музея книг” РГБ²⁴⁸ отмечено, что экземпляр происходит из библиотеки балахнинского купца Григория Михайловича Прянишникова²⁴⁹ (№ 103).

Рад. № 38, Голенч. 3-2

51. Россия, Москва, РГБ, инв. 3170. Экз. деф.: нет титульного листа и нн. лл. 3, 7-8 Преамбулы; л. 308 (с. 553-554) правовой части. Книга прежде принадлежала библиотеке Виленского монастыря базилиан²⁵⁰. На форзаце под верхней доской переплета имеются рукописные пометы: „26 Отъ Лобойки²⁵¹ Вильно 1588”, „Statut W^o X^{lwa} Litt.: Xięca Leona Sapiehy Podkanclerza Litt.: = Ru 1588 P. X^{ptw} [Рождества Христова]”. Именно этот кодекс вместе с другим экземпляром, также полученным из „библиотеки Базилианъ”, 25 июня 1822 г. демонстрировал И. Данилович на втором заседании „Комитета для исправленія Санктпетербургскаго изданія Литовскаго Статута”²⁵². На

²⁴⁸ Е. Л. Немировский, Е. А. Емельянова, *Книги кирилловской печати 1551-1600. Каталог*, с. 197.

²⁴⁹ Григорий Матвеевич Прянишников (ок. 1845-1915) – старообрядец-беглопопoveц, торговец мануфактурой и собиратель старины. Был известен своими коллекциями рукописной и старопечатной книги, древних икон, монет, золотого шитья, мелкой пластики, древней серебряной и золоченой посуды с эмалью. Его собрание пополнялось за счет покупок в поволжских городах и на Нижегородской ярмарке, поддерживал отношения Г. М. Прянишников также с московскими книготорговцами (см.: А. Горячев, *От времен протопопа Аввакума*, „Памятники Отечества” 1995, № 34 [3-4], с. 107-110; Г. В. Аксенова, *Григорий Матвеевич Прянишников: городецкий купец, труженик, коллекционер*, „Роман-журнал XXI век”, № 6, 2002, с. 98-100).

²⁵⁰ I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 176. Это второй экземпляр Статута из Библиотеки данного монастыря (см. ЛС № 2 настоящего перечня).

²⁵¹ Иван Николаевич Лобойко (1786-1861) – историк и литературовед, в 1821-1832 гг. – ординарный профессор российской словесности Виленского университета. Был „ученым корреспондентом” Н. П. Румянцева, приобретал для его библиотеки старинные рукописи и книги. Вместе с И. Даниловичем, И. Лелевелем, Я. Зноско состоял в Комитете для сличения русского перевода Литовского Статута с оригиналом по старым изданиям и спискам (см.: И. И. Лаппо, *Литовский Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 478-482).

²⁵² Этот Комитет был создан в 1822 г. по инициативе правительственной Комиссии составления законов, поручившей виленским ученым проверку перевода Статута в так наз. сенатском издании 1811 г. (там же, с. 479).

обороте нн. л. 3 в верхнем углу имеется запись: „Monastery Vilnens. Ot. BM II F LO”, содержание которой проясняется на следующей странице: здесь на подклеенной при реставрации полоске бумаги читается: „XX Bazylianów Wileńskiego Kl[asztoru] Św[ętej] Trócy”. В Реестре старопечатному тексту достаточно часто сопутствуют польскоязычные приписки, являющиеся переводом названий артикулов. На л. 199 (с. 316) имеется помета, сделанная почерком XVII столетия: „Пане Ъва^и Неладинской | Пане Анѣдрей Кисаре- | -вський | По млсти бжй Светого чудотво^р- | -ца Николы”. На с. 552, последней в этом экземпляре, под текстом приводятся еще две записи: фрагмент молитвы: „помилуй ма грѣшного р(а)ба своего” и позднейшая библиографическая справка: „Brak artykułów 4rich, bo wszystkich 37 bydz powinno. Gdy zaś w Exemplarzu Senackim petersburgskim przez Sopikowa opisanem iest stronic wszystkich 554²⁵³, zatem iedney tu nie dostaie karty. W Petersburgskim exemplarzu iest także Trybunał dołączony, który tu wydarty”.

Пуд. № 39, Голенч. 3-1

52. Россия, Москва, ГИМ, собр. Шапова, 18. Экз. деф.: нет Реестра (нн. лл. 9-40). Заглавный лист вплетен после обращения Сапеги к „станам” ВКЛ. Экземпляр прекрасной сохранности, в роскошном сафьяновом переплете, обрезы книги золоченые. На страницах содержится свыше 500 рукописных помет, сделанных в период с 23 августа 1841 г. по 27 ноября 1842 г. в Мстиславле, Могилеве и Петербурге, все они имеют характер анализа юридического текста²⁵⁴. Специфической чертой комментария является наличие филологических ноток и непривычная эмоциональность текста: напр., артикул **В кГВАЛТОВАНИЕ ДѢВКИ И НЕВЕСТЫ** (с. 405-406) сопровождается пространным: „Правовѣды дѣлають – и справедливо – различіе между насиліемъ, сделаннымъ честной женщиной, и насиліемъ женщины публичной. Филанджери въ Science de la Legislation, Церазинъ Кирштейнъ и др.²⁵⁵ За послѣдняго рода насиліе Римское право не полагало наказанія. | При Сигизмундѣ I, по свидѣтельству Милезія Ротунда, одинъ изнасиловалъ двухъ женщинъ, и каждая изъ нихъ, на основаніи закона, хотѣла насильника имѣть

²⁵³ В. Сопиковъ, *Опытъ Россійской Библіографіи*, ч. 1, с. 239-240. Еще в начале XX века Статут из Сенатского архива видел и описал И. И. Лаппо (е г о ж е, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. XVI-XVII), сейчас этот экземпляр считается пропавшим.

²⁵⁴ Автор помет, обращаясь к римскому, древнерусскому и старопольскому праву, указывает на источники положений Статута; на основании сравнения текста кодекса 1588 года с более ранними редакциями проследивает динамику изменений; сличает ЛС с Уложением царя Алексея Михайловича; уточняет и поясняет отдельные артикулы и т. п.

²⁵⁵ В ссылках на труды итальянского просветителя Филанджери (1752-1788) и польского правоведа Церазина Кирштейна (1507-1561) автор заметки повторяет Т. Чацкого (T. Czacki, *O Litewskich i Polskich prawach*, t. II, Warszawa 1801, s. 127).

мужемъ. Жаль, что не извѣстно, какъ тогдашніе правовѣды рѣшили это дѣло. Въ Римѣ, по свидетельству Флакка Калпурнія, былъ другой необыкновенный случай: одна изъ двухъ изнасилованныхъ хотѣла имѣть преступника своимъ мужемъ, другая требовала его же казни²⁵⁶. – Подобнаго рода примѣры показываютъ, какая нужна осторожность при изложеніи законоположенія”; в комментаріи к артикулу **Трикротъ злодея приличного одного дна можетъ мѣчти** (с. 539-540) читаемъ: „Печальные слѣды варварскихъ временъ отъ вліянія которыхъ не могли, къ сожаленію, освободиться составители Статута. Начиная съ Августова закона Julia, установившаго пытку²⁵⁷, сколько невиновныхъ сдѣлались жертвами этого безчеловечнаго установленія. С. Петербургъ, 1841 года, въ Сентябрѣ”. На обороте послѣднего – 306-го – листа кодекса комментатор констатируетъ: „Счетъ страницъ въ Статутъ показанъ во многихъ мѣстахъ невѣрно: а послѣ страницы, означенной числомъ 459, слѣдуетъ не 460, какъ бы належало по принятому счету, а 480. И стало быть вдругъ прибавлено 20 страницъ, такъ что въ Статутѣ не 554, какъ означено на этой послѣдней его страницѣ, а 536 страницъ. Всѣ затѣмъ выводы и заключенія Линде и другихъ, основанныя на этомъ счетѣ, невѣрны. Мстиславль 25 іюля 1842 года”. Несколько разъ безымянный авторъ подписывается какъ „Вохомскій Пономарь”. Принимая во вниманіе профессиональный характеръ замечокъ комментатора, И. И. Лаппо полагал, что этотъ экземпляръ ранее принадлежалъ Кодификационному Отделу (II-му Отделению Императорской канцелярии)²⁵⁸. На самомъ деле авторомъ маргиналий, какъ оказалось, былъ уроженецъ Вохмы, выпускникъ Московскаго университета, провинціальный учитель Викторъ Ивановичъ Праховъ (1803-1854)²⁵⁹. Кроме замечаній юридическаго характера, на поляхъ книги встречаются энциклопедическіе зарисовки, напр.: „Ловля рыбы въ чужой водѣ всегда воспрещалась. Въ случаѣ позволенія подробно обозначалось, какъ далеко, сколько тонь, въ какіе дни и какими сѣтями можно было ловить. Неводъ и Жакъ были сѣти извѣстныя съ самыхъ древнихъ временъ. О первомъ упоминается въ 1282 году въ договорѣ Мествина князя Помераніи съ крестоносцами (...). Названіе сѣти Жакъ встрѣчается въ документѣ, которымъ одинъ Епископъ Куявскій въ 1353 году позволяетъ мельнику ловить жакомъ рыбу въ рекѣ” (с. 386) или: „Простой народъ въ Литвѣ зубра по-латинѣ *urus*, называлъ Туромъ. *Hujsovianus* въ сочиненіи, въ 1523 году напечатанномъ въ

²⁵⁶ И эти „необыкновенные случаи” из юридической практики с опорой на свидетельства Ротундуса (1520-1582), правоведа при дворе Сигизмунда I, и римскаго автора Флакка Калпурнія также приводятся вслед за Т. Чацким (там же, s. 128).

²⁵⁷ Речь идет о законахъ перваго римскаго императора Октавіана Августа (63 до н. э. - 14 н. э.).

²⁵⁸ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. IX.

²⁵⁹ См.: В. Мякишев, „Вохомскій Пономарь” какъ исследователь Литовскаго Статута 1588 года, „*Slavia Orientalis*” 1999, nr 1, с. 73-88.

Краковъ De Bisonte et ejus venatione, между прочимъ говоритъ: Nil fuit, ut tradunt veteres atrocius uris²⁶⁰. Въ древнихъ памятникахъ нашей литературы нерѣдко упоминается о турахъ. Буй Туръ Всеволодь. С. о П. И. Турій рогъ меду сладкаго и т. п. – Описание Тура, заимствованное изъ Гуссовіана, смотри на предыдущей страницѣ. Вохомскій Пономарь²⁶¹ (с. 380). На некоторыхъ листахъ имеется печатный штампель позднейшего владельца „Jan Zyllok”, сведений о которомъ добыть не удалось. В Исторический музей Статутъ попалъ вместе съ собраниемъ книгъ П. В. Щапова – согласно завещанию, написанному известнымъ коллекционеромъ в 1888 г.²⁶²

Лаппо № 4, Рауд. № 41, Голенч. 3-4

53. Россия, Москва, Российский государственный архив древнихъ актов, ф. МГАМИД/СПК № 9. Экз. деф.: нетъ Преамбулы и Реестра; текстъ прерывается на л. 275 (с. 489). Принадлежность книги Московскому Архиву Министерства иностранныхъ делъ подтверждаетъ штамп, пропечатанный на каждомъ (!) листе кодекса. На форзаце подъ верхней доской переплета вклеенъ ярлыкъ съ изображениемъ двуглавого русскаго орла и печатнымъ текстомъ „Государственнаго древнехранилища памятники письменные, 5ый Отдѣлъ, рубрика IV, № 7” (цифры вписаны отъ руки), ниже рукописная помета: „А. В. Соловьевъ, 1916, VI”²⁶³. На форзацномъ развороте съ правой стороны

²⁶⁰ Авторъ заметки ссылается здѣсь на поэму белорусскаго гуманиста Гуссовіана (Николая Гусовскаго), известную сегодня подъ названіемъ *Песня о зубре*. В этомъ поэтическомъ сочиненіи, написанномъ в началѣ XVI в. на латыни, могучее животное – „зверя сильней и свирепее нетъ” – представляется олицетвореніемъ Великаго княжества Литовскаго.

²⁶¹ В этой пометѣ нашло отраженіе всея жизни Виктора Прахова – исследовательскій интересъ къ „Слову о полку Игоревѣ”. На поляхъ принадлежавшихъ ему экземпляровъ первопечатнаго изданія поэмы (ныне хранятся въ Библиотеке Воронежскаго университета [инв. № 1069408 – ОРК] и московскаго ГИМа [экз. В. И и М. В. Праховыхъ]) содержится обширный и достаточно зрѣлый комментарий *Игоревой песни*, одинъ изъ наиболее раннихъ, но оставшійся тогда неоконченнымъ и неопубликованнымъ (см.: В. П. Мякишев, Н. М. Федосова, *Слово о полку Игоревѣ в рукописномъ комментарии и судьба анонимнаго исследователя XIX века*, Воронеж 2000).

²⁶² Купецъ Павелъ Васильевичъ Щаповъ (1848-1888) былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русскаго книги. Онъ собралъ превосходную библиотеку – 30 000 томовъ, среди которыхъ находилось такъ много ценныхъ и рѣдкихъ изданій, что другой известный книжникъ-антикваръ П. П. Шибановъ замѣтилъ: „Библиотека Щапова была огромная и, можно сказать, въ такомъ объемѣ единственная въ то время. Мнѣ кажется, что Историческій музей, гдѣ она хранится въ настоящее время, въ лицѣ этой библиотеки имеетъ самое ценное приобретение за все время ея существованія” (П. П. Шибановъ, *Воспоминанія стараго библиофила*, „Московский журналъ. История государства русскаго” 2011, № 1, с. 63).

²⁶³ В записи, по всей видимости, упоминается Александръ Васильевичъ Соловьевъ (1890-1971), именитый впослѣдствіи историкъ и славистъ, профессоръ Белградскаго и Женевскаго университетовъ. В дореволюціонной Россіи онъ успѣлъ окончить юридическій, а затемъ историко-

читается: „Статутъ Великого Князства Литовского, содержащій въ себѣ 14 раздѣловъ, и при немъ учрежденіе Трибунала обывателямъ великаго Княжества Литовскаго на сонмѣ Варшавскомъ данный, року 1581. Напечатанъ въ Вильнѣ въ Друкарнѣ Мамоничовъ 1588 г., на 554 стр. Очень рѣдка. Сопиковъ Оп. Библио. Ч. 1. № 1425”²⁶⁴, а ниже: „Такіе же экземпляры: 1) въ Кіевскомъ Университетѣ [безъ 2-хъ страницъ]²⁶⁵, 2) въ Императ. Публичной библіотекѣ²⁶⁶ и 3) въ библіотекѣ Москов. Синодал. Типографіи²⁶⁷. 28 октября 1897 года”. По утверждению И. И. Лаппо, вторая пометка, сделанная тогдашним хранителем Архива С. А. Белокуровым (1862-1918), представляет собой запись слов Б. А. Долячко, знатока проблематики кодекса. Впрочем, и сам Б. А. Долячко подтвердил достоверность поданой информации своей подписью: „Присяжный Повѣренный Б. Долячко”²⁶⁸. В экземпляре (что редкость) напроочь отсутствуют какие-либо пометы юридического толка.

Лаппо № 2, Рауд. № 42, Голенч. 3-5

54. Россия, Москва, Российский государственный архив древних актов, ф. БМСТ/СПК 4261. Экз. полный. Судя по наклейке на форзацной вставке под верхней доской переплета, книга ранее принадлежала Библиотеке московской Синодальной Типографии²⁶⁹: „Палата Д. Шкафъ 30. Полка III.

филологический факультет Варшавского университета, после чего был оставлен там же для подготовки к профессорскому званию по истории русского права. В годы Гражданской войны преподавал в Ростове-на-Дону, потом оказался в эмиграции (см.: А. В. Антошин, *Научные связи А. В. Соловьева в эмиграции в 1950-1960-е годы [по материалам Русского архива Лидса]*, „Славяноведение” 2010, № 4, с. 49-50). После того, как в 1916 году И. И. Лаппо опубликовал так наз. московский перевод-редакцию Статута (XVII в.), А. В. Соловьев откликнулся на публикацию статьей в „Исторических известиях”, где, в частности, писал, что обнаружил в Соборном Уложении артикулы, близкие по своему содержанию положениям как из рукописного перевода, так и печатного издания кодекса (см.: А. Соловьевъ, *Вновь открытый Московскій переводъ Литовскаго Статута*, с. 25-48).

²⁶⁴ Почти дословная передача библиографической справки по: В. Сопиковъ, *Опытъ Россійской Библіографіи*, ч. 1, с. 239.

²⁶⁵ См. ЛС № 60 настоящего перечня (на самом деле в экземпляре не хватает двух листов, а не страниц).

²⁶⁶ Речь может идти об экземпляре кодекса, включенном в наш перечень под № 54.

²⁶⁷ См. ЛС № 53 настоящего перечня.

²⁶⁸ Б. А. Долячко (? -1912), знаток межевых дел Западного края Российской Империи – в том числе в его великокняжеском прошлом, автор исследования: *Свод законов межевания*, Москва 1893. Но едва ли не большую известность этому человеку принесла деятельность как председателя Санкт-Петербургского вегетарианского Общества и издателя журнала „Вегетарианский вестник” (см.: А. Воейковъ, *Памяти Б. А. Долячко*, „Вегетарианское обозрѣніе”, № 6, [Кіев] 1912, „Избранныя статьи”, с. 123-125).

²⁶⁹ „Начало библіотеки совпадаетъ съ основаніемъ печатнаго двора въ XVI в.; но уже въ 1612 г. вся она вмѣстѣ съ типографіей была сожжена поляками. Съ восстановленіемъ книго-

Мѣсто 7, каталога № 4310” (последняя цифра перечеркнута и подписано: „4261”). На следующей странице имеются две пометы скорописью: „Уложенья великаго кн[я]зя Лит[ов]скаго” и ниже „Силвестра медвѣдева”. Владелец кодекса был выдающимся деятелем просвещения в Московском государстве, а с 1678 г. служил справщиком Московского печатного двора. В 1668 г. в составе посольства Медведев побывал в ВКЛ и Курляндии²⁷⁰. Полагают, что именно тогда он приобрел Статут в Вильно²⁷¹. Замешанный в борьбу царевны Софии с Петром Первым, Сильвестр Медведев был казнен в 1691 году, а принадлежавшее ему собрание книг передано Печатному Двору²⁷², как известно, стоявшему у основ московской Синодальной типографии. На страницах имеются многочисленные польскоязычные пометы правового характера, достаточно часто на польский переводятся названия артикулов – дословно или с передачей основного содержания правовой статьи²⁷³. Книгу завершает рукописный „Reiestr Statutowy, zebrany według porządku obiecadła”²⁷⁴, в конце которого в записи на подклеенном листе упоминаются: „Pan Alexander Bielski”

печатанія при царѣ Михаїлѣ Федоровичѣ снова началось собираніе книгъ; типографія вымѣнивала свои произведенія на другія книги, кромѣ того, приобретаіься цѣлыя собранія книгъ [...] Въ XVIII в. съ реформой Петра В. дѣятельность типографіи сузилась, специализировавшись исключительно въ области церковно-славянскій печати. Б. приходила въ упадокъ, въ 1786 г. она лишилась большей части своихъ сокровищъ, когда указомъ Екатерины II до 600 лучшихъ рукописей ея переданы были в Патріаршую Б. [...] Рукописное собраніе и теперь еще довольно богато, до 600 рук., между ними нѣсколько XI в., затѣмъ сборники XVI и XVII стол. и дѣла книгопечатнаго приказа съ 1620 г. и др. Довольно богато собраніе книгъ церковной печати, преимущественно, конечно, Московской типографіи” (*Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. III^А, с. 803).

²⁷⁰ См.: С. П. Лупов, *Книга в России в XVII в.*, Ленинград 1970, с. 118-125; С. Р. Долгова, *Виленьскіе издания в библиотеке Сильвестра Медведева*, [в:] *Федоровскіе чтения* 1982, Москва 1987, с. 140-148.

²⁷¹ См.: Г. Я. Галенчанка, *Уладальніцкія і чытацкія надпісы...*, с. 538. Белорусским ученым не отвергается также иная версия обретения С. Медведевым этой книги: „Большая частка кірыліцкіх і «лаціна-польскіх» выданняў Вял. КН. Літоўскага дасталася яму [С. Медведеву – В.М.] пазней разам з бібліятэкай яго апекуна і настаўніка Сімяона Полацкага” (там же).

²⁷² *Государевъ Печатный Дворъ...*, с. 50.

²⁷³ Напр.: II-27: **W** **завѣстегненню** **бранья** **жизности** **черезъ** **люде** **свобольныхъ** – O braniu żywności; VIII-2: **W** **тѣстаментъ** **на** **речи** **рѣхомые** **и** **на** **именя** **набытые**, **яко** **мають** **быти** **справованы** – Jako testament sprawować; IX-10 **W** **ѣстановенню** **черезъ** **подъкоморого** **коморъниковъ** – O komornikach.

²⁷⁴ Подобный терминологический указатель, но уже в печатной версии увидел свет в России только в начале XIX века. Это был *Ручной словарь или краткое содержаніе Польскихъ и Литовскихъ законовъ, служащихъ руководствомъ въ судебныхъ тяжбахъ всякаго рода, собранныхъ для употребленія въ присутственныхъ мѣстахъ и для пользы частныхъ обывателей Коронныхъ и Литовскихъ провинцій*, Санктпетербургъ 1808.

и „Jego Msc Pan Gabryel Sokolinski”²⁷⁵. Еще одна приписка имеется на следующей странице: „Alexander Bielski ziemi Połockiey”.

Лаппо № 3, Голенч. 3-6²⁷⁶

55. Россия, Санкт-Петербург, РНБ, шифр 1.2.6^a. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9-10, 13 Реестра. В правовой части лл. 134 (с. 188-189) и 137 (с. 194-195) вплетены после л. 135 (с. 190-191). Книжный блок открывает текст Трибунала ВКЛ. Начало первых двух разделов кодекса предваряют записи: „W nim wszystkich art. 35” (с. 1), „W nim art. 27” (с. 45). При статьях первого раздела неизвестный владелец фиксировал свои наблюдения по сравнению Статутов разных редакций: „W starim Statucie art. 8 Ro: 1, a w szrednym art. 1” (с. 1), „A w szrednym art. 7” (с. 17), „W starim Statucie art. 6 Roz: 1 A w szrednym art. 14” (с. 24) и др. В книге имеются многочисленные приписки юридического характера на польском языке и „русской мове”. В начале XX века книга числилась в фондах Императорской публичной библиотеки.

Лаппо № 11, Рауд. № 33, Голенч. 3-7

56. Россия, Санкт-Петербург, РНБ, шифр 1.2.6^b, Экз. деф.: нет Преамбулы, Реестра, лл. 40-52 (с. 1-24) правовой части. Текст прерывается на л. 288 (с. 514). Книжный блок сильно обрезан. Это очередной экземпляр из бывшей Императорской публичной библиотеки. На внутренней стороне передней доски переплета имеются пометки: „Быстровъ” „Приобрѣтенъ изъ Полоцка въ 1831 году”²⁷⁷. Смотри каталогъ Толстаго № 25”²⁷⁸. Содержание записи, равно как род занятий ее предполагаемого автора, не позволяют трактовать ее как владельческую. И. П. Быстров (1797-1850) – выпускник петербургской семинарии, „въ 1830 г. опредѣлился на службу въ Публичную библиотеку подбибліотекаремъ по русскому отдѣленію и прослужилъ здѣсь до 1848 г. [...] библиографія русская стала самымъ любимымъ предметомъ

²⁷⁵ Габриэль Соколинский был сыном князя Кшиштофа Друцкого-Соколинского (ум. 1639), каштеляна мстиславского, а с 1625 г. полоцкого. Известно о нем немного: „kasztelaniec Połocki wskutek cessyi matki swej otrzymuje 1641 r. wieś Równe w starostwie Jezierzyskiem. Prawdopodobnie umarł w 1644 r.” (J. Wolff, *Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895, s. 484).

²⁷⁶ Данные о составе экземпляра, приводимые этим автором, неточны.

²⁷⁷ Информация И. П. Сахарова о том, что этот экземпляр кодекса происходит „изъ Полоцкой библи.” оказывается слишком лаконичной, чтобы предпринять пробы ее дальнейшего уточнения (см.: И. П. Сахаров, *Обозръніе Славяно-Русской библиографіи*, т. I, кн. 2, с. 25).

²⁷⁸ Имеется в виду упомянутый выше каталог: П. Строевъ, *Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ ... графа Федора Андреевича Толстова*. На с. 63 этого библиографического труда читаем: „Статутъ великого князтва Литовского, напеч. въ Вильнѣ, у Мамоничей, 1586 (sic!) года; въ листъ, 64 (оглавления) и 550 страницъ. Выхода недостаетъ. Изданіе весьма рѣдкое. Образецъ шрифта въ Палеографъ. Снимк. Таб. IX № 16. Помета въ низу, по тетрадямъ (конхъ 52); а въ верху счетъ постранично. Экземпляръ подмоченный”.

его занятій, и въ этой области Быстровъ обладалъ рѣдкими познаніями, что обнаружилось и въ его библиографическихъ трудахъ”²⁷⁹. На форзацном листе с правой стороны фиксируется чернильная запись: „Статутъ Великого Князства Литовского. Вильно. 1586”²⁸⁰. На verso форзацного листа карандашом помечено: „Сія книга называется Статутъ”, „R(ok) 1573 | 28 Januarii | patrz o tom Rozdział 3 | artykuł 3 u końca”²⁸¹.

Лаппо № 12, Рауд. № 34, Голенч. 3-8

57. Россия, Санкт-Петербург, РНБ, шифр 1.2.6^b. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9-11 и 14 Реестра. Сохранившиеся листы Реестра (а начальные из них перемешаны) сильно повреждены, оборван также правый верхний угол лл. 40-75 (с. 1-72) правовой части. В книге имеется ярлык: „№ 60. Императорская Эрмитажная Иностранная библиотека. Шкапъ 5. Полка 1”. Эта крупнейшее дворцовое книгохранилище было основано в 1762 г. из комнатной библиотеки Екатерины II. После смерти императрицы в 1796 г. книжное собрание, согласно ее завещанию, перешло музею. В середине XIX столетия бóльшая часть эрмитажных книг была передана в фонды Императорской публичной библиотеки. Не случайно именно в ее стенах в начале XX века И. И. Лаппо довелось исследовать описываемый экземпляр Статута. В книге фиксируются многочисленные польскоязычные и рускомовные пометы юридического характера. После печатного текста в книжный блок вплетены листы с рукописным алфавитным путеводителем по кодексу – „(Indek)s Statutowy wedlug Abecadla do pedsze^o nalezienia Artykulow do sprawy”.

Лаппо № 13, Рауд. № 35, Голенч. 3-9

58. Россия, Санкт-Петербург, РНБ, шифр 1.2.6^г. Экз. деф.: нет Преамбулы (титульный лист заменен репродукцией из книги Линде) и Реестра; лл. 123-124 (с. 166-169), 170 (с. 260-261), 183-184 (с. 284-287), 207-208 (с. 332-335), 228 (с. 374-375), 243-244 (с. 404-407), 279-280 (с. 496-498), 285-286 (с. 507-510), 291-293 (с. 519-524), 297-298 (с. 531-534), 308 (с. 553-554). По нижнему полю с. 9-29 имеется полистная запись: „Сія книга ест з Библиотеки монастира Жировицкаго чину Святаго Василия Великаго л. 758 аппо подписана”. После 552-й страницы вплетен лист, на котором написано: „Экземпляръ сей Литовскаго Статута изданія 1588го Года принадлежитъ Библиотекѣ Греко-унитскаго монастыря чину Св. Василия Великаго въ м. Жировицахъ Гродненской Губерніи въ Слонимскомъ

²⁷⁹ *Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. V, Санкт-Петербургъ 1891, с. 147-148.

²⁸⁰ См. ссылку 184 в этом разделе монографии.

²⁸¹ Акт варшавской конференции 28 января 1573 г. определил основы взаимной религиозной терпимости в Речи Посполитой, объединявшей, как известно, представителей разных вероисповеданий.

уѣздѣ²⁸². Подлинной заглавной листъ утратился, а при оправкѣ сей книги по приказанію Г. тайнаго Совѣтника Н. Н. Новосильцова²⁸³ въ Варшавѣ въ новой переплетъ присоединенъ для вѣщней полноты гравированной снимокъ съ титула изъ сочиненія г. Линде о Литовскомъ Статутѣ; нѣсколько же словъ недостававшихъ въ послѣднихъ строкахъ четырехъ первыхъ страницъ приписаны съ другаго экземпляра въ Варшавѣ”, далее другим почерком: „въ бывшей Библіотекѣ Графа Ходковича²⁸⁴ находившагося”. К внутренней стороне передней доски переплета приклеен листок с пометкою: „Отъ Н. Н. Новосильцова изъ Жировицкаго Греко-Унитскаго Монастыря. Бѣлорусское изданіе 1588 года полученное при отношеніи отъ 16 октября № 1289”. Далее следует карандашная приписка, свидетельствующая о том, что экземпляр „однотипиченъ” с экземплярами „Румянцовскими”²⁸⁵. На сс. 271 и 281 имеется рисунок сжатой кисти руки с вытянутым к тексту указательным пальцем – знак привлечения внимания. На с. 283 значится запись с именем: „Jozep Sczirè Rosho are Jezulales Jezulales”. На полях всей книги встречаются многочисленные польскоязычные пометы юридического характера с комментарием содержания статей. В середине XIX века книга числилась в фондах Императорской публичной библиотеки²⁸⁶.

Лаппо № 14, Пауд. № 36, Голенч. 3-10

²⁸² Второй экземпляр Статута, принадлежавший некогда Жировицкому монастырю. См. ЛС № 17 предлагаемого перечня и ссылку 99.

²⁸³ Н. Н. Новосильцев (1768-1838) — граф, советник наместника Царства Польского и доверенное лицо Великого князя Константина, фактический правитель Польши с 1813 года, известный своей жестокостью.

²⁸⁴ Библиотека Ходкевичей находилась в Млынове, родовом графском имении недалеко от Ровно. Она была собрана „po większej części staraniem hr. Aleksandra Chodkiewicza (zm. 1838). Józef Rzewuski starosta Drohobyski, wuj A. Chodkiewicza, zmarły 1816 r., przez 50 lat z górą skupował najradsze dzieła. Wszystkie nabył Chodkiewicz, mający po matce kilka tysięcy tomów. Do tego zbioru sam do końca życia zbierał księgi i bibliotekę pomnażał. Część znaczną tej biblioteki hr. Chodkiewicz wywiózł do Warszawy, gdzie ona później, po wyjeździe jego z Warszawy, r. 1818 w znacznej części sprzedana była z licytacji, a resztę powrócono do Młynowa. Lecz i pozostała w Młynowie, tworzyła jeszcze znaczny zbiór ksiąg. W r. 1826 było w niej 25.000 tomów. Później jeszcze więcej przybyło” (Fr. Radziński, *Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach...*, s. 50). „Zbiory młynowskie w 1918-1919 zostały zniszczone przez bandy bolszewickie, ocalałe szczątki od 1920 r. znajdują się w Muzeum Narodowym w Krakowie, część pozostała jeszcze w Młynowie” (*Polski słownik biograficzny*, t. III, Kraków 1937, s. 355-358).

²⁸⁵ По определению И. А. Бычкова, хранителя отдела рукописей Императорской публичной библиотеки, эта приписка сделана рукой К. С. Сербиновича (1797-1874), писателя и многолетнего редактора „Журнала Министерства Народного Просвещения”, но прежде всего влиятельного чиновника: директора канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, а позже члена Комиссии прошений, на Высочайшее имя приносимых (см.: И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. XV).

²⁸⁶ См.: И. П. Сахаровъ, *Обозръніе Славяно-Русской бібліографіи*, т. I, кн. 2, с. 25.

59. Россия, Санкт-Петербург, Библиотека РАН, инв. 39 сп, экз. деф.: нет Преамбулы, лл. 307-308 (с. 551-554). Ближе к концу книги верхние левые углы страниц подклеены, так что нумерация на них нанесена карандашными записями. В конце XIX века книга значилась в фондах Императорской петербургской Академии Наук²⁸⁷, но имела иную сигнатуру: 36.14.12. Лишнее подтверждение тому – штампик с надписью под двуглавым орлом: „Рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ” на форзаце под доской переплета. На обороте нн. лл. 9, 17 и с. 550 проставлена маленькая овальная печать „Библиотека Акад. Наук СССР Отд. Особ. фонд”. На с. 425, 430, 504, 506 и 526 в функции *pota bene* воспроизведен рисунок кисти руки с вытянутым указательным пальцем. На с. 537 читается: „воронецкоу²⁸⁸ хто у чо^рд удари^т то^т мае^т гроше^и литовськи^х два запла^{ти}т^и”. На последней – 550-й – сильно изношенной странице имеется помета: „Конца – артикулы 33-37 – нет (стр. 550-555)”. На полях изредка встречаются записи юридического характера, в основном это перевод положений Статута на польский язык.

Лаппо № 9, Рауд. № 32, Голенч. 3-11

60. Россия, Тверь, ГАТО Государственный Архив Тверской области, ф. 1409, оп. 1, д. 1163. Экз. деф.: нет титульного листа, нн. лл. 7, 8 Преамбулы; нн. л. 9 Реестра. Имеющиеся нн. лл. 10-40 Реестра и лл. 41-46 (с. 1-12) правовой части вплетены после текста кодекса. На нескольких страницах фиксируются „рускомовные” записи скорописью XVII века, представляющие собой комментарий к подчеркнутым фрагментам статей Статута. Экз. поступил в 1920-30-е годы из собрания Тверской губернской ученой архивной комиссии (ТУАК). Последняя, будучи образованной в 1884 г., занималась хранением, описанием и публикацией исторических документов, популяризацией местной истории и просветительской деятельностью.

61. Украина, Киев, ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины, шифр Кір. 758. Экз. деф.: нет лл. 237-238 (с. 392-395) правового текста. До реставрации книги, имевшей место в 2008-м году, можно было утверждать, что отсутствующие листы заменены сделанными на кальке копиями, снятыми с экземпляра Московского Архива Министерства иностранных дел [в нашем перечне он представлен под № 53 – В.М.]. По свидетельству И. И. Лаппо, копии эти сняты присяжным поверенным Б. А. Долячко²⁸⁹. Сегодня следов действий присяжно-

²⁸⁷ См. ссылку 101 в этом разделе монографии.

²⁸⁸ Может быть, это форма от существительного *воронец*, искаженная по родовой отнесенности: „воронец, *сев. вост.* брус, переводина, широкая и толстая доска в виде полки, вдоль и посреди всей избы, от печи по полавочник (полки вокруг стен)” (В. Д а л ь, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I, с. 244).

²⁸⁹ И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. II, с. XVI. Сведения о Б. А. Долячко приводятся выше в ссылке 268.

го поверенного экземпляра уже не содержит. Судя по штампам, книга принадлежала Библиотеке Киевского университета Святого Владимира²⁹⁰, куда попала из Библиотеки Кременецкого лицея²⁹¹. По всей видимости, в Кременце в 1823 г. видел и описал этот экземпляр И. Н. Данилович²⁹². В 1808 г. кодекс был в руках другого выдающегося историка права и пионера „статутоведения” – Тадеуша Чацкого. Именно польский ученый, как основатель упомянутого лицея²⁹³, „...po napisaniu swego dzieła²⁹⁴ uzyskał ruski drukowany exemplarz z biblioteki królewskiej dla krzemienieckiej szkoły”²⁹⁵. Упомянутая выше Королевская библиотека составляла самую ценную часть кременецких фондов – 16 тысяч позиций из книжного собрания Станислава-Августа, выкупленные Т. Чацким. На описываемом экземпляре о бывшей принадлежности к Королевской библиотеке свидетельствует скромная запись на титульном листе „Reg. Pol 1332”. На этой же странице значится: „Statut Wielkiego Kniaztwa Litowskiego ot Nayiasnieyszoho Hospodara Korola Teho Milosty Zykhimonta Trzeteho, na koronacyi w Krakowie wydany Roku 1588”. Еще одна помета на титульном листе затерта вследствие реставрации, то же самое можно сказать о маркировавших некогда славную книгу библиотечных штампах.

Лаппо № 20, Рауд. № 29, Голенч. 3-21

²⁹⁰ См.: *Каталогъ книгъ Библиотеки Императорскаго университета Св. Владимира*, т. V, Киев 1856-1857, с. 129. Библиотека Киевского университета была основана в 1834 г. „Въ этомъ же году передана была въ нее драгоцѣнная библ. бывшаго Кременецкаго лицея [...] въ очень скоромъ времени Б. обогатилась книгами, переданными въ нее изъ виленскаго университета, виленской медико-хирургической академіи, виленской римско-католической духовной академіи, дублетами Эрмитажной библ. и т. д.” (см.: *Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. III^А, с. 806).

²⁹¹ См.: S. Koljdenko, *Los kolekcji i zbiorów Liceum Krzemienieckiego*, „Fraza” 1997, nr 3 [17], s. 209-212.

²⁹² I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 172.

²⁹³ Началом лицея „была классическая гимназія въ г. Кременецѣ, устроенная въ 1805 г. Она должна была служить высшимъ образовательнымъ центромъ для всѣхъ прочихъ заведеній края и вскорѣ достигла почетной извѣстности какъ въ Западнорусскомъ краѣ, такъ и въ Австрійской и Прусской Польшѣ. [...] Въ 1819 г. кременецкая гимназія была переименована въ Л. (который назывался уже Вольнскимъ – В.М.) съ цѣлью замѣнить университетъ. Указомъ 21 августа 1831 г. Л. былъ закрытъ, но тамъ уже не было ни одного учащагося: всѣ ушли въ повстанцы. По усмирении возстанія предположено было перевести Л. изъ Кременца въ Житомиръ, но въ 1833 г. рѣшенъ былъ переводъ его въ Кіевъ, гдѣ онъ и послужилъ основаніемъ университета св. Владимира” (*Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVII^А, Санкт-Петербургъ 1896, с. 861). В лицее имелась немалая библиотека с фондомъ более 50 000 томов.

²⁹⁴ Речь идет о главном сочинении Т. Чацкого – фундаментальном исследовании: *O litewskich i polskich prawach*.

²⁹⁵ „O posiadaniu później przez Czackiego ruskiego druku Statutu przekonywa jego rozprawa: *Czy prawo rzymskie było zasadą praw polskich W Krzemieńcu r. 1808 in 8vo stronie 90*” (I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 168).

62. Украина, Киев, ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины, шифр Кір. 768. Экз. деф.: нет титульного листа и листа с латинской привилегией (нн. л. 8 Преамбулы). Реестр при переплете перенесен в конец книги. На листе, расположенном сразу после форзаца, имеется надпись: „Изъ Библиотеки Кіевской семинаріи 1620 (1690 – ?) | Подарокъ Турчаниновой”. Фигурирующие здесь цифры, как представляется, обозначают инвентарный номер, а не датировку пометы. Хронологическую отнесенность исключает поздний характер письма, а также тот факт, что Киевская духовная семинария формально функционировала под этим названием с 1817 по 1819 гг. Ее образование было связано с разделом Киевской-Могилянской Академии на три независимых учебных заведения: училище, семинарию и Академию, однако уже два года спустя семинария стала именоваться Академией²⁹⁶. Именно отмеченные перипетии истории, по всей видимости, позволили Г. Я. Голенченко представить описываемый экземпляр Статута как принадлежность Библиотеки Киевской духовной Академии²⁹⁷. Если это соответствует действительности, перед нами не единственный экземпляр кодекса, хранившийся в книжных фондах старейшего православного учебного заведения: Статут под шифром В XXII 5/43, осмотренный здесь в начале XX-го века И. И. Лаппо, судя по описаниям исследователя²⁹⁸, отличается от „семинарского” экземпляра. С ранней хронологией воспроизведенной выше надписи не соотносятся также биографические данные предполагаемой дарительницы. По всей видимости, речь идет об Анне Александровне Турчаниновой (1774-1848), украинской (русскоязычной) писательнице и поэтессе, переводчице с латыни и модной целительнице-„магнетистке” (гипнотезерше). Она проживала в Киеве, а также в своем поместье в Каневском уезде Киевской губернии²⁹⁹. По свидетельству Г. Я. Голенченко, сделанному, может быть, с опорой на сведения из каталога П. Н. Попова³⁰⁰, на страницах книги имеется также владельческая запись полковника Василия Савича³⁰¹, от которого

²⁹⁶ См.: В. Аскоченскій, *Кієвъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академією*, ч. II, Кієвъ 1856, с. 480-481.

²⁹⁷ См.: Г. Я. Галенчанка, *Статут у бібліотеках і архівних зборах*, с. 538.

²⁹⁸ См.: И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. XVIII.

²⁹⁹ См.: [Н. Н. Голицынъ], *Библиографический словарь русских писательницъ*, Санкт-Петербургъ 1889, с. 252.

³⁰⁰ „Внизу по листкам іде запис 1709 р. про належність книги полковнику Василю Савичу і далі – про передачу її від Анни Савичової сину її сотнику Семену Сулимі” (П. Н. Попов, *Слов’янські інкунабули кийських бібліотек*, „Бібліологічні вісті” 1924, № 1-3, № 29).

³⁰¹ „Василій Савичъ, Лубенскій полкової сотникъ (нояб. 1695, дек. 1696, янв.-мартъ 1698, 1702) и полкової есаулъ (сентябрь 1698 – июль 1700); Лубенскій наказный полковникъ (1708), Лубенскій полковникъ” (нояб. 1709 – май 1714). Ум. 1714” (В. Л. Модзалевскій, *Малороссійскій родословникъ*, т. IV, с. 460).

книга перешла к сотнику Семену Сулиме (1709)³⁰², при этом адресат являлся зятем полковника³⁰³. Однако подтверждений принадлежности экземпляра к роду Савичей и Сулимов нам обнаружить не удалось. Возможно, к путанице приводит не соответствующее действительности утверждение, будто „экземпляр Духоўнай акадэміі № В XXII 5/43” теперь хранится „у Цэнтр. Навуковай бібліятэцы АН УССР, Кір. 768”³⁰⁴. На втором листе кодекса, вpletенном после форзаца, имеется штамп „Державна Публична Бібліотека УРСР” с припиской „інв. 4318”, говорящий о том, что книга еще несколько десятилетий назад значилась в фондах иной киевской библиотеки, сегодня именуемой Национальной парламентской³⁰⁵. Правовой текст нередко сопровождают польскоязычные и „рускомовные” пометы юридического содержания.

Райд. № 30³⁰⁶, Голенч. 3-22

63. Украина, Киев, ЦНБ им. В. И. Вернадского АН Украины, шифр Кір. 769. Экз. деф.: нет титульного листа и нн. л. 8 Преамбулы; нн. л. 9 Реестра (заменен рукописной вставкой); л. 2 церемониальной части кодекса сильно оборван с трех сторон. Вместо отсутствующего л. 155 (с. 230-231) в книгу вpletена вторая рукописная вставка с правовым текстом на лицевой своей стороне. На форзаце под верхней доской переплета имеются записи: слева „№ 20 Унд. 103 (1588)”³⁰⁷, справа: „Польскій Статут”. На с. 5 Преамбулы содержится помета: „Czyż się to godzi Niech mie kto chce sądzy | Szczery niechay nie błądy”. Этот экземпляр кодекса, как и упомянутый выше, хранился прежде в Государственной публичной библиотеке УССР, но под инвентарным номером 4319 – подтверждением тому служит соответствующий штамп. На нн. л. 32 (recto) Реестра записан отрывок из финальной части Магнификата – так в римско-католической церкви называется хвалебная песнь Богородице: „Abraham et semini eius in saeculum Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto, sicut”³⁰⁸. Оборот нн. л. 40 (свободная от печатного текста

³⁰² „Семень Ивановичъ Сулима, въ службѣ с 1722 г. Бунчуковымъ товарищемъ, въ 1729 г. Принималъ и сопровождалъ Турецкаго посла при проѣздѣ его черезъ Малороссію; въ 1733 г. былъ въ Крымскомъ походѣ (поймалъ 12 татаръ); въ 1736 г. вновь былъ въ Крымскомъ походѣ [...]; съ 1737 г. Переяславскій полковой обозный; въ 1737 г. былъ въ Карасу-базарскомъ походѣ [...]; въ 1738 г. былъ въ Бендерскомъ походѣ; въ 1739 г. полковникъ Переяславскій и пробылъ на этомъ урядъ по смерть. [...] Ум. 27 мая 1766 г.” (там же, с. 807-808).

³⁰³ „Ж[ена Семена Сулимы] (съ янв. 1729 г.) Прасковья Васильевна Савичъ, ум. 1766, дочь полковника Лубенскаго” (там же, с. 808).

³⁰⁴ Г. Я. Галенчанка, *Статут у бібліятэках і архіўных зборах*, с. 538.

³⁰⁵ Сведения об этой библиотеке приводятся в ссылке 172.

³⁰⁶ Отождествление здесь этого экземпляра с описанным И. И. Лаппо под № 21 (т. е. прежде принадлежавшим Библиотеке Киевской духовной Академии – № ВХХП 5/43) – неверно.

³⁰⁷ См. ссылку 122 в этом разделе книги.

³⁰⁸ По Синодальному переводу: „(Как говорил отцам нашим), к Аврааму и семени его до века. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу! И ныне, (и присно, и во веки веков)”.

страница) использовался владельцем книги для упражнений в письме. Здесь фиксируются пять строчек, занятых упражнениями в написании букв и несколько разноязычных записей: „Wypis z ksiąg Zamku Torońskiego”, „Роздѣлъ первый ѿ персоне | Roku Pańskiego” и „W roku dni 359 (sic!) dni | W roku godzin 87608”, „Qui passus est pro nobis Jesu Christe miserere nobis”³⁰⁹ – латинская фраза из литургической пассивы, в текст которой вставлено польское обращение к Богу. На с. 55 (л. 67) с необходимой поправкой цитируется по Вульгате начало псалма 109, также исполняемого как песнь: „Dixit Dominum | Dixit Dominus Domino meo sede a dextris meis”³¹⁰. На с. 156 (л. 118) и 238 (л. 159) встречаются очередные польскоязычные пометы: „Takes sędzia powinies sądzic ludzkie sprawy”, „Mści Panie Mrozowski mój | Mści^{wy} Panie”, на этом же языке написаны не очень многочисленные комментарии к правовым положениям кодекса.

Пауд. № 31, Голенч. 3-23

64. Украина, Львов, Научная библиотека им. Стефаника АН Украины, шифр Ст.IV 632 (прежний 11448). Экз. деф.: нет Преамбулы и Реестра; лл. 125-126 (с. 170-173), 131-132 (с. 182-185), 137-138 (с. 194-197), 159-160 (с. 238-241), 223-228 (с. 364-375) правовой части. Лист 125 (с. 170-171) почти целиком оборван. Текст прерывается на с. 439. Вместо листов, обозначенных с. 172-173 (л. 126), 238-241 (лл. 159-160), вpletены вставки с рукописным польским переводом артикулов кодекса. На первой из имеющихся старопечатной странице проставлены две печати: „Библиотека Русского народного дома во Львовѣ”³¹¹ и „Львівська бібліотека АН УРСР № Ст 632”³¹², от-

³⁰⁹ По-польски: „Któryś za nas eierpiał rany Jezu Chryste zmiłuj się nad nami” – фрагмент песни, исполняемой во время богослужения „Gorzkie Żale”, совершаемого в Великий пост.

³¹⁰ „Сказал Господь Господу моему: сиди одесную меня”.

³¹¹ „Русско-народный институт Народный Дом во Львове” (так официально звучало его название) был утвержден в австрийской тогда Галиции в 1849 г. Согласно учредительному уставу, „цѣль его была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: образовати русскій языкъ, пособствовати словесной дѣятельности, розвивати науки и искусства и такъ роспространяти просвѣщеніе и нравственность между русскимъ населеніемъ посредствомъ основанія бібліотеки съ читальнею, музея, галеріи картинъ, типографіи, содерживанія пѣвчей и церковно обрядовой бursy для молодежи, посѣщающей школы, и проч.” (Ф. С в и с т у н, *Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи*, ч. 2, Львовъ 1896, с. 50). Таким образом, это учреждение было призвано „сосредоточати и оживотворяти духовную жизнь галицкой Руси” (там же, с. 176), что с успехом реализовывалось вплоть до I Мировой войны. В междувоенный период функционирование Народного дома ограничивалось музейно-архивными делами. При нем продолжали действовать Библиотека (в 1924 году ее фонды составляли около 120 тысяч книг), археологическо-исторический и природоведческий музей. После 1939 года Народный дом был ликвидирован, а его книжные коллекции переданы Библиотеке АН УССР (подтверждение тому – второй штамп на страницах рассматриваемого Статута) и львовским музеям.

³¹² См. выше ссылку 112.

тиски этих же штампов потом фиксируются в книге неоднократно. На с. 242 и 305 внизу под печатным текстом соответственно читается: „Статут рвани́ дал ми Пан Похатарски́ (?) / Статит (sic!) кластору члонского“, „Roku 1768 Monastera Czerlonskiego Ord. S.B.W.“³¹³. Впоследствии, видимо, в результате редукции малочисленных базилианских обителей³¹⁴, Статут сменил хозяев. Есть основания полагать³¹⁵, что книга перешла к служителям Березвечского мужского монастыря (Дисненский уезд Виленской губернии), „много порадевшего в пользу унии и католичества“³¹⁶. Отец Александр Вераксин (1872-1918), протоиерей и священномученик, одно время несший духовную службу в Березвечье, писал: „Приходится очень пожалеть, что въ годы постепеннаго запустѣнія обители, при полномъ отсутствіи дисциплины и отвѣтственности, погибло немалое число весьма цѣнныхъ и интересныхъ документовъ и актовъ, касавшихся двухвѣковаго періода жизни и исторіи этого края, а также подвергалась расхищенію библіотека. [...] Я былъ обрадованъ, когда узналъ, что Преосвященный Іосифъ Сѣмашко³¹⁷ заблаговременно взялъ изъ монастырской библіотеки столь рѣдкій экземпляръ сборника законовъ бывшаго Великаго княжества Литовскаго – «Литовскій Статутъ» на русскомъ языкѣ. Извѣстно, что въ 1856 году въ г. Вильнѣ открытъ въ зданіи бывшаго университета музей древностей. [...]»

³¹³ Деревня Черлена сегодня лежит в Мостовском районе Гродненской области. С XVI в. она была владением Мосальских, потом Сапегов и, наконец, Друцких-Любецких. „Byli tu bazilianie, fundowani przez Sapiehę” (*Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...*, t. I, s. 809). Некогда православный монастырь принял базилианский устав в 30-е годы XVII в. и просуществовал здесь до конца XVIII ст. Ныне от построек Черленской обители не осталось и следа, но зато сохранилась усадьба последних владельцев этих земель.

³¹⁴ См.: *Encyklopedia katolicka*, t. II, Lublin 1985, s. 142.

³¹⁵ На это указывает соответствие данных неполного состава рассматриваемого экземпляра ЛС с сохранившимися описаниями книги из монастырского собрания.

³¹⁶ В 1634 г. мстиславский воевода Иосиф Львович Корсак подарил униатам свое имение Березвечье, где еще при его отце была построена православная церковь. В 1643 г. в имении учрежден мужской базилианский монастырь. В середине XVIII в. на месте прежних деревянных построек возводятся каменные монастырские здания с церковью. При монастыре действовала школа для простолюдинов, а также училище для дворян. После Полоцкого собора (1839), воссоединившего униатов с Церковью, монастырь стал православным, а в 1874 г. указом Святейшего Синода был упразднен (см.: А. С. Вераксинъ, *Березвечскій монастырь, Литовской епархіи, Дисненскаго уѣзда. [Историческій очеркъ]*, Вильна 1910).

³¹⁷ Иосиф Семашко (1798-1868) – „главный дѣятель по воссоединенію униатовъ съ православною церковью. [...] энергично поддерживалъ мѣры, клонившіяся къ учрежденію духовныхъ семинарій для образованія благаго униатскаго духовенства и къ упраздненію базилианскихъ монастырей”. В 1829 г. И. Семашко был посвящен в сан епископа Мстиславского, через три года стал Литовским епископом, а с 1839 г. архиепископом – уже не униатским, а православным. В 1852 г. „пожалованъ въ митрополита” (см.: *Энциклопедическій словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXII, Санкт-Петербургъ 1901, с. 336; П. Строевъ, *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей російскія церкви*, Санкт-Петербургъ 1877, с. 1014).

И вотъ изъ Березвечскаго монастыря взять былъ «Литовскій Статутъ» и отправленъ въ музей»³¹⁸. А. И. Миловидовъ в своем каталоге, увидевшем светъ в 1908 году, представляет экземпляръ как принадлежность Виленской публичной библиотеки³¹⁹, по свидетельству же И. И. Лаппо, этой книги здѣсь „уже не было ... въ началѣ текущаго [т. е XX – В.М.] столѣтія, хотя къ этой Библиотекѣ перешли рукописи и книги Музеума послѣ его преобразованія въ 1865 году»³²⁰. В остальном упомянутые исследователи друг другу не противоречат: со ссылкой на один и тот же документ подтверждают обозначенные выше обстоятельства появленія кодекса в Музее Литовскихъ древностей. „Экземпляръ этотъ пожертвовалъ Музеуму Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, препроводивъ его предсѣдателю Виленской Археологической Комиссіи, попечителю Музеума, графу Ефстафію Тышкевичу при своемъ письмѣ отъ 19 апрѣля 1856 года. Въ началѣ этого письма о жертвуемомъ экземплярѣ Статута говорится слѣдующее: «узнавъ, что въ новооткрытомъ музеумѣ Литовскихъ древностей нѣтъ Литовскаго Статута на русскомъ языкѣ, пріятнымъ долгомъ считаю препроводить при семъ для библиотeki музеума древній печатный экземпляръ сего Статута, оказавшійся ненужнымъ въ библиотекѣ Березвечскаго монастыря, въ такомъ видѣ, какъ мною полученъ, то есть безъ заглавнаго листа и оканчивающійся на 439 страницъ»»³²¹. Во Львовѣ же книга могла впоследствии оказаться уже как предметъ гордости частной библиотеки – если, конечно, авторъ приводимой в ссылкѣ газетной заметки не кривилъ душой³²². В экземплярѣ помимо поль-

³¹⁸ А. С. Вераксинъ, *Березвечскій монастырь*, с. 28-29.

³¹⁹ Описание А. И. Миловидова, впрочем, содержитъ одну неточность, позволяющую утверждать, что историкъ что-то напуталъ. Представляя экземпляръ ЛС, „въ которомъ недостаетъ 29 страницъ” (такой дефектъ имеется у книги, описываемой нами под № 64), А. И. Миловидовъ указывает на помещенную на ней записку (авторъ *Каталога почему-то называетъ ее Ex libris*): *Ten Statut est monasterza Bratskego Pinskego ktorego nikt nigdy niemoże oddalic od tego monasterzu* (А. И. Миловидовъ, *Описание славяно-русскихъ старо-печатныхъ книгъ...*, с. 20-21). На самомъ же дѣлѣ эта приписка принадлежитъ другому экземпляру кодекса из бывшей Виленской Публичной библиотеки – у насъ онъ фигурируетъ под № 65.

³²⁰ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. XX.

³²¹ Тамъ же. И. И. Лаппо при цитированіи ссылается на: *Записки Іосифа митрополита Литовскаго, изданныя Императорскою Академіею Наукъ по завѣщанію автора*, т. II, Санкт-петербургъ 1883, с. 618.

³²² „Niektóre dzienniki moskiewskie jak również i petersburski Kraj doniosły niedawno, że «statut litewski» w języku białoruskim, będący własnością muzeum starożytności w Wilnie, gdzieś się zapodział. Owoż mogę dać niektóre wyjaśnienia w tym względzie: Z końcem roku 1879 p. Szczerban, były redaktor *Nauki* we Lwowie, oddając bibliotece Ossolińskich X t. aktów, wydanych przez komisję archeologiczną w Wilnie przesłanych pod jego adresem, między innemi nadmieniał w mej obecności, że «statut litewski» został mu przez zarząd publicznej biblioteki w Wilnie darowany, i że takowy znachodzi się w jego posiadaniu. [...] To zatem niech służy «Białorusowi» za nauczkę, aby na przyszłość, nie zbadawszy dokładnie rzeczy, nie rzucił kalumnii na Polaków, i nie

скоязычных помет юридического характера изредка встречаются иные, к сожалению, малоинформативные записи. Так, на с. 296 вне какой-либо связи с напечатанным правовым текстом приводятся имена двух правителей Короны: „Влади^сла^в коро^л По^лски^х Коро^л по^лски^х нъ Кази(мир)”, на с. 267 значится: „Od Pana”, на с. 350: „Przede mną Piotrem”, а ценность пометы на с. 219 – „За^не урожоны Пан Якув (Вой)налович (?)” – снижается из-за невозможности отчитать начальный слог фамилии особы благородных кровей.

Лаппо при описании ЛС № 25, Рауд. № 37, Голенч. 3-27

65. Украина, Одесса, Государственная научная библиотека им. Горького, шифр V-29969-II. Экз. деф.: нет Преамбулы; нн. лл. 9, 14-20 Реестра. Кроме дефекта в начале книги сохранность экземпляра хорошая. На форзаце от руки написано, что ЛС ранее был собственностью Богоявленского Пинского монастыря³²³; с левой стороны: „Ten Statut est monasterzu Bratskego Pinskego ktorego nikt nigdy niemoże oddalic od tego monasterzu”, справа: „Сей Статутъ есть собственный мѣнтра Благ(о)честиваго Сѣб(о)гоявленскаго Братскаго Пинскаго”. В начале XX века книга находилась в Виленской публичной библиотеке³²⁴, о чем говорит наклейка с соответствующим штампом³²⁵. В Одесскую научную библиотеку кодекс попал из Вильнюсской университетской библиотеки в обмен за *Katechizis* Мажвидаса, первую литовскую

posądział, że za czasów polskiej komisji archeologicznej ulotnił się ów «statut» z muzeum starożytności, lecz adresował swoje żale do tych, których jest celem «abrussienie» wszystkiego co jest moskiewskim – a nie nauka” (L., *Statut litewski*, „Gazeta Narodowa” 1884, nr 181, s. 3). Упомянутое в заметке львовское периодическое издание „Nauka” (1874-1900) было одним из печатных органов так наз. „москалофилов” – галицийских сторонников сближения всех частей „нераздельного русского народа” в единое целое. О бывшем редакторе этого издания и одновременно владельце кодекса – Щербане – каких-либо сведений добыть не удалось.

³²³ Мужской монастырь в Пинске был воздвигнут „ревнителями православія въ первые годы побрестской унії. [...] въ 1614 г. была заложена близъ келій деревянная церковь во имя Богоявленія Господня [...] и монастырь сталъ извѣстнымъ уже подъ именемъ Богоявленскаго”. В 1618 г. решением польского сеймового суда обитель была закрыта; в 1633 г. выстроена на ином месте при утвержденном тогда Пинском Богоявленском братстве. На вторую половину XVII в. приходится самый цветущий период существования монастыря – он „былъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Литовской Руси” того времени. В 1799 г. обитель была совершенно уничтожена пожаром и объявлена закрытой, но годом спустя восстановлена. Тогда же Богоявленскому монастырю отданы здания бывшего иезуитского костела и коллегии, сюда были переведены иноки упраздненного Минского Петропавловскаго монастыря (см.: А. И. Мило-видовъ, *Пинскій Богоявленскій, бывшій Братскій монастырь: изъ исторіи православія на Польськѣ*, [изъ „Виленскаго календаря” на 1897 годъ], Вильна 1896, с. 3-29).

³²⁴ См. ссылку 24 в данном разделе монографии.

³²⁵ „Виленская Публичная бібліотека. А 2/1 Витр.”

печатную книгу³²⁶. На форзаце также имеются рукописные записи: слева: „Сей Статутъ есть пожитечный до вѣчной sprawy – что про память ... (концовка фразы оказалась под наклейкой с библиотечным штампом)”, „Сей Статутъ есть церковно...”, „Сей Статутъ повинно бы дописа^т ...”; справа: „Спробовати пера и чернила и добре будеть. Спробовати пера и чернила, и чернило злое и перо недобре пишеть. За тѣмъ и чернило исправи^т и перо поправи^т неотмѣнно надобно”. По тексту встречаются польскоязычные ссылки на другие – в основном польские – правовые акты, часто на „Statut Zygmunta Augusta”.

Лаппо № 24, Райд. № 43, Голенч. 3-28

66. Чехия, Библиотека Национального музея в Праге, шифр 64.A.13. Экз. деф.: нет титульного листа (заменен литографией), нн. лл. 2, 4-8 Преамбулы; нн. лл. 9-10. Первые два из сохранившихся листов Реестра оборваны сверху вниз – на четверть каждый. Единственный лист, представляющий Преамбулу, также оборван и наклеен на бумагу лицевой стороной вниз. На корешке книги вытиснуто золотом: „Statut | Litewsky | We Wilné | L.MDLXXXVIII”. На л. 40, открывающем правовую часть кодекса, стоит печать „Museum Regni Bohemiae” – „Музей королевства Богемского”, так учреждение именовалось до 1922 года. Экземпляр очень хорошей сохранности, редкие маргиналии представлены польскоязычными записями юридического характера и подсказками: „ten Artykuł pomocny dla tych którzy gwałt i szkodę czynią” (с. 196), „ten Artykuł potrzebny do obejrzenia” (с. 380), „ten Paragraf na pomoc ... (обрезано)” (с. 498). Иногда на полях ставится знак „NB”. Книга примечательна тем, что ею „въ теченіе почти десяти лѣтъ”, а „рядъ лѣтъ ... изо дня въ день” пользовался И. И. Лаппо³²⁷.

Лаппо № 31

Представленные описания наглядно показывают, насколько активно использовался Литовский Статут на протяжении двух с половиной веков своей службы людям. Его востребованность подтверждают маргиналии – регулярные комментарии правового характера, пояснения, ссылки на иные законодательные акты, а также перевод положений кодекса на польский

³²⁶ В приложенном к экземпляру конверте имеется карточка: „V-29969 Статут Великого Княжества Литовского. Вильно 1588 г. Получено библиотекой в 1957 из 6-ки Виленского университета в обмен на старопечатный литовский Катехизис”. Помимо Литовского Статута (кстати, не единственного экземпляра в фондах университетской библиотеки) за *Катехизис* был отдан морской атлас XVI в. Инициатором обмена стал многолетний директор библиотеки Вильнюсского университета Лев Владимиров (см.: Д. Павленене, *В Вильнюсе выставлена на обозрение первая литовская печатная книга*, международный интернет-журнал „Балтийский курс”, Вильнюс, 01.04.2009, <http://www.baltic-course.com/rus/book/?doc=12028>).

³²⁷ И. И. Лаппо, *Литовский Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 1, с. IX.

и восточнославянские языки. Помимо того, на страницах уцелевших экземпляров встречаются разнообразные заметки – свидетельства веры в долговечность книги. Кроме владельческих и дарственных записей здесь фиксируются сведения из исторических и семейных хроник, приводятся фрагменты молитв, немудреные стихи, пожелания и предостережения. Нередко не занятые печатным текстом фрагменты листа (не пропадать же добру) использовались для упражнений в орфографии и каллиграфии.

Судьбы книг – всех вместе и почти каждой отдельно взятой – отражают сложные перипетии истории, складывающиеся на протяжении долгих четырех с лишним веков. Даже поверхностное внимание к „биографиям” сохранившихся экземпляров Статута показывает, что в наиболее ранний период едва ли не самое надежное убежище кодексам давали монастыри. При этом главный продукт типографии Мамоничей, наверное, активно использовался монахами на практике – при ведении многочисленных судебных дел³²⁸. Имеющиеся на книгах пометы показывают, что Статуты содержались прежде всего в униатских обителях. Базилианский орден св. Иосафата, обзанный своим происхождением и развитием Брестской унии (1596), получил тогда большое распространение на восточных территориях Речи Посполитой и в Юго-западной Руси. Первые базилианские общины здесь появились в начале XVII в. К 1622 г. у базилиан было 13 монастырей, а к 1648 г. их количество возросло втрое. Спустя сто лет на территории ВКЛ существовало 66 монастырей этого ордена, а в 1773 – уже 72³²⁹. То есть совсем не случайно в представленных нами Статутах фиксируются следы принадлежности к библиотекам Березвечского и Черленского (№ 64), Виленского (№ 2 и 51), Гошевского (№ 9), Жировичского (№№ 17 и 58), Пинского (№ 65), Подубисского (№ 18), Холмского (№ 29) монастырей. Вследствие разделов Польши и политики новых властей западнорусских земель количество местных монастырей резко сокращается, а их имущество меняет владельцев или конфискуется³³⁰. Многие ценные позиции из фондов униатских и римско-католических библиотек запрещаются церковной цензурой (изымаются, а порой и уничтожаются) после подавления польского восстания 1831-1832 гг.³³¹ Как бы то ни было, к середине XIX в. библиотеч-

³²⁸ „Prowadzenie, zazwyczaj skutecznych, spraw sądowych wymagało sporej znajomości prawa, dobrze przygotowanych zakonnych prawników, a także literatury prawniczej. Biblioteki zakonne wyposażone były w obowiązujące kodeksy prawa cywilnego i kanonicznego. Potwierdzają to dostępne katalogi bibliotek klasztornych” (M. Piłdyńczak-Majerowicz, *Biblioteki i bibliotekarstwo zakonne na wschodnich ziemiach Rzeczypospolitej w XVII-XVIII w.*, Wrocław 1996, s. 93).

³²⁹ См.: *Encyklopedia katolicka*, t. II, s. 139-143.

³³⁰ См.: W. Chotkowski, *Redukcje monasterów bazylijskich w Galicji*, s. 7-11, 27-40.

³³¹ Похожее положение дел наблюдалось также после подавления Польского восстания 1863 года. Весьма показательными в этом отношении представляются сведения, приводимые

ные собрания монастырей, действовавших на западнорусских территориях, оказываются распыленными, наиболее редкие книги и рукописи вывозятся в Петербург³³².

Оговорки заслуживает факт наличия двух экземпляров кодекса (№№ 12 и 32) в библиотеке православного Соловецкого монастыря, казалось бы, далекого от интереса к делам сопредельного государства. По мнению И. И. Лаппо, кодексы были доставлены на Соловки с западнорусскими книгами и рукописями церковного и церковно-полемического содержания. „Какъ извѣстно, Соловецкій монастырь послѣ исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ въ срединѣ XVII столѣтія [...] сталъ однимъ изъ виднѣйшихъ центровъ такъ называемаго раскола старообрядчества. Въ никоніанской реформѣ ея противники видѣли вліяніе католическаго Запада. Поэтому релігіозна́я борьба, происходившая у православныхъ ВКЛ и Польши съ католичествомъ и церковною унією, привлекала къ себѣ большое вниманіе защитниковъ церковной старины въ Московскомъ государствѣ. Православная полемическая литература этихъ странъ получила для нихъ большой интересъ. [...] Вмѣстѣ съ нею въ центры старообрядчества проникали и не имѣвшія церковнаго содержанія рукописи и печатныя книги”³³³. Таким образом, культурное достояние ВКЛ служило инокам Соловецкой библиотеки подспорьем в годы идеологического противостояния церковной реформе патриарха Никона.

Помимо „монастырских” Статутов рукописными пометами XVII века маркируется ряд экземпляров, принадлежавших частным лицам. Владельческие записи показывают, что вплоть до конца XVIII столетия кодексы редко значились в составе библиотечных собраний (в нашем материале такими исключениями являются экземпляры из библиотек вельможных персон: польского короля Станислава Августа Понятовского [№ 61], канцлера ВКЛ Яна Фредерика Сапеги [№ 12], прусского придворного советника Яна Рейера [№ 5], герцогской библиотеки г. Готы [№ 39]), а были собственностью того или иного хозяина как отдельно взятые книги, представляющие ценность саму в себе.

Из записей узнаем, что в числе владельцев первопечатных Статутов в XVII в. были, напр., профессор Кенигсбергского университета Райнхольд Фридрих Сахмэ (№ 5), холхوليцкий священник Михал Маскевич (№ 6), упитский возный Лаврин Киркилло (№ 11), представители жмудского рода

в отчете о формировании фондов Виленской публичной библиотеки: „Еще болѣе трудныхъ работъ требовали по-монастырскія бібліотеки. Количество свезенныхъ изъ нихъ книгъ скоро возросло до полутора́ста тысячъ. Всѣ эти книги были привозимы въ безпорядкѣ въ ящикахъ и куляхъ” (*Отчетъ о Виленской публичной бібліотекѣ и музеѣ за 1867 годъ*, Вильна 1868, с. 5).

³³² См.: Р. С. Мотульский, *Крупнейшие книжные собрания Беларуси*, с. 70.

³³³ И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. II, с. XIII.

Шемётов (№ 18), люблинский мелкопоместный шляхтич Станислав Грот-Вроновский (№ 30), рязанский воевода князь Василий Кропоткин (№ 37), нежинский полковник Григорий Гуляницкий (№ 35), смоленский, а потом виленский воевода Юрий Глебович (№ 41), шляхтичи земли полоцкой Александр Бельский и Габриэль Соколинский (№ 54), московский духовный писатель и общественный деятель Сильвестр Медведев (№ 54) и др. В XVIII столетии, если верить маргиналиям, собственные экземпляры кодекса имели Доминик Сивицкий, приор Гродненского доминиканского монастыря (№ 46), Аким и Семен Ранцевичи (№ 7), Стефан сын Саввы Владиславича, писаря его Величества и кавалера (№ 16), его милость пан Осиф Самойлович (№ 25), мозырский мечник Богдан (№ 28), пресвитер Иванковский иерей Трофим Рубанович (№ 33), стародубский войсковой товарищ Василь Златковский (№ 33), любецкий сотенный атаман Лукьян Красиловец (№ 35), гадацкий полковник Михайла Милорадович, а позже его сын Стефан (№ 40), грекокатолические священники Куреяши (№ 48). В конце XVIII и начале XIX столетий, когда Литовский Статут еще действовал на бывших землях ВКЛ и Юго-Западном крае, его экземпляры имелись у чиновников Казенных палат, кодексы сохранили имена двоих из них: Демьян Твардовский (№ 36) и Яков Гулак (№ 19) соответственно служили в Киевском наместничестве и Минской губернии.

В записях и эксклибрисах XIX – начала XX вв. на страницах редкой уже книги упоминаются как владельцы: ректор Екатеринославской семинарии Архимандрит Павел Доброхотов (№ 17), мировой судья Переяславского уезда Василий Гамалей (№ 19), граф Григорий Милорадович, генерал-майор свиты Его Величества (№ 35), ректор Виленского университета Юзеф Твардовский (№ 42), литовский поэт Майронис (№ 44), некие Степан Чернявский (№ 16) и Иван Гудим-Левкович (№ 24).

В XIX в. основным местом хранения экземпляров ЛС становятся библиотеки – сначала частные, а потом ведомственные. В числе первых значатся Библиотеки польских магнатов Замойских (№ 6), Оссолиньских (№№ 27 и 46) и Чарторыйских (№№ 29 и 47), графов Яна Суходольского (№ 3), Якуба Ксаверия Потоцкого (№ 8), Эмерика Гуттен-Чапского (№ 28) и Адама-Тита Дзялынского (№№ 9 и 30); правоведа, проф. Варшавского и Санкт-Петербургского университетов Ромуальда Губе (№ 4); польского историка и библиографа, ксендза Игнацыя Польковского (№ 10); крупного полтавского помещика Ивана Лукашевича (№ 12); князей Вяземских (№ 13); члена Общества любителей Российской словесности графа Ф. А. Толстого (№ 14); чиновника российского Департамента духовных дел иностранных исповеданий А. С. Иванова (№ 18); украинского церковного и политического деятеля А. С. Петрушевича (№ 22); литовского шляхтича татарского происхождения Яна Наргелевича (№ 27); польского философа и историка лите-

ратуры Михала Вишневого (№ 30); московских купцов И. Н. Царского (№ 33) и П. В. Шапова (№ 52); балахнинского купца-старообрядца Г. М. Прянишникова (№ 50); предводителя дворянства Константиноградского повета Полтавской губернии П. П. Джунковского (№ 36); польского писателя и переводчика графа Виктора Баворовского (№№ 23 и 46); профессоров Виленского университета М. Пельки-Полиньского и В. Гурского (№ 42). К каждому из владельцев этих богатых книжных собраний можно отнести слова, посвященные И. Н. Царскому: „удѣляль онъ во всю свою жизнь часть своихъ избытковъ не на мраморныя стѣны, не на бархатныя подушки, не на золотыя карнизы, не на лихихъ рысаковъ и златоканную сбрую, но на собраніе и сохраненіе драгоцѣннѣйшихъ (...) памятниковъ”³³⁴. Сегодня оказывается, что благодаря стараниям этих людей во многом воплощаются пожелания П. М. Строева, призывавшего, чтобы драгоценности, ими собранные „были упрочены навсегда въ ихъ цѣлости и тѣмъ свободнымъ доступомъ для ученыхъ обрабатывателей какъ онѣ донинѣ находились”³³⁵.

Примечательно, но вполне ожидаемо присутствие книг **права писаного** в частных библиотеках исследователей Статута: профессора И. Н. Даниловича (№№ 4 и 41), основателей Виленского Белорусского музея Ивана и Антона Луцкевичей³³⁶ (№ 41), провинциального мстиславского учителя Виктора Прахова (№ 52). В длительном „временном пользовании” находились экземпляры кодекса у польских правоведов Т. Чацкого (№ 61) и С. Линде (№ 3), первооткрывателей проблематики ЛС – известного украинского юриста А. Ф. Кистяковского³³⁷ (№№ 19 и 40) и постоянно упоминаемого нами И. И. Лаппо (№ 66).

Если начало „статутоведения” базируется на исследовательском внимании к экземплярам частных книжных коллекций, то следующий период – развития научного интереса к кодексу уже (!) как к памятнику старого права – приходится на время концентрации наиболее ценных книжных фондов в государственных библиотеках различных ведомств.

³³⁴ М. Погодинъ, *Обзоръ новыхъ книгъ. Рукописи Славянскія и Россійскія ... разобраны и описаны Павломъ Строевымъ*, „Москвитянинъ” 1849, ч. II, № 2, отд. IV, с. 64.

³³⁵ П. Строевъ, *Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хранящихся въ Библіотекѣ ... графа Федора Андреевича Толстова*, с. XXIV.

³³⁶ Луцкевич-младший, уже будучи директором Виленского белорусского историко-этнографического музея, посвятил ЛС следующие свои статьи: *Чатырохсотлецьце першага кодексу беларускага права (1529 - 1929)* и *Статут Вялікага княства Літоўскага на фоне эвалюцыі сацыяльных адносінаў у Беларусі* (см.: А. Луцкевіч, *Барацьба за вызваленне*, Вільня 2009, с. 382-384; 391-396).

³³⁷ В одной из главных своих работ ученый рассматривает источники, из которых составлен Статут 1588 года, и приводит сведения о 18 исследованных им рукописях с переводами кодекса (см.: А. Ф. Кистяковскій, *Права, по которымъ судится малороссійскій народъ*, с. 32-54).

Главными книгохранилищами Статутов во второй половине XIX века – начале XX ст. становятся библиотеки учебных заведений, учреждений культуры и научных обществ. Первопечатные кодексы числятся в фондах библиотек университетов: Варшавского (№ 4), Львовского (№ 7), Новороссийского (№ 24), Харьковского (№ 36), Литовского им. Витовта Великого (Каунас) (№ 39), Виленского (№ 42), Киевского (№ 61); в библиотеках частной киевской школы – „Коллегии Павла Галагана” (№ 34) и Рязанской семинарии (№ 37). Местом же наибольшего сосредоточения экземпляров кодекса была Императорская публичная библиотека (№№ 14, 15, 16, 55, 56, 57, 58). Статуты значились также в фондах Библиотеки императорской Академии Наук (№№ 17 и 59), библиотек: Виленской публичной (№№ 2 и 64), Синодальной (№№ 32 и 54), Киевской публичной (№ 35), Эрмитажной иностранной (№ 57), Кенигсбергской городской (№ 5), Московского Румянцевского музея (№№ 11, 12, 22, 49). „Свои” экземпляры кодексов имелись в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете (№ 31); львовских Обществах „Студион” (№ 20) и „Народный дом” (№№ 22 и 64), а также в Церковном музее (№№ 21 и 22); Литовском научном обществе (№ 42) и виленских Музее древностей (№ 64), Обществе друзей науки (№ 42), Музее науки и искусства (№ 42); Белорусском научном обществе (№ 41); Московском Архиве Министерства иностранных дел (№ 53); Тверской губернской ученой архивной комиссии (№ 60).

А вот в книжных собраниях ведомств, связанных с юриспруденцией, ни один из сохранившихся Статутов не значился. Знаем лишь, что экземпляр № 31 высылался в Петербург для нужд Комиссии для исправления ошибок в сенатском издании ЛС 1811 года, а экземпляры №№ 4, 41 и 51 могли использоваться Комитетом для сличения русского перевода кодекса с оригиналом по старым изданиям и спискам.

Многие из книг, представленных в нашем перечне, уцелели, пройдя через драматические события, будучи их свидетелями и даже участниками. Экземпляры первопечатного кодекса страдали от рук „плутяг” (№ 40) и злоумышленников (как ЛС, пропавший из Книжной Палаты Литвы); становились предметом продажи, чтобы владелец спасся от голодной смерти (№ 38); оставлялись в брошенных квартирах, хозяева которых были отправлены в Германию (№ 42) или заключены в гетто (№ 45); вывозились как военные трофеи; скитались на чужбине – даже за океаном (как № 38), конфисковались при пробе нелегального провоза через границу (№ 43) и благополучно миновали пограничный контроль (№ 41); обменивались на другие ценные книги (№ 65) и покупались на аукционе за деньги, собранные „миром” (№ 37)... И это лишь малая толика перипетий насыщенных „биографий” Статутов, немного, что было зафиксировано в той или иной форме

дошедших до нас сведений. Первопечатные кодексы еще раскроют не один свой секрет.

Несмотря на старания представить все известные на сегодняшний день „русские” экземпляры кодекса печати Мамоничей, автор не только отдает себе отчет в том, что перечень не является исчерпывающим, но и надеется на скорейшие коррективы, конечно же, в сторону пополнения списка. Библиографическая литература XIX века, а также довоенные источники называли не меньше двух десятков экземпляров книги, о местонахождении которых сегодня ничего не известно.

Такой, напр., оказалась судьба книг, упомянутых в работах первых исследователей кодекса: экземпляров из Арсенальной библиотеки в Париже, из книжной коллекции графа А. Ходкевича, библиотеки Ковенского училища; ЛС, зафиксированных предвоенными библиографами: экземпляра из минского собрания Генрика Татура³³⁸; кодексов, хранившихся в Сенатском архиве, Библиотеке Петроградской духовной Академии и др. Неведома также судьба нескольких Статутов, утраченных в последние десятилетия: экземпляров из частной библиотеки Э. Лауцявичюса³³⁹ и вильнюсской Книжной Палаты (шифр KR 9224) (еще в 60-е годы эту книгу исследовал Э. Лауцявичюс³⁴⁰).

И хочется верить, что не все пропавшие Статувы постигла участь экземпляров из библиотеки ординации Красиньских (sign. 1275 и 1276), погибших в варшавском пожаре во время Второй Мировой войны³⁴¹. Ведь книги, как и рукописи не горят...

³³⁸ См.: З. І. Даўгяла, *Матар’ялы аб музэі Г. Х. Татура ў Менску*, [в:] „Запіскі Аддзелу гуманітарных навук Беларускай Акадэміі Навук”, кн. 8: „Працы класы гісторыі”, т. III, Мінск 1929, с. 554.

³³⁹ См.: V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidimai*, s. 153.

³⁴⁰ См.: Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве в XVI-XVIII вв.*, с. 154-155.

³⁴¹ В 1940 году в здании Библиотеки на варшавской ул. Окульник по распоряжению оккупационных властей были собраны – наряду с книжными сокровищами Красиньских – почти все сумелы столичных библиотек (см.: H. Tchórzewska-Kabata, *Wprowadzenie*, „Rocznik Biblioteki Narodowej”, XXXVI, Warszawa 2004, s. 6). Чтобы максимально обезопасить раритеты, наиболее ценные позиции сносили в подвал и укладывали очень плотно под самый потолок – для ограничения доступа воздуха при возможном пожаре. Эта мера безопасности до поры и времени себя оправдывала – здание горело после падения бомб, но подвалы не пострадали. А в октябре 1944 года на Окульнике появились солдаты Brandkommando SS. Отделением поджигателей в подвале были сделаны проходы-каналы, потом гигантские массы старой бумаги и пергамента долго пропитывались воспламеняющими средствами и, наконец, были подожжены. Книги и рукописи сопротивлялись огню несколько дней и даже когда все истлело, сохраняли очертания, форму, вот только рассыпались в прах при легком прикосновении (см.: W. Kalicki, *Książ starych duchy srebrnoszare*, „Magazyn” nr 3, dodatek do „Gazety Wyborczej” nr 18, 22/01/1999, s. 12).

V. ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ 1588 ГОДА НА ПУТИ ОТ ПЕРВОПЕЧАТНОЙ РЕДАКЦИИ К ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

За почти четырехста тридцать лет своего существования – сначала как свод действующих законодательных актов, а позже как памятник письменности „общевропейского значения”¹ – Литовский Статут 1588 года переиздавался свыше полутора десятка раз; представлял в переводе на польский, русский, белорусский, украинский языки; был предметом старательного изучения как государственных комиссий², так и отдельных исследователей. Из всего многообразия печатных „обличий” ЛС наше внимание привлекут лишь те, в которых текст кодекса воспроизведен в оригинальной – „рускомовной” – версии. Таковых на сегодняшний день насчитывается десять: это три издания печати Мамоничей, шесть научных публикаций XIX–XXI веков и электронная интернетная версия 2002–2003 гг.

Издания Статута, вышедшие из **друкарни дому Мамоничевъ**, как мы старались показать, разделяет всего двенадцать лет, но даже этого времени оказывается достаточно, чтобы продукты „друкарской” деятельности 1588 и 1600 гг. разошлись между собой не только по ряду типографских характеристик, но и отразили зачатки метаморфоз, наметившихся тогда если не в языковой, то в графической манере воспроизведения „рускомовного” текста.

¹ См.: В. Ластоўскі, *Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі*, с. 13.

² Наибольшей активностью в разработке Статута и/или адаптировании его положений применительно к новому законодательству отличались три Комиссии: первая из них (1728–1743), действовавшая при правителе Малороссии, ставила целью составление проекта „Права, по которым судится малороссийский народ”; вторая (1822–1823), будучи созданной при этико-политическом факультете Виленского университета, занималась подготовкой нового издания ЛС; третья, образованная при II-м Отделении Императорской канцелярии, в 30-е гг. XIX в. составляла „Свод законов Западных губерний” (см.: Е. И. Дракохруст, *Уваровский список Литовского Статута 1588 года в собрании Государственного Исторического музея*, [в:] *Ежегодник ГИМ за 1963–1964 годы*, Москва 1966, с. 119–121; И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 475–483; А. Э. Нольде, *Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанскомъ*, вып. 1: *Попытка кодификации литовско-польского права*, Санкт-Петербург 1906).

Рассмотрение же позднейших „явлений” кодекса миру – уже как образца старопечати и объекта научных исследований – дает возможность проследить эволюцию произошедших за последних полтора столетия взглядов на правила публикации письменных свидетельств старины.

При представлении „обличий” литовского свода законов будем кратко останавливаться на истории создания, общей характеристике и оценке каждого из изданий кодекса.

V.1. Первое старопечатное издание

На подготовку к печати и сам выпуск Литовского Статута виленской „друкарне” **дому Мамоничовъ** был отведен неполный год: с января – даты утверждения кодекса королем – по декабрь 1588 г. Книга должна была оказаться в судах ВКЛ до 6 января 1589 г., когда положения Статута вступали в законную силу. Спешка в работе, однако, никак не могла обернуться небрежностью в наборе и наличием типографских погрешностей.

Стремление виленских братьев продемонстрировать максимум возможностей своей „друкарни” дало отменные результаты: из-под прессов вышло издание, которое „внѣ всякаго сомнѣнія, должно быть признано однимъ изъ наиболѣе выдающихся произведений русской старопечати Великаго Княжества Литовскаго”³. Для гравюр и заставок в основном использовались новые доски, специально по этому случаю изготовленные. Текст кодекса набран очень старательно, характеризуется ровными строками с отчетливым словоразделом. Опечатки встречаются сравнительно нечасто⁴ – их общее количество, по нашим подсчетам, немногим превышает три с половиной сотни⁵,

³ И. И. Лаппо, указ. соч., с. 394.

⁴ В числе таковых не значатся примеры, которые, отходя от преобладающего варианта узусной нормы, отражают следы актуальных фонетических процессов, напр., перехода *’а* в *е*: ***Ѡприсегнѣти**^[21] // ***Ѡприсагнѣти**^[28] (знак „звездочка” в среднем индексе подразумевает сведение в совокупность всех однокорневых употреблений), ***поприсегнѣти**^[12] // ***поприсагнѣти**^[17], ***присегнѣти**^[73] // ***присагнѣти**^[62]; ***ходечи**^[14] // ***ходачи**^[5]; **челѣдь**^[21] // **челадь**^[53]; отвердения *р*: ***врадѣ**^[68] // ***врадѣ**^[1434], **дворанинѣ**^[3] // **дворанинѣ**^[3], **гѣдра**^[75] – **рѣдра**^[17], ***материсты**^[118] // ***матерысты**^[20], **товаришѣ**^[4] // ***товаришѣ**^[2]; перехода *е* в *о* (*ѡ*) после шипящих, *ц* и *р*: **жона**^[120] // **жена**^[3] (в ед. ч.), **нашедшы**^[3] // ***нашодши**^[3], **чоловекѣ**^[109] // **человекѣ**^[15], **лицѣ**^[118] // **лицѣ**^[15], **местѣцѣ**^[9] // **местѣцѣ**^[41], **трохѣ**^[8] // **трехѣ**^[33], **подо’зренѣ**^[39] // **подо’зронѣ**^[2]; аканья: **даростѣ**, **пасаенецѣ**, **разѣметѣ**^[2], **старона**, **таго** (а также проявления гипераканья **корати**, **назочоны**, ***токовы**^[5], ***шпелевати**, ***шренда**, ***полацѣ**) и проч.

⁵ Это, напр.: **Великое кня’ство** вместо **Великое кня’ство** (I-3), ***Ѡкривъжоны** – ***Ѡкривъжоны**[’] (I-9), **дѣѣ бы** – **гѣѣ бы** (I-10), **[в]радѣ** ... **заедають** – **заседають** (I-10), **гѣдгъски**[’] – **гѣдръски**[’] (I-13), ***Ѡкривды** – **ѡкривды** (I-14), **подаванѣ** [нашого] – **подаванѣ**[’] (I-20), **[местѣцѣ]** **ѣ** **которы**[’] [спорѣ идѣтъ] – **ѡ** **которѣ** (I-20), **листвѣ** **бѣдѣтъ** – **листвѣ** **бѣдѣтъ** (I-23), **[тогды]** **во**[’] **все** – **во** **все** (I-24), **кѣторомѣ**[’] – **которомѣ**[’] (I-24), **в** **небытностѣ** – **в** **небытностѣ** (I-24),

но и эту величину следует считать относительной, заслуживающей уменьшения почти на четверть. Дело в том, что по своему составу ЛС-1 отличается от всех позднейших перепечаток наличием списка **шмылокъ** – типографских промахов – с указанием на необходимость надлежащей поправки:

	Помылки	Роздѣлъ I	Поправы
Артыкуль 3	кромъ сѣдѣ нашего,	чти,	и розъсѣдѣ нашо(го)
Артыкуль 14	и шбраженъе,	чти,	ш шбраженъе
Артыкуль 14	в доходы,	чти,	ш доходы и пожитки
Артыкуль 23	двацѣтъ рѣблѣ гро(ше)	чти,	дванацѣтъ рѣблѣ гро(ше)
Артыкуль 24	естли,	або чти,	ести примѣснѣ

и т.д. – всего 73 позиции.

При работе над кодексом-первенцем типографам нередко случалось ошибаться в нумерации страниц: вместо 97 – „81”, 155 – „143”, 274 – „74”, 324 – „24”, 412 – „406”, 413 – „407”, 431 – „1, 30, 400”, 510 – „10, 500”, 511 – „500, 10, 1”, 515 – „514”, 553 – „523” и однажды сбиться в колонтитуле: с. 308, раздел 7 – напечатано **шостѣи**.

Главной особенностью 1-го издания ЛС [репр. 76] является наличие вариантов набора, что прослеживается не только в оформлении книги – на материале подменных графических элементов (заставок, концовок и гравюр)⁶, но и в содержании: экземпляр кодекса из библиотеки графа Суходольского, представляющий собой первую издательскую версию, показывает, что позже Мамоничи несколько изменили текст церемониальной части свода законов⁷.

Язык Статута 1588 года издания характеризуется высокой степенью „чистоты” – соответствия условным нормам (прежде всего речь идет о графико-фонетических параметрах). Упорядоченность и организованность „мовы” кодекса – помимо всего прочего призванной задавать тон всей системе канцелярского письма – была следствием многолетней и всесторонней отработки текста, выносимого на обсуждение **люде мѣдрыхъ, а въ правахъ бѣглыхъ**, а также редакционной деятельности канцелярии ВКЛ. Во многом именно поэтому поливариантность, характеризующая почти

крававы^х – крававы^х (I-24), везе^ннѣ – везе^ннѣ (I-26), досмотрати – досмотрети (I-29), въ именахъ – въ именинахъ (I-29), [которые] ... бѣдѣть – бѣдѣтъ (I-31), [перве] была ... [шпи-сано] – было (I-32), беспечнос^т – беспечнос^т (I-33), сажатокъ – сажавокъ (I-35), юко – іако (II-1), [мае^ть бытъ] ... каранѣ – каранѣ (II-6), потве^рженнымъ [нашимъ] – потве^рженемъ (III-5), до^нинъшихъ [становъ] – до инъшихъ (III-6), [зъ инъшихъ] паньствахъ – паньсте^т (III-12), замла^х – земла^х (III-12), іако – іако (III-23), шчевиссте – шчевиссте (III-27), мають ... [платигги] – мае^ть (III-27), замъко^в за^мко^в – замъко^в (III-29), ѿдно – ѿдно (III-32), пехочетъ – похочетъ (III-32), кокторымъ – котгорымъ (III-36), трава – с права (III-37) и проч.

⁶ См. с. 131-132 настоящей монографии.

⁷ См. с. 116.

каждую графическую, фонетическую и грамматическую форму „мовы” ЛС, предстает регламентированной, подчиненной действию правил, отклонения от которых чаще всего чем-то обоснованы⁸. Ниже, в Приложении I, с опорой на общую языковую картину ЛС-1, воспроизведенную нами в монографии *Язык Литовского Статута 1588 года*⁹, постараемся взглянуть на старопечатные издания кодекса через призму сравнительно-статистических показателей, которые и позволят выявить еще не бросающиеся в глаза, но все же уже заметные – симптоматичные – различия в отдельных языковых характеристиках книг, увидевших свет соответственно в 1588-м и 1600-м гг.

Сейчас отметим лишь, что ЛС-1 – по сравнению с позднейшими переизданиями – гораздо чаще прибегает к приметам церковнославянской и древнерусской графики – использованию надстрочных знаков: паерка, точки, иссо и псилии¹⁰. При этом паерок, выступающий в кодексе главным образом как графический символ сокращения (он заменяет **ѣ** или **ѥ**), является одним из главных идентификаторов, определяющих принадлежность кодекса к 1-му и 2-му изданиям. Каждая из 488 статей свода законов предваряется здесь словом **ѡрѣтъкъѡлѣ** с еровым написанием начального слога, тогда как в перепечатке 1600 г. фиксируется **ѡртыкъѡлѣ**.

V.2. Второе старопечатное издание

Убедившись в большом спросе на кодекс – с ведома Льва Сапеги или на свой страх и риск – Мамоничи повторяют издание Статута уже в 1591 г. Перепечатка делается „по образцу и подобию” ЛС-1 с намерением сохранить как можно большую верность оригиналу. Проба, безусловно, удалась: то небольшое, что наглядно указывает на принадлежность книги ко 2-му изданию – это: досадная ошибка в фамилии владельцев „друкарни” на титульном листе: **Дрѣковано в домѣ Маничовѣ**; иные наборные украшения и ксилографические концовки; да другая версия королевского портрета, опробованная, правда, в первопечатном кодексе, но не получившая утверждения.

Замеченные исследователями различия в экземплярах ЛС-2 стали причиной затруднений в хронологизации выхода книги в свет и родили гипотезы о вариантном наборе¹¹. На деле же оказалось, что ученые „попались в ловушку”, выставленную в свое время самими Мамоничами. В части тиража 2-го издания вновь отпечатанные листы были смешаны с продукцией 1588 года.

⁸ См.: В. Мякишев, *Норма в „русской мове” на материале „Литовского Статута” 1588 года*, [в:] *Матеріали VI Міжнародного конгресу україністів. Мовознавство*, кн. 5, Київ-Донецьк 2007, с. 315-328.

⁹ В. Мякишев, *Язык Литовского Статута 1588 года*, Kraków 2008.

¹⁰ Подробнее см. с. 345, 348-349.

¹¹ См.: V. Raudėiūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidimai...*, s. 119-156.

Предпринятые меры осторожности свидетельствуют о желании хозяев „друкарни” замаскировать второе издание под первое. Использование полной мощи типографских ресурсов повышало риск обнаружения подделки, поэтому тираж перепечатки, по-видимому, не был максимальным. Не случайно экземпляров ЛС-2 сохранилось доныне немного – всего десять.

Будучи умелой копией первопечатного образца, кодекс 1591 г. сохраняет почти все типографские достоинства книги-предшественницы. Однако второе издание отнюдь не является самым „грамотным”: здесь фиксируется чуть большее число ошибок, чем в ЛС-1¹² – и это несмотря на то, что типографы устранили почти все опечатки, обозначенные в 1588 г. в списке *оумылокъ*. Меньше погрешностей имеется только в нумерации страниц и колон-титулах: на с. 97 ошибочно проставлена цифра „81”, 195 – „197”, 324 – „24”, 412 – „406”, 413 – „407”, 515 – „514”; на с. 490 двенадцатый раздел обозначен как *оудинадъцатѣи*.

Старательность в следовании оригиналу сказалась и в идентичности языковых характеристик, разве что по частоте употребления надстрочных знаков 2-е издание заметно уступает 1-му [см. репр. 77].

V.3. Третье старопечатное издание

В 1600 году Мамоничи повторяют попытку перепечатать книгу, а в качестве образца им служит экземпляр „смешанного” ЛС-2. На сей раз копия получилась намного хуже. Набор сделан в спешке, нередко случаи „выскакивания” литер из строки, менее отчетливым выглядит слововедение, печать не характеризуется прежней старательностью. Словом, книга рубежа веков как типографский продукт оказывается самой небрежной из всех изданий кодекса.

Мастера Мамоничей частично видоизменили – опилили – гравюрные доски с гербом Погони и вставным портретом короля, использовали не-

¹² Среди опечаток, напр., фигурируют: *Велое князство* вместо *Великое князство* (I-3), *котрые* – *которые* (I-3), *маестану* – *маестату* (I-4), *карсьнемъ* – *караньемъ* (I-4), *[естан]* *бѹдѣть* [не *ведали*] – *бѹдѣтъ* (I-6), *хотекъ* – *хотелъ* (I-6), *ѡ теде* – *ѡ дете* (I-7), *ѡмоцова* *ног* – *ѡмоцованаго* (I-8), *перд* [заказомъ] – *передъ* (I-10), *фаѡшова* *ль* – *фаѡшова* *ль* (I-17), *ѡ того* – *о того* (I-24), *стату* – *статутъ* (I-25), *ѡповдникъ* – *ѡповедникъ* (I-26), *мастечка* *х* – *местечка* *х* (I-29), *мееть* – *маеть* (I-33), *великокому* – *великому* (II-1), *свохъ* – *своихъ* (II-16), *на на рокъ* – *на рокъ* (II-18), *достатавало* – *доставало* (II-19), *такъ* – *тамъ* (II-27), *машкаючи* – *мешкаючи* (III-3), *кокоторые* – *которые* (III-3), *ани прозбою* – *ани прозбою* (III-3), *справеаности* – *справедливости* (III-6), *згоднымъ* – *згоднымъ* (III-7), *а ести бы* – *а естан бы* (III-21), *недень* – *недель* (III-27), *ѡчинти* – *ѡчинти* (III-28), *припозва* – *припозванъ* (III-29), *зъ с того имениа* – *зъ того имениа* (III-21), *вѣдѣлаѡтъ* – *водѣлаѡтъ* (III-32), *ѡповеданья* – *ѡповеданья* (III-32), *кгаѡцы* – *кгаѡны* (III-36), *кѹмѹ* – *комѹ* (III-44) и проч.

сколько новых клише для концовок с „жгутовым” орнаментом, однако в целом „украшающие” ЛС-3 элементы – заставки и инициалы – печатались с использованием старого материала. На его технический износ указывает нечеткость рисунков, скосы углов, на гравюрах видны трещины – отражение дефектов разошедшихся деревянных форм.

По числу допущенных ошибок в наборе текста ЛС-3 [репр. 78] удерживает незавидное первенство – нам удалось обнаружить их около 750. Создается впечатление, что наборщики слепо копировали воспроизводимый образец, не вдумываясь в содержание текста – многие опечатки 2-го „смешанного” издания механически перенесены в ЛС-3¹³, однако больше погрешностей допущено все-таки по собственной „воле” типографов, взявшихся повторить изготовление книжного дубликата¹⁴.

Многочисленно представлены здесь также оплошности в нумерации страниц и обозначении колонтитулов: вместо 295 – „95”, 297 – „299”, 298 – „296”, 332 – „330”, 353 – „341”, 362 – „350”, 383 – „300, 80, 90”, 399 – „390”, 412 – „406”, 413 – „407”, 423 – „425”; с. 270, раздел 5 – напечатано **ЧЕТВЕРТЫ**; раздел шестой – **ПАТЫ**, с. 484, раздел 11 – **ДВАНДЪЦАТЫ**; с. 490, раздел 12 – **ВДИНАДЪЦАТЫ**; с. 511, раздел 13 – **ДВАНДЪЦАТЫ**.

¹³ В жадною [лимитацию] вместо жадную (I-4), зостати – зоставати (I-6), кѹ звезде – кѹ звезде (I-9), ѡ кривды – ѡ кривды (I-14), за тѣю [апелациею] – за тою (I-15), [перве] была ... [описано] – было (I-32), таковы – таковые (II-11), и емѹ ѡповѣдати – емѹ ѡповѣдати (II-12), вси спольне – вси и спольне (III-3), намовляти становити – намовляти и становити (III-6), арѣтыкѹль 14 – арѣтыкѹль 12 (III-12), и подѣданыхъ – и с подѣданыхъ (III-32), розѣмело – розѣмела (III-32), давности земскаа – давность земскаа (III-45), знашли застааи – знашли и застааи (IV-1), приатеа – неприатеа (IV-1), Жомотски – Жомотски (IV-8), шкрѹтѹнни – шкрѹтѹнни (IV-9), того вриадѹ – с того вриадѹ (IV-12), воеводе старостове – воеводове и старостове (IV-13), вижового – вижованого (IV-15), поэыватисе – поэвы поэыватисе (IV-17), поменены – поменены (IV-19), пришло бѣ – пришло бы (IV-21), а нѣж се ѡнѣ – ажѣ се ѡнѣ (IV-26) и проч.

¹⁴ Напр.: насонецъ вместо наконецъ (I-2), ѡселога – по ѡселога (I-9), такн – такежѣ (I-10), ѡтосаалъ – ѡтосаанъ (I-10), заказомъ – за заказомъ (I-10), при костаехъ – при костаехъ (I-12), не поживаючи – не поважаючи (I-14), подкоморскихъ – подкоморихъ (I-14), вызывааь – вызвааь (I-14), нно таковыхъ – нно в таковыхъ (I-15), бѣдѣт – бѹдѣт (I-20), волности – волости (I-20), водаѣль – водаѣль (I-24), фолгки – фолгки (I-24), ѣчинити – ѣчинити (I-24), [дла затрѣдненьа] правъ – справъ (I-28), [мыгто] ... новые – новое (I-29), [паномъ] ... светѣскихъ – светѣскимъ (I-30), [живности] ... зосталоа – зосталые (I-31), зв дворовъ – з дворовъ (I-35), призволенъемъ – сѣ призволенъемъ (II-1), ѡпѣщати – ѡпѣщати (II-3), ѡеложное [хоровы] – ѡеложное (II-5), рѣдръ – гѣдръ (II-6), хорожомѹ – хорѹжомѹ (II-6), не поспешн^а ли се – не поспешна се (II-13), поставн^а – постановн^а (II-13), ставнити – ставити (II-22), ѣ писованье – ѣ пицованье (II-23), держовы – державы (II-24), властими – властными (II-24), зоставити – зоставати (II-24), быхто – быхмо (II-24), тяненью – тягненью (II-25) и проч.

3-е издание характеризуется ослабленным вниманием к соблюдению правил письменной „русской мовы”. Это находит отражение в примерах участвовавших смешений $\epsilon - \epsilon$, $\epsilon - \epsilon/\text{э}$, $\text{ѡ} - \text{ѡ}$, $\text{ѣ} - \text{ѣ}$; не столь последовательно и предсказуемо фиксируются рефлексы актуальных фонетических процессов; по сравнению с предшествующими изданиями кодекса чуть менее унифицированными предстают системы изменений грамматических форм. В целом удельный вес отклонений от узусных норм, выявляемый в тексте Статута рубежа веков, заметно превышает аналогичные показатели ЛС-1 и ЛС-2¹⁵.

Надстрочные знаки в тексте кодекса 3-й редакции – за исключением относительно редкого паерика – почти не употребляются.

V.4. Статут в адаптированных „обличьях” XVII-XIX вв.

Отстаивая интересы „обывателей” ВКЛ, ЛС оберегал и такое проявление великокняжеской самобытности, как „руская мова”. Будучи написанным не *вѣчыиъ таковыиъ языкомъ*, а *евоиъ власныиъ*, кодекс должен был закрепить монополию „мовы” в административной сфере: *Ѧ писарь земьски маеть по рѣскѣ литериамъ и словы рѣскими вси листы, выписы и позвы писати, а не ишимъ языкомъ и словы*¹⁶. Это законоположение, казалось бы, исключало возможность повторения польского опыта – ведения делопроизводства на чужом языке. В правовом обиходе ВКЛ прежде отмечались попытки использования латыни, но они были настолько робки, что оставили следы лишь в отдельных документах¹⁷: латинский язык в местных судах не имел малейших шансов на утверждение. Однако в Литве, объединенной с Короной в рамках Речи Посполитой, в конкуренцию с „мовой” вступал куда более сильный соперник – язык польский, близкий и понятный местному образованному населению, поддерживаемый растущей полонизацией шляхты. Наглядные свидетельства польской языковой экспансии содержат актовые книги великокняжеских гродских и земских судов: с начала XVII века здесь все чаще и чаще фиксируются польскоязычные вкрапления. В условиях, когда „станы” ВКЛ предпочитали говорить по-польски, особенно значимой становилась роль кодекса, воспринимаемого как „некий оазис языковой «белорусскости»”¹⁸.

Однако ни власть закона, признающего единоправие „мовы” в делопроизводстве, ни сила примера предлагаемой Статутом разновидность ад-

¹⁵ См. с. 348-352 настоящей монографии.

¹⁶ См. текст первой статьи четвертого раздела ЛС.

¹⁷ Ю. Бардах, *Литовские Статуты – памятники права...*, с. 78.

¹⁸ Ю. А. Лабынцев, „Статут Великого княжества Литовского” 1588 года..., с. 76.

министративного языка – более четкой и системной, чем в документах низших судебных инстанций¹⁹, не смогли удержать позиций „русской мовы”, обреченной в XVII веке на постепенное выгасание. Это и предопределило неординарность судьбы самого кодекса, представляющего „поразительный и единственный въ своемъ родѣ примѣръ того, какъ съ теченіемъ времени былъ забытъ первоначальный текстъ закона, опубликованный въ качествѣ официального, и незамѣтно замѣнился переводомъ”²⁰.

Согласно королевской привилегии – с учетом сложившейся тогда ситуации – составители Статута уже в момент вступления его положений в силу должны были **письмомъ польскимъ и рѣскимъ (кодекс) дрѣковати и в поветы розослати ... ижѣ бы тымъ рыхлѣ всимъ кѣ ведомости и ѡживанью прѣйти могѣ**²¹.

Первые исследователи ЛС мало сомневались в том, что польскоязычное издание свода законов увидело свет в XVI веке – одновременно с „русским”, несколько его опережая или же ему следуя. Как уже отмечалось, такой экземпляр польского „параллельного” текста безуспешно искал С. Линде, а Т. Чацкий а priori полагал, что в этом не обнаруженном еще раннем издании кодекс „przez Lwa Sapiehę na polski język (został) przetłómaczony”²². Опровержения подобного мнения, как покажут открытые позже документы, содержатся в переписке самого Сапеги. Незадолго до выхода „русского” Статута из печати вице-канцлер совершенно определенно заявляет, что польскоязычный текст не мог оказаться в типографии, а лишь готовился к переводу: „statut nowy ... chciałbym ... po polsku wydać, ale kiedybym miał de verbo ad verbum go przełożyć wedle ruskich słów i sentencyj, bardzo by było nie grzecznie, a inaczej nie śmiem, to jest, żebych słów ani sentencyj nie obserwował, jeno sensu”²³.

Скорее всего, прав Ст. Пташицкий, утверждавший, что „Statut był złożony królowi do potwierdzenia w rękopisach polskim (primo loco) i ruskim, i król zalecił wydrukować w obydwóch językach”²⁴. Но Лев Сапега не спешил выполнить королевскую волю: как мы помним, первое польское издание кодекса выходит лишь в 1614 году. Леон Мамонич в *Посвящении* канцлеру „своей” книги превозносит благонамеренную инициативу Сапеги, повелевшего выпустить польский перевод свода законов: „gdy bowiem one Ruskie [...] Statutow W. X. Lith. drukowane exemplarze dawno już są między ludzie ro-

¹⁹ См.: В. Мяскишев, „Русская мова” Литовского Статута 1588 года и виленских актовых книг конца XVI века, „Studia Russica”, XVII, Budapest 1999, s. 58-64.

²⁰ А. Э. Нольде, *Очерки о истории кодификации...*, с. 83.

²¹ ЛС, Привилегия Сигизмунда III.

²² *Dzieła Tadeusza Czackiego*, Poznań 1844, t. I, s. 67.

²³ См.: *Scriptores Rerum Polonicarum*, vol. VIII, p. 195.

²⁴ S. Ptaszycki, *Nieco o Trzecim Statucie Litewskim...*, s. 299.

zebrane a tych nowo sporządzonych długoby było czekać, a to y w tym potrzebie pospolitey y żądzы obywatelow W. X. Lith. W. M. moy M. pan chętnie dogodzi-cięs raczył [...] żes znowu dla tych, ktorzy albo Ruskiego ięzyka czytać nievmie-ią albo Polskim częściey narabiaią, też Statuta, przed tym po Rusku drukowane, teraz po Polsku mnie drukować raczyłeś roskazać”²⁵.

Перевод этот не был совершенным, нес настолько сильное влияние оригинала, что был понятен и поляку, и тѣбыльцу. В обращении к читателю младший Мамонич ссыался на трудности перевода²⁶ и просил „aby tę moię uprzejmą y życzliwą pracę każdy przyiąć wdzięcznie na ten czas raczył, obiecuiąc się napotym chcieć wydaiąc czasu swego poprawić”²⁷. Но какие бы недоработки не таил в себе польский текст кодекса, его появление закрыло старопечатную „рускомовную” страницу биографии ЛС. А вот польских переизданий, как мы уже говорили, долго ждать не пришлось. Вплоть до начала XIX века они следовали одно за другим²⁸.

Вместе с тем неправильным было бы считать, что „рускомовный” ЛС в реакции на происходившие в ВКЛ перемены так однозначно и легко уступил место польскоязычному. Наряду со своими печатными версиями кодекс практически изначально функционировал также в рукописных копиях-переводах. Как представляется, именно эти многочисленные переложения более наглядно отражают сложную и динамично сменявшуюся языковую ситуацию Великого княжества и „русских” земель Речи Посполитой.

Сколько бы раз Статут не издавался, книга кодекса все равно оставалась востребованной и, конечно же, очень дорогой по цене. Людям не слишком большого достатка покупка продукции „друкарен” была не по средствам. Так, в середине XVII века *Острожская Библия* оценивалась в 10 злотых²⁹. Между тем за четверть года пребывания в роте „людей служебных” обычной платой были шесть золотых, и за полугодичный заработок можно было купить лошадь, вола³⁰ или ... книгу.

²⁵ *Statut Wielkiego Księstwa Litewskiego*, w Wilnie, u Leona Mamonicza Typographa Krola J. M. Roku 1614.

²⁶ „Podobno czytaiąc ten Statut, łaskawy Czytelniku, na niektórych mieyscach to przełożenie z Ruskiego ... na rzecz Polską niewszytko podoba a, iako mniemam, na wielu mieyscach Polszczyzna niegładka iako smakować, tak i podobać nie będzie: indziej też y trudne słowa mniej Polskie: y wątpliwy sens zdaćci się będzie, lecz niech cię to nieobrusza, gdyż w tym przekładaniu tego Statutu nie tak skąpość słow Polskich nam zagradzała, iako raczey tym się to działo, że z Ruskiego na polskie chcąc słowo do słowa przełożyć, nic się tu na słowa nowe wydmorey y gorney polszczyzny nie zbieraiąc, prostym a pospolitym używaniem mowy polskiej folgując wykładowi szczeremu y przetłumaczeniu prawdziwemu do używania ludzkiego podało”.

²⁷ *Przedmowa do łaskawego Czytelnika*.

²⁸ См. ссылку 101 в первом разделе монографии.

²⁹ *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. IX, с. 483.

³⁰ См.: И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 405-406.

Недоступность печатных экземпляров ЛС – вследствие дороговизны либо быстрой распродажи тиража – должна была восполняться изготовлением рукописных копий. Установлением их хотя бы приблизительного количества, насколько мне известно, никто специально не занимался, однако в научной литературе отдельные из этих списков неоднократно представлялись³¹. Со временем буквальное копирование „рускомовных” артикулов уступает место более творческой деятельности: переписчики адаптируют текст в языковом отношении. Таких переводов ЛС 3-й редакции сохранились многие десятки – на языки русский, западно-русский (в основном с украинскими чертами) и польский³². Представленная последовательность языковых версий кодекса отражает количество рукописей – от большего к меньшему³³.

При описании же хронологии переводов приходится называть языки в обратной очередности, начиная с польского. На две ранние польскоязычные рукописи указывал в свое время И. Н. Данилович³⁴, о третьей – конца XVI века – писал Ст. Пташицкий. Ученый-архивист даже полагал, что увиденный им в московской Типографской библиотеке список Статута (№ 4304) является первичным переводом, „который Сапѣгѣ не понравился, и онѣ велѣлъ замѣнить литературныя слова полонизированными русскими”³⁵.

³¹ См.: Г. Я. Галенчанка, *Списы Статутаў Вялікага княства Літоўскага...*, с. 527-528; И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 406-408, 468-470; I. Daniłowicz, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 162-168; А. Ф. Кистяковский, *Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ*, с. 35-49; Н. И. Петровъ, *Описание рукописныхъ собраний, находящихся въ городѣ Кіевѣ*, вып. III: *Библиотека Кіево-Софійскаго Собора*, т. I, Москва 1904, с. 78-79; И. И. Лаппо, *Литовскій Статутъ въ Московскомъ переводѣ-редакціи XVII столѣтія*, ЖМНП 1914, Февраль, с. 209-235; Л. Судавичене, *О Московскомъ переводе-редакціи Литовского Статута*, „Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai”, t. VII, Kalbotyra, 1963, с. 5-19; Е. И. Дракохруст, *Уваровский список Литовского Статута...*, с. 117-137.

³² В научной литературе есть также указание на немецкий перевод Статута, который хранился в библиотеке Дерптского университета, а был сделан в 1632 году для той части Лифляндской земли, которая принадлежала Великому княжеству (см.: I. Daniłowicz, *Historyczny rzut oka...*, s. 90-91).

³³ Показательными в этом отношении являются результаты поисков А. Ф. Кистяковского, в конце позапрошлого века отыскавшего на территориях Черниговской, Полтавской и Киевской губерний 18 рукописных кодексов 1588 года: лишь один из них списан „съ первоначальнаго Литовскаго Статута Мамоничевскаго изданія... Четыре ... по языку представляютъ какую-то смѣсь, во всякомъ случаѣ болѣе подходить къ типу переводовъ съ польскаго, чѣмъ передѣлокъ съ оригинальнаго... Всѣ же остальные списки писаны русскимъ языкомъ тождественной редакціи, хотя отличной отъ Статута, изданнаго въ 1811 году въ сенатской типографіи” (А. Ф. Кистяковский, *Права, по которымъ судится...*, с. 50-51).

³⁴ И. Даниловичъ, *Взглядъ на Литовское законодательство...*, с. 30.

³⁵ С. Л. Пташицкий, *Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута*, с. 17.

Небольшое количество польскоязычных рукописных кодексов рубежа столетий вполне объяснимо – с 1614 г. потребности общества отчасти удовлетворяет серийный выпуск печатных текстов Статута. Одну из самых ранних, в нашей оценке, проб польскоязычной адаптации ЛС 3-й редакции удалось обнаружить в Ягеллонской библиотеке: здесь в так называемых Берлинских фондах³⁶ хранится датированная 1595-м годом рукопись, в которой „рускомовный” текст свода законов передан в польской графике. Подробнее об этом экземпляре книги расскажем в Приложении 2 к данному разделу монографии.

Насущная нужда в восточнославянских переводных версиях кодекса появляется на землях ВКЛ позже – с уходом из обихода „русской мовы”. Оригинальный текст к концу XVII в. все больше осмысляется как устаревший, ведь „многие из обывателей уже не понимают старинного бѣлорусскаго языка”³⁷. Тогда-то и рождаются многочисленные рукописные переложения Статута. При этом переводы с украинскими языковыми характеристиками доминируют в XVII и первой половине XVIII столетий³⁸, позже – с 70-х годов XVIII века³⁹ – свод законов пытаются использовать в планах русификаторского освоения прежних великокняжеских и коронных территорий⁴⁰. Не случайно на корешках этих рукописей – стандартно переплетенных, но чаще всего (!) различающихся версиями перевода – встречаются тиснения „Статуты малороссійскія”, „Статутъ малороссійскій 3-го Департа-

³⁶ Часть уникального книжного и рукописного достояния Берлинской королевской библиотеки оказалось в Польше в силу хитросплетений Второй мировой войны: после начала бомбардировок Берлина фонды Прусской государственной библиотеки стали вывозиться для сохранения за пределы столицы и размещаться в замках и монастырях, в том числе Нижней Силезии, которая после войны по решению Постдамской конференции оказалась в границах Польши (подробнее о истории Берлинского собрания и спорах о правомочности удержания его в Кракове см.: В. М я к и ш е в, *Rossica в фондах Берлинской королевской библиотеки – история и нынешнее состояние собрания*, [в:] *Книжкові колекції, рідкісні видання та рукописи в сучасному науково-інформаційному просторі*, Одеса 2008, с. 97-107).

³⁷ А. Э. Нольде, *Очерки по истории кодификации местных гражданских законов...*, с. 77.

³⁸ На такие тексты указывает, напр., И. Н. Данилович: I. Daniłowicz, *Historyczny rzut oka...*, s. 90-91.

³⁹ Эта датировка подтверждается анализом водяных знаков бумаги в экземплярах рукописных переводов ЛС, напр., из фондов РНБ: 3478 F II-95, 3579 F II-187, 3628 F II-222; ЦНБ АН Украины: I. 7525, I. 7526, I 224/6037; Научной б-ки Львовского ун-та им. Ивана Франко; Зональной научной б-ки Воронежского университета: 9 Л 64.

⁴⁰ Самый ранний перевод Статута на русский язык – так называемый Московский перевод-редакция (РГБ, отдел рукописей собрания ОИДР, ф. 205, № 251) – относится к середине XVII века. Эта рукопись, предназначенная, по всей видимости, для кодификационных работ царского правительства, получила детальное рассмотрение в работе: И. И. Лаппо, *Литовский Статутъ въ Московскомъ переводѣ-редакціи...*

мента”, „Статутъ малороссійскій 2-го Департамента”, „Малоросійской штатѣтъ”⁴¹, а используемая здесь бумага изготовлена на ярославских мануфактурах, поставлявших свою продукцию для имперского делопроизводства. Рукописные переводы идут на убыль только после того, как в Петербурге в 1811 году выходит первое русскоязычное издание кодекса⁴².

На присоединенных к Российской империи юго-восточных территориях Речи Посполитой и землях ВКЛ первоначально продолжали действовать местные законы, таким образом, в гражданских делах Литовский Статут сохранял свою юридическую силу. Необходимость использования его в практике обернулась нуждой перевода на (велико)русский язык, что и было сделано с польского издания 1786 г. Впрочем, польскоязычный текст кодекса в вышедшем из Сенатской типографии двухтомнике также приводился – параллельно с русским.

С. Б. Линде назвал петербургское издание „замечательным”, высоко оценил работу его создателей, позаботившихся, „by dzieło tey wagi, z iak naytroskliwszą starannością było sobie samemu zwróconem, to iest sprawdzonem, udokładnionem i iak naydoskonalej wydanem”⁴³. Любопытно, что спустя несколько десятилетий историк В. Побуг Гурский при упоминании об этой книге напишет: „wypowiadam życzenie, aby i w naszych czasach, ktokolwiek zajął się raz jeszcze wydaniem Statutu Litewskiego w poprawnej krytycznej edycji, z dołączeniem studyjum nad tym szacownym zabytkiem dawnego prawodawstwa litewskiego, a zaprawdę byłaby to praca wdzięczna i warta zachodu dla naszych uczonych prawników”⁴⁴. Однако очередным изданием Литовского Статута будет все же не „критическое”, а „историко-филологическое”.

V.5. Издание МОИДР

В середине XIX столетия силами Московского общества истории и древностей Российских (МОИДР) предпринимается попытка публикации письменных раритетов Великого княжества Литовского. Сначала в 18-й книге выпускаемого Обществом „Временника” помещается текст Статута 1529 г., а в 19-м номере доходит очередь до „нового” издания ЛС 1588 г.⁴⁵

⁴¹ Так странно именуется экземпляр, хранящийся ныне в Библиотеке Воронежского университета, а происходящий из собрания правителя Воронежского наместничества генерал-поручика Ивана Потапова (1722-1791), в 60-е годы он возглавлял следствие над атаманами и старшинами Яицкого казачьего войска.

⁴² *Статутъ Великаго Княжества Литовскаго*, Санктпетербургъ, печатанъ при Правительствующемъ Сенатѣ, 1811.

⁴³ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim...*, s. 157-158.

⁴⁴ W. Pobóg Górski, *Dodatek do bibliografii Statutu Litewskiego*, s. 278.

⁴⁵ „Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ” 1854, кн. 19.

Основой для публикации послужил экземпляр ЛС-3, воспроизведенный гражданским шрифтом. В „Предисловии” Секретарь Общества И. Беляев уведомляет, что редакция, „принимая во вниманіе историческое и филологическое значеніе Статута Литовскаго, какъ памятника того языка, на которомъ писали въ Западной Руси въ XVI столѣтіи, при настоящемъ изданіи старалась передать его по возможности со всею точностію, нисколько не отступая отъ Мамоничевскаго изданія не только въ правописаніи и въ пунктуации, но даже въ переносѣ словъ изъ одной строки въ другую”⁴⁶ [репр. 79].

РОЗДЕЛЪ ПЕРВЫЙ О ПЕРСОНЕ НАШОЙ ГОСПОДАРСКОЙ. 1

АРТИКУЛЬ 1.

Вси обыватели великого князства литовскаго, тымъ однимъ правомъ писанымъ, и отъ насъ данымъ, сужоны быти мають.

Напродъ мы господарь обещуемъ и шлюбуемъ, подъ тою жъ при сегою, которую учинили есмо всимъ обывателямъ всихъ земель панства нашего Великого Князства Литовскаго, ижъ всихъ княжатъ пановъ радъ духовныхъ и светскихъ, пановъ хоругвовныхъ шляхту, мѣста и всихъ подданныхъ нашихъ, и всихъ становъ в томъ панстве паномъ великомъ князстве литовскомъ, и иныхъ всихъ земель, здавна ку тому панству прислухающихъ, почонъшы отъ вышшого стану ажъ до нижшого, тыми одними правы и артикулы въ томъ же статутѣ ниже писаныи, и отъ насъ даными судити и справовати маемъ, такъ же чужоземцы заграничники великого князства литовскаго, приездъчы и якимъ колвекъ обычаемъ прибылые люди, тымъ же правомъ мають быти сужоны, и на тыхъ врьдѣхъ гдѣ хто выступитъ.

Репр. 79: Литовский Статут в издании МОИДР

Однако уже первые заинтересованные читатели замечают недостатки в публикации. Так, известный славист О. М. Бодянский, принявший от И. Беляева секретарские обязанности в Обществе, в письме к П. Шафарыку сетовал: „Посылаю также Вамъ и тѣ книжки «Временника», въ которыхъ помѣщены «Статуты Литовскіе», къ сожаленію, не вездѣ исправно перепечатанные”⁴⁷. На ряд существенных – изменяющих юридический смысл –

⁴⁶ Там же, „Предисловіе”.

⁴⁷ *Korespondence Pavla Josefa Šafaříka*, vydal V. A. Francev, č. I, Praha 1927, s. 201.

отклонений от оригинала позже указывал И. И. Лаппо⁴⁸. Примеры „памылак і недакладнасцяў” в тексте „Временника” приводит также современный исследователь О. Лицкевич⁴⁹.

Ценность „научного” издания МОИИДР в качестве потенциального объекта филологического исследования, несомненно, снижают редакторские промахи: нигде не оговорены правила замены старых букв кириллической печати на новые, раскрытия титлов и внесения в строку выносных букв, а надстрочные знаки вообще игнорируются. Не отражается и таким образом не учитывается разница *ѣ* – *е*, *ѧ* – *Ѧ*, *Ѣ* – *Ѧ*, *Ѧ* – *Ѧ*, *Ѧ* – *Ѧ*. Несмотря на то, что текст передается с сохранением „ѣ” и „Ѧ”, в постановке „редуцированных” нередко наблюдается своеволие.

Казалось бы, подобные погрешности можно осуждать лишь с учетом современных принципов издания памятников старины. Но и в середине XIX в. опрошенный подход к передаче особенностей старого письма и набора не был единственно возможным, что доказывают публикации К. Ф. Калайдовича и А. Х. Востокова⁵⁰. Для представленного во „Временнике” Статута, как нам кажется, самым точным определением было бы „издание обще-ознакомительное”. Имея свои слабые стороны, оно сделало текст кодекса „публичным” и привлекло к нему внимание исследователей. Именно на эту публикацию как „точную и общедоступную”, ссылается, в частности, в своих работах известный историк и юрист С. А. Бершадский⁵¹.

V.6. „Критическое” издание И. И. Лаппо

Высказанное В. Побуг Гурским пожелание подготовить и опубликовать „критическое” издание кодекса реализовалось в 30-е годы XX в. стараниями И. И. Лаппо, поставившего целью воспроизведение текста свода законов „въ провъѣренномъ видѣ” – без ошибок предыдущих редакторов. Одновременно ученый пытался свести воедино варианты старопечати – путем воспроизведения разночтений в изданиях кодексов в постраничных ссылках. Профессор проделал огромный объем работы, исследовав три с лишним десятка ЛС и побуквенно считав экземпляры всех трех наборов. Кропотливые усилия, по мнению И. И. Лаппо, дали возможность „возстановить вполнѣ правильный текст Третьяго Литовскаго Статута какъ законодательнаго памятника и представить его въ научномъ критическомъ изданіи, принимая на

⁴⁸ См.: И. И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. 2, с. III-IV.

⁴⁹ А. Лицкевич, *Новая транскрипция Статута ВКЛ 1588 года*, <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>.

⁵⁰ См.: *Собрание государственных грамот и договоров*, т. 2, Санкт-Петербург 1819; *Остромирово Евангелие 1056-1057 года*, изд. А. Х. Востоковым, Санкт-Петербург 1843.

⁵¹ С. А. Бершадский, *О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществѣх...*

себя отвѣтственность за правильность передачи всѣхъ его законовъ и словъ, но безъ указанія всѣхъ особенностей графики послѣднихъ”⁵².

В основу работы был положен „едва ли не наиболѣе исправный” по набору текст экземпляра Московского общества истории и древностей Российскихъ, разнотечения приведены по книгамъ кодекса, хранившимся в пetersбургской Академии Наукъ и пражскомъ Чешскомъ национальномъ музее. Позднее ученымъ не составило труда обнаружить, что исходный образецъ принадлежалъ ко 2-му изданію Мамоничей, что стало поводомъ для констатации „серьезной ошибки, непростительной для столь крупнаго историка, опирающагося на достижения европейской методологии и техники историческаго исследования”⁵³. Резкость представленной оценки станетъ очевидной, если вспомнимъ о минимальной разницѣ между кодексами 1-го и 2-го изданій, а также учтемъ оригинальную концепцію профессора, полагавшаго, что Статутъ параллельно печатался на несколькихъ типографскихъ прессахъ – такая практика снимала вопросъ хронологическаго первенства любого изъ наборовъ. И. И. Лаппо былъ единственнымъ изъ издателей, кто взялъ на себя трудъ всмотрѣться в каждое слово воспроизводимыхъ старопечатныхъ кодексовъ, но делалъ онъ это глазами юриста и историка.

Языковые аспекты формально интересовали автора публикации, но, трезво оценивая ситуацию, ученый заявлялъ, что его изданіе не можетъ „брать на себя задачу служить вполнѣ и филологическому изученію” Статута⁵⁴. Дабы облегчить пользование текстомъ и помочь, такимъ образомъ, главнымъ адресатамъ публикации – исследователямъ, ставящимъ передъ собою цели „историческаго и историко-юридическаго изученія этого памятника”, редакторъ обратился къ современной графикѣ. При этомъ некоторые старыя кириллическія буквы были заменены близкими по значенію буквами гражданскаго шрифта, восстановлены полныя написанія аббревиатур, раскрыты титлы и внесены в строку выносы. Хотя при подобныхъ адаптирующихъ дѣйствіяхъ И. И. Лаппо справедливо ориентируется на наиболее частотныя „въ Статутѣ и въ современныхъ ему литовско-русскихъ рукописяхъ” употребленія⁵⁵, абсолютизация этого правила не можетъ не приводить къ излишнему „приглаживанію” текста⁵⁶ [репр. 80].

⁵² И. И. Лаппо, указ. соч., с. XXXIV-XXXV.

⁵³ Ю. А. Лабынцевъ, „Статутъ Великаго княжества Литовскаго” 1588 года..., с. 78.

⁵⁴ И. И. Лаппо, указ. соч., т. 2, с. XXXV.

⁵⁵ „По отношенію къ слову «писарь» мы рѣшились ... въ тѣхъ случаяхъ, когда на концѣ этого слова не было въ оригиналѣ буквъ «сь» или «ь», приставлять букву «ь», ибо «писарь», «писара» болѣе употребительны въ Статутѣ..., чѣмъ «писарь», «писаря»” (тамъ же, с. XXXIX).

⁵⁶ См., напр., такой „принципъ”, какъ: „На концѣ глагольныхъ формъ, оканчивающихся буквою «тъ», всегда ставился при воспроизведеніи текста въ изданіи «ь», независимо отъ того, стоялъ ли онъ или не стоялъ въ оригиналѣ” (тамъ же, с. XXXVIII).

§ (1) Розделъ первый — о персоне нашей господарьской¹.

АРТЫКУЛЪ 1.

Вси обыватели Великого Князства Литовского
тымъ однимъ правомъ писанымъ и отъ насъ 5
данымъ сужоны быти мають.

Напродъ мы господарь обещуемъ и шлюбуемъ, подъ тою
жъ присегою, которую учинили есмо всимъ обывателемъ всихъ
земль паньства нашего Великого Князства Литовского, ижъ
всихъ княжатъ, пановъ-радъ духовныхъ и светьскихъ, пановъ 10
хоруговныхъ, шляхту, мѣста и всихъ подданныхъ нашихъ, и
всихъ становъ въ томъ панстве нашемъ Великомъ Князстве
Литовскомъ и иныхъ всихъ земль, здавна ку тому паньству
прислухаючыхъ, почонъшы отъ вышъшого стану ажъ до ниж-
шого, тыми одними правы и артыкулы, въ томъ же Статутѣ 15
нижей писанными и отъ насъ даными, судити и справовати ма-
емъ. Такъ же чужоземцы, заграничники Великого Князства
Литовского, приездчыи и якимъ-колвекъ обычаемъ прибылые
люди, тымъ же правомъ мають быть сужоны и на тыхъ вря-
дѣхъ, гдѣ хто выступить. 20

Репр. 80: Литовский Статут в „критическом” издании И. И. Лаппо

Работу по выявлению различий в графике изданий И. И. Лаппо ограничил материалом Реестра кодекса. Этого оказалось достаточно, чтобы увидеть, выражаясь словами профессора, „отсутствие какой-либо системы правописания в старопечатном издании Статута, не только в его различных наборах, но и в одном и том же”⁵⁷. Отказывается также редактор от фиксации языковой вариативности, утверждая, что „филологъ не можетъ видѣть въ употребленіи ихъ (графическихъ разнотчений) сколько-нибудь надежнаго матеріала для своихъ изученій языка Статута ... А если это такъ, то отпадаетъ и всякій смыслъ для приведенія въ критическомъ изданіи Статута всѣхъ такихъ особенностей набора, ибо онѣ имѣють свое значеніе только для графики, а не для фонетики”⁵⁸.

При воспроизведении текста кодекса И. И. Лаппо прибегает к подстрочнику, в котором показывает расхождения издательских вариантов, но делает это довольно редко — только в тех случаях, когда фиксируются очевидные

⁵⁷ Там же, с. XLVII.

⁵⁸ Там же, с. XLII.

ошибки либо лексические несовпадения. Для обоснования такой избирательности профессор приводит следующие соображения: „Есть ли какой-нибудь смысл отмѣчать всѣ эти различія, доставляя тѣмъ лишнюю работу типографіи и развлекая вниманіе читателя длиннѣйшимъ рядомъ цифръ выносокъ и такимъ же рядомъ подстрочныхъ примѣчаній? Даже въ томъ случаѣ, если бы настоящее изданіе преслѣдовало цѣли филологическія, наличие такого смысла признать трудно”⁵⁹.

Работа по подготовке „критического” издания Статута длилась около двух десятилетий. Для специалиста по истории права кодекс в публикации И. И. Лаппо остается солидным и всесторонне выверенным источником, а вместе с сопровождающими его двумя томами „Исслѣдованія” не имеет себе равных во всей литературе вопроса о ЛС 1588 г. Как материал для анализа языка Великого княжества Литовского это издание во многом выигрывает по сравнению с предыдущим, осуществленным МОИДР, но все же оставляет желать лучшего.

V.7. Юбилейное энциклопедическое издание

В конце 80-х годов XX века научная общественность Беларуси готовилась к встрече 400-летней годовщины выхода Статута в свет. Юбилей ознаменовало новое – очень представительное – издание кодекса⁶⁰. В отличие от публикации И. И. Лаппо, потерявшей „в значительной мере ценность”⁶¹ вследствие выбора не „того” источника, юбилейное издание в этом отношении критических отзывов не дождалось. Между тем, воспроизводимый фотографически текст также вряд ли отвечает требованиям „европейской методологии”, поскольку отражает несуществующий сводный экземпляр книги, собранный из листов трех изданий. Весьма расплывчатое уведомление – „У книзе змешчаны ілюстрацыі тэкста Статута із Дзярж. Публічнай бібліятэкі імя М. Я. Салтыкова-Шчадрына (Ленінград)”⁶² – следует понимать так: основой для публикации послужил экз. РНБ 1.2.7⁶, сложенный позднейшим переплетчиком из листов 1-го (л. 10-15, 20-306) и 2-го (л. 1-9⁶³, 16-19) изданий. А поскольку двух завершающих листов в указанной книге не оказалось, пришлось обратиться к иному экземпляру ЛС – скорее всего: РНБ 1.2.8. И здесь выбор был не самый удачный: последний – 308-й – лист книги снова оказался инородным: представлял продукцию Мамоничей 1600

⁵⁹ Там же, с. XLI.

⁶⁰ *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, Мінск 1989.

⁶¹ Ю. А. Лабынцев, „*Статут Великого княжества Литовского*”..., с. 78.

⁶² В фондах РНБ – бывшей „Публички” – хранится 7 экземпляров старопечатного Статута.

⁶³ 8-й лист кодекса с текстом королевской привилегии на латинском языке в этом издании не представлен.

года – 3-е издание ЛС. „Чистоте” воспроизводимого материала мешают также не оговоренные редакторами исправления ошибочных мест – чернильные поправки, сделанные прежними владельцами книги и на фотографии почти нераспознаваемые: **w** **w**браженъе вместо ошибочного, но естественного для 1-го издания и **w**браженъе (I-14), **естн** **примѣснѣ** – **естн** **примѣснѣ** (I-24), **проходы** – **порходы** (I-29), **w**знаменыхъ – **w**заменыхъ (II-23), **гдѣ хто пѣхочеть** – **гдѣ хто похочеть** (III-32), **сѣды ... ѿправовати бѣдѣтъ** – **сѣды ... ѿправовати бѣдемъ** (IV-7), **врядѣ** нашего – **врядѣ** натога (IV-30), **зѣ** **именъ** – **зѣ** **именю** (VI-8) и т. п.

Впрочем, эти недостатки в выборе объекта для фотокопирования совсем не ставят под сомнение ценности и важности самого издания, основательно-сти помещенного здесь комментария, солидности освещения многообразных характеристик кодекса – юридических, исторических, лингвистических, книговедческих и многих др. Наличие богатого справочного аппарата делает это издание поистине энциклопедическим.

Поиски не только точного, но и оптимального для представителей разных научных дисциплин способа передачи текста ЛС привели редакторов тома к решению воспроизвести Статут в трех вариантах: оригинальном, а точнее, репринтном; наборном, адаптированном к современной графике; и, наконец, переводе на современный русский язык⁶⁴ [репр. 81].

⁶⁴ На современный белорусский язык ЛС-3 был переведен А. С. Шагуном в начале нынешнего столетия. См. издания: *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, Мінск 2002; *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, Мінск 2005; *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, Мінск 2010.

Артыкулы

Всѣмъ обывателямъ Великаго княства Литовскаго тымъ однимъ правомъ писанымъ и отъ насъ данымъ сужены быти маюти.
Напродъ мы, господарь, обещуемъ и шлюбуемъ подъ тою жъ присе-
гою, которую училили есмо всемъ обывателямъ всѣхъ земель панш-
ства нашего Великаго княства Литовскаго, ижъ всѣхъ княжатъ,
пановъ радъ, духовныхъ и светскихъ, пановъ хоругвинныхъ, шляхту,
мѣста и всѣхъ подданныхъ нашихъ и всѣхъ становъ в томъ паншестве
нашемъ Великомъ княстве Литовскомъ и иныхъ всѣхъ земель, зданна
ку тому паншеству прислухающихъ, починоши отъ вышнего стану
ажъ до нижнего, тымъ однимъ правы и артыкулы, в томъ же
статутѣ ниже писаннымъ и отъ насъ данымъ, судити и справовати
маемъ. Также чужоземцы заграничники Великаго княства
Литовскаго, пришедши и якимъ колыскъ обычаемъ прибылые
люди, тымъ же правомъ маюти быти сужены и на тыхъ врядахъ, где
хто выступитъ.

РОЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. О ПЕРСОНЕ НАШОЙ ГОСПОДАРСКОЙ.

АРТЫКУЛ I

Всѣмъ обывателямъ Великаго княства Литовскаго тымъ однимъ правомъ писанымъ и отъ насъ данымъ сужены быти маюти.
Напродъ мы, господарь, обещуемъ и шлюбуемъ подъ тою жъ присе-
гою, которую училили есмо всемъ обывателямъ всѣхъ земель панш-
ства нашего Великаго княства Литовскаго, ижъ всѣхъ княжатъ,
пановъ радъ, духовныхъ и светскихъ, пановъ хоругвинныхъ, шляхту,
мѣста и всѣхъ подданныхъ нашихъ и всѣхъ становъ в томъ паншестве
нашемъ Великомъ княстве Литовскомъ и иныхъ всѣхъ земель, зданна
ку тому паншеству прислухающихъ, починоши отъ вышнего стану
ажъ до нижнего, тымъ однимъ правы и артыкулы, в томъ же
статутѣ ниже писаннымъ и отъ насъ данымъ, судити и справовати
маемъ. Также чужоземцы заграничники Великаго княства
Литовскаго, пришедши и якимъ колыскъ обычаемъ прибылые
люди, тымъ же правомъ маюти быти сужены и на тыхъ врядахъ, где
хто выступитъ.

Репр. 81: Литовский Статут в юбилейном издании

Назвать лингвистическим это издание мешают три обстоятельства: отсутствие данных о вариантах набора, опрошенный подход к транслитерации текста⁶⁵ и обилие ошибок в „адаптированной” версии кодекса. По числу неточностей в передаче оригинала минский „подстрочник” заметно превзошел транслитированные варианты ЛС, изданные МОИДР и И. И. Лаппо. По самым скромным подсчетам количество отклонений от правильного набора превышает две сотни. Здесь встречаются простые опечатки⁶⁶, некоторые погрешности приводят к искажению смысла положений кодекса⁶⁷, но большинство неточностей является следствием невнимательного отношения к языковой форме памятника. Фиксируемые в транслитерации юбилейного издания замены свидетельствуют о недооценке со стороны составителей тома процессов, характеризующих как живую разговорную речь, так и письменные правила „русской мовы” конца XVI века⁶⁸.

⁶⁵ При воспроизведении игнорируются „еры” (за исключением смягчающего „ь”); не учитывается разница в употреблении „кг” – „г”, „е” – „ё”; без специальной маркировки раскрываются титлы и вносятся в строку выносные буквы и т. д.

⁶⁶ Напр.: нем маеть – **не маеть** (pI-18), о выпровованью – **о выправованью** (pIII-6), с казнь – **сказнь** (pIV-97), из сынами – **и сынами** (I-3), не впушчаючи – **не вѣпшчаючи** (I-4), злостати – **зостати** (I-6), спущаючи – **спѣщаючи** (I-9), А о кроме тых причин – **А окроме ты(х) причинѣ** (I-14), маесть – **маеть** (I-25), своём – **своемъ** (I-31), сажаток – **сажавокъ** (I-35), верстате – **вѣстате** (III-25), на живота – **за живота** (III-28), местаех – **местехъ** (III-36), роги – **роки** (IV-23), хробою – **хоробою** (IV-24), опеvedанье – **оповеданье** (IV-55), зродне – **згодне** (IV-85), што – **што** (V-2), из уряду – **и з ѿряду** (VI-5), записавшы – **записавъшы** (VII-16), дасыть – **досыть** (VII-18), уповненья – **ѡповненья** (VII-30), замский – **земъски** (VIII-2), гони – **гоны** (IX-12), тут хто – **тотъ хто** (XI-14), за то горле – **за то на гѣле** (XI-15), доведех – **доведехъ** (XI-18), госоподы – **господы** (XI-19), паставил – **паствиаль** (XI-28), гребез – **грабездъ** (XIII-4), За козеня летнее – **За козеня сеголетнее** (XIII-6), впрядника – **врядника** (XIV-4), чого ж часу – **того жъ часъ** (XIV-34), унынити – **ѡчынити** (XIV-34), могли бы я ставати – **моган бы са ставати** (XIV-35) и проч.

⁶⁷ Напр.: о волных з них – **о волъныхъ возныхъ** (pIII-6), кром розсуду нашего – **кромъ сѣдъ нашего** (I-3), за бавою – **забавою** (I-22), в дванадцать рублей – **в двадцать рѣбле** (I-23), довела их – **довела ихъ** (I-25) смовою – **ѡмовою** (III-3), именья – **именье** (III-16), оправу – **ѡправѣ** (III-32), притягненьи – **притѣгненьи** (III-36), запозванный – **запозванный** (IV-65), поклаженю – **поклажею** (IX-30), выведеньем – **выведаньемъ** (XI-6), забил яким – **забиаль и якимъ** (XI-7), они за вину – **они за винѣ** (XI-7), первый – **пѣвѣ** (XI-13), будь бы хто – **а где бы хто** (XI-39), отпустивши – **опѣстивши** (XIV-5), в одной муце – **в оноу мѣце** (XIV-18), яко закон фирмацыею – **яко за конѣфирмацыею** (XIV-37) и нек. др., а начало арт. XI-46: „Если бы хто шляхтянку мужатку забил будь при кгвал(товном наезде)” заменено на фразу из параллельно набранной статьи: „Если бы хто шляхтича або шляхтянку, лет недорослых”.

⁶⁸ Напр.: о горячем учинку – **о горячомъ ѡчинькѣ** (pIV-30), увязанья – **ѡвеза** (pIV-95), приказных – **приказныхъ** (pXII-14), не впушчаючи – **неѣпшчаючи** (I-4), при властных – **при власныхъ** (I-24), десяти – **десетѣ** (I-25), каранье – **коранье** (I-25), продажи – **продажи** (I-31), участник – **ѡчасникъ** (II-26), грецких – **грѣскихъ** (III-3), издавна – **здавна** (III-5), порядок – **порадокъ** (III-6), божьего – **божьего** (III-7), приехавшы – **приехавши** (III-9), челядь – **челѣдь**

V.8. Издание Одесской юридической академии

В начале нынешнего столетия внимание специалистов привлекла масштабная инициатива ученых Одесской национальной юридической академии. „Авторский проект” одесситов предполагал „видання текстів трьох Статутів мовою оригіналу з їхнім перекладом на сучасну українську мову, але зі збереженням, де це можливо, граматичних форм і конструкцій староукраїнської ділової мови”⁶⁹. Кодексу 1588 г. посвящен третий том серии, он состоит из двух книг: „перша містить передмову, копію оригіналу видання Мамоничів 1588 року і адаптований текст Статуту. Друга книга включає історіографічний огляд, переклад Статуту на сучасну українську мову, коментар, словник, бібліографію і післямову”⁷⁰.

При передаче оригинальных текстов кодексов авторы проекта воспользовались опубликованными трудами предшественников. Скажем, текст ЛС-3 копирован – без указания на источник – с белорусского юбилейного издания⁷¹. Стоит, может быть, заметить, что репринтное изображение страниц оригинала в одесской перепечатке процентов на двадцать растянуто в ширину; такое искажение позволяет издателям „вписать” снимки в избранный для себя формат книги.

Адаптированный текст Статута в издании ОНЮА сверен и набран более старательно, чем в минском юбилейном [репр. 82]. Такой подход сказался на троекратном уменьшении количества откровенных ошибок и опечаток⁷²,

(III-32), (XII-18) и (XII-20), таковым – **токовымъ** (III-32), с чего – **щого** (III-48), уймуючы – **у'мѣючи** (IV-1), маентности – **маєтності** (IV-29), фалшивых – **фалшивыѣ** (IV-59), близким – **близькимъ** (IV-62), оженился – **оженнѣсьє** (V-7), догагаться – **догагатисє** (V-16), маючим – **маючимъ** (VI-6), здоровья – **здоровѣа** (VI-8), мощью – **моцѣю** (VI-15), животе – **животє** (VII-5), врьдовым – **врьдовымъ** (VII-31), перших – **першыхъ** (VIII-2), с розсудку – **з ро'судку'** (IX-7), врьд гродской – **врьд к'роекн'** (XI-7), твердоустого – **твардоустого** (XI-15), три – **тры** (XIII-7), о цыганах – **о цыганехъ** (XIV-35) и т. д.

⁶⁹ Аннотация к изданиям: *Статуты Великого князівства Литовського у 3 томах*, т. I-III, за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова, Одеса 2002-2004.

⁷⁰ Аннотация к изданию: *Статут Великого Князівства Литовського 1588 року у 2 книгах*, кн. I, за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова, Одеса 2004.

⁷¹ Между тем в Одессе – фондах Государственной научной б-ки им. Горького – хранятся два экземпляра кодекса: №№ 24 и 65 в нашем перечне.

⁷² В числе допущенных погрешностей отметим, напр.: будучий [о то упомянутый] вместо **бѣдѣчи** (I-6), будетъ [не ведали] – **бѣдѣтъ** (I-6), держажчий – **держажчи'** (I-8), што на борздей – **што набо'зде'** (I-8), на завтре еж – **наза'трее жѣ** (I-8), [ни на кого] другого – **дрѣгого** (I-9), от права – **ш'права** (I-9), отослать [быти маеть] – **ш'тосланъ** (I-10), заданьем [справы] – **за даньємъ** (I-10), головищина – **головицина** (I-10), тякового – **такового** (I-12), важностью – **важності** (I-12), соберыл – **собе рыль** (I-16), иншою матерєю – **ингышбю матерєю** (I-17), естли примусил – **ести примѣсилъ** (I-24), их самой особе – **ижѣ само' ш'собе** (I-25), за него довел –

тических процессов также отражаются довольно произвольно⁷³. При таком отношении к языковым вопросам вынесенное в подзаглавие заявление: „Текст оригиналу Статуту 1588 року давньоруською (sic!) мовою” уже несколько не удивляет.

V.9. Электронная версия кодекса

В 2002-2003 гг. на сайте „История Беларуси IX-XVIII веков. Первоисточники” был помещен полный текст ЛС 1588 года в „новой транскрипции”⁷⁴. Электронная версия не только сделала текст кодекса общедоступным, но и представила его в наиболее выверенной и довольно близкой к оригиналу форме. В основу была взята транслитированная публикация по юбилейному изданию, в которой было исправлено множество ошибок и специально оговорены опечатки, допущенные еще типографами Мамоновичей. Адаптация материала – помимо его воспроизведения современным шрифтом (и замены, таким образом, некоторых вышедших из употребления букв функциональными аналогами) – заключалась в размещении выносных букв в строке с маркировкой выноса квадратными скобками⁷⁵. Из надстроч-

⁷³ Напр.: училили – **ѣчынннн**, артикулы – **артыкѣлы** (оба I-1), належачих – **належачыѣ**, человека – **чоловека** (все I-2), нашему – **нашому** (I-3), речи [посполитой] – **речы**, за се – **за ся** (оба I-6), спадывають – **спадывають**, дельный – **делъныѣ**, подозренный – **подо’реныѣ**, матерыстых – **матерыстыѣ**, поганских – **поганьскыѣ**, будет – **бѣ’детъ**, albo – **альбо**, гонечы – **гонечнн**, у везеню – **ѣ’везеню** (все I-7), учтет – **ѣ’течеть** (I-8), найдет ли ся – **на’детъ ли ся**, розскрывави” – **роскрывави”**, жив – **жыѣѣ**, при костелех – **пры костелех** (все I-9), колвек – **кольвекѣ**, своволенство – **своволенство** (I-10), у вежы – **ѣ’вежи** (I-12), господарскаго – **г’д’рьскаго**, постерегаючи – **постерегаючи** (оба I-14), забравши – **забравшы** (I-15), перед се – **предѣ се** (I-16), которые – **которые** (I-20), вычитавши – **вычитавшы**, [лист] нашъ – **нашѣ** (оба I-23), близышый – **близышнн** (I-25), нашего – **нашего**, чюжоземецъ – **чѣ’жоземецѣ**, близышый – **близышнн** (все I-26), панских – **паньскыѣ** (I-29 bis), збожъе – **збожѣ** (I-30 пять фиксаций), збожъя – **збожъя**, притом – **пры томѣ**, инших – **ингышыѣ**, albo – **альбо** (все I-30), пуши – **пѣшы**, до помочи – **до помочы**, вычищениа – **вычищениа** (все I-31), потвержденья – **потвѣ’женья** (I-32) и проч.

⁷⁴ *Статут Великого княжества Литовского 1588 года* [электрон. ресурс], подг. О. Лицкевич, Минск 2002-2003: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>

⁷⁵ В этой связи определенные вопросы вызывают решения, связанные с раскрытием в строке твердых/мягких надстрочных *т*, *л* и *н*. Как известно, в случаях с вариантными в трактовке выносами выбор одного или другого из них определяется по большинству зафиксированных в тексте аналогичных строчных примеров в той же позиции. Автор транслитерации в основном придерживается этого правила, но применительно к глагольным формам наст. и буд. вр. 3-го лица на -**т**, а также именам с суффиксами -**ств**-, -**ск**- допускает ошибки в оценке частотности написаний „без смягчѣння”: так, в адаптированной версии на месте форм с выносами регулярно находим: мають (I-1, I-2, I-3 и т. д.), маєт (I-9 трижды), будет (I-4, I-10), может (I-4) и проч., тогда как в тексте ЛС в целом, как уже отмечалось, абсолютно преобладают формы на -**тъ**: -**т**^[308] // -**т**^[414] // -**тъ**^[4678]. Ср. также: транслитированные регистрации: панства (I-2, I-4), панство (I-3 bis), панстве (I-10); достоинство (I-4), достоинства (I-9) – **панство**^[29] // **па”**-

Перечень недостатков электронной версии кодекса невелик, большинство из них предопределяется равнением автора проекта не на продукт Мамоничей, а на фотокопию этого продукта. В результате О. Лицкевич не только повторяет ошибки предшественников⁷⁷, но и приписывает друкарям опечатки, которые в оригинальном тексте отсутствуют (иллюзия на фотографии создается за счет слабой пропечатки буквы или ее элемента, слишком близкого среза границы конца строки и т. п.)⁷⁸.

Что касается неточностей при самом компьютерном наборе, то белорусский исследователь прав и в том своем мнении, что допустил „не надта шмат памылак у транскрыпцыі“⁷⁹, и в том, что в электронном издании – в отличие от бумажного – ошибки можно „хутка выпраўляць“. По всей видимости, в числе фрагментов для правки должны оказаться и некоторые случаи, отмеченные по тексту [!] или [так!] и классифицированные автором как „відавочныя памылкі друку і тыя месцы, якія здаюцца нам адыходжан-

⁷⁷ Т. е. не учитывает „мозаичный“ характер представляемого текста, на деле собранного из ЛС трех разных изданий; принимает за оригинальный набор позднейшие рукописные исправления.

⁷⁸ Так, у Мамоничей фиксируется: **іако**, а не „сяко“, как утверждает белорусский исследователь (III-23), **выше**, а не „выше“ (III-30), **справы** – не „травы“ (IV-4), **стороне позвано** – не „стороне про[тив]ной“ (IV-19), **сторожою** – не „сторожо“ (IV-31), **с чнего** – не „с чюего“ (IV-40), **росправившисе** – не „ротравившисе“ (IV-22), **смерь** – не „умеро“ (V-21), **стрыевъ** – не „стрыево“ (VI-3), **двух** – не „днух“ (VII-2), **схованью** – не „охованью“ (VII-30), **мають** – не „маить“ (IX-8), **польскопы** – не „польсюпы“ (IX-18), **в небытности пано** – не „в небытности пань“ (X-16), **палець сгиты** – не „палец утытый“ (XI-27), **жаного** – не „жацного“ (XI-31), **выволанцомъ** – не „выволанцомо“ (XI-36), **через** – не „чарез“ (XI-37), **присыгнути** – не „присыгнути“ (XI-37), **врядъ** – не „чрьодъ“ (XI-55), **подданые** – не „подданше“ (XI-58), **шлахтичовъ** – „шлмхтичов“ (XI-62), **двадцѣ копь** – не „двадцать кокъ“ (XII-4), **с права** – не „трава“ (XII-22), **таксю колвекъ** – не „якую полвекъ“ (XIV-3), **крававыхъ** – не „крававшхъ“ (XIV-4), **домовыхъ сховане** – не „домовых срованей“ (XIV-5), **будеть повинненъ** – не „будеть погиненъ“ (XIV-5), **мае** – не „миет“ (XIV-5), **тивѣна** – не „тивуѣа“ (XIV-5), **плѣ** – не „плн“ (XIV-5), **добрыхъ** – не „добршхъ“ (XIV-9), **злодеа** – не „злодеи“ (XIV-13), **светковъ** – не „свепсковъ“ (XIV-17) а нек. др.

⁷⁹ Нам удалось обнаружить, напр., следующие ошибки и опечатки: из сынами вместо – **и з сынами** (I-3), иж бы – **ижбы** (I-3), так же – **такѣж** (I-10), работа – **робота** (I-17), будь до князя або пана – **бѣдь до князя або до пана** (I-23), лежать – **лежати** (I-25), або вряду – **аво вряду** (I-26), зстародавна – **зь стародавна** (I-29), не купованый – **нескупованый** (I-30), али жъ – **алижъ** (II-2, III-15), нашего – **нашого** (II-5), на том лежы – **на то лежы** (II-27), [што] замочно [держано быти мае] – **за мощно** (III-7), изъ статуту – **и зъ статуту** (III-12), чужой – **чужо** (III-16), у вочы – **ув очы** (III-27), А гдѣ тежъ – **а гдѣ бы тежъ** (IV-29), аж бы – **ажбы** (IV-45), [входити] масть – **маесть** (IV-53), врьдников – **врьдникъ** (IV-63), по розну – **порозну** (IV-76), ку проволоце – **къ проволоце** (IV-89), паедеть – **поедеть** (IV-93), отецъ – **отецъ** (VI-2), из биншою [шляхтою] – **и з биншою** (VIII-3), с розсудьку – **з розсудькъ** (IX-7), насмерть – **насмертъ** (XI-27), ознымити – **ознамити** (XI-36), таке жъ – **такежъ** (XI-46 и XI-67), избил – **и зби** (XII-7), гребезъ – **грабездъ** (XIII-4).

нем ад пэўнай нормы”. Оставив в стороне большие сомнения относительно самого факта существования у „русской мовы” „полной” нормы⁸⁰, обратимся к ряду выделенных автором публикации слов и форм старопечатного оригинала, трактуемых, видимо, как аномальные. Так, символ [!] сопровождает, напр., одно из употреблений местоимения *каждого* (III-26). Если автор комментария в данном случае хочет привлечь внимание к корневому -а-, которое, действительно, находится в тени у основного варианта – корневого -о-, то делает это не очень последовательно: парадигма **кажды́** фигурирует в тексте кодекса 27 раз, а маркировкой [!] отмечается однажды. Выделенная форма инфинитива на -ть в глагольной конструкции *винень будетъ ... отприсягнутьъсе* (XI-31) по частотности употреблений, конечно, заметно уступает формам на -ти, но все же является вполне нормативной, поэтому и фиксируется в кодексе 218 раз. Деепричастие *не глядечи* (IV-46), приковавшее внимание О. Лицкевича, образовано с помощью не только регулярного для „русской мовы”, но и доминирующего в тексте кодекса суффикса: ср.: **-ачи/-ачи (-ачы/-ачы)**^[41] // **-ечи/(-ечы)**^[131]. Немалой активностью у существительных с былой основой на согласный характеризуется в XVI в. форма род. падежа мн. числа с флексией -овъ: *у инихъ обывателовъ* (XII-9) (всего в ЛС: Ø^[55] // **-овъ (-евъ)**^[12] // **-ѣ**^[14]). Реликтовыми, но отнюдь не аномальными являются формы так называемых завершающих числительных: *самотрети* (XI-6), *саматреть* (XI-10) – ср.: **самовторъ**^[3], **самовторы́**, **самотреть**^[5] (наряду с **самъ третѣ**^[6]), **самопять**^[2]. Использование и-строчного вместо „йотированного” падежа можно, конечно, посчитать редкостью (15 фиксаций), но составитель адаптированной версии проиллюстрировал эту практику материалом... иного издания кодекса: примеры *ознаимил, по выистью* (оба XIV-34) взяты из перепечатки ЛС 1600 г.⁸¹, где и-строчное употребляется довольно часто, а ближе к концу книги даже преобладает над выносными обозначениями. Никаких языковых характеристик, заслуживающих выделения символом [!], не несут в себе словоформы: *опустивши* (XIV-5) (встречается в тексте шесть раз, маркировано восклицательным знаком однажды); *забийство* (I-24) (17 фиксаций); *усправедливятися* (IV-45) (5 фиксаций); *наследоваль* (III-20) (полонизм, встречается трижды); *въ якомъ поклажею* (IX-30) (предл. падеж сущ. муж. рода); *подоптанью* (X-I) (фонетический „русский” вариант польск. *podęptanie*); *за куропатьвою сеть* (X-12) (притяжательное прил. от *куропатва*) и т. д.

⁸⁰ Как представляется, несложно убедиться в том, что главной особенностью „русской мовы” как раз и является вариативная норма, допускающая использование языковых средств широкого диапазона (см.: В. М я к и ш е в, *Язык Литовского Статута 1588 года*, с. 59-63).

⁸¹ См. информацию о структуре кодекса, представленного в юбилейном энциклопедическом издании и послужившего основой для электронной версии.

Таким образом, снова приходится посетовать на то, что в подготовке научных переизданий третьего Литовского Статута не принимают участия специалисты по истории языка.

V.10. Издание в энциклопедии „Вялікае княства Літоўскае”

Очередное издание ЛС может быть представлено следующим образом: это электронная версия О. Лицкевича, перенесенная на бумагу. В 2005-2010 гг. из печати вышла трёхтомная энциклопедия *Вялікае княства Літоўскае*⁸² – содержательное и богато иллюстрированное издание, подготовленное учеными из Академии наук Беларуси и ведущими специалистами из белорусских вузов. На сегодняшний день эта энциклопедия считается одним из главных источников сведений по истории и культуре ВКЛ. В своей изначальной редакции издание включало два тома, которые сразу же получили высокую оценку читателей. Именно эти „прихильныя водгукі” заставили составителей продолжить работу, подготовить и выпустить „Дадатак” – третий том, в котором – помимо прочих материалов – помещены тексты Статутов 1529, 1566 и 1588 гг. в их адаптированных версиях⁸³. Основой для первопечатного издания послужила рассмотренная выше электронная версия – со всеми своими плюсами и минусами [см. репр. 84]. Может быть, стоит отметить лишь, что издатели время от времени почему-то испытывали трудности с введением в текст буквы „ять”, поэтому появились опечатки, отсутствующие у О. Лицкевича: *будь на месцьгъ* (I-5), *засед\$лых* (I-20), *А гд\$ бы* (I-31), *обличнъ* (III-30), *гдъ ъподпис* (IV-17), *А гдм предъсе* (IV-28), *А гдм тежъ* (IV-29), *гдмъ бы се* (IV-30). „Своих” ошибок в бумажный вариант электронной версии типографы „добавили” немного: *йт моъкгу* – *ѡ моръкгу* (I-10), у ыншихъ – *8в ыншихъ* (IV-44).

V.11. Издание юридического факультета Белорусского государственного университета

Это последнее – из известных нам – издание было подготовлено Белорусским государственным университетом к юбилею юридического факультета. Юбилей отмечался не круглый, а потому и публикация делалась по принципу „дешево и сердито”. Это издание⁸⁴ представляет собой перепечатку текста кодекса в оригинальной и адаптированной версиях по эн-

⁸² *Вялікае княства Літоўскае, Эцыклапедыя*, т. 1-3, Мінск 2004-2010.

⁸³ *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае, Эцыклапедыя*, т. 3: *Дадатак*, Мінск 2010, с. 436-689.

⁸⁴ *Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588*, транскрыпцыя тэксту падрыхтавана С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубевай, [Мінск] 2010.

Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.

Роздел первый. О персоне нашей г[о]с[по]д[а]рьской.

Артыкуль 1.

Вси обыватели Великого князства Литовского тым од-
ным правом писанымъ и от насъ даным сужоны быти мают.

Напродъ мы, г[о]с[по]д[а]рь, обещуемъ и шлюбуемъ под-
тою жъ присегою, которую учинили есмо всимъ обывате-
лемъ всихъ земель паньства нашего, великого князства ли-
товского, ижъ всихъ княжатъ панов радъ, духовныхъ и светъ-
ских, панов хоруговныхъ, шляхту, мѣста и всихъ подданныхъ
нашихъ и всихъ станов в томъ панстве нашомъ Великомъ
князстве Литовскомъ и иныхъ всихъ земель, здавна ку тому
паньству прислухающихъ, почонъшы от вышъшого стану аж
до нижшого, тыми одними правы и артыкулы, в томъ же ста-
тутѣ ниже[й] писаными и от насъ даными, судити и справова-
ти маемъ. Также чужоземцы заграничники великого княз-
ства литовского, приеждчыи и якимъ колвекъ обычаемъ
прибылые люди тымъ же правомъ мают быть сужоны и на
тыхъ врядѣхъ гдѣ хто выступить.

Репр. 84: Литовский Статут в третьем томе издания „Вялікае княства Літоўскае”

циклопедии *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, Мінск 1989. И хотя в Предисловии тома значится, что „транс-
крыпцыя тэксту падрыхтавана С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубе-
вай”, следы вмешательства в текст, скопированный с энциклопедического
издания, обнаружить трудно (разве что редакторы относят к своим заслугам
введение кустод). Число ошибок и опечаток, которыми, как мы помним, пе-
реполнен исходный адаптированный текст, не только не уменьшилось, но
парадоксальным образом возросло: при переформатировании сканирован-
ного образца минские издатели не позаботились о том, чтобы убрать знаки
переноса, и в результате отнюдь не в конце строк в Статуте встречаются
примеры типа: вы-служоных (I-3), описа-ного (I-5), почсти-восты (I-5), сво-
ею (I-5), уте-канья (I-7), описа-но (I-7), не-приятельское (I-8), жа-лобою
(I-9), грод-ских (I-10), одержа-ный (I-12), на-шого (I-25), стародав-ным (II-
-1), Литовско-го (II-1), зъехати-се (II-2), сено-жатех (II-6), втер-пить (II-6),
обы-чаем (II-9), тако-вый (II-17) и т. д. О степени осведомленности авторов
публикации с предметной формой оригинала весьма красноречиво говорит
их утверждение: „Акрамя арыгінальнага рукапіснага [?! – В.М.] тэксту

ў дадзеным выданні для лягчэйшага ўспрымання вам прапануецца транскрыпцыя тэксту з выкарыстаннем сучаснага шрыфту”. Впрочем, у прадстаўляемага выдання ёсць і свае плюсы: немалы тираж у 500 экзэмпляров расшырае магчымасці кніжнага даступа к перапечатнаму тэксту; болей таго, змест юбілейнага тома размешчана ў інтэрнэце⁸⁵, такім абразам, заінтэрасаваны чытацель ў дапаўненне к вядомым ужо факсімільным інтэрнэ-версіям Статута 2-го і 3-го выданняў, атрымаў фотакопіі экзэмпляра ЛС-1⁸⁶.

Прадстаўлены обзор „обличий” Літовскага Статута, на наш выгляд, павінен паказаць, што пробы воспраізвадзена тэкста кодэкса ў найбольш таўнай і ўдобнай для савременнага ісследаватэля фарме, несмотры на очевідныя дасягненні, павінны прадаўжацца.

У заключенне, адрэсуя чытацельскае ўважанне к рэпрадукцыям с фрагментамі з выданняў, пазволю сабе падчэркнуць некаторыя – праследжываемыя на снімках – асабеннасці старога набору, за якімі стаяць разныя языковыя – графічныя – прадпачтэння тыпаграфав. ЛС-1 і ЛС-2 ў адрозненне ад ЛС-3 характэрызуюцца: адсутствам смяшэння **ѣ** і **ѥ**, разграначэннем **ѣ**-узкаго і **ѥ**-шырокаго (ѣітаванага), б’ольшай паслядавальнасцю ў атражэнні атуальных фанетічэскіх працэсав (напр., атвэрдэння шпільчых), флэктыўнай ўстойчывасцю глагольных фарм, разніцай ў трактаўке і частатнасці іспальзавання надстрачных знакаў.

⁸⁵ <http://www.law.bsu.by/content/?6297>

⁸⁶ Неабходзімо толькі памятаць, што ў энцыклапедычным выданні 1989 г., ўзятым мінскімі юрыстамі ў якасці абраца для перепечаткі, некалькі лістоў ў пачатку і канцоўке тома прыналежыць 2-му і 3-му выданням.

Приложение I

К лингвистической характеристике расхождений между текстами старопечатных изданий Литовского Статута

Для всех осведомленных с издательской проблематикой „русского” кодекса печати Мамоницей заявленная тема может показаться изрядно надуманной.

Действительно, о каких языковых расхождениях между изданиями одной и той же редакции Статута можно говорить, если известно, что вскоре после официального выхода в свет книга была дважды перепечатана в той же самой „друкарне” с намерением как можно точнее передать форму оригинала. В результате разница между изданиями, как считается в двухсотлетней традиции научной разработки Статута, сводится к допущенным ненароком опечаткам, а также несовпадениям в отдельных „технических” характеристиках набора: обращению к разным графическим вариантам одних и тех же литер, наличию либо отсутствию взметов и титлов, большей или меньшей частотности в использовании **ѣ** и **ь** при стечении группы согласных и проч. Логика появления позднейших перепечаток Статута препятствует иной трактовке различий между изданиями: их типографские творцы обязаны были соблюсти два условия – ни на йоту не отступить от кодифицированного текста и создать как можно более точную копию исходного образца. Поскольку и то, и другое Мамоницам удалось, у исследователей ЛС не было никаких оснований искать за случайными, казалось бы, несоответствиями какую-либо повторяемость и регулярность.

В свое время приступив к сплошному визуальному сравнению текстов ЛС разных наборов, я также придерживался этих общепринятых позиций. Итоги анализа, который должен был, по замыслу, выявить индивидуальные черты, привычки, предпочтения в работе наборщиков, оказались довольно неожиданными и позволили, смею надеяться, перевести вопрос разницы между изданиями из области техники типографского дела в сферу системы языка или, точнее, его письменной – графической – фиксации.

Сразу следует оговориться, что несоответствия, о которых пойдет речь, обнаруживаются между 1-м и 3-м изданиями кодекса, хронологически разделенными промежутком времени в 12 лет – 1588-1600. ЛС-2 настолько точно повторяет первопечать во всех ее компонентах, что главным, а зачастую единственным маркером неадекватности становится форма букв, способных выступать в разных графических очертаниях⁸⁷. 3-е же издание кодекса,

⁸⁷ Число вариантов, в которых предстает в кодексе одна и та же литера может превышать десяток. Таковой „многоликостью” характеризуются, напр., **р**, **ц** и **д**, различающиеся длиной и конфигурацией „хвостиков” и „ножек”. Первые могут быть повернуты и влево, и вправо

отличающееся, как помним, от первых двух неаккуратностью, обилием опечаток, проявлениями технического брака, скорее всего было набрано другими типографскими мастерами. По сравнению с предыдущими изданиями в нем фиксируется также немалое количество отклонений, которые могут трактоваться применительно к письменности ВКЛ конца XVI – начала XVII вв. как значимые, т. е. определяемые правилами графики, фонетики и грамматики. Именно эти расхождения и стали предметом исследовательского внимания.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении текстов ЛС-1 и ЛС-3 – это разная мера склонности к использованию надстрочных знаков и удержанию некоторых других графических примет церковнославянского и древнерусского письма. В 1-м издании кодекса обращение к приметам традиционной орфографии проявляется в:

– использовании надстрочной точки для выделения **а, ѿ, и, ѿ** в абсолютном начале слова, а также предлогов и союзов, выраженных гласными, напр., **ѿднѣи правѣ** (рI-1), **ѿко вси ѿбыватели** (рII-1), **ѿднакую справедливость** (рIII-46), **на ѿдны роки** (рIV-27), **ѿколо заплата** (рIV-93), **ѿбо недбалостью** (рVI-5), **ѿ ѿменье** (рVII-21); **и ѿ даванью** (рI-12), **ѿ забранье** (рI-15), **и ѿ золотарохъ** (рI-17), **ѿцовъ и матокъ** (рIII-17), **ѿко и ѿ ѿншыя речи** (рIII-27), **и цена трѣнкомъ и речамъ** (рIII-36), **и ѿ даванью листовъ** (рIV-4) – всего 1620 примеров⁸⁸; в ЛС-3 „выделительная” точка над гласными фиксируется гораздо реже – 86 раз. Почти в ста примерах, отмеченных только в тексте ЛС 1-го издания, надстрочная точка служит обозначению йотированного *и* [ji]: **с канцлѣрей**^[2] (I-14 и I-25), **почты своѣ** (II-9), **колеѣнѣи**^[2], **в реліи, с констыгѣций, элекцій**^[3] (все III-3), **за своѣ заслѣти** (III-12) и т.п., в 14 случаях этот знак предваряет наличие последующего „йота”: **долѣтѣ позычѣны** (рVII-12), **рокъ завѣты** (I-8), **на болшѣ речи** (I-27), **своѣ**

(как у **р**), вторые взаимно соответствовать или не соответствовать по параметрам „прямая – загнутая”, „короткая – длинная” (как у **д**). Встречающаяся на страницах кодекса **з / з** варьирует не только форму „хвостика”, но также и основной – расположенной в строке – части (буква может быть представлена в виде тройки с круглыми и угловатыми очертаниями; в виде, близком своему прототипу – греческой „дзете” **ζ**; в виде открытого влево излома – почти под прямым углом). Свои – уже немногочисленные – варианты в наборе имеют **ѣ, ѿ, ѿ, т**-выносное с головкой в виде петли и нек. др.

⁸⁸ Приведенная статистика регистраций отноудь не свидетельствует о том, что „выделительная” точка употребляется последовательно. По отношению ко всем возможным случаям маркировки гласных в указанных позициях буквы „с точкой” составляют лишь 6,62 %. О выгасании прежних требований обязательной „диакритизации” свидетельствует также динамика уменьшения количества регистраций надстрочной точки от раздела к разделу кодекса (Реестр^[346], I раздел^[571], II^[170], III^[176], IV^[326] – самый большой по объему раздел кодекса, V^[51], VI^[60], VII^[29], VIII^[7], IX^[18], X^[0], XI^[13], XII-XIII^[0], XIV^[8]).

(II-6), волностѣ шлахе^тскихъ (III-21), которы (IV-15), злодѣ^[2] (XIV-3 и XIV-19) и проч.;

– дифференцированном употреблении иссо и псилии над прописными буквами: иссо используется для акцентировки начала частей текста и ставится над гласными ѡ, ѡ/ѡ, ё и ѡ: ѡр^тыкѹлѣ^[1068], ѡ вб^оронѣ^[2] (pI-загл. и II-загл.), ѡ вольностѣ^[2] (pIII-загл. и III-загл.), ѡ сѣдѣхъ^[2] (pIV-загл. и IV-загл.), ѡ сѣдѣхъ^[2] (pIV-загл. и IV-загл.), ѡ впрѣвѣ ѡ венѣ^[2] (pV-загл. и V-загл.), ѡ впекахъ^[2] (pVI-загл. и VI-загл.), ѡ вбраженѣ (pI-4), ѡ повинности (pII-1), ѡко во^нѣ (pII-26), ѡ выводѣ (pIII-19), ёсли бы (pII-22), ѡ пересѹдѣхъ (pIV-14) и т. д. – всего 1475 фиксаций; псилия выделяет союз и и предлог ѡ, набранные строчными буквами: ѡ впрѣвѣ посагѹ и ѡ венѣ (pV-загл.), ѡ записѣхъ и продажахъ (pVII-загл.), и ѡ правахъ ... и ѡ межахъ (pIX-загл.), и сеножати (pX-загл.), и ѡ навѣзкахъ ... и ѡ такихъ людѣхъ и челади, и ѡ слѹгахъ (pXII-загл.), и ѡ навѣзкахъ (pXIII-загл.) и проч. – всего 21 фиксация. В перепечатке 1600 г. эти два знака смешиваются: только в Реестре псилия (на месте иссо в ЛС-1) встречается 145 раз, маркируя заглавия артикулов, открываемых гласными;

– разграничении йотированных и нейотированных [’э], а, точнее, дифференцированном использовании є („е узкого”) и е („е широкого”, т. е. графического эквивалента к „йотированного есть”): безправѣ, именѣ, милосердѣе, еднанѣ, енералѣ, дозавтрѣе, вбѣцѣемѣ, свѣрѣпѣ, зѣ речы посполитое, вбѣцѣемѣ и т. д. Примеров несоблюдения этого правила в тексте ЛС-1 имеется вроде бы предостаточно: 15 % от числа всех употреблений⁸⁹, однако в ЛС-3 таких отклонений почти в полтора раза больше.

Более пристальное сравнение текстов кодексов 1588-го и 1600-го годов издания обнаруживает бóльшую системность и организованность „руско-мовного” образца в продукте ранней деятельности Мамоничей, его верность правилам „мовы” в ее „чистом”, классическом виде. Общая направленность отклонений от первопечатного ориентира в книге рубежа столетий свидетельствует о размытии четкости этой языковой системы, ослаблении строгости правил, прежде соблюдаемых достаточно последовательно. Казалось бы, в числе возможных причин такого положения отнюдь не первое место должны занимать процессы языкового развития или смены пись-

⁸⁹ В меру объективным обоснованием упомянутых отклонений от орфографии могли бы быть причины технического – типографского – характера: „нависающие” над е надстрочный знак либо расположенная выше буква могли не оставить места для этой не только „широкой”, но и высокой литеры. Однако эстетика печати взяла верх над требованиями правописания всего лишь в неполных 50 примерах, в основном это набор под выносами с „покрытием”: спикнеѣ^ѣ (I-3), достоѣство (I-4^[2], I-9); и без „покрытия”: наѣды (pII-18), выѣдѣ (pXI-62, IX-3), маѣ^ѣ (I-4, I-9, II-6), закѣпѣѣ^ѣ (VII-6) и т. д.

менных норм, тем более что в интересующее нас десятилетие никаких серьезных метаморфоз „мова” не претерпела. Изменения последуют в недалеком будущем в связи со смещением центра „западнорусской образованности” из Вильна в Киев, что связывается с активной деятельностью украинских просветителей⁹⁰. Больше аргументов имел бы тезис, относящий разницу изданий ЛС на счет неодинаковой „выучки” типографских работников и их отношения к своему делу. Однако это – не лишенное практического смысла – предположение не является, как попробуем показать, неоспоримым.

Прежде чем сформулировать свою гипотезу, позволю в кратком отступлении обратиться к общим вопросам эволюции „русской-простой мовы”. Сформировавшись в границах Великого княжества Литовского, в частности, на территориях Беларуси и Украины, как разновидность канцелярского языка, „мова” постепенно расширяет свои функции, становясь литературным языком в прямом смысле слова, т. е. начинает употребляться и вне актовых текстов. Вследствие соприкосновения с местными говорами она дифференцируется на два варианта – белорусский и украинский. Сначала незначительные, со временем все более отчетливые местные черты проявляются в основном во второй половине XVI – на протяжении XVII веков, что в конце концов приводит к расщеплению письменно-литературной „мовы” на собственно белорусскую и украинскую⁹¹. Для рассматриваемого периода – рубежа столетий – в целом характерны незначительные – в основном графико-фонетические – варианты проявления локальных письменных традиций.

Так вот при сопоставлении текстов ЛС 1588 и 1600 гг. оказалось, что для объяснения имеющихся разниц как нельзя точно подходит система критериев дифференциации этих двух „школ” письма/печати, представленная

⁹⁰ См.: Е. Ф. Карский, *Что такое древнее западнорусское наречие?*, [в:] его же, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва 1962, с. 260; см. также: Н. И. Толстой, *Взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода*, [в:] *Славянское языкознание. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва 1963, с. 244. Следствия этого процесса не замедлили сказаться – повлекли за собой изменения в выборе подпитывающего „мову” диалектного фундамента: „o ile pierwsze utwory pisane tym językiem odzwierciedlają przeważnie podłoże dialektyczne białoruskie, o tyle późniejsze (wszystkie prawie siedemnastowieczne) charakteryzują się językiem o zdecydowanych cechach ukraińskich” (W. Witkowski, *Język utworów Joannicjusza Galatowskiego na tle języka piśmiennictwa ukraińskiego XVII w.*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego”, CCXI, *Prace Językoznawcze*, zesz. 25, Kraków 1969, s. 8).

⁹¹ См.: Л. Л. Гумецкая, *Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода*, „Вопросы языкознания” 1965, № 2, с. 44; П. П. Плющ, *Історія української літературної мови*, Київ 1971, с. 140; Б. А. Успенский, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка* (доклад на IX Международном съезде славистов), Москва 1983, с. 67-68.

в трудах И. И. Огиенко, В. В. Аниченко, А. М. Бульки⁹². Будучи рассмотренным в таком ракурсе, 1-е издание кодекса предстает эталонным образцом белорусской редакции, а абсолютное большинство отклонений от него в 3-м соответствует украинской „рускомовной” манере письма.

Для доказательства обратимся к конкретному материалу и статистике. При оценке степени весомости цифровых показателей, конечно же, нужно не упускать из виду следующее обстоятельство: 3-е издание не только было создано „по образцу и подобию” 1-го, оно должно было стать его точной копией. Таким образом, целевая и чисто механическая – машинальная – ориентации на оригинал, несомненно, нивелировали меру проявления регионально-письменных черт. Нам остается сослаться только на то, что невольно „прорвалось” на страницы перепечатки, это только симптомы, но укладываемые, что важно, в систему:

1. Так, согласно наблюдениям ученых, для обозначения и-краткого в старобелорусской письменности чаще использовались паерики, в украинской нередко употреблялось и-строчное⁹³. ЛС-1 почти не делает исключений из „белорусского” правила: *кожды ўбвинены* (pI-4), *котрыя на во́не коне́, збро́ і броне́ сваіхъ ко́мү позычаюць* (pII-15), *ѡ при́мованью люде́* (pII-23), *ѡ понатъю в станъ малжёнскі люде́ ўбогіхъ* (pV-21), *старшы́ сын дорослы́* (pVI-11), *кожды́ слуга пўтны́* (pVII-9) и тысячи других примеров. И-строчное на месте [j] фиксируется здесь всего 15 раз: *кглєнтү* (pI-12), *зємскон* (pII-загл.), *на во́нне* (pII-19), *вдове́ такон* (pV-5), *ѡ бєсплоднѡн жонє* (pV-19), *ѡ головицнахъ ... людеи* (pXII-5), *понман*^[3] (I-7, I-10 и XIV-3), *кглєит* (I-12), *таковыи* (I-13), *ўимовати* (III-1)... В книге 1600 года и-строчное вместо „йотированного” паерка встречается в каждом четвертом случае, причем ближе к концу текста даже доминирует над выносными обозначениями;

2. Паерик же, но уже как графический символ сокращения – замены **ѣ** или **ь** – также более свойствен белорусскому письму в отличие от украинского. В первопечатной версии кодекса находим свыше тысячи употреблений знака в такой позиции⁹⁴: *ѡрѣтыкѣлѣ* (по всему тексту), *и ѡ томѣ что* (pI-4),

⁹² Речь идет о работах: І. І. Огієнко, *Розмежування пам'яток українських від білоруських*, „Записки чина св. Василя Великого”, т. VI, № 1-2, Львів 1925, с. 1-32; У. В. Анічєнка, *Беларуска-ўкраінскія пісмава-моўныя сувязі*, Мінск 1969; А. М. Булыка, *Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы*, Мінск 1970.

⁹³ В. В. Аниченко, напр., пишет: „для абазначэння кароткага й пасля галосных у сярэдзіне і асабліва ў канцы слова некаторыя беларускія пісцы часта карысталіся паерыкам [’], замест якога ўкраінскія нярэдка пісалі и (й)” (У. В. Анічєнка, указ. соч., с. 218).

⁹⁴ Частотность употребления знака в этой функции все же отнюдь не свидетельствует о системности: основная масса всех фиксаций приходится на слово *ѡрѣтыкѣлѣ*, предваряющее каждую статью свода законов (в Реестре и основном тексте).

с' паньства (pI-6), неприятел'ское (pI-6), так'же (pI-7), в' которыхъ речахъ (pI-14), в' покою (pIII-3), надан'я (pIII-5), в' тыхъ речахъ (I-2), гор'ло (I-3) и нек. др., наборщики ЛС-3 в этих случаях пользуются буквенными эквивалентами, а чаще не фиксируют присутствия „еров” вообще;

3. Характерной особенностью старобелорусской письменности считается употребление э-оборотного и е-перевернутого для обозначения звука [э] в иноязычных, как правило, словах. Текст 1588 года дает около 250 тому примеров, случаи исключения из общего правила составляют 15 %: **апелла-цыя**^[50] // **апэлацыя** (но **апеллацыя**^[4]), **екзекуторъ**^[2] // **экзекуторъ** // **экзекуторъ**, **елекцыя**^[3] // **елекцыя** // **элэкцыя**, **тэстаментъ**^[62] // **тэстаментъ**^[6] // **тэстаментъ**^[6] // **тэстамэнтъ** (но **тэстаментъ**^[2]) и проч. Перепечатка 1600 года – за единичными исключениями (**посельстве** [IV-4], **черезъ** [VI-4]) – игнорирует эти буквы;

4. В белорусской письменной традиции в отличие от украинской менее частотной в употреблении оказывается буква „зело” – **ѕ**⁹⁵. Первопечатный текст кодекса фиксирует всего лишь восемь случаев обращения к ней: **ѕѣски**^[12] (но **земъски**^[761]), **ѡказе** (но **ѡказъ**^[17]), **позовъ** (но **позовъ**^[364]), **розделъ** (но **розделъ**^[142]), **присволенъмъ** (но **присволенъе**^[13]), **ѡзна'мити** (но **ѡзна'мити**^[49]), **безпечне** (**безпечны**^[5]). В ЛС-3 таких регистраций уже 30.

5. Несмотря на то, что в „русской мове” в обеих ее местных разновидностях при обозначении [ja] в начале слова и после гласных отдавалось предпочтение букве „йотированный аз” – **ѧ**, а в остальных случаях чаще употреблялся „юс малый” – **Ѧ**⁹⁶, для белорусской письменности более употребительной являлась литера **ѧ** независимо от положения в слове⁹⁷. Произведенный анализ выявляет, что в ЛС-1 „йотированный аз” маркирует две трети всех проявлений [ʼa], в ЛС-3 он используется лишь немногим чаще, чем в каждом втором случае.

⁹⁵ „Літара *ѕ* у ролі з найбольш пашыранай аказалася ў некаторых украінскіх помніках XVI-XVII стст. у параўнанні з тагачаснымі беларускімі” (У. В. Анічэнка, *Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі*, с. 223).

⁹⁶ Это правило гораздо четче действует в тексте ЛС-1: здесь фиксируется 1337 примеров с начальным **ѧ** и только 10 с начальным **Ѧ**; в корнях слов **ѧ** используется примерно в 67 % случаев (**врядъ**^[978] – **врядъ**^[456] [**Ѧ** – 31,8 %], **шляхъта**^[576] – **шляхъта**^[177] [**Ѧ** – 23,5 %], **присага**^[119] – **присага**^[72] [**Ѧ** – 37,7 %], **ѡвязанъе**^[60] – **ѡвязанъе**^[38] [**Ѧ** – 38,8 %] и т. д.); еще более заметна доминация **ѧ** (до 80 %) в суффиксах и в позиции на стыке корней и суффиксов (**стоѧти**^[32] – **стоѧти**^[10], **деѧти**^[45] – **деѧти**^[9], **засеѧти**^[8] – **засеѧти**, **ѡѧзнъ**^[12] – **ѡѧзнъ** и проч.). В окончаниях же и финалях слов в 80 % употреблений, напротив, преобладает **Ѧ** (напр., в отглагольных сущ. видим **-нъѧ**^[151] // **-нъѧ**^[909], в форме возвратного местоимения / частицы **сѧ**^[111] // **сѧ**^[496], **которѧ**^[28] – **которѧ**^[84], **таѧ**^[17] – **таѧ**^[67], **днѧ**^[12] – **днѧ**^[37], **жалѧбнѧ**^[11] – **жалѧбнѧ**^[42], **ѡѧзнѧ**^[3] – **ѡѧзнѧ**^[26] и т. д.).

⁹⁷ См.: У. В. Анічэнка, *Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі*, с. 220.

6. Белорусская школа письма мотивирует постановку **ѣ** и **ѥ** зависимостью от звукового качества предшествующего согласного, украинская руководствуется другими принципами: преимущественного употребления в середине слова **ѣ**, а в конце – независимо от твердости-мягкости предыдущего звука – **ѥ**⁹⁸. В. В. Аниченко полагает, что „па гэтай прыкмеце можна ў нейкай меры адрозніваць беларускае пісма ад украінскага”⁹⁹. Для Статута 1-го издания достаточно строгим правилом является постановка **ѣ** после твердых согласных, а **ѥ** после мягких. Список исключений из этого правила в наиболее показательной позиции – „конец слова” – оказывается недлинным: (з) **нихъ** (rIV-4), **врядехъ** (I-1), **близкимъ** (I-7), **кѣрскнихъ** (I-8), **нашихъ** (I-14), **посвѣтчонъ** (II-1), **тотъ** (II-18), **дѣховныхъ** (II-18), **кольвекъ** (III-2), **вѣецѣмъ** (III-3), (на) **паль** (XI-17), **повинень**^[2] (IV-23, IV-29), **посвѣтчонъ** (II-1), **презысковъ** (IX-7), **рокохъ** (IV-1) и нек. др. – в большинстве перечисленных примеров **ѥ** вместо **ѣ** используется под „нависающими” буквами из вышерасположенной строки – во избежание наложения „хвостиков”. Если даже к этим неполным четырем десяткам примеров добавить двоекратно большее количество употреблений с конечными **-цѣ**^[11], **-жѣ**^[5], **-чѣ**^[54], **-шѣ**^[2], **-рѣ**^[8] („ненормативными” лишь на первый взгляд: „ерѣ” здесь может мотивироваться исконной мягкостью согласных¹⁰⁰), а также податливого на регрессивную ассимиляцию **-зѣ**^[19] (**вѣзѣ**^[5], **чѣрезѣ**^[14]), полученный результат окажется слишком скромным в сравнении с тысячами случаев „правильного” разграничения **ѣ** и **ѥ**. В ЛС-3 представленное „рускомовное” правило нарушается почти в каждом десятом случае¹⁰¹;

7. Старобелорусские памятники письменности и печати характеризует регулярное использование **ѣ** и **ѥ** в группах согласных в целях устранения их

⁹⁸ См.: І. І. Огієнко, *Українська літературна мова XVI ст. і Крехівський Апостол 1560 р.*, Варшава 1930, с. 216.

⁹⁹ У. В. Анічэнка, *Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі*, с. 224.

¹⁰⁰ Напр.: **венецѣ**^[2], **границѣ**^[2], **мѣсецѣ**, **наконѣцѣ**^[2], **вѣтецѣ**, **посланѣцѣ**, **тѣбѣлецѣ**, **чѣжо-земѣцѣ**; **жѣ**^[2], **тежѣ**^[2], **ижѣ**; **лѣчѣ**^[2], **прѣчѣ**^[4], **рѣчѣ**^[14], **шлѣхѣтѣчѣ**^[34]; **нашѣ**^[2]; **гѣдрѣ**^[6], **писарѣ**, **тварѣ**. Всего в ЛС в конце слов: **-цѣ**^[159] // **-ѣ**^[25] // **-цѣ**^[11]; **-жѣ**^[1401] // **-жѣ**^[214] // **-жѣ**^[41] // **-жѣ**^[5]; **-чѣ**^[293] // **-чѣ**^[1] // **-чѣ**^[29] // **-чѣ**^[54]; **-шѣ**^[201] // **-шѣ**^[2]; **-рѣ**^[118] // **-рѣ**^[11] // **-рѣ**^[8].

¹⁰¹ Первый пример в паре взят из текста кодекса издания 1588 года, второй – 1600: **вѣанкомѣ** – **вѣанкомѣ**, **ѣ насть** – **ѣ нась** (оба I-1), **самѣ каранѣ** – **самѣ каранѣ**, **мѣстамѣ** – **мѣстамѣ**, **радѣомѣ** – **радѣомѣ**, **теѣ** – **тежѣ**, **винѣнаѣ** – **винѣнаѣ** (все I-2), **дѣховалѣ** – **дѣховалѣ**, **вѣнаѣ** – **вѣнаѣ**, **свѣонѣхѣ** – **свѣонѣхѣ** [bis], **тыѣ** – **тыѣхѣ**, **прѣдѣтъ** – **прѣдѣтъ** (все I-3), **ѣ томѣ** – **ѣ томѣ**, **имѣ** – **имѣ**, **чаѣ** – **чаѣ**, **роскажемѣ** – **роскажемѣ** (все I-4), **слѣшѣнимѣ** – **слѣшѣнимѣ**, **не большѣ** – **не большѣ**, **намѣ** **вѣзнаѣмѣтъ** – **намѣ** **вѣзнаѣмѣтъ**, **выстѣпѣнаѣ** – **выстѣпѣнаѣ** (все I-5), **рѣчѣ** – **рѣчѣ**, **сѣ** **готовѣвалѣ** и **ѣсажаѣлѣ** – **сѣ** **готовѣвалѣ** и **ѣсажаѣлѣ**, **горѣломѣ** – **горѣломѣ** (все I-6), **ачѣ** **кольвѣкѣ** – **ачѣ** **кольвѣкѣ**, **по** **здѣраѣцахѣ** – **по** **здѣраѣцахѣ**, **кольвѣкѣ** – **кольвѣкѣ**, **имѣ** – **имѣ** (все I-7), **не вѣдаѣлѣ** – **не вѣдаѣлѣ**, **спѣдыѣваѣтъ** – **спѣдыѣваѣтъ** (оба I-8) и проч.

стечения¹⁰². Наборщики первопечатного кодекса охотно обращались к такой практике, в тексте ЛС 3-го издания „разделительные” **ъ** и **ь** встречаются не столь регулярно: **светъскиѣ** – **светскиѣ** (I-1), **вышъшого** – **вышшого** (все I-1), **горъло** – **горло** (I-2), **горъла** – **горла** (I-3), **подо’зъраны’** – **подо’зраны’** (I-4), **ѡт’ѡпадывають** – **ѡпадывають**, **поганьскиѣхъ** – **поганскиѣхъ** (оба I-7), **держачин’** – **держачин** (I-8), **въ замъкѣ** – **въ замкѣ**, **прывовъкъѣ** – **прывовкъѣ**, **зъ замъкѣ** – **зъ замкѣ**, **при полицъкъѣ** – **при полицкъѣ**, **навезкѣ** – **навезкѣ**, **горъло** – **горло**, **почъстивость** – **почстивост’**, **головъщина** – **головщина**, **въшелакого** – **вшелакого**, **мѣстъцѣ** – **мѣстцѣ**, **водълѣгъ** – **водлѣгъ**, **маетъности** – **маетности**, **веръхѣ** – **верхѣ**, **ѣчинъкомъ** – **ѣчинкомъ**, **первъшомъ** – **первшомъ** (все I-9) и т. д.

8. Следы „живого”, привычного для уха наборщика произношения, отличного от орфографической традиции, чаще всего фиксируются в примерах, отражающих отвердение шипящих и **р**. Первый из этих процессов, хотя и неодинаково фиксируется в ЛС разных изданий¹⁰³, не очень показателен для наших исследований – как присущий и белорусским, и украинским говорам той поры. Отвердение же **р** последовательнее проявляется на белорусской языковой почве. Может быть, поэтому в тексте кодекса 1-го издания сочетания **ръ**, **ра**, **рѣ**, **ры** на месте исконных **рь**, **рѧ**, **рю**, **ри** встречаются очень часто¹⁰⁴. ЛС-3 – вопреки равнению на первопечатный образец – в неполной

¹⁰² А. М. Булыка, *Розвідце арфаграфічнай сістэмы...*, с. 35.

¹⁰³ Ср.: **ѣчинили** – **ѣчинили**, **прислѣхаючѣхъ** – **прислѣхаючѣхъ** (оба I-1), **належаючѣхъ** – **належаючѣхъ**, **ѡмѡвляючѣхъ** – **ѡмѡвляючѣхъ** (оба I-2), **ѣтекаючѣхъ** – **ѣтекаючѣхъ** (I-6), **жывѣ** – **жнѣ** (I-9), **постерегаючѣхъ** – **постерегаючѣхъ** (I-14), **чы’** – **чи’** (I-18), **продажѣхъ** – **продажѣхъ**, **пѣщѣхъ** – **пѣщѣхъ** (оба I-31), **належаючѣхъ** – **належаючѣхъ** (II-2), **нашѣхъ** – **нашѣхъ** (II-3), **чинимъ** – **чинимъ** (II-9), **ѡгледавшѣхъ** – **ѡгледавшѣхъ** (II-11), **волочѣхъ** – **волочѣхъ**, **позываючѣхъ** – **позываючѣхъ**, **першѣхъ** – **першѣхъ** (все II-18), **жывности** – **жывности**, **жыгъ** – **жигъ**, **ярынъ** – **яринъ**, **ярынахъ** – **ярынахъ** (все II-19) и проч.

¹⁰⁴ Наиболее последовательно следы отвердения **р** фиксируются лишь в окончаниях слов (свыше 80 % возможных случаев), напр.: **гѣръ**^[85] // **гѣръ**^[6], **писарѣ**^[34] // **писѣ**^[9] // **писарѣ**, **зверѣ**^[3] // **звѣ**; **гѣдра**^[75] // **гѣдра**^[17], **писара**^[23], **вѣпра** // **вѣпрѧ**, **звѣра**^[4]; **гѣрѣ**^[30], **зверѣ**^[4], **писарѣ**^[10], **арендарѣ**, **слѣсарѣ**; **золотарѣ**, **комисарѣ**^[8] // **комисари**^[2], **писарѣ**^[6] // **писари**^[2], **секретарѣ**; **подкоморѣ**^[58] // **подкомори**^[8]. В корнях – если не считать слова **вѣдрѣ**^[68] // **вѣдрѣ**^[1434], терминологизированного и потому устойчивого именно в традиционной форме написания, – отвердение отражается только в каждом третьем случае: **горачѣ**^[11] // **горачѣ**^[13], **дворанинѣ**^[3] // **дворанинѣ**^[3], **порадокѣ**^[31] // **порадокѣ**^[36], **спратѣ** // **спратѣ**; **крывѣда**^[51] // **крывѣда**^[190], **рымскиѣ**^[3] // **рымскиѣ**, **трыѣзналѣ**^[7] // **трыѣзналѣ**^[16]; аналогичный коэффициент „наглядности” отвердения проявляется на стыке корней и суффиксов: **ярына**^[4] // **ярына**^[4], **матерыстыѣ**^[20] // **матерыстыѣ**^[18], **товарышѣ**^[2] // **товарышѣ**^[4], **ѡпатрыгѣ**^[3] // **ѡпатрыгѣ**^[5], **ѣморыгѣ**^[2] // **ѣморыгѣ**^[5]; а префикс **при** и предлог **при** обретают твердую форму в 20 % употреблений: **прывыгѣ**^[6] // **прывыгѣ**^[22], **прѣхѣти**^[11] // **прѣхѣти**^[58], **прѣмѡвати**^[14] // **прѣмѡвати**^[30], **прѣти**^[20] // **прѣти**^[91], **прѣсѣга**^[76] // **прѣсѣга**^[338] – всего: **прѣ**^[255] // **прѣ**^[1340] (статистика фиксаций предлога: **прѣ**^[65] // **прѣ**^[317]).

сотне примеров как бы возвращается к первичной – мягкой – форме (фиксации обратной направленности, конечно же, имеют место, но их гораздо меньше): прыстѣгнѣнъ – прыстѣгнѣнъ, роскрывавиѣ – роскрывавиѣ, пры костелехъ – пры костелехъ (все I-9), писары – писари (I-14), писары – писари, секретары – секретари (оба I-22), непримателѣ – непримателѣ (I-27), пры томъ – пры томъ (I-30), приехати – приехати (II-13), пры костелехъ – пры костелехъ (III-6), ѡ прымоѣце – ѡ прымоѣце (III-28), веры – вери, пры томъ – пры томъ (оба III-30), пораѣкѣ – пораѣкѣ (IV-1 bis), патрыли – патрыли (все IV-12), прыпозваньеѣ – прыпозваньеѣ, прысѣгнѣти – прысѣгнѣти, прынаѣти – прынаѣти, пры стороне – пры стороне (все IV-23), ѡ горячомъ [ѣчинѣкѣ] – ѡ горячомъ (IV-30), трыбѣналѣ – трыбѣналѣ (IV-32) и проч.

9. Из графико-грамматических особенностей, различающих издания Статута, выделим всего одну, но достаточно яркую черту: наглядное следование соответственно белорусской и украинской письменным традициям в выборе форм окончаний глаголов наст. и буд. времен 3 лица ед. и мн. чисел. 1-е издание кодекса достаточно демонстративно отдает предпочтение мягкому „белорусскому” варианту на -ть: -ть^[4678] // -т^[414] // -т^[146] // -ть^[162] // Ø^[6]. ЛС-3 почти в каждом третьем случае употребляет твердоерый „украинский” -ть¹⁰⁵.

Литература вопроса упоминает также о иных особенностях, различавших „школы” белорусского и украинского письма XVI-XVII вв., но исследуемый материал дает примеры слабой дифференциации изданий по таким параметрам. Речь идет о следах отвердения ц как белорусском фонетическом явлении и смешении ы - и в украинской письменной традиции. В этих случаях картина фонетических процессов оказывается затемненной действием графических норм письма. Так, большая частотность употребления имен на -ць в 3-м издании скорее объясняется правилами постановки здесь ь и ѣ, но не свидетельствует о мягкости согласного как таковой. Выявлению последовательного написания либо смешения этимологических ы и и препятствуют следы процессов отвердения шипящих, губных, ц, р, отчетливее обозначенные в ЛС-1.

¹⁰⁵ Напр.: выстѣпнѣти – выстѣпнѣти (I-1), приѣдѣти – приѣдѣти (I-3), не маѣти – не маѣти, можетѣ – можетѣ, идѣти – идѣти (все I-4), маѣти – маѣти, подѣгаѣти – подѣгаѣти, ѡзнаѣмнѣти – ѡзнаѣмнѣти, (все I-5), маѣти – маѣти (I-6), тратнѣти – тратнѣти [bis], маѣти – маѣти, возмѣти – возмѣти, маюти – маюти (все I-7), спадываюти – спадываюти, маѣти – маѣти [bis], бѣдѣти – бѣдѣти [bis], ведѣти а не доведѣти – ведѣти а не доведѣти, гоннѣти – гоннѣти (все I-9), кѣпнѣти або закѣпнѣти – кѣпнѣти або закѣпнѣти, маѣти – маѣти [bis], тратнѣти – тратнѣти, ѡкажетѣ – ѡкажетѣ, ѣтетѣ – ѣтетѣ, бѣдѣти – бѣдѣти (все I-10) и т. д.

Таким образом, сопоставление непреднамеренных расхождений в наборе разных изданий свода законов ВКЛ позволяет увидеть симптомы языковых тенденций, наметившихся в переломный период развития „русской мовы”. Третье издание Статута характеризуется, сравнительно с первым, некоторыми изменениями в орфографии, знаменующими начальную стадию процесса расшатывания системности письменно-книжной разновидности „западнорусского” языка и смещения его региональной базы. Ранние признаки грядущих метаморфоз вполне закономерно отмечаются в документе государственной важности: именно административно-деловая письменность, как наиболее открытое на действительность проявление „русской/простой мовы”, оказывается первым звеном, принявшим в себя инновации¹⁰⁶.

¹⁰⁶ См.: А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, *Характар знешніх узаемаадносін беларускай літаратурнай мовы з іншымі славянскімі мовамі ў пачатковы перыяд яе фарміравання*, Мінск 1973, с. 6.

Приложение 2

О рукописном экземпляре Статута 1588 года из фондов Берлинской королевской библиотеки

В Кракове, в Библиотеке Ягеллонского университета, хранится рукописный Статут (шифр MS Slav Fol. 7), какое-то время считавшийся безвозвратно утерянным. Почти два века назад о нем писал И. Н. Данилович: „Miłośnik starożytności oyczystych, troskliwie w uczonych podróżach zwiedzający biblioteki i zakłady zagraniczne, Franciszek Malewski, uwiadomił mię listownie, jako sam oglądał naocznie w bibliotece królewskiej berlińskiej, exemplarz rękopiśmienny ruski statutu z roku 1588, kopijowany w majątku kapituły wileńskiej Hodouczyszkach, roku 1595 in fol.”¹⁰⁷. Пятнадцатью годами позже о кодексе упоминал в своем письме С. Строев, однако дело ограничилось фиксацией библиотечной принадлежности рукописи¹⁰⁸. Перед этим, в 1837 году, ученый-археограф „предпринялъ путешествіе въ Германію и Францію съ намѣреніемъ описать Кирилловскіе памятники, разсѣянные по публичнымъ и частнымъ бібліотекамъ”¹⁰⁹. Результаты его изысканий нашли отражение в капитальном труде¹¹⁰, увенчанном Демидовской премией, однако рукопись кодекса в число представленных здесь 72 памятников письменности не попала. Не нашла она также места в другом обзоре фондов Берлинской королевской библиотеки, подготовленном спустя почти сто лет стараниями филолога-слависта А. И. Яцимирского¹¹¹. В обоих случаях поводом того, что Статут не получил освещения, видимо, послужила западнорусская, а не церковнославянская и не русская принадлежность рукописи.

Между тем ученым было чем заинтересоваться. В Берлинской библиотеке находилась, а в Ягеллонской пребывает в настоящее время самая ранняя из всех известных датированных копий Статута. Впрочем, употребление понятие „копия” применительно к этой рукописи возможно с обязательной оговоркой: кодекс из Годутишек почти полностью повторяет ЛС печати Мамоницей при воспроизведении „на слух”, различаясь в написа-

¹⁰⁷ I. D a n i ł o w i c z, *Opisanie bibliograficzne...*, s. 162-163.

¹⁰⁸ См.: С. Строев, *Выписка изъ письма корреспондента Археографической комиссіи С. Строева къ Предсѣдателю оной, изъ Дрездена отъ 21 Апрѣля 1838 года*, ЖМНП 1838, ч. XVIII, Июнь, с. 564.

¹⁰⁹ С. Строев, *Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Германіи и Франціи съ снимками изъ рукописей*, Москва 1841, с. VII.

¹¹⁰ См.: указ. соч.

¹¹¹ А. И. Я ц и м и р с к і й, *Описаніе южнославянскихъ и русскихъ рукописей заграничныхъ бібліотекъ*, т. I, [в:] „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ”, № XLVIII, Петроградъ 1921, с. 255-492.

нии/наборе без малого каждого слова. Дело в том, что рукописный Статут воспроизводит „рускомовный” текст латиницей, отмечая первый – пусть формальный – шаг на пути польской „линии” эволюции этого свода законов.

Рукопись ЛС содержится в конволюте, оправленном небогатым, но не лишенным художественного вкуса картонным коричневым переплетом с тиснением. На верхней доске в углах прямоугольного орнамента запечатлены образы ангелов, в центре – в нетипичной медальонной форме профильное изображение головы Иисуса Христа в ореоле. Центральный овал окаймляет надпись: IESUS CHRIS • FILIUS DEI • VIVIS • SALVATOR • MUNDI REX • RECUM • DOMINUS • DOMINANT, а по всему полю вокруг „медальона” симметрично разбросаны контуры цветов, напоминающих трехлепестковые лилии. Орнаментальная смесь религиозных и светских мотивов венчается тисненой надписью над образом Спасителя – „STATVT W: K: L 1595”. Нижняя доска переплета украшена сплошным сложным узором с геометрически выверенным прямоугольным орнаментом.

Сама рукописная книга сшита из 258 листов, представляющих три тематических блока: хроникальный, передающий *Nowiny żalósne z Moskwy* – сведения об убийстве Лжедмитрия и реакцию на это события *Panow Posłow* польских; юридический, приводящий два главных документа литовского права – Статут 1588 года и Трибунал 1581 года, и религиозный – с текстами нескольких песен и молитв. Каждая из частей конволюта написана разными лицами и в разное время: содержание хроникальных записей, а также сопроводительная датировка рукописи кодекса и религиозных песнопений свидетельствуют о том, что польскоязычные части книги – первая и третья – хоть и обрамляют раздел **права**, – появились на несколько десятилетий позже. Сам текст Статута занимает 196 листов (с 7-го по 203-й включительно), каждый из которых имеет нумерацию на лицевой стороне. Открывается кодекс модифицированным воспроизведением титульного листа первопечатного издания: герб Погони заменяется на обведенное с филигранным изображением лилий на щите под короной, а вместо оригинального **В Вилни дръковано в домѣ Мамоничовѣ** переписчик дает *Pisan w Hodvezyszkach Rokv 1595* [репр. 85, 86]. Затем следуют: привилегия Сигизмунда III, Реестр и полный текст Статута.

На страницах красными (вертикальными) и зелеными (горизонтальными) линиями¹¹² вычерчены рамки, в которые четким, но не очень старательным почерком черными чернилами вписан на обеих сторонах листа текст законов Великого княжества Литовского. Количество строк на заполненной рукописью странице в основном колеблется от 32 до 35. Киноварью пере-

¹¹² Ближе к середине текста Статута цветовая гамма рамок становится беднее: переписчик ограничивается киноварью.

СТАТУСЪ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛЬВЪ

ВНАМЕНШЕГО ГДРА КИРОЛА ЕГО МЛТН

ЖИКГИМОНТА ТРЕТЕГО НАКОРОТАЦЫН
БЪКРАКЪБЕ ВЪДАНЫ РОКЪ

А Ф ПН .

Смотрите што маєте чинити . бо несправѣстѣи рѣ Князь и парламент
хлбегомъ идѣи . А што соловѣи видѣте вы на
видѣи вѣдѣи . нехъ идѣи воемъ испраѣи господень завѣ
Азѣи . Асправѣи вы чинѣи . неспѣи бо прѣи господень бо
на шимъ несправѣи . анибравѣи . анибравѣи . анибравѣи
ракиа дѣровѣи .

Мнѣи справѣи дѣи . а споровѣи идѣи земля .
Хто любѣи несправѣи . а споровѣи несправѣи . а споровѣи
Правѣи идѣи . а споровѣи . а споровѣи . а споровѣи .

шѣи . а споровѣи .
гдѣи . а споровѣи .
фѣи . а споровѣи .
фѣи . а споровѣи .

ЗАКЛИ И ЗАПОВѢДЬ КИРОЛА ЕГО МЛТН .
ВЪИЛИИ , АРХИВАНЪ ВЪИЛИИ МАМОНТЪВЪ .

STATVT WIELI
KOHO KNIAZTWA
LITOVSKOHO, ODNAIAS^{NEY}
SZOHO HOSPODARA KOROLA
IEHO MILOSTI, ZYGIMONTA RE
tjeho dla koronacji w kraso
wie wjdanj ~ ~

Smotretie ssa narekie ogynfi, bo niesprawniesie Suda csalomiczobo
 alie Sud Bojy asstonowien smutit, wsie namas sie obwalith, Niechaj
 badeć owomas Strach, Horzpetei zamdij, Asprawnijcie wasie siłere, Dier
 ko przed hospodara Boga nassija nieprawnosti, ani strachowania awib, ani pnia:
 ctania darow.

Miłujcie sprawiedliwosc, ktorzcie Sudicie ziemiu
 Kto lubit nieprawnu, soś niecamidit dusaj swoicie,
 Prawo sudicie sjanie csalomiczstwie,

PISAN WHODVCZYSZKACH
ROKV 1595

писчик пользуется при выделении для наглядности начальных букв первого слова заголовка и текста каждого артикула, а также при вырисовывании безыскусных концовок к некоторым разделам – примитивных цветочных орнаментов. Замечательная сохранность рукописи свидетельствует о редком ее использовании.

Кодекс написан на бумаге хорошего качества с водяными знаками, изображающими три трехлепестковые лилии на щите под короной – в атласе Э. Лауцявичюса эта филигрань фиксируется под № 2200 и отмечается в книге *In mortem Philips*, отпечатанной в 1598 года в Кракове¹¹³.

Исследовательское внимание к технике воспроизведения первопечатного текста ЛС позволяет выделить следующие графические особенности в передаче кириллических букв латиницей:

- **ѣ, ѥ** в рукописи отражения не получают;
- мягкость согласных обозначается по польскому образцу посредством *i*: **сѣдѣти** – *siedieti*¹¹⁴, **дѣтиамъ** – *dietia*[–], **вѣзе**^а¹¹⁵ – *wiezienia*, либо с помощью специального диакритического знака: **бронь** – *bron*[̇], **дванацать** – *dwanadcat* [sic!], **шесть недель** – *sześć niedel* (I-11);
- йотированные гласные **ѧ, ѡ, ю, ѥ** („рускомовный” аналог **Ѧ**) воспроизводятся как сочетания *ia, iu, ie*: **людиѧ**^х – *liudiach*, **ѧкою стрельбою** – *iakoiu strelboiu*, **троѧкаѧ** – *troiakaia*, **маѣтности его** – *maietnosti ieho*, а после *l* как *a, u, e*: **с канцѣлярин** – *s kanclaryi*, **зеволенемъ** – *zezwoleńe*[–] (3-3), **конѣклюзыѧ** – *konkluzja* (III-32);
- смягчающее **ѥ** и несмягчающие **ѣ / ѥ** дифференцируются: первому соответствует диграф *ie*, вторым – графема *e*: **на дне** – *na dnie*, **до мѣста** – *do miesta*, **мѣшкати** – *mieszkati*, но **тѣстамѣ**^{ты} – *testamenty* (I-16), **секретары** – *sekretary* (I-22), **ѣкъспѣкътативахъ** – *expectatiwach* (I-33);
- несчастый в старопечатном тексте „ять” передается как *ie*: **в мѣстѣ томъ, гдѣ мы гдѣръ ... бѣдемъ** – *w miestie to[–], hdie my Hspdr⁷ budie[–]*, **вѣры** – *wierzy* (I-5);
- **ы** как *y*: **шпады** – *szpady*, **выше**^ѣ – *wyższe^y*, **ненабитые** – *nienabityie*;

¹¹³ Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве в XV-XVIII вв. Атлас*.

¹¹⁴ Иллюстративные примеры – за исключением тех, что даны с указанием локализации, – взяты из десятого артикула первого раздела кодекса.

¹¹⁵ Как видно из приводимого материала, многочисленные в первопечатном тексте взметы у переписчика внесены в строку, титлы, как правило, раскрыты. Копиист из Годутишек вместе с тем и сам изредка прибегает к сокращениям – не дописывает окончаний словоформ, указывая на „неполные” написания знаками ударения и придыхания („долгой” и „псилью”), а также двоеточием: **правнымъ доводомъ** – *prawnim dowodo[–]*, **ѡбѣцѣмъ и шлюбуѣмъ** – *obiecuiē y slubuiē* (I-1); **за заказомъ** – *za zakazo[–]*, **маѣстатъ нашего гдѣрського** – *magestatu naszo[–] hspko[–]* (I-4); **Великого князства Литовського** – *Wie: Knia: Lit:* (I-1), **полконы гроше**^ѣ – *polkony^y hro:* (XIII-11).

– а вот для обозначение звука [и] с равной мерой частотности используются два знака – *i* и *ÿ*: **и инъшое** – *ÿ inszoie*, но ³ **жадною иною** – *z zadnoiu ÿnoiu*; **и раны** – *ÿ ranÿ*, но **и стрелянья** – *i streliania*; **чинити** – *czÿniti*, но **отослати** – *odoslatÿ*;

– та же буква *ÿ*, выступая в третьей своей „роли”, передает звук [j]: **понманъ** – *poÿman*, **ве^хменовано^о** – *wierchumienowanoÿ*, **забо^оство** – *zaboÿstwo*; и в довершение функциональной „многоликости” соответствует звуко сочетанию [uj]: **кожды^о** – *kodzÿ*, **удержаны^о** – *odierzanyÿ* (I-12), **хоружни^о** – *choruzÿ* (I-17);

– *j* в рукописи встречается очень редко. По примерам **зъ имениа** – *zjmienia*, **бе^з милосердья** – *bez milosierdja* (I-17) может создаться впечатление, что „йот” здесь имеет разделительные функции. Однако более многочисленны употребления типа **воли** – *wolj* (III-40), **самъ одинъ** – *sam odjn* (IV-9), **установити** – *ustanowitj* (IV-59), с одной стороны, и **зъезде** – *ziedzje* (III-47), **на вдовьемъ столцѣ** – *na wdowieм stolcu* (V-16), **пьянствѣ** – *pianstwie* (XII-24), с другой, такую версию исключают: перед нами всего лишь графический вариант *i*;

– на месте **ж** (и, к слову сказать, **з**) находим *z*¹¹⁶: **жаденъ** – *zaden*, **ѣ вежи** – *u wiezÿ*, **мужобо^уцы** – *mizoboÿcy*;

– **ч** передается двузнаком *cz*: **плачона** – *placzona*, **за порѣченьемъ** – *za poruczeniem*, **четверако** – *czetwierako*;

– **щ** соответствует тризнак *scz*: **звлаща** – *zwłaszcza*, **ущипливого** – *usczypliwoho* (I-4), **отъпущоно** – *odpuszczono* (I-11);

– **ш** соотносится либо с диграфом *sz*: **шкодити** – *szkoditi*, **шафѣючи** – *szafeiuiczÿ*, **шлѣхты** – *szlachty* (I-15), либо с буквой *s*, функционально омонимичной и потому уступающей вариантному конкуренту в количестве проявлений: **шлюбѣемъ** – *slubie* (I-1), **то^огнѣвъшисѧ** – *torhnuwsÿsia* (I-9), **на пѣршнѣ** – *na piersÿie* (I-8);

– отражение на письме **ц** также характеризуется вариативностью – обозначается чаще как *c*: **на улицы** – *na ulicy*, **о выволанцохъ** – *o wywołan-coch*, **цекгль** – *ceglu* (XI-23), но также и как *ć*: **на палацъ** – *na palac*, **зраде^а** – *zdradieć* (I-3), **оте^а** – *oteć* (I-7);

– г-фрикативное передается как *h*: **о погамованью** – *o pohamowaniu*, **в господѣ** – *w hospodie*, **водлѣгъ а^отыкѣлѣ** – *wodlęh artikułu*, а вот г-взрывному, обозначаемому в „мове” как **к**, соответствует *g*: **срокгостью** – *srogostiu*, **фольки** – *folgi*, **голодѣ к^огвалтовного** – *holodu gwałtownoho* (I-3);

– на месте **х** последовательно отмечаем *ch*: **хоженѧ** – *chozenia*, **захованъ** – *zachowan*, **при сѣдѣхъ зем^ьски^х** – *prÿ sudiech ziemskich* (в написаниях *kto, nikto* – **хто, нхто** следует, видимо, усматривать польскую огласовку);

¹¹⁶ На титульном листе в записи, сделанной печатными буквами, **з** принимает иное – более привычное глазу современного читателя – очертание: *z*.

– параллель **т** – *t* в особом комментарии вроде бы не нуждается: **БЫТИ СТЕГАНО** – *bŷti stiegano*, **ТО ЕСТЬ** – *to iest*, но для выражения [т] в рукописи используется еще и „старопольский” диграф *th*¹¹⁷: **МАЮ** – *maiuth* (I-1), **КГЛЕ** – *glejthu* (I-13), **Ў ЗАТА** – *od zŷatha* (V-1);

– в качестве эквивалента буквы **в** во всех случаях употребляется *w*: **ВИНЫ НА ВРА** – *winy na wrad* ... **ВИНЕНЪ ЗАПЛАТИТИ** – *winien zaplatiti*;

– и, наконец, для различие [л] – [л’] переписчик прибегает к явно польскому противопоставлению *l* – *ł*: **ЗЪФАЛЬСТВА И СВОБОЛЕНЬСТВА** – *zifalstwa swowolenstwa*, **КОЛЬВЕКЪ** – *kolwiek*, но **З ЛЪКОМЪ** – *z łukom*, **РАНИЛЪ** – *ranil*, **МАЛЖЕНЬСТВО** – *malzenstwo* (V-13) [репр. 87, 88].

Большинство из отмеченных соответствий говорит о том, что при передаче текста Статута „переводчик”/переписчик ориентируется на орфографические правила Короны, характеризовавшиеся в то время использованием графики многозначной (некоторые буквы обозначали разные звуки), составной (обращавшейся к двузнакам) и диакритической¹¹⁸. С учетом многообразия тогдашних концепций по реформе польского письма предрасположенности копииста можно определить точнее: в его рукописи прослеживаются графические тенденции, соотносимые с кодификаторской деятельностью краковских редакторов – „kierowników literackich”, в частности, Яна Сандецкого-Малецкого – глашатая орфографической традиции местных типографов¹¹⁹. В краковских книгах второй половины XVI века мягкость гласных обозначала буква *i*; *y* и *i* употреблялись дифференцированно; на наличие [j] перед гласной показывала буква *i*, а перед согласной и в конце слова – *y*; звукосочетание [ij] передавалось как *yj*¹²⁰; непоследовательной была фиксация шипящих и аффрикат: [č] как *cz, cz, č*; [ž] – *ž, ž*; [ć] – *c, cz, tz, ci*; [c] – *cz, c, tz*; [š] – *sz, sch*¹²¹.

В исследуемой рукописи кроме вариативности при фиксации отдельных звуков, в числе особенностей передачи кириллического текста латиницей значится еще одна примечательная характеристика: большая открытость на фонетический принцип письма, т. е. запись „как слышится”. Здесь нагляд-

¹¹⁷ *Th* (в оценке З. Клемсевича, „dwuznak niepotrzebny”) был принят старопольскими текстами из немецкого письма (см.: Z. Klemensiewicz, *Historia języka polskiego*, Warszawa 1974, s. 93).

¹¹⁸ См.: S. Jodłowski, *Losy polskiej ortografii*, Warszawa 1979, s. 18.

¹¹⁹ См.: S. Urbańczyk, *Rozwój ortografii polskiej*, „Język Polski” 1955, XXXV, nr 2, s. 81–93; S. Rospond, *Z badań nad przeszłością polskiego języka literackiego*, ibidem, s. 93–99.

¹²⁰ Запись *y* с одной или двумя точками вообще представляет собой любопытный графический полонизм. Как замечают исследователи, „często występował on w tekstach epoki Kochanowskiego... Połocki zapisał kilkakrotnie owo *y i j*: skatowanŷ, ... naŷlicznieŷszych, wybranŷ” (K. Szczesniak, L. Jankowska, *Uwagi na temat języka „Wierszy o Męce Pańskiej...” Symeona Połockiego*, [w:] *Czterechsetlecie Unii Brzeskiej. Zagadnienia języka religijnego*, pod red. Z. Leszczyńskiego, Lublin 1998, s. 55).

¹²¹ Z. Klemensiewicz, *Historia języka polskiego*, s. 365.

нее и последовательнее, чем в печатном оригинале, отражаются следы актуальных на то время фонетических процессов:

– отвердения шипящих, *р* и *ц*: **чимъ** – *czym*, **учевисте** – *oczewistie* (I-1), **инъшими** – *inszymi*, **выше** – *wysze*, **неѣживаньа** – *nieużywania*, **ниже** – *niże*, **пущи** – *puszczy* (I-31), **ѡ прочищенью** – *o proczyszczeniu* (I-30); **до вридовъ** – *do wradow*, **порѣкомъ** – *poradko*, **пришолъ** – *pryszoł*, **подкоморн** – *podkomorzy* (II-7), **рицеръство** – *rycerstwo* (III-3), **черезъ** – *czerez*, **рекъ портъовыхъ** – *rek portowych* (I-31); **цена** – *cena* (XIII-1), **жонце** – *zonce* (12-3), **церокграфы** – *cerografy* (I-16), **цынъ** – *cyn* (I-17), **справцы** – *sprawcy* (I-30), **стацию** – *stacyiu* (I-35);

– перехода [е] в [о] перед твердыми: **человекъ** – *czolowiek*, **четырохъ** – *czotyroch* (IV-29), **неподозреными** – *nepodeżyronymi* (I-5), **листь своѡтворены** – *list swoj otworony* (IV-97), **мѣжебѡца** – *mezoboca* (XI-14);

– появления [е] на месте [а] безударного (реже ударного): **видѣчи** ... **а хотѣчи** – *widieczu ... a chotieczu*, **предъ са** – *predze*, **поѡтоужъ прѣстагою** – *pod toiusz przysiehoiu* (IX-6).

Рукописный текст оказывается более чутким и к таким позиционным фонетическим изменениям, как оглушение звонких в конце слова: **Ѧ и*** – *A isz*, **того*** – *tohosz*, **до кнѣгъ** – *do knich* (XI-59); ассимиляция: **дѣако** – *diatko* (I-7), **тѣакими** – *tiaszkimi* (I-29); упрощение групп согласных: **мѣстѣце** – *miesce*, **кѣроаскихъ** – *grockich*, **блиаскимъ** – *bliskim*, **властнымъ** – *wlasnym* (I-29), **участникъ** – *uczestnik* (I-31).

Справедливости ради нужно заметить, что следствия всех указанных процессов очевидны и в типографском тексте кодекса, но в печати сильнее сказывается влияние книжной традиции, как известно, препятствующей записи „на слух”. Из всех фонетических новаций наиболее демонстративно отражаются у Мамоничей процессы, связанные с изменением гласных: переход [е] в [о] и [а] в [е]: так, напр., на 15 написаний **человекъ** здесь приходится 109 „вариантов” **чоловекъ** (и 81 **члѣкъ**); соотношение употреблений **четырохъ** и **чотырохъ** / **чотыри** – 3 : 94, **ѡтворены** и **ѡтвороны** – 1 : 26; **хотѣчи** и **хотѣчи** – 5 : 37 (всего в подобных словоформах: **-ачи/-ачи**^[22] // **-ѣчи**^[123]); **прѣстага** и **прѣсега** – 38 : 122 и т. д. Вместе с тем имеется группа слов (в основном они представляют собой терминологические понятия), отличающихся консервативностью в написании, „непроницаемостью” в отражении актуальных фонетических процессов: так, **вриадъ** (**ѣриадъ**) встречается в кодексе около полутора тысяч раз, а **врадъ** (**ѣрадъ**) только 68; пропорция употреблений **ѣвѣзанье** // **ѣвѣзанье** – 36 против 14, а **порѣдокъ** // **порадокъ** уже 36 против 31. Зримые результаты отвердения шипящих, *р* и *ц* также фиксируются в тексте печатного ЛС не очень регулярно: в целом при соблюдении сопутствующих условий „твердые” формы заменили „мягкие” в корнях слов в среднем лишь в двух случаях из трех: **впередъ**^[7] // **вперодъ**^[5],

напередѣ^[10] // наперодѣ^[6], мѣстцѣ^[41] // мѣстцо^[9], нашего^[8] // нашего^[216], ещѣ^[70] // ещо^[9] и проч.

Так что рукописная „копия” Статута – незавуалированная условностями „рускомовной” письменной традиции – в сравнении с оригиналом, да и кириллическими памятниками вообще, дает для фонетических исследований богатый материал, позволяющий судить о размахе тогдашних звуковых процессов, мере их распространения и активности.

Картина звучания „русской мовы”, выявленная на основе анализа осуществленной в Годутишках „транскрипции”, не будет, однако, объективной, если при работе с текстом не разграничивать „своего” и „чужого”: не абстрагироваться от ощутимого налета польского языка. Воздействие последнего находит в рукописи многообразные проявления:

– переписчик нередко сбивается на носовые: **заховатисѧ** – *zachowatisię*, **не ѡсправедливиѡшисѧ** – *nieusprawiedliwiłszy się*, **въ чомѣ се розѹметнѧ** – *w czō się rozumieti* (I-3), **гдѣ сѧ ѡборочати** – *gdie się oboroczati* (I-12);

– в предлогах и приставках оригинальное **т** всюду заменяется на **д**: **ѡправованьемѣ сѹдовѣ** – *odprawowanie sudow*, **ѡ которо** – *od ktoro* – *ho*, **ѡ именѣ** ... **ѡпадывають** – *od imieni odpadywaiut* (I-6);

– суффиксы с напряженным редуцированным передаются формантами **-іѣ** без фиксации долготы (удвоения) в произношении предыдущего согласного¹²²: **караньѣ** – *karanie*, **о збѣтѹ** – *o zbŷtiu* (I-24), **здорѣѣ** – *zdorowie* (I-3);

– постоянно проскальзывают „скорректированные” на польский лад лексемы: **подозрѣньѣ** – *podoŷrzenie*, **в ночи** – *w nocŷ*, **ѡцовѣское** – *oŷcowskoie*, **головщина** – *holowczŷzna*, **до ремесника** – *do Remieslnika*, **крывавою** – *krwawoiu* (I-2), **недѣѣ** – *niedziel* (I-4), **сведѣѣствомѣ** – *swiadectwō* (I-5), **маѣтности** – *maŷtnosti* (I-6), **здрѣѣца** – *zdraŷca* (I-8), **при дворе** – *prŷŷ dwore* (I-9), **в посольстве** – *w poselstwie* (I-13), **людѣскихѣ** – *ludzkich* (IV-9), **четыри** – *cztery* (IV-92) и т. п.

И хотя нигде, ни в какой мелочи переписчик не посмел преднамеренно исказить „рускомовный” текст, регулярные польские огласовки впрямую указывают на языковую ориентацию автора транскрипции.

Не вызывает, таким образом, сомнения факт, что человек, взявшийся транскрибировать Статут, одинаково хорошо владел „русской мовой” и польским языком. Под своим трудом он, вопреки традиции той поры, не оставил имени, поэтому известно о переписчике немного: то, что „управился” он с ответственным поручением меньше, чем за шесть месяцев, закончив ру-

¹²² Удвоение согласного перед *j* – особенность, которую Е. Ф. Карский называл „одною из выдающихся примет” белорусских и украинских говоров (Е. Ф. К а р с к и й, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва 1962, с. 256) – не получает отражения и в старопечатном тексте, такова была дань тогдашней орфографической традиции.

копись 29 июля 1595 года¹²³; и то, что местом пребывания „копииста” – по крайней мере на срок выполнения работы – были Годутишки (или Адутишкис) – местечко в 112 верстах от Вильно, недалеко от Свенчан (Швенчёниса)¹²⁴, принадлежавшее в конце XVI в. представителям знатного в Литве рода Кишков¹²⁵.

Тогдашний глава фамилии – Станислав (ум. 1617), сын витебского воеводы Яна (1547-1592) – был глухонемым, общественной жизнью не интересовался¹²⁶ и заказчиком графически модифицированного кодекса, кажется, быть не мог. Активные жизненные позиции занимали сыновья старшего Кишки: тоже Станислав, впоследствии жмудский епископ, отписавший Годутишки виленской капитуле; Януш и Миколай – соответственно гетман и подскарбий Великого княжества; Кшиштоф – по следам деда принявший „вряд” воеводы в Витебске¹²⁷. Однако в 1595 году старшему из них исполнилось 11, а младшему 5 лет.

И все же определенные – гипотетически ведущие к Статуту – следы Кишки оставили: женой глухонемого владельца имения была Эльжбета Сапежанка, двоюродная сестра канцлера Льва Сапегы¹²⁸, а матерью – княгиня Эльжбета Острожская (ок. 1557-1599). В 1593 г., спустя год после смерти мужа, она вышла замуж за Кристофа Радзивилла „Пёруна”, виленского воеводу¹²⁹. Оба упомянутых государственных деятеля ВКЛ¹³⁰, как мы помним, играли далеко не последние роли в создании Литовского Статута, утверждении и распространении его положений.

Но даже если Кишки не имели к рукописи прямого отношения, примечателен сам факт существования на их землях если не центра, то пункта по переписке главных документов литовско-русского законодательства. Оснований для такого утверждения имеется несколько: это наличие в одной книге с кодексом Трибунала 1581 года, писанного в том же местечке; а также никем позже не подтвержденное, но от этого не утратившее достоверности замечание И. Н. Даниловича: „Zapewniano mię, iż w królewskiej biblio-

¹²³ Текст Статута завершает запись: *Dokonczenie Statuthu Roku 1595 • Julij • 29 •*

¹²⁴ Ныне оно лежит почти на самой границе между Литвой и Беларусью.

¹²⁵ См.: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów Słowiańskich*, т. III, Warszawa 1882, s. 89.

¹²⁶ См.: *Polski Słownik Biograficzny*, т. XII, Ossolineum 1966, s. 517.

¹²⁷ Там же, с. 508-511, 513-514, 517-518.

¹²⁸ См.: *Dom Sapieżyński*, opr. E. Sapieha, Warszawa 1995, s. 15, tab. I, II.

¹²⁹ Для „Пёруна” это был четвертый брак (*Polski Słownik Biograficzny*, т. XXX, Ossolineum 1987, s. 275).

¹³⁰ Любопытен тот факт, что Льва Сапегу и Кристофа Радзивилла помимо взаимной приязни связывали также родственные отношения: дочь Пёруна Эльжбета (1583-1611) была женой канцлера (в его втором браке).

теce w Berlinie, znajduje się rękopism statutu, r. 1589 w Hoduciszkach w Litwie pisany; podobniejsza do prawdy, że to jest kopia statutu Zygmunta Augusta z r. 1566”¹³¹.

Впоследствии написанный в Годутишках Статут еще как минимум полвека продолжал оставаться на литовской земле. К такому предположению склоняет дарственная надпись на шмуцтитule книги: *Ten Statut Ja Jan Krzysztof Skarbek z Kielczewic Kielczewski Starosta Stokliski darowałem Wielmożnemu J. M. Panu Chrystofowi Pacowi, Chorążemu Wielkiemu W X. L. Wilkomskiemu JC Staroscie na wieczną pamiątkę*. Местечко Стоклишки (лит. Стаклишкес), старостой которого являлся даритель, лежит на запад от Тракая и Вильно (в старом измерении соответственно 40 и 70 верст); город Вилькомир (лит. Укмерге) также располагается в центральной части Литвы, но на 100 верст севернее Стоклишек.

Из польского гербовника узнаем, что автор пометы – Ян Келчевский – принадлежал к шляхетскому роду, ведущему начало из деревни Келчевице, что под Люблином. Родовая фамилия еще в Польше была дополнена прозвищем Скарбэк. „Na Litwie spotykamy Skarbków Kielczewskich już w XVII-m wieku. Krzysztof, starosta stokliski, żonaty był z Anną Pacówną, córką Mikołaja, podkomorzego brzeskiego i Zofii Agaty Sapieżanki. [...] Synów miał trzech: Andrzeja i Mikołaja młodo zmarłych i Jana Krzysztofa. Ten ostatni, sędzia ziemski kowieński 1665 r., następnie podkomorzy, z tym tytułem podpisał elekcje króla Michała, w końcu marszałek kowieński, pisał się na obiór Jana III”¹³². Небольшое уточнение к хронологии приведенных сведений содержат документы чрезвычайного сейма Речи Посполитой, состоявшегося в мае-июне 1672 г. Под утвержденной тогда конфедерацией подпись поставил „Jan Skarbek Kielczewski, marszałek powiatu kowieńskiego”¹³³.

Адресат дарственной надписи на Статуте – Христофор [Криштоф] Пац (1621-1684) – в недалеком будущем станет очень важной и влиятельной персоной: канцлером Великого княжества Литовского. Обязанности же хорунжего ВКЛ он нес с 1646 по 1656 гг. – в это время и получил в подарок рукописный кодекс.

Из процитированных выше источников можно было заметить, что даритель и обдарованный являются родственниками. Старшим братом жены Яна Келчевского – Анны (ум. 1631) – был Стефан Пац (1587-1640), референдарь и писарь ВКЛ, а позже великий литовский подскарбий¹³⁴, которому

¹³¹ I. Daniłowicz, *Historyczny rzut oka...*, s. 90.

¹³² A. Boniecki, *Herbarz Polski*, t. X, Warszawa 1907, s. 27.

¹³³ См.: A. Filipczak-Kocur, *Konfederacja litewska na nadzwyczajnym sejmie 1672 roku*, [w:] *Studia z dziejów państwa i prawa polskiego Uniwersytetu Łódzkiego*, t. V, Łódź-Kraków 2000, s. 137.

¹³⁴ *Pacowie, materiały historyczno-genealogiczne...*, s. 82.

Христофор приходился сыном. Таким образом, кодекс был передан дядей племяннику (сыну шурина), тогда еще только начинающему свою блестящую карьеру.

Подводя итоги нашим наблюдениям, отметим, что в конце XVI – начале XVII веков рукописное тиражирование свода литовских законов отвечало практическим нуждам официальных лиц или учреждений ВКЛ. Списки ЛС, вызванные к жизни этой потребностью, невольно несли на себе печать времени, свидетельствуя о направленности культурных, социальных и языковых устремлений, наметившихся тогда в кругах просвещенного местного общества.

Содержание Статута, оказавшееся долговечнее его „рускомовной” формы, уже тогда делало робкие примерки новой „оболочки”. Обретение польского обличья знаменовало первую из языковых трансформаций кодекса, позже ЛС будет служить людям также в украинско-белорусской и русской версиях.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Довольно давно, когда в моем исследовательском багаже было около десятка статей, связанных с проблематикой ВКЛ (а все эти публикации так или иначе базировались на материале Статута), один из оппонентов упрекнул меня в отсутствии любви к предмету исследования, а убедительности критике должно было придать воспроизведение библейского мотива: „Без любви человек лишь кимвал звучащий”¹.

На фоне того, что писали тогда в мой адрес представители некоторых научных кругов, эти слова представлялись не более, чем пробой пожурить коллегу, выходящего в суждениях за рамки того, что, казалось бы, общеизвестно; не согласного с тем, „чему учили”. Однако именно эта оценка, а не навешенные прежде ярлыки, из которых самые безобидные определяли меня как автора „фантастичных тэорий” и „суб`ектыўных спекуляцый”, задела больше всего. Вступая в дискуссию, постарался в своем ответе избежать эмоций, силясь говорить сухим языком аргументов, хотя в голове вертелось другое...

Я уже был влюблен в Статут во всех его проявлениях и отдавал себе в том отчет. В сознании не допускалась возможность того, что кто-то смел сомневаться в очевидном. Уже тогда я мог о себе сказать, что почти ежедневно часами с увлечением всматривался в страницы ЛС и знал в нем каждое слово. Как я мог не любить кодекса, если взгляда на страницу книги мне было достаточно, чтобы определить издание; если я распознавал его бумагу на ощупь? Разве не горячие симпатии заставляли меня объездить к тому времени пол-Европы только для того, чтобы подержать в руках очередной экземпляр, и я с нетерпением ожидал каждой ближайшей okazji для такой „экскурсии” (а потом еще и возвращался в те же самые книгохранилища – по второму, а иногда и третьему заходу)? Как я мог не любить Статут, если волновался перед „встречей” с новой для себя книгой в ожидании открытия секретов, которые обязательно скрывали ее страницы? И будет ли человек, безучастный к ЛС, перепроверять каждое (!) когда-либо (!)

¹ См.: Дискуссия (А. Котлярчук – В. Мякишев). Полемика, вызванная материалом статьи о „мовах” Великого княжества Литовского, „Studia Russica”, XIX, Budapest 2001, s. 497.

и где-либо (!) приведенное упоминание о кодексах печати Мамоничей в надежде вытащить из тени забвения хоть какой-то из забытых и утерянных экземпляров книги?

Избрав сначала в качестве объекта анализа язык кодекса, я анатомировал „мову”, описав каждую из 130 с лишним тысяч словоформ. Достижение намеченной цели, сводившейся к выявлению особенностей языковой структуры, обернулось необходимостью распутывания клубка сложного взаимодействия противодействия разнородных процессов, действующих в шкалах „старое – новое”, „свое – чужое”, „традиционное, письменно-книжное – живое, народное” и даже „диалектное – узкодиалектное”. При всей своей многовекторности язык Статута не переставал меня удивлять организованностью и строгой мотивированностью системы (в сравнении, напр., с документами актовой письменности). Кропотливую десятилетнюю работу не делают с холодным сердцем, но упреки, похоже, остались теми же. Да и как отношение ко мне могло измениться, если даже в таком символичном вопросе как название письменно-книжного языка ВКЛ, я – вопреки достижениям передовой науки – с демонстративным упорством использую „мякка кажучы, не зусім сучасны” термин „руская мова” да еще с таким несерьезным обоснованием, будто бы так, а не иначе именовали этот язык сами обыватели Великого княжества.

Статут открыл для меня мир „русской мовы” почти одновременно с миром старой книги. Оригинальные экземпляры кодекса – будучи первыми книгами XVI ст., оказавшимися в моих руках, – сразу же меня пленили, а потом и заинтриговали обилием своих загадок. На первых порах мне была интересна лишь история рождения Статута как книги, спустя годы исследовательские горизонты поневоле расширились: в просмотренных кодексах фиксировалось так много любопытнейших свидетельств позднейшего функционирования книг, что грех было бы оставить такой материал без внимания.

Так я стал книговедом, специализирующимся на освещении истории книги. С опорой на присутствие на страницах Статутов экслибрисов, печатей, штемпелей, ярлычков, а также разнородных рукотворных надписей: владельческих и дарственных, комментариев, помет, автографов, цифровых обозначений, записей про мемогиа и т. п. пытался раскрыть важные страницы в „биографии” каждого экземпляра, а при удачном стечении обстоятельств проследить всю 400-летнюю судьбу этого уникального печатного объекта действительности, имеющего научное, историческое и культурное значение.

Работа со Статутом – какими бы ее аспектами ни занимался – всегда была в радость. Почти двадцатилетняя практика изучения ЛС, как представляется, дает мне право подписаться под словами главного, в моей оцен-

ке, „статутоведа” И. И. Лаппо, признававшегося, что, чем больше он работает над сводом законов ВКЛ, тем сильнее преклоняется перед его творцами². Для Ивана Ивановича творцами были прежде всего составители кодекса, для меня же еще и редакторы текста (в том числе следившие за языковой стороной дела), справщики, печатники и все причастные к рождению Книги.

Надеюсь, что результаты моих изысканий, представленные в этой монографии, в какой-то мере прояснят ситуацию с кириллическими изданиями Статута – и на момент публикации старопечатных экземпляров, и применительно к современности. Во всяком случае для себя я ответил почти на все вопросы, которые перед собой ставил. Сказанное вовсе не значит, что больше к проблематике кодекса не обращусь. Работа обязательно будет продолжена. „Драгоцѣнный ... во многихъ отношеніяхъ”³ кодекс заслуживает неустанного к себе внимания, и хотя мы относим Статут к памятникам отдаленной старины, он „свайго значѣння ня страціць ніколі”⁴.

² См. ссылку на письмо И. И. Лаппо, приведенную Ст. Пташицким в статье: S. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego...*, s. 166.

³ Слова из письма литовского митрополита Иосифа Семашко (цит. по: А. И. Миловидовъ, *Описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ...*, с. 21).

⁴ А. Луцкевіч, *Чатырохсотлецце першага кодэксу беларускага права...*, с. 384.

Идания Литовского Статута 1588 года

- Статут Великого князства Литовского* 1-го издания, <http://www.law.bsu.by/content/?6297>
- Статут Великого князства Литовского* 2-го издания, http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/docmetadata?id=5939&from=&dirids=1&ver_id=&lp=1&QI=
- Статут Великого князства Литовского* 3-го издания, https://docs.google.com/folder/d/0B_C5W9UJ5UVwN182aThkc2taVzg/edit; http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/docmetadata?id=7335&from=&dirids=1&ver_id=&lp=2&QI=
- Лаппо И. И., *Литовский Статут 1588 года*, т. 2, т. II, Каунас 1938.
- Статут Великого княжества Литовского 1588 года* [электрон. ресурс], подг. О. Лицкевич, Минск 2002-2003: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>
- Статут Великого Князівства Литовського 1588 року у 2 книгах*, кн. 1, за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова, Одеса 2004.
- Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, транскрыпцыя тэксту падрыхтавана С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубевай, [Мінск] 2010.
- Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун, Мінск 2002; Мінск 2005; Мінск 2010.
- Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 3: *Дадатак*, Мінск 2010, с. 550-689.
- Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, Мінск 1989.
- Статутъ Великаго Княжества Литовскаго*, т. I-II, Санктпетербургъ 1811.
- Статутъ Великаго Княжества Литовскаго 1588*, „Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ” 1854, кн. 19.

Список использованной литературы

- Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностныхъ лицъ по вѣстмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1876 годъ*, Санктпетербургъ 1876.
- Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностныхъ лицъ по вѣстмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1890 годъ*, Санктпетербургъ 1890.
- Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностныхъ лицъ по вѣстмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1901 годъ*, Санктпетербургъ 1901.
- Адресъ-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностныхъ лицъ по вѣстмъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1908 годъ*, Санктпетербургъ 1908.
- А к с е н о в а Г. В., Григорий Матвеевич Прянишников: *городецкий купец, труженик, коллекционер*, „Роман-журнал XXI век”, № 6, 2002, с. 98-100.
- Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссіею*, т. VIII, Вильна 1875; т. IX, Вильна 1878; т. XX, Вильна 1893.

- Акты, относящиеся къ исторіи Западной Россіи*, т. II, Санкт-Петербургъ 1848; т. IV, Санкт-Петербургъ 1851.
- Акты, относящиеся къ исторіи Южной и Западной Россіи*, т. I, Санкт-Петербургъ 1863.
- Александрова О. К., *Національний парламентський бібліотеці України – 135 років, „Календар знаменних і пам'ятних дат” 2001*, кв. I, Київ 2000, с. 79-85.
- Александрович С., *Картографические труды Юзефа Нароновича-Наро́ньского на землях Великого княжества Литовского в середине XVII в.*, „Археографический ежегодник” за 1966, Москва 1968, с. 65-74.
- Алмазов А. С., *Библиотека политического деятеля на Левобережной Украине второй половины XVII в. (на примере собрания книг гетмана И. С. Самойловича)*, „Библиотековедение” 2010, № 2, с. 80-84.
- Андрухів І., *„Цариця Карпатського краю”. Нарис історії Василіяньського чернецтва, монастиря та чудотворної ікони Матері Божої в Гошеві*, Івано-Франківськ 2002.
- Анічэнка У. В., *Беларуска-ўкраінскія пісмова-моўныя сувязі*, Мінск 1969.
- Антошин А. В., *Научные связи А. В. Соловьёва в эмиграции в 1950-1960-е годы [по материалам Русского архива Лидса]*, „Славяноведение” 2010, № 4, с. 49-54.
- Анушкин А. И., *Во славном месте виленском*, Москва 1962.
- Анушкин А. И., *На заре книгопечатания в Литве*, Вильнюс 1970.
- Аскоченскій В., *Київ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академією*, ч. II, Київъ 1856.
- Бардах Ю., *Литовские Статуты – памятники права периода Возрождения*, [в:] *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.*, Москва 1976, с. 71-93.
- Барсуковъ Н. П., *Жизнь и труды П. М. Строева*, Санкт-Петербургъ 1878.
- Березинъ Н., *Русскія книжныя рѣдкости. Опытъ бібліографическаго описанія рѣдкихъ книгъ съ указаніемъ ихъ цѣнности*, ч. 2, Москва 1903.
- Березюк Н. М., *Дорога длиною в двести лет, Центральная научная библиотека Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина*, [в:] *Очерки истории вузовских библиотек г. Харькова*, Харьков 2001, с. 20-121.
- Березюк Н. М., *Исторические параллели в судьбах двух университетских библиотек: фрагменты истории*, „Вісник Одеського національного університету”, т. 13, вип. 8: *Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство*, Одеса 2008, с. 48-57.
- Бернштейн С. Б., *„Библиографические листы” П. И. Кеппена*, „Известия АН СССР”, сер. литературы и языка, т. 41, вып. 1, Москва 1982, с. 47-58.
- Бершадскій С. А., *О наслѣдованіи въ вымороченныхъ имуществѣхъ по литовскому праву*, Санктпетербургъ 1892.
- Библиографический список белорусских старопечатных изданий XVI-XVIII вв.*, сост. Г. Я. Голенченко, Минск 1961.
- Біографическій словарь профессорів и преподавателей Императорскаго Университета Св. Владимира*, Київъ 1884.
- Большая энциклопедія*, подъ ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова, т. 5, Санкт-Петербургъ 1902.
- Бондарь Н. П., *Некоторые замечания о бумаге кириллических изданий Литовского Статута*, [в:] *Матэрыялы IX Міжнародных кнігазнаўчых чытаньняў „Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі”*, Мінск, 18-19 красавіка 2013 г., Мінск 2013, с. 78-85.
- Будановъ М. В., *Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича*, [в:] *Сборникъ государственныхъ знаній*, под ред. В. П. Безобразова, т. IV, Санкт-Петербургъ 1877, с. 3-38.

- Булыка А. М., *Развиццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы*, Мінск 1970.
- В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов, вып. 4: Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI века, сост. Ю. А. Лабынцев, Москва 1979.
- Вераксинь А. С., *Березвечскій монастырь, Литовской епархіи, Дисненскаго уѣзда. [Историческій очеркъ]*, Вильна 1910.
- Владиміровъ П. В., *Докторъ Францискъ Скорина: его переводы, печатныя изданія и языкъ*, Санкт-Петербургъ 1888.
- Воейковъ А., *Памяти Б. А. Долячко, „Вегетаріанское обозрѣніе“*, № 6, [Кіев] 1912, „Избранныя статьи“, с. 123-125.
- Галенчанка Г. Я., *Вьданні Статута, [в:] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, Мінск 1989, с. 471-472.
- Галенчанка Г. Я., *Паліграфічныя асаблівасці Статута, [в:] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, с. 510-511.
- Галенчанка Г. Я., *Статут у бібліятэках і архіўных зборах, [в:] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, с. 531-532.
- Галенчанка Г. Я., *Спісы Статутаў Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588, [в:] Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588*, с. 527-528.
- Галенчанка Г. Я., *Тытульны ліст Статута, [в:] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*, с. 536.
- [Голицынъ Н. Н.], *Библиографический словарь русских писательницъ*, Санкт-Петербургъ 1889.
- Горячев А., *От времен протопопа Аввакума, „Памятники Отечества“* 1995, № 34 (3-4), с. 105-114.
- Государевъ Печатный Дворъ и Синодальная Типографія въ Москвѣ. Историческая справка*, Москва 1903.
- Грыцкевич А., *Зборы Беларускай бібліятэкі імя Францішка Скарыны ў Лондане, „Кантакты і дыялогі“* 1998, № 9, с. 11-13.
- Губин Д. В., *Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII-XVII веков*, АКД, Москва 2004.
- Гудавичюс Э., *История Литвы, т. I: с древнейших времен до 1569 года*, Москва 2005.
- Гумецкая Л. Л., *Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода, „Вопросы языкознания“* 1965, № 2, с. 39-44.
- Гусева А. А., *Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог*, кн. I, Москва 2003; кн. 2, Москва 2003.
- Даль В., *Толковый словарь живого великорусского языка, т. I-IV*, Москва 1981-1982,
- Даниловичъ И., *Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты, „Юридическія записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ“*, т. 1, Москва 1841, с. 1-46.
- Д[ѣдинъ], *О Литовскомъ статутѣ*, ЖМНП 1838, февраль, с. 374-388.
- Дзербіна Г., *Статуты Вялікага княства Літоўскага як праява прававой культуры Рэнэсансу, [в:] Нацыянальныя пытанні: матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў „Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый“, рэдкал. Э. Дубянецкі і інш., Мінск 2001, с. 127-137.*
- Дзярновіч А., *Карона, [в:] Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя, т. 2*, с. 53.
- Дискуссия (А. Котлярчук – В. Мякишев). Полемика, вызванная материалом статьи о „мовах” Великого княжества Литовского, „Studia Russica”, XIX, Budapest 2001, с. 497-503.
- Добрянскій Ф., *Старая и новая Вильна*, Вильна 1904.

- Документъ касательно древней Виленской Русской типографіи Луки Мамонича по претензіи къ оной Петра Мстиславцева*, подг. И. Спрогись, „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости” 1883, № 41, с. 366-368.
- Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи*, т. I, Москва 1897.
- Долгова С. Р., *Виленские издания в библиотеке Сильвестра Медведева*, [в:] *Федоровские чтения 1982*, Москва 1987, с. 140-148.
- Дорошкевич А. Л., *Символы русской государственности*, Москва 1993.
- Дракохруст Е. И., *Уваровский список Литовского Статута 1588 года в собрании Государственного Исторического музея*, [в:] *Ежегодник ГИМ за 1963-1964 годы*, Москва 1966, с. 117-137.
- Енциклопедія українознавства*, т. 3, Львів 1994.
- Жураўскі А. І., Крамко І. І., *Характар знешніх узаемаадносін беларускай літаратурнай мовы з іншымі славянскімі мовамі ў пачатковы перыяд яе фарміравання*, Мінск 1973.
- Заветы Ивана Луцкевича, „Хартія”97:: Новости из Беларуси*”, 11 ноября 2010 г., <http://condor-k.livejournal.com/44892.html>
- Зайцев В. Н., *Перекрестки истории национальных библиотек Польши и России*, [в:] М. Д. Моричева, *Библиотека Залуских и Российская национальная библиотека*, Санкт-Петербург 2001, с. 4-17.
- Закарьян М. М., *К вопросу о напечатании Литовского Статута 1588 года*, „Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko universiteto mokslo darbai”, „Istorijos-filologijos mokslu ser.”, т. III, Vilnius 1957, s. 119-125.
- Запаско Я. П., *Мистецька спадщина Івана Федорова*, Львів 1974.
- Записки Иосифа митрополита Литовскаго, изданныя Императорскою Академією Наукъ по завѣщанію автора*, т. II, Санктпетербургъ 1883.
- Заруба В. М., *Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648-1782 рр.*, Дніпропетровськ 2007.
- Зернова А. С., *Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец*, „Книга. Исследования и материалы”, сб. 9, Москва 1964, с. 77-111.
- Зернова А. С., *Типография Мамоничей в Вильне*, „Книга. Исследования и материалы”, сб. 1, Москва 1959, с. 167-223.
- Зернова А. С., Горбунов Т. С., *Книгопечатание в Белоруссии XVI-XVII вв.*, [в:] *Четыреста лет русского книгопечатания*, т. I, Москва 1964, с. 99-110.
- Ивинскис П., *Восточнославянская литература в Великом княжестве Литовском*, Вильнюс 1998.
- Издания кириллической печати XV-XVI вв. (1491-1600 гг.). Каталог книг из собрания ГПБ*, сост. В. И. Лукьяненко, Санкт-Петербург 1993.
- Изъ записокъ Ф. Я. Мирковича, „Русскій архивъ” 1890, № 3*, с. 393-434.
- Іларіон Митрополит [Огієнко], *Князь Костянтин Острозький і його культурна праця*, Вінніпег 1958.
- Ісєвич Я., *Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми*, Львів 2002.
- Историко-статистическое описание Рязанской духовной семинаріи и подвѣдомыхъ ей духовныхъ училищъ*, сост. архимандритомъ Макаріємъ, Новгородъ 1864.
- История Вильнюсского университета [1579-1979]*, Вильнюс 1979.
- История Жировицкого Свято-Успенского монастыря по письменным источникам, преданиям и свидетельствам современников*, сост. Гавриила (Глухова), игум., Москва 2004.
- Исторія первокласнаго ставропігiального Соловецкаго монастыря*, Санкт-Петербургъ 1899.

- Исторія Рязанскої Духовної Семинарії. 1724-1840 г.*, сост. Д. Агнцевъ, Рязань 1889.
- К а р а т а е в ъ И. П., *Описание Славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами съ 1491 по 1652 г.*, Санктпетербургъ 1883.
- К а р с к и й Е. Ф., *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва 1962.
- К а р с к и й Е. Ф., *Что такое древнее западнорусское наречие?* [в:] е г о ж е, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва 1962, с. 253-262.
- Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI-XVII в.*, сост. В. И. Лукьяненко, вып. I, Ленинград 1973.
- Каталогъ книгъ Библіотеки Императорскаго университета Св. Владимира*, т. V, Кієвъ 1856-1857.
- Каталогъ книгъ, пожертвованныхъ Павломъ Петровичемъ Джунковскимъ, Предводителемъ Дворянства Константиноградскаго у(г)зда Полтавской губ(ерніи) Харьковскому университету въ 1896 году*, Харьковъ 1896.
- К е п п е н ь П. И., *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи*, № II, Библиографическіе Листы 1825 г., Санкт-Петербургъ 1826.
- Кириллические издания в хранилищах тверской земли (XVI-1725 г.): Каталог*, сост. Г. С. Гадалова, Е. В. Перелевская, Т. В. Цветкова, Тверь 2002.
- К и с т я к о в с к і й А. Ф., *Права, по которымъ судится малороссійскій народъ*, Кієвъ 1879.
- Книга Белоруссии: 1517-1917. Сводный каталог*, сост. Г. Я. Голенченко, Т. В. Непорожная, Т. К. Радзевич, Минск 1986.
- К о в к е л ь И. И., Я р м у с и к Э. С., *История Беларуси с древнейших времен до нашего времени*, Мінск 2000.
- К о л о с о в с ь к а О. М., *Книжкові пам'ятки у меценатсько-бібліофільських пріоритетах Митрополита Андрея Шептицького (1865-1944)*, [в:] *Друга науково практична конференція „Сучасні проблеми діяльності бібліотеки в умовах інформаційного суспільства”*, Львів 2010, с. 160-168.
- К о л о с о в с ь к а О., *Формування славистичної бібліотеки Антона Петрушевича, „Проблеми слов'янства”*, вип. 54, 2004, с. 190-201.
- К о н д р а т ь е в І., К р и в о ш е я В., *Нариси історії Чернігівщини періоду козацтва: Любеч*, Київ 1999.
- К р а ч к о в с к і й Ю., *Предисловіе*, [в:] *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією*, т. XX, с. XXI-CCXXVI.
- К р и в е н к о М., *Книгозбірня „Студіону” у Львові (1909-1940): історія, сучасний стан фонду*, АКД, Київ 2010.
- К р и в о ш е я В., *Українська козацька старшина*, част. 1: *Урядники гетьманської адміністрації*, Київ 2005.
- К р и в о ш е я В. В., К р и в о ш е я І. І., К р и в о ш е я О. В., *Неурядова старшина Гетьманщини*, Київ 2009.
- К р и в о ш е я В. В., К р и в о ш е я І. І., К р и в о ш е я О. В., *Українська козацька старшина*, част. 3, кн. 1: *Значне військове товариство. Бунчукове товариство*, [б. м.] 2008; част. 3, кн. 2: *Віськове товариство*, Київ 2008.
- К р ы в і ц к і Л., *Нельга абысьці маўчаннем*, „Спадчына” 1991, № 1, с. 10-17.
- Л а б ы н ц е в Ю. А., *„Статут Великого княжества Литовского” 1588 года – памятник белорусской старопечатной литературы*, „Советское славяноведение” 1988, № 5, с. 75-84.
- Л а в р и н о в и ч К. К., *Каталоги Кенигсбергских библиотек 18 в. в Российском государственном архиве древних актов*, „Калининградские архивы”, вып. 3, Калининград 2001, с. 94-112.

- Лазаревскій А., *Люди старой Малороссіи (Милорадовичи)*, „Кіевская старина” 1882, т. I, № 3, с. 479-498.
- Лазаревскій А. М., *Описаніе старой Малороссіи*, т. 3: *Прилуцкій полкъ*, Кіевъ 1902.
- Лазутка С., *Лев Сапега и Третий Литовский Статут*, [в:] *Леў Сапега (1557-1633 гг.) і яго час*, Гродна 2007, с. 79-85.
- Лазутка С., *Літоўскія Статуты (1529, 1566, 1588), іх стваральнікі і эпоха*, „Край: Polonica – Albaruthenica – Lithuanica” 2001, № 1-2, с. 94-123.
- Лазутка С., Валиконите И., Гудавичюс Э., *Первый Литовский Статут (1529 г.)*, Вильнюс 2004.
- Лаппо И. И., *Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія. Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ*, Юрьевъ 1911.
- Лаппо И. И., *Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія*, т. I, Санкт-Петербургъ 1901.
- Лаппо И. И., *Къ вопросу о первомъ изданіи Литовскаго Статута 1588 года*, „Tauta ir Žodis”, Kaunas 1928, кн. V, с. 170-214.
- Лаппо И. И., *Къ исторіи русской старопечати. Виленская типографія Мамоничей*, „Сборникъ Русскаго Института въ Прагѣ”, I, 1929, с. 161-182.
- Лаппо И. И., *Литовскій Статутъ въ Московскомъ переводѣ-редакціи XVII столѣтія*, ЖМНП 1914, Февраль, с. 209-235.
- Лаппо И. И., *Литовскій Статутъ 1588 года*, т. I, ч. 1, Kaunas 1934; т. I, ч. 2, Kaunas 1936.
- Лаптева Т. А., *Об „араме Петра Великого”: материалы для биографіи А. П. Ганнибала*, „Исторический архив”, 1992, № 1, с. 182-188.
- Ластоўскі В., *Гісторыя Беларускай (Крыўскай) кнігі*, Коўна 1926.
- Лауцявичюс Э., *Бумага в Литве в XVI-XVIII в.*, Вильнюс 1967.
- Лашенко Р., *Литовський Статут, яко пам'ятник українського права*, „Науковий збірник Українського університету в Празі”, т. I, Прага 1923, с. 66-95.
- Литовская Метрика*, отд. первый-второй, часть 3: *Книги Публичныхъ Дѣлъ*, т. I, „Русская Историческая Библіотека”, т. XXX, Юрьевъ 1914.
- Ліс А. С., *Беларускае навуковае таварыства*, [в:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі* у 6 т., т. I, Мінск 1993, с. 355.
- Ліцкевіч А., *Новая транскрыпцыя Статута ВКЛ 1588 года*, <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>
- Луцов С. П., *Книга в России в XVII в.*, Ленинград 1970, с. 118-125.
- Луцкевіч А., *Беларускі музей ім. Івана Луцкевіча*, „Гадавік Беларускага навуковага таварыства ў Вільні”, кн. 1, Вільня 1933, с. 181-184.
- Луцкевіч А., *Чатырохсотлецце першага кодэксу беларускага права (1529 - 1929)*, [в:] *его жс, Барацьба за вызваленне*, Вільня 2009, с. 382-384.
- Луцкевіч А., *Статут Вялікага княства Літоўскага на фоне эвалюцый сацыяльных адносін у Беларусі* [в:] *его же, Барацьба за вызваленне*, Вільня 2009, с. 391-396.
- Любавскій М. К., *Литовско-русскій сеймъ*, Москва 1900.
- Мацюк О. Я., *Папір та філіграні на українських землях (XVI – початок XX ст.)*, Київ 1974.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1784*, Санктпетербургъ 1784.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1786*, Санктпетербургъ 1786.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1789*, Санктпетербургъ 1789.

- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1791*, Санктпетербургъ 1791.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1793*, Санктпетербургъ 1793.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1794*, Санктпетербургъ 1794.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1802*, Санктпетербургъ 1802.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1814*, Санктпетербургъ 1814.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1820*, Санктпетербургъ 1820.
- Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ, на лѣто отъ рождества Христова 1825*, Санктпетербургъ 1825.
- М и л о в и д о в ъ А. И., *Описание славяно-русскихъ старо-печатныхъ книгъ Виленской публичной библиотеки (1491-1800 гг.)*, Вильна 1908.
- М и л о в и д о в ъ А. И., *Пинскій Богоявленскій, бывшій Братскій монастырь: изъ исторіи православія на Польсѣ*, [изъ „Виленскаго календаря” на 1897 годъ], Вильна 1896, с. 3-29.
- М о д з а л е в с к і й В. Л., *Малороссійскій родословникъ*, т. I, Кіевъ 1908; т. III, Кіевъ 1912; т. IV, Кіевъ 1914.
- Монастырь Чина св. Василя Великого на Ясной горѣ въ Гошевѣ съ иконою пресв. Богородицы, сливущею чудесами*, Львовъ 1878.
- М о т у л ь с к і й Р. С., *Крупнейшіе книжные собрания Беларуси: исторические судьбы и современные возможности*, [в:] Библиотечное дело – 2011. Библиотечно-информационная деятельность в условиях модернизации общества, Москва 2011, с. 66-78.
- М я к и ш е в В., *Возвращаясь к проблеме изданий Литовского Статута 1588 года*, „Slavia Orientalis” 1997, nr 2, s. 285-300.
- М я к и ш е в В., *„Вохомскій Пономарь” как исследователь Литовского Статута 1588 года*, „Slavia Orientalis” 1999, nr 1, с. 73-88.
- М я к и ш е в В., *Норма в „русской мове” на материале „Литовского Статута” 1588 года*, [в:] *Матеріали VI Міжнародного конгресу українців. Мовознавство*, кн. 5, Київ-Донецьк 2007, с. 315-328.
- М я к и ш е в В., *Об одной загадке Литовского Статута 1588 года*, „Slavia Orientalis” 1996, nr 3, s. 385-399.
- М я к и ш е в В., *„Русская мова” Литовского Статута 1588 года и виленских актовых книг конца XVI века*, „Studia Russica”, XVII, Budapest 1999, s. 58-64.
- М я к и ш е в В., *Цитаты из Священного Писания в мамоничевских изданиях Литовского Статута*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego” MCCLXI – 2003, Prace Językoznawcze, z. 121, s. 218-230.
- М я к и ш е в В., *Язык Литовского Статута 1588 года*, Kraków 2008.
- М я к и ш е в В., *Rossica в фондах Берлинской королевской библиотеки – история и нынешнее состояние собрания*, [в:] *Книжкові колекції, рідкісні видання та рукописи в сучасному науково-інформаційному просторі*, Одеса 2008, с. 97-107.
- М я к и ш е в В. П., Ф е д о с о в а Н. М., *Слово о полку Игореве в рукописном комментарии и судьбе анонимного исследователя XIX века*, Воронеж 2000.
- Н а р б у т А. М., *Гапшольды*, [в:] *Енциклопедія гісторії Беларусі* у 6 т., рзд. Б. I. Сачанка і інш., т. 2, Мінск 1994, с. 500.

- Немировский Е. Л., *Иван Федоров*, Москва 1985.
- Немировский Е. Л., *Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта 1491-2000*, т. I (1491-1550), Москва 2009; т. II, кн. I (1551-1592), Москва 2011.
- Немировский Е. Л., Емельянова Е. А., *Книги кирилловской печати 1551-1600. Каталог*, Москва 2009.
- Немировский Е., Самородов Б., *Шедевры и мастера*, Москва 1990.
- Нікалаеў Н., *Палата кнігапісная. Рукапісная кніга на Беларусі ў X-XVIII стагоддзях*, Мінск 1993.
- Нольде А. Э., *Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графстве Сперанскомъ*, вып. 1: Попытка кодификации литовско-польского права, Санкт-Петербург 1906.
- Овидий Публий Назон, *Скорбные элегии. Письма с Понта*, Москва 1978.
- Огієнко І. І., *Історія українського друкарства*, Київ 1994.
- Огієнко І. І., *Українська літературна мова XVI ст. і Крехівський Апостол 1560 р.*, Варшава 1930.
- Остромирово Евангеліє 1056-1057 года*, изд. А. Х. Востоковымъ, Санкт-Петербург 1843.
- Отчетъ о Виленской публичной библиотекѣ и музеѣ за 1867 годъ*, Вильна 1868.
- Павиленене Д., *В Вильнюсе выставлена на обозрение первая литовская печатная книга*, международный интернет-журнал „Балтийский курс“, Вильнюс, 01.04.2009, <http://www.baltic-course.com/rus/book/?doc=12028>
- Павленка С., *Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники*, Київ 2004.
- Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н., *Соратники Петра*, Москва 2001.
- Пазднякоў В., Раізіў, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 2, с. 505-506.
- Пазднякоў В., Ратундус, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 2, с. 510.
- Памяти Преосвященнаго Павла, бывшего Епископа Олонецкаго и Петрозаводскаго, „Олонецкія епархіяльныя вѣдомости“*, 15 мая 1900, № 10, с. 361-362.
- Памятная книжка Виленской губерніи на 1904 год*, Вильна 1904.
- Памятная книжка Виленской губерніи на 1905 год*, Вильна 1905.
- Памятная книжка Виленской губерніи на 1906 год*, Вильна 1906.
- Памятники полемической литературы Западной Руси*, „Русская Историческая Библиотека“, т. IV, Санкт-Петербург 1878.
- Панашенко В., *Бунчукові, військові і значкові товариші в Гетманщині*, [в:] *Істину встановлює суд істоті*, збірник на пошану Федора Павловича Шевченка, т. 2, Київ 2004, с. 291-347.
- Паядайте-Васіляускене А., *Кириличні списки другого Литовського Статуту: палеографія, хронологія, кодикологія*, Львів 2004.
- Первый Литовский Статут: палеографический и текстологический анализ списков*, ч. I, Вильнюс 1983.
- Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні [XVI – перша половина XVII ст.]*. Збірка документів, Київ 1975.
- Петровъ Н. И., *Описание рукописныхъ собраний, находящихся въ городѣ Кіевѣ*, вып. III: *Библиотека Кіево-Софійскаго Собора*, т. I, Москва 1904.
- Петрушевичъ А. С., *Сводная галицко-русская летопись съ 1600 по 1700 годъ*, Львовъ 1874.
- Печерский М. Д., *Остафьево*, Москва 1988.

- Письма К. Калайдовича къ А. Ф. Малиновскому объ археологических изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 году древностей*, Москва 1823.
- Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель*, изд. В. А. Францевъ, Варшава 1905.
- П и т и р и м [Ч е м б у л а т о в] иеродиакон, дипломная работа: *Исторія Рязанской духовной семинарии*, Дзержинский 2003, http://www.museum-reu.narod.ru/buecher/pitirim_ierodikon.htm
- П л о щ П. П., *Історія української літературної мови*, Київ 1971.
- П о г о д и н ъ М., *Обзоръ новыхъ книгъ. Рукописи Славянскія и Россійскія ... разобраны и описаны Павломъ Строевымъ*, „Москвитянинъ” 1849, ч. II, № 2, отд. IV, с. 62-64.
- П о п о в П. Н., *Слов'янські інкунабули кийських бібліотек*, „Бібліологічні вісті” 1924, с. 150-166.
- П о х и л е в и ч ъ Л., *Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи*, Кіевъ 1864.
- Православная энциклопедия*, под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, т. 3, Москва 2001.
- Православныя русскія обители*, Санкт-Петербургъ 1910.
- Преступления немецко-фашистскихъ оккупантовъ в Белоруссии 1941-1944*, сост. З. И. Белуга, Н. И. Каминский, А. Л. Манаенков и др., Минск 1965.
- П т а ш и ц к і й С. Л., *Иванъ Федоровъ. Изданія Острожской Библіи въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни*, „Печатное искусство”, 1903, июль-августъ, с. 291-307.
- П т а ш и ц к і й С. Л., *Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута. Историко-библіографическая справка*, Санкт-Петербургъ 1893.
- Р а д ч е н к о Е. С., *Славяно-русские старопечатные книги в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве*, „Труды Отдела древнерусской литературы”, т. XIII, Москва-Ленинград 1957, с. 591-598.
- Реставрация произведений графики*, Москва 1995.
- Русское книгопечатание до 1917 года: 1564-1917*, Москва 1964.
- Ручной словарь или краткое содержаніе Польскихъ и Литовскихъ законовъ, служащихъ руководствомъ въ судебныхъ тяжбахъ всякаго рода, собранныхъ для употребленія въ присутственныхъ мѣстахъ и для пользы частныхъ обывателей Коронныхъ и Литовскихъ провинцій*, Санктпетербургъ 1808.
- С а ў ч у к А. І., *Некалькі книг з бібліятек Сапегаў*, [в:] *Леў Сапега (1557-1633 гг.) і яго час*, Гродна 2007, с. 331-334.
- С а х а р о в ъ И. П., *Обозрѣніе Славяно-Русской бібліографіи*, т. I, кн. 2, Санкт-Петербургъ 1849.
- Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи*, сост. С. Шолковичъ, вып. II, Вильна 1887.
- С в ѣ н ц и ц к і й И., *Каталогъ книгъ церковно-славянской печати*, Жовква 1908.
- С в ѣ ш н и к о в ъ Н. И., *Петербургскіе книгопродавцы-апраксинцы и букинисты*, „Историческій вѣстникъ” 1897, т. 69, № 7, с. 81-98, № 8, с. 399-426.
- С в и с т у н Ф., *Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи*, ч. 2, Львовъ 1896.
- Сводный каталогъ культурныхъ ценностей, похищенныхъ и утраченныхъ в периодъ второй мировой войны*, т. XII: *Историко-архитектурный художественный музей „Новый Иерусалимъ”*, кн. 2, сост. Л. Г. Невзорова, Москва 2006.
- Святые и праведники земли Рязанской X-XX вв.*, автор-сост. Т. Веселкина, Рязань 2000.
- С а в е р ч а н к а І., *Астафей Валовіч (гісторыка-біяграфічны нарыс)*, Мінск 1992.

- Семеновичъ А. Н., *Отвѣтъ царя Іоанна Васильевича Грознаго сеніору Яну Рокитѣ въ 1570 г.*, „Холмско-Варшавскій епархиальный вѣстникъ” 1878, № 8, с. 7-10; № 10, с. 3-7.
- Сидоровъ А. А., *Исторія оформления русской книги*, Москва 1946.
- Сінчук І., *Грашовое абарачэнне*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Эцыклапедыя*, т. 1, Мінск 2005, с. 102-106.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век*, ч. 3, Санкт-Петербург 1998.
- Словарь русского языка XI-XVII вв.*, вып. 1-29, Москва 1975-2011-.
- Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.*, т. 1-15, Львів 1994-2010-.
- Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ*, т. 2, Санкт-Петербургъ 1819.
- Соколовъ Е., *Бібліотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1901-1902 гг.*, „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ” 1902, IV, с. 1-8 (Смѣсь).
- Соловки: *Монастырь на островахъ*, сост. А. Андреев, С. Шумов, Москва 2004.
- Соловьевъ А., *Вновь открытый Московскій переводъ Литовскаго Статута*, „Историческія извѣстія”, изд. Историческимъ Обществомъ при Московскомъ Университетѣ, 1917, № 1, с. 25-48.
- Соловьевъ С. М., *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, кн. 2, т. VI-X, Санкт-Петербургъ 1896.
- Сопиковъ В., *Опытъ Россійской Библіографіи*, ч. 1, Санкт-Петербургъ 1813.
- Сочиненія князя Курбскаго*, т. I, „Русская Историческая Библіотека”, т. XXXI, Санкт-Петербургъ 1914.
- Списокъ именъ замѣчательныхъ дѣятелей и уроженцевъ Рязанскаго края*, Рязань 1894.
- Степанова М. С., *Исторія библиотек на сайтахъ вузовъ Украины*, [в:] *Культура народов Причерноморья*, 2004, № 48, т. 2, с. 120-141.
- Строевъ П. М., *Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и російскихъ, хранящихся въ Библіотекѣ ... графа Ф. А. Толстова*, Москва 1829.
- Строевъ П., *Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описаніямъ библіотекъ графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царскаго*, Москва 1841.
- Строевъ П. М., *Рукописи славянскія и російскія, принадлежація почётному гражданину и Археографической комиссіи корреспонденту Ивану Никитичу Царскому*, Москва 1848.
- Строевъ П., *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей російскіа церкви*, Санкт-Петербургъ 1877.
- Строевъ С., *Выписка изъ письма корреспондента Археографической комиссіи С. Строева къ Предсѣдателю оной, изъ Дрездена отъ 21 Апрѣля 1838 года*, ЖМНП 1838, ч. XVIII, Іюнь, с. 559-567.
- Строевъ С., *Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи съ снимками изъ рукописей*, Москва 1841.
- Судавичене Л., *О Московскомъ переводе-редакци Литовскаго Статута*, „Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai”, т. VII, Kalbotyra, 1963, с. 5-19.
- Теодоровичъ Н. И., *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи*, т. I: *Угзды Житомирскій, Новоградъ-Волынскій и Овручскій*, Почаевъ 1888.
- Титовъ Ф. І., *Русская православная церковь въ Польско-Литовскомъ государствѣ въ XVII-XVIII в.*, т. II: *Кіевская митрополія-епархіа въ XVII-XVIII вв. (1686-1797 гг.)*, первая половина тома, Кіевъ 1905.
- Ткаченко М. І., *Партрэт Жыгімонта III*, [в:] *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарый*, с. 512-513.

- Толстой Н. И., *Взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода*, [в:] *Славянское языкознание. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва 1963, с. 230-272.
- Тумялис Ю. П., *Из литовской федоровяны*, [в:] *Федоровские чтения 1980*, Москва 1984, с. 16-25.
- Ундольский В., *Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491 по 1864 годъ*, вып. I: *Очерк славяно-русской библиографии*, Москва 1871.
- Успенский Б. А., *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русско-го литературного языка* (доклад на IX Международном съезде славистов), Москва 1983.
- Филицы XVIII века по старопечатным книгам Украины и Литвы*, сост. Т. В. Дианова, Москва 1993.
- Франциск Скарына и яго час: Энцыклапедычны даведнік*, Мінск 1988.
- Чернявский С. П., *Систематический сборник положений и извлечений изъ рѣшений общаго собранія ... кассационныхъ департаментовъ Сената, состоявшихся въ распорядительныхъ засѣданіяхъ. 1866-1886 г.*, Житомиръ 1888.
- Шибанов П. П., *Воспоминания старого библиофила*, „Московский журнал. История государства российского” 2011, № 1, с. 57-65.
- Шибановъ П., *Каталогъ русскихъ книгъ, старыхъ и новыхъ, замѣчательныхъ и рѣдкихъ*, Москва 1899.
- Шишанов В., *К истории экземпляра Статута ВКЛ 1588 года из библиотеки А. П. Сапунова*, [в:] *Вицебскія старажытнасці*, Мінск 2010, с. 263-267.
- Шкелёнак М., *У трохсотныя угоды смерці вялікага канцлера Льва Сапегі*, Вільня 1933.
- Шматаў В. Ф., *Беларуская кніжная гравюра XVI-XVIII ст.*, Мінск 1984.
- Шоцкік В., *Гісторыя і лёс бібліятэкі кляштара дамініканцаў у Гародні*, „Гістарычны Альманах” 2002, т. 6, с. 228-235.
- Щепкин В. Н., *Русская палеография*, Москва 1967.
- Щепкина М. В., *Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг*, [в:] *У истоков русского книгопечатания*, Москва 1959, с. 215-254.
- Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. I-XLI^А, Санкт-Петербург 1890-1907.
- Юхименко Е. М., *Купцы Царские и их вклад в историю старообрядчества и культуры*, [в:] *Старообрядчество: история, культура, современность*, Москва 2011, т. 1, с. 271-284.
- Юхо И. А., *Правовое положение населения Белоруссии в XVI в.*, Минск 1978.
- Юхо Я., *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 2, Мінск 2006, с. 633-634.
- Юхо Я., *Статут Вялікага княства Літоўскага 1529*, [в:] *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 2, Мінск 2006, с. 630-632.
- Юхо Я. А., *Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года – адзін з самых дасканалых у Еўропе тагачасны звод законаў*, [в:] *Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года*, Мінск 2003, с. 8-33.
- Яхонтов Степан Дмитриевич, сайт: „Архивная коллекция Рязанского общества «Мемориал»”, <http://stopgulag.org/object/63081819?lc=ru>
- Яцимирский А. И., *Описание южнославянскихъ и русскихъ рукописей заграничныхъ библиотекъ*, т. I, [в:] „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ”, № XLVIII, Петроградъ 1921.

- Abramowicz L., *Cztery wieki drukarstwa w Wilnie. Zarys historyczny (1525-1925)*, Wilno 1925.
- Akta Unji Polski z Litwą. 1385-1791, wyd. S. Kutrzeba, W. Semkowicz, Kraków 1932.
- Akty cechów wileńskich 1495-1759, oprac. H. Łowmiański, Poznań 2006.
- Archiwum Domu Radziwiłłów, wyd. A. Sokołowski, Kraków 1885.
- Badecki K., *Znaki wodne w księgach Archiwum miasta Lwowa 1382-1600 r.*, Lwów 1928.
- Baliński M., *Historia miasta Wilna*, t. II, Wilno 1836.
- Balzer O., *Unia horodelska [odczyt wygłoszony na publicznym posiedzeniu Akademii Umiejętności dnia 3 maja 1913 r.]*, Kraków 1913.
- Bandtkie S., *Historia drukarni w Królestwie Polskim i Wielkiem Xięstwie Litewskim iako i w kraich zagranicznych, w których polskie dzieła wychodziły*, t. II, Kraków 1826.
- Bardach J., *Statuty litewskie a prawo rzymskie*, Warszawa 1999.
- Bardach J., *Statuty litewskie w ich kręgu prawnokulturowym*, [w:] *tenże, O dawnej i niedawnej Litwie*, Poznań 1988, s. 9-71.
- Bardach J., *Zatwierdzenie III Statutu litewskiego przez Zygmunta Wazę*, „Czasopismo Prawno-Historyczne”, t. 30 (1978), zesz. 2, s. 39-51.
- Bartnicka K., *Człowiek Uniwersytetu: Michał Pelka-Poliński (1783-1848). Kariera akademicka ubogiego szlachcica na Uniwersytecie Wileńskim*, cz. I, „Rozprawy z dziejów oświaty”, t. XLI, 2002, s. 75-91.
- Baryczowa M., *Augustyn Rotundus Mieleski – pierwszy historyk i apologeta Litwy*, [w:] *Z dziejów polskiej kultury umysłowej w XVI i XVII w.*, Wrocław 1976, s. 77-156.
- Bełza J., *Antoni Hann*, „Biblioteka Warszawska” 1861, t. 4, s. 191-197.
- Bibliografia Literatury Polskiej – Nowy Korbut*, t. 3: *Piśmiennictwo Staropolskie*, Warszawa 1965.
- Biblioteka Ordynacji Kasińskich (1844-1944)*, Warszawa 2004.
- Bielskiego J., *Dalszy ciąg Kroniki Polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1589 r.*, Warszawa 1851.
- Boniecki A., *Herbarz Polski*, t. X, Warszawa 1907; t. XIII, Warszawa 1909.
- Brückner A., *Encyklopedia staropolska*, t. I, Warszawa 1990.
- Budka W., *Papiernia w Balicach*, „Archeion”, t. 13, 1935, s. 30-49.
- Budka W., *Papiernie w Lublinie i w Kocku*, „Archeion”, t. XXV, 1956, s. 257-275.
- Budka W., *Papiernie w Młodziejowicach*, [w:] *Studia nad książką poświęcone pamięci K. Piekarskiego*, Wrocław 1951, s. 199-210.
- Brensztejn M., *Biblioteka Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie (1907-1931)*, Wilno 1932.
- Cabaj W., *Darowizna Jerzego Moszyńskiego dla biblioteki Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego*, „Teka Komisji Historycznej PAN”, Oddz. w Lublinie, 2002, t. II, s. 42-72.
- Chotkowski W., *Redukcje monasterów bazylijskich w Galicji*, Kraków 1922.
- Cyrillic Books Printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue* by R. Cleminson, D. Radoslavova, Ch. Thomas, London 2000.
- Cytowska M., *Bibliografia druków urzędowych XVI w.*, Wrocław 1961.
- Czacki T., *O Litewskich i Polskich prawach: o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym*, t. I-II, Warszawa 1800-1801.
- Czetwertyński W., *Jeszcze jedno słowo o Statucie Litewskim*, „Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny” 1881, nr 22 i 23, s. 457.
- Czwołek A., *Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III*, [B:] *Леў Сяпе́ха (1557-1633 гг.) і яго час*, Гродна 2007, s. 123-139.
- Danilowicz I., *Historischer Blick auf die Lithauische Gesetzgebung*, „Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands”, Band 2, Riga und Dopert 1834, s. 289-296.

- Daniłowicz L., *Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu Litewskiego*, „Wizerunki i roztrząsania naukowe”, t. 13, Wilno 1837, s. 81-134.
- Daniłowicz L., *Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego rękopiśmiennych i edycy drukowanych, tak w ruskim oryginalnym, jako też w polskim i łacińskim języku*, „Dziennik Wileński” 1823, t. I, s. 377-398; t. II, s. 1-18, 162-177, 261-293.
- Dąbkowski P., *Prawo prywatne polskie*, t. I, Lwów 1910.
- Dąbrowski J., Siniarska-Czaplicka J., *Rękodzieło papiernicze*, Warszawa 1991.
- Dom Sapieżyński, opr. E. Sapieha, Warszawa 1995.
- Dubonis A., *Trečiojo Lietuvos Statuto egzemplioriai Lietuvos bibliotekose*, „Bibliotekų darbas” 1989, 3, s. 28-29.
- Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku, zesz. 5: *Wielkie Księstwo Litewskie*, opr. A. Kawecka-Gryczowa, K. Korotajowa i W. Krajewski, Wrocław 1959.
- Dzieła Tadeusza Czackiego*, t. I, Poznań 1844; t. III, Poznań 1845.
- Gębarowicz M., *Iwan Fiodorow i jego działalność w latach 1569-1583 na tle epoki*, cz. 2: *Opiekunowie i współpracownicy*, „Roczniki biblioteczne” 1969, r. XIII, z. 3-4, c. 393-481.
- Góralski Z., *Urzędy i godności w dawnej Polsce*, Warszawa 1983.
- Gudawicius E., *Prawodawstwo*, [w:] *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego. Analizy i obrazy*, Kraków 2006, s. 561-576.
- Gumowski M., *Medale Stefana Batorego*, Kraków 1913.
- Gumowski M., *Medale Zygmunta III*, Kraków 1924.
- Gumowski M., *Wspomnienia numizmatyka*, Kraków 1965.
- Ehrenkreutz S., *Stan badań nad statutami litewskimi*, „Ateneum Wileńskie”, zesz. 7-8, Wilno 1924, s. 289-349.
- Ejzenhart D., *Herby i znaki mennicze na trojakach polskich*, Wrocław 1988.
- Encyklopedia katolicka*, t. II, Lublin 1985.
- Encyklopedia Powszechna*, t. IX, Warszawa 1862.
- Estreicher K., *Bibliografia Polska*, t. III, Kraków 1962; t. XXIX, Kraków 1933.
- Estreicher K., *Nie od razu Kraków zbudowano*, Kraków 1947.
- Filipczak-Kocur A., *Konfederacja litewska na nadzwyczajnym sejmie 1672 roku*, [w:] *Studia z dziejów państwa i prawa polskiego Uniwersytetu Łódzkiego*, t. V, Łódź-Kraków 2000, s. 131-137.
- Hann A., *Sposób rytowania na szkle za pomocą kwasu fluorycznego*, „Izys Polska czyli Dziennik umiejętności wynalazków, kunsztów i rękodzieł” 1826, t. I, s. 428-430.
- Hann A., *O fałszowaniu pism i sposobach odkrycia tegoż*, „Izys Polska czyli Dziennik umiejętności wynalazków, kunsztów i rękodzieł” 1826, t. I, s. 284.
- Herbarz Polski K. Niesieckiego*, t. IV, Lipsk 1839; t. VII, Lipsk 1841; t. IX, Lipsk 1842.
- Hilchen M., *Hieronim Wilder i jego polski antykwariat naukowy*, „Sesje Varavianistyczne”, zesz. 11, Warszawa 2003, s. 7-18.
- Horodyski B., *Zarys dziejów Biblioteki Ordynacji Zamojskiej*, [w:] *Studia nad książką poświęconę pamięci K. Piekarskiego*, Wrocław 1951, s. 295-341.
- Iłjaszewicz T., *Drukarnia domu Mamoniczów w Wilnie, 1575-1622*, Wilno 1938.
- Inglot St., *Sprawy gospodarcze Lwa Sapiehy 1588-1607*, [w:] *Studia z historii społecznej i gospodarczej poświęcone prof. Dr. Fr. Bujakowi*, Lwów 1931, s. 165-226.
- Jakubowski J., *Nowe przyczynki do życiorysu Augustyna Rotunda*, „Litwa i Ruś” 1912, t. 3, zesz. 1, s. 41-46.
- Jaroszewicz J., *Obraz Litwy*, cz. II, Wilno 1844.
- Jaroszewicz-Pieresławcew Z., *Druki cyryliczne z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI-XVIII wieku*, Olsztyn 2003.

- J o d ł o w s k i S., *Losy polskiej ortografii*, Warszawa 1979.
- K a l i c k i W., *Książ starych duchy srebrnoszare*, „Magazyn” nr 3, dodatek do „Gazety Wyborczej” nr 18, 22/01/1999, s. 12.
- Katalog druków cyrylickich XV-XVIII wieku w zbiorach Biblioteki Narodowej*, opr. Z. Żurawińska, Z. Jaroszewicz-Pieresławcew, Warszawa 2004.
- Katalog druków XV i XVI w. w zbiorach Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie*, t. 1, Warszawa 1994.
- Katalog druków XVI w. w zbiorach Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie*, t. 3, Warszawa 2007.
- Katalog poloników XVI wieku Biblioteki Jagiellońskiej*, t. I, Warszawa-Kraków 1992.
- Katalog starych druków Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Polonica wieku XVI*, Wrocław 1965.
- Katalog tytułów i kart i dzieł dawnych polskich oryginalnych i faksymilowanych, które w celu kompletowania książek rzadkich a uszkodzonych nabywać można*, „Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne” 1895, t. II, № 24 i 25, kol. 342-344.
- K a w e c k a - G r y c z o w a A., *Katalog starych druków Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy*, cz. 2, Warszawa 1949.
- K a w e c k a - G r y c z o w a A., *Ochrona zbiorów Biblioteki Narodowej*, [w:] *Walka o dobra kultury*, t. I, Warszawa 1970, s. 179-242.
- K j e l l b e r g L., *Catalogue des imprimés slavons des XVI-e, XVII-e et XVIII-e siècle conservés à la Bibliothèque de l'Université royale d'Uppsala*, Uppsala 1951.
- K l e m e n s i e w i c z Z., *Historia języka polskiego*, Warszawa 1974.
- K o l j d e n k o S., *Los kolekcji i zbiorów Liceum Krzemienieckiego*, „Fraza” 1997, nr 3 [17], s. 209-212.
- Korespondence Pavla Josefa Šafaříka vydal V A. F r a n c e v*, č. I-II, Praha 1927.
- K r a s z e w s k i J., *Wilno od początków jego do roku 1750*, t. III, Wilno 1841; t. IV, Wilno 1842.
- K u c h a r s k i M., *Helenów*, „Przegląd Pruszkowski” 2007, nr 2, s. 72-78.
- K u c h a r z e w s k i F., *O profesorach naszej pierwszej Politechniki*, „Przegląd Techniczny” 1929, s. 1024-1028.
- L a u c e v i č i u s E., *Popierius Lietuvoje XV-XVIII a.*, Vilnius 1967.
- L a u c e v i č i u s E., *Popierius lietuvoje XV-XVIII a. Atlasas*, Vilnius 1967.
- L a z u t k a S., *Lietuvos Statutai, jų kūrėjai ir epocha*, Kaunas 1994.
- L e l e w e l a I o a c h i m a bibliograficznych ksiąg dwoje, t. I, Wilno 1823.
- L e p p e r t W., *Rys rozwoju chemii w Polsce do r. 1830*, Warszawa 1917.
- Lietuvos Metrika (1585-1600)*, kn. 594, Vilnius 2006.
- Lietuvos Metrika (1585-1604)*, kn. 593: *Księga dyplomatycznych spraw*, Vilnius 2009.
- L i e t z Z., *Naronowicz-Naroński kartograf Prus Książęcych*, „Komunikaty Mazursko-Warmińskie”, nr. 1 (103), 1969, s. 19-32.
- L i n d e S. B., *O literaturze słowiańsko-rosyjskiej podług dzieła bibliograficznego Sopikowa*, „Pamiętnik Warszawski” 1816, t. IV, marzec, № 15, s. 285-296.
- L i n d e S. B., *O Statucie Litewskim Ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość*, Warszawa 1816.
- L i n d e S. B., *Słownik języka polskiego*, t. I-VI, Lwów 1854-1861.
- Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny*, t. I, Warszawa 1984; t. II, Warszawa 1985.
- Litwa, Łotwa, Estonia i obwód kaliningradzki*, „Pascal”, Bielsko-Biała 2012.
- L u l e w i c z H., *Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569-1588*, Warszawa 2002.
- L u l e w i c z H., *Lew (Sapieha)*, [w:] *Dom Sapieżyński*, opr. E. Sapieha, Warszawa 1995, s. 176-215.

- Ł o z i ń s k i W., *Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku*, t. I, Lwów 1904.
- M a c i e j o w s k i W., *Historia prawodawstw słowiańskich*, t. I, Warszawa 1856.
- M a l e c J., *Coequatio iurium stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego z Koroną Polską w 1697 r.*, „Acta Baltico-Slavica”, t. 12, 1979, s. 203-215.
- M a l e c z y ń s k a K., *Papiernictwo Śląskie do końca XVI w.*, [w:] *Śląskie prace bibliograficzne i bibliotekoznawcze*, t. IV, Wrocław 1957, s. 147-169.
- M a l e w s k i C., *Popis szlachty litewskiej z 1765 roku*, „Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy” 2005, t. 4, s. 168-183.
- M a r k o w s k i B., *Administracja skarbowa w Polsce*, Warszawa 1931.
- M e u s e l J. G., *Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller*, band 12, Leipzig 1812.
- M i o d o ń s k a B., *Korona zamknięta w przekazach ikonograficznych z czasów Zygmunta I*, „Biuletyn Historii Sztuki”, t. 32, 1970, s. 3-18.
- M i o d o ń s k a B., *Władca i państwo w krakowskim drzeworycie książkowym XVI w.*, [w:] *Renesans: sztuka i ideologia*, Materiały Sympozjum Naukowego Komitetu Nauk o Sztuce PAN, Kraków, listopad 1972, oraz Sesji Naukowej Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Kielce, listopad 1973, Warszawa 1976, s. 45-96.
- N a r b u t M., *Szlachta okoliczna*, „Ziemia Lidzka” 1997, № 28, s. 14-15.
- N a r o n o w i c z - N a r o ń s k i, *Budownictwo wojenne*, Warszawa 1957.
- N i e m c e w i c z J. U., *Dzieje panowania Zygmunta III, króla Polskiego, wielkiego księcia Litewskiego*, t. I, Kraków 1860.
- N i e s i e c k i K., *Korona Polska przy złotej wolności starożytnymi wszystkich katedr, prowincji i rycerstwa klejnotami... ozdobiona*, t. I, Lwów 1728.
- N o w a k T. M., *Wstęp*, [w:] J. N a r o n o w i c z - N a r o ń s k i, *Kartografia* (rękopis z 1659 roku), Białystok 2002, s. 3-9.
- N o w a k o w a J., *Wstęp*, [w:] N a r o n o w i c z - N a r o ń s k i, *Budownictwo wojenne*, Warszawa 1957, s. VII-XXIV.
- O c h m a ń s k i J., *Biskupstwo wileńskie w średniowieczu*, Poznań 1972.
- O ł s z e w i c z B., *Kartografia polska XVII w.*, „Polski Przegląd Kartograficzny”, nr 36, 1931, s. 109-138.
- O s t r o w s k i J., *Księga herbowa rodów polskich*, t. 3, Warszawa 1899.
- Pacowie, materiały historyczno-genealogiczne ułożone i wydane przez J. W o l f f a*, Peterburg 1885.
- Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła Kanclerza W Litewskiego*, wyd. z rękopismu przez E. Raczyńskiego, t. I, Poznań 1839.
- Papiernie w Polsce XVI wieku*, pod red. W. Budki, Wrocław 1971.
- P i d ł y p c z a k - M a j e r o w i c z M., *Biblioteki i bibliotekarstwo zakonne na wschodnich ziemiach Rzeczypospolitej w XVII-XVIII w.*, Wrocław 1996.
- P i e c h Z., *Mitra księżca w świetle przekazów ikonograficznych od czasów rozbitcia dzielnicowego do końca epoki jagiellońskiej*, „Kwartalnik historii kultury materialnej”, t. 35, 1987, nr 1, s. 3-47.
- P i e c h Z., *Monety, pieczęcie i herby w systemie symboli władzy Jagiellonów*, Warszawa 2003.
- P o b ó g G ó r s k i W., *Dodatek do bibliografii Statutu Litewskiego*, „Przegląd Bibliograficzno-Archeologiczny” 1881, t. II, nr 18 i 19, s. 269-278.
- Polski słownik biograficzny*, t. I-VII, Kraków 1935-1958; t. VIII-XXXIV, Wrocław 1959-1992; t. XXXV-XLIX-, Warszawa-Kraków 1994-2014-.
- Proces filaretów w Wilnie: dokumenta urzędowe z „Teki rektora Twardowskiego”*, zebrał dr Szeliga, „Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce”, t. VI, Kraków 1890, s. 172-179.

- P t a s z y c k i St., *Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie z końca XVI wieku*, „Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie”, ser. I, t. XI, 1886, s. 1-43.
- P t a s z y c k i St., *Nieco o Trzecim Statucie Litewskim i normach prawnych po nim na Litwie*, [w:] *Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera*, t. II, Lwów 1925, s. 297-313.
- P t a s z y c k i St., *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki*, [w:] *Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego*, „Rozprawy Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie”, t. VIII, Wilno 1935, s. 159-184.
- Rachuba A., Kiaupienė J., Kiaupa Z., *Historia Litwy. Dwugłos polsko-litewski*, Warszawa 2009.
- R a d z i s z e w s k i Fr., *Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych, tak niegdyś byłych jako i obecnie istniejących w krajach dawną Polskę składających, a mianowicie: w Królestwie Polskiem, Galicyi, W Ks. Poznańskiem i Zachodnich guberniach Państwa Rossyjskiego porządkiem abecedowym miejsc ułożona*, Kraków 1875.
- R a u d e l i ū n a s V., *Antrojo (1566) Lietuvos Statuto nuorašai*, [w:] *Teisinių institutų raida Lietuvoje XIV-XIX a.*, Vilnius 1981, s. 6-30.
- R a u d e l i ū n a s V., *Pirmieji Lietuvos statuto leidimai (1588-1600)*, [w:] *Russ knygos spausdinimo pradžia ir Litwa*, Vilnius 1966, s. 119-156.
- Rękopis a druk. Najstarsze druki cerkiewnosłowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej*, red. J. Rusek, W. Witkowski i A. Naumow, Kraków 1993.
- Rękopism X. B a g i ņ s k i e g o* wydany przez Eustachego Tyszkiewicza, Wilno 1854.
- R o m a n o w s k i A., *Młoda Polska wileńska*, Kraków 1999.
- R o s p o n d S., *Z badań nad przeszłością polskiego języka literackiego*, „Język Polski” 1955, XXXV, nr 2, s. 93-99.
- Sapiehowie kolekcjonerzy i mecenasi. Katalog wystawy 4 października – 31 grudnia*, Kraków 2011.
- S c h m i t t H., *Jędrzej Zamoyski i jego projekt do Księgi Ustaw*, „Dziennik Literacki” 1859, nr 1-15, s. 7-9, 18-20, 30-32, 43-45, 58-60, 70-73, 84-86, 94-96, 107-109, 118-120, 130-132, 143-145, 155-156, 167-169, 179-180.
- Scriptores Rerum Polonicarum*, vol. VIII, Cracoviae 1885.
- S e s e l s k y t ė A., *Lietuvių mokslo draugijai – 100 metų*, „Tautosakos darbai”, XXXII, 2006, s. 271-282.
- S i n i a r s k a - C z a p l i c k a J., *Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku*, Wrocław 1969.
- S i n i a r s k a - C z a p l i c k a J., *Katalog filigranów papierni polskich 1500-1800 r.*, Łódź 1983.
- S i n i a r s k a - C z a p l i c k a J., *Papier drukowy źródłem badań księgoznawczych*, [w:] *Dawna książka i kultura*, Wrocław 1975, s. 132-143.
- Slavica-Katalog der Landesbibliothek Gotha*, bearb. von Helmut Claus, Berlin 1961.
- S l i e s o r i ū n a s G., *Sejmiki nowogrodzkie w okresie bezkrólestwa 1696/1697 r a nadanie językowi polskiemu statusu urzędowego w Wielkim Księstwie Litewskim*, [w:] *Między Zachodem a Wschodem*, pod red. J. Staszewskiego i in., Toruń 2002, s. 209-214.
- Słownik geograficzno-krajoznawczy Polski*, Warszawa 1992.
- Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, t. I-XV, Warszawa 1880-1914.
- Słownik pracowników książki polskiej*, Warszawa-Łódź 1972-1986.
- Sprawozdanie Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy za drugą połowę 1935/1936 roku*, „Bibliotekarz: biuletyn Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy, poświęcony sprawom bibliotek publicznych”, 1936/37, nr 6, 7, s. 71-80.

- Sprawozdania Komisji do badania Historii Sztuki w Polsce*, t. VI, Kraków 1897-1900.
- Stahr M., *Medale Wazów w Polsce 1587-1668*, Wrocław 1990.
- Stamm E., *Z historii matematyki XVII w. w Polsce*, „Wiadomości Matematyczne”, t. XL, 1936, s. 1-216.
- Szcześniak K., Jankowska L., *Uwagi na temat języka „Wierszy o Męce Pańskiej...” Symeona Połockiego*, [w:] *Czterechsetlecie Unii Brzeskiej. Zagadnienia języka religijnego*, pod red. Z. Leszczyńskiego, Lublin 1998, s. 49-60.
- Szocki J., *Księgozbiory domowe w Galicji Wschodniej (1772-1918)*, Kraków 2001.
- Szocki J., Wiktor Baworowski: *lwowski kolekcjoner i fundator biblioteki*, „Przegląd Wschodni” 1998, zesz. 3, s. 543-550.
- Szujski J., *Dzieje Polski*, t. III, Kraków 1894.
- Szwejkowska H., *Książka drukowana XV-XVIII wieku. Zarys historyczny*, Wrocław 1983.
- Średniowieczne znaki wodne, opr. Fr. Piekosiński, Kraków 1893.
- Ś[więtej] p[amięci] Waław Graniczny, „Archeion: czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym” 1937-1938, t. XV, s. 220-223.
- Tablice odmian herbowych Chrzęńskiego*, Poznań 1909.
- Talko-Hrynciewicz J., *Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy*, Kraków 1924.
- Tchórzewska-Kabata H., *Wprowadzenie*, „Rocznik Biblioteki Narodowej”, XXXVI, Warszawa 2004, s. 5-7.
- Topolska M. B., *Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku*, Wrocław 1984.
- Trimonié R., *Polonizacja*, [w:] *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego. Analizy i obrazy*, Kraków 2006, s. 544-560.
- Trypućko J., *Polonica vetera Upsaliensia. Catalogue des imprimés polonais ou concernant la Pologne des XVe, XVIe XVIIe siècles conservés à la Bibliothèque de l'Université Royale d'Upsala*, Uppsala 1958.
- Tyszkowski T., *Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie 1600 r.*, Lwów 1927.
- Urbańczyk S., *Rozwój ortografii polskiej*, „Język Polski” 1955, XXV, nr 2, s. 81-93.
- Uziębło L., *Zbiory po prof. Polińskim*, „Wędrowiec”, № 44, 1902, s. 873; № 45, 1902, s. 893-894.
- Vladimirovas L., *Knigos istorija. Senovė. Viduramžiai. Renesansas. XVI-XVIII amžius*, Vilnius 1979.
- Volumina legum*, t. II, Petersburg 1859; t. V Petersburg 1860; t. VIII, Petersburg 1860; *Voluminum legum*, t. X, Poznań 1952.
- Wielka encyklopedia powszechna*, t. XXI, Warszawa 1889.
- Wielka encyklopedia PWN*, t. 10, Warszawa 2002.
- Wilniane. Żywoty siedemnastowieczne*, opr. D. Frick, „Biblioteka Europae Orientalis” XXXII, f. 2, Warszawa 2008.
- Winczakiewicz A., *Badania papierów polskich z XVI i XVII wieku*, „Przegląd papierniczy” 1950, nr 3, s. 71-75.
- Wisner H., *Rzeczpospolita Wazów*, cz. 3: *Sławne Państwo Wielkie Księstwo Litewskie*, Warszawa 2008.
- Wisner H., *Zygmunt III Waza*, Wrocław 2006.
- Wiszniewski M., *Historia literatury polskiej*, t. VIII, Kraków 1851.
- Witkowski W., *Język utworów Joannicjusza Galatowskiego na tle języka piśmiennictwa ukraińskiego XVII w.*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego”, CCXI, Prace Językoznawcze, zesz. 25, Kraków 1969.

W ł o d e k P., *Wilno: przewodnik*, „Rewansz”, Pruszków 2005.

W o l f f J., *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895.

Z a k r z e w s k i A. B., *Lew Sapieha a kodyfikacja prawa litewskiego*, [w:] *Leŭ Caneza (1557-1633 гг.) і яго час*, Гродна 2007, s. 73-78.

Z a ł u s k i J. J., *Biblioteka historyków, prawników, polityków, i innych autorów polskich lub o Polsce piszących*, Kraków 1832.

Zbiór praw i przywilejów miastu stołecznemu W X. L. Wilnowi nadanych, wyd. P. Dubiński, Wilno 1788.

Ż y t k o w i c z L., *Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Wilnie (1907-1940)*, [w:] *Z dziejów Nauki Polskiej*, Warszawa-Poznań-Toruń 1975, s. 49-75.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
I. История разработки, утверждения и подготовки к печати Литовского Статута 1588 года	11
I.1. Выработка положений кодекса	11
I.2. Утверждение Литовского Статута 1588 года	22
I.2.1. Союзные договоры Великого княжества Литовского и Королевства Польского	22
I.2.2. Статут 1588 года против отдельных положений Люблинской унии	24
I.2.3. Обстоятельства утверждения кодекса	28
I.3. Деятельность виленской типографии Мамоничей	34
I.3.1. Местонахождение типографии братьев Мамоничей	41
I.3.2. Первый период деятельности типографии Мамоничей (1574-1577)	49
I.3.3. Второй период деятельности типографии Мамоничей (1582-1601)	51
I.3.4. Издательская деятельность Леона Мамонича (1601-1624)	57
I.3.5. Федоровские начала в печатной практике Мамоничей	62
II. История изучения „русских” изданий Статута 1588 года	75
III. Особенности кириллических изданий Литовского Статута	105
III.1. В поисках экземпляра Статута из собрания графа Суходольского	106
III.2. Типографские уловки Мамоничей в (пере)изданиях Литовского Статута	124
III.3. Метаморфозы гравюр в изданиях Литовского Статута	134
III.4. Данные флиграноведческого анализа в разработке историко-книговедческой проблематики Статута	154
III.5. Бумажные секреты Мамоничей	167
III.6. О причинах переизданий Статута	182
III.7. „Польские” листы в старопечатных экземплярах Литовского Статута 1588 года	191
IV. Литовский Статут 1588 года в европейских библиотеках и книгохранилищах	220
IV.1. Экземпляры 1-го издания	222
IV.2. Экземпляры 2-го издания	258
IV.3. Экземпляры 3-го издания	271
V. Литовский Статут 1588 года на пути от первопечатной редакции к электронной версии	315
V.1. Первое старопечатное издание	316
V.2. Второе старопечатное издание	319
V.3. Третье старопечатное издание	320

V.4. Статут в адаптированных „обличьях” XVII-XIX вв.	324
V.5. Издание МОИДР	329
V.6. „Критическое” издание И. И. Лаппо	331
V.7. Юбилейное энциклопедическое издание	334
V.8. Издание Одесской юридической академии	337
V.9. Электронная версия кодекса	339
V.10. Издание в энциклопедии „Вялікае княства Літоўскае”	343
V.11. Издание юридического факультета Белорусского государственного университета	343
Приложение I: К лингвистической характеристике расхождений между текстами первопечатных изданий Литовского Статута	346
Приложение II: О рукописном экземпляре Статута 1588 года из фондов Берлинской королевской библиотеки	356
Вместо заключения	371
Издания Литовского Статута 1588 года	375
Список использованной литературы	375